

Вологодский научный центр Российской академии наук

10-11 | ВОЛОГДА
декабря | 2020

IX ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ
И ПРОЕКТЫ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Министерство науки
и высшего образования
Российской Федерации

Российская Академия Наук

Правительство
Вологодской области

Администрация
города Вологды

Вологодский научный
центр Российской
академии наук

Вологда • 2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПРАВИТЕЛЬСТВО ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ВОЛОГДЫ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРОЕКТЫ**

*Материалы IX Всероссийской
научно-практической конференции с международным участием
(г. Вологда, 10–11 декабря 2020 г.)*

Вологда

2021

УДК 332.14
ББК 65.050.113
С83

Публикуется по решению
Ученого совета ВолНЦ РАН

С83 Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты : материалы IX Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием, г. Вологда, 10–11 декабря 2020 г. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. – 470 с.

ISBN 978-5-93299-500-6

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН д.э.н., профессор **В.А. Ильин**,
д.э.н., доцент **А.А. Шабунова**,
д.э.н., профессор **Т.В. Ускова**, к.э.н. **Л.В. Бабич**,
к.э.н. **Е.А. Мазиллов**, к.э.н. **О.Н. Калачикова**

В сборнике представлены материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты», проходившей в г. Вологде 10–11 декабря 2020 года и приуроченной к 30-летию Вологодского научного центра Российской академии наук. Ее организаторами выступили Министерство науки и высшего образования, Российская академия наук, Правительство Вологодской области, Администрация города Вологды, Вологодский научный центр РАН.

В рамках конференции были организованы пленарное заседание и работа трех секций. На пленарном заседании обсуждались проблемы устойчивого развития регионов и современные социальные проблемы страны. Участниками секционных заседаний рассмотрены актуальные вопросы современной экономики, социально-демографического и научно-технологического развития российских регионов.

Участие в конференции приняли ведущие российские ученые, представители вузовской и академической науки, экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся вопросами экономического и социального развития.

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.

УДК 332.14
ББК 65.050.113

ISBN 978-5-93299-500-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях антироссийских санкций и нарастания геополитической и геоэкономической нестабильности в мире актуальными задачами органов власти всех уровней является обеспечение высоких темпов экономического роста, уровня и качества жизни населения, сокращения технологического отставания России от развитых стран. Именно на их решение направлены принятые в 2019 году в соответствии с Указом Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» национальные проекты, предполагающие осуществление значительных инвестиций в модернизацию отраслей экономики, инфраструктуры и развитие человеческого капитала. Вместе с тем достижение национальных целей развития требует совершенствование форм, методов и инструментов управления, их эффективную интеграцию в систему государственного управления на региональном и муниципальном уровнях.

В год своего 30-летия Вологодский научный центр РАН провел IX всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты», целью которой стал научный поиск механизмов, обоснование стратегии и тактики реализации социально-экономических реформ на федеральном и региональном уровнях с учетом достижения национальных целей развития России на период до 2024 г.

Работа конференции проходила два дня. В первый день состоялись секционные заседания под руководством сотрудников ВолНЦ РАН.

Секция 1 «Драйверы экономического роста и устойчивое развитие территорий». Руководитель секции – зам. директора по научной работе, зав. отделом д.э.н., профессор Т.В. Ускова. Модераторы – зам. зав. отделом, в.н.с. к.э.н. Е.В. Лукин; зам. зав. отделом, в.н.с. к.э.н. С.А. Кожевников; зав. лабораторией, с.н.с. к.э.н. М.А. Печенская-Полищук. В рамках секции рассматривались проблемы обеспечения устойчивого развития регионов России в современных условиях, новые источники и инструменты обеспечения экономического роста территории. В числе важнейших – развитие потенциала ведущих отраслей экономики, проведение структурных реформ, эффективное использование пространственного фактора и т.п. Отдельное внимание было уделено финансовым аспектам реализации государственной экономической политики на федеральном и региональном уровнях. В докладе зав. кафедрой Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова д.э.н. Р.А. Абрамова были отражены механизмы стратегического управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации в условиях развития единого экономического пространства Союзного государства. Институт проблем региональной экономики РАН представляли гл.н.с. д.э.н., профессор Б.М. Гринчель и с.н.с. к.э.н. Е.А. Назарова. Их доклад был посвящен сохранению и повышению конкурентной привлекательности в качестве характеристики устойчивости территориального развития. Профессор Национального исследовательского университета Высшей школы экономики д.э.н. С.Н. Растворцева (ее соавтор – ассистент НИУ ВШЭ А.Д. Колпашникова) рассказала о новых тенденциях в исследовании региональных агломерационных процессов. С.н.с. Вологодского научного центра РАН к.э.н. Н.В. Ворошилов представил доклад «Оценка эффективности и направления совершенствования региональной политики по развитию муниципальных образований». Внутренние проблемы устойчивого развития АПК региона стали те-

мой выступления доцента Луганского государственного университета им. В. Даля д.э.н., профессора И.А. Денисенко в соавторстве с ассистентом А.А. Пономаревым.

Секция 2 «Социально-демографическое развитие регионов: вызовы и перспективы». Руководители и модераторы секции – зам. директора по научной работе, зав. отделом, к.э.н. О.Н. Калачикова; зам. зав. отделом, в.н.с. к.э.н. М.В. Морев. Участники обсудили вопросы развития человеческого капитала в контексте реализации национальных проектов «Демография», «Здравоохранение», «Образование» и «Культура». Рассматривались тренды, факторы и возможности регулирования демографических процессов, воспроизводства трудового потенциала, социокультурного развития. Главное внимание было уделено функционированию гражданского общества, его особенностям и факторам в российских условиях. О парадоксах контингентности национально-проектного стратегирования и жизнедеятельности местного сообщества в регионе рассказал директор Социологического института ФНИСЦ РАН д.филос.н., профессор В.В. Козловский. Подходы к экономико-статистическому изучению субъектов прародительского труда в России стали целью исследования зам. директора Института экономики и управления Уральского федерального университета д.э.н. А.П. Багировой и доцента УрФУ О.М. Шубат. Вопрос стратегии демографического развития и необходимости наличия между фундаментальной наукой и практикой нового связующего звена по разработке проектов-планов демографического развития региона стал темой выступления зав. кафедрой МГУ им. М.В. Ломоносова д.филос.н., профессора А.И. Антонова. Зав. кафедрой Государственного социально-гуманитарного университета, в.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН д.э.н., доцент Е.И. Медведева выступила с докладом «Современная семья: проблемы и варианты поведения в современных условиях». К проблеме сокращения бедности пенсионеров как стратегического национального приоритета долгосрочного социально-экономического развития страны обратился начальник департамента Пенсионного фонда Российской Федерации профессор Финансового университета, д.э.н. заслуженный экономист России А.К. Соловьев. О взаимосвязи социально-экономического благополучия и смертности населения от внешних факторов рассказала руководитель Центра Института экономики УрО РАН д.э.н., профессор О.А. Козлова (соавтор – ведущий экономист ИЭ УрО РАН О.О. Секички-Павленко). Профессор кафедры Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова д.с.н. Е.В. Каргаполова и доцент кафедры к.и.н. Ю.А. Давыдова подготовили доклад «Система здравоохранения в оценках жителей мегаполиса». Остро актуальный вопрос – негативное воздействие COVID-19 на психическое здоровье населения – стал темой выступления н.с. Вологодского научного центра РАН к.э.н. Ю.Е. Шматовой.

Секция 3 «Цифровая экономика и научно-технологическое развитие регионов». Руководитель секции – зам. директора по научной работе, зав. отделом, в.н.с. к.э.н. Е.А. Мазилев. Модераторы: зав. лабораторией, с.н.с. к.э.н. К.А. Устинова, н.с. Н.О. Якушев. Работа секции была посвящена поиску и обоснованию путей научно-технологического развития России, активизации инновационных процессов в регионах с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики и создания условий для повышения качества жизни населения через призму реализации нацпроектов «Наука» и «Цифровая экономика». Особое внимание было уделено проблемам цифровизации экономики, а также инфраструктурному, кадровому и

финансовому обеспечению данных процессов. Влияние цифровизации на интегрированность участников национальной инновационной системы стало темой доклада в.н.с. Центрального экономико-математического института РАН к.э.н., доцента Я.В. Данилиной, с.н.с. к.э.н. М.А. Рыбачука. Профессор Вологодской государственной молочнохозяйственной академии им. Н.В. Верещагина д.э.н. П.М. Советов, доцент Вологодского государственного университета к.э.н. Н.П. Советова представили доклад «Цифровизация и развитие потенциала сельских территорий: методологические аспекты оценки». Зам. директора по научной работе, зав. отделом, в.н.с. к.э.н. Е.А. Мазиллов выступил с докладом «Научно-технологическое развитие регионов России: тенденции, проблемы, задачи». Экосистему факторов экономического риска рассмотрели в.н.с. ЦЭМИ РАН к.э.н. А.А. Кобылко и н.с. Е.А. Завьялова. Выступление м.н.с. Института социологии НАН Беларуси С.Н. Ворониной было посвящено медиаобразовательным проектам в Республике Беларусь и других странах.

Во второй день мероприятия состоялась пленарная сессия. Модераторами являлись зам. зав. отделом ВолНЦ РАН, в.н.с. к.э.н. М.В. Морев и зав. лабораторией, ст.н.с. к.э.н. М.А. Груздева. Открывая заседание, директор Вологодского научного центра РАН д.э.н. А.А. Шабунова поприветствовала всех участников, в том числе и подключившихся к нему онлайн. Александра Анатольевна рассказала о юбилейных мероприятиях ВолНЦ, о вкладе его ученых в развитие науки региона и страны, представила вышедший в свет первый региональный демографический доклад «Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Вологодской области». Главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, руководитель научного направления член-корреспондент РАН, д.геогр.н., профессор В.Н. Лаженцев выступил с докладом «Природно-ресурсный регион в системе национальной экономики (пример Республики Коми)». Доклад «Готова ли Россия к введению безусловного базового дохода: экспертные оценки 2020 г.» представил зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова д.э.н., профессор В.Н. Бобков. Ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН д.э.н., профессор И.А. Кулькова познакомила коллег с результатами исследования территориальных отличий мнений женщин о предельном возрасте рождения детей. Все участники конференции тепло поздравили Вологодский научный центр с 30-летием.

Хочется отметить высокий уровень представленных на конференции докладов, активность участников и широту рассматриваемых вопросов.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ГОТОВА ЛИ РОССИЯ К ВВЕДЕНИЮ БЕЗУСЛОВНОГО БАЗОВОГО ДОХОДА: ЭКСПЕРТНЫЕ ОЦЕНКИ 2020 ГОДА

Аннотация. *Обобщаются отдельные результаты опроса, проведенного по проблематике безусловного базового дохода среди российских экспертов. Представлены экспертные оценки относительно целесообразности введения ББД в России, целей введения, форм и способов реализации, источников финансирования.*

Ключевые слова: безусловный базовый доход, переходные формы, критерии, цели введения, формы и способы реализации, источники финансирования.

По мнению Всемирной сети основных доходов (The Basic Income Earth Network, BIEN), безусловный базовый доход (ББД) представляет собой периодическую денежную выплату, безусловно предоставляемую всем на индивидуальной основе, без проверки нуждаемости или требований к занятости, а его основными критериями являются – регулярность, денежная форма, индивидуальность, универсальность и безусловность [4]. Однако ББД в полном соответствии со всем комплексом критериев пока не был реализован. Современная практика отличается т.н. переходными формами внедрения ББД, с частичным задействованием определяющих его критериев [1]. Введение ББД в режиме экспериментов осуществлялось в ряде стран [2]. Выявление отношения населения к ББД проводилось в рамках специальных международных обследований (например, [3]). Возможность и целесообразность введения ББД или его переходных форм активно обсуждается и в России.

В целях уточнения основных теоретико-методологических аспектов концепции ББД применительно к условиям России и обоснования целесообразности его введения был проведен опрос экспертов. В число экспертов вошли представители научно-исследовательского сообщества, ведущих вузов, бизнес-сообщества и профсоюзов, а также органов власти и управления из разных регионов России (всего 52 чел.). Опрос проводился научным коллективом РЭУ им. Г.В. Плеханова, ИСЭПН ФНИСЦ РАН и ННГУ им. Н.И. Лобачевского в августе – октябре 2020 года. В данной публикации обобщаются некоторые из полученных результатов опроса экспертов.

Мнения экспертов относительно готовности нашей страны к введению ББД разделились. Почти половина экспертов (49%) считает, что на данном этапе для России целесообразнее введение переходных форм ББД. Чуть меньшая группа экспертов (45,1%) уверены, что Россия в принципе не готова к введению ББД – ни к полному, ни к частичному (переходные формы). Только некоторые из опрошенных экспертов (менее 10%) считают, что Россия готова к введению ББД в полном соответствии со всем комплексом присущих ему критериев.

Были получены экспертные оценки относительно первоочередных целей введения ББД в России, форм и способов его реализации, источников финансирования (позицию по данным вопросам было предложено отразить экспертам, которые выступили за готовность России к введению ББД – в полной форме (в соответствии со всеми критериями) или переходных формах.

Введение ББД, по мнению экспертов, в нашей стране целесообразно в первую очередь для смягчения (преодоления) проблем бедности и социально-экономического неравенства, обеспечения минимального уровня жизни уязвимых категорий населения, обеспечения социальной справедливости (права на жизнь, равных возможностей). Относительно данных целей введения ББД среди экспертов выявлены достаточно согласованные позиции: на них указали от более 50% до более 90% экспертов, ответивших на данный вопрос (у экспертов была возможность выбрать несколько вариантов ответа).

Формами реализации ББД в России, по мнению экспертов, могут быть прежде всего гарантируемый минимальный доход и поддержка наиболее уязвимых групп населения (более 70 и 50% ответивших экспертов; у экспертов была возможность выбрать несколько вариантов ответа).

При этом мнения экспертов разделились по вопросу о целесообразном способе реализации ББД в России: а) ББД может выступить в качестве инструмента, дополняющего существующие меры поддержки (указали чуть более половины ответивших экспертов, при возможности выбрать несколько вариантов ответа); б) ББД также может заменить существующие меры (механизмы) социальной поддержки (чуть менее половины ответивших экспертов); в) ББД может быть государственной гарантированной выплатой каждому гражданину страны от рождения до смерти (чуть менее трети ответивших экспертов).

Не выявлено общей позиции экспертов относительно источников финансирования ББД в России. По мнению экспертов, ими могут быть: 1) реорганизация системы социальной поддержки и экономия от сокращения аппарата, администрирующего адресную социальную поддержку (более 50% ответивших экспертов при возможности выбрать несколько вариантов ответа); 2) налоги (более 40%); 3) рента (более 40%); 4) специально созданные фонды (чуть менее 40%).

Литература

1. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 3 (213). С. 8–24. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10069
2. Exploring Universal Basic Income. A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices / U. Gentilini, M. Grosh, J. Rigolini, R. Yemtsov (eds.); The World Bank, 2020. 312 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1458-7
3. European Social Survey. Available at: <https://www.europeansocialsurvey.org> (accessed 14.11.2020).
4. About Basic Income. BIEN. Available at: <https://basicincome.org/about-basic-income> (accessed 13.11.2020).

Информация об авторах

Бобков Вячеслав Николаевич (Россия, г. Москва) – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: bobkovvn@mail.ru); главный научный сотрудник, научная

школа «Теория и технологии менеджмента», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: bobkovvn@mail.ru).

Одинцова Елена Валерьевна (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: odin_ev@mail.ru).

Bobkov V.N., Odintsova E.V.

IS RUSSIA READY TO INTRODUCE AN UNCONDITIONAL BASIC INCOME: EXPERT ESTIMATES FOR 2020

Abstract. *Some results of a survey conducted among Russian experts on the issue of unconditional basic income (UBI) are summarized. Expert assessments are presented regarding the expediency of UBI introduction in Russia, the purpose of its introduction, forms and methods of implementation, and sources of funding.*

Key words: *unconditional basic income, transitional forms, criteria, introduction goals, forms and methods of implementation, sources of financing.*

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru); Chief Research Worker, Scientific School «Theory and Technology of Management», Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru).

Elena V. Odintsova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: odin_ev@mail.ru).

References

1. Bobkov V.N., Dolgushkin N.K., Odintsova Y.V. Universal basic income: reflections on the possible impact on improving the living standards and quality of life and the sustainability of society. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10069> (In Russian).
2. Exploring Universal Basic Income. A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices / U. Gentilini, M. Grosh, J. Rigolini, R. Yemtsov (eds.); The World Bank, 2020. 312 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1458-7
3. European Social Survey. Available at: <https://www.europeansocialsurvey.org> (accessed 14.11.2020).
4. About Basic Income. BIEN. Available at: <https://basicincome.org/about-basic-income> (accessed 13.11.2020).

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОТЛИЧИЯ МНЕНИЙ ЖЕНЩИН О ПРЕДЕЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу результатов социологического исследования автора о репродуктивных намерениях женщин относительно числа желаемых детей и предельного возраста рождения детей, проведенного летом 2020 года. Также проведен анализ отношения к наступлению поздней беременности.*

Ключевые слова: *рождаемость, опрос о репродуктивных планах, желаемое число детей, предельный возраст рождения, повышение пенсионного возраста.*

В современной науке безусловный интерес представляют не только исследования, которые объясняют причины произошедших демографических изменений, но и те демографические исследовательские проекты, которые позволяют прогнозировать процессы рождаемости. Начиная с первых опросов Н. Райдера и Ч. Уэстофа [1] в 60-х годах прошлого века к вопросам оценки ожидаемого числа детей авторы обращаются регулярно (см., например, [2]). Понимание репродуктивных намерений, побудительных сил и сдерживающих факторов рождения необходимо для проведения взвешенной демографической политики, направленной на повышение рождаемости [3].

Так, имеются серьезные исследования сдерживающих факторов рождаемости, среди которых выявляют не только объективные факторы (отсутствие супруга(ги) или состояние здоровья опрошенных и их супругов), факторы внешней среды (отсутствие материальных возможностей, жилищные трудности, необходимость выплачивать кредиты, трудности с устройством ребенка в дошкольную образовательную организацию, необходимость закончить образование и др.), но и субъективные факторы (желание пожить для себя, неуверенность в прочности брака/партнерства, трудности совмещать работу и уход за ребенком и др.) [4, с. 95]. Для авторского исследования интерес представляет такой стоп-фактор рождаемости как «нет надежды на то, что родственники смогут оказывать регулярную помощь в уходе за ребенком (или родственников нет)», данный фактор указали 29,0% опрошенных женщин и 23,9% опрошенных мужчин [4, с. 95]. В нашем пилотном исследовании такой фактор указали как причину отказа родить (еще одного) ребенка 23% опрошенных женщин фертильного возраста [5, с. 5].

Авторское исследование было проведено летом 2020 года во всех федеральных округах страны, всего было опрошено более 831 человека. Выборка была построена по квотному принципу, квоты определялись по месту проживания (административный центр, малый город, село), возрастной группе и уровню дохода. Ошибка выборки не превышает 3,2% при доверительном интервале 95%.

В исследовании задавались вопросы о двух видах репродуктивных намерений: об общем числе желаемых детей и о намерении родить (еще одного) ребенка в течение определенного времени [6]. Опрос показал, что только 3,5% опрошенных не хотят детей совсем (ответ «нисколько»; в сельской местности – 2%), 21,8% хотели бы иметь лишь 1 ребенка (этот процент чуть ниже в сельской местности – 19%), хотели бы иметь двоих детей 51,7% (в сельской местности – 55%), троих – 16,5% (различий по месту проживания не выявлено), четырех – 4,2%, более четырех детей – 1,7%.

Процесс рождаемости имеет очень тесную связь с возрастом матери. Сегодня, несмотря на данные официальной статистики о том, что в 2019 году шесть женщин

России в возрасте старше 60 лет стали впервые мамами, в старших репродуктивных группах коэффициент рождаемости характеризуется низкими значениями [7, с. 4]. Причин такого явления несколько: и медицинские проблемы репродуктивности в старших возрастах, и сложности сохранить к этому возрасту семью в связи с высоким уровнем разводов, и убеждения в том, что уже слишком поздно рожать детей. В табл. 1 представлен анализ распределения мнений женщин о предельном возрасте, когда они хотели бы родить ребенка.

Таблица 1. Распределение ответов женщин о предельном возрасте, в котором они хотели бы родить ребенка, %

Вариант ответа	Общее распределение ответов	Тип населенного пункта			Возраст, лет		Уровень дохода	
		административный центр	малый город	село	15–26	27–49	ниже среднего	средний и выше
20–25 лет	5,6	6	5	5	15	2	8	5
26–30 лет	22,1	19	22	26	45	14	23	22
31–35 лет	25,6	27	25	24	22	27	21	27
36–40 лет	30,0	30	30	29	9	37	30	30
41–45 лет	10,7	12	9	11	4	13	11	11
46–50 либо еще старше	1,7	3	1	1	0	2	2	2
Затруднились ответить	4,2	3	6	3	4	5	4	5

Как можно увидеть из таблицы, понимание предельного возраста рождения детей тесно связано с возрастом самих респондентов, при этом можно увидеть и территориальные колебания предельного возраста. Так, самые высокие возрастные границы матери для рождения ребенка устанавливают жительницы крупных городов (административных центров). Возраст 41–45 лет был назван 12% опрошенных, в то время как в малых городах – только 9%, а возраст 46–50 и старше отметили 3% жительниц крупных городов, в то время как в сельской местности и в малых городах – только по 1%. В то же время возраст 26–30 лет назвали предельным 26% сельских респонденток, а в малых городах – 22%, в крупных же административных центрах – лишь 19%.

С данным вопросом связан другой: о намерениях относительно действий в случае, если беременность наступит после 45 лет. Данный вопрос задавался только женщинам в возрасте от 27 до 49 лет, поскольку для более молодых респондентов горизонт планирования является слишком далеким. Ответы на данный вопрос распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов женщин о предполагаемом варианте действий, если беременность наступит после 45 лет, %

Выбранный прогнозируемый вариант поведения респондента	Общее распределение ответов	Тип населенного пункта			Уровень дохода	
		административный центр	малый город	село	ниже среднего	средний и выше
Родит ребенка в любом случае	16,1	17	14	18	20	15
Примет решение в зависимости от состояния здоровья	29,5	35	27	27	24	31
Примет решение в зависимости от своего материального и социального положения	6,8	6	8	7	8	6

Выбранный прогнозируемый вариант поведения респондента	Общее распределение ответов	Тип населенного пункта			Уровень дохода	
		административный центр	малый город	село	ниже среднего	средний и выше
Если уже будут дети к тому времени, то рожать не будет	2,7	4	1	3	4	2
Поздно – не будет рожать	36,7	32	40	38	35	37
Беременность не наступит	1,0	1	1	1	1	1
Затруднились ответить	7,1	5	9	6	8	7

Анализ показал, что отказ от рождения в возрасте старше 45 лет свойственен больше для жительниц малых городов (40%) и сельской местности (38%), в то время как в крупных городах откажутся от рождения 32% женщин. Чуть меньше дифференцируются ответы о принятии решения в зависимости от материального и социального положения: в малых городах – 8%, в сельской местности – 7%, в крупных городах – 6%, зато в крупных городах решение в большей степени будет зависеть от состояния здоровья родителей (35%), в то время как в малых городах и сельской местности – 27%. Ответ об оставлении ребенка в любом случае распределился следующим образом: в сельской местности – 18%, крупные города – 17%, малые города – лишь 14%.

Таким образом, проведенный опрос показал, что в крупных городах женщинам больше свойственно откладывать рождаемость, что может объясняться более высоким уровнем медицинской помощи по родовспоможению, развитой инфраструктурой, предоставляющей доступ к товарам и услугам для детей и мам, более высоким уровнем заработных плат, особенно в крупных городах, а также повышением пенсионного возраста. Однако откладывание родов в совокупности с увеличением интервала между рождением первого и второго ребенка, который за период с 1994 по 2017 год вырос с 22 месяцев до более 5,5 лет [4], может привести к неблагоприятным демографическим последствиям значительного сокращения рождаемости.

Литература

1. Райдер Н., Уэстоф Ч. Тенденции изменения ожидаемого числа детей в США: 1955, 1960, 1965 гг. // Изучение мнений о величине семьи / под ред. А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского. Сер.: Новое в зарубежной демографии». М.: Статистика, 1971. С. 67–92.
2. Байков Н.М. «Дети перестройки»: социологические оценки // Россия и АТР. 2015. № 4 (90). С. 82–97.
3. Короленко А.В. Управление репродуктивным поведением населения: опыт региональной демографической политики // Human Progress. 2019. Т. 5. № 6. С. 5.
4. Землянова Е.В., Чумарина В.Ж. Откладывание деторождения женщинами в современных социально-экономических условиях // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 6 (64). С. 9.
5. Кулькова И.А., Шарин В.И. Изучение мнения женщин о влиянии повышения пенсионного возраста в России на их репродуктивное поведение // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 4. С. 38.
6. Гудкова Т.Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 83–103.

7. Шубат О.М., Караева А.П., Багирова А.П. Воспроизводство населения уральского федерального округа: демографические риски и перспективы динамики // Human Progress 2016. Т. 2. № 3. С. 25.

Информация об авторе

Кулькова Инна Анатольевна (Россия, г. Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и предпринимательства, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной воли, д. 62/45; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

Kulkova I.A.

TERRITORIAL DIFFERENCES OF WOMEN'S OPINION ABOUT THE AGE LIMIT FOR GIVING BIRTH

Abstract. *The article is devoted to the analysis results of the author's sociological research about the women' reproductive intentions regarding the number of desired children and the age limit for the childbirth, conducted in the summer of 2020. The women' attitude towards the late pregnancy was also analyzed.*

Key words: *fertility, survey on reproductive plans, desired number of children, age limit for childbirth, retirement age increase.*

Information about the Author

Inna A. Kulkova – Doctor of Economics, Professor of the Management and Entrepreneurship Department in the Ural State University of Economics (62, 8 Marta St., Yekaterinburg, 620144, Russia; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

References

1. Ryder N., Westof C. Trends in the expected number of children in the United States: 1955, 1960, 1965. In: Studying opinions about the size of the family. M., Statistics, 1971. Pp. 67–92.
2. Baykov N.M. "Children of Perestroika": Sociological Assessments // Russia and the Asia-Pacific Region. 2015. No. 4 (90). P. 82–97.
3. Korolenko A.V. Reproductive Behavior Management: Experience of Regional Demographic Policy // Human Progress, 2019, vol. 5, iss. 6, p. 5.
4. Zemlyanova E.V., Chumarina V.Zh. Postponing childbearing by women in modern socio-economic conditions // Social aspects of population health. 2018. No. 6 (64). P. 9.
5. Kulkova I.A., Sharin V.I. Studying the opinion of women on the impact of raising the retirement age in Russia on their reproductive behavior // Bulletin of Eurasian Science. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 38.
6. Gudkova T.B. Reproductive intentions of Russians: motivation and constraints // Demographic Review. 2019. Vol. 6. No. 4. P. 83–103.
7. Shubat O.M., Karaeva A.P., Bagirova A.P. Reproduction of the population of the Ural Federal District: demographic risks and dynamics prospects // Human Progress 2016. Vol. 2. No. 3. P. 25.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОЙ ЭКОНОМИКИ И РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. Северная проблематика в настоящее время формируется под сильным влиянием «большой арктической политики» с упором на защиту геополитических интересов России и ее национальной безопасности. Вместе с тем не теряют своего значения вопросы внутреннего характера: как должна быть устроена жизнь и какими могли бы быть формы и механизмы хозяйственной деятельности в условиях экстремального и сложного климата? Одним из актуальных является вопрос о будущем уже сформированных и десятилетиями функционирующих топливно-энергетических, минерально-сырьевых, лесохозяйственных и промышленных комплексов общероссийского значения. Их развитие становится все более проблематичным как в системе национальной экономики, так и с точки зрения неопределенности перспектив конкретных городов и районов.

Ключевые слова: Север, оценка ситуации, региональная политика, диверсификация производственной структуры, новые формы организации хозяйства, межрегиональная кооперация.

Оценка текущей социально-экономической ситуации

Кратко ее результаты можно сформулировать следующим образом:

- динамика народонаселения большинства северных регионов характеризуется существенным сокращением общей численности постоянно проживающих и ростом числа вахтовиков (что оценивается не однозначно), а также дефицитом квалифицированных трудовых ресурсов (что является одной из основных причин социально-экономического неблагополучия Севера России);
- потенциал и экстенсивного, и интенсивного природопользования на старых технологиях практически исчерпан, а дальнейшее развитие по пути наращивания только количественных, объемных показателей связано с риском полного истощения топливно-энергетических и сырьевых баз северных регионов и разрушения их экосистем;
- инфраструктура развита слабо, что проявляется в почти полном отсутствии технически приспособленных транспортных средств для труднодоступных территорий, низкой надежности энергообеспечения, неразвитости сетевых систем связи, здравоохранения, образования, оказания социальных и государственных услуг населению;
- наличие объективных и субъективных трудно устранимых причин, сдерживающих развитие северных регионов. К ним относятся: чрезмерный пространственный разрыв между центрами производства сырьевых ресурсов и материализацией доходов от них; недооценка логики «затухающей» добычи полезных ископаемых и сохранения биоресурсного потенциала тундры и тайги; низкий уровень межрегиональной интеграции [1].

Различия в позициях относительно стратегии развития

Региональной политикой Российской Федерации недооценивается. В стратегических документах федерального уровня речь идет главным образом о покорении

арктических просторов и ускоренном освоении месторождений углеводородов, первостепенном значении Северного морского пути и создании баз оборонного комплекса. И наоборот, правительства субъектов РФ и муниципалитеты первоочередной задачей считают повышение качества жизни населения и модернизацию уже созданной материально-технической базы производства и социальной сферы. Проблематика «освоения вширь» в системе регионального управления уходит на второй план; первостепенным становится «освоение вглубь».

Положительное влияние на развитие северных регионов могла бы оказать нормативно закреплённая совместная деятельность федеральной, региональной и муниципальной власти в части научно-технического развития, природно-ресурсной экономики и интеграции экономического пространства России. Северные территориально-хозяйственные системы (включая арктические) должны стать органической частью внутренних мезо- и макроэкономических районов РФ, в границах которых необходимо решать наиболее важные проблемы создания плацдармов продвижения к ресурсам шельфа северных морей, формирования в зоне Ближнего Севера «пояса» обрабатывающей промышленности и социальных услуг межрегионального значения.

Важнейшие задачи стратегического планирования

Выделим три из них:

- установление сопряжения между технологическими, экономическими, экологическими и социальными параметрами развития территориально-хозяйственных систем;
- формирование НИОКР в качестве ведущего звена в структуре хозяйства северных регионов, основательная научная и научно-техническая подготовка новой индустриализации Севера и создание производственных, социальных и природоохранных технологий, приспособленных к экстремальным и сложным климатическим условиям;
- определение идеального образа арктических поселений, разработка стандартов северного уклада жизни на предстоящем этапе постиндустриального развития.

Необходимость активизации научных исследований

Существенные для Севера (Арктики) результаты НИР получены уже давно, в годы советской власти, но и то, что было исследовано до реформ и после их, практикой пока не востребовано и в этом заключена важнейшая угроза национальной безопасности России [2; 3]. Научная и научно-техническая подготовка крупных производственных и социальных программ и проектов является особым (пионерным) этапом освоения Арктики [4].

Дальнейшее формирование тематики исследований «под Север и Арктику» желательно проводить как в рамках отдельных наук, исходя из их собственной логики их развития, так и в рамках междисциплинарных исследовательских проектов, но в том и другом случае – с обязательным включением методик оценивания влияния природно-климатических условий на изучаемые объекты и процессы. При этом следовало бы так учитывать и оценивать конкретные арктические и северные условия – климатический дискомфорт (он возрастает), недостаток ультрафиолета, активное таяние многолетнемерзлых грунтов, заболачивание, существенные изменения в характеристиках ледовой обстановки, рост геомагнитной активности, снижение потенциалов восстановления биоценозов тундры и тайги, – чтобы именно они повли-

яли на постановку совершенно новых (поисковых) тем, обогащающих содержание той или иной отрасли знаний [5].

Относительно новой задачей и фундаментальных, и прикладных исследований становится генерация научных достижений с целью перевода их в технологическую сферу. Это относится к разработке методик оценки минерально-сырьевого и биоресурсного потенциалов, к научному обоснованию применения гео- и биотехнологий, к производству прогрессивных материалов (в том числе с использованием достижений в области наноминералогии), химических и лекарственных препаратов, биоактивных веществ и к ряду других новейших технологий.

Пример Республики Коми

Экономика республики требует реорганизации на основе альтернативных направлений своего развития [6]. Рассматриваются возможности размещения здесь углехимического комбината, согласованного освоения месторождений полезных ископаемых разной размерности и комплексной переработки сырья, получения новых композиционных материалов и широкого ассортимента продукции лесохимии, создания биоэнергетики, оказания экологических услуг. Не исключена частичная перестройка систем расселения населения с организацией сетевых систем социальной сферы, вахтового, районного и экспедиционного методов освоения месторождений полезных ископаемых и удаленных лесных массивов.

Республика Коми пока имеет низкий инновационный потенциал. Для его повышения следует основательно поработать в направлении создания высокотехнологичных рабочих мест, подготовки грамотных и инициативных инженеров, укрепления связи между наукой, образованием и производством. Это общая линия и социально-экономической, и научно-технической политики. Для ее реализации следует устранить технологические разрывы в системе НИОКР, что предполагает возрождение проектно-конструкторских организаций. В составе Коми НЦ УрО РАН целесообразно сформировать своеобразное «ядро» прикладных разработок на базе экспериментального лабораторного корпуса с технологическими линиями полупромышленного характера. Предполагаемая специализация таких линий: биохимия, фармакология, физико-химия полимерных и композиционных материалов, геотехнологии.

Литература

1. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
2. Пилясов А.Н. Арктика России: состояние и перспективы // Российский Север: модернизация и развитие. М.: Центр стратегического партнерства, 2012. С. 18–25.
3. Научно-технические проблемы освоения Арктики / Российская академия наук. М.: Наука, 2014. 117 с.
4. Лаверов Н.П. Осваивать Арктику сложнее, чем космос // Редкие земли. 2014. № 3. С. 40–48.
5. Лаженцев В.Н. Академическая наука и новая индустриализация (на примере Республики Коми) // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 4. С. 989–1000.
6. Дмитриева Т.Е. Потенциал стратегической альтернативы развития Республики Коми // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2020: сб. ст. VII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), 9–11 сентября 2020 г.; в 2 ч. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2020. Ч. 1. С. 30–40.

Информация об авторе

Лаженцев Виталий Николаевич (Россия, г. Сыктывкар) – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru; vnl1940@gmail.com).

Lazhentsev V.N.

TRANSFORMATION OF THE NATURAL RESOURCE ECONOMY OF THE NORTHERN REGIONS OF RUSSIA

Abstract. *Northern issues are currently being shaped under the strong influence of the “big Arctic policy” with an emphasis on protecting Russia’s geopolitical interests and its national security. At the same time, questions of an internal nature do not lose their significance: how should life be arranged and what could be the forms and mechanisms of economic activity in an extreme and difficult climate ?? One of the topical issues is the question of the future of the fuel and energy, mineral, raw material, forestry and industrial complexes of all-Russian importance that have already been formed and have been functioning for decades. Their development is becoming more and more problematic both in the system of the national economy and from the point of view of the uncertainty of the prospects of specific cities and regions.*

Key words: *north, scientific assessment of the situation, regional policy, diversification of the production structure, new forms of economic organization, interregional cooperation.*

Information about the Author

Vitaly N. Lazhentsev (Russia, Syktyvkar) – Doctor of Geographical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (167982, Syktyvkar, GSP-2, Kommunisticheskaya, 26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru; vnl1940@gmail.com).

References

1. Resource regions of Russia in the “new reality” / Ed. acad. V.V. Kuleshova. Novosibirsk: Publishing house of IEOPP SB RAS, 2017. 308 p.
2. Pilyasov A.N. Arctic of Russia: state and prospects // Russian North: modernization and development. M.: Center for Strategic Partnership, 2012. Pp. 18–25.
3. Scientific and technical problems of the development of the Arctic / Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka, 2014. 117 p.
4. Laverov N.P. It is harder to master the Arctic than space // Rare earths. 2014. No. 3. Pp. 40–48.
5. Lazhentsev V.N. Academic science and new industrialization (on the example of the Komi Republic) // Economy of the region. 2016. T. 12. No. 4. Pp. 989–1000.
6. Dmitrieva T.E. Potential of a strategic alternative for the development of the Komi Republic // Actual problems, directions and mechanisms of development of the productive forces of the North – 2020. Collection of articles of the Seventh All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation), September 9–11, 2020, Syktyvkar: at 2 pm. Syktyvkar: LLC «Komi Republican Printing House», 2020. Part 1. P. 30–40.

СЕКЦИЯ 1

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ**

МЕХАНИЗМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА¹

Аннотация. В работе отражены ключевые составляющие элементы, а также рассмотрены основные вопросы совершенствования стимулирования социально-экономического развития регионов Российской Федерации в условиях развития единого экономического пространства Союзного государства на основе финансовой децентрализации. На основе этой составляющей собран и структурирован сбор информации, анализ и представление выводов.

Ключевые слова: управление, стратегия, регион, Союзное государство, формирование, экономическое пространство.

Адаптация теоретических основ стимулирования социально-экономического развития на основе финансовой децентрализации для приграничных регионов Союзного государства позволила определить соответствующие основные инструменты реализации этого процесса [2].

1. Инструментарий обеспечения подотчетности и финансовой подконтрольности (методики и практики, способные помочь в установлении бюджетных отношений и обеспечить бюджетную подотчетность и подконтрольность).

2. Инструменты обеспечения гибкости и справедливости (методики, практики и подходы, которые увеличивают гибкость, ускоряя перенаправление финансовых потоков на приоритетные сферы деятельности).

3. Инструментарий определения финансовых результатов деятельности и отчетности с фокусированием на показателях эффективности.

4. Обеспечение правомерности и обусловленности (определение и реализация мер, направленных на обеспечение требуемой квалификации, эффективности и управления финансами в свете противодействия рискам финансовой децентрализации и учета различий в источниках финансирования).

5. Раскрытие указанных пунктов заключается в следующем.

Обеспечение подотчетности и финансовой подконтрольности. Для достижения целей финансовой децентрализации и обеспечения регионального развития этот аспект должен состоять из следующих элементов: четкое определение ролей и ответственности; четкое определение результатов; сбалансированность ожиданий и возможностей; отчетность должна содержать достоверную и вовремя предоставленную информацию; достоверная оценка и коррекция действий.

Подотчетность в отношениях «Местная власть – государственная власть – община» (определенная последовательность для Смоленской и Могилевской областей) обеспечивают 4 модели, которые целесообразно разместить в порядке усложнения подотчетности: от односторонней до многосторонней. Процесс обеспечения подотчетности и финансовой подконтрольности схематично изображен на рис. 1.

В размещении со стороны односторонней подотчетности модели «принципал – агент» подотчетность определяется, прежде всего, в договорах между сторонами, касающихся финансирования дотаций и обеспечения определенного уровня на-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

логовых поступлений региона. Такие отношения являются иерархическими и контрактными и содержат меньше свободы для агента, тогда как деятельность и ожидаемые результаты являются четко определенными и обязательными к исполнению.

Вторая модель, следующая после модели «принципал – агент» по параметру степени многосторонности подотчетности, является моделью подотчетности репрезентативной – репрезентативная модель. Ее применяют к общественному сектору. Во взаимоотношениях в рамках этой модели заняты институты, ответственные за избранных представителей общины. Соответственно эти институты обеспечивают законодательный, надзорный и юридический контроль [3].

Как модель «принципал – агент», так и репрезентативная модель бюджетного регулирования усиливают подотчетность и возможность исполнения в принудительном порядке. Последнее означает процесс и основы наказания за неисполнение или нецелесообразное исполнение. Подотчетность требует от исполнительных институтов обоснования их решений и действий. Соответственно, информация относительно ожидаемых результатов собирается и анализируется на основе заранее определенных критериев.

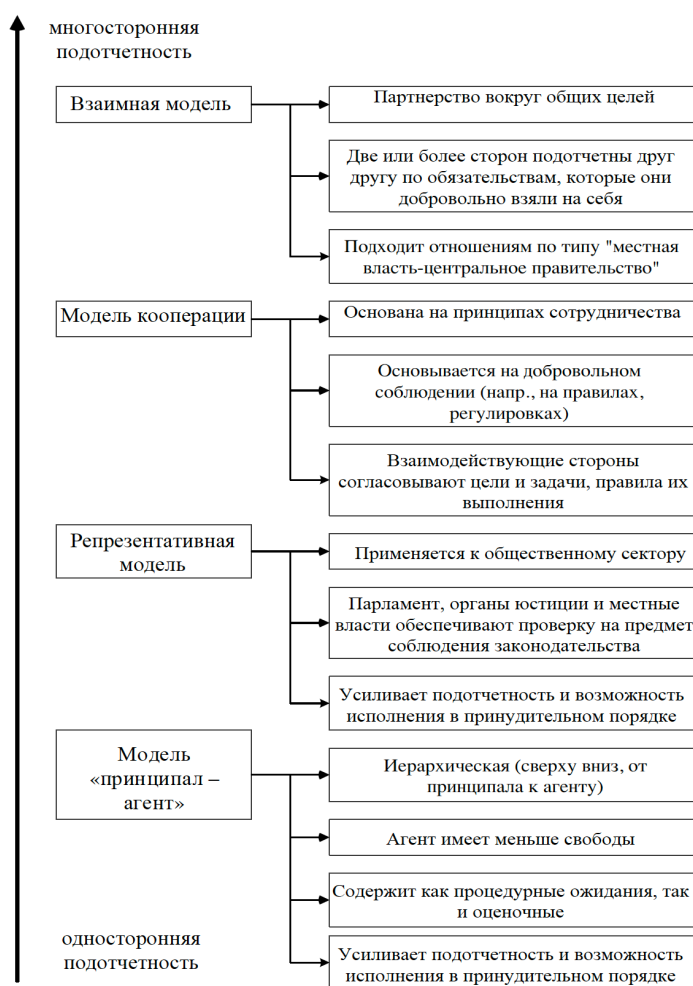

Рис. 1. Процесс обеспечения подотчетности и финансовой подконтрольности стимулирования регионального развития в условиях финансовой децентрализации
Источник: составлено автором.

Кооперативная модель. В отличие от двух предыдущих моделей, предусматривающих санкции за невыполнение договоров, третья модель предполагает кооперативные принципы, основанные на добровольном соблюдении соглашений, которое вытекает из социальных норм, в частности норм, определяющих стандарты поведения.

На противоположной относительно модели «принципал – агент» стороне многосторонней подотчетности размещена модель взаимной подотчетности, или взаимная модель. Она характеризует процесс, когда две или более стороны поддерживают взятые на себя добровольно взаимные обязательства [1].

Обеспечение гибкости и справедливости. Применение соответствующего инструментария стимулирования должно основываться на следующих принципах:

- прозрачность (прозрачность относительно получения средств бюджетами городов региона и прозрачность выполнения местного бюджета). Также это касается обеспечения налоговых поступлений как в разрезе городов региона, так и отдельного города;

- административная эффективность;
- стимулы повышения эффективности. Для достижения цели по повышению эффективности финансовой децентрализации механизмы бюджетного регулирования должны стимулировать как предоставление дотаций, так и сбор налогов, отыскивать возможности для объединения тех или иных процессов с целью экономии ресурсов, внедрять кооперативные соглашения для обеспечения предоставления общественных услуг в пределах собственного региона или их заказа в соседних регионах;

- предсказуемость бюджетной политики. Все, что касается механизмов и инструментов стимулирования социально-экономического развития регионов, должно быть стабильным, прозрачным и предсказуемым. Это задача ложится на плечи институтов, учреждений и общественных договоров, обеспечивающих бюджетную политику. В частности, это касается дотаций и трансфертов из центра [5]. Формулы распределения дотаций должны быть достаточно просты, а «ручное», административное вмешательство в них – минимизировано. Это будет способствовать уменьшению необходимости в переговорах относительно внесения изменений в соответствующее законодательство или инструкции.

Инструментарий определения финансовых результатов деятельности и отчетности.

1. Алгоритм определения ожидаемой эффективности. Здесь речь идет о потребностях местной и государственной власти, а также местной общины в обеспечении отношений подотчетности для взаимного понимания и согласования ожиданий.

2. Алгоритм определения требований к отчетности. Требования к отчетности нельзя рассматривать в отрыве от субъектов, которые готовят отчетность, субъектов, которым отчетность предоставляется, а также от понимания, что является предметом отчетности.

3. Инструменты оценки и корректировки отчетности. Включают: использование оценок, сделанных независимой стороной, как дополнение оценок соответствующих департаментов органов власти региона и властей городов. План должен быть основой для определения потребности в дотациях и способности платить налоги, способствовать обеспечению гибкости бюджетного регулирования, использованию альтернативных систем отчетности и оценки, а также инструментов коррекции, включая круглые столы, посвященные оценке результатов и оценке эффективности

бюджетного процесса с участием представителей общественности, местной власти и соответствующих департаментов органов центральной власти; использованию онлайн-отчетности с целью сокращения сроков ее представления и уменьшения затрат ресурсов на этот процесс [4].

На рис. 2 изображена линия тренда бюджетного финансирования для различных моделей, направляющаяся из правого нижнего в левый верхний угол (с 4-го квадранта до 2-го), пересекая оси X и Y.

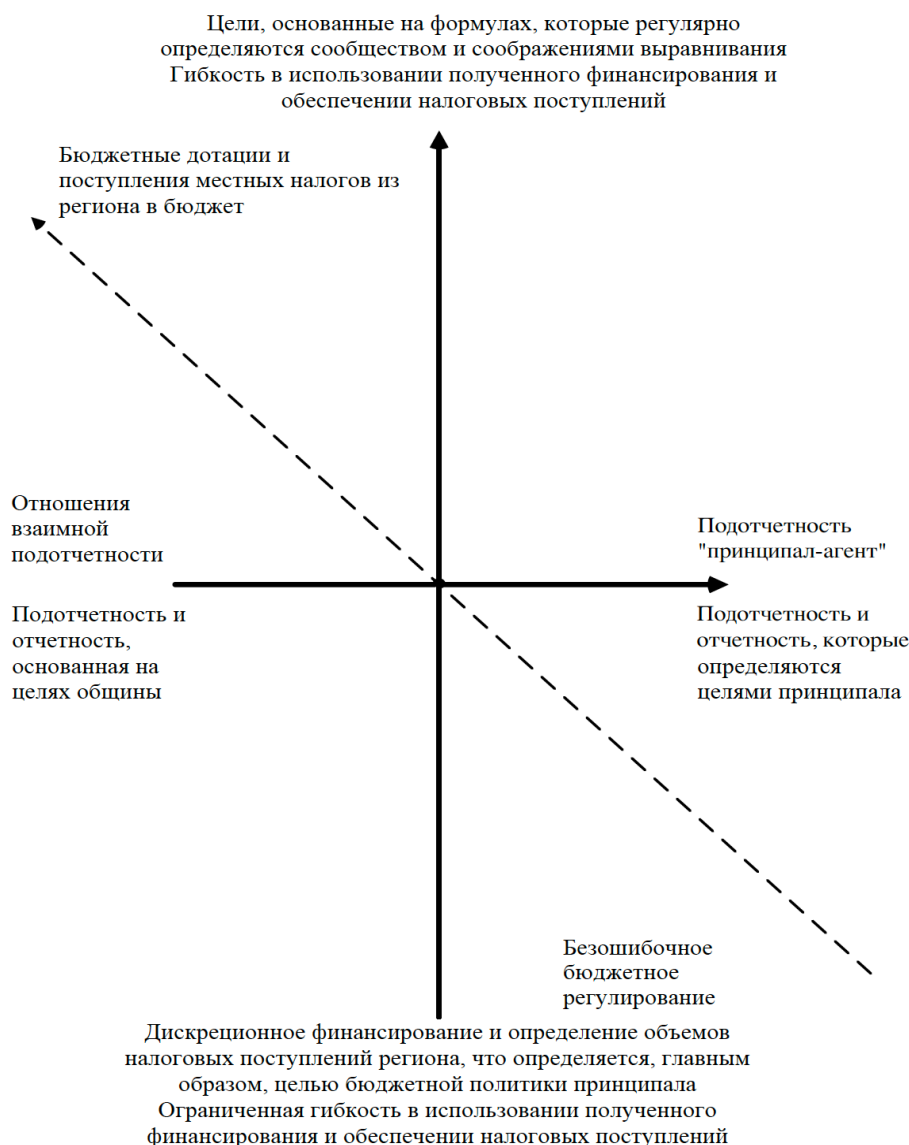

Рис. 2. Тренд бюджетного финансирования для Смоленской и Могилевской областей в условиях финансовой децентрализации

Источник: составлено автором.

Ориентация целей и мероприятий на результат. Необходимо ставить цели, способствуя осуществлению мер, которые могут сформировать основу для соответству-

ющих стимулов и структурирования, целеполагания и управления процессом предоставления бюджетной поддержки и обеспечения налоговых поступлений.

Стимулы по повышению эффективности. Региональный менеджмент должен определить, какое поведение местная власть ожидает от общества в процессе бюджетного регулирования, а затем стимулировать такое поведение.

Концентрация и специализация с учетом эффективности. Использование эффекта масштабов, объединение различных процессов для экономии ресурсов, использование эффектов специализации и тому подобное.

Установление целей на принципах равенства. Устанавливать цели финансирования за счет дотаций в зависимости от потребностей общины городов региона в обеспечении общественных услуг, видов этих услуг, закрытия критических лакун и тому подобное. Также установление уровня налоговых поступлений в зависимости от способности городов их обеспечивать.

Планирование с учетом возможности внесения изменений. Финансовая децентрализация должна предусматривать обеспечение гибкости бюджетного регулирования в зависимости от текущих целей и вызовов. Финансовая децентрализация предусматривает увеличение возможностей и усиление ответственности в распоряжении бюджетными средствами, что выдвигает более жесткие требования к качеству регионального управления.

Оптимизация административного управления требует осуществления четкого разграничения функций, ответственности, сбалансирования прав и обязанностей структур государственной и местной власти. Кроме того, для эффективной работы требуется разработка четкой и прозрачной системы отчетности, основанной на современных инновационных мировых моделях.

Для преодоления социально-экономической дифференциации в отношении регионов следует активно осуществлять лоббирование на общенациональном уровне усовершенствованных методов горизонтального бюджетного выравнивания. Параллельно аналогичные механизмы целесообразно использовать внутри регионов, чтобы уменьшить социально-экономическое неравенство и депрессивность отдельных подотчетных территорий.

Предложенные направления совершенствования инструментария управления бюджетным процессом в контексте обеспечения социально-экономического развития регионов на основе финансовой децентрализации, связанные с разграничением функций, ответственности, сбалансированием прав и обязанностей структур государственной и местной власти и территориальной общины, будут способствовать увеличению четкости и прозрачности отчетности, а также преодолению горизонтальных дисбалансов.

Литература

1. Мануилова П.В. Механизмы реализации внешней политики Союзного государства России и Белоруссии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 8. С. 1568–1579.
2. Медведев Н.П. Современные проблемы межрегионального сотрудничества и реинтеграции в постсоветском пространстве // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28). С. 97–102.
3. Петрович-Белкин О.К., Абдурашитова Э.А., Еремин А.А. Союзное государство России и Беларуси и ЕС: основные проблемы взаимодействия // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 8. С. 1563–1567.

4. Ступаков Н.В. Союзное государство Российской Федерации и республики Беларусь: перспективы углубления союзной интеграции и обеспечения безопасности (к 20-летию союзного государства) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 3. С. 12–26.
5. Шурубович А.В. Союзное государство и актуальные проблемы российско-белорусской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 3. С. 244–258.
6. Абрамов Р.А., Морозов И.В. Программы союзного государства в мировом научно-технологическом пространстве // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: мат-лы II Рос. науч. интернет-конф. 2019. С. 38–49.
7. Абрамов Р.А., Стрельченко С.Г., Сурилов М.Н. Развитие межрегиональных связей в социальной сфере как важный резерв укрепления отношений в союзном государстве // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3. С. 134–149.
8. Соколов М.С., Абрамов Р.А. Проблемы интеграции региональных инновационных систем России и Беларуси в условиях развития союзного государства // Плехановский научный бюллетень. 2017. № 2 (12). С. 195–199.
9. Абрамов Р.А., Соколов М.С. Направления развития механизмов государственной поддержки молодежного инновационного предпринимательства в союзном государстве России и Беларуси // Плехановский научный бюллетень. 2019. № 2 (16). С. 5–9.

Информация об авторе

Абрамов Руслан Агарунович (Россия, г. Москва) – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: oef08@mail.ru).

Abramov R.A.

MECHANISMS OF STRATEGIC GOVERNANCE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF THE UNION STATE'S SINGLE ECONOMIC SPACE

Innotation. *The work reflects the key constituent elements, and also considers the main issues of improving the stimulation of the socio-economic development of the regions of the Russian Federation in the context of the development of a single economic space of the Union State on the basis of financial decentralization. On the basis of this component, the collection of information, analysis and presentation of conclusions is collected and structured.*

Key words: *management, strategy, region, Union State, formation, economic space.*

Information about the Author

Ruslan A. Abramov (Russia, Moscow) – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration at the Plekhanov Russian University of Economics (117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny lane, 36; e-mail: maxim- oef08@mail.ru).

References

1. Manuilova P.V. Mekhanizmy realizatsii vneshney politiki Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 8. S. 1568-1579.
2. Medvedev N.P. Sovremennye problemy mezhregional'nogo sotrudnichestva i reintegratsii v postsovetском prostranstve // Evraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy. 2019. T. 8. № 2 (28). S. 97-102.
3. Petrovich-Belkin O.K., Abdurashitova E.A., Eremin A.A. Soyuznoe gosudarstvo Rossii i Belarusi i ES: osnovnye problemy vzaimodeystviya // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 8. S. 1563-1567.
4. Stupakov N.V. Soyuznoe gosudarstvo Rossiyskoy Federatsii i respubliki Belarus': perspektivy uglubleniya soyuznoy integratsii i obespecheniya bezopasnosti (k 20-letiyu soyuznogo gosudarstva) // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziyskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2019. № 3. S. 12-26.
5. Shurubovich A.V. Soyuznoe gosudarstvo i aktual'nye problemy rossiysko-belorusskoy integratsii // Problemy postsovetского prostranstva. 2019. T. 6. № 3. S. 244-258.
6. Abramov R.A., Morozov I.V. Programmy soyuznogo gosudarstva v mirovom nauchno-tekhnologicheskom prostranstve. V sbornike: Problemy i perspektivy razvitiya nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva. Materialy II Rossiyskoy nauchnoy internet-konferentsii. 2019. S. 38-49.
7. Abramov R.A., Strel'chenko S.G., Surilov M.N. Razvitie mezhregional'nykh svyazey v sotsial'noy sfere kak vazhnyy rezerv ukrepleniya otnosheniy v soyuznom gosudarstve. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2017. T. 10. № 3. S. 134-149.
8. Sokolov M.S., Abramov R.A. Problemy integratsii regional'nykh innovatsionnykh sistem Rossii i Belarusi v usloviyakh razvitiya soyuznogo gosudarstva. Plekhanovskiy nauchnyy byulleten'. 2017. № 2 (12). S. 195-199.
9. Abramov R.A., Sokolov M.S. Napravleniya razvitiya mekhanizmov gosudarstvennoy podderzhki molodezhnogo innovatsionnogo predprinimatel'stva v soyuznom gosudarstve Rossii i Belarusi. Plekhanovskiy nauchnyy byulleten'. 2019. № 2 (16). S. 5-9.

РАЗВИТИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА РОССИИ

Аннотация. Ввиду высокой значимости молочной отрасли, связанной с необходимостью обеспечения населения страны молоком и молочной продукцией собственного производства, решением проблем продовольственной независимости, повышением эффективности использования трудовых ресурсов, улучшением социальных условий сельского населения, ее развитие является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере агропромышленного комплекса страны. Необходимо отметить, что реализуемые в настоящее время Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. и другие правовые документы не в полной мере способствуют развитию молочного скотоводства и обеспечению продовольственной безопасности в части молока и молочных продуктов. Также, несмотря на ряд принятых федеральных законодательных актов о пространственном развитии страны, сглаживании территориальной дифференциации, сельскому хозяйству и его отдельным подотраслям уделено фрагментарное внимание, а системные проблемы отодвинули на второй план решение проблем пространственного развития подотрасли, вызвав глубокие структурные сдвиги, углубление региональной дифференциации.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, молочнопродуктовый подкомплекс, молочное скотоводство, территориальная дифференциация, специализация, пространственное развитие, продовольственная безопасность.

В современных условиях хозяйствования существует объективная необходимость усиления поддержки молочного комплекса, совершенствования его системы управления со стороны органов государственной власти. Вследствие высокой социально-экономической значимости молочного скотоводства в рамках обеспечения продовольственной безопасности страны, важности решения вопроса импортозамещения и принятия мер по повышению конкурентоспособности подотрасли, наращиванию объемов производства отечественного высококачественного молока и молочных продуктов, совершенствованию племенной базы, повышению уровня цифровизации, модернизации, решению ряда системных проблем [2; 3].

Необходимо отметить, что реализуемые в настоящее время Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. и другие правовые документы не в полной мере способствуют развитию молочного скотоводства и обеспечению продовольственной безопасности в части молока и молочных продуктов. Так, например, в Государственной программе предусмотрено довести уровень производства молока до 32 млн т, что составит порядка 57,4% к уровню 1990 года. Подчеркнем, что в новой Доктрине продовольственной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 21 января 2020 года № 20 [4], предусмотрено пороговое значение производства молока и молочных продуктов (в пересчете на молоко) 90%, что должно соответствовать производству молока, как минимум, 49 млн т. Наряду с этим, уровень потребления молока и молокопродуктов населением страны в 2019 году

составил 245 кг при рациональной норме 300 кг, или 84,4% от уровня порогового значения (+0,5 п.п. к 2018 году).

Несмотря на ряд принятых федеральных законодательных актов о пространственном развитии страны, сглаживании территориальной дифференциации, сельскому хозяйству и его отдельным подотраслям уделено фрагментарное внимание, а системные проблемы отодвинули на второй план решение проблем пространственного развития подотрасли, вызвав глубокие структурные сдвиги, углубление региональной дифференциации. Усугубляет положение дел в молочном скотоводстве и АПК в целом с каждым годом усиливающаяся социально-экономическая дифференциация. Так, одной из главных детерминант социально-экономической дифференциации являются ощутимые диспропорции в распределении доходов между разными группами населения (рис. 1) и концентрация в руках определенной группы людей значительных материальных ценностей и административных ресурсов (политической власти). На уровне отдельных регионов страны наблюдается ощутимый рост имущественного неравенства.

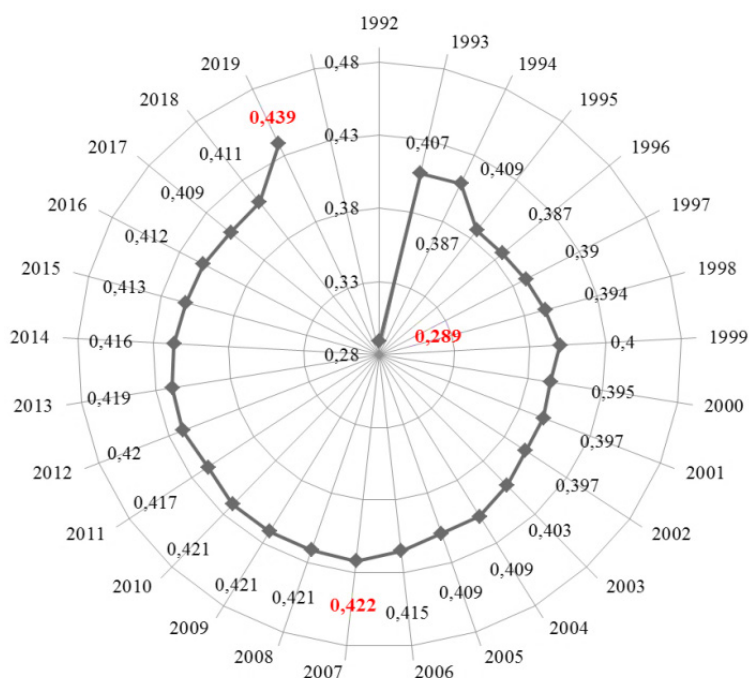

Рис. 1. Динамика коэффициента Джини по располагаемым доходам в России, 1992–2019 гг.

Рассчитано по: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Национальные счета (выборка). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts

Как видно из диаграммы-радар (рис. 1), динамика коэффициента Джини по располагаемым доходам россиян в период с 1992–2019 гг. (27 лет) увеличилась с 0,29 до 0,44, а доходы самых богатых 10% россиян теперь превышают доходы самых бедных 10% не в четыре раза, как в конце 1980-х гг., а почти в 17 раз (децильные KF10 = 16,6; рис. 2.). В настоящее время в руках 1% россиян сосредоточено 71% всех личных активов в стране. Аналогичные выводы мы можем сделать по сопоставлениям первой

(население с самым низким доходом) и пятой (население с самым высоким доходом) квинтильных групп ($KF5 = \min. 5,68 / \max. 9,39; KG_{0,340} / KG_{0,439}$) [6].

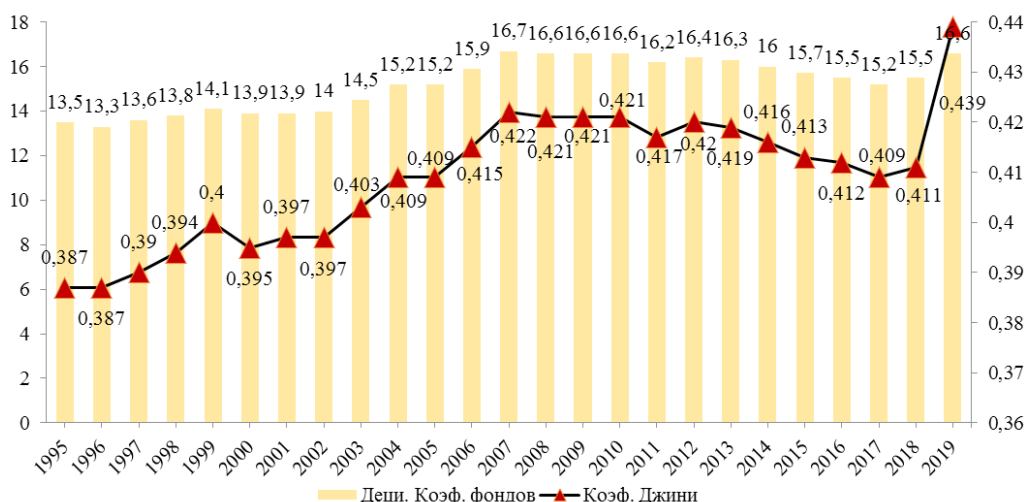

Рис. 2. Соотношение коэффициента Джини (величина концентрации доходов) и децильного коэффициента фондов (в разах) по Российской Федерации за 1995–2019 гг.

Рассчитано по: Центральная база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Национальные счета (выборка). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts

Переходя к содержанию и сущности сельскохозяйственной территориальной дифференциации, необходимо отметить, что она непосредственно связана с производственно-экономической деятельностью хозяйствующих субъектов, размещенных на территории страны, которая характеризуется неоднородными природноэкономическими, социальными условиями, производственной инфраструктурой и пр.

Размещение молочного скотоводства складывается под влиянием двух основных факторов: ориентации на кормовую базу и тяготения к потребителю. По мере развития процессов урбанизации, модернизации производства возрастает значение второго фактора, однако ориентация на кормовую базу (зональный фактор) является определяющей и зависит от степени распаханности земель, состава кормовых культур, размеров пастбищных ресурсов и др. Отметим, что в формировании кормовой базы в настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: заготавливая в пересчете на калории на единицу животноводческой продукции большее количество кормов, чем развитые страны, Россия постоянно испытывает их острый недостаток, что обусловлено низкой сохранностью кормов, их неэффективной структурой (малая доля концентрированных кормов), частыми перебоями в снабжении хозяйств кормами, игнорированием научно обоснованных предложений по системе кормления и содержания скота и др.

Если говорить в целом, то ведущими мировыми районами молочного скотоводства являются промышленно развитые страны: США к западу от Великих озер, южная Канада, Северная Европа, Австралия, Новая Зеландия. Отметим, что благоприятные климатические условия и высокий технологический уровень позволяют

вести молочное скотоводство на интенсивной основе. Так, естественные кормовые угодья удобряются и увлажняются для большей производительности, используются племенные высокопродуктивные породы животных, а самые трудоемкие виды работ максимально механизированы и автоматизированы, в результате чего обеспечивается высокая продуктивность молочного скота. Например, в США, Голландии, Дании, Швеции продуктивность коровы составляет порядка 8000–9000 кг молока в год, в то время как в Индии, считающейся одним из мировых лидеров по валовому надоя, одна корова дает менее 3000 кг молока в год [3].

Для молочного скотоводства важно соответствие адаптированного к природно-климатическим и экономическим условиям хозяйствования требованиям тех или иных зон ведения производства. Не все породы отвечают этим требованиям и неэффективны с точки зрения выхода, качества и себестоимости молока. Например, в 2019 году из молочных пород скота наибольшее распространение (75%) получили черно-пестрая и голштинская породы, всего при этом разводилось 24 породы.

В настоящее время рост концентрации поголовья крупного рогатого скота выступает одним из индикаторов пространственного развития и дифференциации молочного скотоводства. Однако за последние пять лет удельный вес регионов, где поголовье КРС превышало 500 тыс. голов (республики Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Алтайский край, Ростовская область, Оренбургская область, Краснодарский край, Республика Калмыкия), составил в общей численности поголовья 33%. Полагаем, что сложившаяся концентрация молочного поголовья возникла вследствие нерациональной территориальной дифференциации из-за убыточности мясного скотоводства.

В 2019 году сокращение поголовья крупного рогатого скота произошло в 52 субъектах Российской Федерации (в 2014–2019 гг. – более чем в 60). Среди регионов, допустивших снижение поголовья более чем на 5% за последние пять лет, были прежде всего регионы, имеющие естественные природные и экономические условия для развития молочного скотоводства (Московская, Тверская, Ивановская, Рязанская, Смоленская, Псковская, Архангельская, Новгородская, Костромская, Нижегородская, Тверская и Свердловская области, Марий Эл, Удмуртия, Чувашия, Приморский край).

Сокращение поголовья коров в отдельных субъектах страны является ключевым фактором, негативно влияющим на объемы производства молока. Так в 10 регионах, допустивших снижение поголовья за последние пять лет на 200 тыс. голов, производство молока сократилось более чем на 850 тыс. т.

Потери в объеме производства молока, связанные с сокращением поголовья коров, компенсировались в некоторых регионах за счет роста продуктивности (Смоленская, Курганская, Курская, Орловская, Челябинская и Омская области). Вместе с тем, имеющийся потенциал коров, составляющий менее 5000 кг, реализуется не полностью во всех регионах. Темпы прироста продуктивности составили за 2014–2019 гг. 15%.

Полагаем, что в целом пространственное развитие молочного скотоводства, сглаживание имеющейся в подотрасли территориальной дифференциации должно обеспечиваться путем разработки, реализации целевых программ в специализированных зонах, которые могут служить основой обеспечения регионов страны молоком и молочной продукцией. В рамках совершенствования размещения молочного

скотоводства целесообразна концентрация высокопродуктивного племенного скота в наиболее благоприятных для ведения молочного скотоводства зонах.

Литература

1. Алтухов А.И., Семенова Е.И. Молочное скотоводство России: экономические проблемы и пути их решения // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 2. С. 33–38.
2. Анищенко А.Н. Роль молочного скотоводства Вологодской области в решении проблем обеспечения населения Европейского Севера продовольствием // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 10. С. 63–69.
3. Анищенко А.Н. Модернизация производства – основа повышения эффективности молочного скотоводства: монография. Вологда, 2016. 162 с.
4. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425>
5. Цветков В.А. Агропромышленный комплекс России: современное состояние, необходимые и достаточные условия выхода из кризиса // Проблемы рыночной экономики. 2017. № 3. С. 14–16.
6. Усманов Д.И. Оценка влияния факторов глобализации на экономическое неравенство регионов России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Белгород, 2015. 214 с.

Информация об авторах

Анищенко Алеся Николаевна (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией стратегического развития агропромышленного комплекса, ИПР РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47).

Усманов Делер Ирматович (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории проблем пространственного развития, ИПР РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47).

Anishchenko A.N., Usmanov D.I.

DEVELOPMENT AND TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF DAIRY CATTLE BREEDING IN RUSSIA

Abstract. *Due to the high importance of the dairy industry related to the need to provide the population with milk and dairy products of own production, by addressing food independence, increase of efficiency of use of labour resources, improving the social conditions of the rural population, its development is one of priority directions of the state policy in the sphere of agro-industrial complex of the country. It should be noted that the current State program for the development of agriculture and regulation of the market of agricultural products, raw materials and food for 2013-2020 and other legal documents do not fully contribute to the development of dairy cattle breeding and ensuring food security in terms of milk and dairy products. Also, despite a number of adopted Federal legislative acts on the spatial development of the country, smoothing territorial differentiation, fragmentary attention is paid to agriculture and its individual sub-sectors, and systemic problems have pushed into the background the solution of problems of spatial development of the sub-sector, causing deep structural shifts and deepening regional differentiation.*

Key words: *agro-industrial complex, dairy product subcomplex, dairy cattle breeding, territorial differentiation, specialization. spatial development, food security.*

Information about the Authors

Alesya N. Anishchenko (Moscow, Russia) – candidate of economic sciences, senior researcher, head of the laboratory of strategic development of the agro-industrial complex, IPR RAS (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418).

Deler I. Usmanov (Moscow, Russia) – candidate of economic sciences, senior researcher at the laboratory of spatial development problems, IPR RAS (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418).

References

1. Altuhov, A. I. & Semenova, E. I. (2019). Dairy cattle breeding in Russia: economic problems and ways to solve them. *Economics of agriculture of Russia*, 2, 33-38.
2. Anishchenko, A. N. (2018). The role of dairy cattle breeding in the Vologda region in solving the problems of providing the population of the European North with food. *Economics of agriculture of Russia*, 10, 63-69.
3. Anishchenko, A. N. (2016). Modernization of production – the basis for improving the efficiency of dairy cattle. Vologda, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences.
4. On approval of the food security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 20 of January 21, 2020. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/5>
5. Tsvetkov, V. A. (2017). Agro-industrial complex of Russia: current state, necessary and sufficient conditions for overcoming the crisis. *The problems of a market economy*, 3, 14-16.
6. Usmanov D.I. Assessment of the impact of globalization factors on the economic inequality of Russian regions: dis. Cand. Econ. Sciences: 08.00.05 / Daler Usmanov Irmatovich. Belgorod, 2015. 214 p.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА СТРАТИФИКАЦИЮ ПОСТСОВЕТСКОГО СОЦИУМА¹

Аннотация. В статье изложены результаты исследования социально-классового генезиса в советской России и классовой трансформации при вхождении в постсоветское общество. Прослеживается как преемственность классовых позиций советских классовых групп, так и их утрата.

Ключевые слова: социальная революция, советская Россия, постсоветский период.

В советской России с 1930-х гг. складывалась и до конца советского времени существовала государственно-капиталистическая система социально-экономического устройства. Она характеризовалась капитализацией экономического механизма, т.е. превалированием капитала над живым трудом среди факторов производства. Кроме того, госкапиталистической системе устройства России была присуща замена рыночного регулирования планированием, специфичная товарность, характеризующаяся распределительным характером движения продукта, труда, средств производства, рабочих рук. Одновременно существовала специфическая роль денег как учетного механизма и как средства бухгалтерской фиксации обменных операций. При этом денежная система обладала признаками многоконтурности. Важной чертой российского государственного капитализма был своеобразный симбиоз власти и собственности. Все эти институты советского госкапитализма существовали в идеологической оболочке «социалистического строительства», позволявшей результативно манипулировать массовым сознанием и обеспечивать устойчивое функционирование системы [1].

Произошедшие в экономической структуре общества крупные перемены обусловили революционные изменения в советском социуме. Они были столь глобальными, что носили характер социальной революции. Под социальной революцией мы понимаем коренные изменения в социальной пирамиде, стремительный уход старых классов и сословно-классовых групп, генезис и созревание новых классов, часто не имевших аналогов в предшествующем состоянии общества.

Авторы данной статьи несколько десятков лет последовательно изучают социальное устройство советского времени. Первой подсистемой, где исследовалась структура производственного социума, была аграрная. Важнейшие производственные элементы, подвергнутые изучению, были представлены первичными звеньями производства – колхозами, совхозами, машинно-тракторными станциями. В них были выявлены классовые группы, различающиеся по месту в отношениях собственности, правовому статусу (как формальному, так и реальному), экономическим предпочтениям, психологическим моделям и т.д. Необходимо отметить, что новая классовая структура рождалась не из «старокрестьянского» общества, а во многих элементах была сконструирована или насаждалась властью в целях решения стоящих экономических задач первоначального накопления и строительства капиталистического базиса. Высшей классовой категорией в сель-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00184 «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги».

скохозяйственном производственном социуме была протобуржуазия, которая по результатам исследования ассоциирована с руководителями сельхозпредприятий, наиболее полно сосредоточившими права собственников (но не полностью их сконцентрировавшими, ввиду особенностей государственной политики и ее идеологического обрамления) [2]. Шагом ниже в классовой пирамиде находилась ниша класса менеджеров, главное влияние которой заключалась в ведущей роли в сфере управления всеми важнейшими ресурсами (трудом, капиталом, финансовыми потоками и пр.). В сельскохозяйственном производстве профессионально данный класс представляли бригадиры, управляющие отделений, главные бухгалтеры, зав. фермами, мастерскими и пр. [3] Вместе с классом интеллектуалов и рабочей аристократии они составляли «среднюю» группу социальных классов. Интеллектуальная составляющая в классовой структуре деревни была представлена обладателями специальных производственных знаний – агрономами, зоотехниками, инженерами, экономистами и пр. Свою классовую позицию класс интеллектуалов подкреплял статусом «класса – носителей знания». Рабочая аристократия позиционировала свой отрыв от низшего, пролетарского класса через близость к передовому капиталу – машинам и механизмам. В состав рабочей аристократии входили трактористы, комбайнеры, шоферы, операторы машинного доения и пр. Завершал социальную пирамиду сельскохозяйственных классов советского времени пролетариат – наиболее бесправный, удаленный от собственности класс. По сути дела этот класс и был отчасти наследником «старокрестьянского» мира [4]. В его состав входили занятые физическим трудом колхозники и совхозные рабочие (занятые ручным трудом в растениеводстве, животноводстве – как их называли в статистике, «работники конно-ручного» труда) [5].

Продолжение исследований социальной структуры российского общества советского периода на поле совокупной промышленной и аграрной подсистемы показало, что классы не были застывшими в своем развитии. Протобуржуазия довольно активно пополнялась представителями класса менеджеров, интеллектуалов [6]. Близко с классом интеллектуалов пересекалась рабочая аристократия. Внутренне устройство классов было довольно сложным. Например, менеджерианство было представлено крупными группами надпроизводственного менеджмента [7] (сосредоточенного в управленческих структурах вне производственных предприятий) и производственного менеджмента (занятых непосредственно в руководстве предприятиями).

К концу советского времени периоды классовой флуктуации перешли в стадию переломных, бифуркационных процессов. Многие представители высших и средних классов довольно оформленно выражали групповые интересы и социально-психологическую готовность принять новые статусы. Например, советская протобуржуазия практически рвалась к состоянию полного собственника, протобуржуазные тенденции демонстрировали менеджмент, интеллектуалы, да и часть рабочей аристократии. Низшие же классы к этому времени практически завершили базовый для них процесс орабочивания, через который прошла и часть бывших мелких собственников (крестьян, торговцев, кустарей-ремесленников и пр.). Пройдя через горнило трансформации, представители низшего, пролетарского класса фактически не сохранили собственнических устремлений, что показало довольно легкое расставание их с акциями предприятий, полученными в 1990-е гг.

Формирование постсоветских социальных групп было чрезвычайно сложным процессом не прямых социальных перемещений. Исследования О. Крыштановской показали, что треть советской номенклатуры выпала из элиты 1990-х гг. В то же время потенциал собственников полномасштабно реализовали целый ряд групп позднего советского общества. Среди них – сотрудники советских органов власти (министерств, госкомитетов, исполкомов разного уровня). Из представителей высшей номенклатуры в середине 1990-х гг. на 2/3 состояло высшее руководство страны, на 3/4 – региональная элита. «Хозяйственная» часть советской номенклатуры заняла к середине 1990-х гг. ведущее место в бизнес-элите страны, заполнив там нишу, равную 38% ее состава [8]. Большинство же средних классов советского общества пережили процесс снижения статуса, растеряв остатки потенциала собственников. Показательной при этом была эволюция права собственности. Формально определившийся в советское время как «всеобщий», титул собственности в постсоветское время стремительно превратился в персонифицированный. Этот переход показал, что главная линия социальной трансформации состояла в вызревании готовности высшего класса (буржуа) стать полноправным собственником, а низших, пролетарских классов – в окончательном расставании с иллюзиями и лишением статуса хотя бы формального собственника.

Литература

1. Безнин М.А., Димони Т.М. К вопросу о подходах в изучении основных этапов социально-экономической трансформации советской России от аграрного к капитализированному обществу // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 13–21.
2. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х гг. // Российская история. 2010. № 2. С. 25–42.
3. Безнин М.А., Димони Т.М. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории колхозной деревни). Вологда, 2009. 114 с.
4. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй российской деревни 1930–1980-х гг. М., 2019. 608 с.
5. Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996. 19 с.
6. Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. № 2 (9). С. 437–453.
7. Безнин М.А., Димони Т.М. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10-2. С. 42–60.
8. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

Информация об авторах

Безнин Михаил Алексеевич (Россия, г. Вологда) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: kafohist@vogu35.ru).

Димони Татьяна Михайловна (Россия, г. Вологда) – доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: kafohist@vogu35.ru).

Beznin M.A., Dimoni T.M.

INFLUENCE OF THE SOCIAL REVOLUTION IN SOVIET RUSSIA ON THE STRATIFICATION OF POST-SOVIET SOCIETY

Abstract. *The article presents the results of a study of the socio-class Genesis in Soviet Russia and class transformation when entering the post-Soviet society. Both the continuity of the class positions of the Soviet class groups and their loss can be traced.*

Key words: *social revolution, Soviet Russia, post-Soviet period.*

Information about the Author

Mikhail A. Beznin (Vologda, Russia) – doctor of historical sciences, Head of the Department, Vologda State University (Vologda, Lenin, 15, kafohist@vogu35.ru).

Tatyana M. Dimoni (Vologda, Russia) – doctor of historical sciences, professor, Vologda State University (Vologda, Lenin, 15, kafohist@vogu35.ru).

References

1. Beznin M.A. On approaches to the study of the main stages of socio-economic transformation of Soviet Russia from an agrarian to a capitalized society / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // Bulletin of Tomsk state University. History. 2020. No. 66. Pp. 13-21.
2. Beznin M.A. Social evolution of the top of collective-farm managers in Russia in the 1930s-1980s / M.A. Beznin, T.M. Dimoni // Russian history. 2010. No. 2. P. 25-42.
3. Beznin M.A. Managers in agriculture in Russia in the 1930 - 1980s. (a new approach to the social history of collective farm of the village) / Beznin M.A., Dimoni T.M. Vologda, 2009. 114 p.
4. Beznin M.A. Agrarian structure of the Russian village 1930-1980s / Beznin M. A., Dimoni T. M. the. Moscow, 2019. 608 p.
5. Dimoni T.M. Social protest in the collective farm village 1945-1960. (based on the materials of the European North of Russia) / T.M. Dimoni. Author's abstract ... Ph. D. Vologda, 1996. - 19 p.
6. Beznin M.A. Soviet proto-bourgeoisie: the Genesis of the highest class of Russian society / M. A. Beznin, T.M. Dimoni // Modern history of Russia. 2019. No. 2 (9). Pp. 437-453.
7. Beznin M.A. "Over-Production" management in the Soviet economy (1930-1980s) / M. A. Beznin, T.M. Dimoni // Questions of history. 2020. No. 10-2. Pp. 42-60.
8. Kryshтанovskaya O. Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite / O. Kryshтанovskaya // Social Sciences and modernity. 1995. No. 1. Pp. 51-65.

ТЕНДЕНЦИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ГУМАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Аннотация. *Статья посвящена тенденции социализации и гуманизации гражданского права как основы развития рыночных отношений. Активно применяемая за рубежом тенденция по социальному ориентированию договора это есть путь достижения реальной договорной свободы, что является важной предпосылкой социально-экономического развития государств и территорий.*

Ключевые слова: социализация, гуманизация, гражданское право, рыночные отношения, договор.

В настоящее время одной из наиболее активно обсуждаемых в европейской цивилистике тенденций является тенденция по конституционализации гражданского права. Конституционные нормы, принципы и ценности становятся непосредственными регуляторами частноправовых отношений, что с неизбежностью влечет то, что такие отношения перестают быть сферой исключительно частного произвола атомарных эгоистических индивидов, но становятся пространством для социальной кооперации и сотрудничества.

Как отмечают бразильские цивилисты, конституционализированное гражданское право может трактоваться как кульминация по обновлению основ в частном праве на основе демократической конституции. Осевой линией становится человеческое бытие, гуманизация национального гражданского права. Провозглашая справедливость, солидарность и человеческое достоинство, конституция помогает нам увидеть потребность в демократизации гражданского права, начиная с изменения его основ, то есть вместо имущества человек становится предельным основанием частного права [1, с. 187–207].

Классическое договорное право не способно эффективно защищать слабого участника, поэтому на смену классическому формализму пришел социальный реализм, учитывающий неравенство переговорных возможностей контрагентов.

Представляет интерес позиция Паулы Мигель в отношении договорного интервенционизма. По его мнению, договорный интервенционизм можно классифицировать на два типа: внешний и внутренний. Первый тип направлен на защиту «внешних» по отношению к контрагенту интересов, относящихся к «коллективу» (социальная функция договора, защита окружающей среды). Второй тип направлен на защиту слабого контрагента в ситуации неравенства переговорных возможностей [2, с. 124–125].

Если провести параллель с российским правом, то концепция договорного интервенционизма (судебного контроля за содержанием договора) была прямо отражена в ходе реформирования Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) применительно к его второму типу – контроль справедливости условий договора в ситуации неравенства переговорных возможностей (п. 3 ст. 428 ГК РФ).

В ходе законодательной реформы проявились признаки солидаризации договорного права (п.3 ст. 307, п. 3 ст. 428, ст. 434.1 ГК РФ). Однако социальная функция договора не получила должного отражения в ГК РФ, как и идея гуманизации граж-

данского права, хотя необходимость усиления внимания к человеку, его личным немущественным правам и получила свое отражение в Концепции развития гражданского законодательства России.

В то же время в российском ГК появились новые генеральные клаузулы (в ст. 1, 10, 307, 428 ГК РФ), посредством которых суды могут транслировать конституционные ценности в сферу частноправовых отношений, которые выражены, например, в ст. 2 (человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью) и ст. 7 (принцип социального государства) Конституции РФ.

При этом открываются большие перспективы при трактовке п. 1 Постановления Пленума № 25 [3], согласно которому поведение может быть признано недобросовестным по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. По сути, становится допустимым договорный интервенционизм первого типа, который направлен на защиту «внешних» по отношению к контрагенту интересов, относящихся к «коллективу». Таким образом, добросовестность может служить средством для установления баланса интересов не только между договорными контрагентами, но и между контрагентами и интересами общества (общесоциальными интересами).

Как уже указывалось, тенденция по конституционализации гражданского права вообще и договорного в частности волнует умы цивилистов на всем европейском континенте.

В этой связи вызывает интерес, что в Манифесте социальной справедливости в Европейском договорном праве, подготовленном Рабочей группой по социальной справедливости в Европейском частном праве, указывается на ошибочность строгого разграничения между публичной сферой конституционных прав и приватной сферой рыночных отношений. При этом цели социальной справедливости указывают скорее на то, чтобы правила, регулирующие рыночные отношения, были выверены и интегрированы с конституционными принципами. Поскольку, как отмечается в Манифесте, частное право определяет базовые правила, устанавливающие социальную справедливость в рыночных отношениях [4, с. 668, 673].

Как отмечает известный цивилист и член названной Рабочей группы Мартин Хесселинк, сейчас наблюдается тенденция по социализации гражданского права. Автор указывает, что в течении 20 века проблемы социальной справедливости сильно трансформировали частное право, т.е. на смену классическому частному праву пришло современное право, в котором формальное понятие свободы договора и автономии дало путь для распознавания того обстоятельства, что в реальности много индивидов в большинстве ситуаций не являются свободными и автономными. В договорном праве это означает, что свобода договора и его связующая сила ограничены обязанностями по предоставлению информации, осуществлению заботы и сотрудничеству и т.п. в целях недопущения несправедливости и защиты слабой стороны. В вещном праве абсолютный характер права собственности был ограничен, была установлена ее социальная функция в целях недопущения злоупотреблений в данной сфере. В деликтном праве виновная ответственность во многих случаях была заменена на безвиновную. Названная социализация осуществляется как законодательно, так и путем применения судами общих оговорок, например о добросовестности (good faith), особенно в англо-саксонских странах. В некоторых странах процесс социализации вышел на конституционный уровень. Например, указание

на социальный характер государства в ст. 14 Конституции ФРГ или на социальную солидарность и социальную экономику в Конституции Италии. При этом, на социальный характер собственности указывается в Конституциях Ирландии, ФРГ, Италии, Греции, Испании и Португалии. Как считает Мартин Хесселинк, процесс социализации гражданского права идет рука об руку с постепенным размыванием разграничительной линии между частным и публичным правом. Гражданское право начинает конструировать новый синтез между инструментальными, дистрибутивными регулятивными мерами и традиционной ориентацией на цели корректирующей справедливости [5, с. 7–8].

В отечественном гражданском праве схожие выводы относительно тенденции по социализации гражданского права впервые были высказаны в работах Е.В. Богданова [6, с. 98–107; 7].

В этой связи представляет интерес то, что в иностранной литературе применительно к праву ряда европейских стран (например, ФРГ, Нидерланды, Англии) указывается на две тенденции в современном договорном праве, связанные с защитой слабой стороны и обеспечения не формального, но реального, субстантивного равенства между контрагентами.

К указанным тенденциям относятся конституционализация договорного права, а также его социальное ориентирование (*social oriented contract law*) [8, с. 4]. Применительно к договорному праву ФРГ считается более уместной тенденция по конституционализации, для Англии и Нидерландов – его социальное ориентирование.

В отношении тенденции по социальному ориентированию договора следует пояснить, что это путь достижения реальной договорной свободы, ее материализация исключительно средствами гражданского права, то есть собственно договорный пост-модерн.

Материализация договорной свободы означает ее направленность на учет интересов обоих контрагентов и обеспечение баланса переговорных возможностей [9, с. 184–195]. Однако тенденция по социальному ориентированию договора тесно связана с конституционализацией договорного права, что признается в иностранной литературе [8, с. 10].

Учитывая то, что цели применения конституционных ценностей направлены на обеспечение социальной солидарности в сфере договорных отношений, на наш взгляд, более корректным представляется выделять не две самостоятельные тенденции в сфере договорного права (конституционализация и социальное ориентирование), но рассматривать их в качестве отдельных граней единой тенденции по социализации и гуманизации гражданского права вообще и договорного права в частности, связанной с проникновением в гражданское право начал социальной этики и солидарности.

Литература

1. Barroso Lucas Abreu, Laio Portes Sthel. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity. *Journal of Civil Law Studies*, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 187–207.
2. Miguel Paula Castello. *Contratos entre empresas*. Revista dos Tribunais, 2006. Pp. 124–125.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

4. Social Justice in European Contract Law: A Manifesto / Study Group on Social Justice in European Private Law. *European Law Journal*, 2004, vol. 10, no. 6, pp. 668, 673.
5. Martijn W. Hesselink, Chantal Mak, Jacobien W. Rutgers. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference. Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series № 2009/05. Pp. 7–8. URL: <http://ssrn.com/abstract=1413089>
6. Богданов Е.В. Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 32–38.
7. Богданов Е.В. Гражданское право социального государства // Юстиция. 2007. № 5. С. 98–107.
8. Cherednychenko Olha. Fundamental rights, contract law and protection of the weaker party: A comparative analysis of the constitutionalisation of contract law, with emphasis on risky financial transactions. PhD-thesis. Utrecht University Institute for Legal Studies, 2007.
9. Grundman S. European Contracts Law of What Colour? *European Review of Contract Law*, 2005, pp. 184–195.

Информация об авторе

Богданов Дмитрий Евгеньевич (Россия, г. Вологда) – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса, Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (160001, Российская Федерация, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 18; e-mail: mgua35@mail.ru).

Bogdanov D.E.

THE TREND OF SOCIALIZATION AND HUMANIZATION OF CIVIL LAW AS ONE OF THE DIRECTIONS OF SOCIO-ECONOMIC REFORMS

Abstract. *The article is devoted to the trend of socialization and humanization of civil law as the basis for the development of market relations. The trend of social orientation actively applied abroad is a way to achieve real contractual freedom, which is an important prerequisite for the socio-economic development of States and territories.*

Key words: *socialization, humanization, civil law, market relations, contract.*

Information about the Author

Dmitry E. Bogdanov – doctor of law, associate Professor, Professor of the Department of civil law and civil procedure of the North-Western Institute (branch) Kutafin Moscow state law University (MSLA), 160001, Vologda, ul. M. Ulyanova, 18, mgua35@mail.ru.

References

1. Barroso Lucas Abreu. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity / Lucas Abreu Barroso, Laio Portes Stel // *Journal of Civil Law Studies*. 2015. Vol. 8. N 1. P. 187-207.
2. Miguel Paula Castello. Contratos entre empresas. *Revista dos Tribunais*, 2006. P. 124-125.
3. The resolution of Plenum of the Supreme Court of 23.06.2015 N 25 “About application by courts of certain provisions of section I of the Civil code of the Russian Federation”// *Russian newspaper*. 2015. June 30.

4. Social Justice in European Contract Law: A Manifesto / Study Group on Social Justice in European Private Law // European Law Journal. November 2004. Vol. 10. № 6. P. 668, 673.
5. Martijn W. Hesselink, Chantal Mak, Jacobien W. Rutgers. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference // Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series №2009/05. P. 7–8. URL: <http://ssrn.com/abstract=1413089>
6. Bogdanov E.V. Influence of Leon Dugi's scientific views on the development of civil law // Journal of Russian law, 2008, no. 6, Pp. 32-38.
7. Bogdanov E.V. Civil law of the social state // Justice. 2007. No. 5. P. 98-107.
8. Cherednychenko Olha. Fundamental rights, contract law and protection of the weaker party: A comparative analysis of the constitutionalisation of contract law, with emphasis on risky financial transactions. PhD-thesis. Utrecht University Institute for Legal Studies, 2007.
9. Grundman S. European Contracts Law of What Colour? // European Review of Contract Law. 2005. P. 184-195.

МАЛЫЙ БИЗНЕС РОССИИ ПОСЛЕ ШОКА 2020 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются причины особо сложных обстоятельств, сложившихся в сфере малого и среднего предпринимательства российской экономики в 2020 г. Анализируется характер мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в кризисной ситуации, а также основные требования к этому направлению государственной политики в предстоящей перспективе.

Ключевые слова: коронавирусная экономика; малое и среднее предпринимательство; государственная поддержка.

По мере нарастания масштабов антикризисных мер государственной экономической политики в России именно сфера МСП обозначилась как основной адресат реализуемых мер поддержки. Это часто создает впечатление, что коронавирусный кризис как бы оборвал «победную поступь» российского малого бизнеса, так сказать, в момент его мощного подъема. Однако в действительности это далеко не так. В последние несколько лет сфера МСП российской экономики находилась не на фазе подъема, а в ситуации явной стагнации и даже отхода от позиций предшествующих лет. Именно эти негативные тренды последних лет существенно ослабили российский МСП и снизили его устойчивость перед лицом возможных шоковых эффектов.

Конечно, основной причиной такой ситуации остается отсутствие мощных источников устойчивого подъема в российской экономике в целом, отсутствие заметного продвижения в росте реальных доходов и покупательной способности населения. Однако немаловажное значение имеет и явный провал с попытками качественного стратегирования социально-экономической политики государства в этой сфере. Стратегия МСП до 2030 г. оказалась оторванной от общего контекста экономической стратегии государства. В частности, никакого сценарного варианта по макроэкономическим или финансовым показателям, равно как и анализа рисков реализации, Стратегия не содержит. Как и многие иные документы стратегического планирования, эта стратегия не содержит алгоритма действий органов управления всех уровней на случай чрезвычайной ситуации в экономике типа экономических последствий коронавирусной пандемии.

Действительно, макроэкономический «фон» реализации Стратегии МСП оказался куда менее благоприятным по сравнению с тем, что предполагали ее составители. При этом, ни сама стратегия, ни ее «дорожная карта» не содержали указаний на действенные пути оказания экстренной помощи МСП, на цели выживания в условиях кризиса и последующего восстановления.

Сегодня совершенно очевидно, что стратегические приоритеты государственной политики в отношении сектора МСП российской экономики нуждаются в коренном переосмыслении. Это тем более важно, учитывая, что кризисные процессы в сфере российского МСП не обозначились внезапно в 2020 г., а по сути, как было отмечено выше, возникли и нарастали в течение уже не-скольких лет [1, с. 2413–2430]. Эти процессы проявили себя в стагнации, а в отдельных случаях – и в сокращении числа различных видов субъектов МСП, в сокращении занятости в этой сфере экономики, в отсутствии реального прогресса в увеличении доли МСП в ВВП страны и пр.

При этом в создавшейся ситуации нельзя ограничиться лишь формальным обновлением Стратегии МСП до 2030 года или какого-либо иного подобного документа. Подобные «обновления» неоднократно проводились и ранее, причем чаще всего без серьезного анализа причин невыполнения ранее действовавших документов. Сегодня велик соблазн объяснить трудности и спады МСП в экономике российских регионов негативным воздействием пандемии, а недостаточную результативность мер поддержки МСП со стороны государства ограниченностью средств, особенно в региональном звене. Очевидно, что преодолеть последствия коронавирусной экономики только мерами поддержки сферы МСП невозможно. В аналогичных мерах нуждаются и иные отрасли экономики, организации социальной сферы, а также многие слои населения, утратившие источники своих доходов. На этой гипотезе строится и современная практика поддержки предпринимательства за рубежом лет [2, с. 192–197].

Однако надо отметить, что малый бизнес как объект негативного воздействия со стороны коронавирусной экономики отличается рядом как более слабых, так и более сильных моментов, в частности, по сравнению с крупным бизнесом. Малый бизнес более слаб с той точки зрения, что практически не обладает никакой «финансовой подушкой» и имеет мало шансов на временную кредитную поддержку вне государственных льгот и гарантий. В силу преимущественной торгово-сервисной ориентации малый бизнес в большей мере связан с фактором потребительского спроса и негативно реагирует на снижение жизненного уровня населения. С другой стороны, наличие значительной доли теневого оборота и теневой занятости облегчает субъектам МСП адаптацию к негативным изменениям в экономической ситуации в стране [3, с. 44–48].

Конечно, надо признать, что сектор МСП в условиях пандемии оказался одним из наиболее значимых бенефициаров государственной поддержки в форме как «косвенного финансирования» (налоговые льготы, льготная аренда и пр.), так и прямого софинансирования (субсидии на поддержание занятости и уровня оплаты труда работников). Однако нельзя не видеть, что основная доля усилий в этом направлении осуществлялась и финансировалась с федерального уровня. Другими словами, система мер поддержки МСП в условиях пандемии оказалась еще более централизованной (по нашим оценкам, не менее 80% прямо и косвенно направленных финансовых ресурсов), чем практика развития и поддержки МСП в обычных условиях.

Такая степень централизации представляется заведомо избыточной, особенно учитывая то, что степень «поражения» пандемией сферы МСП в экономике регионов оказалась различной под влиянием двух факторов: уровень распространения коронавируса и структура сектора МСП в данном регионе (чем выше доля торгово-сервисного МСП – тем выше степень поражения).

В этом смысле политику развития и поддержки МСП в регионах, во всяком случае, на ближайшее время, ждут две важные новации. Во-первых, эта политика будет формироваться в ситуации более жестких финансово-бюджетных ограничений, нежели это было ранее. Во-вторых, эта политика во все большей мере будет ориентироваться не на создание новых субъектов МСП, а на их жизнеспособность, т.е. сохранение имеющихся субъектов МСП и восстановление тех, которые в этом году оказались фактически утрачены.

Заклячая, следует отметить, что ситуация коронавирусного кризиса выявила существенные пробелы в действующей модели государственной поддержки МСП, особенно на региональном уровне. Здесь следует выделить три основных негативных фактора, которые необходимо учесть и преодолеть в дальнейшем. Во-первых, отсутствие заранее продуманного алгоритма действий на случай кризисных ситуаций в экономике. Во-вторых, отсутствие в региональном звене бюджетной системы резервов, необходимых для «запуска» экстренных мер поддержки предпринимательства, не дожидаясь содействия с федерального уровня. В-третьих, ограниченность доступных субъектам Федерации регулятивных (особенно налогово-бюджетных) инструментов, достаточных для действенной поддержки субъектов МСП, причем с учетом специфики ситуации, складывающейся в каждом отдельном регионе.

Литература

1. Малый и средний бизнес в России: как жить во время и после кризиса? / Е.В. Дробот [и др.] // Креативная экономика. 2020. Т. 14. С. 2413–2430.
2. Сухотина Д.И. Зарубежные меры поддержки предпринимателей в период пандемии // Modern Science. 2020. № 12-1. С. 192–197.
3. Ревина С.Н., Смотровая И.В. Предпринимательская деятельность в период пандемии: проблемы, риски, перспективы // Вопросы экономики и права. 2020. № 143. С. 44–48.

Информация об авторе

Бухвальд Евгений Моисеевич (Россия, г. Москва) – доктор экономических наук, профессор, заведующий центром федеральных отношений и регионального развития, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: buchvald@mail.ru).

Bukhvald E.M.

SMALL BUSINESS OF RUSSIA AFTER THE SHOCK OF 2020

Abstract. *The article examines the reasons for the particularly difficult circumstances, which have developed in the sphere of small and medium-sized businesses in the Russian economy in 2020. The article analyzes the nature of state support measures for small and medium-sized businesses in a crisis situation, as well as the main requirements for this area of state policy in the future.*

Key words: *coronavirus economy, small and medium-sized enterprises, state support.*

Information about the Author

Evgeniy M. Bukhvald (Russian Federation, Moscow) – Doctor of Economics, Professor, Chief of the centre of federal relation and regional development, Institute of Economics, RAS (117218, Moscow, Nakhimovskiy Av., 32; buchvald@mail.ru).

References

1. Drobot E.V., Makarov I.N., Manasyan S.M., Nazarenko V.S., Bakhmutskaya B.S. Small and medium-sized business in Russia: how to live in time and after the crisis? Creative economy. 2020., vol. 14, pp. 2413–2430.
2. Sukhotina D.I. Foreign measures of support of entrepreneurs in the period of pan-demic. Modern Science, 2020, no. 12-1, pp. 192–197.
3. Revina S.N., Smotrova I.V. Entrepreneurial activity in the period of pandemic: problems, risks, prospects. Questions of economy and law, 2020, no. 143, pp. 44–48.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И УПРАВЛЕНИЮ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ СТРАХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В данной работе систематизированы методические подходы к оценке финансовой устойчивости страховщиков. Разработана методика с использованием интегрального показателя для оценки финансовой устойчивости, платежеспособности, ликвидности и рентабельности страховщика, необходимых для принятия оперативных управленческих решений.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, страхование, методы оценки, коэффициенты, интегральная оценка.

Введение

Вопросы обеспечения финансовой устойчивости страховых компаний имеют немаловажное значение как для успешного развития и стабильности страхового бизнеса, так и для развития и защиты экономики в целом. Страховая отрасль на сегодняшний день вносит существенный вклад в экономический рост, играя роль одного из стратегических направлений социально-экономической политики государства. Поэтому в страховой деятельности важна не столько способность компании платить по обязательствам, сколько способность выполнять данные обязательства в условиях изменчивости ситуаций в неблагоприятном ключе.

Так, под финансовой устойчивостью страховых компаний следует понимать такое состояние финансовых ресурсов, которое позволяет страховщикам обеспечить платежеспособность и дальнейшее развитие, а также выполнение своих основных функций по формированию страховой защиты в условиях рисков [1].

Методические подходы к оценке финансовой устойчивости

Проведя анализ методик оценки финансовой устойчивости страховых организаций, мы выявили следующий ряд экономических показателей (табл. 1), с помощью которого может быть осуществлена оценка финансовой устойчивости:

- коэффициент достаточности страховых резервов (на основании страховых выплат);
- коэффициент достаточности страховых резервов (на основании страховых премий);
- коэффициент достаточности собственного капитала;
- коэффициент текущей ликвидности;
- комбинированный коэффициент с учетом перестрахования и без учета перестрахования;
- рентабельность страховой деятельности;
- рентабельность финансово-хозяйственной деятельности.

Источником информации для реализации оценки служит бухгалтерская отчетность за рассматриваемый период. Результаты оценки показателей могут быть использованы для выявления факторов, влияющих на финансовое состояние и устойчивость организации.

Таблица 1. Методика оценки финансовой устойчивости страховых компаний

Показатель	Формула расчета	Расшифровка обозначений	Допустимые значения	Характеристика
Коэффициент достаточности страховых резервов (на основании страховых выплат)	$K_{дост_{cp1}} = \frac{Cp}{C_{вып}_{нетто}}$	Ср – объем страховых резервов – нетто; Свып _{нетто} – средний объем страховых выплат – нетто за 3 предшествующих года	Не менее 1,0	Коэффициенты показывают степень адекватности страховых резервов рискам, принимаемым на страхование. Первый показатель определяет нижнюю границу объема страховых резервов.
Коэффициент достаточности страховых резервов (на основании страховых премий)	$K_{дост_{cp2}} = \frac{Cp}{C_{взн}_{нетто}}$	Свып _{нетто} – средний объем полученных страховых взносов – нетто за 3 предшествующих года	Не более 1,0	Второй фактически характеризует верхнюю границу
Коэффициент достаточности собственного капитала	$K_{дост_{ск}} = \frac{СК}{Cp}$	СК – собственный капитал страховой компании.	Не менее 0,3	Устанавливает достаточность собственного капитала в отношении объема принятых страховой организацией на себя рисков, показанных в страховых резервах.
Коэффициент текущей ликвидности	$K_{тл} = \frac{ДС + ДЗ_{кр} + ФВ_{кр}}{КО + Ср}$	ДС – денежные средства; ДЗ _{кр} – краткосрочная дебиторская задолженность; ФВ _{кр} – краткосрочные финансовые вложения; КО – краткосрочные обязательства	1,5 до 2,5	Характеризует общую обеспеченность страховой организации собственными оборотными средствами для ведения финансово-хозяйственной деятельности и своевременного погашения срочных обязательств.
Комбинированный коэффициент с учетом перестрахования и без учета перестрахования	С учетом перестрахования: $K_{комб1} = \frac{C_{вып}_{нетто} + \Delta PУ_{нетто} + PВД}{C_{взн}_{нетто} + \Delta PПН_{нетто}}$ Без учета перестрахования: $K_{комб2} = \frac{C_{вып}_{брутто} + \Delta PУ_{брутто} + PВД}{C_{взн}_{брутто} + \Delta PПН_{брутто}}$	Свып_{нетто} – сумма страховых выплат, нетто; $\Delta PУ_{нетто}$ – изменение резервов убытков с учетом перестрахования, нетто; PВД – расходы на ведение дела; Cвзн_{нетто} – сумма полученных страховых взносов, нетто; $\Delta PПН_{нетто}$ – изменение резерва незаработанной премии с учетом перестрахования, нетто; Свып_{брутто} – сумма страховых выплат, брутто; $\Delta PУ_{брутто}$ – изменение резервов убытков, брутто; Cвзн_{брутто} – сумма полученных страховых взносов, брутто; $\Delta PПН_{брутто}$ – изменение резерва незаработанной премии, брутто	Не более 1,0	Характеризует эффективность страховой деятельности

Показатель	Формула расчета	Расшифровка обозначений	Допустимые значения	Характеристика
Рентабельность страховой деятельности	$R_{\text{стр}} = \frac{\text{Пр}_{\text{стр}}}{\text{З}_{\text{стр}}}$	Пр _{стр} – прибыль от страховой деятельности; З _{стр} – расходы по страховой деятельности	Не менее 0	
Рентабельность финансово-хозяйственной деятельности	$R = \frac{\text{Пр}}{\text{З}}$	Пр – прибыль; З – расходы	Не менее 0	
Источник: рекомендательное письмо Министерства финансов по анализу финансовой устойчивости страховых организаций.				

Отметим, что анализ вышеперечисленных показателей следует осуществлять в динамике за ряд периодов для выявления тенденций в изменении финансового состояния страховой компании. Результаты оценки финансовой устойчивости могут использоваться как для подготовки заключений о финансовом состоянии и устойчивости страховщика, так и для принятия соответствующих управленческих решений [2; 3].

Поскольку при обобщении результатов аналитических расчетов появляется сложность дать общую оценку уровня финансовой устойчивости страховщика, т.к. используется достаточно большое количество различных показателей с разнонаправленной динамикой, нами была разработана методика интегральной оценки устойчивости страховых компаний. На выбор данной методики повлияли работы таких отечественных авторов, как Л.А. Орланюк-Малицкая, Г.В. Чернова, Р.Т. Юлдашев, К.Е. Турбина, В.Н. Дадыкова, а также тот факт, что при оценке с использованием интегрального показателя появляется возможность конкретизировать и выделить уровень финансовой устойчивости [4–7].

Методика оценки финансовой устойчивости с помощью интегрального показателя. Выделим этапы оценки финансовой устойчивости страхового общества с использованием интегрального показателя.

На первом этапе проводится анализ финансового состояния страховщика, его финансовой устойчивости, платежеспособности и рентабельности.

Второй этап включает в себя определение классификации страхового общества по уровню устойчивости финансового состояния (табл. 2).

Таблица 2. Уровни устойчивости финансового состояния страхового общества

Критерий	Классификация уровней				
	I уровень	II уровень	III уровень	IV уровень	V уровень
Платежеспособность	МПф/МПн $\geq 1,3$ Абсолютная ликвидность баланса	МПф/МПн $\geq 1,3$ Абсолютная ликвидность	$1 \leq \text{МПф/МПн} < 1,3$ Нарушение одного из соотношений групп активов и пассивов	$0,7 \leq \text{МПф/МПн} < 1$ Нарушение двух соотношений групп активов и пассивов	$\text{МПф/МПн} < 0,7$ Нарушение двух соотношений групп активов и пассивов
Ликвидность	Ктл $> 1,5$ Кал > 1	Ктл $> 1,5$ Кал ≥ 1	Ктл $> 1,5$ Кал < 1	Ктл $< 1,5$ Кал < 1	Ктл $< 1,5$ Кал < 1
Финансовая устойчивость	Уск $> 0,25$	$0,20 < \text{Уск} \leq 0,25$	$0,15 < \text{Уск} \leq 0,20$	Уск = 0,15	Уск $< 0,15$
Рентабельность	$P > \text{Ср}$	$0 < P \leq \text{Ср}$	$0 < P \leq \text{Ср}$	$P < 0$	$P < 0$
Обозначения: МПф, МПн – фактическая и нормативная маржа платежеспособности; Кал, Ктл – коэффициент абсолютной и текущей ликвидности; Уск – уровень собственного капитала; Р – рентабельность; Ср – ставка рефинансирования.					

На третьем этапе осуществляется интерпретация полученных значений.

К I уровню принадлежат страховые общества с устойчивостью финансового состояния на высоком уровне, гарантирующие своевременное и совершенное выполнение всех обязательств.

II уровень – компании с нормальным, хорошим финансовым состоянием. Финансовая устойчивость находится на уровне оптимальной, но по некоторым коэффициентам допущено небольшое отставание. Данные компании не рассматриваются как рискованные.

III уровень – организации с большой вероятностью риска, и удовлетворительным финансовым состоянием. В данных компаниях может быть выявлен низкий уровень финансовых показателей, потеря средств не существует, тем не менее вероятность выполнения в срок обязательств компании является сомнительной.

IV уровень – страховые организации с негативным и неустойчивым финансовым положением. В таких компаниях чаще всего структура баланса является неудовлетворительной, а платежеспособность находится на нижней границе нормативных значений. Поэтому страховщикам с данным уровнем финансовой устойчивости необходима реструктуризация баланса и восстановление платежеспособности.

V уровень присваивается компаниям с кризисным финансовым состоянием, которые являются почти неплатежеспособными, с финансовыми показателями ниже допустимых значений. К таким обществам необходимо применять меры внешнего воздействия по финансовому оздоровлению.

На наш взгляд, данная методика интегрального обобщения может позволить отнести страховую компанию к определенному уровню финансового состояния, учитывая различные аспекты ее деятельности; а также может использоваться как внешними, так и внутренними пользователями.

Литература

1. Васильева Т.С. Оценка и прогнозирование рисков, влияющих на финансовую устойчивость страховых компаний // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2019. № 4 (22). С. 17–26.
2. Заикина Л.Ю., Цыплаков И.Ю. Методические подходы к финансовому анализу страховых организаций // Научный альманах. 2017. № 1. С. 113–116.
3. Щекина Н.С. Особенности оценки финансовой устойчивости страховой организации // Молодой ученый. 2018. № 3. С. 43–46.
4. Константинова Е.А., Трезорова О.Ю. Использование кластерного анализа для классификации страховых организаций по уровню финансовой устойчивости // Вестник института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2017. № 1 (23). С. 33–40.
5. Уланова Ж.Ю. Особенности финансовой устойчивости страховых организаций как основы их экономической безопасности // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. 2017. № 3. С. 164–167.
6. Чернова Г.В. Основы экономики страховой организации по рисковым видам страхования. СПб.: Питер, 2005. 240 с.
7. Орланюк-Малицкая Л.А. О понятии и факторах финансовой устойчивости страховых компаний // Вестник финансовой академии. 1998. № 1. С. 41–48.

Информация об авторе

Васильева Татьяна Сергеевна (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь лаборатории исследования проблем развития общественных финансов отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: vasilievats@mail.ru).

Vasilieva T.S.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT AND MANAGEMENT OF THE FINANCIAL STABILITY OF INSURANCE ORGANIZATIONS

Abstract. *In this paper, methodological approaches to assessing the financial stability of insurers are systematized. A methodology has been developed with the use of an integral indicator to assess the financial stability, solvency, liquidity and profitability of the insurer necessary for making operational management decisions.*

Key words: *financial stability, insurance, valuation methods, coefficients, integral valuation.*

Information about the Author

Tatyana S. Vasilieva – engineer-researcher of Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia, e-mail: vasilievats@mail.ru).

References

1. Vasilyeva T.S. Assessment and forecasting of risks affecting the financial stability of insurance companies // Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Series: Economic Sciences. 2019. № 4 (22). P. 17-26.
2. Zaikina, L. Yu. Methodological approaches to the financial analysis of insurance organizations /L.Yu. Zaikina, I.Yu. Tsyplakov // Scientific Almanac. 2017. No. 1, pp. 113-116.
3. Shchekina N.S. Features of the assessment of the financial stability of an insurance organization /N.S. Shchekina // Young Scientist. 2018. No. 3. Pp. 43-46.
4. Konstantinova E.A. The use of cluster analysis for the classification of insurance organizations by the level of financial stability / E.A. Konstantinova, O.Yu. Trezorova // Bulletin of the Institute of Economics and Management of the Novgorod State University. Yaroslav the Wise. 2017. № 1 (23). Pp. 33–40.
5. Ulanova Zh.Yu. Features of financial stability of insurance organizations as the basis of their economic security / Zh.Yu. Ulanova // Tatishchev readings: actual problems of science and practice. 2017. No. 3. P. 164-167.
6. Chernova G.V. Fundamentals of the economy of an insurance organization on risky types of insurance. St. Petersburg: Peter, 2005. 240 p.
7. Orlanyuk-Malitskaya L.A. On the concept and factors of financial stability of insurance companies // Bulletin of the Financial Academy. 1998. No. 1. S. 41-48.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РЕГИОНЕ

Аннотация. В данной статье проанализировано современное состояние рынка ипотечного кредитования в Северо-Западном федеральном округе. Представлен анализ ключевых показателей за последние шесть лет, на основании которых были сделаны выводы.

Ключевые слова: кредит, ипотечное кредитование, регион, процентная ставка, ипотека, задолженность.

Введение

В настоящее время ипотечное кредитование является эффективным механизмом решения важных социальных и экономических проблем. Проблема жилья – одна из главных проблем современного общества, поэтому ипотечное кредитование является наиболее рациональным решением данного вопроса. Помимо этого такой вид кредитования оказывает существенное влияние на экономическую ситуацию в стране, в частности стимулирует спрос на рынке недвижимости и строительства, а также является одним из самых надежных способов привлечения внебюджетных инвестиций в сферу недвижимости и т.д. Под ипотечным кредитованием понимается предоставление банками долгосрочных кредитов на приобретение или строительство недвижимости под залог недвижимого имущества [1].

Современное состояние ипотечного кредитования

Необходимо отметить, что в последние годы основной тенденцией в банковской системе России стало резкое сокращение числа кредитных организаций, о чем свидетельствуют данные в таблице 1. Так называемая политика «оздоровления» банковского сектора, которую проводит Банк России, привела к тому, что количество банковских организаций в Российской Федерации сократилось почти в 3 раза: с 1049 (по состоянию на 01.01.2015) до 442 (по состоянию на 01.01.2020) [2]. По мнению Центрального банка Российской Федерации, проведение таких мер оптимизации направлено на уменьшение уровня монополизма и повышение эффективности банковской системы в среднесрочной перспективе, даже несмотря на ослабление позиции малых и средних кредитных организаций в краткосрочном периоде¹. Обращая внимание на регионы, мы видим, что подобное сокращение произошло и в СЗФО. Наибольшее сокращение количества кредитных организаций наблюдалось в Ленинградской и Вологодской областях. Стоит подчеркнуть, что политика, проводимая Центральным банком, совершенно оправдана, т.к. отзыв лицензий у банковских организаций, которые не отвечают требованиям регулятора, положительно повлияет на банковскую отрасль.

Таблица 1. Количество действующих кредитных организаций в РФ и СЗФО

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2014, %
РФ	1049	1021	975	923	464	442	42,14
СЗФО	64	60	49	43	41	37	57,81
Республика Карелия	1	1	2	1	1	1	100,00

¹ Официальный сайт Центрального банка РФ: <https://www.cbr.ru/Content/Document/File/16749/05.pdf>

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2014, %
Республика Коми	1	1	1	1	1	1	100,00
Архангельская обл.	-	-	-	-	-	-	-
Ненецкий авт. округ	-	-	-	-	-	-	-
Вологодская обл.	9	8	5	3	3	3	33,33
Калининградская обл.	1	1	1	1	1	1	100,00
Ленинградская обл.	4	3	1	1	1	1	25,00
Мурманская обл.	3	3	2	2	2	2	66,67
Новгородская обл.	2	2	2	2	2	2	100,00
Псковская обл.	2	2	2	2	2	2	100,00
г. Санкт-Петербург	41	39	33	30	28	24	58,54
Источник: данные Банка России.							

Ипотечное кредитование является одним из самых значимых сегментов рынка банковских кредитных услуг, о чем говорят положительные тенденции показателей, представленные в таблице 2 [3].

Таблица 2. Динамика ипотечного кредитования СЗФО за 2014–2019 гг., млрд руб., в сопоставимых ценах 2019 года

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2014, %
Количество предоставленных кредитов, ед.	98,06	84,06	104,77	127,99	175,16	151,21	154,20
Объем предоставленных ипотечных жилищных кредитов	240,25	170,41	208,23	276,55	399,53	364,93	151,90
Задолженность по предоставленным ипотечным жилищным кредитам	491,89	515,93	576,99	669,82	807,25	937,09	190,51
В т.ч. просроченная задолженность	3,28	3,83	4,59	4,91	5,43	5,30	161,74
Средневзвешенный срок кредитования, месяцев	169,1	171,6	176,3	188,3	203,6	215,1	-
Средневзвешенная процентная ставка, %	12,30	13,00	12,20	9,82	9,86	8,75	-
Источник: данные Банка России.							

Так, по статистическим данным Центрального банка России в 2019 году кредитными организациями было выдано более 151 тыс. кредитов, объемом 364 млрд руб., что в сравнении с 2014 годом больше на 54 и 52% соответственно. Такой результат был, достигнут за счет уменьшения процентной ставки по кредиту более чем на 3 п.п. Необходимо указать, что разница между сроками кредитования за рассматриваемый период существенно выросла: если в 2014 году срок кредита составлял 169 месяцев, то к концу 2019 года – 215 месяцев. Задолженность по ипотечным жилищным кредитам выросла на 90%, аналогичная тенденция прослеживается и у просроченной задолженности, рост которой составил 61%. Также можно предположить, что в условиях пандемии коронавирусной инфекции количество ипотечных кредитов в 2020 году уменьшится. Одной из причин снижения будет являться ограничение строительной деятельности, что приведет к снижению темпов строительства [4]. Однако Президент РФ рекомендовал регионам не останавливать стройки и объявил о разворачивании льготной программы поддержки жилищного строительства. Суть данной программы заключается в снижении процентной ставки, которая действует на первичном рынке жилья, до 6,5% годовых [5; 6].

Сравнивая регионы СЗФО по количеству предоставленных ипотечных кредитов (табл. 3), следует отметить, что в 2019 году наибольшее количество кредитов (63,9 тыс.) было выдано в г. Санкт-Петербурге, а наименьшее – в Ненецком автономном округе (405). Далее идут Ленинградская область (18,5 тыс. кредитов), Архангельская область (12,8 тыс. кредитов) и Вологодская область (12,4 тыс. кредитов).

Таблица 3. Динамика выданных ипотечных жилищных кредитов в регионах СЗФО, ед

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2019 к 2014, %
Республика Карелия	4555	3685	4306	5244	7409	6206	136,24
Республика Коми	8923	6293	7403	9520	12190	9732	109,06
Архангельская обл.	9321	8432	9218	11622	14802	12778	137,09
Ненецкий авт. округ	265	138	253	291	533	405	152,83
Вологодская обл.	10595	8048	10023	11995	14949	12452	117,53
Калининградская обл.	5494	4350	5496	7393	10493	9755	177,56
Ленинградская обл.	10086	9108	11928	15164	21204	18528	183,70
Мурманская обл.	5748	5074	5616	6432	8295	7472	129,99
Новгородская обл.	3713	2888	3949	4620	6223	5262	141,72
Псковская обл.	3492	2816	3241	3910	5410	4689	134,28
г. Санкт-Петербург	35864	33230	43333	51795	73657	63936	178,27
Источник: данные Банка России.							

Таким образом, оценив современное состояние ипотечного кредитования, хочется отметить следующие положительные тенденции:

- сокращение числа банковских организаций;
- рост количества и объемов предоставленных ипотечных кредитов;
- снижение процентной ставки по ипотечным кредитам.

При этом отметим и отрицательную тенденцию – рост просроченной задолженности по ипотечным жилищным кредитам.

С целью уменьшения роста просроченной задолженности банкам следует более качественно проводить работу с клиентами, а именно: подробно предоставлять информацию о своих продуктах заемщикам, для того чтобы у них было полное представление об услуге, а также о рисках, связанные с ней.

Литература

1. Волков А.А. Ипотечное кредитование: сущность, функции и классификация // Вестник Академии знаний. 2020. № 3 (38). С. 324–334.
2. Даровский И.А. Отраслевые и макроэкономические эффекты политики оздоровления российского банковского сектора // Экономический журнал. 2020. Т. 15. № 4. С. 30–61.
3. Батырова Д.С., Сазонов С.П. Современное состояние рынка ипотечного жилищного кредитования в России // Актуальные вопросы экономических наук. 2016. № 53. С. 110–114.
4. Полиди Т., Гершовича А. Коронакризис и проблемы жилищного строительства // Эксперт. 2020. № 22. С. 34–35.
5. Шукин А. Ударим субсидиями по мораторию // Эксперт. 2020. № 17. С. 22–25.
6. Долженков А. Ниже некуда // Эксперт. 2020. № 27. С. 34–36

Информация об авторе

Волков Анатолий Анатольевич (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь лаборатории исследования проблем развития общественных финансов отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aa.volkov95@mail.ru).

Volkov A.A.

CURRENT STATE OF MORTGAGE LENDING IN THE REGION

Abstract. *This article analyzes the current state of the mortgage lending market in the Northwestern Federal District. An analysis of key indicators over the past six years is presented, on the basis of which conclusions were drawn.*

Key words: *loan, mortgage lending, region, interest rate, mortgage, debt.*

Information about the Author

Anatoly A. Volkov – Research Engineer of the Laboratory for Research of Problems of Development of Public Finance of the Department of Problems of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia, e-mail: aa.volkov95@mail.ru).

References

1. Volkov A.A. Mortgage lending: essence, functions and classification // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2020. No. 3 (38). S. 324-334.
2. Darovsky I.A. Sectoral and Macroeconomic Effects of the Russian Banking Sector Rehabilitation Policy // Economic Journal. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 30-61.
3. Batyrova D.S., Sazonov S.P. The current state of the mortgage lending market in Russia // Actual problems of economic sciences. 2016. No. 53. S. 110-114.
4. Polidi T., Gershovich A. Coronacrisis and housing construction problems // Expert 2020. No. 22. P. 34-35.
5. Shchukin A. We will hit the moratorium with subsidies // Expert 2020. No. 17. P. 22-25.
6. Dolzhenkov A. There is nowhere below // Expert. 2020. No. 27. P. 34–36.

СОХРАНЕНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТОЙЧИВОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

Аннотация. В статье изучается и анализируется устойчивость и неустойчивость регионов Северо-Западного федерального округа под воздействием внешнеполитических и экономических вызовов и рисков 2013–2018 гг. Предлагаются возможные области применения анализа в практике регионального управления.

Ключевые слова: конкурентная привлекательность, устойчивость развития, регионы России, Северо-Западный федеральный округ, факторы конкурентоспособности.

Устойчивость социально-экономического развития регионов России обычно ассоциируется с количественными изменениями отдельных параметров. Но в настоящее время не менее важными являются и качественные изменения социально-экономических свойств территории. Одной из таких характеристик, которые помогают изучить и проанализировать устойчивость регионального развития, является конкурентная привлекательность. Различные потребители при выборе места для проживания, работы, туризма, обучения обращают внимание, насколько тот или иной регион привлекателен с точки зрения решаемых ими задач. В свою очередь конкурентно привлекательная территория, располагая большими ресурсами для своего дальнейшего развития за счет доходов от реализации своих услуг, имеет также и большие возможности для дальнейшего развития и повышения своей устойчивости [2]. Под конкурентной привлекательностью регионального развития мы понимаем степень повышенных по сравнению с другими регионами свойств социально-экономического пространства, востребованных в настоящее время большинством групп потребителей. Для того чтобы иметь возможность управлять конкурентной привлекательностью территории, необходимо количественно описать данное социально-экономическое явление.

В ИПРЭ РАН разработана методика пофакторной оценки конкурентной привлекательности регионов [4, с. 7–37]. Мы считаем, что в настоящее время для того, чтобы регион был успешен и конкурентопривлекателен, он должен уделять особое внимание экономическому и инновационному развитию, повышению качества жизни и обладать высоким человеческим потенциалом. По каждому из этих факторов мы отобрали 10 оцениваемых официальными статистическими органами показателей, описывающих с различных позиций выбранное нами явление [3]. Для того чтобы иметь возможность из разноразмерных показателей рассчитать оценки по каждому из отобранных нами факторов, мы перевели их в безразмерную балльную форму, где наилучшему значению показателя присваивалось 100 баллов, а наихудшему – 1 балл. Таким образом, для каждого региона по каждому году исследований мы получили оценки конкурентной привлекательности и ранг.

¹ В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Степень того, насколько тот или иной регион способен противостоять внешним и внутренним вызовам и рискам, сохраняя либо увеличивая при этом свои конкурентные позиции, мы приняли за устойчивость регионального развития. За критерий неустойчивости мы приняли отрицательную разность балльных оценок и рангов за исследуемый период; все остальные варианты трактовались как устойчивость [4, с. 38–64]. Для анализа мы выбрали период 2013–2018 гг., подверженный различным воздействиям внешнеполитического и экономического характера, что не могло не отразиться на конкурентной привлекательности и устойчивости развития регионов по экономическому и инновационному факторам, что в свою очередь повлияло на качество жизни и человеческий потенциал. В таблице представлены результаты расчетов устойчивости по регионам Северо-Запада по интегральной оценке и факторам конкурентной привлекательности за 2013–2018 гг.

**Устойчивость регионов Северо-Западного федерального округа
по интегральной оценке и факторам конкурентной привлекательности
за период 2013–2018 гг.**

Регион	Интегральная оценка			Факторы конкурентной привлекательности											
				экономический			инновационный			качество жизни			человеческий потенциал		
	разность		У/Н*	разность		У/Н*	разность		У/Н*	разность		У/Н*	разность		У/Н*
	бал-лов	ран-гов		бал-лов	ран-гов		бал-лов	ран-гов		бал-лов	ран-гов		бал-лов	ран-гов	
Республика Карелия	3,6	13	У	4,4	4	У	9,4	12	У	0,4	3	У	0,2	5	У
Республика Коми	-3,1	-25	Н	-3,1	-14	Н	-4,5	-19	Н	-3,7	-6	Н	-1,2	-4	Н
Ненецкий АО	0,4	2	У	-0,1	-5	Н	2,9	5	У	-10,2	-31	Н	9,1	22	У
Архангельская обл. без АО	3,1	15	У	13,1	25	У	-2,7	-13	Н	1,9	10	У	0,0	3	У
Вологодская обл.	3,3	14	У	7,5	11	У	1,3	-7	У	2,2	9	У	2,2	11	У
Калининградская обл.	4,4	20	У	6,0	9	У	13,2	23	У	-1,2	-6	Н	-0,4	-1	Н
Ленинградская обл.	-2,8	-19	Н	-5,3	-8	Н	-4,5	-7	Н	1,5	8	У	-3,0	-1	Н
Мурманская обл.	1,8	9	У	8,8	12	У	3,2	0	У	0,0	0	У	-5,0	-27	Н
Новгородская обл.	-0,1	-7	Н	5,9	8	У	-1,8	-12	Н	-2,9	-11	Н	-1,4	1	У
Псковская обл.	-1,4	-3	Н	-0,3	-5	Н	4,5	4	У	-1,0	0	У	-8,9	-41	Н
г. Санкт-Петербург	2,7	1	У	0,5	1	У	8,5	1	У	0,1	0	У	1,8	-1	У

* У – устойчивый характер развития региона; Н – неустойчивый характер развития региона.

Как видно из таблицы, из 11 регионов семь были устойчивыми, а четыре показали неустойчивость. Среди устойчивых регионов наибольшее приращение балльных оценок конкурентной привлекательности и повышение рейтингов показали Вологодская, Калининградская области, Республика Карелия и Санкт-Петербург. Необходимо отметить, что Вологодская область и Санкт-Петербург были устойчивы в этот период не только по интегральной оценке, но и по всем факторам. Из четырех неустойчивых регионов наиболее пострадали и не смогли исправить ситуацию Республика Коми и Ленинградская область. Республика Коми показала неустойчивость по всем четырем факторам, особенно по экономическому и инновационному развитию, понизив свои рейтинги по этим факторам на 14–19 позиций. Ленинградская область по интегральной оценке понизила свое рейтинговое

положение на 19 позиций, в том числе на 8 по экономике и 7 по инновациям. В целом, если смотреть на все регионы Северо-Запада, то наиболее сильнодействующим фактором оказался инновационный: неустойчивые регионы понизили ранг в среднем на 11 позиций; по экономике – на 9 позиций. Из социальных факторов наибольшее понижение у качества жизни – примерно в среднем на 10 рейтинговых позиций, что позволяет выдвинуть гипотезу о наличии отрицательной синергии по устойчивости между инновационно-экономическим развитием и социальным.

Различные методы и механизмы встраивания в управление регионами оценок конкурентной привлекательности и анализа на их основе устойчивости территориального развития позволяют оценивать актуальность реализации стратегических планов, проводить их мониторинг, оценивать качество управления регионами [1, с. 26–42]. На основе углубленного анализа устойчивости по факторам и показателям конкурентоспособности возможно принятие специальных мер для поддержания устойчивости на основе выявления сильных и укрепления слабых сторон регионального развития.

Литература

1. Барабанов А.С. Управление региональной конкурентоспособностью: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 160 с.
2. Жукова В.В. Анализ факторов, влияющих на устойчивое развитие региона. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-ustoychivoe-razvitiye-regiona> (дата обращения 15.10.2019).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 15.02.2019).
4. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Российские регионы: конкурентная привлекательность и устойчивость развития: монография. СПб.: ГУАП, 2019. 248 с.

Информация об авторах

Гринчель Борис Михайлович (Россия, г. Санкт-Петербург) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: boris.grinchel@mail.ru).

Назарова Евгения Андреевна (Россия, г. Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; e-mail: jane.nazarova@mail.ru).

Grinchel B.M., Nazarova E.A.

MAINTAINING AND INCREASING COMPETITIVE ATTRACTIVENESS AS A CHARACTERISTIC OF SUSTAINABLE TERRITORIAL DEVELOPMENT

Abstracts. *The article studies the stability of regional development based on the analysis of the competitive attractiveness of the regions of the North-Western Federal district. It shows the stability and instability of regions under the influence of foreign policy and economic challenges and risks in 2013–2018. Possible areas of application of the analysis in the practice of regional management are suggested.*

Key words: *competitive attractiveness, sustainability of development, regions of Russia, North-Western Federal district, factors of competitiveness.*

Information about the Authors

Boris M. Grinchel (Russia, Saint-Petersburg) – doctor of economic sciences, professor, Principal research scientist Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (190013, Saint-Petersburg, Serpukhovskaya str., 38, boris.grinchel@mail.ru).

Evgenia A. Nazarova (Russia, Saint-Peter) – candidate of economic science, Senior research scientist Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (190013, Saint-Petersburg, Serpukhovskaya str., 38, jane.nazarova@mail.ru).

References

1. Barabanov A.S. Management of regional competitiveness: monograph / scientific red. T.V. Uskova. Vologda: ISED T RAS, 2014. 160 p.
2. Zhukova V.V. Analysis of factors affecting the sustainable development of the region. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-vliyayuschih-na-ustoychivoe-razvitie-regiona> (accessed 10.15.2019).
3. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Official site of the Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru> (accessed 02.15.2019).
4. Russian regions: competitive attractiveness and sustainability of development: monograph / B.M. Grinchel, E.A. Nazarova. SPb.: SUAI, 2019. 248 p.

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АПК РЕГИОНА

Аннотация. В исследовании представлены основные проблемы устойчивого развития растениеводства. Рассмотрены основные направления, по которым необходимо принять решение, что в дальнейшем будет способствовать формированию устойчивого развития агропромышленного комплекса региона.

Ключевые слова: устойчивое развитие, отрасль, регион, факторы устойчивого развития, система устойчивого развития, агропромышленный комплекс.

Агропромышленный комплекс для любого государства является одной из наиболее важных составных частей экономики. Проблемы, которые возникают в данной отрасли, влекут за собой возникновение угрозы продовольственной безопасности отдельных регионов и государства в целом. В связи с этим исследование является актуальным и приобретает в современных условиях народнохозяйственную значимость.

Наличие проблем в АПК обуславливает необходимость поиска эффективных инструментов и механизмов развития сельских территорий. Для выбора эффективных инструментов, способствующих формированию системы устойчивого развития, необходимо обозначить проблемы, препятствующие этому.

За последнее время изучением проблем, препятствующих устойчивому развитию АПК и сельских территорий, занимались В.А. Иванов [1], Н.А. Фриева [2], М.М. Волков, А.В. Колмыков, В.И. Буць [3], А.Г. Папцов [4] и др. Однако в настоящий момент, несмотря на это, отсутствует универсальная полная классификация внутренних проблем устойчивого развития АПК региона.

Целью исследования является разработка классификации внутренних проблем устойчивого развития агропромышленного комплекса.

На территории Донецкого и Луганского регионов в настоящий момент наблюдается низкий уровень самообеспеченности некоторыми видами сельскохозяйственной продукции (рис. 1), что ставит под угрозу продовольственную безопасность данных регионов.

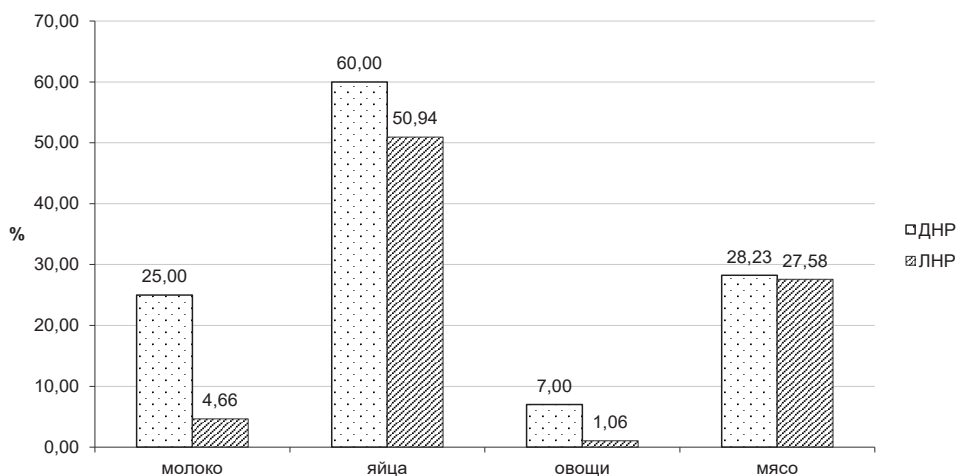

Рис. 1. Самообеспеченность некоторыми видами сельскохозяйственной продукции

Как мы видим, самая низкая самообеспеченность наблюдается по овощам.

В связи с этим нами была проанализирована научная литература [1–4] и разработана классификация внутренних проблем устойчивого развития растениеводства (рис. 2).

Таким образом, на данном этапе исследования мы можем обозначить четыре основных направления внутренних проблем устойчивого развития растениеводства как составной части АПК региона: экономические проблемы, технологические, экологические и социальные.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ	ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ	СОЦИАЛЬНЫЕ
• высокий уровень импортозависимости; • низкий уровень развития материально-технической базы; • низкий уровень финансового обеспечения сельскохозяйственных субъектов; • консерватизм и неготовность сельхозпроизводителей к внедрению инноваций; • большие потери продукции растениеводства на стадиях хранения, переработки, логистики; • недостаточно эффективная государственная поддержка селекции и семеноводства; • малое количество субъектов хозяйствования; • отсутствие четко выраженной стратегии развития; • ограниченный доступ сельхозтоваропроизводителей к рынкам материально-технических, финансовых и информационных ресурсов, рынкам сбыта готовой продукции; • неустойчивый сбыт аграрной продукции, вытеснение местных производителей с продовольственных рынков; • недостаточная конкурентоспособность аграрной и пищевой продукции	• преобладает экстенсивное развитие растениеводства; • недостаточное использование новых методов селекционно-семеноводческих исследований на основе инновационных достижений молекулярной генетики; • недостаточное внесение минеральных и органических удобрений; • устаревшая система мониторинга фитосанитарной ситуации; • слабая инфраструктура для трансфера, продвижения и коммерциализации новых перспективных сортов растений отечественной селекции; • низкий уровень массовой подготовки и переподготовки кадров, владеющих современными знаниями и технологиями в области генетики, селекции и семеноводства; • низкий уровень инновационной активности агропродовольственных организаций	• слабое развитие мелиорации; • угрозы незаконного распространения выращивания ГМО растений в приграничных регионах; • проблема утилизации отходов животноводческих ферм; • недостаточное распространение агротехнологий выращивания биозергетических культур • риски высокой концентрации крупных аграрных предприятий в городских и пригородных зонах, что связано с невозможностью производить органическую продукцию, появлением негативных эффектов воздействия на окружающую среду и на здоровье потребителей пищевых продуктов; • ухудшение состояния сельхозземель; • сокращение биологических ресурсов	• непривлекательность сельской инфраструктуры для высококвалифицированных специалистов; • дифференциация качества и уровня жизни сельского и городского населения; • отток квалифицированных кадров; • низкий уровень жизни крестьян; • уменьшение численности сельского населения, его старение

Рис. 2. Внутренние проблемы устойчивого развития растениеводства

Источник: составлено авторами по [1–4].

Данную классификацию мы рекомендуем использовать для выхода из кризисного состояния отрасли растениеводства и АПК в целом на новую волну экономического роста. С целью обеспечения перехода необходима поддержка государства, которая позволит преодолеть проблемы отрасли.

Литература

1. Иванов В.А. Методические и практические аспекты стратегического управления устойчивым развитием аграрного сектора северного региона // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 1. С. 16–33.
2. Фриева Н.А. Проблемы реализации производственного потенциала сельского хозяйства субъектов Европейского Севера России // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.6

3. Волков М.М., Колмыков А.В., Буць В.И. Основные направления устойчивого развития агропромышленного комплекса Мстиславского района Беларуси // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 1. С. 49–54.
4. Прогноз научно-технологического развития отрасли растениеводства, включая семеноводство и органическое земледелие России, в период до 2030 года / А. Г. Папцов [и др.]; Новосиб. гос. аграр. ун-т, Сиб. федер. центр агробиотехнологий РАН, ФИЦ Институт цитологии и генетики СО РАН, ФНЦ ВНИИЭСХ. Новосибирск: Золотой колос, 2019. 100 с.

Информация об авторах

Денисенко Игорь Анатольевич (ЛНР, г. Луганск) – доктор экономических наук, доцент, ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля» (91034, ЛНР, г. Луганск, квартал Молодежный, д. 20-а; e-mail: luganskigor@mail.ru).

Пономарев Андрей Алексеевич (ЛНР, г. Луганск) – ассистент, ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля» (91034, ЛНР, г. Луганск, квартал Молодежный, д. 20-а; e-mail: dofes@list.ru).

Denisenko I.A., Ponomarev A.A.

INTERNAL PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL INDUSTRY OF THE REGION

Abstract. *The study presents the main problems of sustainable development of crop production. The main directions for which a decision is needed are considered, which will further contribute to the formation of sustainable development of the agro-industrial complex of the region.*

Key words: *sustainable development, industry, region, factors of sustainable development, sustainable development system.*

Information about the Authors

Igor A. Denisenko (LPR, Lugansk) – Doctor of Economics, Associate Professor, Lugansk State University named after Vladimir Dahl (91034, Lugansk, Molodezhny quarter, 20-a; luganskigor@mail.ru).

Andrey A. Ponomarev (LPR, Lugansk) – Assistant, Lugansk State University named after Vladimir Dahl (91034, Lugansk, Molodezhny quarter, 20-a; dofes@list.ru).

References

1. Ivanov V.A. Methodological and practical aspects of strategic management of sustainable development of the agrarian sector of the northern region // Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2019. No. 1. P. 16–33.
2. Frieва N.A. Problems of Realizing the Production Potential of Agriculture in the European North of Russia // Questions of territorial development. 2018. No. 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.6
3. Volkov M.M. The main directions of sustainable development of the agro-industrial complex of the Mstislavsky region of Belarus / M.M. Volkov, A.V. Kolmykov, V.I. Buts // Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy. Publisher: Belarusian State Agricultural Academy (Gorki) No. 1. 2019. P. 49–54.

4. Forecast of scientific and technological development of the plant growing industry, including seed production and organic farming in Russia, in the period up to 2030 / A.G. Paptsov, A.I. Altukhov, N.I. Kashevarov, P.M. Pershukovich, A.S. Denisov, E.V. Rudoy; Novosib. state agrarian un-t, Sib. Feder. center of agrobiotechnology RAS, Federal Research Center Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Federal Research Center VNIIESKh- Novosibirsk: publishing house NSAU "Golden Ear", 2019. 100 p.

СИСТЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА¹

Аннотация. Современная система организации капитального ремонта многоквартирных домов имеет ряд существенных институциональных и финансовых рисков. Модернизация жилищного фонда для устойчивого развития региона требует ее совершенствования в направлении стимулирования перехода на специальные счета и развитии кредитных отношений.

Ключевые слова: жилищная экономика, многоквартирные дома, общественное благо, Фонд капитального ремонта, Ростовская область.

Устойчивое развитие региональной экономики базируется на механизме обеспечения первоочередных потребностей населения, в числе которых главная роль принадлежит надежности жилья. Улучшения жилищных условий населения требует своевременного и масштабного проведения модернизации регионального жилищного фонда.

Во многих регионах России сохраняется значительный объем жилищного фонда, нуждающегося в капитальном ремонте: замене лифтового оборудования, отработавшего нормативный срок службы, усилении грунтов оснований фундаментов и несущих конструкций, замене внутридомовых инженерных коммуникаций, в ремонте крыш и фасадов. Более 30% жилищного фонда Ростовской области составляют многоквартирные дома, построенные во второй половине прошлого века, имеющие значительный процент физического износа и требующие капитального ремонта. В 1990-е годы вопросом капитального ремонта многоквартирных домов в полной мере не занимались вследствие высокой капиталоемкости восстановления и отсутствия политической воли, необходимой для решения данного вопроса [7].

Выход проблемы модернизации жилищного фонда путем капитального ремонта многоквартирных домов, большая часть которых находится в собственности частных лиц, на самый высокий уровень государственного управления в России во многом связан с тем, что капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме оказывается локальным общественным или коллективным благом, механизмы финансирования и производство которого связаны с провалами рынка, проблемой организации коллективных действий, социальными дилеммами и ффриайдерством [6]. Рыночные механизмы регулирования экономики в этой сфере оказываются неэффективными. При этом социальная значимость локальных общественных благ не позволяет публичной власти устраниваться из сферы их производства и финансирования.

В соответствии с Жилищным кодексом РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, которое выполняет критически важные функции, обеспечивая нормальное функционирование дома как сложной технической системы и безопасность проживания. Закон определяет, что все затраты, связанные с содержанием собственности многоквартирного дома, должны нести сами собственники [4]. При этом капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома оказывается коллективным экономическим благом для жителей этого дома, произ-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-01-00503.

водство и финансирование которого требует значительных финансовых ресурсов, часто непосильных для собственников жилья [2]. Возникает социальная дилемма, генерируемая характером капитального ремонта общего имущества МКД как коллективного экономического блага. В теории человек экономический действует прежде всего в своих интересах, уклоняясь от добровольных взносов на капитальный ремонт, что служит обоснованием вмешательства государства как третьей стороны [8]. В России социальная дилемма капитального ремонта решается законодательным обязательством собственников помещений в многоквартирном доме уплачивать ежемесячные взносы на капитальный ремонт [4]. Социологический анализ поведения жителей МКД позволяет выявить в большей степени просоциальные установки в поведении жителей [5]. Статистика собираемости взносов на капитальный ремонт (95% в 2019 г. [3]) также подтверждает социологические результаты.

В Ростовской области, как и в других регионах России, сформирована региональная система капитального ремонта многоквартирных домов: создан региональный оператор – Фонд капитального ремонта Ростовской области, реализуется Региональная программа по проведению капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах на территории Ростовской области на 2014 – 2049 годы, в которую включены сведения о планируемых видах работ по капитальному ремонту и сроках их выполнения на 18 661 многоквартирном доме общей площадью 54 497,7 тыс. кв. метров (20,8% МКД на территории Ростовской области). Ежегодно составляются краткосрочные планы капитального ремонта и объемы их финансирования на три года. Установлен минимальный размер взноса на капитальный ремонт – 9,92 рубля с 1 кв. метра (с октября 2018 г.), один из самых высоких в стране после Москвы, Сахалинской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа.

Между тем, экономический механизм финансирования капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома имеет существенные проблемы. При способе формирования фонда капитального ремонта у регионального оператора обращает на себя внимание аспект, связанный с принципом справедливости такой системы. Эксперты отмечают, что схема «общего котла» в принципе противоречит основам института частной собственности в жилищной сфере, принуждая собственников жилья вкладывать свои средства в капитализацию собственности других [1]. Кроме того, обезличенная накопительная схема имеет определенные финансовые риски для домов, ожидающих капитального ремонта в последние годы действия программы: им может просто не хватить средств.

Недифференцированный тариф в случае накопления средств по принципу «общего котла» также ведет к ситуации «ухудшающего отбора». По мере того, как собственники, проживающие в относительно новых домах с большой площадью, начнут понимать, что им экономически невыгодно вносить средства на счет регионального оператора, за счет которых будет осуществляться ремонт других домов, возникнет движение по переводу средств на специальные счета. В первую очередь в это движение будут включаться дома, капитальный ремонт в которых отложен на далекое будущее, а собственники способны вносить значительную долю средств. В результате на счет регионального оператора в «общий котел» все в большей доле будут поступать средства собственников, дома которых требуют существенных затрат на ремонт в ближайшем будущем, а финансовые возможности этих домов несопоставимы с уровнем собираемых средств. Возникнет ситуация дефицита средств в Фонде капитального ремонта, необходимость значительного увеличения размера взносов или непланового привлечения бюджетных субсидий во все большем объеме.

Кроме того, существующий механизм не способствует повышению уровня самоорганизации и ответственности собственников жилья в МКД, так как большая часть решений принимается от имени собственников Фондом капитального ремонта, а влияние собственников на процесс реализации капитального ремонта часто ограничено подписанием актов выполненных работ.

В случае выбора собственниками способа накопления фонда капремонта на специальном счете в банке или на специальном счете у регионального оператора также возникают определенные риски, связанные прежде всего с инфляционным обесцениванием денежных средств, что экономически невыгодно собственникам. При существующих нормативных ограничениях собственники не могут потратить накопленные суммы на иные виды необходимых работ.

Главным направлением совершенствования региональной системы модернизации жилищного фонда путем капитального ремонта общего имущества в МКД, в соответствии с мировой практикой, должно стать развитие кредитных отношений на рынке работ и услуг по капитальному ремонту МКД. Проведение капитального ремонта многоквартирных домов с привлечением кредита имеет ряд преимуществ, в первую очередь, для владельцев специальных счетов: выполнение ремонта независимо от сроков, определенных в Региональной программе; возможность профинансировать работы в объеме большем, чем накоплено на специальном счете; защита накопленных средств от инфляции; для получения кредита не требуется ни обеспечение, ни поручительство, ни подтверждение доходов жильцов. Стимулирующую роль при этом играет возмещение части расходов на уплату процентов по кредиту на капитальный ремонт за счет бюджетных средств.

Также необходимо стимулировать переход многоквартирных домов на вариант накопления средств для проведения капитального ремонта на специальных счетах, расширить возможности собственников по выбору работ и услуг, относимых к капитальному ремонту МКД. В Ростовской области следует также рассмотреть возможность внедрения дифференцирования величины взносов собственников жилья в фонды капитального ремонта в зависимости от факторов, влияющих на стоимость капитального ремонта в домах (этажность, общая площадь и др.) с учетом опыта других регионов России. Совершенствование региональной системы капитального ремонта многоквартирных домов будет способствовать устойчивому развитию региона.

Литература

1. Айзинова И.М. Капитальный ремонт жилищного фонда в экономическом и социальном измерении // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4 (157). С. 132.
2. Белокрылова О.С., Ермишина А.В. Факторы коллективных действий (на примере жилищной самоорганизации) // TERRA ECONOMICUS («Пространство экономики»). 2012. Т. 10. № 1. С. 174–179.
3. ГК – Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства. URL: reformagkh.ru/analytics#overhaul
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020). URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057
5. Овчинникова Н.В. К вопросу об общественном благе: поведение индивидов в сфере ЖКХ // Вестник социально-политических наук. 2015. № 14. С. 28–32.
6. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Издательство ФЭИ, 1995.

7. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года (утв. Постановлением Правительства Ростовской области № 864 от 26 декабря 2018 г.).
8. Hillman A.L. Public Finance and Public Policy Responsibilities and Limitations of Government. 2nd edition. Cambridge Books, Cambridge University Press, 2009.

Информация об авторе

Ермишина Анна Вениаминовна (Россия, г. Ростов-на-Дону) – кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; e-mail: avermishina@sfedu.ru).

Ermishina A.V.

MODERNIZATION SYSTEM OF HOUSING STOCK AS A FACTOR OF REGION SUBSTANABLE DEVELOPMENT

Abstract. *The modern system of organizing the major apartment building renovations has a number of significant institutional and financial risks. Modernization of the housing stock for regional sustainable development requires its improvement in the direction of stimulating the transition to special purpose accounts and the development of credit relations.*

Key words: *housing economy, apartment buildings, public good, Renovation Fund, Rostov Region.*

Information about the Author

Anna V. Ermishina (Russia, Rostov-upon-Don) – Candidate of Sciences in Economics, Dotsent at Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, avermishina@sfedu.ru).

References

1. Aizinova I.M. Major renovations of the housing stock in the economic and social dimension // Problems of forecasting. 2016. No. 4 (157). P. 132.
2. Belokrylova O.S., Ermishina A.V. Factors of collective action (on the example of housing self-organization) // TERRA ECONOMICUS ("Space of the economy"), 2012. Volume 10. No. 1. P. 174–179.
3. GC – Fund for Assistance to Reform of Housing and Utilities. URL: reformagkh.ru/analytics#overhaul
4. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 N 188-FZ (as amended on July 31, 2020). URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057
5. Ovchinnikova N.V. On the issue of the public good: the behavior of individuals in the housing sector // Bulletin of social and political sciences, 2015. № 14. S. 28–32.
6. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and Group Theory. Moscow: IPPE Publishing House, 1995.
7. The strategy of social and economic development of the Rostov region for the period until 2030 (approved by the Decree of the Government of the Rostov Region No. 864 of December 26, 2018)
8. Hillman A.L. Public Finance and Public Policy Responsibilities and Limitations of Government. 2nd edition. Cambridge Books, Cambridge University Press, 2009.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ОТРАСЛЕВОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ¹

Аннотация. *Приведен краткий обзор современного инструментария для анализа пространственного размещения отраслей и выявления паттернов отраслевой концентрации в зависимости от типа используемых пространственных данных и применимости к существующим административно-территориальным границам.*

Ключевые слова: *размещение промышленности, отраслевая структура, географические кластеры.*

Отраслевая специализация территорий различного масштаба привлекает к себе повышенное внимание как со стороны экономистов-исследователей, так и со стороны органов власти, что связано, в частности, с возрастающим интересом к промышленным кластерам. Цель данной работы – представить краткий обзор современной методологии измерения и выявления паттернов отраслевой концентрации в зависимости от типа используемых данных и применимости к существующим административно-территориальным границам на примере исследований, выполненных на российских данных.

Инструментарий, опирающийся на административно-территориальное деление пространства, предполагает использование статистических показателей по территориям и основан на расчете различных индексов концентрации и специализации: коэффициент Джини, индекс Херфиндаля, индекс энтропии Тейла, относительный коэффициент Джини, индекс Аткинсона, К-индекс концентрации и др. [3; 4]. Также известны модификации, в которых учитывается взаимное расположение территориальных единиц: пространственно взвешенные индексы Херфиндаля, Эллисона – Глейзера [2]. Популярность использования подобного инструментария может быть объяснена простотой расчетов и интерпретации результатов. Однако необходимо подчеркнуть, что методы измерения отраслевой концентрации и специализации, основанные на административно-территориальном делении, подвержены проблеме MAUP (Modifiable areal unit problem), при которой результат может быть чувствителен к форме, размеру и положению территории в пространстве [7].

Второй тип инструментария для исследования отраслевой концентрации, не привязанный к административно-территориальному делению, предполагает использование не региональных, а микрогеографических данных: исходные показатели должны включать не только характеристики фирм, но также их географические координаты. Этот тип инструментария опирается на принцип непрерывного пространства, что позволяет проводить анализ пространственной структуры экономики практически на любом уровне агрегирования, включая и существующее административное деление. Важнейшим преимуществом подобных методов является то, что с их помощью можно выявить пространственные паттерны концентрации (например, географические кластеры), не связанные с административно-территориальным делением территорий. Широкое применение подобные подходы получили с появлением методологии Дюрантона и Овермана [8] для анализа распределения расстояний между предприятиями. Так, в статье [5] показано, что в РСФСР в 1989

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00641 и программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

г. наблюдалась слабая локализация обрабатывающих отраслей, в отличие от стран Западной Европы. В работе [6] проанализировано пространственное размещение более 300 тысяч предприятий российской промышленности за 2014 г и показано, что около 80% отраслей на уровне трех цифр ОКВЭД были в значительной степени агломерированы, также выявлены коагломерации отраслевых пар. Использование микрогеографических данных также позволяет идентифицировать географические кластеры: так, в работе [1] показано, что треть российских биофармацевтических кластерных инициатив созданы на территориях, где отсутствует географическая концентрация соответствующей отрасли.

Литература

1. Александрова Е.А., Иванова В.И., Кузнецова М.Ю. Кластеры и кластерные инициативы в биофармацевтической промышленности России: идентификация, структура, география // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. Т. 18. № 3. С. 341–374.
2. Зюзин А.В., Демидова О.А., Долгопятова Т.Г. Локализация и диверсификация российской экономики: региональные и отраслевые особенности // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2. С. 39–69.
3. Коломак Е.А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. Т. 2. С. 132–150.
4. Малкина М.Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 49–63.
5. Кофанов Д.А., Михайлова Т.Н., Шурыгин А. Географическая концентрация советской промышленности: сравнительный анализ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 4. С. 112–141.
6. Aleksandrova E., Behrens K., Kuznetsova M. Manufacturing (co) agglomeration in a transition country: Evidence from Russia. Journal of Regional Science, 2020, vol. 60, no. 1, pp. 88–128.
7. Briant A., Combes P.P., Lafourcade M. Dots to boxes: Do the size and shape of spatial units jeopardize economic geography estimations? Journal of Urban Economics, 2010, vol. 67, no. 3, pp. 287–302.
8. Duranton G., Overman H.G. Testing for localization using micro-geographic data. The Review of Economic Studies, 2005, vol. 72, no. 4, pp. 1077–1106.
9. Marcon E., Puech F. Measures of the geographic concentration of industries: improving distance-based methods. Journal of Economic Geography, 2010, vol. 10, no. 5, pp. 745–762.

Информация об авторе

Иванова Вера Ивановна (Россия, г. Санкт-Петербург) – кандидат физико-математических наук, доцент, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (190068, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123; e-mail: viivanova@hse.ru).

Ivanova V.I.

MODERN METHODS FOR ANALYSIS OF THE INDUSTRIAL CONCENTRATION

Abstract. *I provide a brief overview of modern tools for analyzing the spatial distribution of industries and identifying patterns of industry concentration, depending on the type of spatial data*

used and applicability to existing administrative-territorial borders.

Key words: *industrial location, industrial structure, geographical clusters.*

Information about the Author

Vera I. Ivanova – candidate of physics and mathematics, associate professor, National Research University Higher School of Economics (Russia, 190068, St. Petersburg, Griboedov Canal Embankment, 123, e-mail: viivanova@hse.ru).

References

1. Aleksandrova E.A., Ivanova V.I., Kuznetsova M. Yu. Clusters and cluster initiatives in the biopharmaceutical industry of Russia: identification, structure, geography // *Bulletin of Saint Petersburg University. Management*. 2019. V. 18. No. 3. P. 341–374.
2. Zyuzin A. V., Demidova O. A., Dolgopyatova T. G. Localization and diversification of the Russian economy: regional and sectoral features // *Spatial Economics*. 2020. V. 16. No. 2. P. 39–69.
3. Kolomak E.A. Uneven spatial development in Russia: explanations of the new economic geography // *Economic Issues*. 2013. V. 2. P. 132–150.
4. Malkina M. Yu. Social welfare of the regions of the Russian Federation // *Economy of region*. 2017. V. 13. No. 1. P. 49–63.
5. Mikhailova T. N. Transformation of the geography of industry in the Russian Federation // *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2016. V. 17. P. 351–358.
6. Aleksandrova E., Behrens K., Kuznetsova M. Manufacturing (co) agglomeration in a transition country: Evidence from Russia // *Journal of Regional Science*. 2020. V. 60. № 1. P. 88–128.
7. Briant A., Combes P. P., Lafourcade M. Dots to boxes: Do the size and shape of spatial units jeopardize economic geography estimations? // *Journal of Urban Economics*. 2010. V. 67. No. 3. P. 287–302.
8. Duranton G., Overman H. G. Testing for localization using micro-geographic data // *The Review of Economic Studies*. 2005. V. 72. No. 4. P. 1077–1106.
9. Marcon E., Puech F. Measures of the geographic concentration of industries: improving distance-based methods // *Journal of Economic Geography*. 2010. V. 10. No. 5. P. 745–762.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы формирования межбюджетных отношений, сформулирована цель построения оптимальных межбюджетных отношений и определены задачи для ее достижения. Автором выявлены недостатки и предложены направления совершенствования межбюджетных отношений в Республике Беларусь.

Ключевые слова: межбюджетные отношения, дотации, субсидии, межбюджетные трансферты, социальные стандарты.

Процесс построения оптимальных межбюджетных отношений реализуется в форме предоставления межбюджетных трансфертов, а также включает в себя вопросы координации разграничения доходов и расходных обязательств с учетом ответственности за их выполнение между различными уровнями власти. Такой процесс направлен на выбор адекватных для отдельной страны, региона (территории) форм бюджетного регулирования. Межбюджетные трансферты выступают основным инструментом построения межбюджетных отношений, который применяется в большинстве государств независимо от степени централизации управления государственными финансами и форм государственного устройства. Влияние финансовых возможностей местных бюджетов на качество жизни населения на конкретной территории трудно переоценить, поэтому вопросы эффективного распределения межбюджетных трансфертов всегда остаются актуальными. Прежде всего, важную роль играет финансовая помощь из республиканского бюджета, направленная на сокращение диспропорций регионального развития. Вместе с тем ее предоставление не должно уменьшать наполнение бюджетов собственными доходами, а также влиять на распределение трансфертов между уровнями бюджетной системы.

Целью построения оптимальных межбюджетных отношений является создание исходных условий для сбалансированности доходов и расходов на всех уровнях бюджетной системы для выполнения функций, возлагаемых на местные бюджеты, с учетом соблюдения государственных социальных стандартов.

Основным индикатором построения оптимальных межбюджетных отношений является сбалансированность доходов и расходов местных бюджетов. В Республике Беларусь наблюдается несоответствие между расходными обязательствами местных бюджетов и их собственными доходами, сбалансированность обусловлена только механизмом предоставления межбюджетных трансфертов [1].

Анализ отечественного опыта построения межбюджетных отношений выявил следующие недостатки:

- действующие в стране механизмы межбюджетных отношений препятствуют качественному прогнозированию объема бюджетных ресурсов, доступных для реализации целей социально-экономического развития территорий в среднесрочной перспективе, поскольку финансовая помощь в виде дотаций и субвенций, распределение налогов между уровнями бюджетной системы не закреплены за местными бюджетами на среднесрочной основе [2];

- отсутствует зависимость между повышением выделяемых дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и увеличением налоговых (собственных) доходов бюджета на 1 жителя, а также размерами переданных дотаций на следующий уровень бюджетной системы, что позволяет сделать вывод об отсутствии эффективного управления финансовыми ресурсами на уровне местных бюджетов;

- методика расчета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности является сложной и непрозрачной, не учитывает особенности и потенциал развития регионов (территорий), средства местных бюджетов планируются на основании данных за предыдущий год, скорректированных на прогнозируемый рост макроэкономических показателей [3];

- наличие зависимости большинства местных органов власти от безвозмездных поступлений из вышестоящих бюджетов, то есть невысокий уровень финансовой самостоятельности местных бюджетов;

- большое количество встречных межбюджетных потоков, что увеличивает издержки управления ими и противоречит принципу минимизации затрат на бюджетное администрирование, затрудняет контроль их целевого использования, делает процесс межбюджетных отношений недостаточно прозрачным, а также ведет к распылению и малой отдаче от государственных средств.

Для устранения указанных недостатков предлагается комплекс мер по корректровке механизмов построения межбюджетных отношений:

- усовершенствование методики расчета межбюджетных трансфертов в виде дотаций, в основе которой должна быть оценка потенциальных возможностей роста доходов, а не их сложившейся уровень, для того, чтобы избежать появления отрицательных стимулов, трансферты должны иметь безусловный характер, региональным властям целесообразно предоставить право самостоятельно определять приоритеты в области расходов местного бюджета;

- новый подход к расчету дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, на основе интегрального норматива бюджетной обеспеченности по основным категориям расходов на финансирование социальной сферы и его корректирующих коэффициентов, с дополнением нормативов для тех сегментов, которые еще не включены в механизм горизонтального выравнивания;

- поэтапный переход к предоставлению межбюджетных трансфертов в виде дотаций на среднесрочной основе, состоящих из выравнивающей и стимулирующей части; закрепление за местными бюджетами налоговых доходов на среднесрочный период, с целью мобилизации финансовых ресурсов на решение приоритетных социально-экономических целей и задач региона (территории);

- использование механизма ранжирования местных бюджетов до и после получения ими межбюджетных трансфертов для обеспечения баланса выравнивающей и стимулирующей функции межбюджетного регулирования, а также мониторинга состояния местных бюджетов с целью своевременного выявления причин и внесения корректировок в межбюджетные отношения;

- консолидация отдельных видов межбюджетных трансфертов;

- создание специальных фондов развития (регионов) территорий в целях финансирования наиболее значимых государственных (инвестиционных) программ (проектов), программ регионального развития с наибольшим мультипликативным эффектом, инновационными элементами, а также для поощрения регионов-доноров.

Средства таких фондов могут формироваться на принципах долевого финансирования бюджетов разных уровней, привлечения средств существующих институтов развития и негосударственных источников финансирования; смещение от использования форм вертикального выравнивания, нацеленного на поддержку наименее слабых регионов, в пользу горизонтального, направленного на стимулирование внутреннего устойчивого экономического роста территорий и регионов (усиление роли горизонтальных форм финансовой поддержки местных бюджетов на основе межрегиональной (межтерриториальной) хозяйственной кооперации).

Литература

1. Самоховец М.П., Бухтик М.И., Киевич А.В. Развитие межбюджетных отношений в Республике Беларусь. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication> (дата обращения 16.09.2020).
2. Астрейко Т. Местные бюджеты и межбюджетные отношения // Финансы, учет, аудит. 2014. № 7. С. 12–14.
3. Финансовая диета: реформа государственных финансов / К.В. Рудый [и др.]; под науч. ред. К.В. Рудого. Минск: Звязда, 2016. 464 с.

Информация об авторе

Калгина Лариса Николаевна (Республика Беларусь, г. Минск) – старший научный сотрудник, Институт экономики НАН Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1; e-mail: larisacom@front.ru).

Kalgina L.N.

DIRECTIONS FOR IMPROVING INTERBUDGETARY RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *The article discusses the formation of interbudgetary relations, formulates the goal of building optimal interbudgetary relations and defines the tasks for its achievement. The author identified shortcomings and proposed directions for improving interbudgetary relations in the Republic of Belarus.*

Key words: *inter-budgetary relations, subsidies, subsidies, inter-budget transfers, social standards.*

Information about the Author

Larisa N. Kalgina (Belarus, Minsk) – Senior Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (220072, Minsk, Surganova st., 1 building 2, larisacom@front.ru).

References

1. Samokhovets M.P., Bukhtik M.I., Kievich A.V. Development of interbudgetary relations in the Republic of Belarus. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication> (accessed 16.09.2020).
2. Astreiko T. Local budgets and inter-budgetary relations. Finance, accounting, audit. 2014. No. 7. С. 12–14.
3. Financial diet: public finance reform / K.V. Rudy [and others]; under scientific. ed. K.V. Rudy. Minsk: Zvyazda, 2016. 464 p.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ КЛАСТЕРНЫХ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ СТРУКТУР НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА

Аннотация. В статье актуализирована роль механизмов кластерного взаимодействия в системе обеспечения продовольственной безопасности. Определены ограничения адаптированного применения математических методов оценки взаимозависимостей к оценке влияния АПК кластеров на продовольственную безопасность региона.

Ключевые слова: кластерные структуры; агропромышленный сектор; продовольственная безопасность; региональная экономика; оценка влияния кластеризации; агропромышленные кластеры.

Проблема пространственной неоднородности субъектов Российской Федерации сохраняет актуальность вопроса стабилизации уровня продовольственной безопасности отдельных ее территорий, что в свою очередь обеспечивается в значительной степени использованием кластерного подхода как в научном, так и прикладном аспектах развития пространственно-территориальных образований.

В настоящее время мировой и отечественной практикой развития агропромышленного комплекса доказано, что применение кластерного подхода становится одним из ключевых направлений нивелирования угроз продовольственной безопасности и стимулирования развития сельского хозяйства [1; 3–6]. Становится очевидной необходимость формирования комплексных агропроизводственных групп и технологически связанных цепочек, объединяющих различные хозяйствующие субъекты с целью достижения конкретного экономического результата, в рамках одной административной территории [7].

Однако существующая региональная дифференциация не позволяет в настоящее время однозначно спрогнозировать эффект от организации кластерного объединения на социально-экономическое положение региона, что определяет потребность к формированию методического подхода к оценке влияния кластерных агропромышленных структур на продовольственную безопасность региона с целью последующего принятия управленческих решений.

Анализ теоретических исследований по вопросу оценки влияния кластерных структур на продовольственную безопасность региона позволил сформировать вывод об отсутствии комплексного подхода, позволяющего интегрировать оценочные индикаторы продовольственной безопасности и проводить оценку эффективности функционирования кластерных образований. В связи с чем представляется возможным проводить подобную оценку в рамках реализации трех этапов с учетом адаптации существующих математических методов анализа взаимосвязей в контексте данного исследования (таблица).

Этап 1. Оценка уровня продовольственной безопасности региона.

Этап 2. Оценка эффективности функционирования региональных агропромышленных кластерных структур.

Этап 3. Оценка влияния эффективности функционирования кластерных структур на продовольственную безопасность региона.

Анализ математических подходов к оценке влияния переменных применимых к определению оценки влияния кластерных агропромышленных структур на продовольственную безопасность региона

Наименование метода	Основные положения расчета	Ограничения применения для оценки влияния на продовольственную безопасность
Корреляционно-регрессионный анализ [8]	Применение корреляционно-регрессионного анализа возможно только в том случае, если связь между переменными носит линейный характер и переменные величины подчиняются нормальному закону распределения. Для определения зависимости чаще всего применяют формулу: $r = \frac{n * \sum X_i * Y_i - \sum X_i * \sum Y_i}{\sqrt{(n * \sum X_i^2 - (\sum X_i)^2) * (n * \sum Y_i^2 - (\sum Y_i)^2)}}$ где: n – число коррелирующих пар; X – значение независимой переменной; Y – значение зависимой переменной. Положительные значения коэффициента корреляции указывают на прямую связь между исследуемыми величинами, а отрицательные значения – на обратную	Возможно применение при наличии широкого стабильного (без временных ям) временного ряда статистических показателей
Метод экономических сопоставлений [7; 9]	Согласно представленной методике используется две функции: для типа «не менее» и для типа «не более». Для соотношения типа «не менее» является функция вида: $y = \begin{cases} 2^{(1-\frac{a}{x})/(\ln \frac{10}{3})}, \frac{x}{a} > 1 \\ 2^{-\log_{10/3} \frac{a}{x}}, \frac{x}{a} \leq 1 \end{cases}$ где: x – реальное значение индикатора; a – его пороговое значение. Соответственно, для соотношения типа «не более» используется функция вида: $y = \begin{cases} 2^{(1-\frac{x}{a})/(\ln \frac{10}{3})}, \frac{x}{a} < 1 \\ 2^{-\log_{10/3} \frac{x}{a}}, \frac{x}{a} \geq 1 \end{cases}$ Данные функции являются непрерывными и монотонными (в точке x=a обеспечивается равенство как самих функций, так и их производных). Нормирующая функция выбрана таким образом, чтобы после нормировки все индикаторы стали «эффективными» (для «затратных» индикаторов делается инверсия). Такая нормировка позволяет представить экономически оправданные зоны риска: – зона низкого влияния - внутри сектора, ограниченного значениями 0,25 и 0,75; – зона умеренного влияния - внутри сектора, лежащего между значениями 0,75 и 1; – зона сильного влияния – вне сектора от 1 до 1,25	Ограничения отсутствуют

Наименование метода	Основные положения расчета	Ограничения применения для оценки влияния на продовольственную безопасность
Анализ структурных сдвигов и региональной конкурентоспособности (Shift-Share метод) [10]	Shift-Share метод основан на предположении, что региональный экономический рост объясняется совместным действием трех компонентов: рост национальной экономики; рост отрасли в стране; рост региональной экономики, в которой присутствует кластер, функционирующий в одной или нескольких отраслях. Расчет влияния производится по следующей формуле: $SS = NS + IM + RS,$ где: SS – структурный сдвиг (Shift-Share); NS – национальный вклад (National Share); IM – отраслевой вклад (Industry Mix); RS – региональный вклад (Regional Shift). Для расчета каждого из этих компонентов используются формулы: $NS = E_{irt-1} * (E_{ct} / E_{ct-1});$ $IM = E_{irt-1} * [(E_{ict} / E_{ict-1}) - (E_{ct} / E_{ct-1})];$ $RS = E_{irt-1} * [(E_{irt} / E_{irt-1}) - (E_{ict} / E_{ict-1})],$ где: E – один из показателей экономического развития (занятость, оборот и прочее); t – текущий период; (t-1) – предшествующий период; i – вид экономической деятельности; C – страна; r – регион. Если показатель RS по какому-либо виду экономической деятельности принимает отрицательное значение, значит данный вид экономической деятельности в регионе развивается меньшими темпами, чем в целом по стране. Если показатель RS принимает положительное значение, следовательно, созданные кластерные объединения эффективно взаимодействуют и влияют на экономическое развитие и продовольственную безопасность региона	Возможно применение на региональном уровне, невозможно применение в рамках анализа муниципальных объединений. Также возможна замена «переменных» под специфику региона
Анализ через коэффициенты Спирмена и Кендалла [8]	Коэффициент корреляции рангов Спирмена основан на рассмотрении разности рангов значений факторного и результативного признаков: $p = 1 - \frac{6 * \sum_{i=1}^n d_i^2}{n * (n^2 - 1)}$ где: $d_i = x_i - y_i$ – разность между рангами; n – количество наблюдаемых значений признака. Связь будет признана значимой, если коэффициент Спирмена больше 0,5. Коэффициент корреляции рангов Спирмена находится в пределах от 0 до ± 1. Другой мерой связи между переменными X и Y служит коэффициент корреляции рангов Кендалла: $r = \frac{2S}{n(n-1)}$ Связь будет признана значимой, если коэффициент Кендалла больше 0,5	Возможно применение подхода для анализа небольших регионов, с небольшой долей ВРП, поскольку коэффициенты показывают качественный результат только при оценке зависимости двух переменных

Таким образом, можно сделать вывод, что возможно адаптировать математические методы оценки зависимости к определению влияния кластерных структур на продовольственную безопасность, с учетом выявленных автором ограничений к применению. С точки зрения автора наиболее оптимальным вариантом расчета является определение зависимости через корреляционно-регрессионный анализ в комбинации с методом экономических сопоставлений. Однако необходимо учитывать особенность закладываемых переменных и их силу влияния на продовольственную безопасность с целью получения максимально корректных данных. Вследствие чего, для корректного определения степени влияния агропромышленных кластерных структур на продовольственную безопасность региона необходим узкопрофильный подбор переменных в зависимости от используемого метода.

Литература

1. Васильева З.А., Лихачева Т.П., Филимоненко И.В. Оценка базовых предпосылок и потенциала развития кластеров в экономике ресурсно-сырьевого региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 20. № 5. С. 55–69.
2. Ковзунова Е.С. Исследование влияния механизмов кластерного взаимодействия на обеспечение продовольственной безопасности региона // Экономика и управление: теория и практика. 2020. С. 18–24.
3. Санникова И.Н., Семина Л.А. Формирование кластера в целях обеспечения продовольственной безопасности // Модернизация экономических систем: взгляд в будущее (MESLF-2017): сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. П.А. Невеорова, Б.А. Аманжоловой. 2017. С. 64–69.
4. Олескин А.В. Сети как неиерархические и не-рыночные структуры: реализация в биологических и социальных системах // Экономические стратегии. 2013. № 5. С. 2–7.
5. Bezner R.K. Participatory agroecological research on climate change adaptation improves smallholder farmer household food security and dietary diversity in Malawi. 2019. Pp. 109–121.
6. Корнейко О.В. Кластерный подход в организации свободных экономических зон // Экономика и управление . 2017. С. 37–38.
7. Ruiga I. Evaluation of the impact of cluster structures on the economy of the region / E. Vasilyev, N. Raznova, R. Burmenko, T. Burmenko. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on SOCIAL Sciences & Arts, SGEM. 2018.
8. Нигей Н.В. Корреляционно-регрессионный анализ // Научное сообщество. 2019. С. 2–36.
9. Митяков Е.С., Корнилов Д.А. К вопросу о выборе весов при нахождении интегральных показателей экономической динамики. М.: Экономика, инновации и менеджмент, 2015. 112 с.
10. Stevens B. Moore. A critical review of the literature on Shift-Share as a forecasting technique. Journal of Regional Science, 2010.

Информация об авторе

Ковзунова Евгения Сергеевна (Россия, г. Красноярск) – ассистент кафедры ‘экономической и финансовой безопасности, Сибирский федеральный университет (660074, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Академика Киренского, д. 26а; e-mail: e.kovzunova@list.ru).

ON THE QUESTION OF DEVELOPING OF METHODOLOGICAL APPROACH TO ASSESSING THE IMPACT OF CLUSTER AGRO-INDUSTRIAL STRUCTURES ON THE FOOD SECURITY OF THE REGION

Abstract. *The article actualizes the role of cluster interaction mechanisms in the food security system. Limitations of the adapted application of mathematical methods for assessing interdependencies to the assessment of the impact of agribusiness clusters on the food security of the region are determined.*

Key words: *cluster structures; agro-industrial sector; food security; regional economy; assessment of the impact of clustering; agro-industrial clusters.*

Information about the Author

Evgenia S. Kovzunova – assistant of the department of «Economic and financial security» of the Siberian Federal University (26a, Akademika Kirenskogo str., Krasnoyarsk, 660074, Russia; e.kovzunova@list.ru).

References

1. Vasilyeva Z.A. Assessment of the basic prerequisites and potential for cluster development in the economy of a resource-based region / Z.A. Vasilyeva, T.P. Likhacheva, I.V. Filimonenko // Scientific and technical Bulletin of the Saint Petersburg state Polytechnic University. Economic Sciences. 2017. Vol. 20. No. 5. P. 55–69.
2. Kovzunova E. S. Investigation of the impact of cluster interaction mechanisms on ensuring food security in the region. Economics and management: theory and practice, 2020. Pp. 18–24.
3. Sannikova I.N., Semina L.A. Forming a cluster to ensure food security // The collection: Modernization of economic systems: a look into the future (MESLF-2017). Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference. Edited by P.A. Neverov and B.A. Amanzholova. 2017. Pp. 64–69.
4. Oleskin A.V. networks as non-hierarchical and non-market structures: implementation in biological and social systems / A.V. Oleskin // Economic strategies. 2013. No. 5. Pp. 2–7.
5. Bezner R.K. Participatory agroecological research on climate change adaptation improves smallholder farmer household food security and dietary diversity in Malawi. 2019. Pp. 109–121.
6. Korneiko O.V. Cluster approach in the organization of free economic zones. Economics and management, 2017. Pp. 37–38.
7. Ruiga I. Evaluation of the impact of cluster structures on the economy of the region / E. Vasilyev, N. Raznova, R. Burmenko, T. Burmenko // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on SOCIAL Sciences & Arts, SGEM. 2018
8. Nigey N.V. Correlation and regression analysis. Scientific community (collection), 2019, pp. 2–36.
9. Mityakov E.S. On the question of choosing weights when finding integral indicators of economic dynamics / E.S. Mityakov, D.A. Kornilov. Moscow: Economics, innovation and management, 2015. 112 p.
10. Stevens B. Moore. Critical review of the literature on Shift-Share as a forecasting method. Journal of regional science, 2010.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. *Анализируется содержание и роль социально-управленческих стратегий в обеспечении социальной безопасности в современном обществе. Социально-управленческие стратегии рассматриваются в контексте формирования информационного общества с особым экстрафигуративным типом культуры.*

Ключевые слова: *социально-управленческие стратегии, социальная безопасность, информационное общество, общество знаний, экстрафигуративная культура.*

Управление социальными процессами как теория и практика организованного социального взаимодействия в настоящее время зачастую отождествляется с социальным управлением, что имеет под собой реальную информационно-знаниевую базу. В системе социального взаимодействия все его элементы становятся активными акторами. В этой системе уже нет категоричного разделения на ведущих и ведомых, руководящих и руководимых, лидеров и ведомую массу. Социально-управленческая активность становится личностной характеристикой каждого участника социального взаимодействия. По крайней мере, так выглядит организованное действие со стороны, где участие, да и просто наличие, лидеров становится не обязательным. Массовые протестные движения в Беларуси, начиная с августа 2020 г., отчетливо демонстрируют этот факт. Организующей, направляющей и управляющей силой становится информация с неочевидной, и даже скрытой, персонификацией. Так белорусское общество совершенно неожиданно для многих своих граждан и соседей стало «инновационной» площадкой для демонстрации новых социально-управленческих стратегий.

Еще в прошлом веке в качестве системообразующего фактора в глобализирующихся социальных системах стала рассматриваться информация, а механизмы ее создания, трансляции и потребления вошли в структуру социальной коммуникации как наиболее значимой характеристики современного информационного общества. Пожалуй, правильнее характеризовать нынешний этап развития человеческой цивилизации как переход к обществу знания, что более точно отражает его сущность, связывая информационное взаимодействие с социальными акторами, субъектные характеристики которых превращают безликую информацию в знания отдельных субъектов-акторов.

Очевидно, что социальная коммуникация в современном обществе наполняется интеракционными параметрами, создающими, транслирующими и организующими потребление информации на принципиально новом уровне, где происходит смешение в едином информационном потоке различных видов информации и способов коммуникационного взаимодействия. Растущие объемы информации, включенные в современное коммуникационное пространство, в сетевые социальные связи, одновременно меняют характеристики персонификации такого рода информации. Будучи доступной для всех с помощью глобальных компьютерных сетей, «общая» информация воспринимается зачастую как «личная». Информационный тип культуры связан с появлением иллюзии сопричастности к созданию как самой информа-

ции, так и реальных, эмпирически постигаемых событий, являющихся источниками этой информации. Более того информационный пассаж зачастую отождествляется с реальностью и становится посылом перехода от социальной коммуникации как информационного обмена к социальной интеракции, причем разной направленности. Возможно, и негативной.

Таким образом, социально-управленческие стратегии приобретают характер динамично развивающегося механизма, включающего постоянное изучение изменяющейся социальной структуры участников социальной коммуникации и интеракции, а также аудитории, включенной в информационное взаимодействие. Социологический анализ и прогнозирование социально-структурных изменений являются специфическим основанием профессиональной деятельности в современном информационном пространстве в качестве компонента социально-управленческих стратегий. Еще в прошлом веке в качестве системообразующего фактора в глоболизирующихся социальных системах стала рассматриваться информация, а механизмы ее создания, трансляции и потребления вошли в структуру социальной коммуникации как наиболее значимой характеристики современного информационного общества. Пожалуй, правильнее характеризовать нынешний этап развития человеческой цивилизации как переход к обществу знания, что более точно отражает его сущность, связывая информационное взаимодействие с социальными акторами, субъектные характеристики которых превращают близкую информацию в знания отдельных субъектов-акторов.

Так социальная коммуникация в современном обществе наполняется интеракционными параметрами, создающими, транслирующими и организующими потребление информации на принципиально новом уровне, где происходит смешение в едином информационном потоке различных видов информации и способов коммуникационного взаимодействия.

Растущие объемы информации, включенные в современное коммуникационное пространство, в сетевые социальные связи, одновременно меняют характеристики персонификации такого рода информации. Будучи доступной для всех с помощью глобальных компьютерных сетей «общая» информация воспринимается зачастую как «личная». Информационный тип культуры связан с появлением иллюзии сопричастности к созданию как самой информации, так и реальных, эмпирически постигаемых событий, являющихся источниками этой информации.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость постоянного отслеживания изменяющейся аудитории, включенной в информационное взаимодействие. И если в формализованной системе образования на разных уровнях «аудитория» очевидно систематизируется, то в неформальном образовании, которое все более и более становится всеобъемлющим, характеристики потребителей информации (зачастую они становятся и ее создателями, и трансляторами с помощью различных информационных технологий) не всегда лежат на поверхности. Для того чтобы работать с определенными категориями потребителей информации, необходимы знания в области исследования социальных процессов и структур. Социологический анализ и прогнозирование социально-структурных изменений являются специфическим основанием профессиональной деятельности в современном информационном пространстве в качестве компонента социально-управленческих стратегий. Их содержательной спецификой является со-

гласованное социальное взаимодействие всех элементов социальной структуры, характерной для конкретной социальной системы, направленное на реализацию ее основной цели [1].

Это согласованное взаимодействие составляет также сущность социальной безопасности. Таким образом, социум сохраняет свою идентичность и способность к развитию, как показывает практика, в информационном обществе в основе социальной безопасности лежит информационная безопасность – это не только защита информации, но и адекватность воздействия информации на отдельного человека.

В век компьютерных информационных технологий мы наблюдаем смешение в едином информационном потоке различных видов информации, типов знаний и способов коммуникационного взаимодействия. Объединяясь, они формируют единое культурное пространство в рамках развивающегося постнеклассического, информационного, постмодернистского типа культуры. Для этого типа культуры характерно восприятие больших объемов разнородной информации, большая скорость ее обработки и огромные возможности ее трансляции, сохранения, запоминания. Это, во-первых. Во-вторых, в этом типе культуры, который можно обозначить как «экстрафигуративную культуру», все, независимо от возраста и социального, образовательного, культурного статуса, периодически находятся в условиях информационной, знаниевой неопределенности, пребывают в поиске ответов на постоянно возникающие новые не решенные наукой вопросы [2].

В обществе с экстрафигуративным типом культуры информация устаревает раньше, чем ее усваивают, а потому знаниевые новации приобретают форму обыденности. В итоге в современной культуре возникает пласт «виртуальной реальности», в которой реализуются психологические механизмы сопричастности, сопереживания, на самом деле являющиеся «квазиактивностью», заменяющей активность реальную. Для нее характерна нерелексивность сознания, принижение роли рационально-оценочных компонентов в человеческой деятельности и в познавательной в частности. Так происходит не только «виртуализация» окружающего мира, но и «виртуализация» самого человека. Нарушаются механизмы культурной и социальной идентичности – и в итоге формируется неадекватный образ «Я» и того социума «Мы», который представляется как механическая сумма «Я», что не соответствует реальности. Социум – это сложное, системное образование, эмерджентные свойства которого могут очень сильно отличаться от единичного, тем более виртуализованного «Я».

Очевидно, что подобная метаморфоза информационного общества в значительной степени связана со специфической структурой современного образования, специализация которого вытесняет общие социогуманитарные дисциплины из учебных планов. А ведь именно они направлены на формирование адекватного члена социума. Стоит задуматься, а не являются ли многие протестные, порой разрушительные социальные движения итогом такого рода специализации и виртуализации формирования новых поколений членов современного социума. Так социальная безопасность становится коррелятом безопасности информационной, в которой образовательный аспект приобретает особое звучание.

Литература

1. Лапина С.В. Социально-управленческий механизм: реализация в условиях социального государства // Социология управления в теории и практике государственного

управления / под ред. С.В. Лапиной [и др.]. Минск: Акад. управления при Президенте РБ, 2017. С. 6–15.

2. Лапина С.В. Ответ гуманистики на новые вызовы общества знания // Университетское образование: опыт тысячелетия, проблемы, перспективы развития: мат-лы междунар. конгресса. Минск: МГЛУ, 2008. Ч. 1. С. 175–178.

Информация об авторах

Лапина Светлана Валентиновна (Республика Беларусь, г. Минск) – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, д. 17; e-mail: lapina5053@mail.ru).

Лапина Ирена Александровна (Республика Беларусь, г. Минск) – кандидат юридических наук, доцент, ректор, Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (220033, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Партизанский, д. 2/5-3; e-mail: institut@sudexpert.gov.by).

Lapina S.V., Lapina I.A.

SOCIAL AND MANAGERIAL STRATEGIES AND SOCIAL SECURITY IN MODERN SOCIETY

Abstract. *The content and role of social and management strategies in ensuring social security in modern society are analyzed. Social and managerial strategies are considered in the context of the formation of an information society with a special extrafigurative type of culture.*

Key words: *social and management strategies, social security, information society, knowledge society, extrafigurative culture.*

Information about the Authors

Svetlana V. Lapina (Republic of Belarus, Minsk) – Prof Dr hab (sociology); Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (220007, Republic of Belarus, Minsk, Moscovskaya Str., 17; e-mail: lapina5053@mail.ru).

Irena A. Lapina (Republic of Belarus, Minsk) – PhD (Law), Associate Professor; Rector of the Institute for Advanced Studies and Retraining of Personnel of the State Committee of Forensic Expertise of the Republic of Belarus (Republic of Belarus, 220033, Minsk, Partizansky Ave., 2/5-3; e-mail: institut@sudexpert.gov.by).

References

1. Lapina S.V. Sotsialno-upravlencheskiy mekhanizm: realizatsiya v usloviyakh sotsialnogo gosudarstva. Sotsiologiya upravleniya v teorii i praktike gosudarstvennogo upravleniya / S.V. Lapina [red.]. I.A. Lapina. M.A. Shchetkina i dr. Minsk: Akad.upr.pri Prez. RB, 2017. Pp. 6–15.
2. Lapina S.V. Otvet gumanistiki na novyye vyzovy obshchestva znaniya. Universitetskoye obrazovaniye: opyt tysyacheletiya. problemy. perspektivy razvitiya: materialy mezhdunarodnogo kongressa. Minsk: MGLU, 2008. Ch. 1. Pp. 175–178.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Предложен механизм совершенствования оценки конкурентоспособности регионов Республики Беларусь, включающий три метода оценки, применение которых позволит выработать меры по повышению конкурентоспособности регионов в разрезе экономической, экологической и социальной составляющих и минимизации рисков.

Ключевые слова: методы, оценка, составляющие, алгоритм, индикаторы, «зеленая» экономика.

Современный этап экономического и социального развития Республики Беларусь, экологические угрозы, ухудшение качества окружающей среды, глобальные и региональные климатические изменения обусловили необходимость формирования такой государственной экологической политики, которая могла бы обеспечить устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие при условии сохранения природного потенциала страны.

Республика Беларусь рассматривает «зеленую» экономику, ее экологический аспект в качестве важного инструмента обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, огромная роль в котором отводится научным исследованиям.

В Институте экономики НАН Беларуси разработаны следующие методики оценки конкурентоспособности регионов Республики Беларусь с учетом принципов «зеленой» экономики.

1. «Методика оценки конкурентоспособности регионов Республики Беларусь по экономической, экологической и социальной составляющим с учетом принципов «зеленой» экономики». Сущность методики оценки конкурентоспособности регионов состоит в следующем: на основе комплексного исследования теоретических аспектов и методических подходов к оценке конкурентоспособности регионов, изучения совокупности влияющих факторов разработан алгоритм оценки конкурентоспособности региона с учетом экономической, экологической и социальной составляющих с последующим определением интегрального индекса, позволяющего получить комплексную оценку устойчивости социально-экономического развития регионов с применением методов динамических рядов, индексного и рейтингового, включающий пять этапов.

Этапы оценки

1) обоснование состава показателей (индикаторов) в разрезе составляющих: экономической – 9, экологической – 7, социальной – 8;

2) анализ и оценка уровня развития регионов в разрезе составляющих за рассматриваемый период с последующим расчетом единого интегрального индикатора по предложенному индексному методу, который позволяет учитывать не только абсолютные величины показателей каждого региона, но и степень их близости (дальности) к показателю эталона или регион-лидера;

3) определение интегральных индексов каждой составляющей конкурентоспособности анализируемых регионов, исходя из конкретных значений по данным официальной статистической отчетности;

- 4) определение итогового интегрального индекса конкурентоспособности региона;
- 5) формирование рейтинговой оценки уровня конкурентоспособности регионов Республики Беларусь в условиях устойчивого развития.

Для расчета конечного показателя применялся *рейтинговый метод*, позволяющий достаточно точно определить место данного региона относительно его конкурентов, и метод динамических рядов, основанный на использовании типовых характеристик показателей (по темпам роста), характеризующих экономическую, экологическую и социальную составляющие конкурентоспособности регионов. В качестве темповых характеристик использовались цепные темпы изменения значений индикаторов трех составляющих конкурентоспособности за период 2010–2019 гг. и отдельно за 2019 г.

На основе разработанной и примененной шкалы оценки уровня конкурентоспособности регионов для определения рейтингового балла, выявления значений уровня конкурентоспособности всех составляющих (высокий, средний, низкий) были получены следующие результаты: в целом по республике рейтинг регионов по интегральному показателю за период 2010–2019 гг. находился в основном на среднем уровне (за исключением Гродненской и Могилевской областей, уровень которых выше среднего). На первом месте по рейтинговой оценке составляющих находилась социальная (высокий уровень), на втором – экономическая (средний уровень) и на третьем – экологическая (удовлетворительный уровень).

Определение рейтинговой оценки уровня конкурентоспособности каждого региона Беларуси (6 областей и г. Минск), проведенное в разрезе трех составляющих (экономической, экологической и социальной) с выявлением слабых и сильных сторон, дальнейших перспективных направлений развития с учетом конкурентных преимуществ региона, позволило обеспечить решение различных социально-экономических задач, стоящих перед регионом, и выдержать конкуренцию со стороны других регионов.

2. «Методика оценки реальной и потенциальной конкурентоспособности регионов Республики Беларусь в условиях устойчивого развития». Предложены и обоснованы показатели оценки экономической, социальной и экологической составляющих в региональном разрезе для ее применения в Республике Беларусь с последующим расчетом интегрального динамического коэффициента конкурентоспособности регионов по разработанной шкале значений уровня конкурентоспособности регионов (в баллах). Это позволило провести сравнительный динамический анализ уровней конкурентоспособности регионов Беларуси с выделением региона-лидера.

Согласно проведенным расчетам за период 2015–2019 гг. регионом-лидером явился г. Минск по всем трем уровням (реальной, потенциальной конкурентоспособности и интегральному динамическому коэффициенту), на втором месте по интегральному динамическому коэффициенту – Минская область и на третьем – Гомельская область.

3. «Методика оценки уровня экологического состояния и его влияние на социально-экономическое развитие Республики Беларусь». Предлагаемый метод оценки включает два направления: первое – построение системы показателей (индикаторов), отражающих влияние экологического фактора на социально-экономическое развитие региона и сгруппированных по четырем группам:

- 1 группа – показатели качества окружающей среды;

2 группа – показатели создания экологически благоприятной обстановки;
3 группа – показатели, отражающие природоемкость ВВП;
4 группа – показатели, отражающие степень экологизации производственных процессов.

Второе направление – расчет групповых индексов по выделенной системе показателей с последующим определением комплексного показателя (индекса), позволяющего судить об экологическом уровне развития республики и степени устойчивости ее социально-экономического развития.

Результаты расчетов свидетельствуют, что за анализируемый период 2010–2019 гг. экологическая ситуация Республики Беларусь характеризуется как положительная (средний уровень), но имеет в определенные годы некоторые отклонения в разрезе выделенных групп показателей (2019 г. – уровень выше среднего, 2010 г., 2012–2018 гг. – средний, 2011 г. – низкий).

Сформулированы основополагающие принципы в области охраны окружающей среды для обеспечения создания экологически благоприятных условий для общества и граждан.

Отдельные положения трех разработанных методических подходов к оценке экологической составляющей конкурентоспособности регионов Республики Беларусь уже были использованы в практической деятельности Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь при разработке Национального плана действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2016 г. № 1061) (выдана справка о внедрении).

Информация об авторе

Литвинчук Анна Анатольевна (Республика Беларусь, г. Минск) – магистрант, Государственное учреждение образования «Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси» (220040, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, д. 38б; e-mail: ipnk@list.ru, litva-1986@yandex.ru).

Lytvynchuk A.A.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSMENT OF THE INFLUENCE OF THE ENVIRONMENTAL FACTOR ON THE COMPETITIVENESS OF THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *A mechanism for improving the assessment of the competitiveness of the regions of the Republic of Belarus is proposed, including three assessment methods, the use of which will allow choosing measures to increase the competitiveness of regions in the context of the economic, environmental and social components and minimize risks.*

Key words: *methods, assessment, components, algorithm, indicators, «green» economy.*

Information about the Author

Anna A. Lytvynchuk (Minsk, Republic of Belarus) – Master's student State Educational Institution «Institute for Training Scientific Personnel of the National Academy of Sciences of Belarus» (220040, Minsk, Republic of Belarus, st. Radial, 38B, e-mail: ipnk@list.ru, litva-1986@yandex.ru).

«ЗЕЛЕНАЯ» ЭКОНОМИКА: ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. *Предложена система мер по переходу Республики Беларусь на принципы «зеленой» экономики с учетом сдерживающих и способствующих факторов для повышения эффективности государственного регулирования экономики и повышения качества жизни населения страны.*

Ключевые слова: *«зеленая» экономика, принципы, задачи, способствующие и сдерживающие факторы.*

Социально-экономическое развитие Республики Беларусь в настоящее время в полной мере зависит от сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала, удовлетворения потребностей настоящего и будущего поколений людей. Однако, учитывая действующие экологические угрозы как внешнего, так и внутреннего характера, огромное количество технологий, разрушающих экосистемы, а также противоречия между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности, отметим, что необходим переход к устойчивому развитию государства с учетом принципов «зеленой» экономики, благодаря которым предполагается постепенное восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды. Этому способствует следующий ряд факторов [1]. Действующая в настоящее время в республике модель развития общества способствовала росту загрязнения окружающей среды, дефициту природных ресурсов и как результат – разрушению озонового слоя, что привело к изменению климата и потеплению. Последнее десятилетие характеризуется не только экологическим кризисом, но и экономическим, финансовым, отличительной особенностью которых являются большие вложения капитала в финансовые активы, добычу природных ресурсов за счет максимального использования природных ресурсов, что привело к истощению экологической системы. Применяемые в статистической отчетности показатели оценки (валового внутреннего продукта (ВВП), прибыли, рентабельности) не отражали отрицательного влияния на окружающую среду, что в значительной степени повлияло на конечные результаты производственно-хозяйственной деятельности.

Для Республики Беларусь «зеленая» экономика – это перспективный вектор обеспечения устойчивого развития безопасности страны и повышения конкурентоспособности ее экономики. Об этом свидетельствуют разработанные в Беларуси программные документы: Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года; Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 года и Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 г. (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 21 декабря 2016 г. № 1061) [1].

Стратегической целью реализации Национального плана является повышение качества жизни населения на основе роста конкурентоспособности экономики,

привлечения инвестиций и инновационного развития с учетом следующих принципов: соответствия принципам (целям) устойчивого развития; рационального и эффективного использования ресурсов, устойчивого потребления и производства; включения экологических и социальных ценностей в систему экономического учета; приоритетности применения «зеленых» инструментов и подходов при достижении целей устойчивого и социально-экономического развития; повышения конкурентоспособности и обеспечения роста в ключевых секторах экономики.

Реализация вышеприведенных принципов «зеленой» экономики направлена на повышение потенциала экономики республики, региональное развитие, улучшение качества компонентов окружающей среды и предполагает решение следующих задач: определение предпосылок и направлений для внедрения принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь; разработка системы оценки соответствия экономической деятельности данным принципам; определение перечня приоритетных для «зеленой» экономики отраслей и сфер деятельности; формирование комплекса институциональных и отраслевых мероприятий по реализации этих принципов.

Переходу Республики Беларусь к устойчивому развитию на принципах «зеленой» экономики с учетом ее специфических особенностей будут благоприятствовать следующие условия: программные, плановые документы в разрезе различных отраслей на средне- и долгосрочную перспективу; учет законодательства ЕС для внесения необходимых изменений в действующее законодательство республики; результативность мероприятий по охране окружающей среды, разработанных научно-производственными объединениями; совершенствование нормативной базы республики в направлении обоснования применения системных решений по применению рыночных инструментов с учетом действующих эффективных разработок; профессиональная подготовка специалистов для органов управления; анализ природоохранной деятельности; модернизация бюджетных объектов и услуг с учетом достижений науки и техники.

Республика Беларусь не остается в стороне от современных общемировых тенденций и направлений развития экономики на принципах «зеленой» экономики. Несмотря на то что республика относится к категории стран, которые не обладают значительными собственными топливно-энергетическими ресурсами (собственные ресурсы ископаемых энергоносителей составляют более 20% от потребности), она идеально подходит для развития биоэнергетики благодаря наличию больших массивов промышленного леса, равнинного ландшафта, хорошо развитой инфраструктуры, распределения энергии и тепла, современных предприятий энергетического и общего машиностроения, а также высокого уровня технического образования населения. При этом следует отметить, что во многих странах мира «зеленая» энергетика на растительной и древесной биомассе становится эффективной самоокупаемой отраслью, конкурентоспособной по отношению к энергетике на ископаемом топливе.

Технически доступный потенциал биотоплива в Беларуси может покрывать до 8–10% дефицита мощностей. Положительный опыт ряда стран, прежде всего Скандинавских, в наращивании мощностей биоэнергетических станций, которые уже в настоящее время в среднем производят более 20% энергии, свидетельствует о том, что биоэнергетика займет свое место и в Беларуси.

В сельском хозяйстве проблема «озеленения» проявляется прежде всего в развитии и внедрении экологически безопасного производства как процессе, позволя-

ющем проводить оценку по уровням производства и учитывающем оптимальный расход ресурсов, полезный эффект, социальные потери и вредные воздействия на окружающую среду для получения экологически безопасной органической продукции. Экологически безопасная органическая продукция (ЭБОП) – это объем сельскохозяйственного производства, включающий не менее 95% органических составляющих, соответствующий действующим стандартам качества, сертификатам без отрицательного воздействия на природную среду и здоровье человека. Отличительные особенности ЭБОП следующие: качественные – состав полезных веществ, практичность применения; природоохранные – ресурсосбережение и ресурсопроизводство в отраслях экономики; социальные – повышение уровня жизни населения и его благосостояния; технологические – здоровьесберегающие технологии; маркетинговые – развитие рынка и пути продвижения товара с учетом международной сертификации и маркировки; технические – учет требований технических нормативных правовых актов; ценовые – удорожание цены производства и потребления; биологические – сохранение природных экосистем.

Важное место в мировом масштабе занимают вышеприведенные экологические преимущества, так как проблемы экологии влияют не только на сельское хозяйство, но и на качество продуктов питания. Вследствие этого, соблюдение норм чистоты продукта и окружающей среды весьма важно для современных и будущих поколений любой страны, в том числе и Республики Беларусь.

Литература

1. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 декабря 2016 г. № 1061 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://xn--80ankme.xn--90ais/novosti/novosti-pravo-by/2016/december/22418> (дата обращения 04.01.2017).

Информация об авторах

Литвинчук Анна Анатольевна (Республика Беларусь, г. Минск) – магистрант, Государственное учреждение образования «Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси» (220040, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, д. 38б; e-mail: ipnk@list.ru, litva-1986@yandex.ru).

Федоренко Екатерина Петровна (Республика Беларусь, г. Минск) – магистрант, Государственное учреждение образования «Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси» (220040, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Радиальная, д. 38б; e-mail: ipnk@list.ru, k_fedorenko82@mail.ru).

Litvinchuk A.A., Fedorenko E.P.

«GREEN» ECONOMY: A PROSPECTIVE DIRECTION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN INCREASING THE COMPETITIVENESS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *A system of measures is proposed for the transition of the Republic of Belarus to the principles of a «green» economy, taking into account the constraining and contributing factors to improve the efficiency of state regulation of the economy and improve the quality of life of the country's population.*

Key words: *«green» economy, principles, objectives, facilitating and constraining factors.*

Information about the Authors

Anna A. Litvinchuk (Minsk, Republic of Belarus) – Master’s student, State Educational Institution «Institute for Training Scientific Personnel of the National Academy of Sciences of Belarus» (220040, Minsk, Republic of Belarus, st. Radial, 38b; e-mail: ipnk@list.ru, litva-1986@yandex.ru).

Ekaterina P. Fedorenko (Minsk, Republic of Belarus) – Master’s student, State educational institution «Institute for Training Scientific Personnel of the National Academy of Sciences of Belarus» (220040, Minsk, Republic of Belarus, st. Radial, 38b; e-mail: ipnk@list.ru, k_fedorenko82@mail.ru).

References

1. National action plan for the development of a «green» economy in the Republic of Belarus until 2020: Resolution of the Council of Ministers of the Republic. Belarus dated December 21, 2016 № 1061 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. Available at: <http://xn-80ankme.xn-90ais/novosti/novosti-pravo-by/2016/december/22418> (accessed 04.01.2017).

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Определены факторы и направления устойчивого развития региональной экономики, в том числе инновационного развития. Подчеркнута важность системного подхода к развитию региональной экономики.*

Ключевые слова: *региональная экономика, устойчивое развитие экономической системы, направления регионального развития.*

В настоящее время разработка направлений устойчивого развития региональной экономики является первоочередной задачей органов власти, поскольку сохранение динамического равновесия социально-экономической системы гарантирует безопасность, стабильность, надежность и целостность развития субъекта Российской Федерации [1]. Ориентация экономики России на инновационный путь развития также ставит перед регионами вопрос о новых возможностях достижения долгосрочного динамичного развития. В этих условиях обеспечение устойчивого развития экономики регионов является задачей стратегической важности.

В первую очередь необходимо обратиться к некоторым категориям, и в первую очередь к «устойчивости развития», так как большинство авторов зачастую отождествляют это понятие с «устойчивостью». Так, в теории организации устойчивость определяется как способность системы функционировать в состояниях, по меньшей мере близких к равновесию, в условиях постоянных внешних и внутренних воздействий [2]. Л.И. Абалкин определяет устойчивость национальной экономики исходя из критерия ее безопасности, стабильности, способности к постоянному обновлению и самосовершенствованию [3].

По нашему мнению, устойчивое развитие предполагает улучшение качества системы. Если речь идет о выживании территории, то это является не развитием, а функционированием, поддержанием имеющегося уровня социально-экономической системы. Поэтому целесообразно ставить вопрос о необходимости обеспечения устойчивого функционирования и устойчивого развития системы. Таким образом, термин «устойчивость» следует применять не только к развитию, но и к функционированию системы. Регион можно представить как открытую систему, условно разделенную на три взаимодействующих блока [4]: природные ресурсы (первичные ресурсы и окружающая среда); экономика (производственная система и система инфраструктуры) и общество. Эти три блока образуют своего рода технологическую цепочку, призванную обеспечить достижение высокого качества жизни в регионе. Большинство исследователей в области региональной экономики отмечают именно эти три блока как основу для построения схемы функционирования экономики региона (А.Г. Гранберг, В.И. Меньщикова и др.) [5; 6]. Такая позиция вполне логична, поскольку блок «экономика» содержит основные параметры развития региона, включая состав, структуру хозяйственного комплекса региона и ряд количественных и качественных индикаторов, характеризующих его развитие. В блок «население» входит ряд параметров демографической ситуации в регионе, благосостояние населения, уровень и качество жизни в регионе. Блок

«природная среда» включает показатели, характеризующие состояние региональной экосистемы и природно-ресурсного потенциала. Все перечисленные элементы должны рассматриваться во взаимосвязи и взаимозависимости как основные условия благополучия населения, природно-экологической системы жизнеобеспечения и экономического развития. Применительно к субъекту РФ категорию «устойчивое экономическое развитие» можно определить как совокупность социально-экономических и политических процессов, позволяющих последовательно увеличивать потенциал региона для удовлетворения возрастающих потребностей проживающих на его территории граждан. Устойчивое развитие экономики региона – это процесс динамичного наращивания потенциала территории, мотивации экономических агентов к расширенному воспроизводству, повышению конкурентоспособности и на этой основе – последовательному повышению уровня жизни населения без использования ресурсов будущих поколений.

С учетом вышесказанного следует, что устойчивое развитие экономики региона – это такое сочетание правовых, экономических, социальных, производственных отношений, которое выражает способность региона к стабильному функционированию и самосовершенствованию. Законодательной основой обеспечения устойчивого развития стал Указ Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Главной задачей, поставленной в документе, является: осуществление последовательного перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, обеспечивающего сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природоохранного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. Переход к устойчивому развитию требует скоординированных действий во всех сферах жизни общества, адекватной переориентации социальных, экономических и экологических институтов государства, регулирующая роль которого в таких преобразованиях является основополагающей [7]. Разнообразие регионов требует безусловного учета их специфики в выработке и проведении в жизнь стратегии устойчивого развития. В этих условиях многократно возрастает значение региональных исполнительных и представительных органов власти, способных эффективно использовать все формы и методы государственного воздействия для обеспечения положительной динамики в социально-экономической сфере, решения стратегических задач по превращению региона в устойчивую саморазвивающуюся систему.

По нашему мнению, на состояние устойчивости развития экономики региона оказывают влияние такие показатели, как: слабая инвестиционная активность при наличии высокого инвестиционного потенциала; нерациональное использование земельных ресурсов; низкое развитие уровня услуг жилищно-коммунального хозяйства; недостаточное развитие региональной правовой базы для расширения деятельности инвесторов и бизнес-структур. В результате проведенного исследования можно определить ряд направлений функционирования и устойчивого развития экономики региона, которые ориентированы на сочетание региональных интересов с интересами страны в целом, тем самым обеспечивая устойчивость как региональных, так и национальной экономической системы (таблица).

Направления обеспечения функционирования и устойчивого развития экономики региона

Направления развития региональной экономики	Направления регулирования региональной экономики
1. Ориентирование производственной сферы региона на инновационное развитие	- формирование на базе незагруженных площадей крупных предприятий производственных площадок малых инновационных фирм; - предоставление налоговых льгот на приобретение высокотехнологичного оборудования; - льготы по налогу на имущество, участвующее в реализации приоритетного инновационного проекта
2. Привлечение источников финансирования для развития региона	- создание и стимулирование деятельности венчурных фондов; - создание региональных фондов прямых инвестиций; - создание частно-государственных фондов финансирования отдельных стадий развития инновационного бизнеса; - софинансирование регионом НИОКР, выполняемых по направлениям, приоритетным для региона (энергосбережение, экология и др.)
3. Повышение результативности управления территориями	- повышение степени согласованности, оперативности взаимодействия региональных органов власти с федеральными органами в вопросах инновационного развития; - разработка системы индикаторов для оценки устойчивого развития региона; - мониторинг эффективности реализации программных мероприятий.
4. Совершенствование организационного обеспечения устойчивого развития экономики региона на инновационной основе	- разработка и принятие концептуальных документов по вопросам регулирования инновационной деятельности (стратегия и программы регионального инновационного развития, концепция научно-технической политики региона и др.); - сокращение административных барьеров для старта и развития малого, среднего и крупного инновационного бизнеса
5. Развитие инновационной инфраструктуры	- повышение эффективности функционирования созданной инновационной инфраструктуры (в частности, технических и научных центров, бизнес-инкубаторов и т. п.); - обеспечение реализации инновационного потенциала региона на основе институтов развития; - формирование технологических площадок

Таким образом, предлагаемые направления по усилению устойчивого развития экономики региона могут способствовать увеличению производительности труда, росту объемов производства в целом и, самое главное, повышению жизненного уровня населения. Реализация направлений будет способствовать не только рациональному выстраиванию механизма обеспечения устойчивого развития экономики региона на основе более продуктивного использования инновационного потенциала, но и в конечном счете позволит улучшить социально-экономическую среду территории.

Литература

1. Богданов И.Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. М., 2001.
2. Цибульский В.Р. Устойчивое развитие. Методология развития ООН // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2000. № 3-4.
3. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12.
4. Ганопольский М.Г. Устойчивое развитие региона: вопросы методологии // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2000. № 1. С. 4.
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М., 2000.
6. Факторы устойчивого развития регионов России (книга 10) / В.И. Меньщикова [и др.]; под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2011.
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СПС «Консультант Плюс».

Информация об авторе

Малкова Ирина Алфеевна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Марии Ульяновой, д. 18; e-mail: vologda@msal.ru).

Malkova I.A.

FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT REGIONAL ECONOMIC

Abstract. *The factor of sustainable development economic importance of a systematic approach to the development of the territory was emphasized. Designated innovative directions of development of rural areas in the regional economic. The sustainable development of the regional economy is capable of stabilized vat economic development of regional economic.*

Key words: *regional economic, sustainable development system of economic, factor of development regional economic.*

Information about the Author

Irina A. Malkova (Russia, Vologda) – State MGU Academy, assistant, professor, department of Administrative and Financial Law.

References

1. Bogdanov I.Y. Economic security of Russia theory and practice. M., 2001.
2. Cibul V.R. Sustainable Development. UN-Methodology. Taxes. Investment. Capital. 2000. № 3-4.
3. Abalkin L.I. Economic security of Russia: threats and their reflection. Economic issues, 1994, № 12.
4. Hanopol M.G. Sustainable development of the region: methodological issues. Taxes. Investment, 2000, № 1, p. 4.
5. Granberg A.G. Fundamentals of the Regional Economy. M., 2000.
6. Menshikova V.I. (and others) Factors of sustainable development of regions of Russia (book 10)/under the umbrella S.S. Chernova. Novosibirsk, 2011.
7. Long-term socio- economic development of the Russia Federation 2020: by an order of the Government of the Russian Federation dated of 17 November 2008. Access from the reference Legal system «Consultant Plus».

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЕЛИЧИНУ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ (НА ПРИМЕРЕ ПАО «СЕВЕРСТАЛЬ»)¹

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить факторы, оказывающие влияние на объем налога на прибыль на примере крупной вертикально-интегрированной корпорации черной металлургии ПАО «Северсталь», базирующейся на территории Вологодской области. Проанализированы финансовые и операционные показатели компании.

Ключевые слова: крупный бизнес, финансовый результат, черная металлургия, региональная экономика.

Устойчивое развитие территорий напрямую зависит от результатов деятельности хозяйствующих предприятий. Крупный бизнес в существенной степени формирует налоговые доходы региональных бюджетов, в связи с этим изучение факторов, которые влияют на финансовый результат и объем налоговых платежей, является актуальной темой. Объект исследования – крупная вертикально-интегрированная корпорация ПАО «Северсталь», находящаяся в Вологодской области.

Исследованиями особенностей формирования финансового результата предприятий и его влияния на бюджетную систему как региона, так и страны в целом занимались исследователи Вологодского научного центра РАН [1; 2].

Одним из факторов, влияющих на величину налоговых поступлений от предприятий в бюджетную систему страны, является масштаб бизнеса. ПАО «Северсталь» имеет существенные объемы выручки, величина которой напрямую зависит от объема произведенной продукции. Как видно из таблицы 1, выплавка стали на предприятии с 2012 по 2019 год выросла на 12,1%.

Таблица 1. Динамика выплавки стали ПАО «Северсталь» с 2012 по 2019 год

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Всего за 2012–2019	В среднем за 2012–2019	2019 к 2012, в %
Объем выплавки, тыс. т	10566	10651	10851	10855	10891	11651	12039	11847	89351	11169	112,1
Темп роста, %	93,8	100,8	101,9	100	100,3	106,9	103,3	98,4	x	100,7	104,9

Следующим фактором, влияющим на величину налога на прибыль, является объем валовой прибыли. Величина валовой прибыли за 8 лет увеличилась в 2,6 раза, а рост выручки составил 2,1 раза. Такая ситуация объясняется постепенным снижением доли себестоимости в структуре выручки предприятия, что удалось достичь благодаря проведенной технической модернизации (табл. 2).

Таблица 2. Динамика основных показателей финансовых результатов ПАО «Северсталь» с 2012 по 2019 год

Год	Выручка	Себестоимость	Валовая прибыль	Доля себестоимости в выручке*, %
	млн руб.			
2012	223611	182204	41407	81.5

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

Год	Выручка	Себестоимость	Валовая прибыль	Доля себестоимости в выручке*, %
	млн руб.			
2013	212898	174203	38695	81,8
2014	233634	171186	62449	73,3
2015	278611	185171	93440	66,5
2016	305306	210400	94906	68,9
2017	359530	261234	98296	72,7
2018	432773	297439	135333	68,7
2019	457588	349275	108313	76,3
Среднее 2012–2019	312994	228889	84105	73,7
2019 к 2012	2,05	1,92	2,62	-5,2
* Доля себестоимости в выручке.				

* Доля себестоимости в выручке.

На объем прибыли от продаж влияет величина коммерческих и управленческих расходов. Коммерческие расходы являются неотъемлемой частью операционного цикла, поскольку связаны с реализацией продукции и могут включать в себя расходы на рекламу, транспортировку, упаковку, хранение, услуги посредников и прочее. Несмотря на рост данных расходов на 76%, прослеживалась тенденция к снижению их доли в объеме валовой прибыли (табл. 3).

Таблица 3. Динамика коммерческих и управленческих расходов и их доли в структуре выручки и валовой прибыли ПАО «Северсталь» с 2012 по 2019 год

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Среднее 2012–2019	2019 к 2012
Коммерческие и управленческие расходы	25683	23633	22623	26259	27032	29033	34349	45283	29237	1,76
Доля коммерческих и управленческих расходов в выручке	11,5	11,1	9,7	9,4	8,9	8,1	7,9	9,9	9,6	0,86
Доля коммерческих и управленческих расходов в валовой прибыли	62	61,1	36,2	28,1	28,5	29,5	25,4	41,8	39,1	-20,2

Для определения полноты уплаты налога на прибыль в бюджет региона необходимо сравнить величину налога на прибыль по ставке 20% от налогооблагаемой базы с величиной текущего налога на прибыль. Рассматривая динамику текущего налога на прибыль от ПАО «Северсталь» в бюджет Вологодской области, можно сказать, что в среднем он составлял 5,2 млрд руб., что на 9,3 млрд рублей меньше расчетного. При этом средняя ставка, по которой взимался налог, равнялась 7,7% за период, что на 12,3 п.п. ниже нормы. Таким образом, за восьмилетний период в бюджет региона не поступило 74,3 млрд рублей (табл. 4).

Таблица 4. Динамика расчетного и текущего налога на прибыль ПАО «Северсталь» с 2012 по 2019 год, млн руб.

Год	Прибыль до налогообложения	Налог на прибыль по ставке 20%	Текущий налог на прибыль*	Текущая ставка налогообложения	Разница
2012	16341	3268	2280	14,0	988
2013	9170	1834	0,51	0,006	1834
2014	-37710	0	0,96	0	-0,96
2015	44261	8852	5	0,01	8847

Год	Прибыль до налогообложения	Налог на прибыль по ставке 20%	Текущий налог на прибыль*	Текущая ставка налогообложения	Разница
2016	106522	21304	6788	6,4	14516
2017	146040	29208	6542	4,5	22667
2018	138430	27686	14417	10,4	13269
2019	119713	23943	11775	9,8	12168
Всего за 2012–2019	542768	116096	41809	7,7	74287
2019 к 2012	7,33	7,33	5,16	-5,2 п.п.	12,32

* Согласно данным финансовой отчетности ПАО «Северсталь».

Еще одним важным фактором, повлиявшим на объем налоговых поступлений от российских корпораций черной металлургии, стало создание с 2012 года консолидированных групп налогоплательщиков. По мнению академика В.М. Полтеровича, введенный механизм консолидированной группы налогоплательщиков является институциональной ловушкой для Российской Федерации и заимствованием практики зарубежных налоговых систем [3].

Таким образом, в ходе исследования выявлен перечень ключевых факторов, влияющих на объем налоговых поступлений от российских корпораций черной металлургии в бюджеты регионов базирования:

1. Объем полученной выручки, который зависит от объема произведенной продукции и цен на нее, а также от курса национальной валюты.
2. Объем валовой прибыли, зависящий от эффективности технологии при изготовлении металлопродукции.
3. Величина коммерческих и управленческих расходов. В случае если высшее руководство ставит интересы компании выше собственных, затраты на управление будут расти незначительно.
4. Институт консолидации налогоплательщиков, введенный в российскую практику с 2012 года и предполагающий такой способ исчисления налога на прибыль, который стал убыточным для региональных бюджетов.

Литература

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 128 с.
2. Поварова А.И. Социально-экономическое положение «регионов-металлургов»: итоги 2011 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 75–85.
3. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экономическая школа. 89 с.
4. Шувалова Е.Б., Юрченкова Н.В. Особенности налогового контроля по консолидированной группе налогоплательщиков // Статистика и экономика. 2014. № 6-2. С. 370–374.

Информация об авторе

Малышев Михаил Константинович (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru).

FACTORS AFFECTING THE AMOUNT OF INCOME TAX (FOR EXAMPLE, PJSC SEVERSTAL)

Abstract. *The article attempts to identify factors that affect the amount of income tax on the example of a large vertically integrated ferrous metallurgy Corporation PJSC Severstal, based in the Vologda region. The company's financial and operational indicators are analyzed.*

Key words: *large business, financial result, ferrous metallurgy, regional economy.*

Information about the Author

Mikhail K. Malyshev (Vologda, Russia) – research engineer, Federal state budgetary institution of the Russian Academy of Sciences (56a Gorkogo str., Vologda, 160014, Russian Federation, mmk1995@mail.ru).

References

1. Ilyin V.A. Problems of efficiency of public administration. Budget crisis of regions: monograph / V.A. Ilyin, A.I. Povarova. Vologda: itsed RAS, 2013. 128 p.
2. Povarova A.I. Socio-economic situation of “regions-metallurgists”: results of 2011. Economic and social changes: facts, trends, forecast, 2012, no. 4 (22), pp. 75–85.
3. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms. Moscow: Russian economic school. 89 p.
4. Shuvalova E.B., Yurchenkova N.V. Features of tax control For the consolidated group of taxpayers. Statistics and Economics, 2014, no. 6-2, pp. 370–374.

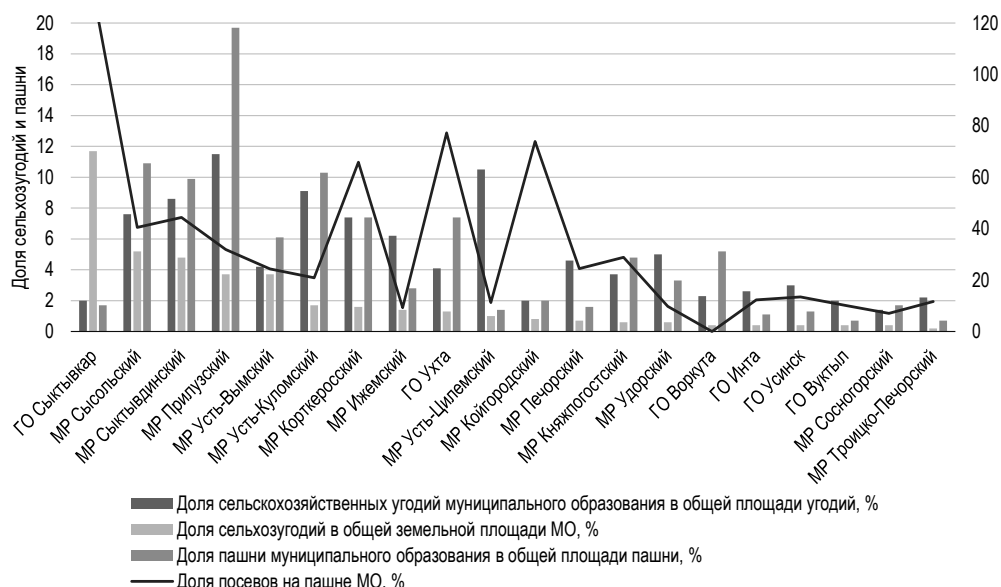
УСТОЙЧИВОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДЕГРАДАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье представлена характеристика земель сельхозназначения северного региона. Определены основные проблемы использования сельскохозяйственных угодий. Предложены меры по сохранению продуктивного потенциала сельскохозяйственных земель на основе устойчивого землепользования.

Ключевые слова: земли сельхозназначения, устойчивое землепользование, северный регион, деградация, направления рационального использования земли.

Исследования устойчивого землепользования в сельском хозяйстве приобретают все большую актуальность с тех пор, как термин «устойчивое развитие» был введен в обращение в Докладе Брундтланд в 1987 г. Негативные количественно-качественные изменения земельных ресурсов влияют на жизнеобеспечение людей (ухудшение здоровья, снижение доходов, нарушение условий хозяйственной деятельности и т.д.). Поэтому от рационального использования земельных угодий как главного средства сельскохозяйственного производства зависит как сельскохозяйственное развитие, так и продовольственная обеспеченность и безопасность. Устойчивое землепользование – это способность поддерживать рациональное и эффективное использование земель, повышая качественное и количественное содержание земельных ресурсов при устойчивости земельных прав, неизменности границ, территориальном размещении и улучшении экологической устойчивости для целей формирования эффективного сельскохозяйственного производства. Цель работы – на основе оценки сельскохозяйственного землепользования Республики Коми предложить направления формирования системы устойчивого использования сельскохозяйственных земель северного региона.

Республика Коми является северным регионом, имеющим суровые природно-климатические условия. Географическое расположение и большая протяженность территории в меридиональном и широтном направлениях определяют, с одной стороны, значительную суровость, а с другой – существенные различия в биоклиматических и экономических условиях развития сельскохозяйственного производства, следствием чего является неравномерность размещения сельхозугодий по муниципалитетам (рисунки).

Доля сельскохозяйственных угодий, пашни и посевов по муниципальным образованиям Республики Коми в 2019 г.

Земли сельхозназначения составляют 1855,6 тыс. га (4,5% общего земельного фонда республики), в том числе фонд перераспределения – 255,9 тыс. га. Сельхозорганизации, фермерские хозяйства и граждане, занятые сельскохозяйственным производством, по состоянию на 1 января 2019 г. имеют 8169,7 тыс. га земель в пользовании, в том числе 6011,8 тыс. га – оленьих пастбищ. Площадь сельскохозяйственных угодий Республики Коми составляет 418,1 тыс. га или около 1% ее территории, из них 186,3 тыс. га. (44,6%) этих угодий находится в пользовании сельхозпроизводителей. Основные площади сельскохозяйственных земель сосредоточены в южной и центральной части, а также в МО МР Удорский, МО МР Ижемский и МО МР Усть-Цилемский. Низкая освоенность территории республики объясняется неблагоприятными для сельского хозяйства природными условиями, огромными площадями, занятыми лесом, и малой ее населенностью. Сельскохозяйственным угодьям присущи разбросанность, высокая степень контурности, чрезмерная удаленность отдельных участков от хозяйственных центров. Распаханность сельхозугодий составляет 25% и уменьшается с юга (42% в МО МР Прилузский) на север (3% в МО МР Усть-Цилемский).

Анализ показал, что площадь сельхозугодий в регионе уменьшается: за 1956–2019 гг. она сократилась на 151,5 тыс. га. До начала реформ сокращение сельхозугодий было в основном связано с проводившейся политикой укрупнения деревень – отмиранием мелких населенных пунктов, зарастанием угодий лесом и кустарником, отсутствием средств механизации, бездорожьем. Основной причиной выбытия угодий в период рыночной трансформации явилась ликвидация сельскохозяйственных организаций, фермерских хозяйств, отказ от части земель личными подсобными хозяйствами и организациями из-за сокращения объемов производства.

Оценка использования пашни (путем ее сравнения с площадью посевных площадей) указывает на фактическое выбытие из сельхозоборота почти двух третей пашни. Если в 1990 г. в среднем по Республике Коми засевалось 97,5% пашни, то в

2019 г. – лишь 36,2%, причем на территории МО ГО Воркута пашня не засеивалась, в МО МР Сосногорский площадь посевов составляла 7,1% площади пашни, в МО МР Ижемский – 9,3%. поголовье крупного рогатого скота с 1990 г. сократилось более чем в пять раз, можно утверждать, что используемые кормовые угодья также сократились в таких же размерах.

Резкое сокращение внесения органических и минеральных удобрений в период рыночных преобразований не позволяет поддерживать плодородие почв. Внесение минеральных удобрений сокращается, а внесение органических удобрений и известкование почв остаются стабильно низкими (таблица).

Внесение органических и минеральных удобрений в Республике Коми

Показатель	1985–1990 гг. (в среднем за год)	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Внесено минеральных удобрений всего, тыс. т д. в.	23	3,0	0,7	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3
Внесено органических удобрений, тыс. т	1500	504	123	123	121	103	108	133
Известкование, тыс. га	20		1,9	0,7	0,7	0,7	0,7	0,2
Фосфоритование, тыс. га	6		1,9	–	0,1	–	0,1	0,1

Программы повышения почвенного плодородия не выполняются из-за отсутствия финансирования. В результате происходит деградация сельскохозяйственных угодий. Необходимость проведения мелиоративных работ связана с тем, что более 170 тыс. га сельскохозяйственных угодий республики длительно или периодически переувлажнены и их эффективное использование возможно только при отводе избыточной влаги. В то же время мелиорированные земли занимают пока небольшой удельный вес – 12% всех сельхозугодий и 24% пашни. Объемы мелиоративных работ минимальны (стоит задача поддержания действующих мелиоративных систем, которая не выполняется) и недостаточны для предотвращения негативных процессов.

Таким образом, землепользование в Республике Коми не является устойчивым. Незавершенность земельной реформы, бессистемность проводимых мероприятий, невыполнение законодательных и нормативных требований, экологических и социальных норм, определенных правовыми актами, низкая рентабельность сельхозпроизводства на Севере приводят к сокращению площади используемых сельхозугодий и снижению их плодородия.

Вместе с тем анализ опыта развитых стран показывает успешно работающие механизмы управления земельными ресурсами. Так, например, в Великобритании, Ирландии, Швеции полностью отменена система налогообложения в отношении земель, задействованных в сельскохозяйственном производстве. В Дании использование сельскохозяйственных угодий не по назначению запрещено и подпадает под административную ответственность. Установлены предельные максимальные размеры земельного участка, находящегося в праве собственности или аренды.

Решение вопросов вовлечения угодий в хозяйственный оборот, повышения плодородия, продуктивности и эффективности использования сельскохозяйственных угодий требует принятия республиканской целевой программы повышения плодородия почв и землеустройства. Целесообразна разработка стратегического плана развития земельных отношений в Республике Коми. При этом следует изучить и использовать опыт зарубежных стран и регионов России – проанализировать возможности сокращения налогообложения, консервации земель, как это осуществляется, например, в Ульяновской области [1], оценить эффективность использования бро-

шенных сельскохозяйственных угодий для лесовыращивания [2], целесообразность развития частного лесоводства путем стимулирования лесовыращивания.

Литература

1. Голубева С.А. Использование земель и консервация деградированных сельскохозяйственных угодий в Ульяновской области // Вестник ФГОУ ВПО. Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина. 2010. № 5. С. 89-92.
2. Юровских Е.В., Магасумова А.Г., Кутыева Г.А. Зарубежный опыт использования брошенных сельскохозяйственных угодий // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2016. № 2. С. 123–125.

Информация об авторе

Мальцева Ирина Станиславовна (Россия, г. Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра Коми научного центра Российской академии наук (167000, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: maltseva@iespn.komisc.ru).

Maltseva I.S.

SUSTAINABLE LAND USE AND PROBLEMS OF AGRICULTURAL LAND DEGRADATION IN THE NORTHERN REGION

Abstract. *The article presents the characteristics of agricultural land in the Northern region. The main problems of agricultural land use are identified. Proposed measures to preserve the productive potential of agricultural land based on sustainable land use.*

Key words: *agricultural land, sustainable land use, Northern region, degradation, directions of rational land use.*

Information about the Author

Irina S. Maltseva – PhD in economics, senior researcher, Institute of socio-economic and energy problems of the North Federal research center Komi scientific centre of Ural branch of Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, Komi Republic, 167000; e-mail: maltseva@iespn.komisc.ru).

References

1. Golubeva S.A. Land use and conservation of degraded agricultural land in the Ulyanovsk region. Bulletin of the Moscow State Agroengineering University named after V.P. Goryachkin, 2010, no. 5, pp. 89–92.
2. Yurovskikh E.V., Magasumova A.G., Kutyeva G.A. Foreign experience of using abandoned agricultural land. Bulletin of the Bashkir State Agrarian University, 2016, no. 2. pp. 123–125.

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА НЕРАВЕНСТВО РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ¹

Аннотация. Оценка региональной дифференциации в результате использования экономико-математических методов позволяет определить динамику и уровень неравенства. Анализ неравномерного развития регионов по показателю ВРП на душу населения дает возможность исследовать данный процесс.

Ключевые слова: российские регионы, ВРП на душу населения, коэффициент энтропии, коэффициент вариации.

Введение

Неравенство развития российских регионов объясняется многими причинами. Значительная часть исследований связывают высокий уровень регионального неравенства с общеэкономическими условиями. Распределение регионов по уровню экономического развития определяет регионы аутсайдеры и развитые регионы, что позволяет понять возможности экономического роста территорий.

Исследователями доказано, что высокий уровень развития экономики способствует сокращению региональных различий. Колебательные процессы, напротив, приводят к увеличению региональных различий. Экономические преобразования сокращают региональные ассигнования в дотационные регионы, увеличивая разрыв между территориями. В период рыночных преобразований в российской экономике наблюдается три кризиса рыночного типа (1998, 2008–2009, 2014–2016 гг.), которые влияют на региональное развитие [1]. Влияние кризисов на российскую экономику характеризуется падением стоимости нефти, что приводит к девальвации рубля и сокращает экономическую активность предпринимательского и производственного секторов.

Обзор литературы

Неравномерность экономического развития России имеет региональную направленность: экономически развитые регионы на территории государства сосуществуют с большим числом регионов-аутсайдеров [2].

В рамках ряда исследований для анализа региональной дифференциации используются эконометрические модели, применение которых дает возможность установить наличие или отсутствие неравномерного развития территорий [2, с. 119; 3; 4, с. 521–526; 5, с. 107].

Основные теории регионального развития применимы для исследования различных экономических и социальных процессов и позволяют оценить уровень пространственной дифференциации по ряду показателей. Одним из таких направлений является гипотеза межрегиональной сходимости/конвергенции теории международной торговли Heckscher, 1919 [6, с. 1949]; Olin, 1967 [7, с. 1933]; Samuelson, 1948 [8, с. 1948] Samuelson, 1949 [9, с. 1949].

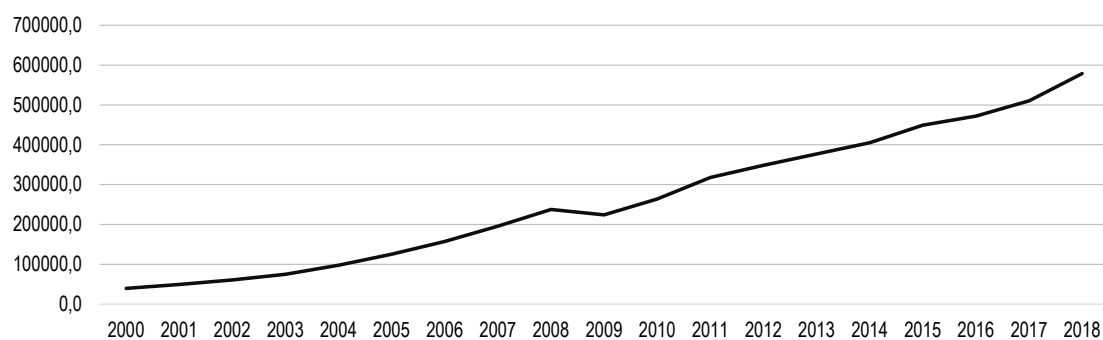
Процессы трансформации экономики воздействуют на развитие территориальных образований. В периоды экономического подъема государственная поддержка медленно развивающихся субъектов оказывает положительное влияние и сокращает

¹ Исследование выполнено в рамках бюджетной научно-исследовательской работы в Институте экономики Карельского научного центра РАН (№ АААА-А19-119010990087-1).

ет межрегиональный разрыв. В периоды кризиса уровень дотаций снижается, что приводит к увеличению неоднородности.

Результаты

В результате колебательных преобразований происходят изменения основных индикаторов развития регионов. Одним из значимых показателей является ВРП на душу населения. Оценка воздействия преобразовательных процессов в экономике позволит выявить периоды максимального и минимального изменения индикатора (рисунок).

ВРП на душу Российской Федерации

Проведенный анализ динамики показателя ВРП на душу населения в период 2000 - 2018 г. определил возрастающий тренд. В периоды кризисных проявлений наблюдается незначительное снижение показателя – кризис 2008 г., что позволяет говорить о сокращении экономической активности в данный период.

Исследование региональных различий может происходить на основании различных методик и инструментов. В данном исследовании применяются три различных коэффициента дифференциации: коэффициент вариации, коэффициент Джини, индекс Тейла (таблица).

Значение коэффициентов энтропии по показателю ВРП на душу населения в текущих ценах

Показатель	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2015	2016	2017
Коэф-т вариации	1,42	1,58	0,74	0,75	0,77	0,81	0,75	0,76	0,74	0,74	0,73	0,70	0,71
Коэф-т Джини	0,27	0,29	0,31	0,31	0,32	0,33	0,31	0,32	0,31	0,30	0,35	0,31	0,31
Индекс Тейла	0,34	0,35	0,37	0,44	0,42	0,43	0,41	0,50	0,48	0,48	0,49	0,48	0,47
Источник: расчеты автора.													

Тенденции изменения коэффициента Джини и индекса Тейла совпадают. Трансформационные процессы, которые имели место после экономического кризиса 1998 г., привели к росту дифференциации, которая несколько снижается в начале 2000 г., однако структурные сдвиги после кризисного 2008 года снова изменяют ситуацию в сторону увеличения региональной асимметрии.

Коэффициент вариации показывает тенденцию отличную от динамики коэффициента Джини и индекса Тейла. В начале исследуемого периода происходит смена тенденций в экономическом развитии и стабильный рост коэффициента вариации, наблюдаемый в период 1995–1998 гг., сменяется спадом. Начиная с 2001 года динамика коэффициента вариации стабилизируется и резких скачков не происходит.

Выводы

Проведенное исследование показало наличие влияния трансформационных изменений на динамику экономического развития. В периоды нестабильности уменьшается показатель ВРП на душу населения, который является обобщенным экономическим показателем, определяющим экономический рост.

Уровень региональной неоднородности также зависит от трансформационных колебаний. Периоды экономического спада характеризуются сближением регионов. Уровень сближения зависит от глубины кризиса и влияния на экономику.

Литература

1. Лякин А.Н. Три кризиса по одному сценарию // Вестник СПбГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 4–25. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.101>
2. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неоднородности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 58–75. DOI:10.15838/esc/2017.1.49.4
3. Пиньковецкая Ю.С. Оценка конвергенции показателей деятельности малых предприятий между регионами Российской Федерации // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2013. Вып. № 2 (66). С. 34–51.
4. Ускова Т.В., Лукин Е.В. Межрегиональное сотрудничество: оценка и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5. С. 119–131.
5. Barro P.J., Sala-I-Martin X. Economic Growth. 1995. 200 p.
6. Heckscher E. The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income. Ekonomisk Tidskrift. 1949. Pp. 497–512. Reprinted as Chapter 13 in A.E.A. Readings in the Theory of International Trade. Pp. 272–300 (Philadelphia: Blakiston) With a Translation in H. Flam and M. J. Flanders (Eds.). 1991. Heckscher-Ohlin Trade Theory. Pp. 43–69. Cambridge: MIT Press.
7. Ohlin B. Interregional and International Trade. Cambridge: Harvard University Press, 1933.
8. Samuelson P.A. International Trade and the Equalization of Factor Prices. Economic Journal, 1948, vol. 58, pp. 84–163.
9. Samuelson P.A. International Factor-Price Equalization Once Again. Economic Journal, 1949, vol. 59, pp. 97–181 p.

Информация об авторе

Морошкина Марина Валерьевна (Россия, г. Петрозаводск) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики – обособленное подразделение федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр-т А. Невского, д. 50; e-mail: maribel74@mail.ru).

Moroshkina M.V.

THE IMPACT OF TRANSFORMATIONAL CHANGE ON THE INEQUALITY OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The assessment of regional differentiation as a result of economic and mathematical methods, allows us to determine the dynamics and level of inequality. The analysis of unequal*

development of the regions by the indicator GRP per capita will give the opportunity to investigate this process.

Key words: *Russian regions, GRP per capita, entropy coefficient, coefficient of variation.*

Information about the Author

Marina V. Moroshkina –The Institute of Economics is a separate division of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center «Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (185030, Republic of Karelia, etc. A. Nevsky, 50, Petrozavodsk, Russia; e-mail: maribel74@mail.ru).

References

1. Lyakin A. N. Three crises under one scenario. Vestnik (Herald) of St. Petersburg State University. Economics, 2018, iss. 34. vol. 1. pp. 4–25. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.101>
2. Gubanova E.S., Kleshch V.S. Methodological aspects of the analysis of the level of heterogeneity of socio-economic development of regions. Economic and social changes, facts, trends, forecast, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 58–75. DOI:10.15838/esc/2017.1.49.4
3. Pinkovetskaya Y.S. Estimation of the convergence of small business performance indicators between the regions of the Russian Federation. Bulletin of the Pacific State Economic University, 2013, vol. 2 (66), pp. 34–51.
4. Uskova T.V., Lukin E.V. Interregional cooperation: assessment and prospects for development. Problems of Forecasting, 2014, № 5, pp. 119–131.
5. Barro P.J., Sala-I-Martin X. Economic Growth. 1995. 200 p.
6. Heckscher E. The Effect of Foreign Trade on the Distribution of Income. Ekonomisk Tidskrift. 1949. Pp. 497–512. Reprinted as Chapter 13 in A.E.A. Readings in the Theory of International Trade. Pp. 272–300 (Philadelphia: Blakiston) With a Translation in H. Flam and M. J. Flanders (Eds.). 1991. Heckscher-Ohlin Trade Theory. Pp. 43–69. Cambridge: MIT Press.
7. Ohlin B. Interregional and International Trade. Cambridge: Harvard University Press, 1933.
8. Samuelson P.A. International Trade and the Equalization of Factor Prices. Economic Journal, 1948, vol. 58, pp. 84–163.
9. Samuelson P.A. International Factor-Price Equalization Once Again. Economic Journal, 1949, vol. 59, pp. 97–181 p.

РЕЙТИНГИ КАК ПРИМЕР ВЗАИМОСВЯЗИ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье автор рассказывает о взаимосвязи власти и бизнеса в Тульской области на примере «Рейтинга политиков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области», «Рейтинга 100 влиятельных туляков» и вручения ежегодной региональной премии «Тульский бизнес».

Ключевые слова: взаимосвязь, бизнес, власть, рейтинг, влияние, вклад, доверие.

Проблема взаимоотношения власти и бизнеса всегда волновала любое общество. От взаимоотношения с бизнесом зависела крепость власти, устойчивость ее развития и прогрессивное движение. Периодически между двумя сторонами возникали конфликты, которые разрешались с различными способами: принятием новых законов, реформами, а в наиболее острых случаях – революциями.

После 1991 года начался новый этап взаимоотношения власти и бизнеса в России. Социологи с самого начала изучали этот процесс, методы влияния власти на бизнес и наоборот.

Тульская область не стояла в стороне от изучения взаимодействия власти и бизнеса и подобные исследования здесь тоже проводились.

С 2004 года сотрудники Тульского социологического центра стали составлять «Рейтинг политиков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области».

Сотрудники Тульского социологического центра изучили опыт создания подобных рейтингов в России и за рубежом. Какой-то устоявшейся методики в регионах не было, и каждая организация предлагала свои варианты изучения ситуации, сбора и анализа информации. Использовались различные варианты: анализ документов, публикации в СМИ, опрос экспертов, анкетирование населения и другие.

Анкета в течение 16 лет не менялась. Первый вопрос был основным «Назовите 10 политиков, которые, на Ваш взгляд, внесли наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области за прошедший год (укажите, пожалуйста, фамилии, инициалы и должность политиков)». После этого вопроса размещалась таблица, в которую эксперту предлагали внести фамилии, инициалы и должности политиков. Во втором вопросе мы просили: «Обоснуйте, пожалуйста, свою точку зрения» и оставляли место для обоснования. Далее шли вопросы паспорттики: пол, возраст, ученая степень и должность респондента.

После сбора, обработки и анализа информации авторы исследования составляли аналитическую справку, в которой обнародовались первые 20 имен. В начале аналитической справки объяснялись причины проведения исследования, назывались исполнители, указывалась методика проведения социологического исследования, состав экспертов, сколько в среднем каждый эксперт назвал имен.

Там же, по мнению авторов социологического исследования, обосновывалась зависимость попадания в список тех или иных имен от занимаемой должности, изменение рейтинга по сравнению с прошлым годом, перспективы их политической и экономической деятельности.

Аналитическая справка всегда была не более 2 страниц. Это позволяло давать не только самую важную информацию о проведенном исследовании, но и полностью опубликовать аналитическую справку в СМИ. Аналитические справки о проведенном исследовании всегда публиковались только на бесплатной основе в таких авторитетных тульских СМИ как «Молодой коммунар», «Слобода», информационное агентство «Тульские новости» и др.

Другим важным рейтингом, показывающим взаимосвязь власти и бизнеса в Тульской области, стала региональная премия «Тульский бизнес» – первая независимая премия в области бизнеса в Тульской области, учрежденная в 2011 году. Целью премии является подведение бизнес-итогов года, а задачей – выявить лучших и создать новый имидж компаний-участников. Премия «Тульский бизнес» – уникальный инструмент, позволяющий оценить прогресс компании за последний год. Соискатели премии могут сравнить свои результаты с результатами конкурентов, а в случае победы компания получает стратегическое конкурентное преимущество. Региональная премия «Тульский бизнес» помогает привлекать инвестиции в тульскую экономику. Компаниям-соискателям выпадает уникальный шанс расширить свой бизнес, повысить репутацию и конкурентоспособность, причем, не только на рынке Тульской области, но и в России.

Независимые эксперты премии, а сюда входят ведущие специалисты в области науки и техники тульского региона, руководители авторитетных общественных организаций, дают объективную оценку положения компании на рынке, анализируя ситуацию.

В декабре 2019 года премия «Тульский бизнес» в девятый раз подвела бизнес-итоги года в регионе. В мероприятии, проводимом в «Доме Дворянского собрания», приняли участие в качестве почетных гостей главный Федеральный инспектор по Тульской области, заместители губернатора, мэр г. Тулы, депутаты Госдумы, министры регионального правительства, глава администрации г. Тулы, глава и депутаты областной думы, руководитель Тульского УФАС, руководитель Территориального органа Федеральной службы госстатистики по Тульской области, президент Тульской ТПП, уполномоченный по правам предпринимателей в Тульской области, почетные граждане города-героя Тулы, руководители фракций основных политических партий, председатель ТРО ООО МСП «Опора России», генеральный директор Тульского социологического центра. Практически все они входят в рейтинг 100 самых влиятельных туляков. Свои награды получили 27 компаний-лауреатов, отмеченных экспертами премии в 2019 году.

В начале десятых годов были высказаны пожелания со стороны тульских СМИ, политиков, предпринимателей и рядовых граждан: составить рейтинг 100 самых влиятельных туляков. Сотрудники Тульского социологического центра поддержали эту инициативу. За основу решено было взять методику составления рейтинга туляков, которые внесли наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области. В качестве экспертов привлекли представителей различных институтов гражданского общества. Важно, что большее значение в данном случае имеет не номер, под которым те или иные люди попали в рейтинг, а само их присутствие в списке ста самых влиятельных туляков.

В качестве параметров, определяющих степень влиятельности, использовались достижения человека как профессионала в своей области и его должность. В этот

список были включены политики – представители органов исполнительной и законодательной власти, руководители силовых и надзорных ведомств, деятели культуры, руководители СМИ, а также топ-менеджеры крупнейших предприятий и финансовых организаций Тульской области.

Большая же часть рейтинга, который составляется ежегодно с 2012 года, – люди, находящиеся на своих постах и должностях уже много лет. Среди них: члены команды губернатора, которые при смене главы региона могли поменять должность, но остались в руководящем составе; депутаты, которые давно занимают видное место в тульской политике; руководители промышленных предприятий и банков; деятели культуры, руководители СМИ.

Есть и примеры, когда включение в рейтинг происходило сразу по нескольким причинам. Иными словами, 100 самых влиятельных туляков – это люди, чьи имена связаны с широкими административными полномочиями, те, кто определяет, насколько благополучной, безопасной, комфортной будет жизнь каждого жителя нашего региона, кто разрабатывает законы и следит за их исполнением, в чьих руках финансы, власть, бизнес Тульской области.

В настоящее время «Рейтинг политиков, внесших наибольший вклад в социально-экономическое развитие Тульской области», первая независимая премия в области бизнеса в Тульской области «Тульский бизнес» и «Рейтинг 100 самых влиятельных туляков» (результаты всех рейтингов регулярно размещались на сайте Российского общества социологов) прочно вошли в социальную, экономическую и политическую жизнь туляков как полезная информация о ситуации в регионе. Немало туляков, как они сами говорили в дальнейших исследованиях, учитывают эти рейтинги при определении своих приоритетов во время избирательных кампаний.

Информация об авторе

Мосин Василий Иванович (Россия, г. Тула) – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор, Тульский социологический центр; старший научный сотрудник, Центр региональных исторических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (300001, Российская Федерация, г. Тула, ул. Гармонная, д. 28; e-mail: mosin55@bk.ru).

Mosin V.I.

RATINGS AS AN EXAMPLE OF RELATIONSHIP BETWEEN AUTHORITY AND BUSINESS IN TULA OBLAST

Abstract. *The article talks about the relationship between authority and business in the Tula region using the example of the “Rating of politicians who have made the greatest contribution to the social and economic development of Tula Oblast”, “Rating of 100 influential Tula citizens” and the presentation of the annual regional award “Tula Business”.*

Key words: *relationship, business, authority, rating, influence, contribution, trust.*

Information about the Author

Vasiliy I. Mosin – PhD, associate professor; CEO of the Tula Sociological Center, Senior Researcher at the Center for Regional Historical Research, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (28, Str. Garmonnaya, Tula, 300001; mosin55@bk.ru).

УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ – ЗАЛОГ УСТОЙЧИВОГО И СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. В статье показано, что истощение лесов, снижение доли ценной древесины в структуре древостоев оказывает значительное влияние на эффективность лесопромышленного комплекса и, в частности, на возможность создавать новые лесоперерабатывающие мощности в формально лесозыбыточных регионах России.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, качество лесных ресурсов, истощение лесов, сортиментная структура.

Сформировавшаяся еще на заре промышленного освоения лесов парадигма о том, что наша страна обладает огромными неисчерпаемыми запасами древесины, а также формальное соблюдение принципа непрерывного, неистощительного пользования лесом привели к тому, что на протяжении десятилетий в советский период Россия могла сохранять высокие объемы заготовки древесины. Низкая производительность труда на лесозаготовках и в первичном лесопилении, вкуче с неэффективной, по современным стандартам, организацией производства, компенсировалась высоким выходом крупномерной хвойной древесины (прежде всего хвойного пиловочника), а также низкими расстояниями вывозки до нижних складов и центров потребления. Все эти факторы в итоге и позволяли обеспечивать нормальную и рентабельную работу всего лесопромышленного комплекса.

Пионерное освоение лесов позволило, начиная с конца 60-х годов, выйти на объемы производства пиломатериалов на уровне 85–95 млн куб. м в год, и этот уровень в целом сохранялся до конца 80-х годов. Это обеспечивалось высоким качеством древостоев. Например, в 1965 году в РСФСР при отпуске леса 354 млн куб. м., 254,5 млн куб. м приходилось на деловую древесину, при этом выход пиловочника составлял 127,7 млн куб. м. Объемы производства стройлеса и подтоварника в этот год составили 39,9 млн куб. м, судостроительного и гидротехнического леса – 2,3 млн куб. м, телеграфных столбов – 4,7 млн куб. м, фансырья – 5,6 млн куб. м. Все эти сортименты можно также условно отнести к пиловочному сырью в соответствии с современной классификацией круглых лесоматериалов. Получается, что в структуре заготовки деловой древесины до 70% приходилось на ценное, по сути, пиловочное сырье, а в общей структуре всей заготовки доля пиловочного сырья доходила до 50%. Доля производства пиломатериалов относительно заготовленной деловой древесины в тот период доходила до 40%.

Тем не менее, начиная с конца 90-х годов в России, в том числе в Республике Коми, в которой лесопромышленный комплекс является вторым по значимости в экономике региона после ТЭК, стала нарастать проблема сырьевого обеспечения как лесозаготовительных, так и лесоперерабатывающих производств. Если раньше лесозаготовители могли обеспечивать рентабельность лесозаготовки за счет высокой доли хвойного пиловочника в структуре лесозаготовки на уровне 30–40%, которая компенсировала продажу оставшейся балансовой древесины на целлюлозно-бумажный гигант ОАО «Монди СЛПК» либо напрямую, либо через различных посредников по низким ценам ниже себестоимости лесозаготовки, то в последние 20–25 лет этот

резерв полностью был исчерпан и статистика показывает, что за этот период лесозаготовительная отрасль практически всегда была убыточной.

В 2020 году автором была разработана методология оценки качества лесных ресурсов при сплошной товаризации лесного фонда Республики Коми с формированием электронной базы данных по актуальной сортиментной структуре древостоев на уровне кварталов и лесничеств. Актуальность данного исследования заключается в том, что впервые отечественной практике удалось адаптировать программный комплекс Torol-L компании ЛесИС, разработанный для целей лесоустройства и лесного хозяйства, для экономической оценки лесных ресурсов, его истощения для дальнейшей оценки их влияния на итоговую ресурсоэффективность экономики региона.

Анализ лесного фонда Республики Коми показал, что в южной и центральной ее части, которая состоит из традиционных «лесных» районов, наблюдается существенное падение качества лесных ресурсов.

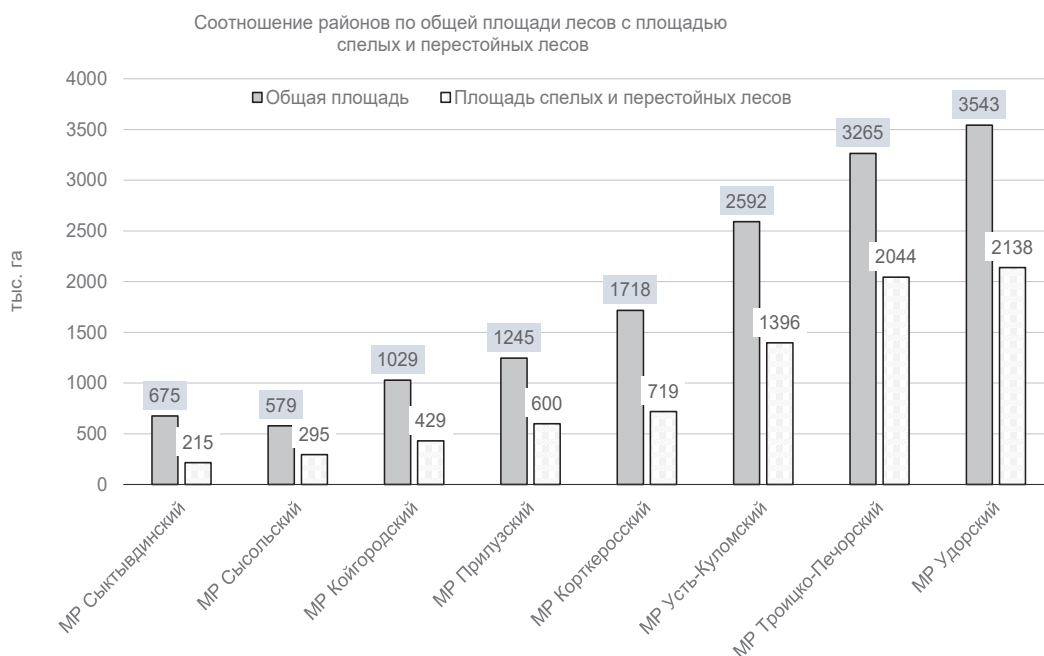

Рис. 1. Соотношение районов по общей площади с площадью спелых и перестойных лесов, тыс. га

На рис. 1 мы видим, что за десятилетия лесозаготовок, начиная с момента начала промышленного освоения, существенно снизилась площадь спелых и перестойных лесов, особенно близких к основному центру потребления и переработки – г. Сыктывкару, где находятся ЦБП, фанерные и плитные производства. В близлежащих Сыктывдинском, Койгородском, Сысольском, Прилузском и Корткеросском районах площади спелых и перестойных лесов составляют уже менее половины от общей площади. Из трех крупных периферийных районов Республики Коми Усть-Куломский район осваивается наиболее интенсивно, являясь лидером в республике по лесозаготовкам, поэтому закономерно, что и здесь доля

спелых и перестойных лесов быстро падает, относительно Удорского и Троицко-Печорского районов, которые осваиваются менее интенсивно из-за низкой транспортной доступности.

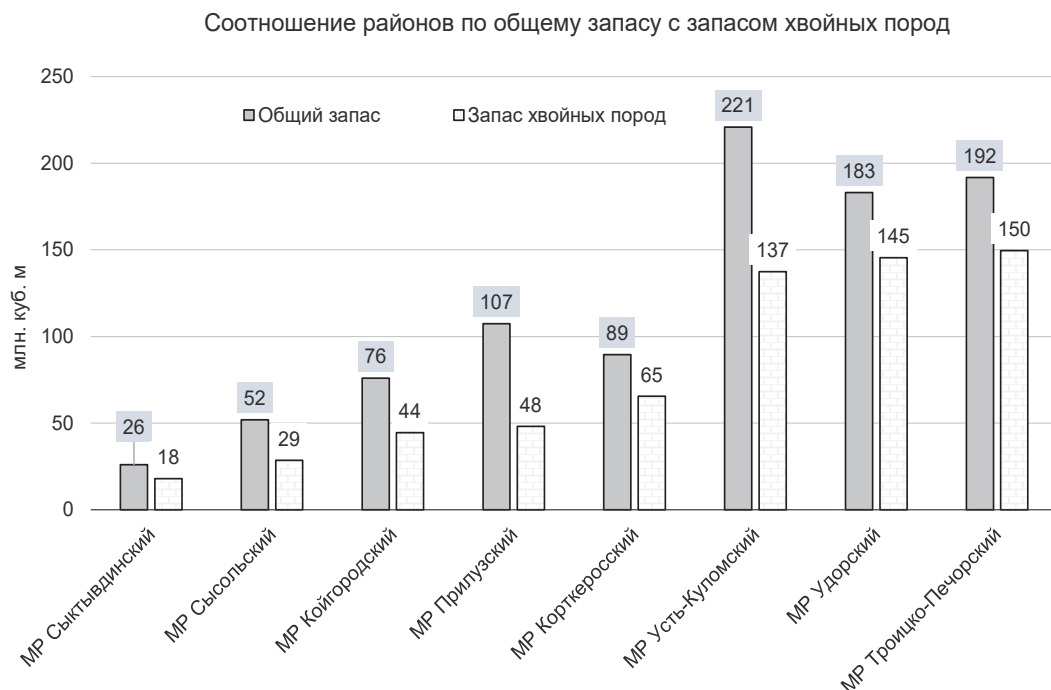

Рис. 2. Соотношение районов по общему запасу с запасом хвойных пород в спелых и перестойных лесах, млн куб. м

Для анализа качества лесных ресурсов надо понимать его внутреннюю структуру, прежде всего долю хвойных пород в структуре запасов. На рис. 2 показано, что традиционные «лесные» районы сильно отличаются между собой: Сыктывдинский, Сысольский и Койгородский районы сильно истощены рубками. Отметим значительно более низкую долю (55–57%) наиболее ценной хвойной древесины в них в Сысольском и Койгородском районах. Прилузский район при нескольких больших запасах также имеет низкую долю хвойных на уровне 45%, что требует создания крупных перерабатывающих производств полного цикла, способных переработать мелкотоварную лиственную древесину, в том числе для производства биотоплива.

Три наиболее крупных «лесных» района – Усть-Куломский, Удорский и Троицко-Печорский имеют схожие запасы древесины в спелых и перестойных лесах – в районе 180–220 млн куб. м. Но есть и негативная тенденция: Усть-Куломский район как один из лидеров в лесозаготовке, стал снижать долю хвойных пород, которая сейчас составляет 62% против 78–79% у Троицко-Печорского и Удорского районов.

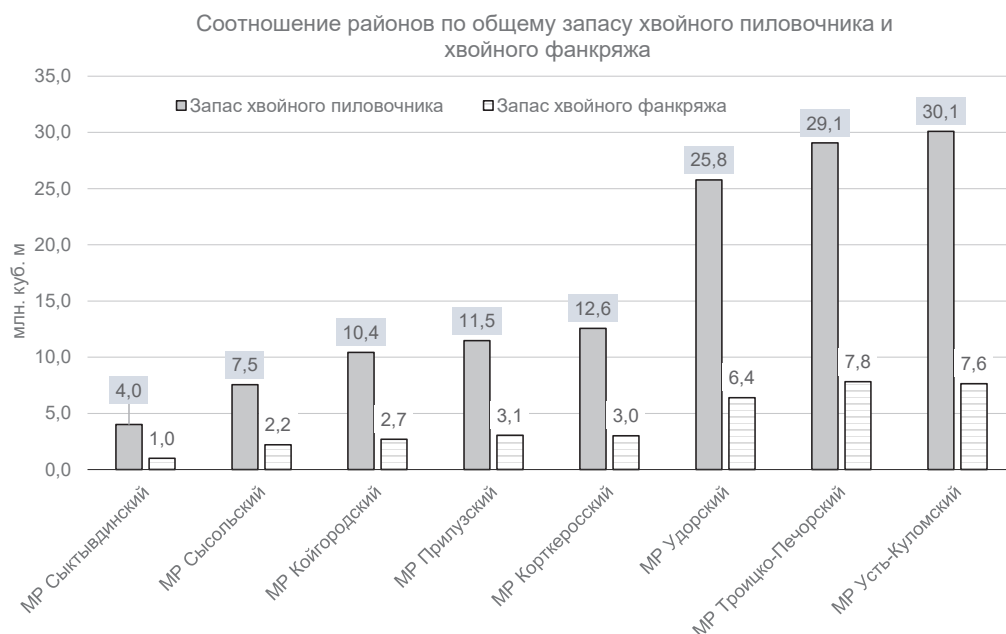

Рис. 3. Соотношение районов по общему запасу хвойного пиловочника и хвойного фанкряжа в спелых и перестойных лесах, млн куб. м

Снижение качества лесных ресурсов особенно заметно при сопоставлении запасов хвойной древесины и наиболее ценной его части – хвойного пиловочника и фанерного кряжа. В начале статьи было показано, что если в 60–70 гг. XX века доля пиловочного сырья доходила до 50% в структуре заготовки древесины, то в настоящий момент она снизилась значительно: даже в самых лесоизбыточных районах Республики Коми, таких как Троицко-Печорский и Усть-Куломский районы, его доля составляет 17–19%, если сопоставлять данные рис. 2 и 3.

Именно поэтому в Республике Коми остро стоит вопрос об обеспечении качественной сырьевой базой строящихся и перспективных лесоперерабатывающих производств, т.к. для обеспечения ритмичной работы они вынуждены будут заготавливать древесину в соседних районах от места размещения таких производств, что создает «давление» на стабильную и ритмичную работу действующих лесоперерабатывающих предприятий.

Информация об авторе

Носков Владимир Александрович (Россия, г. Сыктывкар) – младший научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: rubin35@yandex.ru).

Noskov V.A.

IMPROVING THE QUALITY OF FOREST RESOURCES IS THE KEY TO SUSTAINABLE AND STABLE DEVELOPMENT OF THE TIMBER INDUSTRY COMPLEX

Abstract. *The article shows that the depletion of forests, a decrease in the share of valuable wood in the structure of forest stands has a significant impact on the efficiency of the timber industry complex, and in particular on the ability to create new timber processing facilities in the formally redundant regions of Russia.*

Key words: *timber industry complex, quality of forest resources, depletion of forests, assortment structure.*

Information about the Author

Vladimir A. Noskov (Russia, Syktyvkar) – junior researcher laboratories of the economics of environmental management of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, Republic of Komi, 167982, Russia; rubin35@yandex.ru).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА И РЕКРЕАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Аннотация. В статье представлены результаты разработки стратегической идеи и направлений развития сферы туризма и рекреации сельских территорий Европейского Севера. Предложены рекомендации по формированию прибрежной рекреационной зоны на примере сельского поселения Заречное Великоустюгского района Вологодской области.

Ключевые слова: сфера туризма и рекреации, стратегические направления, сельские территории, Европейский Север.

В современных реалиях внутренний туризм является одним из стимулов экономического роста для сельских территорий, не имеющих потенциала для развития производства. Организация туристской деятельности может стать стимулом для активизации ряда сопутствующих отраслей, что позволит за счет значительного мультипликативного эффекта повысить уровень социально-экономического положения территории и достичь устойчивого развития экономики. Этим определяется значимость настоящего исследования, целью которого является разработка стратегических направлений развития сферы туризма и рекреации сельских территорий Европейского Севера.

Европейский Север, обладающий значительным природным потенциалом и культурным наследием, перспективен для туристской деятельности. На территории Европейского Севера расположены памятники всероссийского и мирового значения: Спасо-Преображенский монастырь (XII в.) на острове Валаам (Ладжское озеро), Преображенский монастырь (XV в.) и Крестный монастырь (XVII в.) на Соловецких островах и острове Кий (Белое море), Кирилло-Белозерский монастырь (XV в.) и Ферапонтов монастырь (XIV в.) в Вологодской области [1]. Вызывают интерес у туристов этнографические деревни, образцы деревянного зодчества «Кижи», «Семеново», «Малые Корелы». Жители сельских поселений сохраняют традиции и продолжают народные промыслы.

Значения показателей туристской деятельности на территории Европейского Севера в последние годы в основном характеризуются возрастанием (рис. 1). Так, в 2018 г. по отношению к 2013 г. число коллективных средств размещения увеличилось на 75,4%, а количество размещенных в них туристов – на 22,5%. Вместе с тем в рассматриваемом периоде численность туристских организаций возросла на 27,7% и составила 691 ед.

Рис. 1. Основные показатели развития туристской деятельности на территории Европейского Севера в 2013–2018 гг.

Исследование проведено на примере сельского поселения Заречное Великоустюгского муниципального района Вологодской области. Поселение образовано в 2017 г. путем объединения нескольких. Административный центр поселения расположен в 5 км от районного центра г. Великий Устюг и 450 км от областного центра Вологодской области – г. Вологды. Сельское поселение Заречное находится в междуречье крупных рек Малая Северная Двина и Юг. Численность проживающего населения по состоянию на 2018 г. составила 921 человек. Удельный вес трудоспособного населения занимает 40% от общего числа жителей.

Поселение располагает основными объектами социальной инфраструктуры, но требуется ее расширение и улучшение качества предоставления услуг. Одной из значимых проблем поселения является демографическая проблема, которая заключается в естественном и миграционном (на учебу, работу и т.д.) оттоке населения. Так, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. число жителей поселения сократилось на 25%. По причине недостатка рабочих мест и отсутствия круглогодичного сообщения с районным центром сокращается численность работающего населения и возникает дефицит квалифицированных рабочих кадров.

Для обоснования стратегических приоритетов развития п. Заречное нами проведено социологическое исследование. В ходе опроса населения выделены ключевые характеристики территории, которые взяты за основу для разработки ключевой идеи: спокойствие (отметили 81% респондентов), сдержанность (48% опрошенных), дружелюбность (43% участников опроса), традиционность (24% респондентов). При этом половина населения считает, что основными ресурсами территории являются рекреационные. Ассоциации, которые жители связывают со своей территорией, – это природные объекты: река и бор, а также праздник Ильин день. Кроме того, по результатам опроса определено, что 50% жителей поселения хотели бы работать в сфере туризма. Желание работать в коллективных средствах размещения высказали 27% участников опроса, а в детском оздоровительном центре – 22% опрошенных (рис. 2). Все указанные аспекты были учтены при разработке стратегических направлений развития сферы туризма и рекреации сельской территории.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о желании жителей п. Заречное работать в сфере туризма и сопутствующих отраслях, % от числа участников опроса

Разработанные в рамках исследования стратегические направления предполагают создание благоприятных условий для использования ресурсного потенциала территории, расположенной на берегах крупных рек, в рекреационных целях. Прибрежные территории обладают привлекательностью и преимуществами для ведения активной хозяйственной деятельности. Прибрежная зона представляет собой пространство, где осуществляется интенсивное взаимодействие человека с окружающей средой. Прибрежная территория, занимаемая сельским поселением Заречное, характеризуется единством природного и культурного наследия, что позволяет рассматривать ее как единую туристско-рекреационную зону. На территории поселения расположены памятники природы и культуры. Широко известен традиционный художественный промысел местных мастеров – шемогодская резьба по бересте.

Стратегическая идея заключается в формировании на территории сельского поселения Заречное прибрежной рекреационной зоны «Медвежий угол». Это устойчивое выражение часто встречается в речи местных жителей и обозначает глухое лесистое место. Называя так свое поселение, жители передают особенности его местоположения, необычное угольное очертание границ и характерные черты: удаленность территории от города, ее экологическую чистоту, тишину, спокойствие и размеренность сельской жизни. В связи с этим формируемая рекреационная зона будет специализирована на развитии активного (в том числе водного), культурно-познавательного, охотничье-рыболовного, экологического и событийного туризма.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что богатый природный потенциал сельских территорий Европейского Севера, их культурное наследие, традиции и народные промыслы позволяют рассматривать сферу туризма и рекреации в качестве одного из основных стимулов экономического роста. При этом для повышения уровня социально-экономического положения северных поселений необходима разработка стратегических направлений, которые согласовались бы с мнением местного населения о дальнейшей перспективе развития сельских территорий.

Литература

1. Орлова В.С. Ресурсный потенциал сельского туризма Европейского Севера // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект: мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 12–14 декабря 2018 г. Вологда: ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2019. С. 121–124.
2. Туризм в Вологодской области: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2019. 104 с.

Информация об авторе

Орлова Виктория Станиславовна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационного менеджмента и управления проектами, и.о. заведующего кафедрой туризма и гостеприимства, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: kanz@vogu35.ru).

Orlova V.S.

STRATEGIC DIRECTIONS FOR TOURISM AND RURAL RECREATION IN THE EUROPEAN NORTH

Abstract. *The article presents the results of the development of a strategic idea and directions for the development of the tourism sector and recreation of the rural territories of the European North. Recommendations on the formation of a coastal recreational zone on the example of the rural settlement Zarechnoye of the Velikoustyug district of the Vologda region are proposed.*

Key words: *tourism and recreation, strategic directions, rural areas, European North.*

Information about the Author

Victoria S. Orlova (Russia, Vologda) – candidate of economic sciences, associate professor, Department of innovative management and project management; acting head, Department of tourism and hospitality (160000, the Vologda region, Vologda, Lenin St., 15, kanz@vogu35.ru).

References

1. Orlova V.S. Resource potential of rural tourism of the European North//Strategy and tactics for the implementation of socio-economic reforms: regional aspect: materials of the VIII international scientific and practical. conf., Vologda, december 12–14, 2018. Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2019. Pp. 121–124.
2. Tourism in the Vologda region. Territorial authority of Federal State Statistics Service in the Vologda region. Vologda, 2019. 104 p.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. *Цель статьи – выявление новых тенденций в изучении агломерационных процессов. В данной статье рассматриваются некоторые результаты исследований агломерационной экономики, приводится терминология, детально раскрываются выбранные для изучения эффекты, позволяющие сделать вывод о преимуществах агломерационных процессов. Предложены аспекты, которые выделяются при изучении агломерационных процессов. Кроме того, уделено внимание зависимости эффектов агломерационных процессов и размеров фирм, а также неоднородности отраслевого воздействия.*

Ключевые слова: *агломерационный процесс, агломерации, региональная экономика, регион, региональное развитие.*

Изучению агломерационных процессов, отражающих территориальную концентрацию экономических ресурсов и деятельности с целью получения положительных эффектов и преимуществ, пристальное внимание стало уделяться сравнительно недавно. Несмотря на то, что термин «агломерация» впервые ввел А. Маршалл в конце XIX века [1], эффективным импульсом развития данного направления стала работа П. Кругмана (1991 [2]). На сегодняшний день мы видим, что агломерационные процессы, эффекты и силы становятся не только предметами нескольких самостоятельных исследовательских направлений, но и часто пересекаются с другими сферами региональной экономической науки.

Агломерационные эффекты (или агломерационная экономия) определяются как преимущества производительности, которые возникают от размера города, региона и степени концентрации экономической деятельности. Мы можем выделить эффекты урбанизации – увеличение производительности фирм от близкого расположения к крупным населенным пунктам и эффекты локализации – преимущества от возрастания масштабов отрасли [3]. Благодаря эффектам локализации предприятия совместно пользуются распределяемыми ресурсами, снижают издержки вследствие транспортно-логистической оптимизации, пользуются преимуществами более емкого рынка труда, развивают обслуживающий их деятельность сектор услуг. Эффекты урбанизации позволяют фирмам получать выгоды от различных видов кооперации (инновационной, научной, социальной). Это приводит к высокому уровню развития инфраструктуры, увеличению инвестиций, объединению экспертов в различных областях, росту благосостояния населения, оптимизации экономических процессов.

Таким образом, важность исследования агломерационных процессов обосновывается их положительным влиянием на региональную и национальную конкурентоспособность, так как эффекты проявляются на микро- и на макроуровнях.

Изучение агломерационных эффектов может происходить в трех проекциях. Неделимость эффекта [1] определяется тем, что увеличение производительности и снижения издержек происходит не только в рамках отдельных предприятий, но распространяется в целом на экономику города или региона [4; 5]. Именно неделимость агломерационных эффектов объясняет стимулы для развития инфраструктуры и повышения совокупной эффективности территории. Необходимо отметить, что отдельные секторы экономики самостоятельно получают агломерационные эффекты

от экономии масштаба, другие же достигают роста эффективности только в совокупности со вспомогательными отраслями, формируя промышленные кластеры [6].

Синергия в агломерационных эффектах проявляется через социокультурное поведение – доверие, чувство принадлежности к группе, культурная однородность – влияют на рост отдачи за счет минимизации транзакционных издержек [7].

Близость в агломерационных эффектах связывается с географическими измерениями, в условиях, когда информационные и транспортные издержки незначительны, эффективность размещения производительных сил возрастает.

В исследованиях агломерационных процессов можно выделить самостоятельные направления, связанные с анализом неделимости эффекта, синергии или близости. Данные подходы можно разделить с позиции основных источников статистических данных и интерпретации эффективности, которая лежит в основе концепции организационного процесса [8].

Существует значительное число работ, эмпирически доказывающих положительное влияние агломерационных эффектов на производительность. При проведении региональной социально-экономической политики важно понимать роль агломерационной экономии на микроуровне, то есть видеть различия в проявлении агломерационной экономии в отраслях, фирмах и в динамике. Масштабы агломерационных эффектов существенно различаются по отраслям и по уровню развития фирм (специфика деятельности и стадия жизненного цикла компании).

Каналы проявления агломерационных эффектов могут различаться – внутри отраслей в одном регионе или между отраслями в этом же регионе. Экономия агломерации оказывает неоднородное воздействие на различные отрасли, поскольку ее сила зависит от отраслевых характеристик: в то время как некоторые отрасли в значительной степени выигрывают от внешних эффектов агломерации, для других эти эффекты гораздо скромнее.

Некоторые исследователи считают, что внешние эффекты агломерации варьируются не только в зависимости от характеристик фирмы или отрасли, но и в зависимости от жизненного цикла продукта или отрасли. Эффекты специализации увеличиваются с развитием отрасли; экстерналии урбанизации являются положительными для молодых отраслей, но снижаются и даже становятся отрицательными на более поздних стадиях жизненного цикла отрасли [9]. В данной области исследования имеются некоторые публикации по анализу проявления агломерационных эффектов в секторальном измерении, однако вопросы по типам фирм и стадиям жизненного цикла компании только затрагиваются [10].

Таким же образом затрагиваются аспекты размеров городов, в рамках которых могут происходить агломерационные процессы. Показано, что повышение производительности и экономической рост могут возникать не только в крупных городах, но и в средних, а также специализированных на выполнении высокотехнологических процессов или связанных с инновационным развитием человеческого капитала. Небольшие города также демонстрируют положительную корреляцию от сокращения средних городских выгод и потенциальный рост эффективности, полезный для всей системы. Развитие передовых производственных процессов может быть объяснено более высоким уровнем производительности, но не самим размером города [11]. Кроме того, маленькие города могут использовать свои специфические преимущества [12].

Таким образом, актуальность исследования агломерационных процессов будет возрастать. Эти некоторые результаты подчеркивают важность индивидуальных подходов для информирования директивных органов и принятия управленческих решений при проведении целенаправленной и эффективной региональной политики. Неоднородность полученных учеными результатов также указывает на необходимость дальнейшего развития исследований.

Литература

1. Marshall A., Marshall M. P. (1920). The economics of industry. Macmillan and Company.
2. Krugman, P. R. (1991). Geography and trade. MIT press.
3. Rastvortseva, S. N. Economic activity in Russian regions. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2018, no. 11 (1), pp. 84–99.
4. Rosenthal S.S., Strange W.C. The determinants of agglomeration. Journal of urban economics, 2001, no. 50 (2), pp. 191–229.
5. Cohen J., Morrison Paul C. (2009). Agglomeration, productivity and regional growth: Production theory approaches. In: Capello R., Nijkamp P. (eds.). Handbook of regional dynamics and growth: Advances in regional economics. Edward Elgar, Cheltenham.
6. Isard W., Schooler E.W. Industrial complex analysis, agglomeration economies, and regional development. Journal of Regional Science, 1959, no. 1, pp. 19–33.
7. Becattini G. (1989). Modelli locali di sviluppo. Bologna: Il Mulino.
8. Camagni R., Capello R., Caragliu A. (2017). Static vs. dynamic agglomeration economies: Spatial context and structural evolution behind urban growth. In: Seminal studies in regional and urban economics. Springer, Cham. Pp. 227–259.
9. Gouveia A., Santos S., Fernandes M. (2017). The empirics of agglomeration economies: the link with productivity (No. 0067). Gabinete de Estratégia e Estudos, Ministério da Economia.
10. Combes P.P., Duranton G., Gobillon L. The identification of agglomeration economies. Journal of economic geography, 2011, no. 11 (2), pp. 253–266.
11. Capello R. Urban return to scale and environmental resources: An estimate of environmental externalities in an urban production function. International Journal of Environment and Pollution, 1998, no. 10, pp. 28–46.
12. Jones J. Agglomeration economies and the location of foreign direct investment: A meta-analysis. Journal of Regional Science, 2017, no. 57 (5), pp. 731–757.

Информация об авторах

Светлана Николаевна Растворцева (Россия, г. Москва) – доктор экономических наук, профессор департамента мировой экономики, Высшая школа экономики (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: srastvortseva@gmail.com).

Колпашникова Александра Дмитриевна (Россия, г. Москва) – ассистент департамента мировой экономики, Высшая школа экономики (101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: a-kolpashnikova@mail.ru).

NEW TRENDS IN THE REGIONAL AGGLOMERATION RESEARCH

Abstract. *The purpose of the article is to identify new trends in the study of agglomeration processes. This article discusses some of the results of the research of agglomerations, provides terminology and reveals in detail the effects selected for the study, which allow us to make some conclusions about the advantages of agglomeration processes. Aspects that stand out in the study of agglomeration processes are proposed. In addition, emphasis is made on the dependence of the effects of agglomeration processes and the size of firms, as well as the heterogeneity of the industry impact.*

Key words: *agglomeration processes, agglomeration, region, regional economy, regional development.*

Information about Authors

Svetlana N. Rastvortseva – Doctor of Economics, Professor, National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: srastvortseva@gmail.com).

Alexandra D. Kolpashnikova – assistant, National Research University Higher School of Economics (Russian Federation, Moscow).

ПРОГРАММЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОМОЩИ КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО СПРОСА НА ПРОДУКЦИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА¹

Аннотация. В статье показано значение программ внутренней продовольственной помощи для государственной поддержки отечественных сельхозпроизводителей. Исследованы проблемы участия региональных производителей продовольствия, особенно малого агробизнеса, в реализации программ внутренней продовольственной помощи.

Ключевые слова: внутренняя продовольственная помощь, малый агробизнес, производственно-логистические центры, социальное питание, пилотные проекты.

Внутренняя продовольственная помощь как инструмент, с помощью которого государство может решить две важнейшие задачи – улучшения питания наиболее уязвимых категорий населения и поддержки национальных производителей продовольствия, имеет богатую историю во многих странах. Впервые программа внутренней продовольственной помощи была применена в США в период Великой депрессии, в настоящее время в этой стране функционирует порядка пятнадцати программ, среди которых наибольшее распространение получили программа льготной покупки продуктов и программы школьного питания (обедов и завтраков). Программы внутренней продовольственной помощи, используемые в разных странах мира, имеют свою специфику. Интересным является опыт Бразилии, где большое внимание уделяется вовлечению малых и семейных ферм в программы продовольственной помощи на основе соответствующего законодательства. В результате около тридцати процентов продовольствия поставляют в школы мелкие фермерские хозяйства [1].

В Концепции внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 3 июля 2014 г., этот вид помощи рассматривался в двух формах: прямых поставок продовольственных товаров и выделения денежных средств для покупки продовольствия малообеспеченными слоями населения с учетом рациональных норм потребления, также в этом документе говорилось о поэтапном формировании системы продовольственной помощи с учетом экономических возможностей страны [2].

Осуществление действия механизма внутренней продовольственной помощи в экономической литературе предлагается характеризовать как «тянущий» принцип, в основе которого лежит «вытягивание» потребителем продовольствия всей продовольственной цепочки. Другим важным принципом при построении данного механизма является принцип протекционизма в отношении отечественного производителя. В регионах России существует значительная дифференциация уровня самообеспеченности продовольствием, фактического потребления различных групп продуктов питания, в связи с чем в экономической литературе предлагается учитывать эти специфические особенности регионов при разработке Федеральной программы внутренней помощи [3]. На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку прин-

¹ Материалы на конференцию подготовлены при финансовой поддержке РФФИ проекта № 19-010-00148А.

ципы федеральной программы должны быть унифицированы для всех регионов, включая требования к банкам, поставщикам, организациям торговли, участвующим к реализации программ внутренней продовольственной помощи. Региональный уровень должен включать разработку дополнительных программ, направленных на увеличение потребления тех видов продовольствия, по которым имеет место отставание фактического потребления в регионе от нормативного уровня.

Минсельхозом России на основе Концепции разработки мер поддержки отечественных производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции на основе механизмов оказания внутренней продовольственной помощи в 2013–2014 гг. реализовывались пилотные проекты в пяти субъектах Российской Федерации – республиках Бурятия и Мордовия, Омской, Саратовской и Ульяновской областях. Реализация этих проектов оказала положительное влияние на параметры функционирования региональных агропродовольственных комплексов и развитие социальной сферы (программы продовольственных карт и социального питания увеличили внутренний спрос на продовольствие, наличие стабильного социального заказа способствовало расширению объемов производства, внедрению инновационных подходов, росту доли поставок продукции местных сельхозпроизводителей в социальные учреждения). Были выявлены и ряд сдерживающих проблемных моментов: различия нормативно-правовой базы в регионах, нехватка средств в региональных бюджетах, отсутствие стимулирующих мер государственной поддержки, противоречия экономических интересов торговых структур сетевого формата и местных товаропроизводителей. По мнению специалистов, пилотные проекты показали необходимость создания инфраструктуры распределения продовольственной помощи в регионах в форме производственно-логистических центров, поскольку сельскохозяйственным организациям различных форм собственности в силу значительной конкуренции и часто их технологической отсталости необходима государственная поддержка [6]. Данная форма позволяет осуществлять закупку у региональных производителей и переработчиков продовольственной продукции для организации социального и школьного питания, устранять посредников, организовывать эффективный контроль качества и безопасности пищевых продуктов; появляются большие возможности выхода на местный рынок у фермерских хозяйств и хозяйств населения. Для снижения издержек обращения и полноценного участия в программах внутренней продовольственной помощи малых форм хозяйствования и личных подсобных хозяйств необходимо, чтобы деятельность региональных органов управления и органов местного самоуправления была направлена на развитие кооперации, в том числе на возрождение магазинов потребительской кооперации на селе.

Литература

1. Фермеры плохого не пришлют. URL: <https://rg.ru/2013/09/02/braz.html>
2. Концепция развития внутренней продовольственной помощи в Российской Федерации: утв. Распоряжением Правительства РФ от 3 июля 2014 г. № 1215. URL: <http://base.garant.ru/70689502/#ixzz6K2rmjMlR>
3. Водясов П.В. Механизм внутренней продовольственной помощи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 2. С. 28–32.
4. Стукач В.Ф., Ушакова Е.А. Региональная инфраструктура внутренней продовольственной помощи // Международный научно-исследовательский журнал. 2015.

Информация об авторе

Решетникова Елена Геннадиевна (Россия, г. Саратов) – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук (410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: elenaresh2708@mail.ru).

Reshetnikova E.G.

FOOD HELP PROGRAMS AS A FACTOR OF STIMULATION OF DOMESTIC DEMAND FOR PRODUCTION OF A REGIONAL AGROCULTURAL FOOD COMPLEX

Abstract. *The article shows the importance of domestic food aid programs for state support of domestic agricultural producers. The problems of the participation of regional food producers, especially small agribusiness, in the implementation of domestic food assistance programs are investigated.*

Key words: *domestic food assistance, small agribusiness, production and logistics centers, social nutrition, pilot projects.*

Information about the Author

Elena G. Reshetnikova (Russia, Saratov) – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Laboratory for Institutional Development Strategy, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences (Russia, 410012, Saratov, Moskovskaya St., 94; e-mail: elenaresh2708@mail.ru).

References

1. Farmers will not send anything bad. URL: <https://rg.ru/2013/09/02/braz.html>
2. The concept of development of domestic food aid in the Russian Federation. Approved. By the order of the Government of the Russian Federation of July 3, 2014, № 1215. URL: <http://base.garant.ru/70689502/#ixzz6K2rmjMlR>
3. Vodyasov P.V. The mechanism of domestic food assistance. Economics and Business: Theory and Practice, 2018, № 2, pp. 28–32.
4. Stukach V.F., Ushakova E.A. Regional infrastructure of domestic food aid. International Research Journal, 2015, no. 8 (39), part. 1, pp. 72–80. URL: <https://research-journal.org/economical/regionalnaya-infrastruktura-vnutrennej-prodovolstvennoj-pomoshi>

ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В докладе представлены результаты исследования инвестиционного процесса в экономике Вологодской области, выявлены основные проблемы, в том числе и структурные. На базе проведенного анализа предложен ряд возможных инструментов экономической политики, направленный на их решение.

Ключевые слова: регион, инвестиции, накопление, сбережение.

Инвестиционный процесс является одним из жизнеобеспечивающих факторов развития экономики территорий. Именно эффективность текущей инвестиционной деятельности определяет развитие регионов и повышение благосостояния общества в средне- и долгосрочном периоде.

Анализ инвестиционного процесса был проведен для экономики Вологодской области – промышленно развитого экспортоориентированного региона европейской части России, в котором отмечается стагнация экономического роста и снижение реальных доходов населения за последние годы [1]. Актуальность использования инструментов структурно-инвестиционной политики обеспечивается рядом проблем инвестиционного процесса в экономике Вологодской области. Цель данного исследования – разработка и обоснование рекомендаций структурной политики для достижения устойчивого развития территорий.

Выявлено, что основным барьером, замедляющим экономическое развитие, с точки зрения инвестиций, является высокий износ основных производственных фондов на фоне недостаточной инвестиционной активности в регионе (рис. 1). При этом показатели износа основных средств значительно превышают страновые, для справки: в 2019 году среднероссийский уровень изношенных основных средств составил 37,6% (рис. 2).

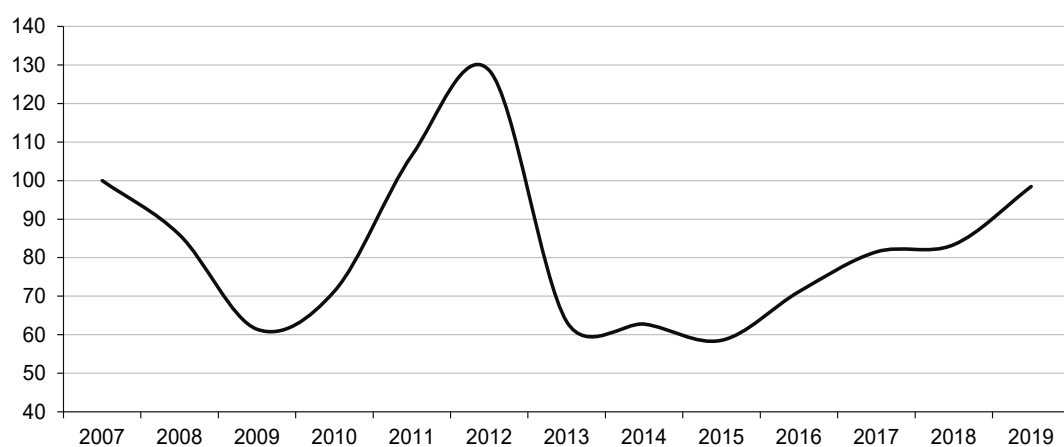

Рис. 1. Индекс объема инвестиций в основной капитал в экономике Вологодской области в 2007–2019 гг., % к 2007 г.

Источник: составлено автором по данным Вологдастата.

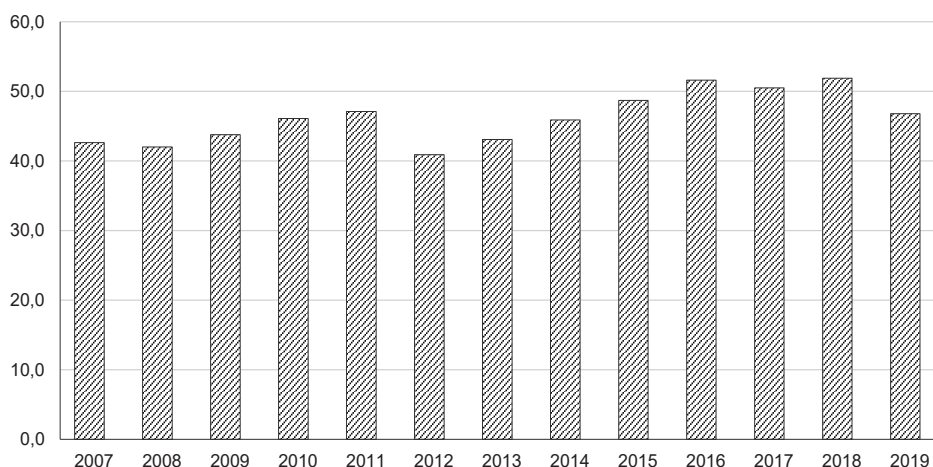

Рис. 2. Уровень износа основных фондов в экономике Вологодской области в 2007–2019 гг.

Источник: составлено автором по данным Вологдастата.

Переходя к структурным проблемам, стоит акцентировать внимание на низкой доле инвестиций в валовом региональном продукте экономики Вологодской области (рис. 3). Для устойчивого роста экономики в 7,5% (это позволит удвоить ВРП за десять лет) необходима норма накопления не менее 30%, что подразумевает под собой форсированный рост инвестиций [2].

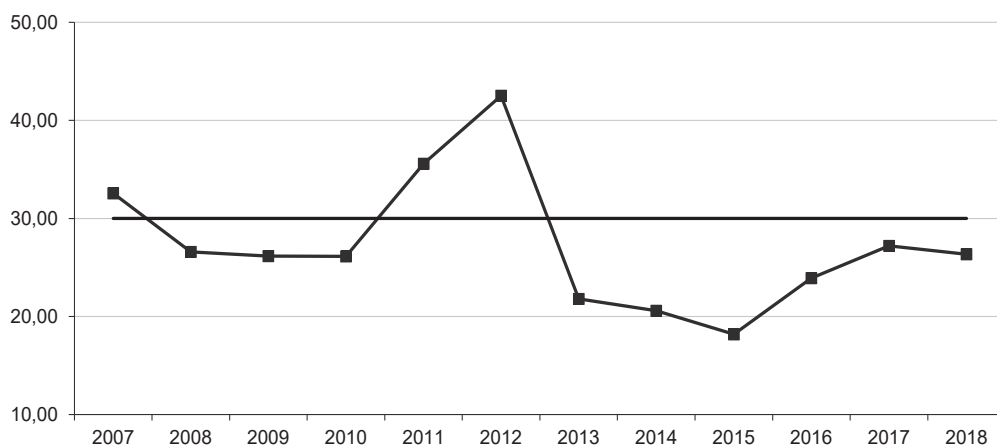

Рис. 3. Доля инвестиций в основной капитал в экономике Вологодской области в 2007–2018 гг.

Источник: составлено автором по данным Вологдастата.

Доля инвестиций в основной капитал в ВРП в настоящий момент имеет значения, соответствующие экономике развитых стран. Для устойчивого развития экономики Вологодской области такого объема инвестиций недостаточно.

Низкий уровень нормы накопления в экономике региона обусловлен также слабой развитостью механизмов трансформации сбережений в инвестиции.

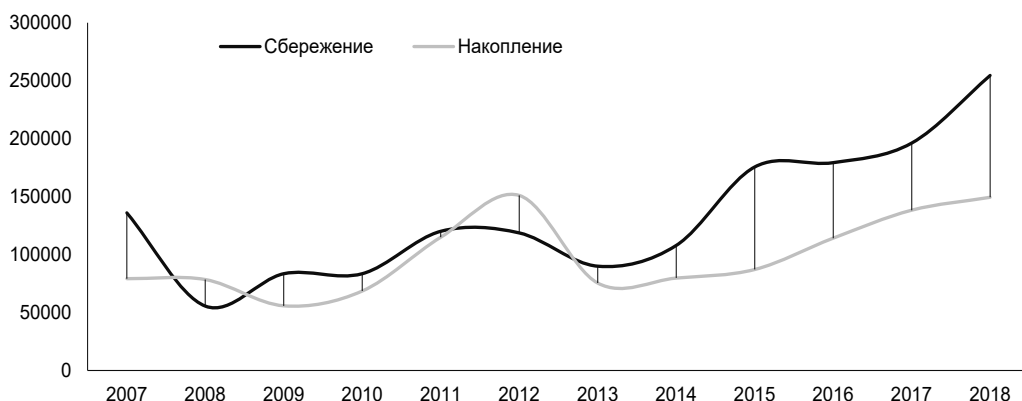

Рис. 4. Сопоставление объемов накопления и объемов сбережения в экономике Вологодской области за 2007–2018 гг.

Источник: составлено автором по данным Вологдастата.

Следует отметить, что наблюдаемое в кризисные годы сближение величин нормы сбережения и накопления обусловлено в основном снижением объемов сбережения, а не ростом накопления капитала.

Имеются барьеры и на этапе создания фонда валового сбережения. Внутренний инвестиционный процесс подразумевает наличие трех основных ресурсных источников: доходы населения, средства предприятий и государства.

Были выявлены следующие проблемы формирования ресурсов инвестиций в основной капитал.

1. Замедление темпов роста доходов населения при высоком уровне низкопроцентных банковских вкладов, низкая финансовая и инвестиционная грамотность населения, а также превышение темпов роста конечного потребления над темпами роста накопления.

2. Несбалансированность распределения бюджетных инвестиций и низкая доля участия региональных бюджетов в процессе формирования капиталовложений.

3. Неспособность предприятий обновлять основные производственные фонды ввиду постоянного капитального ремонта действующих мощностей и как следствие рост ресурсоемкости производства и снижение эффективности имеющихся инвестиций, а также недостаточное количество собственных инвестиционных ресурсов при внешних инвестиционных ограничениях.

Наиболее острой структурной проблемой в инвестиционном процессе экономики Вологодской области является неравномерность отраслевых пропорций распределения капиталовложений (таблица).

Отраслевая структура инвестиций в основной капитал экономики Вологодской области в 2007–2018 г., %

Отрасли	2007	2010	2015	2016	2017	2018
Транспорт и связь	50,25	40,03	18,55	17,08	42,50	41,46
Обрабатывающие производства	25,40	28,30	54,41	46,49	18,72	33,38
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,61	14,63	9,20	3,33	2,41	5,16

Отрасли	2007	2010	2015	2016	2017	2018
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	4,55	4,35	5,00	4,21	1,80	4,61
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,97	4,73	6,21	5,36	21,71	4,16
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,12	1,89	0,66	1,10	0,75	2,44
Строительство	1,28	0,69	0,73	1,13	1,87	2,05
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,12	1,25	0,89	...	0,65	1,81
Оптовая и розничная торговля	2,24	1,26	1,31	1,14	0,71	1,59
Образование	0,89	0,90	0,85	2,17	1,31	1,47
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	0,69	1,06	1,00	0,76	7,06	0,89
Добыча полезных ископаемых	0,02	0,00	0,45	...	0,39	0,53
Финансовая деятельность	0,73	0,81	0,47	0,53	0,09	0,34
Гостиницы и рестораны	0,11	0,12	0,26	0,38	0,03	0,11
Источник: составлено автором по данным Вологдастата.						

В условиях низкой диверсификации экономики, а также ограниченного количества источников финансирования инвестиционного процесса возникает такая ситуация, при которой ключевые отрасли имеют значительный объем накопления основного капитала, при этом нуждаясь лишь в технологической модернизации производства, а остальные отрасли испытывают инвестиционный голод. При этом из-за сокращения способности генерации доходов на фоне заметного износа основных средств полярность данной проблемы становится все более очевидной.

На основании аналитических аспектов наших исследований выявлен, что для решения проблем, сложившихся внутри инвестиционного процесса в экономике Вологодской области, имеют место следующие направления структурно-инвестиционной политики.

1. Активизация источников формирования валовых сбережений и совершенствование механизма их трансформаций в инвестиции.
2. Повышение инвестиционной привлекательности отраслей с высоким мультипликатором добавленной стоимости, например сельского хозяйства [3].
3. Сокращение отраслевых диспаритетов с помощью вертикальной интеграции и удлинения цепочек создания добавленной стоимости.

Литература

1. Мельников А.Е. Инвестиционные процессы и структурные изменения в экономике старопромышленных регионов СЗФО // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 91–102. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.5
2. Лукин Е.В. Направления использования межотраслевого баланса в анализе и моделировании развития социально-экономических систем // Вопросы территориального развития. 2017. № 1 (36).

3. Сидоров М.А. Территориальное развитие на основе стимулирования российской электронной промышленности // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). С. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2

Информация об авторе

Никита Михайлович Румянцев (Россия, г. Вологда) – инженер-исследователь, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rumyanik.95@gmail.com).

Rumyantsev N.M.

PROBLEMS OF THE INVESTMENT PROCESS IN THE REGIONAL ECONOMY (BASED ON THE MATERIALS OF THE VOLOGDA REGION)

Abstract. *The report presents the results of the study of the investment process in the economy of the Vologda Oblast, identifies the main problems, including structural ones. On the basis of the analysis, a number of possible economic policy instruments aimed at solving them are proposed.*

Key words: *region, investment, accumulation, savings.*

Information about the Author

Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com).

References

1. Melnikov A.E. Investment Processes and Structural Changes in the Economy of the Old Industrial Regions of the Northwestern Federal District. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 91–102. DOI: 10.15838 / esc.2019.2.62.5
2. Lukin E.V. Directions of using the input-output balance in the analysis and modeling of the development of socio-economic systems. Questions of territorial development, 2017, no. 1 (36).
3. Sidorov M.A. Territorial development based on stimulating the Russian electronics industry. Problems of territory development, 2020, no. 3 (107), pp. 27–44. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.2

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ВНЕДРЕНИЯ «ЗЕЛЕННЫХ» ЗАКУПОК

Аннотация. В статье обоснована и подчеркнута значимость «зеленых» закупок в реализации целей устойчивого развития. Проведено эмпирическое исследование (наблюдение) 110 закупок СЗФО из ЕИС (компьютерные мониторы). Выявлена лишь часть закупок с наличием экологичности, что говорит о недостаточном использовании экологических требований.

Ключевые слова: «зеленые» закупки, устойчивое развитие, экономика.

Многие страны Европейского союза (Франция, Нидерланды, Бельгия, Польша) ориентированы на экологизацию секторов экономики (строительный сектор, продукты питания, экологизация бизнеса, переработка отходов, водный сектор, возобновляемая энергетика, экологические фонды, финансирование энергоэффективных технологий, «зеленые» госзакупки) [1, с. 154].

В последние годы тема «зеленой» экономики обсуждается достаточно широко. Президент РФ акцентировал внимание на проблемах экологии и необходимости ужесточения экологических требований в Послании к Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 года. Ужесточение экологических требований может коснуться не только предприятий, но и государственного сектора. Так как государственные закупки занимают большую часть государственного бюджета, то разработка и реализация «зеленых» закупок актуальна. Тема «зеленых» закупок требует доработки на законодательном уровне и активации в секторе бизнеса и общества.

Понятие «зеленые» закупки позиционируется в научном сообществе как закупки с минимальным негативным воздействием на окружающую среду, как закупки, осуществляющие экологическую безопасность государства, и как продукция с повторной переработкой. Реализация «зеленых» государственных закупок позволит решить проблемы мирового социума в контексте реформ в области экологии посредством концепции устойчивого развития.

Одними из отдельных критериев для «зеленых» государственных закупок выступает экологичность (энергоэффективность и использование вторичного сырья). Направление внедрения в практику государственных закупок критериев экологичности и совершенствования механизма оценки эффективности государственных закупок сейчас менее разработанное [2, с. 52].

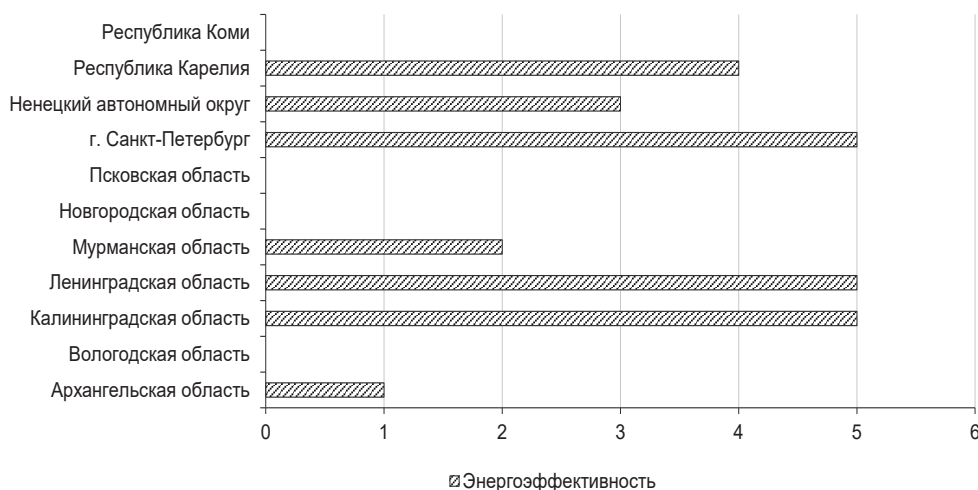
Существуют меры и программы по реализации «зеленой» экономики, но их тормозят несовершенство нормативно-правовой базы, отсутствие четких критериев экологичности «зеленых» государственных закупок и самого понимания как заказчиками, так и бизнесом сущности и моментов всего процесса реализации (этапы изготовления, реализации, приемки, отчетности). Для решения необходима конструктивная и подетальная проработка на государственном и региональном уровнях. И мировой опыт показывает, что он может быть успешным. Например, в Дании, Австрии действуют экологические критерии в системе государственных закупок, национальные программы и разработаны критерии (образцы) для закупок.

Преимущества от реализации «зеленых» закупок для экономики, экологии и социума: экономия бюджетных средств, здоровье человека, сохранение ценных ресурсов, уменьшение объемов отходов, повышения качества жизни. Экологизация государственных закупок создаст фундамент устойчивости в улучшении качества продукции и жизни населения, экономии от энергоэффективности и использовании вторичного сырья. Положительные изменения подчеркивают Е.В. Шадрина и Ю.А. Грачева [3, с. 105].

С применением «зеленых» закупок будет изменен как у заказчиков, так и у бизнеса подход к приобретению продукции.

Индикаторами «зеленых» государственных закупок выделяют критерии устойчивости [4, с. 70], критерии приоритетности, эффективность закупки и факторы, препятствующие реализации устойчивости закупок [5, с. 105].

По мнению Е.В. Шадриной, наибольшей эффективности достигают устойчивые «зеленые» госзакупки на стадии определения технических требований [5, с. 104]. Технические требования к объекту закупки обусловлены потребностью заказчика и определяются исходя из технического регламента, стандартов, ГОСТов. Заказчик обязан руководствоваться характеристиками (требованиями) объекта закупки указанными в КТРУ. По результатам анализа закупок заказчиков СЗФО (110 конкурентных закупок) на поставку компьютерной техники (мониторы) по информации из ЕИС на предмет экологической характеристики, которая включена в КТРУ (класс энергоэффективности), выявлено, что лишь незначительная часть заказчиков используют экологические требования (рисунок).

Экологизация государственных закупок

Источник: составлено автором по информации из Единой информационной системе в сфере закупок.

Экологическая характеристика объекта закупки предусмотрена, но в полном объеме заказчиками не реализуется. Осуществление экологизации закупок государственного сектора возможно при совокупности мероприятий в данной сфере: обучение заказчиков, ответственной составляющей заказчиков и поставщиков, разработка и включение экологической составляющей в другие возможные объекты закупок.

Стремление удовлетворить потребности человека и при этом увеличить экологический рост с сохранением качества окружающей среды ставится как вполне реалистичная задача. Для перехода к «зеленым» закупкам необходимо усилить роль государства посредством контроля, регулирования и стимулирования, а также роль и ответственная составляющая бизнеса.

Литература

1. Казанцева А.Н. Влияние формирования системы «зеленых» государственных закупок на развитие рынка экологически чистой продукции // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 152–158.
2. Терешина М.В., Поддубный А.П. Вопросы теории и методологии повышения эффективности государственных закупок в контексте устойчивого развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 50–56.
3. Шадрина Е.В., Грачева Ю.А. «Зеленые закупки». Какие экологические критерии применяются в России? // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2017. № 49. С. 104–109.
4. Ульмясбаева А.О. Критерии и индикаторы устойчивого развития при реализации государственных «зеленых» закупок // Прорывные научные исследования: сб. ст. V Международной научно-практической конференции. 2016. С. 69–74.
5. Шадрина Е.В. Устойчивые государственные закупки: миф или реальность // Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2017. № 50. С. 100–105.

Информация об авторе

Самутина Марина Александровна (Россия, г. Вологда) – заместитель заведующего отделом правового обеспечения и кадровой политики, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: samyrau1984@mail.ru).

Samutina M.A.

ON THE ISSUE OF UPDATING THE IMPLEMENTATION OF «GREEN» PROCUREMENT

Abstract. *The article substantiates and emphasizes the importance of “green” procurement in the implementation of sustainable development goals. An empirical study (observation) of 110 purchases of the NWFD from the EIS (computer monitors) was conducted. Only a part of purchases with environmental friendliness was identified, which indicates that environmental requirements are not used enough.*

Key words: *«green» procurement, sustainable development, economy.*

References

1. Kazantseva A.N. Influence of the formation of the «green» public procurement system on the development of the market of environmentally friendly products. 2017, no. 3, pp. 152–158.
2. Tereshina M.V., Poddubny A.P. Questions of the theory and methodology of improving the efficiency of public procurement in the context of sustainable development. Azimuth of scientific research: Economics and management, 2016, iss. 5, no. 1 (14), pp. 50–56.

3. Shadrina E.V., Gracheva Yu.A. «Green purchases». What environmental criteria are applied in Russia? State order: management, placement, provision, 2017, no. 49, pp. 104–109.
4. Ulmyasbaeva A.O. Criteria and indicators of sustainable development in the implementation of state «green» purchases. Breakthrough scientific research: in the collection of articles of the V International scientific and practical conference. 2016. Pp. 69-74.
5. Shadrina E.V. Sustainable public procurement: myth or reality. State Order: management, placement, provision, 2017, № 50, pp. 100–105.

Information about the Author

Marina A. Samutina – deputy head of the Department of legal support and personnel politics of the Federal state budgetary institution of science «Vologda scientific center of the Russian Academy of Sciences» (Vologda, 56a Gorkogo str., samyrau1984@mail.ru).

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ

Аннотация. *Предложено авторское видение решения проблемы содержания региональной политики на различных уровнях системы государственного управления. Обоснована необходимость особой региональной политики в отношении старопромышленных регионов, нацеленной на преодоление «эффекта колеи» и обеспечение на этой основе их устойчивого развития.*

Ключевые слова: *региональная социально-экономическая политика, старопромышленный регион, устойчивое развитие, «эффект колеи».*

До сих пор в российском законодательстве сохраняется неопределенность как в определении самого термина «региональная политика», так и в понимании его содержания в современных социально-экономических условиях. Вместе с тем есть четкое указание на то, что в составе данного направления государственного регулирования выделяется региональная социально-экономическая политика (РСЭП), которая, в наиболее общем случае, понимается как специфический вид деятельности по управлению экономическим и социальным развитием страны в пространственном (территориальном, региональном) аспекте.

Контент-анализ документов, регламентирующих вопросы разработки и реализации региональной политики, позволяет утверждать, что РСЭП в Российской Федерации трактуется довольно широко, в силу чего, с определенной долей условности, может рассматриваться как синоним термина «государственное регулирование регионального социально-экономического развития». Это заключение основано на том, что, согласно российскому законодательству, РСЭП включает в себя не только меры государственной поддержки территорий, но и механизм межбюджетных отношений, а также систему стратегического и территориального планирования. Более того, значительные объемы межбюджетного распределения финансовых ресурсов в России превращают РСЭП в один из важнейших инструментов государственного воздействия на экономику и социальную сферу, наряду с фискальной политикой государства.

На наш взгляд, основным наиболее дискуссионным вопросом является в настоящее время вопрос об уровнях проведения региональной социально-экономической политики. От ответа зависит понимание сущности этой сферы государственного управления, а также определение ее стратегических целей и тактических задач. Анализ публикаций отечественной экономической периодики позволяет утверждать, что большинство исследователей придерживаются подхода, что РСЭП в Российской Федерации является двухуровневой. Отсутствие единства в понимании функционального содержания каждого уровня позволяет предложить авторское видение решения этой актуальной научно-практической проблемы.

На первом уровне, на наш взгляд, должны решаться проблемы сокращения уровня социально-экономической дифференциации регионов, достижения гарантированного Конституцией Российской Федерации стандарта социальной обеспеченности населения, разрабатываться меры в области обеспечения це-

лостности и экономической безопасности государства, в части регионального развития. Представляется, что наиболее полно содержание этой деятельности раскрывает термин «региональная социально-экономическая политика федерального центра» [1, с. 13].

На втором уровне должна непосредственно осуществляться деятельность региональных органов власти по разработке и реализации приоритетных направлений социально-экономического развития конкретных субъектов Федерации. На наш взгляд, ее суть наиболее точно раскрывает термин «региональная политика социально-экономического развития субъекта Федерации». По своему содержанию она направлена на достижение целей и решение задач экономического и социального развития регионов в соответствии с приоритетами внутренней и внешней политики государства.

Предложенный подход к определению сущности РСЭП на различных уровнях ее реализации показывает особую роль государственной региональной политики в обеспечении устойчивого развития регионов различных типов, в частности старопромышленных территорий. Актуальность ее проведения обусловлена тем, что сокращение объемов государственного регулирования экономики регионов данного типа в период рыночных преобразований 90-х гг. XX в. во многом привело к снижению уровня и качества жизни населения и ухудшению возможностей для развития регионального потенциала [2, с. 178–183].

Государственная региональная политика в отношении старопромышленных регионов, на наш взгляд, должна обеспечивать интеграцию:

- государственной промышленной политики, программы и мероприятия которой должны быть нацелены на создание условий для обновления и эффективного использования специфических, сложно перепрофилируемых активов, представляющих собой результат капиталоемких инвестиций в создание и расширение производственных мощностей, осуществленных еще в советский период;

- государственной инновационной политики, приоритеты которой должны лежать в сфере создания условий для реализации специфического человеческого капитала старопромышленных территорий, нуждающегося в нестандартных, инновационных подходах к осуществлению инвестиций в его развитие.

Литература

1. Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты и инструменты: Научная работа / отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: ИЭ РАН, 2018. С. 13.
2. Сорокина Н.Ю. Институциональный контракт в системе отношений государства и старопромышленных регионов // План и Рынок – сочетание несочетаемого? Сборник статей IX Международной научно-практической конференции «Абалкинские чтения», 25 апреля 2019 г. / под ред. С.Д. Валентя. М.: ФГОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2019. 340 с.

Информация об авторе

Сорокина Наталья Юрьевна (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной и региональной экономики, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: sorokina-tula@mail.ru).

ROLE OF STATE REGIONAL POLICY IN ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE OLD-INDUSTRIAL REGIONS

Abstract. *The author's vision of solving the problem of regional policy content at various levels of the state administration system is proposed. The necessity of a special regional policy in relation to old-industrial regions aimed at overcoming the «path-dependence effect» and ensuring their sustainable development on this basis is justified.*

Key words: *regional socio-economic policy, an old-industrial region, sustainable development, «path-dependence effect».*

Information about the Author

Natalia Yu. Sorokina (Russia, Moscow) – candidate of Economics, Associate professor of the Department for National and Regional Economy of the PRUE (Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: sorokina-tula@mail.ru).

References

1. Regional development policy in modern Russia: priorities, institutions and instruments: Scientific work / Ed. edited by doctor of Economics, Professor E. M. Buchwald. M.: IE RAS, 2018. S. 13.
2. Sorokina N.Yu. Institutional contract in the system of relations between the state and old industrial regions. The Plan and the Market – a combination of incongruous? Collection of articles of the IX International scientific and practical conference “Abalkin readings”, April 25, 2019 / ed. by S.D. Valentey. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2019. 340 p.

НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН 1960–1980-Х ГГ.: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Освещается проблематика организации советской торговли 1960–1980-х гг. Определяется, что население волновали назревшие в обществе злободневные вопросы, связанные с обеспеченностью продуктами и предметами широкого потребления, обчетом и обмером покупателей, разбазариванием как социальной действительностью советского периода.

Ключевые слова: советская торговля, общественное сознание, спекуляция, дефицитные товары, потребительский спрос, социальная жизнь, экономика.

Советская торговля – это не просто сфера деятельности, а целая культура, всецело связанная в современном понимании с терминами «коррупция, очереди, дефицит». Безусловно, это широкое поле для всевозможного рода исследований.

Нарушения и злоупотребления, хищения при реализации торговой практики, трансформация модели потребления, потребительских стратегий и советского образа жизни 1960–1980-х гг. – явления самобытные и связанные с разнообразным спектром социальных противоречий. Частнособственнические интересы, личная нажива, механизмы накопления выступали важнейшими индикаторами этого процесса. Среди обывателей зрело убеждение об увеличении дистанции между социальными ожиданиями и реальностью. Поэтому фокус нашего внимания сосредотачивается на нарушениях устоев торговой деятельности, которые прописаны в серии государственных законодательных актов. Во многих из них говорится о действиях, направленных на «улучшение торговли» [1–3]. Стоит отметить, что государственная власть видела отрицательные стороны развития и отсутствия совершенствования области торгового дела. В постановлении Совмина РСФСР от 15 апреля 1965 г. «Об улучшении торговли и общественного питания в РСФСР» отмечалось, что уровень развития государственной и кооперативной торговли в РСФСР не обеспечивал возросших потребностей населения. Акцентировалось внимание на том, что во многих регионах слабо развивалась сеть предприятий торговли и общественного питания, в то же время выделяемые средства на строительство этих предприятий осваивались неудовлетворительно. Ограниченно проводилась работа по специализации торговых предприятий, внедрению и развитию прогрессивных форм обслуживания. Неудовлетворительно организовывалась работа по подготовке торговых кадров. Отдельные торговые организации систематически не выполняли установленных планов розничного товарооборота. Регистрировались многочисленные случаи перебоев в торговле товарами, имевшимися в достаточном количестве на базах и складах торгующих организаций и предприятий промышленности [4].

Постановление Совмина СССР от 31 августа 1967 г. «О некоторых мерах по дальнейшему улучшению торговли» констатировало, что в эксплуатацию вводилось недостаточное количество магазинов, столовых, складов и других торговых предприятий и не всегда они оказывались оснащены современным оборудованием и средствами механизации. В ряде мест допускались перебои в торговле, хотя на складах и базах имелись достаточные запасы товаров. Обозначалось бытование

низкой культуры торговли, неизжитости фактов невнимательного отношения к покупателю, нарушений правил торговли, затоваривания и ухудшения торгового обслуживания населения, отсутствия внимания к улучшению торговой рекламы [5]. Постановление Совмина РСФСР от 14 июня 1978 г. предусматривало ответственность за производство, полное и бесперебойное обеспечение населения качественными овощами, фруктами и бахчевыми культурами в широком ассортименте [6]. В постановлении от 14 января 1982 г. «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одиннадцатой пятилетке» советская торговля была призвана обеспечить доведение до населения возрастающей массы товаров народного потребления. В документе подчеркивалась необходимость обеспечения дальнейшего развития торговли и общественного питания в городах и сельской местности, значительного повышения уровня торгового обслуживания населения, эффективности и качества работы предприятий торговли [7].

Реакция рядовых граждан на нарушения властных предписаний, принципов, прописанных в законодательных актах, выражалась в письмах, направлявшихся в газеты или центральные органы. Часто покупатели писали о проблеме неходовых товаров. «На базах и складах накапливаются миллионы пар обуви, громадное количество неходовых швейных, трикотажных и других изделий. Проводятся постоянные уценки. Народное хозяйство несет громадный ущерб. И все потому, что производитель, выпускающий негодную продукцию, не отвечает за это материально. Оплату за свой товар он уже получил. Вот почему я предлагаю поставить производителя в прямую зависимость от качества продукции и от того, каким спросом она пользуется у покупателя. Для этого следует всемерно развивать сеть фирменных магазинов обувных, швейных, трикотажных, кондитерских и других производственных объединений. Выпуская высококачественную продукцию, предприятие будет процветать. И, наоборот – при выпуске неходовых товаров сразу почувствует финансовые трудности, вынуждено будет безотлагательно устранять свои упущения. Наконец, с пользой для экономики страны будут ликвидированы торги, снабы и другие посреднические организации», – размышлял товарищ Голь из Ленинграда в письме в ЦК КПСС от 1975 г. [9, с. 38–39].

Распространялась практика обсчета и обмера покупателей. «В торговых организациях продолжают факты обмеривания и обвешивания, на пищевых предприятиях массовые случаи хищения. Контролирующие организации работают очень слабо, ибо крупного перелома в лучшую сторону нет», – отмечалось в письме в газету «Правда» за 1975 г. от П.З. Магомедова и К.С. Османова из г. Махачкала [8, с. 58–59].

Один из базовых маркеров советской торговой действительности – разбазаривание. В записке от члена КПСС, председателя Морозовского райисполкома Ростовской области А.С. Баладжан, адресованной Л.И. Брежневу и датированной 30 апреля 1975 г., указывалось: «В совхозе «Плодопитомнический» налево и направо разбазариваются фрукты и овощи, что является основной причиной невыполнения совхозом народнохозяйственных планов продажи этой продукции государству. Отдельные ответственные работники, в т.ч. и работники райкома партии, вместо того, чтобы пресекать подобные действия, сами замешаны в этом деле». По району было разбазарено около 7,5 тысяч т подсолнечника, минуя государственные закрыта. Первый секретарь райкома партии Н.Д. Горгулев систематически добивался от

руководителей хозяйств и от руководства управления сельского хозяйства занижения в отчетности перед органами ЦСУ, чтобы уменьшить, насколько это возможно, количество продаваемого государству хлеба. В результате, по самым скромным подсчетам, в 1973 г. можно было бы продать государству дополнительно 15 тыс. т, в 1974 г. – 10 тысяч т, а всего за два последних года – 25 тысяч т зерна. Вот так сознательно и безнаказанно обманывалось государство, обманывался Обком партии, разлагались руководящие кадры», – отмечал председатель райисполкома [8, с. 69–71].

Резюмируя сказанное, отметим, что, исходя из вышеприведенных данных, нарушения принципов советской торговли являлись распространенным явлением. Это подтверждалось законодательно и находило широкий отклик среди общественности. Параллельно происходил процесс нравственного перерождения и утверждения новых обычаев в социально-экономической сфере общества.

Литература

1. Постановление Центрального комитета КПСС от 08.08.1960 № 851 «О мерах по дальнейшему улучшению торговли». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5571.htm
2. Постановление Совмина РСФСР от 01.09.1960 № 1345 «О мерах по дальнейшему улучшению торговли». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5585.htm
3. Постановление Совета министров от 13.03.1965 № 157 «Об улучшении торговли и общественного питания в стране». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6206.htm
4. Постановление Совмина РСФСР от 15.04.1965 № 467 «Об улучшении торговли и общественного питания в РСФСР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6231.htm
5. Постановление Совмина СССР от 31.08.1967 № 824 «О некоторых мерах по дальнейшему улучшению торговли». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6631.htm
6. Постановление Совмина РСФСР от 14.06.1978 № 291 «О мерах по увеличению производства, улучшению организации заготовок, перевозок и снабжения населения РСФСР овощами, фруктами и бахчевыми культурами». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9675.htm
7. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 14.01.1982 № 29 «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одиннадцатой пятилетке». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11044.htm
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 267.
9. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178.

Информация об авторе

Столетова Анна Сергеевна (Россия, г. Вологда), доцент кафедры отечественной истории, Институт социальных и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: stoletowa-a-s@yandex.ru).

Stoletova A.S.

VIOLATION OF THE PRINCIPLES OF SOVIET TRADE IN THE REPRESENTATIONS OF SOVIET CITIZENS OF THE 1960–1980S: HISTORICAL CONTEXTS

Abstract. *The article highlights the problems of the organization of Soviet trade in the 1960s and 1980s. it is Determined that the population was concerned about urgent issues in society*

related to the provision of products and consumer goods, the calculation and measurement of customers, squandering as a social reality of the Soviet period.

Key words: *Soviet trade, public consciousness, speculation, scarce goods, consumer demand, social life, economy.*

Information about the Author

Anna S. Stoletova – Candidate of historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of Social and Human Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”.

References

1. Resolution of the Central Committee of the CPSU of 08.08.1960 No. 851 “On measures to further improve trade”. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5571.htm
2. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 01.09.1960 No. 1345 “On measures to further improve trade”. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5585.htm
3. Resolution of the Council of Ministers of 13.03.1965 No. 157 “On improving trade and public catering in the country”. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6206.htm
4. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 15.04.1965 No. 467 “On improving trade and public catering in the RSFSR”. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6231.htm
5. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 31.08.1967 No. 824 “On certain measures to further improve trade”. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6631.htm
6. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 14.06.1978 No. 291 “On measures to increase production, improve the organization of procurement, transportation and supply of vegetables, fruits and melons to the population of the RSFSR”. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9675.htm
7. Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 14.01.1982 No. 29 “On measures for further development of trade and improvement of trade services to the population in the eleventh five-year plan”. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11044.htm
8. Russian state archive of modern history (RGANI). F. 5. Op. 68. D. 267.
9. RGANI. F. 5. Op. 68. D. 2178.

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ¹

Аннотация. Молодежь является одним из стратегических ресурсов страны, поэтому в условиях, когда перед странами – участниками Союзного государства Россией и Беларусью стоят задачи по переходу к инновационному типу экономического развития, данная категория предпринимательства заслуживает пристального внимания и требует эффективных мер поддержки.

Ключевые слова: государственная поддержка, инновации, инновационное предпринимательство, молодежное предпринимательство, Союзное государство.

На пространстве Союзного государства России и Беларуси важной функцией государственного управления и регулирования становится формирование институциональной среды и позитивного психологического восприятия молодых предпринимателей. В результате государственную молодежную политику на едином научно-технологическом пространстве можно рассматривать как одно из направлений формирования условий инновационного развития стран – участниц интеграции. В свою очередь, данное взаимодействие должно основываться на интересах органов государственной власти, институтов гражданского общества, включая молодежные организации, а также представителей научно-образовательного сектора и бизнес-сообщества.

Государственная политика в области поддержки молодежного инновационного предпринимательства должна обеспечивать условия для социализации и самореализации молодежи, однако данная проблематика, имеющая междисциплинарный характер, рассматривается в научных публикациях без учета имеющейся специфики, а в действующем законодательстве и вовсе отсутствует четкое определение данного понятия [1; 3].

К основным факторам эффективности государственной поддержки молодежного инновационного предпринимательства можно отнести: создание системы государственной поддержки; образование организаций, занимающихся решением проблем развития данной сферы предпринимательства; разработку программ комплексной поддержки; имиджевую и информационную поддержку; гранты для развития инновационного бизнеса; создание бизнес-инкубаторов и дискуссионных клубов [3].

Основными направлениями государственной поддержки молодежного инновационного предпринимательства являются: вовлечение начинающих инноваторов в предпринимательство; помощь в трудоустройстве в организации инновационного бизнеса; содействие в продвижении проектов; оказание финансовой поддержки; повышение уровня образования и квалификации субъектов молодежного предпринимательства [2].

В России и Беларуси государство оказывает поддержку молодежным инновационным проектам благодаря следующим основным механизмам: инвестиционные фонды, привыкающие венчурные инвестиции; форумы, выставки и иные мероприятия для молодых предпринимателей; гранты и субсидии для старта и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта №20-514-00005.

развития проекта; образовательные программы; формирование объектов инновационной инфраструктуры [4].

В развитых странах предпринимательство рассматривается как основа для самореализации молодых граждан. Развивается система создания предприятий учеными или студентами-выпускниками высших учебных заведений с помощью государственного финансирования и поддержки в виде субсидий, грантов, льгот. Разрабатываются стратегии развития малого и среднего предпринимательства, куда входит молодежное инновационное предпринимательство, а также отдельные стратегии для развития данного направления. Сформирована эффективная инфраструктура поддержки, созданы условия и возможности для самореализации молодежи в сфере предпринимательства.

Поддержка инновационного предпринимательства является новым направлением в политике Союзного государства, поэтому основной целью органов власти в этой сфере должно стать формирование и развитие институтов поддержки, а также разработка и популяризация мероприятий по поддержке молодых предпринимателей, в том числе с учетом оценки возможностей имплементации зарубежного опыта. В целом эффективность государственной поддержки молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве будет зависеть от построения комплексной системы стратегического планирования и скоординированности деятельности государственных органов, предпринимательского и молодежного сообщества, занятых в инновационной сфере [3].

Литература

1. Головина Т.А., Меркулов П.А., Полянин А.В. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России // Экономическая политика. 2017. № 5. С. 42–61.
2. Меркулов П.А. Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого социально-экономического роста // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 3. С. 42–52
3. Соколов М.С. Анализ механизмов поддержки развития молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве России и Беларуси // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. С. 331–336.
4. Соколов М.С., Айвазов С.Ю. Развитие молодежного инновационного предпринимательства в условиях формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства // АНИ: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 298–301.

Информация об авторе

Сурилов Меир Нисонович (Россия, г. Москва) – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: surilov.mn@rea.ru).

Surilov M.N.

AREAS OF SUPPORT FOR YOUTH INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN THE UNION STATE OF RUSSIA AND BELARUS

Abstract. *Young people are one of the country's strategic resources, so when the member countries of the Union state of Russia and Belarus are faced with the task of transitioning to an*

innovative type of economic development, this category of entrepreneurship deserves close attention and requires effective support measures.

Key words: *state support, innovation, innovative entrepreneurship, youth entrepreneurship, Union state.*

Information about the Author

Meir N. Surilov (Russia, Moscow) – Senior Lecturer in Department of state and municipal management, Plekhanov Russian University of Economics (117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny lane, 36; e-mail: surilov.mn@rea.ru).

References

1. Golovina T.A., Merkulov P.A., Polyanin A.V. Gosudarstvennaya podderzhka molodezhnogo predprinimatel'stva v Rossii. Ekonomicheskaya politika, 2017, № 5, pp. 42–61.
2. Merkulov P.A. Molodezhnoe predprinimatel'stvo kak faktor ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo rosta. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk, 2017, № 3, pp. 42–52.
3. Sokolov M.S. Analiz mekhanizmov podderzhki razvitiya molodezhnogo innovatsionnogo predprinimatel'stva v Soyuznom gosudarstve Rossii i Belarusi. Innovatsii i investitsii, 2019, № 9, pp. 331–336.
4. Sokolov M.S., Ayvazov S.Yu. Razvitie molodezhnogo innovatsionnogo predprinimatel'stva v usloviyakh formirovaniya edinogo nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva Soyuznogo gosudarstva. ANI: ekonomika i upravlenie, 2019, № 1 (26), pp. 298–301.

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ФАКТОРОВ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация. В статье в рамках методической концепции ученых Китайской академии наук анализируется модернизация регионов России в ее вторичной стадии за 2006–2018 гг. Рассчитаны темпы роста, ранее не применявшиеся в аналогичных исследованиях. При этом использована база расчетных данных, созданная специалистами ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». На основе метода канонических корреляций обнаружен характер влияния фактора, определяющего резкое замедление региональной модернизации.

Ключевые слова: модернизация регионов России, компонентный анализ сбалансированности модернизации.

Введение

Большая группа научного сообщества из представителей региональных вузов и исследовательских организаций под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (позднее – Российского фонда фундаментальных исследований) уже более 10 лет проводит исследования по проблемам социокультурной эволюции России и ее регионов (науч. рук. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин). Сформирован научный задел в виде многочисленных статей и монографий, среди которых выделяются [1; 5], содержащие в обобщенном виде промежуточные итоги исследований. При этом методологической основой данных работ послужила концепция и методический инструментарий ученых Китайской академии наук (науч. рук. профессор Хе Чуанци) [4]. Адаптация данного инструментария к особенностям российской статистики позволила специалистам ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» сформировать базу расчетных данных под названием «Модернизация», содержащую оценки различных аспектов модернизации регионов страны за 2000, 2005, 2008–2017 гг. [3]. Суть китайской концепции состоит в том, что она основана на сравнении общемировой (нормативной) динамики показателей, характеризующих важные, по мнению китайских ученых, аспекты модернизации, с фактической динамикой показателей анализируемых стран, а в России – регионов. Тем самым рассчитывается система взаимосвязанных индикаторов модернизации, которые затем агрегируются в их итоговую оценку. Основное достоинство методики состоит в ее научном обосновании и операциональности, возможности с ее помощью анализировать процесс модернизации и управлять им, принимая эффективные решения.

Цель настоящей статьи состояла в том, чтобы на основе данных о вторичной стадии модернизации (далее для краткости – вторичной модернизации), во-первых, рассчитать и проанализировать обобщающие темпы роста модернизации регионов в том виде, в котором они не были представлены в предыдущих исследованиях, для обеспечения сопоставимости с темпами роста других социально-экономических показателей; во-вторых, определить причинно-следственные связи между используемыми в методике индикаторами модернизации, позволяющие выделить проблемные узлы региональной модернизации и дисбаланс ее факторов.

Методические особенности исследования

Важной методической особенностью исследования является попытка рассчитать общемировую динамику модернизации за 2001–2018 гг. по годовым значениям нормативных индикаторов, т. е. осредненных данных по двум десяткам развитых стран, имеющих в базе данных «Модернизация». При этом нормативные показатели за 2018 г. были экстраполированы с помощью трендов. Темпы роста нормативной модернизации рассчитывались в виде геометрической средней из темпов роста сводных (групповых) показателей, которые, в свою очередь, были рассчитаны в виде геометрической средней из темпов роста частных индикаторов (y):

$$\hat{T}Y_{i,t} = \left(\prod_{j=1}^n \hat{y}_{j,t} / \hat{y}_{j,t-1} \right)^{1/n}; \quad \hat{T}M_t = \left(\prod_{i=1}^m \hat{T}Y_{i,t} \right)^{1/m},$$

где $\hat{T}Y_{i,t}$ и $\hat{T}M_{i,t}$ – средние темпы (коэффициенты) роста нормативных показателей, во-первых, характеризующих j -й аспект модернизации в i -й группе, и, во-вторых, обобщающего (стадийного) уровня модернизации в году t относительно предыдущего; n – количество индикаторов в группе; m – количество групповых сводных субиндексов, на основании которых рассчитывается обобщающий индекс модернизации.

С учетом рассчитанной динамики нормативной модернизации цепной темп роста обобщающего уровня фактической модернизации ($TM_{t,t-1}$) можно определить косвенным образом в виде произведения:

$$TM_{t,t-1} = TIM_{t,t-1} \cdot \hat{T}M_{t,t-1},$$

где $TIM_{t,t-1}$ – темп роста обобщающего стадийного индекса модернизации региона.

Рассчитанные таким образом темпы роста обобщающего уровня модернизации и ее среднегрупповых составляющих применительно к различным стадиям (первичной, вторичной и интегрированной) характеризуют динамический аспект модернизационных процессов в общепринятом в статистике понимании. Их можно сравнивать с темпами роста других социальных и экономических показателей.

Результаты исследования. В таблице представлены темпы роста обобщающих уровней вторичной модернизации по федеральным округам страны в сравнении с общемировой (нормативной) динамикой.

Темпы роста обобщающих уровней вторичной модернизации в федеральных округах России

Федеральный округ	В % к 2005 г.					Среднегодовой темп прироста за период, %	
	2011	2015	2016	2017	2018	2005–2013	2014–2018
Центральный (кроме Москвы)	113,1	112,8	113,2	114,4	114,9	2,1	0,22
Северо-Западный (кроме Санкт-Петербурга)	115,9	114,4	112,3	112,7	112,8	2,5	-0,40
Южный	110,5	109,3	110,2	110,1	111,6	1,7	0,14
г. Санкт-Петербург	112,5	103,2	113,5	112,2	111,1	2,0	-0,17
Уральский	111,8	110,0	108,1	110,0	110,0	1,9	-0,24

Федеральный округ	В % к 2005 г.					Среднегодовой темп прироста за период, %	
	2011	2015	2016	2017	2018	2005–2013	2014–2018
Приволжский	109,6	108,2	108,1	109,5	109,5	1,5	-0,02
Сибирский	109,5	109,5	108,8	108,6	109,2	1,5	-0,03
г. Москва	113,7	113,9	110,5	108,2	107,9	2,2	-0,74
Северо-Кавказский	110,3	106,4	106,0	107,4	107,8	1,6	-0,33
Российская Федерация	109,5	108,6	107,5	107,5	107,4	1,5	-0,26
Дальневосточный	109,4	107,0	105,4	105,6	105,2	1,5	-0,56
Нормативный уровень	104,9	108,6	109,3	110,0	110,8	0,8	0,8

По расчетам динамика нормативной вторичной модернизации выглядит умеренно равномерной, ее среднегодовой темп прироста в 2001–2018 гг. составил 0,9% с некоторым замедлением в 2006–2018 гг. до 0,8%. Между тем вторичная модернизация в регионах России, уровень которой относительно нормативной в 2000 г. составлял немногим более 63%, характеризовалась крайней неравномерностью. В 2001–2011 гг. она заметно опережала общемировую во всех федеральных округах, обеспечивая сокращение разрыва. Однако далее, вплоть до 2018 г., позитивная динамика опережения претерпела существенную трансформацию, что выразилось в обнулении темпов в 2014 г. и переходе в дальнейшем к небольшим отрицательным приростам.

Анализируя причины существенного замедления модернизации, можно отметить их объективный и субъективный характер. Во-первых, укажем на значительный рост обменного курса рубля по отношению к доллару (с 31,8 руб. за доллар в 2013 г. до 38,5 в 2014 г. и до 61,3 руб. в 2015 г.), который повлиял на пересчет ВРП в долларовом выражении. Во-вторых, санкции, введенные против России с 2014 г., полагаем, также замедлили темпы модернизации.

Субъективные причины определились в ходе анализа причинно-следственных связей между групповыми субиндексами сводного индекса вторичной модернизации на основе метода канонических корреляций. Обработке подвергался массив среднегодовых значений групповых субиндексов за 2005–2018 гг. по 84 регионам страны. Результат метода канонических корреляций представлен в виде линейных форм компонент Y (качество экономики) и X (инновации в знаниях), которые соответствуют максимальному значению статистически значимого канонического коэффициента корреляции между ними ($R = 0,587$; $p = 0,000$). В скобках показаны факторные нагрузки компонентных переменных, отображающие по смыслу обычные коэффициенты корреляции между переменными и соответствующими компонентами:

$$Y = X; Y = -2,39y_1 - 1,82y_2 - 0,21y_3 - 0,07y_4; X = 1,42x_1 - 1,95x_2 - 0,26x_3; \\ (-0,67) (-0,38) (-0,24) (-0,61) (-0,49) (-0,79) (-0,60)$$

где:

y_1 – доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22-х лет;

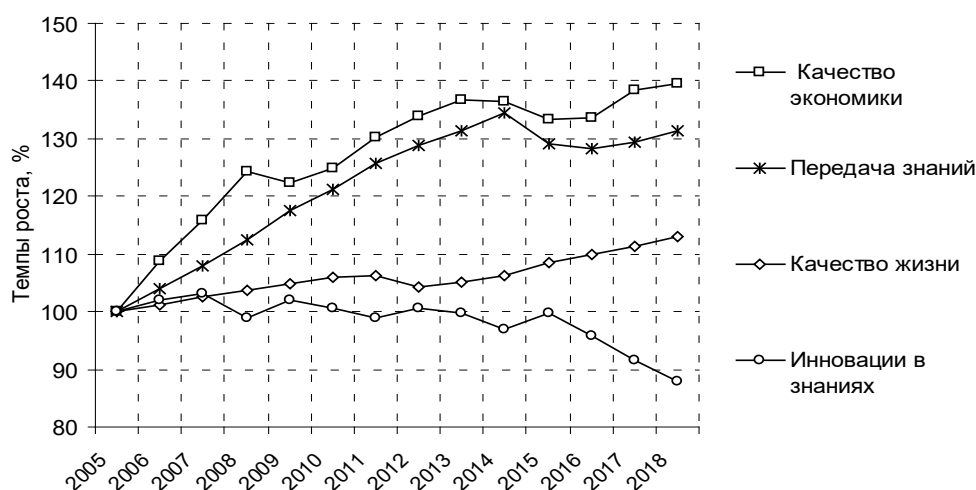
y_2 – доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет;

y_3 – число телевизоров на 100 домохозяйств;

- y_4 – число персональных компьютеров на 100 домохозяйств;
 x_1 – доля затрат на НИОКР в ВРП;
 x_2 – число ученых и инженеров на 10 тыс. чел.;
 x_3 – число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн человек.

Не вдаваясь в подробности метода, с которыми можно ознакомиться в [2, с. 270–280], отметим, что он позволяет оценить направленность и интенсивность корреляционных связей между группами анализируемых переменных, в отличие от обычной регрессии. Так, оценки канонических корреляций свидетельствуют об однонаправленном характере связей между переменными в обеих анализируемых группах, т.е. о наличии между ними прямой связи. Иными словами, рост частных показателей субиндекса инноваций в знаниях, как и предполагалось, способствовал росту показателей субиндекса качества экономики. Однако знак коэффициента при переменной x_1 (доля затрат на НИОКР в ВРП), характеризующего частный коэффициент корреляции, отличается по направлению от знаков при коэффициентах остальных переменных. Следовательно, влияние данной переменной на рост качества экономики является противоречивым, т.е. отчасти сдерживающим, на фоне общей положительной тенденции.

Данный вывод наглядно подтверждается графической иллюстрацией темпов роста фактических уровней среднегрупповых составляющих обобщающего уровня вторичной модернизации страны в целом (рисунок).

Темпы роста фактических значений компонент вторичной фазы модернизации России

Наряду с этим в [6] автор также показал отсутствие сбалансированности и необходимой координации между базовыми компонентами региональных инновационных систем: проект – процесс – среда – объект.

Таким образом, для дальнейшего раскрытия потенциала региональной модернизации необходимы институциональные решения проблем, сдерживающих ее прогресс, добиваясь, в частности, большей сбалансированности ее компонентов.

Литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост., отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
2. Дубров А.Н., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы: учебник. М.: Финансы и статистика, 2003. 352с.
3. Интернет-портал ФГБУН ВолНЦ РАН. Ресурсы / Официальный сайт Вологодского научного центра РАН. URL: <http://www.vscs.ac.ru> (дата обращения 20.04.2020).
4. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН; сост., общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. 416 с.
6. Тарасов В.Т. Анализ сбалансированности структуры региональных инновационных систем России // Механизмы взаимодействия власти, бизнеса и общества в контексте реализации национальных проектов: мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. / Чебоксарский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 7 февраля 2020 г. Чебоксары: Новое Время, 2020. С. 74–82.

Информация об авторе

Тарасов Владимир Тимофеевич (Россия, г. Чебоксары) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Чебоксарский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (428034, Российская Федерация, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Урукова, д. 8; e-mail: tarvlad2015@yandex.ru).

Tarasov V.T.

MODERNIZATION OF RUSSIAN REGIONS: BALANCE OF FACTORS AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. *The article analyzes the modernization of Russian regions in its secondary stage for 2006–2018 within the framework of the methodological concept of scientists of the Chinese Academy of Sciences. The growth rates were calculated, which were not previously used in similar studies. At the same time, a calculated database created by specialists of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences was used. On the basis of the method of canonical correlations, the nature of the influence of the component, which determines the sharp slowdown in regional modernization, was revealed.*

Key words: *modernization of Russian regions, component analysis of the balance of modernization.*

References

1. Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems / collective scientific work. Comp. and отв. ed. Corresponding Member RAS N.I. Lapin. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2016. 360 p.
2. Dubrov A.N. Multidimensional statistical methods: Textbook / A.M. Dubrov, V.S. Mkhitaryan, L.I. Troshin. M.: Finance and statistics, 2003. 352 p.
3. Internet portal of the VolRC RAS. Resources // Official site of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. URL: <http://www.vscs.ac.ru> (date of access 20.04.2020).

4. Overview report on modernization in the world and China (2001–2010). Translated from English. Edited by N.I. Lapin / Preface. N.I. Lapin, G.A. Tosunyan. M.: Publishing House “Ves Mir”, 2011. 256 p.
5. Problems of socio-cultural modernization of Russian regions / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Compilation, general edition: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M., Academia. 2013. 416 p.
6. Tarasov V.T. Analysis of the balance of the structure of regional innovation systems in Russia / Mechanisms of interaction between government, business and society in the context of the implementation of national projects: Materials of the XI All-Russian scientific-practical conference. Cheboksary branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Cheboksary, February 7, 2020. Cheboksary: “New Time”, 2020. P. 74–82.

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ГОРОДА – ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА¹

Аннотация. *Рассматриваются персоналии и базовые документы Организации Объединенных Наций, определившие закономерность перехода мирового сообщества на принципы устойчивого развития. Раскрывается динамика численности населения и роль малых и средних городов в устойчивом развитии северных территорий России.*

Ключевые слова: *Российский Север, малые и средние города.*

Малые и средние города в устойчивом развитии

Проблемы устойчивого развития волнуют человечество более сотни лет, но особо пристальное внимание ученые стали уделять ему начиная с 1980 г. У истоков устойчивого развития (УР) стоял Аурелио Печчеи. Он отмечал, что человек является главным фактором всех изменений на Земле, но в то же время и от него зависит, каким будет его будущее [7]. Большой вклад в развитие концепции и принципов устойчивого развития на межстрановом уровне внесла Организация Объединенных Наций. Она предложила всем странам и организациям разработать показатели УР, проводить мониторинг и сравнительный анализ устойчивого развития. Сегодня на тему УР опубликованы работы специалистов разных научных направлений. Достаточно полный обзор развития концепции «устойчивого развития» представлен в монографиях [1; 2; 4; 5].

Стратегическим документом развития принципов устойчивого развития на ближайшие годы стала Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В ней определены 17 целей развития, среди которых 11-я призвана «обеспечить открытость, безопасность, жизнестойкость и экологическую устойчивость городов и населенных пунктов». Сегодня темпы урбанизации беспрецедентны, в городах проживает более половины населения мира. При этом, хотя города создают благоприятную почву для инновационной деятельности и способствуют созданию рабочих мест и обеспечению экономического роста, стремительная урбанизация приводит к возникновению очень серьезных проблем, в том числе к увеличению числа людей, живущих в ненадлежащем жилье, росту уровня загрязнения воздуха и нехватке базовых услуг и объектов инфраструктуры [3, с. 7, 26]. Эти проблемы касаются всех городов, но в большей степени они характерны для малых и средних городов. На Российском Севере малые и средние города оказались в еще более сложном положении, чем остальные аналогичные города России.

Экономика северных городов базируется, в своем большинстве, на функционировании одного градообразующего предприятия. От их экономического благополучия зависит качество жизни не одного миллиона человек. Среди 103 малых и средних городов северных регионов 21 входит в Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Они специализируются на лесном хозяйстве, добыче каменного угля и алмазов, производстве фосфатного и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-510-00007.

железрудного сырья, цветных металлов. Еще несколько десятков городов, хотя и не входят в перечень, экономически зависят от добывающей промышленности, в основном нефтегазовой. Относительно диверсифицированный рынок труда имеют только административные центры регионов и некоторые средние города. Социально-экономическое развитие остальных зависит от ситуации на сырьевых рынках.

Россия все годы в содружестве с разными структурами ООН активно проводила работу по применению принципов УР. Для мониторинга достижения Целей устойчивого развития распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2017 г. № 1170-р. в Федеральный план статистических работ включен подраздел по мониторингу ЦУР, в который вошли 90 показателей. Показатели, вошедшие в Федеральный план статистических работ, в основном затронули социальный блок. В нем довольно полно представлена информация по таким направлениям, как бедность и благополучие, достойная работа и экономический рост, здоровье и образование. Однако показатели по такому направлению, как устойчивые города и населенные пункты, еще предстоит разработать. В этой связи обоснование набора показателей по оценке устойчивого развития малых и средних городов, разработка методологии и инструментария этой оценки является новой научной идеей, станет определяющим направлением многих исследователей на ближайшие годы.

Малые и средние города в системе расселения Севера России

На Север России приходится 7,6 млн кв. км или 44,5% от общей площади страны (17,1 млн кв. км). Создать на такой обширной территории систему больших городов и не реально и не целесообразно. Здесь достаточно отметить, что в 2017 г. в Мировой Арктике находилось 15 городов с численностью населения свыше 50 тыс. человек, из них 9 расположены в России, 5 – в Западной Европе, 1 – в США. В то же время с точки зрения геополитического и экстенсивного подходов на Севере и в Арктике надо иметь разветвленную сеть малых и средних городов [6, с. 160, 163, 169].

Следовательно, для северных и арктических территорий значение малых и средних городов в решении глобальной проблемы устойчивого развития трудно переоценить. Здесь они являются точками заселения и освоения территории. Продемонстрируем представительство малых и средних городов в системе расселения России и ее Севера. На начало 2019 г. в России было 944 малых и средних города, из них 792 малых и 152 средних. В них проживало 26,5 млн человек, в том числе 16,0 – в малых городах и 10,5 млн – в средних городах, или 18,1, 10,9 и 7,2% от численности населения России соответственно. На Севере России расположено 103 малых и средних города, из них 92 малых и 11 средних. Численность населения малых и средних городов составила 2 млн 471,3 тыс. человек, из них на малые города приходится 1 млн 728,3 тыс., на средние города – 743,0 тыс. человек. В численности населения Севера их доля составляет 31,6%, в том числе доля малых городов – 22,1%, средних – 9,5%. То есть видно, что каждый третий северянин связан с этой поселенческой сетью.

Динамика численности городского населения

Анализируя динамику численности населения по расселению за 1979–2018 гг., видим, что численность населения в России в целом увеличилась на 5,1%, в т.ч. городское – на 13,8%, а число городов – на 22,0%, из них средних и малых – на 6,2%. По Северу России наблюдаем другую картину: численность населения средних и малых городов увеличилась на 37,8%, в то время как число городов – на 37,0%, а городского населения – на 12,1% при росте численности на 2,3%.

Из рассмотрения динамики городских поселений за 1979-2018 гг. следует, что в России (без учета Республики Крым и г. Севастополя) увеличилось число больших городов с 152 до 167, средних и малых – с 847 до 931; по Северу, соответственно, с 12 до 14 и с 78 до 103. При этом средняя людность малых и средних городов по России уменьшилась с 29,0 до 28,0 тыс. человек, по Северу увеличилась с 23,0 до 24,0 тыс. человек. Что касается средней людности больших городов, то здесь можно отметить следующую динамику: везде произошел рост (в России – на 117,1%, по Северу – на 116,8). По величине большие города на Севере в два раза меньше, чем по России в целом.

Заключение

Таким образом, учитывая, что малые и средние города северных регионов России являются для каждого третьего северянина средой проживания и местом трудовой деятельности, можно заключить, что они должны стать устойчивыми в социально-экономическом развитии, иметь благоприятную среду жизнедеятельности. Кроме того, малые и средние города для слабозаселенных, приграничных северных и арктических территорий являются и останутся определяющей формой расселения, они должны стать опорными поселениями, выполнять весь спектр социально-экономических функций.

Литература

1. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / В.В. Фаузер [и др.]; отв. ред. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2018. 215 с.
2. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
3. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сентября 2015 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения 15.08.2017).
4. Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития: Монография / под общ. ред. Р. М. Садыкова. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. 188 с.
5. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: оценка и пути достижения / кол. авт.; под науч. ред. Л. А. Рябовой. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2018. 169 с.
6. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Население Мировой Арктики: российский и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11
7. Peccei A. The Human Quality. Oxford; New York: «Pergamon Press», 1977.

Информация об авторах

Фаузер Виктор Вильгельмович (Россия, г. Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСЭ и ЭПС ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru).

Лыткина Татьяна Степановна (Россия, г. Сыктывкар) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, ИСЭ и ЭПС ФИЦ «Коми научный центр

Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: tlytkina@yandex.ru).

Смирнов Андрей Владимирович (Россия, Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ИСЭ и ЭПС ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

Фаузер Галина Николаевна (Россия, Сыктывкар) – научный сотрудник, ИСЭ и ЭПС ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru).

Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V., Fauzer G.N.

SMALL AND MEDIUM-SIZED CITIES - THE FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN NORTH

Abstract. *We consider the personalities and basic documents of the United Nations that have determined the regularity of the transition of the world community to the principles of sustainable development. The article reveals the dynamics of the population and the role of small and medium-sized cities in the sustainable development of the Northern territories of Russia.*

Key words: *Russian North, small and medium-sized cities.*

Information about the Authors

Victor V. Fauzer (Russia, Syktyvkar) – Grand Ph.D. in Economic sciences, professor; chief researcher of the ISEPN of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, laboratory of demography and social management (167982, Syktyvkar, Kommunisticheskaya str., 26, fauzer.viktor@yandex.ru; <http://vvfauzer.ru>).

Tatyana S. Lytkina (Russia, Syktyvkar) – Ph.D. in Sociological sciences; senior researcher of the ISEPN of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, laboratory of demography and social management (167982, Syktyvkar, Kommunisticheskaya str., 26, tlytkina@yandex.ru).

Andrey V. Smirnov (Russia, Syktyvkar) – Ph.D. in Economic sciences; senior researcher of the ISEPN of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, laboratory of demography and social management (167982, Syktyvkar, Kommunisticheskaya str., 26, av.smirnov.ru@gmail.com).

Galina N. Fauzer (Russia, Syktyvkar) – researcher of the ISEPN of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, laboratory of demography and social management (167982, Syktyvkar, Kommunisticheskaya str., 26, gfauzer@iespn.komisc.ru).

References

1. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / V.V. Fauzer, A.V. Smirnov, D.V. YUrkov, G.N. Fauzer, T.S. Lytkina; отв. ред. V.V. Fauzer. М.: Ekon-Inform, 2018. 215 с. (В-ка демографа, вып. 21).
2. Uskova T.V. Upravlenie ustojchivym razvitiem regiona. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 с.
3. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая General'noj Assambleej ot 25 sentyabrya 2015 goda // Elektronnyj fond pravovoj i normativno-tehnicheskoy dokumentacii. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (data obrashcheniya 15.08.2017).

4. Socialnaya ustojchivost regiona: diagnostika i problemy razvitiya: Monografiya / Pod obshchej redakciej kand. sociol. nauk, docenta R. M. Sadykova. Ufa: ISEI UNC RAN, 2017. 188 s.
5. Socialnaya ustojchivost regionov rossijskogo Severa i Arktiki: ocenka i puti dostizheniya / kollektiv avtorov; pod nauch. redakciej L. A. Ryabovoj. Apatity: FIC KNC RAN, 2018. 169 s.
6. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Naselenie Mirovoj Arktiki: rossijskij i zarubezhnyj podhody k izucheniju demograficheskikh problem i zaseleniju territorij // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2020. T. 13. № 3. S. 158-174. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.11
7. Peccei A. The Human Quality. Oxford; New York: «Pergamon Press», 1977.

ВЫНОС ЭЛЕМЕНТОВ ПИТАНИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МИНЕРАЛЬНЫХ И ОРГАНИЧЕСКИХ СИСТЕМ УДОБРЕНИЙ В СЕВООБОРОТЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. На дерново-подзолистой среднесуглинистой почве Вологодской области применение удобрений в дозе N93P41K136-165 обеспечивает продуктивность севооборота 5,6–6,4 т к.ед./га, увеличивает вынос элементов питания в 1,3–1,6 раза по сравнению с применением удобрения в дозе N14P17K12.

Ключевые слова: удобрения, ячмень, вико-овсяная смесь, озимая рожь, картофель, вынос элементов питания.

Эффективность применения удобрений определяется, в первую очередь, урожайностью сельскохозяйственных культур и ее прибавкой к неудобряемым вариантам. Известно, что при достаточном количестве осадков и благоприятном для фотосинтетической деятельности растений температурном режиме удобрения усваиваются растениями культур более благоприятно, чем в засушливую и жаркую погоду. Погодные условия Вологодской области, в большинстве случаев, благоприятны для роста и развития озимой ржи, однолетних кормовых культур, ячменя, картофеля и др., а почвы по уровню плодородия – бедные, удобрения обеспечивают получение 30–60% прибавки урожайности [1; 2]. Поэтому целью исследований явилось изучение влияния различных систем удобрения на продуктивность и вынос элементов питания культурами севооборота.

Исследования были проведены в полевом стационарном опыте на опытном поле ФГБОУ ВО Вологодской ГМХА в севообороте, развернутом в пространстве и во времени. Опыт включен в реестр Государственной сети опытов с удобрениями и другими агрохимическими средствами (№ 164). Опыт ведется с 1990 года. В работе приведены результаты исследований за 2018 – 2019 годы исследований.

Повторность опыта – четырехкратная. Расположение делянок – усложненно-систематическое. Площадь опытной делянки – 140 м² (10м x 14м), учетной – не менее 20 м². Изучаемые дозы удобрений представлены в таблице.

Изучаемые дозы удобрений

Вариант	Викоовсяная смесь	Озимая рожь	Картофель	Ячмень
1	–	–	–	–
2	N12P16K16	N12P16K16	N20P20	N12P16K16
3	N75P35K130	N90P40K100	N125P50K225	N80P40K90
4	N75P35K160	N90P40K120	N125P50K270	N80P40K110
5	40 т/га п.н.+ N50P20K100	40 т/га п.н.+ N80P35K100	40 т/га п.н.+N70P15K45 40 т/га п.н.	40т/га п.н.+N30P10K30 40 т/га п.н.
6	40 т/га п.н.	40 т/га п.н.		

Расчетные дозы удобрений на получение планируемой урожайности зерна озимой ржи – 3,5 т/га, ячменя – 3,5, клубней картофеля – 25, зеленой массы вико-овсяной смеси – 25 т/га изучались на 3–5 вариантах, 6 вариант – органическая система удобрений, внесение 40т/га перепревшего навоза (п.н.).

Почва участка дерново-подзолистая, среднесуглинистая, средней окультуренности. Математическая обработка материалов исследований проведена при помощи Exsel.

В период основной вегетации изучаемых культур погодные условия 2018, 2019 гг. отличались более сухой погодой по сравнению со средними многолетними значениями в первую половину. А во вторую половину испытываемые годы различались: гидротермические коэффициенты увлажнения (ГТК) значительно превысили средние многолетние значения в 2019 году, а в 2018 году ГТК был близок к норме (рис. 1).

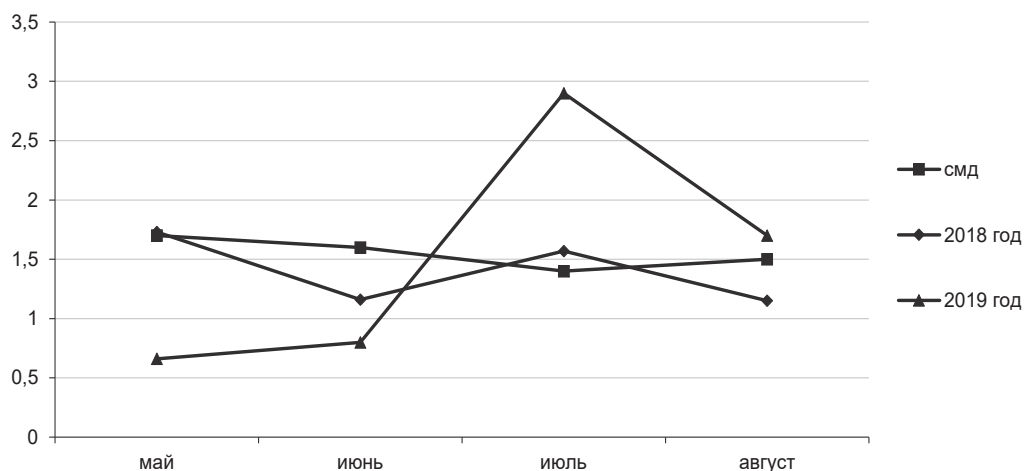

Рис. 1. Гидротермический коэффициент Селянинова (ГТК) по месяцам 2018, 2019 гг. исследований в сравнении со средними многолетними данными

В среднем за годы исследований продуктивность севооборота составила 3,6 – 6,4 т к.ед./га в год. Удобрения повышали продуктивность культур севооборота в среднем за исследуемые годы на 33 – 78%. Применение расчетных систем удобрений (3–5 вар.) в среднем за 2018 – 2019 годы повышало продуктивность севооборота на 17 – 33% по сравнению с удобрением только при посеве (2 вар.) (рис. 2.). Применение органоминеральной системы удобрения (5 вариант) и органических удобрений (6 вариант) уступало по продуктивности минеральной системе с максимальной дозой калийных удобрений на 0,6–1,0 т к. ед./га.

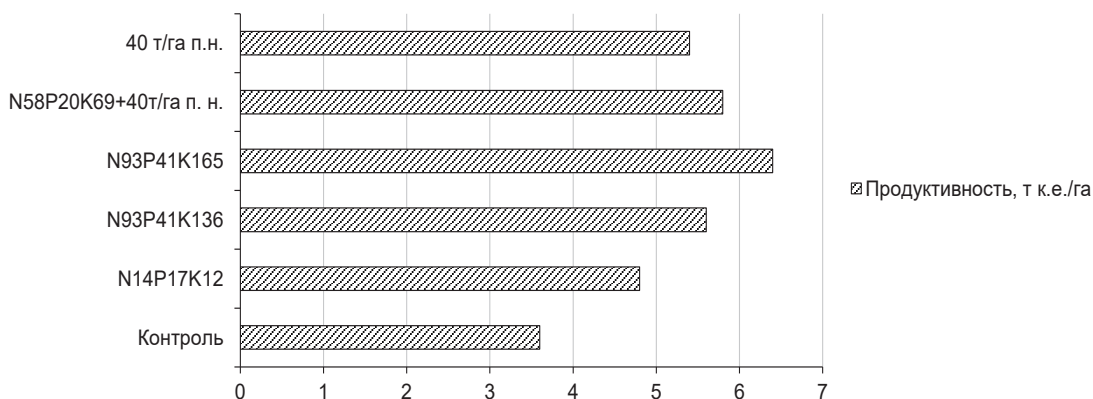

Рис. 2. Продуктивность культур севооборота, в среднем за 2018–2019 гг.

Удобрения повышали вынос элементов питания с урожаем основной и побочной продукции культур. Вынос азота незначительно различался при применении максимальной дозы калийных удобрений и органоминеральной системы (4, 5 вар.) (рис. 3).

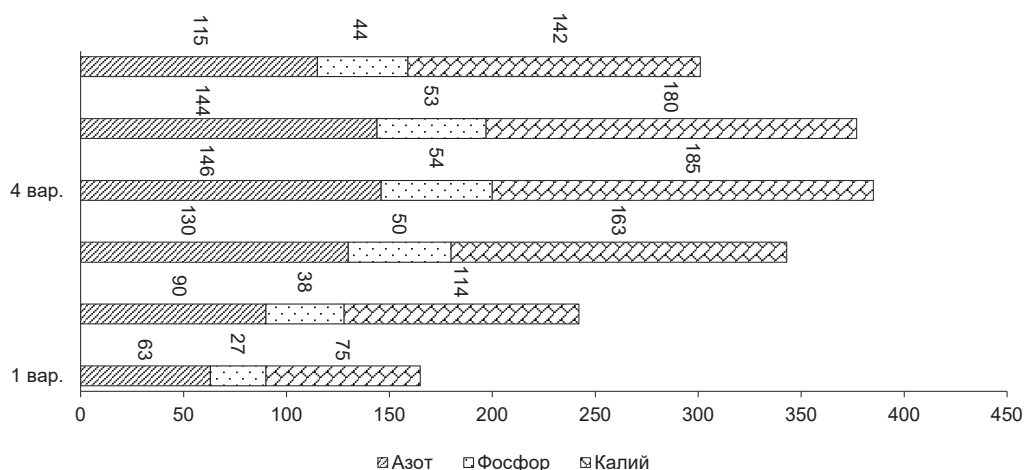

Рис. 3. Вынос элементов питания культурами севооборота, в среднем за 2018–2019 гг., кг

Расчетные дозы удобрений $N_{93-41}P_{136-165}K_{136-165}$ увеличивали вынос азота в 1,4 - 1,6 раз, фосфора – в 1,3-1,4 и калия в 1,4-1,6 раз по сравнению с $N_{14}P_{17}K_{12}$.

Литература

1. Чухина О.В., Жуков Ю.П. Продуктивность культур и изменение агрохимических показателей дерново-подзолистой почвы в севообороте при применении различных доз удобрений // Агрохимия. 2015. № 5. С. 20–28.
2. Чухина О.В., Суров В.В. Влияние удобрений и микропрепаратов на урожайность и вынос элементов питания культурами звена полевого севооборота // Плодородие. 2014. № 3 (78). С. 18–22.

Информация об авторах

Чухина Ольга Васильевна (Россия, г. Вологда) – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, декан факультета агрономии и лесного хозяйства, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина» (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: academy@molochnoe.ru, dekanagro@molochnoe.ru).

Обряева Оксана Дмитриевна (Россия, г. Вологда) – аспирант, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина» (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: obryaeva@bk.ru).

Кулакова Инга Евгеньевна (Россия, г. Вологда) – аспирант, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина» (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail: ingaawdeewa@yandex.ru).

Ганичева Валентина Вадимовна (Россия, г. Вологда) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная ака-

демия имени Н.В. Верещагина» (160555, Российская Федерация, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; e-mail:vganich@mail.ru).

Chukhina O.V., Obryaeva O.D., Kulakova I.E., Ganicheva V.V.

REMOVAL OF NUTRITIONAL ELEMENTS WHEN USING MINERAL AND ORGANIC FERTILIZERS IN THE CROP ROTATION OF VOLOGDA REGION

Abstract. *On soddy-podzolic medium loamy soil of the Vologda Oblast, the use of fertilizers in a dose of N93P41K136-165 ensures the productivity of crop rotation 5.6-6.4 tons of k.ed / ha, increases the removal of nutrients by 1.3-1.6 times compared with the use fertilizer in a dose of N14P17K12.*

Key words: *fertilizer, barley, vetch-oat mix, winter rye, potatoes, removal of batteries.*

Information about the Authors

Olga V. Chukhina (Russia, Vologda) – city-candidate of agricultural Sciences, associate Professor, Dean of the faculty of agronomy and forestry of the Federal state budgetary educational institution of higher education «Vologda state dairy Academy named after N.V. Vereshchagin» (academy@molochnoe.ru dekanagro@molochnoe.ru).

Oksana D. Obryaeva (Russia, Vologda) – graduate student of the Federal state budgetary educational institution of higher education «Vologda state dairy Academy named after N.V. Vereshchagin» (obryaeva@bk.ru).

Inga E. Kulakova (Russia, Vologda) – graduate student of the Federal state budgetary educational institution of higher education «Vologda state dairy Academy named after N.V. Vereshchagin» (ingaawdeewa@yandex.ru).

Valentina V. Ganicheva (Russia, Vologda) – doctor of agricultural Sciences, Professor of the Federal state budgetary educational institution of higher education «Vologda state dairy Academy named after N.V. Vereshchagin» (vganich@mail.ru).

References

1. Chukhina O.V. Produktivnost of cultures and change of agrochemical indicators of the cespitose and podsolic soil in a crop rotation at application of various doses of fertilizers / O.V. Chukhina, Yu.P. Zhukov// Agrochemistry. 2015. No. 5. Pp. 20-28.
2. Chukhina O.V. Influence of fertilizers and micromedicines on productivity and carrying out of batteries cultures of a link of a field crop rotation / O.V. Chukhina, V.V. Surov// Fertility. 2014. No. 3 (78). Page 18–22.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РЕГИОНЕ

Аннотация. Одной из форм решения проблем состояния объектов социальной инфраструктуры в регионе с участием местных сообществ является практика инициативного бюджетирования. На примере проекта «Народный бюджет», действующего в Вологодской области с 2015 года, проанализировано финансовое обеспечение реализуемых в его рамках инициативных проектов.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, проект «Народный бюджет», социальная инфраструктура.

В последнее время одним из актуальных инструментов решения социально значимых вопросов местного значения с участием населения является реализация проектов инициативного бюджетирования [1, с. 117]. За период с 2015 по 2019 год в рамках проекта «Народный бюджет» жители Вологодчины получили сотни новых и реконструированных объектов социальной инфраструктуры.

Количество реализованных за указанный период в рамках «Народного бюджета» проектов выросло с 66 до 818 (в 12,4 раза). В 2019 году количество проектов выросло в 1,8 раза (+ 360 к 2018 году). Начиная с 2018 года, реализованными проектами охвачены все муниципальные районы Вологодской области и 93% поселений от общего их числа (табл. 1). По данным Департамента внутренней политики Вологодской области, традиционно самыми востребованными, несмотря на некоторое снижение в 2019 году, являются проекты в сфере ЖКХ – 17,7%. Лидирующее же место в 2019 году принадлежит проектам, отнесенным к прочему благоустройству, – 20%. Далее следуют проекты комплексного благоустройства общественных территорий: строительство и ремонт детских площадок – 16,1%, ремонт и содержание уличного освещения – 11,4%.

**Таблица 1. Общая информация о реализации проекта «Народный бюджет»
в Вологодской области**

Показатель	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
Общее количество представленных проектов, ед.	74	221	407	490	835
Количество проектов, получивших субсидию	66	155	373	458	818
Количество муниципальных районов, участвующих в реализации проекта, ед.	21	25	25	26	26
Количество поселений, участвующих в реализации проекта, ед.; % от общего числа поселений	57 (29%)	94 (49%)	124 (69%)	128 (71%)	168 (93%)
Источник: данные Департамента внутренней политики Вологодской области.					

Общая стоимость проекта за 5 лет выросла в 12,4 раза (табл. 2). В 2019 году общий объем финансирования проекта увеличился до 177,0 млн рублей (+ 45,1% к 2018 году). При этом следует отметить, что средняя стоимость одного проекта по сравнению с 2018 годом уменьшилась и составила 216, 4 тыс. рублей (в 2018 году – 266,4 тыс. рублей). На 2020 год на реализацию проекта «Народный бюджет» из областного бюджета предусмотрено 210 млн рублей, а общая стоимость проекта с учетом всех источников прогнозируется в размере 300 млн рублей. В связи с этим, цель данного исследования проанализировать динамику финансового обеспечения проектов, реализуемых в рамках «Народного бюджета».

Таблица 2. Динамика финансовых параметров проекта «Народный бюджет» в Вологодской области

Показатель	Год				
	2015	2016	2017	2018	2019
Общая стоимость проектов, млн руб.	14,3	38,2	99,6	122,0	177,0
Из них средства областного бюджета					
Млн руб.	7,6	19,1	49,5	59,7	88,5
В % от стоимости проекта	53,2	50,0	49,7	48,9	50,0
Из них средства граждан					
Млн руб.	0,7	1,9	5,3	7,4	8,9
В % от стоимости проекта	5,0	5,0	5,3	5,0	5,0
Источник: данные Департамента финансов Вологодской области.					

В структуре бюджетных источников финансирования проекта вклад регионального бюджета является значительным – 50%. Одновременно с этим отметим, что с 2020 года изменился порядок софинансирования проектов инициативного бюджетирования. По решению Губернатора области О.А. Кувшинникова сумма субсидии из бюджета региона увеличена с 50 до 70% от общей стоимости проектов (табл. 3). Совокупный же объем внебюджетного софинансирования проектов со стороны населения и юридических лиц, по данным Департамента финансов области, за 2018 год составил 16%.

Таблица 3. Схема софинансирования проекта «Народный бюджет» в Вологодской области

Показатель	До 01.01.2020	С 01.01.2020
1. Средства областного бюджета, %	50	70
	Но не более	
– для сельских поселений, тыс. руб.	500,0	700,0
– для городских поселений, тыс. руб.	1000,0	1400,0
2. Средства местных бюджетов, юридических лиц и другие источники, %	45	25
3. Средства граждан, %	Не менее 5	Не менее 5
Источник: Постановление Правительства Вологодской области от 5 ноября 2014 г. № 990 «Об утверждении государственной программы Вологодской области «Управление региональными финансами Вологодской области на 2015–2020 годы» (с изменениями и дополнениями).		

Для оценки объема бюджетной поддержки проектов инициативного бюджетирования в Вологодской области рассмотрим три показателя, используемых Минфином РФ в регионах: доля бюджетных ассигнований из бюджета субъекта РФ, направленных на реализацию проектов инициативного бюджетирования; обеспечение бюджетной поддержки проектов инициативного бюджетирования свыше 100 рублей на 1 человека; средний размер финансовой поддержки из бюджета субъекта РФ на 1 проект.

Доля субсидирования из бюджета Вологодской области, направленного на реализацию проекта «Народный бюджет», в общем объеме расходов бюджета субъекта РФ в 2019 году составила 0,11% (в 2018 году – 0,09%). Это пятая позиция среди субъектов РФ в СЗФО (табл. 4). Максимальный показатель совокупной доли расходов на инициативное бюджетирование принадлежит Калининградской области – 0,78%, при этом, необходимо отметить, что в большинстве субъектов РФ она не превышает 0,5% [2, с. 13].

Таблица 4. Субъекты Северо-Западного федерального округа, лидирующие по финансовому обеспечению проектов ИБ, и место Вологодской области в 2019 году

№ п/п	Субъект РФ	Доля средств на ИБ в бюджете субъекта, %	Бюджетная поддержка на 1 человека, руб.	Бюджетная поддержка на 1 человека в среднем по ФО, руб.
1	Калининградская область	0,78	897	321
2	Новгородская область	0,75	469	
3	Ленинградская область	0,31	237	
4	Республика Карелия	0,14	123	
5	Вологодская область	0,11	76	
Источник: составлено на основе Доклада о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ и муниципальных образованиях (2020 г.); данные по Вологодской области рассчитаны автором.				

В Вологодской области показатель бюджетной поддержки на 1 человека в 2019 году составил 76 рублей (в 2018 году – 47 рублей), что в 4,2 раза ниже, чем в среднем по СЗФО. Только в четырех субъектах округа этот показатель превышает 100 рублей на 1 человека. Среднее же значение этого показателя, рассчитанное для субъектов РФ, предоставивших информацию о региональных практиках, в 2019 году составило 196,0 рубля на 1 человека [2, с. 13].

Еще один показатель – это средний размер финансовой поддержки из бюджета Вологодской области РФ на 1 проект. В 2019 году он составил 108 тыс. рублей (в 2018 году – 120 тыс. рублей). В целом же по стране в 2019 году этот показатель составил 0,7 млн рублей (в 2018 году – 0,6 млн рублей) [2, с. 13].

Несмотря на то что финансовая поддержка из бюджета является важнейшим ресурсом для реализации гражданских инициатив, делаем заключение, что Вологодская область из 11 субъектов СЗФО по итогам 2019 года не входит в лидирующую группу по финансовому обеспечению проектов инициативного бюджетирования за счет средств регионального бюджета.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Показатели реализации проекта «Народный бюджет» в Вологодской области за период с 2015 по 2019 год демонстрировали существенный устойчивый рост как по количеству, так и по общей стоимости реализуемых проектов. Типология и география проектов расширяется. Все они носят социальный характер, и на сегодняшний день ими охвачено 93% поселений области.

Важным экономическим эффектом реализации проекта «Народный бюджет» является привлечение средств внебюджетных источников и участие негосударственных субъектов на основе принципа софинансирования. С одной стороны, участие населения и бизнеса является обязательным условием реализации того или иного инициативного проекта, а с другой – важным вкладом для снижения финансовой нагрузки на бюджет. Софинансирование проектов из внебюджетных источников в Вологодской области находится в пределах 15%. Хотя вклад собственно граждан остается предсказуемо символическим (лишь 5%), участвуя в проектах, граждане получают необходимые навыки в решении вопросов повседневной жизни, получают новый опыт взаимодействия с органами власти.

Объем бюджетных средств на проект «Народный бюджет» ежегодно растет. Увеличивается стоимость инициативных проектов и одновременно с этим их значимость и весомость. При этом мы видим, что объем бюджетного финансирования ниже, чем в ряде субъектов СЗФО, поэтому одной из основных задач, стоящих перед

областным руководством, по нашему мнению, является дальнейшее увеличение субсидирования проекта.

Литература

1. Вагин В.В., Романов С.В. Инициативное бюджетирование в странах БРИКС // Финансовый журнал. 2017. № 4. С. 113–121.
2. Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. М., 2020. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/10/main/0570_Doklad_IB_2020_itog.pdf (дата обращения 10.11.2020).

Информация об авторе

Шаров Владимир Васильевич (Россия, г. Вологда) – директор, АНО «Учебно-методический центр Вологодской областной Федерации профсоюзов «Профэксперт» (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 17; e-mail: fakel1973@mail.ru).

Sharov V.V.

IMPLEMENTATION OF INITIATIVE BUDGETING PROJECTS IN THE REGION

Abstract. *One of the forms of solving the problems of the state of social infrastructure facilities in the region with the participation of local communities is the practice of initiative budgeting. On the example of the project “People’s Budget”, which has been operating in the Vologda Region since 2015, the financial support of initiative projects implemented within its framework is analyzed.*

Key words: *initiative budgeting, “People’s Budget” project, social infrastructure.*

Information about the Author

Vladimir V. Sharov (Vologda, Russia) – Director, ANO «Trening center under the Vologda Oblast Federation of Trade Unions «Profexpert» (17, Zosimovskaya street, Vologda, 160000; fakel1973@mail.ru).

References

1. Vagin V.V., Romanov S.V. Initiative budgeting in the BRICS countries. 2017. No. 4. Pp. 113–121.
2. Report on the best practice of the development of initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation and municipalities. Moscow, 2020. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/10/main/0570_doklad_ib_2020_itog.pdf (accessed 10.11.2020).

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ

Аннотация. В исследовании проводится анализ основных внешнеторговых показателей Северо-Западного федерального округа и Вологодской области, входящей в его состав. На данных января – августа 2019 и 2020 гг. выявлены изменения, которые в основном являются следствием влияния пандемии коронавируса.

Ключевые слова: регион, внешняя торговля, пандемия, экспорт, импорт.

Региональные социально-экономические системы находятся под серьезным влиянием со стороны внешних факторов. Под внешними факторами необходимо понимать те причины, которые воздействуют или могут воздействовать на регион и привести к изменению его экономических, социальных или экологических показателей.

Факторы, которые могут оказать позитивное или негативное влияние на развитие региона, являются предметом интереса множества исследователей. Так, в работе [1] предлагается выделить несколько типов факторов на разных уровнях региональной иерархии, а также ранжировать их по уровню оказываемого влияния. Таким образом можно оценить степень влияния внешней среды на региональную систему. Исследование [2] рассматривает влияние внешних факторов на инвестиционную сферу мезоэкономики. В нем авторы моделируют инвестиционный процесс в региональной экономике путем составления регрессионных уравнений. В ходе работы были выявлены статистически значимые и незначимые факторы, что позволило сделать вывод о необходимости модернизации производственных мощностей исследуемой социально-экономической системы для снижения инвестиционных потерь.

Отметим, что наиболее зависимой от внешних факторов является внешнеторговая сфера региона, так как именно на ней отражаются любые изменения на мировых рынках и в политических взаимоотношениях между странами. Если влияние западных санкций на региональное развитие в некоторых работах обосновано как незначительное [2], то в [3] выявлено четкое влияние политического фактора на изменение торговых взаимоотношений с зарубежными странами.

В настоящее время наиболее сильным внешним фактором, который оказывает влияние на экономическое развитие всего мира, каждой отдельной страны и региона, является пандемия коронавируса. Для предотвращения ее распространения все страны вводят определенные ограничения на передвижение людей и транспорта, закрывают работу предприятий и проведение массовых мероприятий. Это серьезно сказывается на экономике в целом и на отдельных ее отраслях.

Целью исследования является выявление изменений в основных показателях внешней торговли для Северо-Западного федерального округа и Вологодской области, произошедших с начала 2020 г. Для достижения цели рассмотрим объемы экспорта и импорта с января по август за 2019 г. и за 2020 г. Информационной базой исследования является статистика Северо-Западного таможенного управления. Показатели переведены в рубли по среднемесячному курсу.

Сравнивая экспорт и импорт макрорегиона, можно отметить, что в сравнении с предыдущим годом его товарооборот снизился на 9,1%, в то время как для Вологод-

ской области он вырос на 6,8%. В СЗФО в среднем было отмечено снижение объемов импорта и экспорта, а в его субъекте оба показателя были выше, чем годом ранее (рис. 1, 2).

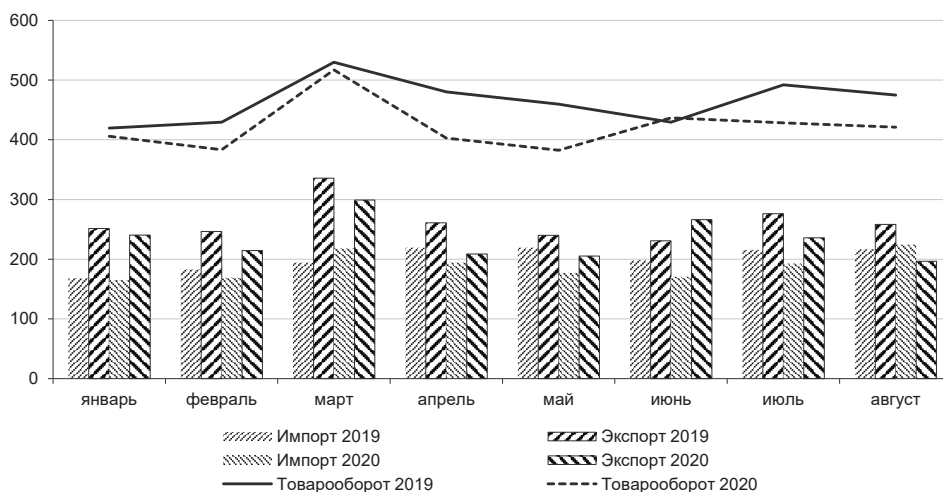

Рис. 1. Основные показатели внешней торговли СЗФО за январь – август 2019 г. и 2020 г., млн руб.

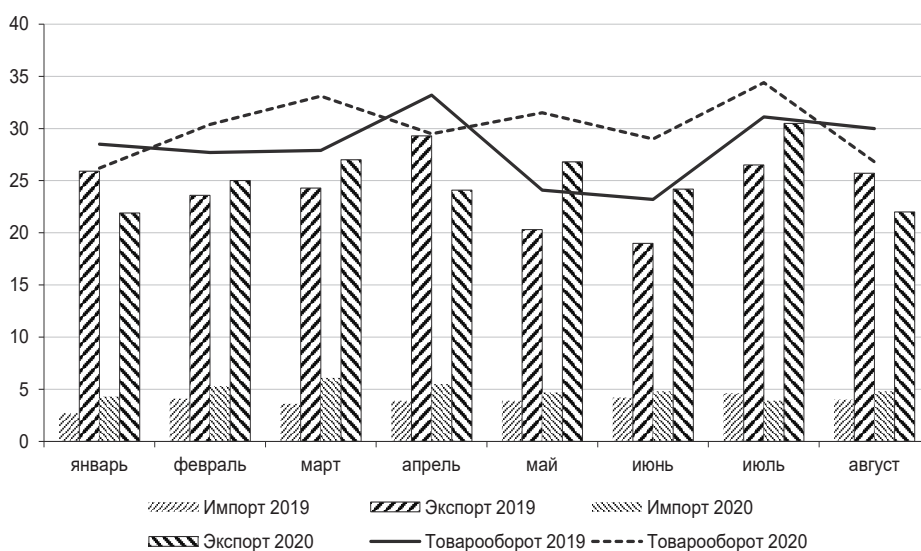

Рис. 2. Основные показатели внешней торговли Вологодской области за январь – август 2019 г. и 2020 г., млн руб.

Отметим, что обнаруженные изменения в показателях внешней торговли не являются следствием воздействия только пандемии, однако этот фактор является наиболее сильным. Снижение значений в СЗФО указывает на общие для его субъектов тенденции, за исключением ряда более устойчивых, как Вологодская область. Минимальное влияние пандемии на экономику региона возможно связано с тем, что предприятия Вологодской области возобновили свою работу сразу после отмены всероссийского локдауна. Кроме того, основой экономики региона

являются крупные промышленные предприятия, которые вошли в список системообразующих и не останавливали свое функционирование. Таким образом, вологодская внешняя торговля за рассматриваемый период смогла даже нарастить объемы экспорта, а основные потери были локализованы в сфере услуг, участие которой на внешних рынках минимально.

Литература

1. Панасюк М.В., Пудовик Е.М., Вахтерова Д.А. Методика анализа влияния факторов внешней среды на социально-экономическое развитие региона // Горизонты экономики. 2019. № 3 (49). С. 68–72.
2. Ковалева Г.Д., Костин А.В. Опыт оценки влияния внешних факторов на региональную торговлю России на примере Сибирского федерального округа // Вопросы новой экономики. 2019. № 1 (49). С. 51–59.
3. Балеевских А.С. Сравнительный анализ тенденций внешней торговли России и Пермского края в настоящий период // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 152–164.

Информация об авторе

Широкова Елена Юрьевна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shir11@bk.ru).

Shirokova E.Yu.

INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON REGIONAL FOREIGN TRADE

Abstract. *The study analyzes the main foreign trade indicators of the North-Western Federal district and the Vologda oblast, which is part of it. Data from January-August 2019 and 2020 revealed changes that are mainly due to the impact of the coronavirus pandemic.*

Key words: *region, foreign trade, pandemic, export, import.*

Information about the Author

Elena Yu. Shirokova (Vologda, Russia) – junior research associate, VolRC RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, shir11@bk.ru).

References

1. Panasyuk M.V., Pudovik E.M., Vakhterova D.A. Methodology for analyzing the influence of environmental factors on the socio-economic development of the region. 2019. No. 3 (49). Pp. 68–72.
2. Kovaleva G.D., Kostin A.V. Experience in assessing the impact of external factors on regional trade in Russia on the example of the Siberian Federal district. Issues of the new economy. 2019. No. 1 (49). Pp. 51–59.
3. Baleevskikh A.S. Comparative analysis of foreign trade trends in Russia and the Perm region in the present period. PNRPU Bulletin. Social and economic Sciences. 2020. No. 1. Pp. 152–164.

СЕКЦИЯ 2

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПОТЕНЦИАЛ СЕМЬЕДЕТНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье представлены результаты межрегионального опроса супружеских пар, проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2019 году, – СеДОЖ-2019. С опорой на эмпирические данные показана неэффективность экономических мер стимулирования рождаемости в контексте формирования более высокой потребности в детях. Анализ уровня согласованности ценностных устремлений мужей и жен позволил выявить потенциал рождаемости, который возможно активизировать у определенной категории населения при осуществлении корректного, научно обоснованного воздействия системой комплексных мер семейно-демографической политики, включающих как экономическое, так и внеэкономическое стимулирование.

Ключевые слова: потенциал детности, потребность в детях, внеэкономическое стимулирование рождаемости, фактический и желаемый уровень дохода.

В 2019 году кафедрой социологии семьи и демографии МГУ имени М.В. Ломоносова был проведен в городах семи регионов России одновременный опрос 1120 супружеских пар и 125 пар сожителей (2489 респондентов, имеющих детей, – 87,7% и у 43,7% есть дети до 18 лет). В исследованной выборочной совокупности в очередной раз подтверждено преобладание малодетности супругов – 76,4%, при 11,3% бездетных пар и крайне незначительной доле семей с 3 и более детьми – 12,3%. Для большинства опрошенных (77%) данный брак является первым. В 9,5% семей воспитываются дети от других браков и у 75,5% брачных пар это один ребенок, причем у четверти опрошенных есть дети, не проживающие в данном браке [4].

Таким образом полученная выборка близка по демографическим параметрам – по числу детей и наличию зарегистрированного брака – микропереписи 2015 года, что так или иначе соответствует низкой величине СКР 1,5–1,6 и ожидаемой в 2020–2021 гг. убыли населения в пределах 500–600 тыс. человек. В прогнозах численности населения используются гипотезы о низкой, средней и высокой рождаемости, но без обоснования этих предполагаемых уровней посредством данных о репродуктивном поведении. Факты статистики населения о среднем возрасте вступающих в брак, возрасте матерей при рождении детей разной очередности, интервалах между рождениями и др. не дополняются информацией о феноменах поведения – о потребности в детях и об определении ситуаций ее удовлетворения, о мотивах рождения детей, о репродуктивных ориентациях и установках. В социологии населения при учете поведения, опосредующего взаимодействие факторов и уровня рождаемости, т.е. при поведенческом подходе к анализу интенсивности рождений, научным фактом признается изменение самих установок, мотивов и ценностных ориентаций, измеряемых социологическими методами. Поэтому в отличие от фактуальной демографии, фиксирующей факты всех исходов беременностей и факты социальных ситуаций семьи, результатом поведения являются изменения диспозиций поведения, изменения фреймов, т.е. определений ситуаций реализации потребности в детях. Поведенческий подход позволяет дать социологическое объяснение направленности на спад

рождаемости в постоянно меняющихся условиях социума, где ослабление потребности в детях ощутимо лишь при смене брачных поколений, но при неизменности уровня потребности в детях в каждой отдельной когорте.

Социокультурный процесс частоты рождений в населении осуществляется неудовлетворенной потребностью семьи в детях. Если же она удовлетворена полностью уже имеющимся числом детей, то никакое стимулирование не заставит превысить этот уровень. Именно поэтому в центре внимания находится «мотор» рождаемости – потребность в детях – но не индивида, не отдельного Я (обычно опрашивают женщин), а семейного МЫ, семьи в целом.

Данное исследование сфокусировано на совпадении мнений супругов, на степени согласованности устремлений мужей и жен. Важно измерить сходство и различие по степени удовлетворения потребности супругов в детях, т.е. по удовлетворенности и неудовлетворенности имеющимся числом детей. [3] Пар с совпадением установок на 1–2 детей выявлено 43,1%, а на трех и более 10,7%, тогда как с несовпадением мнений было 10 и 5%, причем несовпадений на 1–2–3 и более детей оказалось 31,2%.

Потенциал детности образуется среди тех, кто не удовлетворил потребность в детях, но не в одном-двух, а в трех и более детях, т.к. во избежание депопуляции надо 50% семей среднететных и 2% с 5 и более детьми. [1] Выяснилось, что лишь 10,5% семей действительно испытывают потребность в трех и более детях практически независимо от материальных условий жизни, поскольку богатство детьми перекрывает собой все остальные аспекты благополучия. Это новая культура нового социального неравенства – не слепок прошлых традиций, а феномен иной цивилизации, противостоящей индивидной и антисемейной мифологии нынешнего капитализма.

Среди 26,5% выборочной совокупности выявлен сильный потенциал детности, который может быть актуализирован при социальной поддержке семейной взаимности и согласия супругов, а не посредством прямолинейной пропаганды среднетности. Слабый потенциал семьеетности с незначительной склонностью к 3 и более детям характерен для 34,6% выборки и, наконец, бастион малодетности с отсутствием даже намек на превышение двудетности отмечен у 28,4% супругов.

По более жестким критериям отбора примерно треть супружеских пар находится в поисках согласования установок на 3–4 детей. Это те, кто мог бы реализовать свой потенциал (разумеется, не полностью, а частично) на протяжении ближайших 5–7 лет при переходе государства к подлинной семейно-демографической политике укоренения фамелизма, еще не проводившейся нигде в мире – к политике сплочения отдельных Я в единство семейного МЫ. Увы, в национальном проекте «Демография» 2019–2024 гг. даже не ставилась цель достижения уровня простого воспроизводства (СКР 2.1).

Рост СКР с базового значения 1,62 до 1,70 в 2024 г. предполагался при финансовой поддержке семей в пределах 1% ВВП. При этом не ставилась задача поддержки материнства, а декларировалась цель «содействия занятости женщин». Снижение СКР в 2019 г. ниже плана привело к пересмотру нормативов, однако нацеленность на материальную поддержку семей сохраняет приверженность социальной политике уменьшения бедности, актуальной в условиях пандемии. В связи с этим цель семейно-демографической политики по увеличению семей с тремя детьми и, значит, по усилению потребности в детях не эксплицируется.

К сожалению, в общественном мнении материальная помощь семьям считается «мерами стимулирования рождаемости», а в самой демографии возникла даже «концепция помех», утверждающая наличие у людей неизменного желания иметь больше детей, чем есть, если возможности позволяют. Отсутствие их, т.е. хороших доходов и жилищных условий, «мешает» иметь больше детей. На самом деле по социологическим данным главной помехой является отсутствие потребности в трех детях.

Увеличение разрыва между желаемым и реальным доходом уменьшает репродуктивные ориентации как показал опрос в 2004 г. 1000 жен и мужей на селе [2, с. 145]. При равенстве желаемого и реального дохода «желаемое число детей при всех необходимых условиях» было 2,29, когда желаемый доход в 2 раза больше – 2,31, в 3 раза больше – 2,56, в 4 раза – 2,34 и в 5 раз больше – 2,28 детей. Сходная картина по идеальному числу – при средней величине его 2,20 наибольшее значение 2,34 при превышении желаемого дохода над реальным в 3 раза. Наибольший и наименьший разрыв между доходами вновь дает один и тот же индекс желаемой детности 2,08. Конструктивная норма наибольшего разрыва между уровнем притязаний и достижений равна пятикратному превышению – рост его в 7–10–15 раз ничего не вызывает кроме когнитивного диссонанса. Поэтому семейдетность вообще не упоминается, когда респонденту предлагается гипотетическая ситуация гигантского выигрыша в лотерее. Вместе с тем отсутствие притязаний на успех есть свидетельство хронического стресса, неудовлетворенности жизнью, принуждающей к малодетности и внесемейным паттернам поведения, которые имплицитно таят в себе безысходность от неудовлетворенной потребности в детях.

Аналогичные взаимосвязи репродуктивных ориентаций с соотношением желаемого и реального дохода наблюдаются и в обсуждаемом здесь исследовании 2020 года. Так у респондентов старше 50 лет желаемый душевой доход в 2,3 раза больше реального (90,2 тыс. руб. и 38–1 тыс. руб.), а среднее желаемое число детей при всех необходимых условиях 2,8 детей. Тогда как у респондентов от 30 до 39 лет желаемый доход в 3,2 раза больше фактического (169,2 тыс. руб. и 51,8 тыс. руб.), но желаемая детность 2,7 детей. Наименьшее желаемое число детей (2,28) отмечено у молодых людей моложе 29 лет с желаемым доходом в 4,9 раз большим, чем реальный (203,8 и 43,1 тыс. рублей соответственно).

Вот конкретное действие социально-символического механизма обратной связи между рождаемостью и достатком – эффективно работает на более полную реализацию имеющихся репродуктивных установок лишь повышение дохода в 2–3 раза по сравнению с имеющимся уровнем. И такова ограниченная роль материальных мер в воздействии на репродуктивные ориентации, т.к. теоретически возможное повышение желаемого числа до 2,8 недостаточно для обеспечения уровня простого воспроизводства населения (СКР 2.1), ибо в последние годы роста коэффициентов рождаемости до 2016 г. под влиянием мер социальной политики желаемое число варьировалось в пределах 2.5–2.8 и сопровождалось колебаниями ожидаемого числа 1.8–2.0, что дало его реализацию в СКР 2015 года 1.8.

Таким образом, при выдвижении цели достижения нормативного уровня СКР 2.1 (и значит желаемого числа 3.5–3.7, и ожидаемого числа 2.4–2.6) в рамках семейно-демографической политики по усилению потребности семьи в 3–4 детях понадобятся меры внеэкономического воздействия по упрочению ценностно-ориентационного единения семьи как социального института, равного другим институтам

по суверенности, и меры сплочения семьи как социально-психологической группы устойчивой на протяжении жизненного цикла семьи. Следует помнить при этом, что редукция активной политики семьецентризма к социальной политике материальной компенсации бедных семей лишь замедлит на время снижение СКР и ослабит потенциал детности брачных пар.

Литература

1. Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России:1897–2007. М.: NOTA BENE, 2007. 752 с.
2. Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций ее изменения / науч. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ. 2008. 301 с.
3. Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жен по результатам одновременного опроса супругов / под ред. А.И. Антонова. М.: Перо, 2021. 240 с.
4. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования/ под ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. 486 с.

Информация об авторе

Антонов Анатолий Иванович (Россия, г. Москва) – заведующий кафедрой, доктор философских наук, профессор; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: antonov_ai_@mail.ru).

Antonov A.I.

FAMILY BIRTH POTENTIAL AND POSSIBILITIES OF ITS IMPLEMENTATION BY MEANS OF SOCIAL POLICY

Abstract. *The article presents the results of an interregional survey of married couples conducted by the Department of Family Sociology and Demography of the Sociological Faculty of Lomonosov Moscow State University in 2019 - SeDOJ-2019. Based on empirical data, it is shown that economic measures to stimulate the birth rate are ineffective in the context of the formation of a higher need for children. An analysis of the level of consistency of the value aspirations of husbands and wives made it possible to identify the potential for fertility, which can be activated in a certain category of the population with the implementation of a correct, scientifically based impact by a system of complex measures of family and demographic policy, including both economic and non-economic incentives.*

Key words: *potential for childhood, need for children, non-economic stimulation of fertility, actual and desired income level.*

Information about the Author

Anatoly I. Antonov – head of department, Doctor of Philosophy, professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology, Family sociology and demography department (119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory, Lomonosov Moscow State University, 1/33; antonov_ai_@mail.ru).

References

1. Borisov V.A. Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii:1897-2007. [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007] M.: NOTA BENE, 2007. 752 p.

2. Monitoring demograficheskoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii i tendentsiy ee izmeneniya [Monitoring the demographic situation in the Russian Federation and trends in its change] / nauch. red. A.I. Antonov. M.: KDU. 2008. 301 p.
3. Similarity and difference in the value orientations of husbands and wives based on the results of a simultaneous spouses survey / ed. A.I. Antonov. M.: Publishing house "Pero", 2021. 240 p.
4. The family-child lifestyle values (SeDOJ–2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study. Moscow, MSU, Faculty of Sociology / under general editorship of Antonov A.I. M.: MAKS Press, 2020. 486 p.

ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ВЫБОРА МЕЖДУ СЕМЕЙНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ И РОЖДЕНИЕМ ДЕТЕЙ¹

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» (2019–2020 гг.; руководитель – д.с.н., профессор Ростовская Т.К.) в части детерминации выбора респондентов между семейным благополучием и рождением детей.

Ключевые слова: благосостояние; семейное благополучие; рождение детей.

При появлении в семье ребенка (первого или последующего), как правило, снижается ее уровень жизни, уменьшаются среднедушевые доходы, что обуславливает снижение уровня благосостояния.

Под благосостоянием в настоящем исследовании понимается, прежде всего, интегральная экономическая характеристика, степень удовлетворения физических, духовных и социальных потребностей человека. В экономической социологии рост уровня жизни, как правило, означает рост качества жизни, возможность удовлетворения человеком не только фундаментальных потребностей, но и социальных, духовных, этических, эстетических и др. В свою очередь, благосостояние семьи характеризует уровень ее обеспеченности как материальными, так и нематериальными (в т.ч. духовными) благами.

По данным опроса, проведенного в рамках первой волны Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» в конце 2019 – начале 2020 гг. исследовательским коллективом под руководством доктора социологических наук, профессора Т.К. Ростовской, четверть респондентов (26,7% женщин и 23,5% мужчин) полагают, что появление в их семье ребенка (первого или еще одного) помешало бы повышению благосостояния семьи².

Однако, при общности такой оценки, репродуктивные намерения этих респондентов различаются:

1,3% женщин и 1,2% мужчин уже ждут ребенка;
3,8% женщин и 4,4% мужчин собираются иметь ребенка в ближайшее время;
23,3% женщин и 20,6% мужчин предполагают рождение ребенка, но пока откладывают его;

51,3% женщин и 51,2% мужчин (немногим более половины респондентов, считающих, что появление ребенка помешало бы повышению благосостояния семьи) не собираются его иметь;

20,3% женщин и 22,6% мужчин затруднились с ответом на соответствующий вопрос.

Чем различаются эти группы респондентов?

Учитывая небольшую совокупность тех, кто уже ждет ребенка, и тех, кто собирается иметь его в ближайшее время, целесообразно объединить две эти группы ре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

² Опрошено 5616 человек в возрасте от 18 до 50 лет в Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Уральском федеральных округах.

спондентов с теми, кто собирается иметь ребенка, но пока откладывают его рождение. В этом случае совокупность респондентов, которые собираются иметь ребенка в ближайшее время или несколько позже, несмотря на то что его появление помешало бы повышению благосостояния семьи, составляет 193 женщины и 159 мужчин, а тех, кто не собирается его иметь, – соответственно 348 и 311.

Основным дифференцирующим фактором, влияющим на принятие решения о рождении последующего ребенка, является имеющееся число детей, т.е. в отношении какого по счету ребенка принимается решение о его рождении.

Среди не имеющих детей 47,9% женщин и 34,4% мужчин собираются иметь первого ребенка в ближайшее время или несколько позже. Не собираются его иметь, соответственно, 25,7% и 39,9% респондентов³.

Данная статистика может служить основанием для разработки управленческих решений в сфере стимулирования рождения первенцев. На наш взгляд, решение о выплате материнского капитала за первого ребенка, является своевременной и актуальной мерой, направленной на стимулирование рождения первых детей в российских семьях и может быть дополнена также мерами⁴, ориентированными на социально-экономическую поддержку молодых семей (включая студенческие семьи); развитие системы жилищного обеспечения семей с детьми; совершенствование инфраструктуры дошкольного и дополнительного образования детей и взрослых, семейного досуга; создание условий для совмещения семейных и трудовых обязанностей.

Среди одноклетных респондентов намерение иметь второго ребенка (в ближайшее время или позже) отметили 29,4% женщин и 31,9% мужчин, а не имеют такого намерения – соответственно, 59,5 и 50,0%.

Значительно ниже доля собирающихся иметь третьего ребенка среди двухдетных респондентов (3,6% женщин и 7,6% мужчин). Не собираются его иметь, соответственно, 75,0% и 71,5%.

Таким образом, можно говорить о существенных различиях в намерениях иметь первого или второго ребенка у женщин, а именно: женщины чаще, чем мужчины, ориентированы на рождение первого ребенка в ближайшее время или несколько позже, несмотря на то что благосостояние семьи в случае появления в ней первенца, вероятно, ухудшится.

Стремление респондентов (и женщин, и мужчин) родить ребенка, в случае если его появление помешает благосостоянию семьи, уменьшается с рождением каждого последующего ребенка. В то же время мужчины чаще женщин намереваются иметь второго и третьего ребенка даже в ситуации, когда его рождение может ухудшить благосостояние семьи.

То есть у мужчин различия в намерениях иметь первого или второго ребенка также имеют место, но менее выражены и более гибкие в отношении именно вторых и третьих детей.

Существенное влияние на принятие решения о рождении ребенка в ситуации понимания, что это может помешать повышению благосостояния семьи, у женщин оказывает соотношение значимости материального благополучия и наличия двоих или троих детей. Так, и для тех женщин, которые собираются, и для тех женщин,

³ Здесь и далее остальные ответы «трудно сказать» на вопрос о намерении иметь ребенка.

⁴ Комплекс предложенных мер разработан на основе ответов респондентов, не имеющих детей.

которые не собираются иметь ребенка, материальное благополучие, в среднем более значимо, чем двое и трое детей, однако у тех, кто собирается рожать второго или третьего ребенка, разница в значимости этих ценностей (рассчитанная на основе средних баллов по пятибалльной шкале) существенно меньше: двое детей «проигрывают» по значимости материальному благополучию среди собирающихся иметь ребенка 0,80 баллов, а у не собирающихся – 1,02; разница в значимости материального благополучия и наличия троих детей составляет, соответственно, 1,88 (у собирающихся их рожать) и 2,11 (у не собирающихся).

У мужчин таких различий нет. Разница в значимости материального благополучия и двоих детей составляет 0,90 у тех, кто собирается иметь ребенка, и 0,79 у тех, кто не собирается, а разница в значимости материального благополучия и наличия троих детей – соответственно, 1,89 и 1,82.

То есть фактор материального благополучия является значимым в семейной жизни как для женщин, так и для мужчин. Однако современные женщины склонны отказываться от рождения вторых и последующих детей, поскольку считают, что материальное положение семьи в таких случаях значительно ухудшится и полагают: лучше родить одного ребенка и дать ему все самое необходимое, чем обделять его в случае рождения его братьев и сестер.

Еще одним фактором, влияющим на намерение иметь или не иметь ребенка, является оценка уровня жизни семьи. У женщин, которые собираются иметь еще ребенка в ближайшее время или несколько позже, средний балл оценки уровня жизни семьи (по 10-балльной шкале) составляет 6,99, а у тех, кто не собирается иметь еще ребенка – 6,48; у мужчин – соответственно, 6,62 и 6,27. Учитывая это, можно предполагать, что более высокая оценка уровня жизни способствует принятию решения о рождении ребенка в той ситуации, когда оно воспринимается как возможная помеха к повышению благосостояния семьи.

Таким образом, в результате исследования мы выделили группу факторов детерминации выбора между семейным благополучием и рождением детей, а именно: количество детей в семье; значимость материального благополучия; субъективная оценка уровня жизни респондентами – членами российских семей, а также гендерный фактор.

Информация об авторах

Архангельский Владимир Николаевич (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук; ведущий научный сотрудник отдела рождаемости и репродуктивного поведения, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1); ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала, РАНХиГС при Президенте РФ (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Князькова Екатерина Александровна (Россия, г. Москва) – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6); доцент социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (125993, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: eapavlova@bk.ru).

DETERMINATION FACTORS OF CHOICE BETWEEN FAMILY WELL-BEING AND BIRTH OF CHILDREN

Abstract. *This article presents the results of the All-Russian sociological research “Demographic well-being of Russia” (2019-2020; supervisor - Doctor of Social Sciences, Professor T.K Rostovskaya) in terms of determining the choice of respondents between family well-being and birth children.*

Key words: *welfare; family well-being; birth of children.*

Information about the Authors

Vladimir N. Arkhangelskiy (Russia, Moscow) – candidate of economic sciences; leading research fellow at Department of fertility and reproductive behavior, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS) (119333, Russian Federation, Moscow, Fotievoy st., 6 bldg 1), head of sector at Center for Population Studies, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia, 119991, Moscow, Leninsky Gory, 1, bldg.46), leading research fellow at International Laboratory of Demography and Human Capital, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Russia, 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82, bldg 1); archangelsky@yandex.ru

Ekaterina A. Knyazkova (Russia, Moscow) – candidate of political science; senior research fellow at Department of family and family and demographic policy, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS) (119333, Russian Federation, Moscow, Fotievoy st., 6 bldg 1); Associate Professor of the Sociological Faculty of the Russian State University for the humanities (125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6); eapavlova@bk.ru

ПОДХОДЫ К ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ СУБЪЕКТОВ ПРАРОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В РОССИИ¹

Аннотация. В статье представлены подходы к изучению прародительства в научных исследованиях. Соотнесены ключевые показатели демографии прародительства и прародительского труда. Предложены методические и инструментальные принципы исследования субъектов прародительского труда – бабушек и дедушек.

Ключевые слова: прародительский труд, прародительство, субъекты прародительского труда, продолжительность прародительства, возраст прародительства, численность прародителей, принципы исследования.

Родительский труд в современной России выполняет важные социально-экономические функции. Расширяющееся в последнее время государственное стимулирование этого вида труда подтверждает его значимость, востребованность обществом, уникальность семьи как института, потенциально способного воспроизводить качественный человеческий капитал в необходимых стране и регионам объемах. Однако процесс реализации трудовых родительских функций в семье может быть организован по-разному. В нем могут принимать участие и другие родственники – прародители, старшие дети и т.д. Исследованиям современного прародительства, выполняемым им функциям в российской и зарубежной научной литературе посвящено не так много работ (см., например [1; 2 и др.]). В российской науке прародительство изучается преимущественно с социологических и психологических позиций. Диапазон зарубежных исследований несколько шире, и прежде всего это связано с активно развивающейся в последние годы демографией прародительства [3; 4 и др.].

Демография прародительства основывается на нескольких ключевых показателях, среди которых можно выделить возраст вступления в прародительство, его продолжительность, численность прародителей. Отметим, что эти показатели могут являться основой для оценки соответствующих показателей прародительского труда. Так, например, биологическое начало прародительства не всегда означает начало выполнения прародителем трудовых функций прародительского труда. Причины этого могут быть различны: географическая удаленность потенциальных субъектов прародительского труда и их внуков, нежелание прародителей принимать на себя трудовые функции, их занятость в сфере профессионального труда, недостаточное физическое здоровье и т.д. Аналогично «физическая» продолжительность прародительства (т.е. общий период жизни прародителей и внуков) может не совпадать с периодом реализации прародительского труда. Все это не всегда позволяет применять для исследований прародительского труда традиционные, уже наработанные в ходе изучения родительского труда подходы, принципы и инструменты.

На наш взгляд, подходы к изучению прародительского труда следует выстраивать с учетом следующих методических принципов:

1) дифференцированное изучение прародительского труда по субъектам этого труда – бабушкам и дедушкам. Необходимость этого принципа связана с существен-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

ной дифференциацией продолжительности жизни мужчин и женщин в нашей стране. Это сказывается на продолжительности прародительства и – как следствие – выполнении функций прародительского труда;

2) учет региональных различий прародительского труда. Исторически в России сложилась высокая степень региональной дифференциации по многим социально-экономическим показателям. Региональная специфика прародительского труда может быть обусловлена дифференциацией продолжительности жизни, рождаемости, разводимости, заболеваемости и т.д.;

3) применение междисциплинарного подхода к исследованию прародительского труда. Как и родительский труд, выполняемый прародителями труд может быть исследован под различными углами зрения: демография может фиксировать демографические характеристики субъектов прародительского труда; социология может изучать мотивы этого вида труда, удовлетворенность им разных участников трудового процесса, отношение к нему в обществе; в рамках экономической науки могут изучаться трудовые затраты, организация этого вида труда, оцениваться возможности его стимулирования.

Предложенные методические принципы могут быть реализованы посредством ряда инструментальных принципов исследования субъектов прародительского труда. Наиболее важными здесь являются следующие:

1) использование вторичных данных. В России не проводятся общенациональные демографо-статистические обследования прародительства. В условиях недостатка первичных данных в качестве информационных ресурсов могут быть использованы федеральные статистические наблюдения Росстата (в частности, «Комплексное наблюдение условий жизни населения», отдельные вопросы которого позволяют в первом приближении моделировать прародительский труд) и данные текущего статистического учета населения. Обширным информационным ресурсом также является коллекция статистических данных, аккумулируемых Институтом демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

2) получение косвенных оценок субъектов прародительского труда. Имеющиеся на сегодняшний день информационные ресурсы позволяют получать только косвенные оценки, базирующиеся на математико-статистических досчетах. При этом оценки, касающиеся дедушек, требуют большего числа досчетов и аппроксимаций, чем оценки для бабушек. Это связано с тем, что демографическая статистика преимущественно представляет показатели, касающиеся женщин.

Предложенные методические и инструментальные принципы могут стать основой разработки полноценной методики исследования субъектов прародительского труда.

Литература

1. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Участие прародителей в воспитании внуков как форма личной самореализации // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2018. С. 522–527.
2. Qin W. Grandparenting practices around the world. *Journal of Gerontological Social Work*, 2020, vol. 63, iss. 4, pp. 371–373.
3. Leopold T., Skopek J. The Demography of Grandparenthood: An International Profile. *Social Forces*, 2015, vol. 94, iss. 2, pp. 801–832. DOI: 10.1093/sf/sov066

4. Arpino B., Guma J., Julia A. Family histories and the demography of grandparenthood. *Demographic Research*, 2018, vol. 39, iss. 1, pp. 1105–1150. DOI: 10.4054/DemRes.2018.39.42

Информация об авторах

Багирова Анна Петровна (Россия, г. Екатеринбург) — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Шубат Оксана Михайловна (Россия, г. Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Bagirova A.P., Shubat O.M.

APPROACHES TO ECONOMIC AND STATISTICAL STUDY OF THE GRANDPARENTAL LABOUR IN RUSSIA

Abstract. *The paper presents approaches to the study of grandparenting in scientific research. The key indicators of demography of grandparenting and grandparental labour are correlated. Methodological and instrumental principles of grandparental labour's subjects (grandmothers and grandfathers) research are proposed.*

Key words: *grandparental labour, grandparenting, subjects of grandparental labour, duration of grandparenting, age of grandparenting, number of grandparents, research principles.*

Information about the Authors

Anna P. Bagirova – doctor of economics, professor, Ural Federal University; 19, Mira St., Ekaterinburg; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru.

Oksana M. Shubat – PhD in Economics, Associate Professor, Ural Federal University; 19, Mira St., Ekaterinburg, e-mail: o.m.shubat@urfu.ru.

References

1. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Participation of grandparents in the upbringing of grandchildren as a form of personal self-realization // *Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: a collection of articles of the IX Ural Demographic Forum*. Ekaterinburg: IE UrB RAS, 2018. Pp. 522–527.
2. Qin W. Grandparenting practices around the world // *Journal of Gerontological Social Work*. 2020. Vol. 63. Iss. 4. Pp. 371–373.
3. Leopold T., Skopek J. The Demography of Grandparenthood: An International Profile // *Social Forces*. 2015. Vol. 94. Iss. 2. Pp. 801–832. DOI: 10.1093/sf/sov066
4. Arpino B., Guma J., Julia A. Family histories and the demography of grandparenthood // *Demographic Research*. 2018. Vol. 39. Iss. 1. Pp. 1105–1150. DOI: 10.4054/DemRes.2018.39.42

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕДАЧИ ОТЦОВСКИХ УСТАНОВОК МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

Аннотация. *Статья посвящена одному из элементов трансформации института отцовства на современном этапе – передаче опыта между поколениями отцов и детей. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей и сравнении моделей передачи опыта отцовского воспитания между поколениями. Определено, что в условиях глобализации разнообразие моделей передачи отцовского опыта постепенно сокращается. Доказано, что наиболее эффективной и, вероятно, самой распространенной становится модель косвенной передачи отцовского опыта, основанной не на династических принципах его ретрансляции, а процессе успешной социализации.*

Ключевые слова: *институт отцовства, поколения, передача опыта.*

Количественные (изменение показателей рождаемости и смертности) и качественные (изменение поло-возрастной и брачно-семейной структур) трансформации мирового населения демонстрируют единые траектории, различаясь глубиной и интенсивностью их протекания [1]. Mikko Myrskylä, Hans-Peter Kohler и Francesco C. Billari в рамках цикла статей [5; 6] доказали преобразование характера зависимости между СКР и Индексом человеческого развития (ИЧР), форма которой за последние 40 лет в развитых странах изменилась с прямой обратной связи на U-образную. Т.е. после достижения определенного уровня ИЧР рождаемость вновь начинает возрастать. Безусловно, у этого исследования нашлось достаточно большое количество критиков, обращающих внимание на используемые допущения и вероятностные статистические погрешности, однако в конечном итоге всеми признается, что данный тренд реален, хотя и проявляется в крайне незначительном увеличении рождаемости. Главным же фактором, по мнению авторов исследования, выступают не достижения в демографической и семейной политике, а установление гендерного равенства как системного явления с четко понимаемой логикой функционирования. Причем проявляется это не только в рамках формальной занятости на рынке труда, но и в перераспределении домашних обязанностей, в том числе по уходу за детьми. В этой связи дискурс вокруг трансформации отношений внутри семьи смещается к ранее мало изученному объекту – феномену отцовства.

Проблема участия отцов в воспитании детей в XXI веке актуализируется по целому ряду причин. С экономической точки зрения это обусловлено распространением гендерного равенства и расширением присутствия женщин на рынке труда. С другой стороны, исследование Шобера [7] позволяет говорить о существенной взаимосвязи между комплексным участием отца в уходе за детьми и стабильностью отношений между супругами, что отражает важность данной проблемы в социокультурной системе координат. Очевидно, что в привязке к наблюдаемым демографическим изменениям в развитых странах понимание трансформации института отцовства несет в себе ответы на многие вопросы, связанные с изменением современной семьи. Изучение факторов этого процесса – ключевая исследовательская задача.

В 2019 году совместными усилиями научных коллективов Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан и Вологодского научного центра РАН

была проведена серия более чем из 40 интервью с мужчинами (как детными, так и бездетными) на предмет изучения генеративного поведения мужчин и практик современного отцовства. В ходе интервью респондентам, в числе прочего, предлагалось ответить на вопрос о том, какие методы поощрения и наказания они считают наиболее приемлемыми. Было выявлено, что исследуемые отцы во многом переняли методы воспитания собственных родителей (в том числе и в отношении принципов умеренного контроля), но, отдавая должное современным реалиям, несколько их видоизменяют. Из результатов интервью стало очевидным, что практики физического насилия в отношении детей уже рассматриваются в качестве рудимента и сейчас определить эффективность передачи этого опыта крайне затруднительно, в отличие от представленных выше исследований, где изучались поколения отцов, рожденных в более ранние периоды истории. Респонденты в подавляющем большинстве уверены в том, что отношение к собственным детям напрямую скажется на их жизненных траекториях в дальнейшем, что, безусловно, оказывает влияние на структуру воспитательных практик. Опрошенные отцы как в Республике Татарстан, так и в Вологодской области склонны к моделям умеренного контроля без применения физического насилия, но с применением бесконтактных наказаний в форме, например, отлучения от интернета и гаджетов. Вероятно, коллективный опыт современного поколения отцов рассматривает эту практику в качестве наиболее эффективной и, возможно, данная модель прямых последствий негативных (с точки зрения детей) методов воспитания на длительное время укоренится в передаче опыта между поколениями. Также следует отметить, что большинство респондентов крайне негативно относятся к ранее широко распространенной (по их воспоминаниям) практике воспитания «ты мне – я тебе». Проще говоря, по мнению представителей отцов, воспитание детей не должно опираться на принципы поощрения за совершенные поступки (например, вынес мусор – получи сладость), т.к. это в дальнейшем отрицательно может сказаться на процессах их социализации.

Также следует уделить внимание проблеме конфликтов внутри семьи. Сегодня проблема разделения семьи по-прежнему остается актуальной и в подавляющем большинстве случаев ее основным проявлением оказывается уход из семьи отца. Очевидно, что структура семьи поколения «детей» будет оказывать влияние на передачу родительских обязанностей из поколения в поколение. Конгер [2] в своем исследовании продемонстрировал влияние родительских конфликтов на процесс передачи воспитательного опыта, в котором было определено, что его эффективность в неполных семьях существенно ниже, чем в полных. Развод мешает полноценному воспитанию детей, но и переход к семье с отчимом чаще всего также вызывает беспокойство со стороны детей и в будущем может стать фактором не только неприятия родительского опыта, но и постепенного отдаления от семьи [3]. В нашем исследовании отцы, выросшие в неполных семьях, чаще отрицательно отвечали на вопрос о том, брали ли они за пример своих родителей, когда строили собственную семью. В то же время отцы из полных семей чаще руководствуются династийными принципами принятия и передачи позитивных (и, вероятно, негативных) воспитательных практик. При этом доказанным является то, что наибольшее негативное влияние оказывает не сам факт развода родителей, а количество конфликтных и деструктивных ситуаций в семье. Так, например, наши респонденты уделяли в своих ответах большое внимание структуре взаимоотношений со своим партнером и де-

монстрации их проявлений внутри семьи. По мнению отцов, дети должны быть изолированы от наблюдения ссор и конфликтов внутри семьи, в том числе по причине вероятного принятия этой модели поведения в качестве нормы.

Приведенные выше сведения о моделях передачи отцовских установок и изменения в структуре поведения отцов основаны преимущественно на данных качественных социологических исследований, которые позволяют наиболее полно рассмотреть особенности этих процессов. Однако количественные исследования могут дать не менее ценные сведения, несмотря на ряд допущений и усредненность значений. Далее приведем данные о некоторых отцовских установках для двух поколений мужчин в возрасте от 30 до 45 лет, основанных на данных двух волн мирового социологического опроса World Values Survey. В качестве примера рассмотрим результаты, полученные в трех странах мира: России, Швеции и США.

В анкете обеих волн опроса респондентам предлагалось определить, насколько важно наличие тех или иных характеристик у их детей (таблица).

Распределение ответов на вопрос «Насколько для Вас важны следующие характеристики в детях» (вариант ответа «Важно»), %

Качество	Россия			Швеция			США		
	1990–1994	2017–2020	+/-	1990–1994	2017–2020	+/-	1990–1994	2017–2020	+/-
Хорошие манеры	57.3	58.4	1.1	78.0	69.1	-8.9	76.4	51.7	-24.7
Независимость	29.2	34.1	4.9	36.4	66.1	29.7	52.3	55.5	3.2
Трудолюбие	92.6	75.8	-16.8	5.3	8.2	2.9	48.5	67.9	22.1
Чувство ответственности	69.5	67.6	-1.9	89.0	82.4	-6.6	71.9	59.3	-12.6
Воображение	11.3	16.5	5.2	40.4	43.8	3.4	26.7	29.8	3.1
Толерантность и уважение к другим людям	70.2%	56.2	-14	90.8	92.4	1.6	71.4	70.8	-0.6
Бережливость, экономия денег	60.9	48.2	-12.7	48.2	30.4	-17.8	28.7	27.2	-1.5
Решимость, настойчивость	39.7	39.9	0.2	33.0	40.4	7.4	35.8	38.6	2.8
Религиозность	8.0	11.0	3	6.4	4.6	-1.8	55	32.1	-22.9
Бескорыстие	24.0	15.5	-8.5	29.1	36.2	7.1	36.7	28.3	-8.4
Послушание	25.9	18.5	-7.4	24.9	7.3	-17.6	39.3	20.5	-18.8

Мы не будем подробно останавливаться на страновых различиях ввиду того, что в анализе представлены только три страны (это обусловлено незначительным количеством государств, принимавших участие в первой волне опроса), но даже из приведенных данных видно, что, например, в России и США отцы акцентируют внимание на такой характеристике, как трудолюбие детей, в то время как в Швеции на этом сфокусированы в гораздо меньшей степени. В то же время шведские отцы гораздо чаще хотели бы видеть в своих детях такие качества, как толерантность и уважение к другим людям, развитое воображение, чувство ответственности. Эти различия еще раз подтверждают тот факт, что дифференциация страновых моделей отцовства определяется влиянием внутренних экономических, культурных, социальных, религиозных и иных факторов. Безусловно, эта тема требует более глубокой проработки.

Однако для нас гораздо важнее определить, каким образом значимость тех или иных характеристик поменялась за 30-летний период во всех трех государствах, вне зависимости от страновых особенностей моделей отцовства и отношения к детям. Обращает на себя внимание постепенная утрата важности такой характеристики,

как бережливость и экономия денег. Представляется, что во многом это связано с ростом уровня жизни во всех трех странах и существенно различающимся отношением поколений отцов П1 и П2 к материальным вещам. На наш взгляд, эти изменения обусловлены в большей степени социально-экономическими трансформациями, нежели социокультурными.

Более значимой представляется утрата актуальности таких характеристик детей, как хорошие манеры и послушание. В данном случае, на наш взгляд, не следует буквально понимать эти изменения. С высокой долей вероятности в обоих поколениях отцов эти характеристики имеют важное значение, но если взглянуть на этот процесс сквозь призму рассматриваемых нами моделей, то можно предположить следующее. В исследовании [4] в ходе анализа 204 интервью с родителями эмпирически подтверждено, что применение физического воздействия по отношению к детям в большинстве случаев обусловлено стремлением «преподать урок», «научить хорошим манерам», «сделать ребенка более послушным» и т.д. Вероятно, тот факт, что сегодня физическое насилие как метод воспитания в развитых странах постепенно утрачивает свою значимость (в том числе по причине развития институтов ювенальной юстиции и эффективной работы социальных служб), несколько стирает акценты на таких характеристиках, как послушание и хорошие манеры. Из памяти поколений постепенно исчезают архетипы прежних моделей воспитания, что, в свою очередь, актуализирует значимость иных характеристик, которые, по мнению отцов, существенно важнее для успешного развития ребенка. Так из представленных в таблице данных мы можем заключить, что более значимыми становятся решимость, независимость и развитое воображение – характеристики, в наибольшей степени способствующие успешной социализации вне семьи. Напомним, что проведенный анализ позволяет говорить о том, что наибольшую эффективность демонстрируют две модели передачи опыта воспитания: прямая передача жестокого обращения и косвенная передача позитивных установок. Сопоставляя сведения, полученные из всех представленных в данной работе источников данных, мы можем заключить, что на современном этапе происходит постепенный переход к модели косвенной передачи позитивных установок воспитания от поколения отцов 1 к поколению отцов 2, главными характеристиками которой является искоренение социального рудимента в форме физических наказаний, использование умеренных методов контроля (бесконтактных) и прививание навыков, способствующих успешной социализации вне семьи.

Литература

1. Barsukov V.N. From the demographic dividend to population ageing: world trends in the systemwide transition. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 167–182.
2. Conger R., Neppl T., Kim K., Scaramella L. Angry and aggressive behavior across three generations: A prospective, longitudinal study of parents and children. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2003, vol. 31, pp. 143–160.
3. Hofferth S., Anderson K. Are all dads equal? Biology versus marriage as a basis for paternal investment. *Journal of Marriage and the Family*, 2003, vol. 65, pp. 213–232.
4. Kerr D., Capaldi D., Pears K., Owen L. A prospective three generational study of fathers' constructive parenting: Influences from family of origin, adolescent adjustment, and offspring temperament. *Developmental Psychology*, 2009, vol. 45, pp. 1257–1275.

5. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. Advances in development reverse fertility declines. *Nature*, no. 460, pp. 741–743.
6. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. High development and fertility: fertility at older reproductive ages and gender equality explain the positive link. MPIDR Working Paper WP-2011-017, 2011. 55 p.
7. Schober P. Paternal Child Care and Relationship Quality: A Longitudinal Analysis of Reciprocal Associations/ *Journal of Marriage and the Family*, 2012, vol. 74, pp. 281–296.

Информация об авторах

Барсуков Виталий Николаевич (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lastchaos12@mail.ru).

Груздева Мария Андреевна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru).

Barsukov V.N., Gruzdeva M.A.

TRANSFORMATION OF THE GENERATIVE BEHAVIOR OF MEN IN THE CONTEXT OF THE TRANSFER OF PARENTAL SETTINGS BETWEEN GENERATIONS

Abstract. *The article is devoted to one of the elements of the transformation of the institution of fatherhood at the present stage - the transfer of experience between generations of fathers and children. The purpose of this work is to identify the features and compare the models of transferring the experience of parenting between generations. It is determined that in the context of globalization, the variety of models for the transfer of paternal experience is gradually decreasing. It has been proven that the most effective, and probably the most widespread, is the model of indirect transmission of paternal experience, based not on the dynastic principles of its retransmission, but on the process of successful socialization.*

Key words: *institution of paternity, generations, transfer of experience.*

Information about the Authors

Vitaly N. Barsukov (Russia, Vologda) – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Russia, 160014, Vologda, st. Gogol, 53a, e-mail: lastchaos12@mail.ru

Maria A. Gruzdeva (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Head. laboratory Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Russia, 160014, Vologda, st. Gogol, 53a, e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

References

1. Barsukov V.N. From the demographic dividend to population ageing: world trends in the systemwide transition // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. vol. 12. № 4. P. 167–182.
2. Conger R., Neppl T., Kim K., Scaramella L. Angry and aggressive behavior across three generations: A prospective, longitudinal study of parents and children // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2003. vol. 31. P. 143–160.

3. Hofferth S., Anderson K. Are all dads equal? Biology versus marriage as a basis for paternal investment // *Journal of Marriage and the Family*. 2003. vol. 65. P. 213–232.
4. Kerr D., Capaldi D., Pears K., Owen L. A prospective three generational study of fathers' constructive parenting: Influences from family of origin, adolescent adjustment, and offspring temperament // *Developmental Psychology*. 2009. vol. 45. P. 1257–1275.
5. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. Advances in development reverse fertility declines // *Nature*. № 460. P. 741–743.
6. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. High development and fertility: fertility at older reproductive ages and gender equality explain the positive link. MPIDR Working Paper WP-2011-017, 2011. 55 p.
7. Schober P. Paternal Child Care and Relationship Quality: A Longitudinal Analysis of Reciprocal Associations // *Journal of Marriage and the Family*. 2012. vol. 74. P. 281–296.

НЕМОНЕТАРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ БЛАГ И РЕСУРСОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В исследовании представлена авторская трактовка категории «немонетарное неравенство», определены основные подходы к ее изучению в современной отечественной и зарубежной литературе. Разработана индексная система оценки доступности благ и апробирована на данных российских регионов. Выделены ключевые факторы (точки роста) доступности благ и их возможное применение в работе региональных органов власти и управления.

Ключевые слова: немонетарное неравенство, доступность социально значимых благ и ресурсов, межрегиональная оценка.

Неравенство, являясь многоаспектным явлением, сопровождает человечество на протяжении всей его истории развития. Однако расширение спектра платных услуг, информатизация общества и другие масштабные явления, которые произошли в российской экономике и в мире в целом за последние десятилетия не только не сглаживают процессы социальной дифференциации, но и продуцируют рост числа новых неравенств [1; 2], относящихся к немонетарным аспектам расслоения. В связи с чем возрастает актуальность исследования концептуальных характеристик немонетарного неравенства и разработки на этой основе научно обоснованной методики оценки межрегиональной дифференциации в контексте доступности благ и ресурсов.

Несмотря на значительное множество работ исследование теоретических и практических подходов к оценке немонетарной дифференциации остается недостаточно изученным. Как правило, немонетарные характеристики благосостояния освещаются с точки зрения имущественной (материальной) составляющей. Расширение подходов к изучению немонетарного неравенства как социально-экономической категории произошло сравнительно недавно. Из всего многообразия работ по данной проблематике автором выделен (табл. 1): депривационный, дискриминационный, ресурсный и самоидентификационный подходы, а немонетарное неравенство определено как ограниченная доступность (неравномерное распределение) социально значимых благ и ресурсов; форма дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные слои, группы обладают неравными жизненными шансами и возможностями доступа к социально значимым благам и ресурсам.

Таблица 1. Основные подходы в исследовании немонетарного неравенства

Подход	Авторы	Суть подхода
Депривационный	Овчарова Л.Н. Римашевская Н.М. Корчагина И.И. Пастухова Е.А. Давыдова Н.М	Базируется на концепции деприваций Р. Townsend. Немонетарное неравенство оценивается с точки зрения деприваций (лишений), т.е. невозможности получения материальных благ ввиду низкого уровня доходов
Дискриминационный	Стиглиц Дж. Пикетти Т. Римашевская Н.М. Шкаратан О.И. Константинова Д.С.	Базируется на концепции доступа и социальной эксклюзии (R. Levitas, Silver H. и др.). Суть данного подхода заключается в дискриминации доступа (по доходам, полу, возрасту и др.) населения к общественным благам

Подход	Авторы	Суть подхода
Самоидентификационный	Аникин В.А. Мареева С.В. Лежнина Ю.П. Тихонова Н.Е. Бикеева М.В.	Базируется на концепции жизненных шансов М. Weber. Нематериальное неравенство исследуется с точки зрения жизненных шансов разных групп населения и основывается на их субъективных оценках
Ресурсный	Авраамова Е.М. Овчарова Л.Н. Малева Т.М. Логинов Д.М.	Базируется на концепции А. Sen. Немонетарные аспекты неравенства рассматриваются с точки зрения ресурсной обеспеченности, т.е. проводится оценка существующей (наличествующей) совокупности всех благ, которыми индивид (группа) владеет
Источник: составлено автором по [3, с. 418].		

Проблема доступности, как и проблема неравенства, существовала и, скорее всего, будет существовать всегда, особенно учитывая пространственные особенности нашей страны и характер межбюджетных отношений, конкурентные преимущества отдельных регионов и т.д. Однако если раньше доступность воспринималась как невозможность получения общественных благ маломобильными группами (государственная программа «Доступная среда»), а также низкодходными слоями населения, то сейчас проблема доступности приобрела массовый характер и затрагивает почти все население страны, что во многом связано с проблемой несправедливого распределения общественных благ и ресурсов в межрегиональном контексте.

Выделяют различные виды доступности благ: пространственную (территориальную, физическую), ценовую, временную, информационную, организационную и др. В рамках данного исследования проведен анализ межрегиональной дифференциации доступности благ по пространственному признаку. Для указанной цели разработана методика индексной оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов.

Вопросы немонетарного неравенства, проблемы доступности в частности, – это характеристики уровня и качества жизни населения. Некоторые из направлений доступности благ рассмотрены в работах, посвященных разработке индексов качества жизни. Принципиальным отличием разработанной методики является включение в индексную оценку индикаторов по ключевым социально значимым направлениям жизнедеятельности граждан: доступность медицинских услуг, жилья, занятости, образования, финансовая, досуговая, потребительская, транспортная и цифровая доступность, доступность благоприятной экосферы.

Алгоритм разработки индексной методики оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов содержит несколько этапов:

1. Формирование исходного перечня статистических показателей.
2. Нормирование шкал в измерении частных индикаторов немонетарного неравенства. В рамках данной работы используется метод линейного масштабирования, основанный на определении референтных точек (максимальных и минимальных значений индикаторов).
3. Проверка отсутствия дублирования информации. В целях недопущения дублирования информации проведен анализ мультиколлинеарности. Значительное число итераций позволило определить ряд индикаторов, характеризующихся минимальной корреляционной связью. Перечень итоговых показателей с соответствующими им частными индексами, а также их референтные значения представлены в таблице 2.

4. Расчет интегрального индекса. Наделение каждого отдельного критерия доступности равной значимостью позволяет использовать для расчета интегрального индекса среднеарифметическое значение частных индикаторов.

Таблица 2. Индикаторы оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов

Направление доступности	Показатель	Условное обозначение	Референтные точки	
			min	max
Доступность занятости	Уровень занятости, %	I1	35,2	81,2
Доступность медицинских услуг	Численность населения на одного врача (человек)	I2	114,7	380,4
Доступность потребительской (имущественной) активности	Обеспеченность товарами длительного пользования (штук на 1 000 человек населения)	I3	263,0	572,0
Доступность образовательных услуг	Прием на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена и программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на 10 000 человек населения)	I4	31,7	231,2
Доступность жилья	Прирост удельного веса домохозяйств, улучшивших жилищные условия, %	I5	0	7,9
Доступность культурно-досуговой активности	Численность населения на 1 спортивный объект	I6	849,5	4679,3
Доступность информационных (цифровых) услуг	Обеспеченность мобильными телефонами (штук на 1 000 человек населения)	I7	50,0	413,0
Финансовая доступность	Количество банкоматов (на 10 000 человек населения)	I8	1,1	29,5
Транспортная доступность	Число эксплуатационных автобусов общего пользования (на 100 000 человек населения)	I9	24,1	354,2
Доступность благоприятной экосферы	Доля проб воды с превышением нормативов по санитарно-химическим показателям, %	I10	0	100
Источник: расчеты автора.				

Результаты расчета интегрального индекса за ряд лет свидетельствуют о значительной дифференциации немонетарного неравенства по пространственному признаку среди российских регионов. Максимальное значение индекса в 2011 и 2018 гг. зафиксировано в г. Санкт-Петербург, передававшего «эстафету» лидерства федеральному центру в некоторые годы исследуемого периода. В топ-5 регионов в 2018 г., кроме Санкт-Петербурга со значением индекса 0,620, входили: Республика Северная Осетия – Алания (0,573), г. Москва (0,568), Красноярский край (0,561) и Республика Саха (Якутия) (0,557). В конце рейтинга субъектов расположена Ленинградская область, имеющая значение интегрального индекса пространственной доступности на уровне 0,384, что примерно в 1,6 раза ниже, чем у региона-лидера, и почти в 1,3 раза ниже среднероссийского уровня.

На российском уровне основными дестабилизирующими факторами в представленной совокупности частных индикаторов доступности в 2018 г. являются транспортная и финансовая доступность и доступность образовательных услуг. Наибольшие положительные изменения за анализируемый период отмечены по доступности цифровых (информационных) услуг. Доступность занятости в среднероссийском масштабе подверглась самому значительному снижению к концу анализируемого периода (падение составило около 0,1 пункта).

На основе результатов построения модели множественной регрессии, в которой в качестве результирующей переменной Y выступил индекс пространственной доступности, выделен ряд факторов, оказывающих воздействие на доступность благ. Отбор переменных, вошедших в итоговую модель, проведен с помощью метода пошаговой регрессии. В результате экономико-математическая модель доступности социально значимых благ и ресурсов по пространственному признаку представлена следующим образом:

$$Y = 0,510 + 0,0002_{x_3} - 0,0054_{x_{26}} + 0,0152_{x_{28}},$$

где:

X_3 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал;

X_{26} – затраты на технологические инновации, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг;

X_{28} – коэффициент демографической нагрузки.

Выявленные факторы имеют особую практическую значимость: грамотное управление и воздействие на точки роста (отобранные переменные) позволят добиться повышения доступности социально значимых благ и ресурсов в российских регионах. В целом переменные, вошедшие в экономико-математическую модель, а также имеющие статистически значимые связи с результирующей переменной, можно разделить на несколько ключевых факторов, условно названных: *экономический фактор*, *фактор научно-исследовательских разработок*, *демографический фактор*. Подобное условное деление влияющих факторов позволит конкретизировать направления социально-экономической политики в сфере немонетарного неравенства в целях повышения доступности благ.

Значимость проведенного исследования состоит в возможности практического применения результатов органами государственного и муниципального управления при разработке стратегий и программ социально-экономического развития регионов и конкретизации мероприятий, направленных на повышение доступности социально значимых благ и ресурсов и формирование благоприятной среды для жизнедеятельности граждан.

Литература

1. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России / под общ. ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме. 232 с.
2. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
3. Басова Е. А. Теоретико-методологические основы исследования категории «немонетарное неравенство» // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3. С. 415–427. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.415-427>

Информация об авторе

Басова Елена Александровна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: elbas@yandex.ru).

AVAILABILITY OF HEALTHCARE AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Abstract. *The study presents the author's interpretation of the category "non-monetary inequality and identifies the main approaches to its study in modern domestic and foreign literature. An index system for assessing the availability of goods has been developed and tested on data from Russian regions. The key factors (growth points) of the availability of goods are highlighted.*

Key words: *non-monetary inequality, availability of socially significant goods and resources, interregional assessment.*

Information about the Author

Basova Elena Alexandrovna (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky Street, 56A, elbas@yandex.ru).

References

1. Formation of the welfare state and the prospects of the social state in Russia / Under total. ed. N.I. Lapin. SPb.: Renome. 232 p.
2. Stiglitz J. The price of inequality. M.: Eksmo, 2015. 512 p.
3. Basova EA Theoretical and methodological foundations of the study of the category of "non-monetary inequality" // Actual problems of economics and law. 2020. Vol. 14, No. 3. P. 415–427. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.415-427>

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ 2020 ГОДА

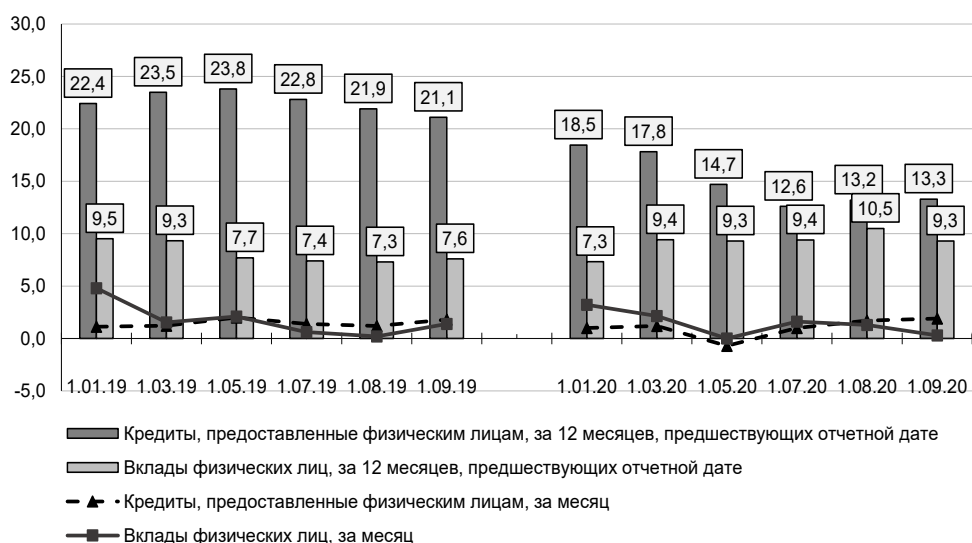
Аннотация. В статье рассматриваются изменения в финансовом поведении россиян, произошедшие в 2020 году. Проведено сопоставление с периодом 2019 года. Показано, что отсутствует значительное сокращение объемов вкладов и кредитования, а также не наблюдается критических отклонений в поведении населения.

Ключевые слова: банковский вклад, кредиты, просроченная задолженность, социологический опрос.

Одно из базовых условий экономического роста страны – отлаженный механизм распределения средств населения на потребление, сбережения и инвестиции (в реальные и финансовые активы). Ослабление потребительского спроса и чрезмерные процессы накопления обуславливают снижение темпов роста экономики или даже приводят к его замедлению. Кроме того, потребительское и финансовое поведение населения прежде всего реагирует на происходящие в обществе социально-экономические и политические трансформации. Соответственно, динамика сбережений, кредитования и потребления отражает степень и направленность адаптации населения к вновь формируемым «правилам игры».

Отличительной чертой последних лет является затянувшийся спад уровня денежных доходов российских граждан, следствием которого стало снижение возможностей для личного потребления и сбережения, что должно было усугубиться с началом коронавирусных ограничений. При этом текущий уровень доходной дифференциации (коэффициент фондов 15,4 раза в 2019 г.) аналогичен периоду стагфляции (2015–2017 гг.) и несколько ниже, чем до начала первой волны кризиса (16,6–16,7 раза в 2007–2008 гг.).

Согласно данным Центрального банка Российской Федерации, колебания банковских вкладов и кредитования находятся в рамках обыкновенной динамики (рисунки). Ежемесячные темпы прироста вкладов физических лиц за март (+2,1%) и апрель (+2,1%) 2020 г. несколько превышали уровни 2019 г. (+1,5% и +0,2%). Показатели за август (+1,3%) и сентябрь (+0,3%) сопоставимы с данными за 2019 г. (+0,2% и +1,4%). При этом показатели годового прироста вкладов в 2020 г. оказались выше показателей 2019 года. Ежемесячные темпы прироста кредитования физических лиц за март и апрель 2020 г. аналогичны уровню 2019 г. (+1,2% и +1,7% соответственно); также весьма схожи ежемесячные приросты в августе – сентябре 2019 и 2020 гг. При этом показатели годового прироста кредитования физических лиц в 2020 г. оказались ниже уровня 2019 года.

Темпы прироста показателей банковского сектора Российской Федерации, % за период

Составлено автором по: Обзор банковского сектора Российской Федерации / Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review

В абсолютном выражении объемы вкладов и кредитования выросли: в сентябре 2020 г. объем вкладов физических лиц составил 32215 млрд руб., что почти на 9% выше значений сентября 2019 г. (29589 млрд руб. в сопоставимом выражении); объем кредитования физических лиц составил 18998 млрд руб., что на 12,6% выше значений сентября 2019 г. (16869 млрд руб. в сопоставимом выражении); объем просроченной задолженности по кредитам составил 910 млрд руб., что на 11,5% выше значений сентября 2019 г. (816 млрд руб. в сопоставимом выражении). Таким образом, несмотря на ограничения экономической деятельности и снижение доходов многих групп населения из-за сложной эпидемиологической обстановки, финансовая активность населения критически не снизилась.

Актуальные данные социологических опросов также позволяют проследить, каким образом население адаптировалось к изменениям 2020 г. в плане потребления и сбережений. Почти у половины работающих россиян (49%) существенно сократились доходы с начала ограничительных мероприятий в России, столько же россиян (46%) боятся, что их семье не на что будет жить и не будет хватать денег даже на еду¹. При этом большая часть населения России (порядка 64%) не имеет накоплений. Из тех, кто имеет накопления, 21% сможет жить на них не более 1 месяца, 45% – от 2 до 6 месяцев, еще 16% – от полугода до года².

¹ Опрос компании Online Market Intelligence (OMI) и Центра социального проектирования «Платформа». Объем выборки 1000 респондентов. Период сбора данных 9–10 апреля 2020 г.

² Исследование проведено научно-техническим центром «Перспектива» по заказу страховой компании «Росгосстрах Жизнь» и банка «Открытие». Объем выборки 1500 респондентов. Период сбора данных 26 февраля – 3 марта 2020 г. Большинство опрошенных проживают в Центральном (22,3%) и Приволжском ФО (20,2%). Наименьшее количество опрошенных составили жители Москвы (4,3%) и Санкт-Петербурга (2,7%). Большая часть респондентов (56,8%) имеет доход до 25 тыс. руб. На доход в диапазоне от 25 тыс. до 50 тыс. руб. живут 26,8% участников, 7,6% располагают доходом от 50 тыс. до 100 тыс. руб. Наименьшую долю составили опрошенные с доходом более 100 тыс. руб. – 1,8%.

Более пессимистичная картина складывается по данным опросов НАФИ: в случае потери основного источника дохода большая часть россиян (42%) смогут оплачивать все необходимые расходы без займов у близких и оформления кредитов в течение одного месяца, четверть респондентов (26%) – менее трех месяцев, по 10% – до шести месяцев и от полугода до года³. Можно предположить, что опасения населения за свое будущее материальное положение и короткие периоды «дожития» за счет сбережений в большей степени психологичны и объясняются рядом причин. Среди них общая неопределенность ситуации в стране, информационная перегруженность о различных мерах поддержки при неясности механизмов их получения, сомнения в достаточности принимаемых мер, отсутствие навыков ведения семейного бюджета и финансового планирования.

Согласно данным сентябрьских опросов ФОМ, материальное положение населения, несмотря на нестабильность ситуации в первой половине 2020 г., аналогично ситуации 2019 года. Большая часть опрошенных не имеет сбережений (64% в 2019 г., 65% в 2020 г.) и кредитов (56 и 55% соответственно), предпочитает откладывать деньги, а не покупать дорогостоящие товары (57 и 52% соответственно), а также экономила и отказывалась от запланированных покупок за последний год (73% в 2019 г. и 74% в 2020 г.)⁴. Можно предположить, что за предыдущие периоды экономической нестабильности, последний из которых пришелся на 2015–2017 гг., россияне в основной своей массе пересмотрели потребительское и финансовое поведение, стали более критичными и чувствительными к ценам, стали чаще применять «практики сравнения цен, покупок товаров по акциям и специальным предложениям, покупок товаров более доступных брендов, а также практики планирования покупок»⁵, т.е. научились оперативно адаптироваться к материальным ограничениям.

Однако следует понимать, что в любые периоды экономической жизни страны, включая кризисные, население должно видеть перспективы собственной жизни и развития экономики, иметь свободные средства и уметь их не просто сберегать, но и вкладывать в хозяйственный сектор. Это сложный процесс, требующий комплексного решения и совместных усилий органов государственной власти, бизнеса и общественности.

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник лаборатории исследования проблем развития трудового потенциала отдела исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

³ Инициативный всероссийский опрос НАФИ проведен в феврале – марте 2020 г. Опрошено 1600 человек в 150 населенных пунктах в 50 регионах России.

⁴ См.: Проект коронаФОМ / ФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/> (дата обращения 07.10.2020).

⁵ См.: Затяжной спад в экономике. Что предпринимают потребители и бизнес // PwC. 2016. URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/consumer-business-report/e-russias-protracted-recession_rus.pdf (дата обращения 13.11.2020).

FINANCIAL BEHAVIOR OF THE POPULATION OF RUSSIA DURING THE 2020 PANDEMIC

Abstract. *The article examines the changes in the financial behavior of Russians that occurred in 2020. We made the comparison with the period of 2019. We shown that there is no significant reduction in the volume of deposits and loans, and there are no critical deviations in the behavior of the population.*

Key words: *bank deposit, loans, overdue debt, sociological survey.*

Information about the Author

Galina V. Belekhova (Russia, Vologda) – researcher of the Way and Standard of Living Researching Department, Federal State Budgetary Institution of Sciences «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

ПРОФИЛАКТИКА – ФЛАГМАН СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ПУТИ К ПОВЫШЕНИЮ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В БЕЛАРУСИ

Аннотация. Изучена структура смертности населения Беларуси. Приводится сравнительный анализ эпидемиологической модели смертности за последние 25 лет. Обоснована профилактика на уровне населения как устойчивая стратегия в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: смертность, ожидаемая продолжительность жизни, профилактика.

В отличие от предыдущих лет, когда развитые страны старались повысить рождаемость, 2020 год приковал пристальное внимание к смертности. Уроки, которые можно извлечь из происходящего в мире бедствия, могут быть самые разные. В демографии точно произойдут изменения. Хотелось бы выразить надежду, что в сторону к изменению отношения к своему здоровью и осознанию необходимости вести нормальный образ жизни. Как следствие, тысячи сохраненных жизней и продление здоровой ее продолжительности.

В Беларуси реализация мер программ демографической безопасности последнего десятилетия частично позволила сгладить негативные последствия депопуляции в стране. Уровень смертности населения снизился, но продолжает оставаться высоким по сравнению с развитыми странами. Среди причин как негативные структурные изменения в численности населения, так и образ жизни. Состояние медико-санитарной службы в стране уже находится на достаточно высоком уровне. Потенциал сохранения жизней кроется не в росте обеспеченности медикаментами или повышении качества медицинских услуг, а в предотвращении заболеваний и, соответственно, преждевременной смертности.

Смертность является одним из факторов динамики населения.

В 1950–1960 гг. стране удавалось достигать прироста почти в 150 тысяч человек в год. Наиболее весомая роль в тот период принадлежала сельской местности.

Однако уже в 1970-х гг. сельское население начинает стремительно сокращаться, в том числе и по причине миграционного оттока в города. Спад рождаемости и рост смертности привел к депопуляции вначале в сельской местности в 1980-е гг., а потом и всего населения в 1993 году. Общие тенденции улучшились только с 2006 г. благодаря реализации комплекса мер по улучшению демографической ситуации в стране. Однако преодолеть депопуляцию так и не удалось, что актуализирует изучение причин роста смертности.

Одной из причин продолжают оставаться именно различия между городом и селом, проявляющиеся и в инфраструктуре, и в образе жизни.

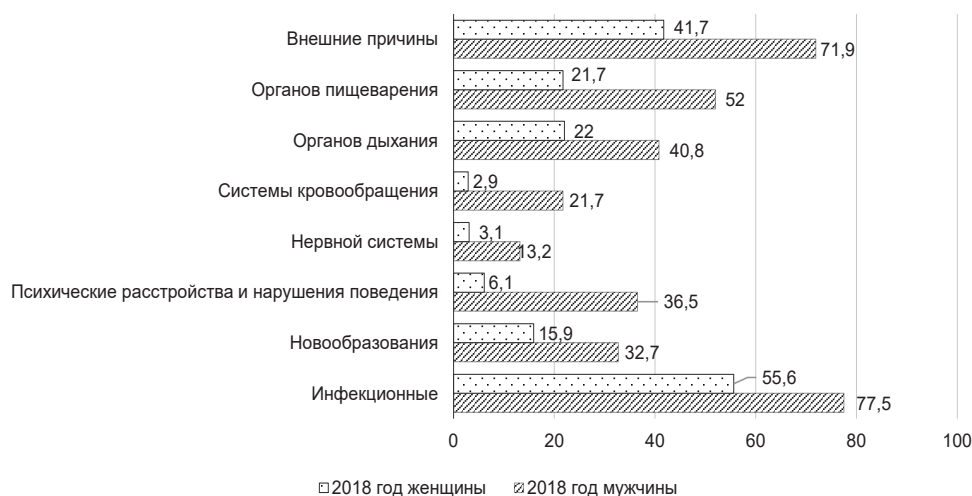
В городской местности демографическое развитие отличается не только более высокой рождаемостью, но и ее ростом, за исключением периода распада СССР. С 2007 г. число родившихся превышало число умерших вплоть до 2018 г.

В Беларуси продолжает наблюдаться неравенство возможностей, когда и от чего умереть, в том числе связанное с различиями по полу, возрасту, типу поселения.

Стандартизированные коэффициенты смертности сельского населения, которые устраняют влияние структурных факторов, в 2 раза превышают показатели для городской местности.

Среди мужчин почти половина всех смертей приходится на население в трудоспособном возрасте (рисунок).

Важно отметить, что для мужчин характерна значительно более высокая доля смертей в трудоспособном возрасте от всех основных групп причин смерти. В общем числе смертей от инфекционных и внешних причин более 70% мужчин умирает, не достигнув пенсионного возраста. Около половины мужчин, умерших от болезней органов пищеварения и органов дыхания, находились в трудоспособном возрасте.

Доля умерших от основных групп причин смерти в трудоспособном возрасте в Республике Беларусь в 2018 г. с разбивкой по полу

Важнейший индикатор здоровья населения, который аккумулирует в себе все основные факторы, влияющие на здоровье, – это ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Многогранность показателя продолжительности жизни населения и его роль в выработке эффективных мер по сокращению смертности трудно переоценить.

К началу 60-х гг. XX века Беларусь совершила рывок в ожидаемой продолжительности жизни, значительно опередив развитые страны. В среднем для всех развитых стран показатель не превышал 68 лет, тогда как Беларусь к 1964 г. достигла уровня 73 лет.

В тот период успехи были достигнуты благодаря контролю над средовыми факторами. Централизованная бюджетная советская система здравоохранения оказалась достаточно эффективной при решении задач роста продолжительности жизни. Успехи могли быть более весомыми, если бы усилия здравоохранения не обесценились социальными, экономическими и политическими потрясениями последующих десятилетий.

К началу 1970-х годов в развитых странах начала набирать популярность новая стратегия в сфере охраны здоровья – контроль над поведенческими факторами. Рост продолжительности жизни в развитых странах сопровождался и увеличением среднего возраста, в котором умирают практически от всех болезней.

В Беларуси в 70-80-е годы XX века наблюдалась стагнация продолжительности жизни и, как следствие, постепенно нарастало отставание по данному показателю от развитых стран. Главной причиной продолжает оставаться сверхсмертность населения, в том числе от внешних причин, которая в несколько раз превышает уро-

вень развитых стран. Наблюдается низкий средний возраст смерти от сердечно-сосудистых заболеваний, которые можно предупреждать путем перехода к стратегии здорового образа жизни. Пик численности умерших от новообразований также достигается раньше, чем, например, в странах Евросоюза, но в целом смертность от данной группы причин отличается намного меньше, чем от сердечно-сосудистых и внешних причин.

В общем виде модель характерна для развитых стран. Большинство населения умирает от болезней системы кровообращения, на которые приходится половина всех смертей. За 25 лет сократилось число прочих и неустановленных диагнозов, смертей, связанных с беременностью и родами, смертей в перинатальном периоде.

Приходится констатировать ряд негативных моментов существующей эпидемиологической модели смертности населения Беларуси, связанных с различиями в разрезе пола: для мужчин характерна высокая доля смертности от внешних причин, более значимая доля смертности от новообразований и органов дыхания, более низкий средний возраст смерти от всех причин. Как результат, низкая продолжительность жизни у мужчин, не позволяющая обеспечить высокий средний уровень показателя. В 2018 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении у белорусских мужчин была на 10 лет меньше, чем у белорусских женщин, и на 8 лет меньше, чем у европейских мужчин.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Беларуси составляет 74,5 лет, т.е. на 10 лет меньше, чем в Японии, и на 6,5 лет меньше, чем в странах Евросоюза.

По сравнению с началом 60-х лет XX века продолжительность жизни в Беларуси выросла всего на 1,6 года, тогда как в развитых странах на 13 лет.

Для нарастания темпов прироста продолжительности жизни и преодоления разрыва с развитыми странами требуется доказавшая свою эффективность в странах Евросоюза стратегия продвижения ответственного отношения к своему здоровью у населения [1; 2].

Профилактика становится флагманом системы здравоохранения на пути к сокращению смертности и повышению здоровой продолжительности жизни. Однако ответственность за предоставление исчерпывающей информации о вреде алкоголя и табака, об опасности на дорогах, об объемах бюджетных средств, затрачиваемых на преодоление негативных последствий нездорового образа жизни, лежит на всех.

В Беларуси учет не выделяет расходы на профилактику в чистом виде. В 2020 г. 71,7 млн рублей, или 0,2% от суммы расходов на здравоохранение консолидированного бюджета, распределяется на финансирование подпрограмм Государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь», которые имеют ярко выраженную профилактическую направленность: профилактика и контроль инфекционных заболеваний, предупреждение и преодоление пьянства и алкоголизма, туберкулез, профилактика ВИЧ-инфекции. В целом в структуре консолидированного бюджета на 2020 г. расходы на здравоохранение занимают весомую позицию и составляют 15,3%.

Увеличение расходов на реализацию мер, направленных на преодоление сразу нескольких факторов риска, не только повлияет на сокращение смертности всего населения, но и сократит экономические потери, связанные с преждевременной смертностью.

Литература

1. Курс на оздоровление Европейская стратегия профилактики и борьбы с неинфекционными заболеваниями / Европейское региональное бюро ВОЗ. URL: http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0010/76528/E89306R.pdf (дата обращения 03.02.2020).
2. From Burden to «Best Buys»: Reducing the Economic Impact of Non-Communicable Diseases in Low- and Middle-Income Countries. The Global Economic Burden of Non-communicable Diseases – prepared by the World Economic Forum and the Harvard School of Public Health, 2011. 12 p.

Информация об авторе

Боброва Анастасия Григорьевна (Республика Беларусь, г. Минск) – заведующий отделом человеческого развития и демографии, кандидат экономических наук, доцент, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1; e-mail: nastassiabobrova@mail.ru).

Bobrova A.G.

PREVENTION IS THE FLAGSHIP OF THE HEALTHCARE SYSTEM ON THE PATH TO INCREASING LIFE EXPECTANCY IN BELARUS

Abstract. *The structure of mortality in Belarus was studied. A comparative analysis of the epidemiological model of mortality over the past 25 years is given. Population-based prevention as a sustainable strategy in the long run is justified.*

Key words: *Mortality, life expectancy, prevention.*

Information about the Author

Anastasya G. Bobrova – Head of the Department of Human Development and Demography of the National Research University “Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus”, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (220072, Minsk, Surganova str., 1, bldg. 2; nastassiabobrova@mail.ru).

References

1. Health improvement course European Strategy for the Prevention and Control of Noncommunicable Diseases. WHO Regional Office for Europe. URL: http://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0010/76528/E89306R.pdf (accessed 03.02.2020).
2. From Burden to “Best Buys”: Reducing the Economic Impact of Non-Communicable Diseases in Low- and Middle-Income Countries. The Global Economic Burden of Non-communicable Diseases – prepared by the World Economic Forum and the Harvard School of Public Health (2011). 12 p.

ГРАЖДАНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА УПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ¹

Аннотация. Публикация посвящена двум волнам гражданской экспертизы деятельности органов власти и управления в контексте разработки и реализации стратегических решений и национальных проектов. Исследование осуществлено на основе различных методов социологических измерений.

Ключевые слова: гражданская экспертиза, социальное группообразование, региональные системы управления, социокультурная модернизация регионов.

В практике государственного управления основным инструментом социально-экономических преобразований остаются реформы, которые, начиная с Петра I, инициируются на верхних этажах власти. К сожалению, практика реформ без участия широких слоев населения в реализации стратегических решений сохраняется до сегодняшнего дня [1]. Фактически это подтверждено в нашем исследовании, проведенном Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН в 2015–2017 годах при поддержке Российского научного фонда [2]. Основанием указанного исследовательского проекта стала гражданская экспертиза функционирования властно-управленческой вертикали. Через оценки населением деятельности всех уровней власти нам удалось зафиксировать разные уровни развитости систем управления в 12 регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. Но практически во всех исследуемых регионах в ходе подготовки стратегических решений была установлена формальная и периферийная роль различных категорий населения (бизнес, общественные организации, гражданские активисты и т.д.), что деформирует организационно-управленческие мероприятия в контексте развития регионов – социокультурной модернизации «снизу» и «сверху» [3]. Это также не способствует переходу к социально-ориентированному управлению на принципах социальной обратной связи.

Актуализация второй волны гражданской экспертизы обусловлена необходимостью решения практической и научно-исследовательской задач управления. Практическая задача связана с реализацией Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Президент РФ в своих выступлениях не раз отмечал, что национальные проекты призваны разрешить комплекс накопившихся социально значимых проблем регионов и страны в целом по трем направлениям: «человеческий капитал», «комфортная среда для жизни», «экономический рост». Выявлять и решать социально значимые проблемы должны органы власти и управления совместно с различными целевыми группами населения (например, врачами). Для решения этой задачи как минимум требуется выявление реального потенциала населения для адекватных социальных преобразований, с параллельным созданием коммуникативно-проектных площадок для взаимодействия с

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 19-18-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года». Руководитель проекта д.социол.н., проф. А.В. Тихонов.

социально-профессиональными группами и стейкхолдерами (гражданскими активистами, заинтересованными в принятии решений). Если же говорить про оптимальный максимум, то здесь мы выходим на решение научно-исследовательской задачи в контексте формирующегося запроса на разработку и применение рационально-познавательных процедур для выработки новых механизмов регуляции (управления) социальных преобразований [4; 5]. В частности, возникает запрос на научно обоснованное достижение управляемости процессов социального группопреобразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержки населением Стратегии развития РФ до 2024 года. На этом основании мы инициировали исследовательский проект при поддержке РНФ, главной целью которого становится получение нового знания относительно способностей отечественной системы управления наряду с рациональным решением задач в ходе реализации национальных проектов на основе формальных структур создавать благоприятные условия для появления неформального группопреобразования и субъектности (взаимодействие различных социальных агентов решения), способствующей реализации стратегических решений.

Как и в первом нашем исследовании, для достижения цели и задач мы используем комплекс оффлайн и онлайн методов сбора данных. На основе компаративного анализа данных мы ожидаем получить наиболее полную картину процесса социального группопреобразования и формирования субъектности в рамках реализации национальных проектов. Уже сейчас успешно ведется апробация социологических измерений по следующим основаниям наших направлений исследования:

- на основе массового опроса разработаны и проверяются индексы группопреобразующих признаков (социоментальные, социально-структурные и поведенческие) социальной субъектности в рамках реализации национальных проектов, а именно устанавливаются свойства (способности) социальных групп или общностей, которые реально или потенциально (латентно) могут оказывать воздействие на разработку и реализацию стратегических решений;

- на основе онлайн экспертного опроса разработаны и апробируются индексы измерения реального (реальные группы решения) и латентного (потенциального) экспертного группопреобразования через установление провластных и оппозиционных установок экспертов, в свою очередь деформирующих или оптимизирующих процесс управления национальными проектами;

- апробация инструментария выявления и фиксации социально значимых проблем, их состояния, а также субъектов интерпретации решения/нерешения проблем в контексте распознавания процессов социального группопреобразования, формирующегося в повестке региональных СМИ в рамках реализации национальных проектов;

- апробация модернизированного метода контент-анализа официальных сайтов региональных властей на предмет изучения качества стратегических документов и транслируемых решений органов власти в ходе реализации национальных проектов, от которых ожидается получение определенных социальных эффектов;

- апробация инструментария анализа информационных сообщений (постов и комментариев) участников сетевых сообществ в социальной онлайн сети «ВКонтакте» для выявления тенденций социального группопреобразования через индексы измерения социальной сетевой субъектности.

Отдельно отметим, что, как в первой, так и во второй волне гражданской экспертизы мы измеряем качество и недостатки исполнения функций территориального управления. Эти показатели в целом указывают на определенный уровень развитости систем регионального управления, а также формируют определенные установки и оценки населения в отношении деятельности местных органов власти и их способности решать социально значимые проблемы, в том числе и в рамках национальных проектов. Мы укажем топ-5 показателей недостатков, которые нам удалось зафиксировать в 2017 году, и затем в 2019 г. в ходе массового и онлайн экспертного опросов. Данные указывают на высокую степень сензитивности к недостаткам сложившихся систем регионального управления, напрямую указывающих на односторонний характер и качество принимаемых стратегических решений, не подразумевающих реального социально-ориентированного целеполагания (таблица). Об этом свидетельствует доминирующий недостаток – «ориентация не на проблемы «прорывного» развития региона, а на отчетность перед вышестоящими органами власти», – который блокирует все возможности социально-ориентированного управления по принципу обратной связи с целевыми группами населения.

Распределение оценок массового и экспертного опросов в отношении недостатков региональных систем управления*

Недостатки региональных систем управления	Оценки экспертного опроса, 2015 г. (среднее значение)	Оценки массового опроса, 2015 г. (среднее значение)	Оценки экспертного опроса, 2019 г. (среднее значение)	Оценки массового опроса, 2019 г. (среднее значение)
1. Ориентация не на проблемы «прорывного» развития региона, а на отчетность перед вышестоящими органами власти	3,7	3,5	3,9	3,6
2. Отсутствие понятных населению стратегических целей и конкретных задач развития регионов в условиях «прорыва» и путей их достижения	3,1	3,3	3,8	3,5
3. Подбор руководящих кадров не по деловым качествам, а по личной преданности	3,2	3,5	3,7	3,5
4. Наличие в наших системах управления значительного числа лишних звеньев (уровней, органов), не связанных с решением «прорывных» задач	3,2	3,3	3,7	3,4
5. Уклонение администрации региона и ее подразделений от контроля со стороны населения	3,4	3,4	3,6	3,5
6. Ориентация руководства не на «прорывные» проекты, а на имитацию активности	-	-	3,7	3,6
* В средних баллах от средней в 95% интервале; n опрошенных = 200 (экспертный опрос 2015 и 2019 гг.) n опрошенных = 2000 (массовый опрос 2015 и 2019 гг.), где 5 – «очень высокая степень обеспокоенности недостатком», 4 – «высокая степень», 3 – «средняя степень», 2 – «низкая степень», 1 – «не вызывает беспокойства».				

Наш вывод о недостаточной социальной ориентированности региональных систем управления, о слабом включении широких слоев населения в процесс разработки, реализации и контроля стратегических решений и национальных проектов, подтверждают предварительные результаты оффлайн и онлайн гражданской экспертизы на основе данных 5 направлений (методов) исследования, с которыми можно ознакомиться в публикациях авторов данных тезисов.

Литература

1. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.
2. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / под. ред. А.В. Тихонова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.
3. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / под ред. Н.И. Лапина. М.: Весь Мир, 2016. 356 с.
4. Тихонов А.В., Мерзляков А.А. Управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 176–183.
5. Щербина В.В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии / ФНИСЦ РАН. М.: Новый хронограф, 2018. 416 с.

Информация об авторах

Богданов Владимир Сергеевич (Россия, г. Москва) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр социологии управления и социальных технологий, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: valarf@mail.ru).

Мерзляков Андрей Александрович (Россия, г. Москва) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социологии управления и социальных технологий, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: merzliakov@mail.ru).

Кислицина Ирина Николаевна (Россия, г. Москва) – младший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: i.letina@list.ru).

Смирнова Анастасия Сергеевна (Россия, Москва) – магистрант ГАУГН, младший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: nasyanestea812@gmail.com).

Bogdanov V.S., Merzliakov A.A., Kislicina I.N., Smirnova A.S.

CIVIL EXPERTISE IN MANAGING THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS

Abstract. *This publication is devoted to two waves of civil expertise of the activities of authorities and management in the context of the development and implementation of strategic decisions and national projects. Study is conducted based on various methods of sociological measurements.*

Key words: *public expert analysis, social group formation, regional management systems, socio-cultural modernization of regions.*

Information about the Authors

Vladimir S. Bogdanov (Russia, Moscow) – Ph.D. in Sociology, senior researcher at the Center of sociology of management and social technologies, Federal Center of

Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (117218, r. Moscow, Krzhizhanovskogo st., 24/35, b. 5; e-mail: valarf@mail.ru).

Andrey A. Merzliakov (Russia, Moscow) – Ph.D. in Sociology, leading researcher at the Center of sociology of management and social technologies, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (117218, r. Moscow, Krzhizhanovskogo st., 24/35, b. 5; e-mail: merzliakov@mail.ru).

Irina N. Kislicina (Russia, Moscow) – junior researcher at the Center of sociology of management and social technologies, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (117218, r. Moscow, Krzhizhanovskogo st., 24/35, b. 5; e-mail: i.letina@list.ru).

Anastasiia S. Smirnova (Russia, Moscow) – master's student at GAUGN, junior researcher at the Center of sociology of management and social technologies, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (117218, r. Moscow, Krzhizhanovskogo st., 24/35, b. 5; e-mail: nastyanestea812@gmail.com).

References

1. Gavrov S.N. Sociocultural tradition and modernization of the Russian society. Moscow: MGUKI, 2002. 146 p.
2. Tixonov A. (Ed.) Russia: The reformation of the power and management vertical in context of problems of regional sociocultural modernization. Moscow: FNISC RAN, 2017. 432 p.
3. Lapin N. (Ed.) Atlas of modernization in Russia and its regions: socioeconomic and sociocultural trends and problems. Moscow: Ves' Mir, 2016. 356 p.
4. Tixonov A., Merzlykov A. Manageability of social group formation processes in regions with different levels of sociocultural modernization. Research Result. Sociology And Management. 2019. T. 5. № 4. P. 176–183
5. Scherbina V. Rationalizing diagnostic managerial social technologies. FNISC RAN. Moscow: Novyy Khronograpg, 2018. 416 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СМОЛЕНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ КАК МЕЖГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье проанализированы основные черты демографического развития Смоленской и Могилевской областей. Выделены основные сходства демографического развития сравниваемых территорий. Рассмотрена динамика изменения демографических показателей для обеих областей.

Ключевые слова: демография, рождаемость, смертность, естественный прирост, население, динамика.

Могилевская область, входящая в состав Республики Беларусь, на востоке граничит со Смоленской областью, входящей в состав Российской Федерации. Кроме общей государственной границы области имеют сильные социально-культурные, исторические и этнические связи. Обозначенные факторы позволяют сделать предположение о наличии общих демографических характеристик регионов.

В количественном отношении снижение численности населения за рассматриваемый период заметнее в Могилевской области (-94 тыс. чел.), чем в Смоленской (-83 тыс. чел.). В процентном же соотношении эти показатели почти идентичны (сокращение численности на 8,2% в Могилевской области и 8,1% – в Смоленской).

В период с 2005 по 2018 г. процесс урбанизации в Могилевской области проходил более интенсивными темпами, чем в Смоленской. Так, доля городского населения на территории Могилевской области выросла на 7,2 процентных пункта (с 73,2% в 2005 году до 80,4% в 2018 году), в то время как в Смоленской области этот показатель за 13 лет вырос всего на 0,5 процентных пункта (с 71,3% в 2005 году до 71,8% в 2018 году).

Как в Могилевской, так и в Смоленской области растет коэффициент демографической нагрузки¹. Причем, если в Могилевской области этот показатель в 2018 году составлял 762 чел., то в Смоленской области он достигал значения в 805 чел. (таблица). В первую очередь это связано с повышением доли лиц старше трудоспособного возраста в общей возрастной структуре населения. Так, в Смоленской области доля лиц данной возрастной группы увеличилась с 25,0% в 2005 году до 31,3% в 2018 году, в Могилевской – с 21,5% в 2005 году до 25,5% в 2018 году. В связи с наблюдаемыми процессами увеличения как демографической, так и экономической нагрузки на трудоспособное население в обоих регионах реализуются программы пенсионных реформ.

Динамика демографического развития Смоленской и Могилевской областей, 2005–2018 гг.

Показатель	Смоленская область		Могилевская область	
	2005 г.	2018 г.	2005 г.	2018 г.
Население, чел.	1025200	942100	1147300	1052900
Урбанизация, %	71,3	71,8	73,2	80,4
Коэффициент демографической нагрузки, чел./1000	600	805	619	762

¹ Коэффициент демографической нагрузки – соотношение численности лиц в нетрудоспособном возрасте к численности населения в трудоспособном возрасте.

Показатель	Смоленская область		Могилевская область	
	2005 г.	2018 г.	2005 г.	2018 г.
Общий коэффициент рождаемости, ‰	8,5	8,3	9,2	9,8
Суммарный коэффициент рождаемости	1,14	1,28	1,25	1,58
Общий коэффициент смертности, ‰	21,2	15,5	16,2	13,9
Младенческая смертность, ‰	14,7	6,6	7,5	1,7
Естественный прирост, ‰	-12,7	-7,2	-7	-4,1
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	62,2	71,1	67,7	73,3
Брачность, ‰	7,4	5,5	6,9	6,5
Разводимость, ‰	4,7	4,4	3,0	3,6
Миграционный прирост, ‰	6,1	-0,2	-2,5	-1,5
Источник: составлено авторами по [1; 2].				

Общий коэффициент рождаемости в 2018 году характеризовался низкими значениями как в Смоленской (8,3 ‰), так и в Могилевской области (9,8 ‰). Причем в российском регионе этот показатель по сравнению с 2005 годом снизился (-0,2 промилльных пункта), а в белорусском, напротив, увеличился (+0,6 промилльных пункта). Особенно заметна разница между областями в значении суммарного коэффициента рождаемости. Если в Могилевской области данный показатель на 2018 год составлял 1,58 рождений на одну женщину, то в Смоленской области значение того же показателя составляло всего 1,28 рождений на одну женщину.

Несмотря на положительную тенденцию к снижению общего коэффициента смертности в обеих областях, уровень смертности населения остается достаточно высоким (Смоленская область – 15,5‰, Могилевская область – 13,9‰). При этом динамика снижения младенческой смертности как в Смоленской (с 14,7‰ в 2005 году до 6,6‰ в 2018 году), так и в Могилевской области (с 7,5‰ в 2005 году до 1,7‰ в 2018 году) позволяет отметить значительные успехи обоих регионов в решении данной проблемы.

При этом и в Могилевской, и в Смоленской области в 2018 году была зарегистрирована естественная убыль населения (-4,1 и -7,2‰ соответственно). По сравнению с 2005 годом этот показатель характеризуется положительной динамикой. Главной причиной уменьшения естественной убыли населения является снижение смертности.

На фоне сокращения общей и младенческой смертности растет и ожидаемая продолжительность жизни населения. Так, в Смоленской области в период с 2005 по 2018 год она выросла на 8,9 лет, достигнув отметки в 71,1 год. В Могилевской области рост ожидаемой продолжительности жизни за этот же период увеличился на 5,6 лет, и в 2018 году ОПЖ составила 73,3 года.

Тенденция к сокращению заключений брака характерна и для Могилевской (снижение общего коэффициента брачности с 6,9 ‰ в 2005 году до 6,4 ‰ в 2018 году), и для Смоленской области (снижение с 7,4 ‰ в 2005 году до 5,5 ‰ в 2018 году). Здесь же стоит отметить, что брачный статус оказывает непосредственное влияние на рождаемость. Снижение числа зарегистрированных браков способствует сокращению рождаемости [3]. В этот же период разводимость для изучаемых областей характеризовалась разнонаправленной динамикой. Если в Могилевской области общий коэффициент разводимости рос и к 2018 году составлял 3,6‰, увеличившись по сравнению с базовым годом, то в Смоленской области значение данного показателя снизилось, составив в 2018 году 4,4‰.

В обеих областях на 2018 год наблюдалась миграционная убыль населения. В Смоленской области этот показатель был на отметке -0,2%, в Могилевской – -1,5%.

Таким образом, как для Смоленской, так и для Могилевской области характерны ряд демографических угроз: низкая рождаемость и высокая смертность, которые способствуют депопуляции населения; процесс старения, провоцирующий рост демографической нагрузки на трудоспособную часть населения; тенденция к снижению заключения браков; миграционная убыль населения. В целом можно отметить, что анализ демографических показателей сравниваемых территорий, входящих в состав разных государств, отображает наличие общих демографических проблем, характерных как для Беларуси, так и для России.

Литература

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2020. URL: <http://belstat.gov.by> (дата обращения 15.09.2020).
2. Федеральная служба государственной статистики. Москва, 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 14.09.2020).
3. Шахотко Л. П., Шахотко Д.В. Брачность и рождаемость в Беларуси // Demoscope Weekly. 2011. № 469–470. С. 1–25.

Информация об авторе

Болдырев Алексей Сергеевич (Республика Беларусь, г. Минск) – младший научный сотрудник, Институт социологии НАН РБ (Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1/2; e-mail: boldyrev.alexei@gmail.com).

Boldyrev A.S.

COMPARATIVE ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE SMOLENSK AND MOGILEV REGIONS AS INTERBOUNDARY REGIONS

Abstract. *The article analyzes the main features of the demographic development of the Smolensk and Mogilev regions. The main similarities of the demographic development of the compared territories are highlighted. The dynamics of changes in demographic indicators for both regions is considered.*

Key words: *demography, fertility, mortality, natural increase, population, dynamics.*

Information about the Author

Alexey S. Boldyrev (Belarus, Minsk) – Junior researcher at the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus (1/2, Surganova St., Minsk, boldyrev.alexei@gmail.com).

References

1. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Minsk, 2020. Access mode: <http://belstat.gov.by> (accessed 09.15.2020).
2. Federal State Statistics Service. Moscow, 2020. - Access mode: <https://rosstat.gov.ru/> . - Date of access: 09/14/2020.
3. L. P. Shakhotko, D. V. Shakhotko. Marriage and fertility in Belarus / Demoscope Weekly. 2011. No. 469–470. P. 1–25.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ПОТОКИ И ЦЕНТРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ

Аннотация. Работа посвящена исследованию существующих потоков и центров притяжения внутренних мигрантов. В результате проведенного исследования было определено, что внутренняя миграция в России имеет несколько центров притяжения различной силы и три главных тренда, которые подробно представлены в исследовании.

Ключевые слова: миграция, внутренняя миграция, внутренний мигрант, причины миграции, агломерации, миграционные потоки.

В современных условиях развития российского общества, увеличения миграционной мобильности населения происходит заметное изменение распределения граждан на территории государства, что, безусловно, оказывает воздействие на социально-экономическое развитие регионов. Особое значение внутренние миграционные процессы приобретают в XXI веке, когда количество перемещений внутри государства постоянно растет [1].

Цель данной работы – рассмотреть существующие векторы внутренней миграции в России, выделить центры притяжения мигрантов.

В нашей стране после распада Советского Союза фокус миграционной политики сместился с распределения населения внутри страны на международный обмен. Стратегической целью государственной миграционной политики в 1990-е гг. стал прием иммигрантов – беженцев и переселенцев – бывших граждан СССР [2]. Недостаточное внимание к вопросам внутренней миграции привело к трем трендам.

1. «Западный дрейф»: углубление концентрации населения в центральной части страны и сокращение численности в северо-европейских и азиатских регионах (Сибирь и Дальний Восток). Он начался в первой половине 90-х и именно тогда был наиболее масштабен. Итоги произошедших изменений были не утешительны. Так, население Чукотки сократилось в 3 раза, Магаданской области – в 2, а Камчатку покинули 60 процентов жителей. Подобное перераспределение населения лучше всего демонстрируют данные переписей населения (таблица).

Численность, доля и плотность населения европейской и азиатской частей России с 1989 по 2010 г., чел.

	1989	2002	2010
Тыс. чел.			
Россия в целом	147022	143954	142833
Европейская часть	118004	117033	117226
в т.ч. Москва и СПб.	13867	14958	16215
Азиатская часть*	29018	26921	25607
в т.ч. Сибирь	21068	20178	19287
Дальний Восток	7950	6743	6266
В % к численности населения России			
Европейская часть	80,3	81,3	82,1
в т.ч. Москва и СПб.	9,4	10,4	11,4
Азиатская часть*	19,7	18,7	17,9
в т.ч. Сибирь	14,3	14,0	13,5
Дальний Восток	5,4	4,7	4,4
Плотность населения, чел. на кв. км			
Россия в целом, в т.ч.	8,6	8,4	8,4

	1989	2002	2010
Европейская часть	20,5	20,4	20,4
Азиатская часть*	2,6	2,4	2,3
* Без Тюменской области.			
Источник: Федеральная служба государственной статистики. Данные переписей за 1989, 2002, 2010 гг.			

2. Центростремительный характер миграции, которая происходит в двух формах: из села в город и из периферии в Москву и Санкт-Петербург [3].

3. Концентрация населения в крупнейших по численности городах¹ и агломерациях России. Этот тренд, начавшись в 2000-е гг., по мере экономического роста приобретал все большие масштабы [4].

Рассматривая компоненты увеличения численности, важно отметить, что выросшие города, городские агломерации и районы вокруг них прибавили себе населения преимущественно за счет внутренней миграции (где-то по большей части за счет внутрирегиональной, где-то – межрегиональной), а не за счет международной миграции и естественного прироста [5]. Население России стало стягиваться в крупнейшие города и особенно в наиболее развитые среди них.

На карте (рис.), на которой отражен коэффициент межрегионального миграционного прироста на 10000 населения по субъектам Российской Федерации, мы отчетливо видим те субъекты, которые растут за счет межрегиональной миграции, являясь точками притяжения внутренних мигрантов. В центральной части России это прежде всего Москва, Московская область, на Северо-Западе – Санкт-Петербург и Ленинградская область, на юге – Краснодарский край, на Урале – Тюменская область, в Сибири – Новосибирская и Томская области (обе за счет преимущественно учебной миграции). Также к региональным центрам в Европейской части страны, притягивающих мигрантов, можно отнести Калининградскую, Белгородскую, Ярославскую, Воронежскую области и Республику Татарстан. Тенденция к внутренней миграции населения в Центральный, Северо-Западный, Юго-Западный регионы страны остается неизменной (рисунок).

Суммарный коэффициент межрегионального прироста на 10000 населения по субъектам РФ за 2011–2018 гг.

¹ Согласно классификации городов по своду правил «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СП 42.13330.2016) от Минрегионразвития РФ к крупнейшим городам относятся города с населением свыше 1 млн чел.

Что касается объемов внутренней миграции, то они, согласно официальной статистике в 2018 году, увеличились примерно на 42% от уровня миграции в 2011 году. При этом если в 2011 году внутрироссийские мигранты главным образом осуществляли переезд внутри своего региона (56%), то в 2018 году доля межрегиональных перемещений стала уже превышать внутрирегиональную (53% против 47% соответственно). Среди регионов большая часть оборота внутренней миграции приходится на Москву (6% от общего числа перемещений) и Санкт-Петербург (5%), а также на Краснодарский край (почти 4%).

В заключение следует сказать, что перераспределение населения по территории страны является необходимым условием для обеспечения социально-экономического развития России в XXI веке. Теоретически механизмом такого перераспределения населения должна быть внутренняя миграция населения. Однако анализ потоков, центров притяжения мигрантов показал, что выделенные тренды внутренней миграции достаточно стабильны и перспектив их изменения пока что не предвидится.

Литература

1. Рыбаковский Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 78–83.
2. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.
3. Калачикова О.Н., Будилов А.П. Отток молодежи из сельской местности: мотивы и возможности регулирования // Социальное пространство. 2018. № 3. С. 1–9.
4. Демографический понятийный словарь / ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Центр социологического прогнозирования, 2003. 351 с.
5. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242.

Информация об авторе

Будилов Александр Павлович (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: volnc@ya.ru).

Budilov A.P.

INTERNAL MIGRATION IN RUSSIA: FLOWS AND CENTERS OF ATTRACTION

Abstract. *The work is devoted to the study of existing flows and centers of attraction of internal migrants. As a result of the study, it was determined that internal migration in Russia has several centers of attraction of different strengths and three main trends, which are presented in detail in the study.*

Key words: *migration, internal migration, internal migrant, reasons for migration, agglomerations, migration flows.*

Information about the Author

Alexandr P. Budilov (Russia, Vologda) – junior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, volnc@ya.ru).

References

1. Rybakovsky L.L. To clarify the concept of «population migration» [Text] / L. L. Rybakovski // Sociological research. 2016. № 12. P. 78–83
2. Iontsev V.A. International population migration: theory and history of study. Moscow: Dialogue-Moscow State University, 1999. 370 p.
3. Kalachikova, O. N. Youth urbanization: motives and regulation options / O. N. Kalachikova, A. P. Budilov. Social Area. 2018. № 3. P. 1–9
4. Demographic Conceptual Dictionary / Ed. L. L. Rybakovsky. Moscow: Center for Sociological Forecasting, 2003. 351 p.
5. Mkrtchyan N.V. Migration of youth from small cities of Russia. Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2017. № 1. P. 225–242.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты демографического, в частности репродуктивного и самосохранительного, поведения населения ПФО на примере Нижегородской области, Татарстана и Башкортостана. Приведены результаты Всероссийского выборочного социологического обследования демографического самочувствия населения, проведенного в целях экспертизы и оценки эффективности реализации национального проекта «Демография».

Ключевые слова: репродуктивное поведение, рождаемость, самосохранительное поведение, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, регион, демография.

Приволжский федеральный округ (ПФО) – второй по численности населения макрорегион России (после Центрального) сосредотачивает в себе пятую часть населения страны (29,3 млн человек по состоянию на 2020 г.) и занимает при этом всего 6,1% площади ее территории.

Анализ демографического потенциала субъектов ПФО и, соответственно, демографического поведения населения в этих регионах представляет значительный научный и практический интерес исходя из следующих фактов и противоречий.

1. В Приволжском федеральном округе сконцентрирована значительная часть промышленного и инвестиционного потенциала страны. Здесь сосредоточена четверть всего промышленного производства России, 85% российского автопрома, 65% авиастроения, 40% нефтехимии, 30% судостроения, 30% производства оборонно-промышленного комплекса; треть инновационно-активных предприятий, около половины объема российского экспорта технологий¹. При этом демографический потенциал ПФО имеет негативную тенденцию к сокращению: численность населения устойчиво снижается с 1996 г.

2. В целях преодоления кризиса воспроизводства населения и депопуляционных тенденций в России принят национальный проект «Демография» (НП «Демография»), в котором определены приоритетные задачи в области демографического развития страны до 2024 г. Ориентир на такие ключевые показатели, как увеличение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 1,7 и рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) до 67 лет, естественным образом должны находить отражение как в социально-демографической политике субъектов ПФО, так и самом демографическом поведении населения.

3. Федеральные округа Российской Федерации созданы в 2000 г. «в целях повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений» [2]. Однако в научной литературе пока слабо представлены исследования, направленные на изучение социально-экономического и демографического потенциала федеральных округов во взаимосвязи с демографическим поведением населения этих регионов; недостаточно развиты представляются и документы нормативно-методического,

¹ Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе. URL: <http://pfo.gov.ru/district> (дата обращения 20.11.2020).

организационно-управленческого, прогнозно-аналитического характера, позволяющие оценивать эффективность работы созданных федеральных округов [3].

Целью данной статьи является сравнительный анализ основных аспектов репродуктивного и самосохранительного поведения населения регионов ПФО. Эмпирическую базу исследования составило всероссийское выборочное социологическое обследование «**Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России**», проведенное Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2020 г. В исследовании с общим объемом выборки в 5616 человек участвовали 10 регионов России, в том числе три субъекта Приволжского федерального округа: Республика Башкортостан (604 респондента), Республика Татарстан (556 респондентов), Нижегородская область (512 респондентов).

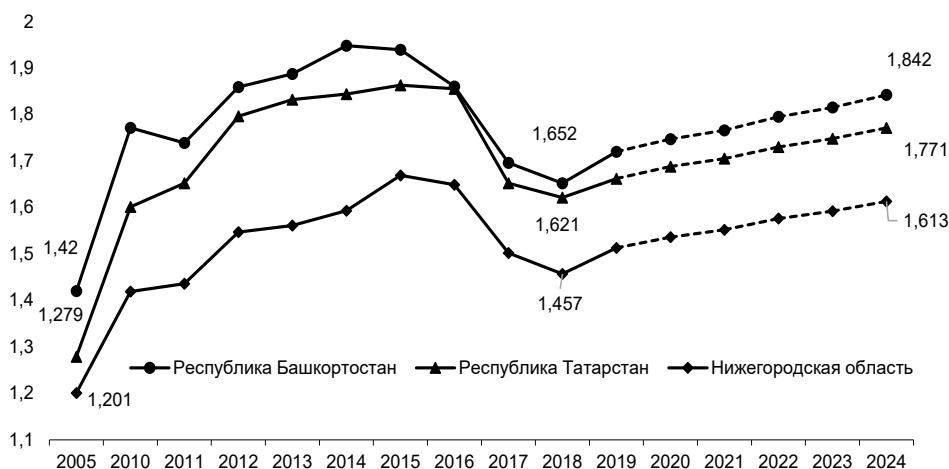
В рамках реализации НП «Демография» в рассматриваемых нами регионах приняты следующие целевые показатели (табл. 1).

Таблица 1. Целевые индикаторы национального проекта «Демография»

Индикатор	Регион ПФО	Год	Фактическое значение	План к 2024 г.
Суммарный коэффициент рождаемости (СКР)	Республика Башкортостан	2018	1,652	1,842
	Республика Татарстан	2018	1,621	1,771
	Нижегородская область	2018	1,457	1,613
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни	Республика Башкортостан	2019	58,9	67,0
	Республика Татарстан	2019	65,4	70,0
	Нижегородская область	2019	58,9	77,1

Источник: Итоги выборочного обследования состояния здоровья населения, 2019 [4]; Региональные проекты «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения», «Финансовая поддержка семей при рождении детей» РБ, РТ и Нижегородской области [5–7].

Из рисунка видно, что тенденции изменения СКР в рассматриваемых регионах практически одинаковы: до 2015 г. идет рост показателя, затем – снижение, вплоть до 2018 г. В 2018 г. по сравнению с 2005 г. наибольшее увеличение СКР наблюдается в Татарстане – на 26,7%. В Нижегородской области за рассматриваемый период показатель увеличился на 21,3%, а в Республике Башкортостан, имеющей наибольшее значение СКР, – всего на 16,3%.

Динамика суммарного коэффициента рождаемости в регионах Приволжского федерального округа

Примечание. 2005–2018 гг. – фактические данные; 2019–2024 гг. – целевые показатели по региональным проектам

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: статистический сборник [8]; Региональные проекты «Финансовая поддержка семей при рождении детей» Республики Башкортостан, Республики Татарстан и Нижегородской области [5–7].

Таким образом, для всех трех регионов характерен низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий даже простое воспроизводство населения. Если тенденция снижения коэффициента рождаемости сохранится, то достижение целевого значения СКР по НП «Демография» маловероятно. Некоторые позитивные сдвиги наблюдаются пока только в Республике Татарстан, где СКР в городской местности выше, чем в сельской, что по оценке ученых связано «с активной миграцией сельских женщин наиболее активного репродуктивного возраста в города» [9].

Проведенное социологическое исследование выявило следующую ориентацию на двух-, трехдетную семью при наличии всех необходимых условий (табл. 2).

Таблица 2. Репродуктивные планы населения регионов Приволжского федерального округа, % от числа опрошенных

Количество детей	Башкортостан	Татарстан	Нижегородская область	В среднем по опросу
Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?				
0	7,7	3,0	5,9	4,1
1	7,8	7,5	10,2	9,4
2	30,4	37,2	49,2	41,3
3	25,4	34,6	20,3	25,8
4	3,1	4,7	2,5	2,9
5 и более	6,1	3,4	1,7	3,8
Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?				
0	6,9	4,2	5,7	5,2
1	10,8	14,6	24,5	18,1
2	31,3	44,5	45,3	41,9
3	21,3	18,9	6,6	14,5
4	3,1	2,9	0,0	1,7
5 и более	2,4	1,2	0,9	1,6
Источник: Результаты Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие населения», 2020.				

Однако фактически сами респонденты в среднем имели меньшее количество детей. Наименьший диссонанс между желаемым и реализованным количеством детей наблюдается в двухдетных семьях: разрыв между желательными и реальными показателями минимальный в Башкортостане (около 5%), средний в Татарстане (около 10%), максимальный в Нижегородской области (около 17%). Наименее реализованными оказались планы на троих детей: в Башкортостане хотят иметь троих детей – 25,4%, но реально имеют вдвое меньше – 13,1%, в Татарстане – 34,6 и 2,9%; в Нижегородской области – 20,3 и 1,6% соответственно.

Авторами исследования проверялось влияние социально-экономических факторов и причин, обусловленных здоровьем населения. Как оказалось, экономические факторы, материальное благополучие населения существенно влияют на репродуктивные планы и установки. Так, по данным социологических замеров, на материальные трудности указали в Башкортостане 53,6% опрошенных, в Татарстане – 58,7%,

а в Нижегородской области – 75,3% (в среднем по опросу 66,1%); неуверенность в завтрашнем дне отметили в Башкортостане – 50,0%, в Татарстане – 54,5%, в Нижегородской области – 71,5% (в среднем по опросу – 61,2%). Жилищные трудности являлись сдерживающим фактором для 41,3% жителей Башкортостана, 50,2% жителей Татарстана и 56,1% жителей Нижегородской области. Отсутствие работы рассматривается как препятствие к рождению детей для 38–42% опрошенных во всех анализируемых субъектах.

Согласно результатам социологического опроса, плохое здоровье сдерживает реализацию репродуктивного потенциала у 15–22% населения ПФО. Так, состояние здоровья не позволяет родить первого ребенка или иметь еще детей в Башкортостане – 16,3% опрошенных, в Татарстане – 15,3%, в Нижегородской области – 22,4% (в среднем по опросу – 16,1%).

Во всех анализируемых регионах довольно высоко оценили значимость хорошего здоровья для достижения успеха в жизни – 4,5 балла из пяти возможных (в среднем по опросу – 4,4). При этом состояние своего здоровья как «очень хорошее» и «хорошее» оценили 55,2% жителей Башкортостана, 47,7% – Татарстана, и только 30,4% – Нижегородской области (среднее значение по опросу – 44,3%).

Исследование показало, что респонденты в целом хотели бы прожить не менее 86 лет. Средние оценки желаемой продолжительности жизни в Башкортостане составили 86 лет, в Татарстане – 89, в Нижегородской области – 86 (в среднем по опросу – 90 лет). Однако оценка предполагаемой продолжительности жизни существенно ниже: в Башкортостане – 78 лет, в Татарстане – 77 лет, в Нижегородской области всего 70 лет (в среднем по опросу – 76 лет).

Анализ показывает, что несмотря на относительно большую однородность субъектов ПФО, а также на то, что Нижегородская область, Башкортостан и Татарстан относятся к лидерам ПФО по социально-экономическим показателям и являются наиболее крупными по численности, рассматриваемые регионы достаточно сильно различаются по демографическому поведению и потенциалу.

В Стратегии социально-экономического развития ПФО до 2020 г. [1] развитие человеческого потенциала, возрастание роли человеческого капитала значится в качестве основного фактора экономического развития макрорегиона, в числе прогнозных показателей приведены коэффициент естественного прироста, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, миграционный прирост, но социальные и демографические проблемы, вызовы и угрозы не обозначены. В связи с этим, а также завершением сроков действия Стратегии считаем необходимым: 1) расширять и углублять сравнительные исследования субъектов ПФО; 2) включить проблемы демографического развития в актуальную повестку социально-экономического развития макрорегиона.

Литература

1. О Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 г.: распоряжение Правительства РФ от 07.02.2011 № 165-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6648235> (дата обращения 03.11.2020).
2. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849. URL: <https://base.garant.ru/12119586> (дата обращения 01.11.2020).

3. Молчанова Н.П. Управление федеральным округом на основе программно-целевого подхода: методологическое, методическое и организационно-экономическое обеспечение: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2011. 53 с.
4. Итоги выборочного обследования состояния здоровья населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html (дата обращения 01.11.2020).
5. Национальный проект «Демография» / Министерство социальной политики Нижегородской области. URL: <https://minsocium.ru/ndex.php/program-demography> (дата обращения 01.11.2020).
6. Национальный проект «Демография». Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. URL: <https://mtsz.tatarstan.ru/natsionalniy-proekt-demografiya-4616889.htm> (дата обращения 01.11.2020).
7. Национальный проект «Демография» / Правительство Республики Башкортостан. URL: <https://pravitelstvorb.ru/ru/government/npdemografiya.php> (дата обращения 01.11.2020).
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
9. Ильдарханова Ч.И. Территориальные интересы сельской молодежи: опыт Республики Татарстан, Алтайского края, Республики Мордовия // Вопросы территориального развития. 2018. № 5. С. 105–120.
10. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.

Информация об авторах

Валиахметов Рим Марсович (Россия, г. Уфа) – кандидат социологических наук, декан факультета философии и социологии, заведующий Научной лабораторией социальных и демографических исследований, Башкирский государственный университет (Российская Федерация, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4; e-mail: rim_m_sifat@inbox.ru).

Баймурзина Гузель Римовна (Россия, г. Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, и. о. директора, Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: guzrim@mail.ru).

Кабашова Елена Владимировна (Россия, г. Уфа) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Российская Федерация, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: e_kabashova@bk.ru).

Valiakhmetov R.M., Baimurzina G.R., Kabashova E.V.

REPRODUCTIVE AND SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN THE REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Abstract. *The article analyzes the key aspects of reproductive and self-preservation behavior of the population of the Volga Federal district on the example of the Nizhny Novgorod region, Tatarstan and Bashkortostan. The authors present the results of a demographic well-being study, conducted to assess the effectiveness of the national project «Demography».*

Key words: *reproductive behavior, birth rate, self-preservation behavior, healthy life expectancy, region, demography.*

Information about the Authors

Rim M. Valiakhmetov (Ufa, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, The Head of the Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Bashkir state University (Ufa, Karl Marx str., 3/4, e-mail: rim_m_sifat@inbox.ru).

Guzel' R. Baimurzina (Ufa, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Acting Director, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Ufa, street of 50 years of October, 20/1, e-mail: guzrim@mail.ru).

Elena V. Kabashova (Ufa, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Ufa, street of 50 years of October, 20/1, e-mail: e_kabashova@bk.ru).

References

1. About the strategy of socio-economic development of the Volga Federal district for the period up to 2020: order of the Government of the Russian Federation of 07.02.2011 No. 165. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6648235> (date of access: 03.11.2020).
2. About the Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the Federal district: decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2000. No. 849. URL: <https://base.garant.ru/12119586> (date of access: 01.11.2020).
3. Molchanova N.P. Management of Federal districts based on the program-target approach: methodical, methodological and organizational-economic support: dissertation abstract ... Doctor of Economic Sciences: 08.00.05. M., 2011. 53 p.
4. Results of a sample survey of the population's health status. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/ZDOR/2019/PublishSite/index.html (date of access 01.11.2020).
5. National project «Demography». Ministry of Social Policy of the Nizhny Novgorod Region. URL: <https://minsocium.ru/ndex.php/program-demography> (date of access 01.11.2020).
6. National project «Demography». Ministry of labor, employment and social protection of the Republic of Tatarstan. URL: <https://mtsz.tatarstan.ru/natsionalniy-proekt-demografiya-4616889.htm> (date of access 01.11.2020).
7. National project «Demography». Government of the Republic of Bashkortostan. URL: <https://pravitelstvorb.ru/ru/government/npdemografiya.php> (date of access 01.11.2020).
8. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019: Statistical collection. Rosstat. M., 2019. 1204 p.
9. Ildarkhanova, Ch. I. Territorial interests of rural youth: experience of the Republic of Tatarstan, the Altai Territory, the Republic of Mordovia. Questions of territorial development. 2018. No. 5. Pp. 105–120.
10. Kalachikova O.N. Reproductive behavior as a factor of population reproduction: trends and prospects: monograph / O.N. Kalachikova, A.A. Shabunova. Vologda: VolRC RAS, 2015. 172 p.

ПРАКТИКИ ВКЛЮЧЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ В ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ШКОЛЫ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу освоения учителями цифрового пространства школы: включенность, влияние повышения квалификации учителей на освоение и применение цифровых технологий, характеристики отношения к процессу цифровизации школы.*

Ключевые слова: *цифровизация, информационно-коммуникативные технологии, отношение к цифровизации школы.*

Одним из направлений развития современного общества становится его цифровизация. Она затрагивает все сферы жизни общества и социальные институты. Образование не является исключением. Процесс цифровизации образовательной среды вызывает не только изменение и пересмотр функций этого социального института, но и приводит к трансформации всех его сторон и форм. Эти тенденции были обнаружены в XX веке. Внедрение информационных технологий, цифровизация образовательной среды, дистанционное обучение – тренд современного образования.

Российское учительство как субъект социального института образования активно участвует в этих процессах. Этому посвящено исследование, которое было проведено на кафедре социологии и политологии и в Лаборатории социологических исследований Воронежского государственного университета в начале 2020 года.

Опрос учителей (1293 человека) проводился по репрезентативной квотной выборке с учетом пола, возраста (25–39 лет, 40–59 лет, 60 лет и старше). На вопросы анкеты отвечали педагоги, работающие в младшем (28,9%), среднем и старшем (71,1%) звене школы. Учитывалась и категория педагогов: учитель – 16,9%, учитель 1 категории – 43,5%, учитель высшей категории 39,6%. Среди опрошенных женщины составили большинство – 90,3%. Проведенное исследование позволило выявить некоторые особенности включения воронежских учителей в цифровое пространство школы. Полученные результаты опроса педагогического сообщества позволяют сделать некоторые выводы.

1. Воронежские учителя отмечают, что в их школах используются различные информационно-коммуникативные технологии. В список технологий входят электронные дневники, электронное расписание занятий, интерактивные доски, планшеты, акустические системы, блоки для рисования. Педагоги отмечают, что они имеют возможность пользоваться электронными учебными пособиями, компьютерными программами для тестирования учащихся. В большинстве школ, где проходил опрос, есть школьный сайт.

Учителя при проведении уроков применяют персональные компьютеры, планшеты, интерактивные доски, проекторы. Используют педагоги и другие возможности, которые появились в школах относительно недавно. В их анкетах были указаны сенсорные моноблоки для рисования, акустические системы, мобильные копи-устройства.

В соответствии с требованиями цифровизации образовательной среды воронежские учителя стали активно включать в процесс обучения различные пакеты

прикладных программ. К их числу они отнесли текстовые редакторы, электронные таблицы, программы подготовки презентаций, системы управления данными. Необходимо отметить, что пользуются такими возможностями чаще других педагогов учителя-предметники, работающие в среднем и старшем звене обучения, что вполне оправданно. Полученные данные показывают: воронежское учительство все активнее осваивает цифровое пространство современной школы. Эти тенденции подтверждаются исследованиями в других регионах России [1, с. 52]

2. Включению воронежского учительства в практики цифрового пространства школы, активному его освоению способствует повышение квалификации и получение дополнительного профессионального образования по методике и технологии использования интерактивных устройств в образовательном процессе. Опрос показал, что такую программу на курсах повышения квалификации в последние 2–3 года освоили 68,3% воронежских педагогов. При этом они обучались по нескольким модулям: «Методические приемы использования интерактивных устройств в образовательном процессе» (35,2%), «Технологии использования интерактивных устройств» (29,5%), «Интерактивное взаимодействие в образовательном процессе» (23,2%), «Обзор интерактивных устройств в образовании» (13,6%). Необходимо отметить: на выбор направления для повышения квалификации и получения дополнительного профессионального образования оказывают влияние возрастные характеристики педагогов и звено обучения. Отмечена предыдущая тенденция – в повышении квалификации по этому направлению чаще всего участвуют педагоги, работающие в средних и старших классах школы, а также молодые учителя.

3. Проведенный среди воронежских учителей опрос позволил не только выявить степень их практической включенности в цифровые технологии, но и определить их представления о позитивных и негативных сторонах этого непростого процесса.

Спектр позитивных суждений педагогического сообщества о роли цифровизации общего образования включает различные стороны явления (таблица).

Мнения воронежских учителей о положительных сторонах цифровизации общего образования, по данным опроса 2020 года, %

Мнения	%
Создание электронных ресурсов для нахождения необходимой информации учителями и учениками	97,9
В школах будут использоваться современные технологии, отвечающие требованиям цифровизации	52,6
Значительно сократится время поиска информации	38,1
У педагогов уменьшится время на проверку знаний учащихся	33,1
В целом расширится кругозор и у педагогов, и у школьников	28,9
Учащиеся станут более самостоятельными, активными в учебе	18,2
Усилится обмен информацией между учениками, между учениками и педагогами	15,1

Большинство педагогов обращают внимание на информационную составляющую. Ей уделяется большое внимание. В то же время школьные педагоги надеются, что цифровизация должна способствовать активности учеников, стремлению к добыванию и освоению знаний.

Среди отрицательных характеристик цифровизации общего образования воронежские учителя, прежде всего, называют возникновение у учащихся проблем с на-

выками письменной деятельности. Так считают 70,1% респондентов. Они уверены, что у них будут возникать проблемы с творческими заданиями. Не будет развиваться у них и устная речь (58,2%). Из общего числа респондентов 44,2% обеспокоены тем, что у учащихся появится экранная зависимость, а 18% уверены в том, что значительная часть информации, полученная с «экрана», не будет усваиваться. Высказано мнение: учащиеся будут хуже запоминать, в целом станут хуже учиться (23,1%).

Другая отрицательная характеристика процесса цифровизации связана с тем, что, по мнению воронежского учительства, произойдет ослабление социальных навыков, поскольку меньшее внимание будет уделяться «живому» общению (26,4%). Нельзя не согласиться с этой позицией. Даже без учета осуществления цифровизации обучения в школе сегодня отмечается погруженность, вовлеченность подростков и молодежи в компьютерные технологии. Персональный компьютер, планшет, современный телефон и другие гаджеты давно освоены молодым поколением и их использованию отводится значительная часть времени.

Есть еще два аспекта, на которые обращают внимание педагоги. Более четверти опрошенных уверены, что цифровизация приведет к тому, что увеличится количество документов, которые необходимо будет заполнять (каждый третий опрошенный педагог). Это подтверждается результатами других исследований [2, с. 53; 3].

Второй аспект связан с оценкой роли педагога в обучении. Новые условия, согласно суждениям воронежского учительства, приведут к изменению социальной роли педагога, превратят его в простого «контролера» выполнения заданий учениками. Таким образом, спектр негативных оценок опирается на разные основания: здоровье, характеристики учебы, социализация, положение педагога.

Вынужденное дистанционное обучение, на которое перешли школы России в условиях пандемии COVID-19 весной и осенью 2020 года, потребовало не только технологической трансформации системы школьного образования. Оно показало возможности и перспективы он-лайн обучения, выявило слабости, упущения в методической работе. Но в то же время стало стимулом для более полного включения учительства в процессы цифровизации школьного образования.

Литература

1. Ильин В.А., Леонидова Г.В., Головчин М.А. Российский учитель в реформирующемся обществе: взгляд из регионов // Социологические исследования. 2017. № 3.
2. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Институт образования НИУ ВШЭ. URL: https://ioe.hse.ru/fao_distant (дата обращения 14.11.2020).

Информация об авторах

Верецкая Алла Ивановна (Россия, г. Воронеж) – кандидат философских наук, доцент, Воронежский государственный университет (394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: allaver@bk.ru).

Квасова Анастасия Александровна (Россия, г. Воронеж) – преподаватель Воронежского государственного университета (394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: socguly@gmail.com).

PRACTICES OF INCLUDING TEACHERS IN THE DIGITAL SPACE OF THE SCHOOL

Abstract. *The article is devoted to the issue of teachers mastering the digital space of the school: involvement in digitalization processes, the impact of teacher training on the development and use of digital technologies, characteristics of the attitude towards the process of school digitalization.*

Key words: *digitalization, information and communication technologies, attitude.*

Information about the Authors

Alla I. Veretskaya – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University, 394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya square, E-mail: allaver@bk.ru

Anastasia A. Kvasova – Lecturer of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University, 394018, Russia, Voronezh, Universitetskaya square, E-mail: socguly@gmail.com

References

1. Ilyin V.A., Leonidova G.V., Golovchin M.A. Russian teacher in a reforming society: a view from the regions. Sociological research, 2017, no. 3.
2. Problems of transition to distance learning in the Russian Federation through the eyes of teachers / Institute of Education of the National Research University Higher School of Economics. URL: https://ioe.hse.ru/fao_distant (accessed 11.14.2020).

ОЦЕНКА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ МИГРАЦИИ И УРОВНЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

Аннотация. *Статья посвящена поиску взаимосвязи между уровнем заболеваемости и миграцией населения. На основе корреляционного анализа было найдено наличие средней, сильной и очень сильной корреляции между искомыми параметрами в половине субъектов Российской Федерации.*

Ключевые слова: миграция, заболеваемость, корреляция, регионы России.

Определению роли экологии в формировании здоровья человека посвящены труды С.В. Андропова, А.А. Лобанова, А.И. Попова, Л.Ф. Писаревой, С.Г. Суханова, О.И. Шумилова и др. Но вопрос взаимосвязи между уровнем здоровья и численностью выбывших/прибывших исследован достаточно слабо, что делает рассмотрение этого вопроса актуальным. А в свете утверждения новых стратегий социально-экономического развития в РФ этот вопрос приобретает первостепенное значение, в частности при формировании основ регионального развития.

Целью исследования является поиск взаимосвязи между факторами «численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни» и «численность выбывших/прибывших» в регионах. Объектом исследования являются субъекты РФ, кроме Республики Крым и г. Севастополя по причине недостаточности данных. В качестве метода исследования был использован корреляционный анализ, программное обеспечение – SPSS. Период анализа с 2004 по 2018 год в связи с отсутствием данных за более ранний период в ряде регионов РФ. Источником данных выступала Федеральная служба государственной статистики РФ. Методика поиска взаимосвязей между параметрами предполагает проверку выборок по критерию Шапиро – Уилк (Нулевая гипотеза – распределение является нормальным, уровень значимости – 0,05), а также проведение корреляционного анализа по критерию Спирмена для диагностики наличия статистической значимой линейной связи между двумя показателями (Нулевая гипотеза – между переменной «численность выбывших» / «численность прибывших» и переменной «численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни» связь отсутствует, уровень значимости – 0,05).

В результате анализа наличие корреляции между численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, и выбывшими было подтверждено в 45 регионах РФ, а с прибывшими – в 52 регионах из 83 анализируемых. Распределение регионов по силе взаимосвязи представлено в таблице.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00509 А «Факторы и механизмы взаимовлияния миграционных процессов и динамики социально-экономического развития арктических регионов России».

**Распределение субъектов РФ по величине коэффициента корреляции между
переменными «численность выбывших» / «численность прибывших»
и «численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни»**

Сила связи	Сравниваемые параметры	
	«Численность выбывших» и «численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни»	«Численность прибывших» и «численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни»
Средняя корреляция	Владимирская область Костромская область г. Москва Тверская область Калининградская область Мурманская область Ставропольский край Удмуртская Республика Ямало-Ненецкий автономный округ Челябинская область Республика Хакасия Республика Саха (Якутия) Приморский край Амурская область Республика Карелия Чеченская Республика Нижегородская область Ульяновская область Приморский край Магаданская область	Владимирская область Костромская область г. Москва Тверская область Калининградская область Мурманская область Карачаево-Черкесская Республика Ставропольский край Удмуртская Республика Ямало-Ненецкий автономный округ Челябинская область Республика Хакасия Республика Саха (Якутия) Приморский край Амурская область Белгородская область Орловская область Ярославская область Архангельская область (не включая НАО) Республика Дагестан Кабардино-Балкарская Республика Чеченская Республика Самарская область Ульяновская область Свердловская область Тюменская область (исключая автономные округа) Кемеровская область - Кузбасс
Сильная корреляция	Курская область Липецкая область Смоленская область Тульская область Ленинградская область Краснодарский край Астраханская область Волгоградская область Республика Ингушетия Кировская область Оренбургская область Пензенская область Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Иркутская область Новосибирская область Камчатский край Хабаровский край Ярославская область Ленинградская область г. Санкт-Петербург Республика Дагестан Республика Мордовия	Курская область Липецкая область Смоленская область Тульская область Ленинградская область Краснодарский край Астраханская область Волгоградская область Республика Ингушетия Кировская область Оренбургская область Пензенская область Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Иркутская область Новосибирская область Камчатский край Хабаровский край Тамбовская область Нижегородская область Магаданская область Сахалинская область

Сила связи	Сравниваемые параметры	
	«Численность выбывших» и «численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни»	«Численность прибывших» и «численность больных с диагнозом, установленным впервые в жизни»
Очень сильная корреляция	Московская область Республика Алтай	Московская область Республика Алтай
	Тамбовская область Сахалинская область	г. Санкт-Петербург Республика Мордовия

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что в большей части регионов РФ уровень заболеваемости влияет на миграцию, причем взаимосвязь прибывших и выбывших наблюдается в одних и тех же субъектах РФ. При этом наличие взаимосвязи существует как в южных, так и в северных регионах РФ, что ставит под сомнение существенное влияние климатического фактора на миграцию населения.

Литература

1. Андронов С.В., Лобанов А.А., Попов А.И. Прогнозирование развития артериальной гипертензии у переселенцев в Ямало-Ненецкий автономный округ // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. Т. 89. № 4. С. 14–19.
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения 10.11.2020).

Информация об авторах

Воронина Людмила Васильевна (Россия, г. Архангельск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения РАН» (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: dirnauka@fciarctic.ru); доцент кафедры государственного и муниципального управления. ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: public@narfu.ru).

Якушева Ульяна Евгеньевна (Россия, г. Архангельск) – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: public@narfu.ru); научный сотрудник, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения РАН» (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: dirnauka@fciarctic.ru).

Voronina L.V., Yakusheva U.E.

CORRELATION BETWEEN MIGRATION AND INCIDENCE IN REGIONS OF RUSSIA

Abstract. *The article focuses on studying the correlations between morbidity rate and migration. The correlation analysis shows the moderate strong linear relationship in the more than half of regions in Russia.*

Key words: *migration, morbidity, correlation, regions in Russia.*

Information about the Authors

Ludmila V. Voronina – PhD in economics, Senior researcher, Federal Center for Integrated Arctic Research of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia (16300, Arkhangelsk, nab. Sev.Dvina,23 e-mail: dirnauka@fciactic.ru); Associate Professor at faculty of State and Municipal Management, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov», Arkhangelsk, Russia (163002, Arkhangelsk, nab. Sev.Dvina,17_ e-mail: public@narfu.ru).

Uliana E. Yakusheva – senior lecturer at faculty of State and Municipal Management, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov», Arkhangelsk, Russia (163002, Arkhangelsk, nab. Sev.Dvina,17_ e-mail: public@narfu.ru), Researcher, Federal Center for Integrated Arctic Research of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia (16300, Arkhangelsk, nab. Sev.Dvina,23 e-mail: dirnauka@fciactic.ru).

References

1. Andronov S.V., Lobanov A.A., Popov A.I. Prognozirovanie razvitiya arterial'noi gipertenzii u pereselentsev v yamalo-nenetskii avtonomnyi okrug. Nauch. vestn. yamalo-nenets. avtonom. okruga. 2015. № 4 (89). S. 14–19.
2. Federal State Statistics Service / official site. URL: <https://www.gks.ru> (accessed 01/10/2020).

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В НОВЫХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: МНЕНИЯ УЧИТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА¹

Аннотация. Цель исследования – анализ мнений представителей учительского сообщества о переходе школ региона на дистанционное обучение в период закрытия образовательных структур на фоне обострения угроз пандемии COVID-19. Информационной основой для выводов стали результаты социологического опроса, который был проведен в апреле 2020 г. с помощью заполнения анкетных онлайн-форм учителями общеобразовательных школ Вологодской области. Анализ эмпирических данных позволил выделить риски пандемии для развития образования, а также сформулировать ряд выводов о возможностях минимизации этих рисков и преодоления «нового цифрового разрыва».

Ключевые слова: образование, дистанционное обучение, модели агентской адаптации, образовательная цифровизация, образовательный вызов.

В 2020 году экономика и социальная сфера испытали новый (эпидемиологический) вызов. Вместе с тем пандемия сформировала вызов и к национальным системам образования стран мира. Этот вызов состоит в необходимости осуществлять образовательный процесс без ущерба здоровью детей и взрослых (что предполагает исключение близких контактов и нахождение больших групп в одном помещении). В настоящее время преодоление этого вызова многим видится в развитии института образовательной цифровизации, предполагающей масштабное внедрение цифровых технологий в процесс обучения, оцифровку образовательных ресурсов и переход на онлайн-обучение.

Всемирный банк, проанализировав ход дистанционного обучения в первые месяцы после объявления пандемии COVID-19, пришел к выводу о том, что страны на этом пути столкнулись с рядом трудностей. Это технические, финансовые, культурные, а также здоровьесберегающие проблемы. Согласно выводам Всемирного банка, большая часть этих проблем затронула наименее подготовленных к цифровизации участников образовательного рынка [1]. Проблемы переходного периода не в последнюю очередь коснулись и российского образования. Это подтверждают результаты социологического опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» среди жителей страны. Лишь 39% из них отметили отсутствие сопутствующих дистанционному обучению трудностей [2].

В исследовании мы представим социологический анализ последствий перехода общеобразовательных школ региона (как наименее подготовленных к цифровизации агентов) на рельсы дистанционного образования на фоне угроз пандемии COVID-19. Для формирования наших выводов мы использовали эмпирический материал онлайн-опроса, который был проведен в мае – апреле 2020 г. среди учителей школ Вологодской области. В нем приняли участие 270 респондентов (генеральная совокупность – 8,6 тыс. чел.). Из них 94% женщин и 6% мужчин; 55% проживает и работает в школах города Вологды; 30% – города Череповца; 15% – в районных цен-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00811 «Smart-образование как вектор развития человеческого потенциала молодого поколения».

трах и сельских поселениях (в выборку вошли Вологодский, Грязовецкий, Великоустюгский, Нюксенский, Кичменгско-Городецкий, Харовский, Бабушкинский, Вытегорский, Тотемский районы области). Доверительный интервал выборки – 5% [3].

Вначале отметим, что большинство аспектов функционирования школ региона в период пандемии связано с парадоксами цифровизации, что определяет развитие этого института в формате институциональной ловушки. Российский институционалист А.А. Жук утверждает, что нормы, возникающие в рамках тотальной «оцифровки» образовательных процессов, пока не создают эффективных и надежных образцов агентского поведения из-за неготовности к ним [4, с. 176–193]. Причем причины неготовности зачастую лежат не только в технической, но и в институциональной плоскости, а точнее в отсутствии необходимого цифрового опыта у образовательных агентов. По данным общероссийских опросов, в общем образовании подобный опыт имеет не более 40% учителей школ в нашей стране [5]. Это подтверждают и социологические данные, полученные по Вологодской области. В высшем образовании иная картина. Как свидетельствуют данные опроса Финансового университета при Правительстве РФ, опыт использования цифровых технологий разной длительности в своей профессии имеет более 90% преподавателей вузов.

Мы считаем, что подобное связано с моделями агентской адаптации к правилам института образовательной цифровизации. Так, в основном те, кто никогда не применял на занятиях цифровые технологии, находятся на консервативных идеологических позициях (67%), т.е. не признают образовательные инновации ни в каком виде, ратуя за сохранение традиций школы в полном объеме. Отметим, что основой для формирования подобной позиции может стать не только возраст педагога, но и хорошее понимание парадоксов цифровой революции в образовании.

По мнениям подавляющей части учителей региона, реализация дистанционного обучения сопровождалась рядом трудностей разной природы и силы воздействия. Эти проблемы примерно в равной степени коснулись обучающихся, их родителей и педагогов. Наиболее часто встречаются технические проблемы: отсутствие/дефицит в некоторых домохозяйствах необходимой техники и интернет-подключения (49%). В ряде случаев оборудование отсутствовало и у педагогов (34%). Последнее особенно заметно в сельских районах области (49% против 36% в городах).

Имеют место и методологические проблемы: отсутствие цифрового опыта у педагогов (29%) и программных возможностей для проведения онлайн-занятий по ряду предметов (32%).

Нельзя недооценивать значение социокультурных проблем дистанционного обучения, таких как низкая образовательная мотивация у детей в условиях «домашнего обучения», недисциплинированность и неусидчивость обучающихся. В ходе опроса учителя высказали следующие мнения: «...дистанционно научить вообще нельзя, так как и не определить, усвоил ли школьник те идеи, которые усвоил бы в очном формате занятий; при формально верном решении заданий, он может неверно думать»; «[в новом формате] существуют такая проблема оценивания как [повсеместные] списывания»; «невозможно [дистанционно] получить качественное (тем более школьное) образование; детям необходимо живое общение».

Мотивационные проблемы касаются не только обучающихся, но и педагогов, что отражается в отсутствии стремления учителей работать с новыми цифровыми образовательными технологиями. Так, переход на новый формат обучения не сфор-

мировал планы на использование новейших ресурсов у педагогов, которые ранее не имели цифрового опыта. В группах учителей, ранее использовавших в различных целях цифровые продукты, удельный вес желающих прибегать к ним снова уже не превышает 80%.

Таким образом, как показывают результаты наших исследований, школьное образование в регионе на фоне новых эпидемиологических вызовов продемонстрировало прочность, но не готовность. В рамках исследования мы классифицировали те риски, с которыми столкнулись школы (сетевые, технические, методологические, социокультурные и т.д.; табл.). В этой связи не совсем понятным выглядят некоторые оценки специалистов, заявляющих, что эксперимент с переходом школ на дистанционное обучение якобы оказался «удачным и удовлетворительным» [6]. Этот эксперимент как раз скорее показал недостаточность модели революционной цифровизации для российской школы, необходимость ее подкрепления поэтапным формированием необходимой институциональной среды (эволюционной цифровизацией).

Таблица. Риски дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 для образования

Группа рисков	Проявления	
	в мире	в России
Сетевые (инфраструктурные)	Заккрытие школ, простой помещений	Заккрытие школ, простой помещений
Технические	Отсутствие необходимой для работы в интернете техники (компьютеров, модемов и т.д.)	Отсутствие техники в малообеспеченных семьях Слабость технической поддержки и размещенных в интернете вспомогательных материалов
Фундаментальные	Вызваны парадоксами цифровизации: принципиальная невозможность ряд предметов полностью перенести в цифровую форму, снижение уровня взаимодействия в системе «педагог – обучающийся» и возможностей контроля за знаниями, образовательная кастомизация и неравенство возможностей, слабая защита личных данных детей в сети и т.п.	
Методологические	Отсутствие среди педагогов поддержки института цифровизации	Отсутствие у педагогов опыта работы с цифровыми технологиями
Социокультурные (мотивационные)	Неготовность родителей расширять «зону образовательной ответственности», перенимать социализирующие функции образования	Неготовность детей к работе в новых условиях: оппортунизм, низкая образовательная мотивация и т.д.
Кадровые	Пока не обобщены	Снижение личностно-профессиональной устойчивости педагогов
В отношении здоровья	Неоднозначное влияние цифровых технологий на физическое и психическое здоровье детей	Отсутствие санитарных норм по работе с цифровым оборудованием в образовательных организациях
Когнитивные	В связи с переходом на дистанционное обучение ряд детей фактически окажутся в условиях полного отсутствия обучения, что негативно отразится на уровне их знаний	

Вместе с тем фундаментом прочности системы образования в этой непростой ситуации стала самоотдача учительского корпуса, его стремление к организации достойного обучения. Данные проведенного в Вологодской области опроса говорят, что педагогическое сообщество в целом проявляет лояльное отношение к институту образовательной цифровизации (59%) и понимает перспективы его развития (41%). Подобное отношение можно использовать в качестве инструмента сглаживания адаптационных проблем цифровизации.

С нашей точки зрения преодоление неготовности национальной образовательной системы России к новым вызовам требует корректировки стратегии развития отечественного образования (особенно в политике цифровизации). В частности,

требуется создать условия для преодоления «нового цифрового разрыва», т.е. неравенства между теми педагогами, кто использует технологии активно для выполнения продуктивной, творческой работы, проектной деятельности, и теми, кто использует их пассивно, для выполнения традиционных рутинных функций (как поставщика аудиовизуальной информации; как коммуникацию и пр.) [7].

Для решения задачи преодоления «нового цифрового разрыва» в образовании важно оперативно развернуть национальную сеть инновационных площадок цифрового образования, обновить нормативно-правовую базу работы образовательных организаций, создать систему мониторинга и поддержки распространения процессов цифровой трансформации и сформировать адаптационную модель действий агентов в условиях образовательной цифровизации.

Литература

1. Remote Learning and COVID-19. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/266811584657843186/pdf/Rapid-Response-Briefing-Note-Remote-Learning-and-COVID-19-Outbreak.pdf> (accessed 18.11.2020).
2. Дистанционное обучение школьников. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14385> (дата обращения 18.11.2020).
3. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся / Г.В. Леонидова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12
4. Жук А.А., Фурса Е.В. Нарративный анализ институциональных ловушек сферы образования и науки России // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11. № 1. С. 176–193.
5. Тарасова Н.В., Пестрикова С.М. Как влияет сейчас и повлияет в перспективе перевод образовательного процесса в дистанционный режим на образовательные результаты. URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza> (дата обращения 18.11.2020).
6. 5-месячная пауза в нормальном обучении станет серьезной угрозой для качества образования. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/172268-sergey-kosareckiy-o-perehode-shkol-na-distancionnoe-obuchenie> (дата обращения 18.11.2020).
7. Уваров А.Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации / НИУ ВШЭ. М.: 2018. 168 с.

Информация об авторе

Головчин Максим Александрович (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mag82@mail.ru).

Golovchin M.A.

IMPLEMENTATION OF DISTANCE LEARNING IN SCHOOLS IN THE VOLOGDA REGION IN THE NEW EPIDEMIOLOGICAL CONDITIONS: OPINIONS OF THE TEACHING COMMUNITY

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the opinions of representatives of the teaching community about the transition of schools in the region to distance learning during the period of closure of educational structures against the background of aggravated threats of the COVID-19*

pandemic. The information basis for the conclusions was the results of a sociological survey, which was conducted in April 2020 by filling out online questionnaire forms by teachers of secondary schools in the Vologda Oblast. The analysis of empirical data made it possible to identify the risks of a pandemic for the development of education, as well as to formulate a number of conclusions about the possibilities of minimizing these risks and overcoming the “new digital divide”.

Key words: education, distance learning, models of agency adaptation, educational digitalization, educational challenge.

Information about the Author

Golovchin Maksim Aleksandrovich (Russian Federation, Vologda) – candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Science (Russia, 160014, Vologda, Gorky st., 56a, mag82 @ mail.ru).

References

1. Remote Learning and COVID-19. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/266811584657843186/pdf/Rapid-Response-Briefing-Note-Remote-Learning-and-COVID-19-Outbreak.pdf> (date accessed 18.11.2020).
2. Distance learning for schoolchildren. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14385> (date of access 11/18/2020).
3. Problems and prospects of distance learning in assessments of teachers and parents of students / G.V. Leonidova, R.M. Valiakhmetov, G.R. Baimurzina, L.V. Babich // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 202–219. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.12
4. Zhuk A.A., Fursa E.V. Narrative Analysis of Institutional Traps in the Sphere of Education and Science in Russia. Journal of Institutional Research. 2019. Vol. 11. No. 1. S. 176–193.
5. Tarasova N.V., Pestrikova S.M. How does the transfer of the educational process into a distance mode affect educational results now and will affect in the future? URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/803-tarasova-ekspertiza> (date accessed 18.11.2020).
6. A 5-month hiatus in normal learning will pose a serious threat to the quality of education. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/172268-sergey-kosareckiy-o-perehode-shkol-na-distancionnoe-obuchenie> (date accessed 18.11.2020).
7. Uvarov A.Yu. Education in the world of digital technologies: towards digital transformation. NRU HSE. Moscow: 2018.168 p.

ОЦЕНКА ПЕДАГОГАМИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье на материалах исследования, проведенного в Крыму, освещается уровень удовлетворенности своей работой педагогов в образовательных учреждениях г. Евпатория. Выявлены положительные и отрицательные моменты в системе образования, которые влияют на уровень и качество работы педагогов в процессе обучения. Анализируется отношение учителей к системе реформирования школ.

Ключевые слова: образование, реформа, учитель, школа, знания, социологическое исследование.

В современном развивающемся мире именно уровень образования определяет будущее государства. В Законе РФ «Об образовании» говорится, что образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций, определяемых соответствием объему и сложности, в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [1].

Казалось бы, данное определение охватывает весь спектр задач современного образования. Однако в последние годы активизировался процесс реформирования системы образования и ее механизмов. Следует отметить, что современная образовательная реформа вызывает много споров, дискуссий и противоречий. Огромное количество публикаций направлено как в защиту реформ, так и на критику характера реформирования образовательной системы. Наше исследование направлено на изучение мнения учителей, которые воплощают эту реформу в жизнь.

В качестве генеральной совокупности исследования выступают учителя и руководство общеобразовательных школ города Евпатория. Метод сбора социологической информации сплошной опрос с помощью раздаточного анонимного анкетирования. Респондентов опрашивали на их рабочих местах при помощи стандартизованного инструментария, представленного в виде анкеты. Анкета носила анонимный характер, и личные данные респондента не фиксировались на каких-либо дополнительных бланках.

В рамках пилотного проекта был проведен опрос во всех школах города Евпатория по проблеме изучения уровня удовлетворенности работой в образовательных учреждениях и отношения педагогов к реформированию сферы образования. В качестве участников исследования выступали педагоги и руководители школ. Всего в опросе приняло участие 675 учителей 16 общеобразовательных школ г. Евпатория, что составляет 80,5% от числа работающих учителей города [2]. Информация, полученная в результате социологического исследования, включающая в себя выводы и рекомендации, передана администрации города с целью улучшения работы педагогических коллективов.

По данным проведенного исследования доля в выборке молодых специалистов и молодых людей в возрасте до 35 лет, уже получивших определенный профессиональный опыт, составляет 24,6%. Основная же часть опрошенных – люди среднего и старшего возраста, с большим стажем работы в образовании. В общем массиве респондентов, как и во всем школьном образовании, преобладают женщины – 88,4%.

В целом наиболее многочисленной группой евпаторийских учителей являются педагоги в возрасте 46–55 лет – 35,3%. Две другие многочисленные группы – 20–35 и 36–45 лет – составляют соответственно 24,6 и 24,3% респондентов. Две старшие группы относительно невелики. Так, 6,5% опрошенных принадлежат к группе 56–60 лет и 9,3% респондентов – к группе старше 60 лет.

Рассмотрим, что вкладывают в понятие «образование» наши учителя. Итак, первая тройка лидирующих позиций выглядит следующим образом: «доступ к культуре, интересной жизни, творческой работе» (55,0%), «стать профессионалом в своей сфере деятельности» (46,4%), «возможность реализовать свои жизненные планы» (28,7%).

Согласно статье 43 Конституции РФ, государство гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Однако споры и разногласия, о том каким должно быть образование в России, не утихают до сих пор. По мнению учителей больше половины опрошенных (52,6%) высказались за бесплатное образование; 44,3% отдадут предпочтение как платной, так и бесплатной форме обучения, а 2,5% считают, что образование должно осуществляться преимущественно на коммерческой основе, но с определенными льготами для малообеспеченных слоев населения.

Система образования в стране последние десятилетия находится в стадии реформирования и модернизации. Хотя Крым вошел в состав России относительно недавно, но даже за это короткое время школы успешно влились в процесс модернизации благодаря профессионализму педагогических коллективов. Рассмотрим, как оценивают образовательные реформы наши учителя (табл. 1).

Таблица 1. Оценка отношения учителей к проводимым реформам образования, %

Суждение респондентов	%
Результаты реформ противоречивы, неоднозначны	44,3
Скорее положительно, чем отрицательно	26,2
Затрудняюсь ответить	13,3
Отрицательно	8,2
Однозначно положительно	8,0

Несложный подсчет показывает, что баланс между «однозначно положительно» и «отрицательно» практически равен нулю, но практически четверть из числа ответивших оценили реформы «скорее положительно, чем отрицательно». Также 44,3% считают, что эти результаты противоречивы и неоднозначны. Корреляционный анализ показал, что 1/3 молодых специалистов со стажем от нуля до трех лет не смогли ответить на этот вопрос. И это не удивительно, т.к. они практически не работали учителями при Украине и им немного сложно сравнить эти реформы. В то же время учителя со стажем от 4 до 20 лет и в возрастной категории 36-60 лет более критично оценивают эту реформу (табл. 2).

Таблица 2. Мнение учителей о результатах реформ образования, %

Суждение респондентов	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Благодаря проводимым реформам образование стало более современным и качественным	35,7	32,0	32,3
Образование стало более доступным	55,1	21,2	23,7
Произошло разрушение лучших традиций отечественного образования	45,6	28,7	25,6
Произошла коммерциализация образования, которая усилила социальное неравенство в обществе, затруднила доступ молодежи к образованию	25,9	48,6	25,5
Система ЕГЭ открыла дорогу в вузы всем хорошо подготовленным абитуриентам, независимо от доходов и территории проживания	53,8	24,0	22,2
Реформы помогли изжить проявления коррупции в школах	32,0	33,5	34,5
Подготовка к ЕГЭ заменила собой полноценное образование, исчез индивидуальный подход к обучению и воспитанию	42,5	33,3	24,2
Произошло засилье формализма и бюрократии в школах	53,9	21,5	24,6
Усилились проявления коррупции в учебных учреждениях	7,6	56,9	35,5

Результаты образовательной реформы учителя оценили как с положительной, так и с отрицательной стороны. Они считают, что благодаря реформам образование стало более доступным, современным, качественным и не все услуги в сфере образования перешли на коммерческую основу. Также следует отметить, что, с одной стороны, введение системы ЕГЭ открыло дорогу в вузы всем хорошо подготовленным абитуриентам, независимо от дохода и территории проживания, но с другой стороны, эта система существенно снизила ценностную составляющую полноценного образования.

Показательно, что, по мнению учителей, что в новом образовательном пространстве уровень коррупции существенно снизился, но пока еще не изжил себя окончательно.

Главным минусом реформирования, по мнению педагогов, является разрушение лучших традиций отечественного образования и высокий уровень бюрократизации и формализма.

Стоит обратить внимание на личное мнение учителей о проводимой реформе: низкий уровень заработной платы (об этом говорили практически все учителя); плохая ресурсная и техническая база, плохое социальное обеспечение; с каждым годом увеличивается количество ненужных отчетов, мониторингов, проверок, за отчетами не видим детей, обилие ненужной документации, много времени проводим на работе.

Проведенное нами исследование показало, что отношение к реформе образования педагогов-практиков довольно противоречиво. Ими выявлены как положительные, так и отрицательные ее стороны. Благодаря реформе образование стало более современным, качественным и доступным. Но отношение к ЕГЭ все еще неоднозначное. Так, с одной стороны, увеличился шанс на попадание в вузы талантливых детей из провинции и небогатых семей, но с другой – эта система направлена не на получение знаний, а на натаскивание школьников по отдельным предметам для получения нужного количества баллов.

Кроме того, большинство учителей выражают определенный пессимизм в отношении практики реализации реформы. Так, традиционная система образования, по их мнению, почти разрушена, а новая так и не построена. В ходе реформы на учи-

телей обрушилась лавина бюрократической работы: количество отчетных форм не оставляет времени для эффективной подготовки к уроку, не говоря уже о творческом подходе к образовательному процессу.

На наш взгляд, очень важно, чтобы подобный мониторинг носил систематический, планомерный характер, только в этом случае можно говорить о реальной картине в системе образования в ее практическом реформировании.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020). URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-29122012-n-273-fz-ob/glava-1/statia-2>
2. Городецкая Е.Г. Аналитический отчет о психолого-педагогической атмосфере в учебных заведениях: научный отчет КФ ФНИСЦ РАН (ноябрь 2017 г.). Симферополь, 2017. 34 с.

Информация об авторе

Городецкая Елена Георгиевна (Россия, г. Симферополь) – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского центра РАН (295021, Российская Федерация, г. Симферополь, ул. Имени газеты «Крымская правда», д. 4; e-mail: socio.evpatoria@mail.ru).

Gorodetskaya E.G.

ASSESSMENT BY TEACHERS OF THE EDUCATIONAL SYSTEM (SOCIOLOGICAL ASPECT)

Abstract. *Based on the materials of a study conducted in Crimea, the article highlights the level of teachers' satisfaction with their work in educational institutions in the city of Evpatoria. Identified positive and negative aspects in the education system, which affect the level and quality of teachers' work in the learning process. The attitude of teachers to the system of school reform is analyzed.*

Key words: *education, reform, teacher, school, knowledge, sociological research.*

Information about the Author

Elena G. Gorodetskaya (Simferopol, Crimea, Russian Federation) - Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 295021, Simferopol, st. Named after the newspaper Krymskaya Pravda, 4, E-mail: socio.evpatoria@mail.ru

References

1. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 31.07.2020) Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2020). URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-29122012-n-273-fz-ob/glava-1/statia-2>
2. Gorodetskaya E.G. Analiticheskij otchet o psihologo-pedagogicheskoy atmosfere v uchebnyh zavedenijah: nauchnyj otchet KF FNISC RAN (nojabr' 2017 g.). Simferopol', 2017. 34 p.

КОНВЕРТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛОВ¹

Аннотация. Нематериальные формы капитала взаимосвязаны в рамках совокупного капитала и способны к конвертации. Человеческий капитал, выраженный в уровне образования, рассматривается в качестве фактора влияния на процесс формирования капитала социального. Человеческий и социальный капиталы способствуют взаимному накоплению.

Ключевые слова: социальный капитал, человеческий капитал, инвестиции, образование, ресурсы.

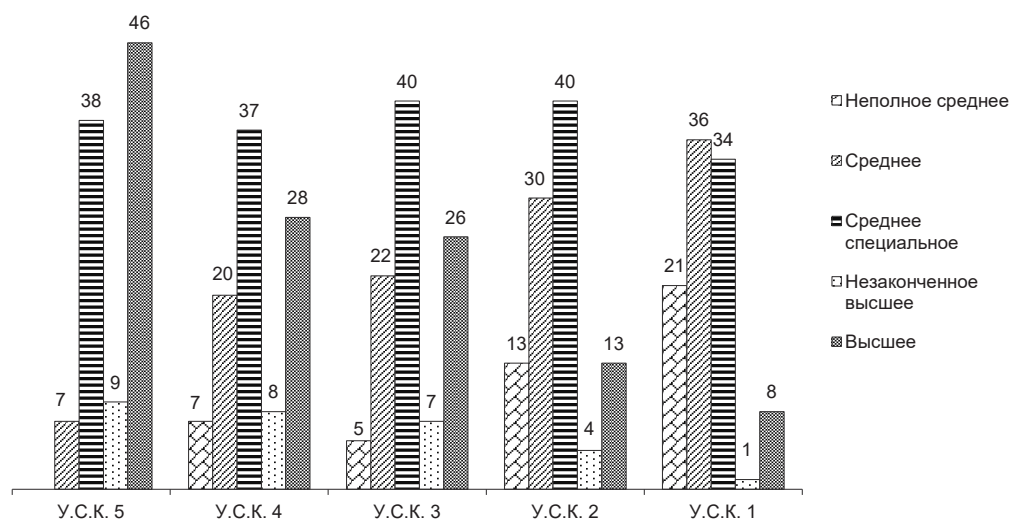
В современной науке в структуре совокупного капитала выделяют различные формы. С середины прошлого столетия, когда был обнаружен человеческий капитал, начинается активное обращение к нематериальным формам. Традиция именовать все значимые ресурсы капиталом сформировалась еще в девятнадцатом столетии. О человеческом капитале заговорили в середине прошлого столетия (Г. Бэккер, Т. Шульц). Данное понятие применили к характеристике тех ресурсов, которыми человек обладает от природы (здоровье, способности), и к тем, что он приобретает в течение жизни (образование, компетенции, опыт). Это означало возрождение интереса к работнику, признание его значимости. Человека начинают трактовать как базовый экономический ресурс. Этот подход наблюдается как в экономической, так и в социологической науке. Современные экономисты рассматривают человеческий капитал как специфическую форму капитала, воплощенную в человеке [2]. Но этим тенденция к выявлению значимых ресурсов развития не ограничилась. Стали выделять новые и новые формы капитала: культурный, интеллектуальный, социальный и т.д. С расширением видов капитала в человеческий капитал в узком смысле слова стали включать прежде всего физические характеристики и знания, а также умения их применить.

Теория человеческого капитала стимулировала поиск человеческих ресурсов. Но у ресурсного потенциала человека есть социальные характеристики. Он включен в систему общественных отношений, которые структурированы в институциональной среде, будь то семья или образование, экономика или государство. Во всех этих сферах человек, опираясь на свои характеристики интеллектуальные, культурные, физические, выстраивает систему отношений, создает такую форму связей, которую в науке обозначили как социальный капитал. П. Бурдье представил его как совокупность имеющихся или потенциальных ресурсов [4]. Ф. Фукуяма утверждает, что, будучи существами социальными, люди стремятся создавать упорядоченное и структурированное через моральные и правовые нормы гражданское общество [3]. Главное же свойство людей, по мнению Фукуямы, которое реализуется через гражданское общество, – это способность к самоорганизации. Именно в этой способности и проявляется себя социальный капитал.

В рамках самоорганизации происходит выработка норм сотрудничества и взаимодействия, формируется доверие. В нашем исследовании такой формы нематериального капитала, как капитал социальный, мы опираемся на данные опроса общественного мнения, проведенного специалистами ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в 2019 г. Было опрошено 1900 человек, выборка квотированная по полу и воз-

¹ Текст подготовлен при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00326\20 ««Социальный капитал и коллективные действия в российском обществе»».

расту. Репрезентативность выборки обеспечивается ее соответствием половозрастной структуре населения и его территориальному распределению. По полученным данным доля респондентов, готовых и скорее готовых объединяться для совместных действий, составляет в регионе 43%. Этот факт можно рассматривать как предпосылку для формирования социального капитала. Формируется она в ходе создания человеческого капитала, в процессе социализации и получения образования. Как показали исследования, существуют очевидные корреляции в данных, характеризующих уровень образования и уровень накопленного социального капитала. Респонденты с более высоким уровнем образования демонстрируют и более высокий уровень накопления капитала социального. Оценка последнего проводилась на основе разработанной учеными ВолНИЦ РАН при участии автора методике расчета индекса социального капитала [1]. Методика позволяет с использованием индексного метода не только рассчитать индекс социального капитала каждого респондента (расчет идет по более чем 40 показателям), но и сгруппировать его носителей по уровню накопления (рисунок).

Распределение респондентов по индексу социального капитала и имеющемуся уровню образования

Данные исследования так же показывают, что среди обладателей более высокого уровня социального капитала готовность к объединению значительно выше (таблица).

Распределение ответов респондентов на вопрос «Есть люди, которые готовы объединяться для совместных действий. К каким бы Вы отнесли себя?», % от числа ответивших в зависимости от принадлежности к группе носителей социального капитала

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Конечно, я с теми, кто готов(а) объединяться	2	4	12	26	39
Скорее я готов(а) объединяться	4	13	33	45	49
Скорее я не готов(а) объединяться	23	30	19	7	2
Я категорически не готов(а) объединяться	49	17	5	1	1
Затрудняюсь ответить	22	36	31	21	9

Те респонденты, кто оказался в группе с низким уровнем социального капитала, демонстрируют минимальную готовность к объединению. Различия между первой

группой с минимальным индексом социального капитала и пятой с его максимальным индексом по признаку готовности к объединению весьма существенны.

Выявленная корреляционная связь указывает на влияние накопленного человеческого капитала на готовность к самоорганизации. По нашему убеждению, можно рассматривать имеющийся человеческий капитал, выраженный в уровне образования, в качестве фактора влияния на процесс формирования капитала социального. Определенная взаимосвязь социального и человеческого капитала, выявленная в ходе анализа эмпирических данных, служит подтверждением идеи П. Бурдьё о конвертации различных форм капитала. Возможность конвертации позволяет через стимулирование индивидов на получение образования способствовать росту социального капитала в региональном сообществе, что в свою очередь является фактором его устойчивого развития. Полученные данные в полной мере могут быть использованы при разработке управленческих решений.

Литература

1. Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография // под ред. Т.А. Гужавиной. Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с.
2. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.
3. Fukuyama F. The Great Rupture. M: AST: AST MOSCOW, 2004. 575 p.
4. Bourdieu P. The forms of capital/ Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y., 2001. P. 241–258.

Информация об авторе

Гужавина Татьяна Анатольевна (Россия, г. Вологда) – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru).

Guzhavina T.A.

SOCIAL CAPITAL AS AN INVESTMENT COMPONENT OF HUMAN CAPITAL

Abstract. *Intangible forms of capital are interconnected within the aggregate capital and are capable of conversion. Human capital, expressed in the level of education as a factor of influence on the process of social capital formation. Human and social capital fosters mutual accumulation.*

Key words: *social capital, human capital, investment, education, resources.*

Information about the Author

Tatyana A. Guzhavina (Vologda, Russia) – Ph. D. in Philology, associate Professor, leading researcher (56a, Gorkogo str., Vologda, Russia; e-mail: tanja_gta@mail.ru).

References

1. Regional social capital in a crisis: a monograph / ed. Guzhavina T.A. Cherepovets. state un-t. Cherepovets: ChGU, 2018. 220 p.
2. Ustinova K.A., Gubanova E.S., Leonidova G.V. Human capital in an innovative economy. Monograph. Vologda: ISERT RAN, 2015. 195 p.
3. Fukuyama F. The Great Rupture. M: AST: AST MOSCOW, 2004. 575 p.
4. Bourdieu P. The forms of capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y., 2001. P. 241–258.

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБРАЗА ЖИЗНИ ШКОЛЬНОГО ПЕДАГОГА

Аннотация. В статье представлены данные, отражающие динамику некоторых аспектов образа жизни школьных учителей Воронежской области за 2014–2020 годы. Авторы показывают изменения оценок социального и материального благополучия, структуры и содержания свободного времени, перспектив на будущее.

Ключевые слова: учитель, образ жизни, социальное положение, удовлетворенность, свободное время.

Модернизация школьного образования привела к изменению условий и содержания труда российских педагогов. Растет административная нагрузка на учителей, внедряются новые принципы и формы обучения, усиливается государственный контроль, что сказывается на образе жизни и самочувствии педагогов. Отражая наиболее важные человеческие результаты инноваций в экономической, социальной, политической и духовной сферах, включая в себя систему критериальных показателей социального развития (уровень, качество жизни, социальное благополучие и социальное самочувствие), проблематика образа жизни содержит основные противоречия и альтернативы общественного развития. Актуальность такого знания в нынешней чрезвычайно сложной, противоречивой и динамичной ситуации трудно переоценить [1, с. 18].

Лабораторией социологических исследований кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета были проведены сравнительные исследования по данной проблематике в 2014 г. и в начале 2020 г. В выборке (1293 чел.) представлены типы общеобразовательных учебных заведений среднего образования: общеобразовательные школы, гимназии и школы с углубленным изучением отдельных предметов. Эти типы учебных заведений взяты во всех районах города и области. Целью исследования явилось изучение особенностей образа жизни современного учителя, анализируемого самими учителями с помощью оценок всех сторон жизнедеятельности учителя.

В число задач исследования входило также проследить:

Изменения в трудовой и социокультурной мотивации, интересов и предпочтений учителей.

Изменения в социально-трудовых отношениях.

Изменения в структуре и содержании свободного времени.

Начнем с мнений педагогов воронежских школ о главных задачах учителя. По данным исследований 2014–2020 годов, значительно выросла доля сторонников комплексного подхода к характеристике деятельности педагога – давать знания, воспитывать и формировать личность ученика (с 60 до 80%) и сократилась значимость отдельных направлений деятельности учителя.

Какие же качества личности современного педагога отмечают респонденты? Это глубокое знание своего предмета, высокий культурный уровень и эрудиция, гуманизм, толерантность, искусство обучения и воспитания. За указанный период все качества педагога поднялись «в цене», кроме гуманизма и высокого уровня эрудиции. Особенно повысилось требование к глубоким знаниям своего предмета (с 67 до 88%).

Авторитет учителя – это важнейшее качество личности педагога, мощный инструмент косвенного воздействия на ученика. Снижение авторитетности педагога лишает школу статуса уважаемого социального института. Каков сегодня авторитет современного педагога? Самый распространенный ответ: учитель имеет недостаточное влияние, ученики воспринимают авторитет учителя как нечто необязательное, причем встречаемость такого ответа возрастает с 51 до 59% за время мониторинга. При этом настораживает, что каждый десятый не отметил вообще никакого влияния.

Общим мерилom благополучия социального положения учителей является их удовлетворенность выполняемой работой, которая синтезирует в себе материальное положение, воздействие негативных и позитивных факторов, опыт и др. Эта удовлетворенность работой измерялась при помощи индексов (с возможной вариацией от +1,0, что означало высшую степень удовлетворенности, до -1,0 - наименьшая степень удовлетворенности). Рассмотрим эти показатели ниже (табл. 1).

Таблица 1. Динамика удовлетворенности учителей своей работой и основными элементами трудовой ситуации, в индексах

Насколько Вы удовлетворены...	2014	2020
Своей работой	0,51	0,34
Отношениями с учениками	0,56	0,66
Отношениями с коллегами	0,42	0,70
Отношениями с родителями	0,19	0,49
Возможностью профессионального роста	0,31	0,48
Отношением учеников к процессу обучения	0,51	-0,13
Заработной платой	0,34	-0,32
Оценкой социальной значимости труда	-0,20	-0,23

Наблюдается снижение общей удовлетворенности работой. Улучшаются отношения с коллегами и родителями учеников. Происходит снижение удовлетворенности отношением учеников к процессу обучения, а также удовлетворенности зарплатой и оценкой социальной значимости педагогического труда. При этом более чем у половины опрошенных существенных изменений в оплате труда не произошло, несмотря на то, что они предполагались. Эффект стимулирующей части заметили только около 8% учителей. Декларируемое с высоких трибун увеличение оплаты труда учителей во многом так и не оправдало их ожидания (особенно молодежи), изменение характеристик профессиональной деятельности спровоцировало нивелирование ее педагогической составляющей. Соответственно возникает мысль о необходимости повышения социального статуса учителя и престижа его профессии. Какие меры для этого предлагают сами педагоги?

Повышение заработной платы стоит на первом месте (92%), далее – расширение спектра предоставляемых государством социальных услуг (57%) и дополнительные льготы для учителей, вышедших на пенсию (47%). Причем все это обрело значительно большее число сторонников, чем в предыдущие годы.

К самым распространенным способам повышения заработка, которые зависят от самого учителя, респонденты относят: рост заработной платы через увеличение учебной нагрузки, более активное включение в работу, профессиональный и карьерный рост, неформальные приработки, не связанные с основной профессиональной деятельностью, репетиторство и иные платные образовательные услуги.

Характер микросреды и структура свободного времени также претерпевает определенные изменения (таблица 2).

Таблица 2. Как часто Вам удается ..., %

Вариант ответа	2014	2020
Посмотреть спектакль в театре	3,9	3,9
Увидеть новый фильм в кинотеатре	6,1	8,0
Послушать концерт в филармонии	3,5	1,5
Посетить выставку, музей	6,1	4,7
Прочитать книгу современного автора или перечитать старое произведение	28,6	32,0
Проводить выходной день на природе, на даче	29,1	37,3
Встречаться с друзьями	22,2	18,6
Проводить время с детьми или внуками	44,2	41,1
Навещать родственников	28,7	21,9
Заниматься в тренажерном зале, плавать в бассейне, бегать или совершать пешие прогулки	9,0	10,4
Смотреть телевизионные программы или слушать радиопередачи	43,0	36,0
В свободное время дополнительно работать	29,6	52,1

Обращает на себя внимание тот факт, что самые большие изменения в структуре и содержании свободного времени связаны с дополнительной работой в свободное время. За истекшие 6 лет число педагогов, подрабатывающих в свободное от работы время, возросло почти вдвое. Больше всего заняты дополнительной работой учителя в возрасте 30–39 лет и 40–49 лет (каждый третий респондент). Чаще всего педагоги занимаются репетиторством, берут дополнительную нагрузку в своей школе или других учебных заведениях.

Особое значение имеет проблема оценки перспектив на будущее. Действительно, стабильность социального устройства предполагает формирование у людей определенной доли уверенности в завтрашнем дне. С каким настроением смотрят педагоги в будущее? Настроения тревоги и неуверенности остаются на прежнем уровне (приблизительно 40%), а вот число тех, кто смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом несколько выросло за эти 6 лет за счет уменьшения числа тех, кого отличает спокойное, без особых тревог и иллюзий отношение к будущему.

При этом следует подчеркнуть, что с увеличением стажа работы и ростом квалификационной категории оптимизм оценок снижается.

Хочется надеяться, что приведенные в статье данные, а также более обширная социологическая информация, полученная в ходе исследования, будет учитываться при принятии управленческих решений в сфере образования как на региональном, так и общероссийском уровне.

Литература

1. Возьмитель А.А. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. 2017. № 4. Т. 8. С. 12–32.

Информация об авторах

Довейко Александр Борисович (Россия, г. Воронеж) – кандидат социологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: office@main.vsu.ru).

Стеценко Анатолий Иванович (Россия, Воронеж) – кандидат социологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (394018, Российская Федерация, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; e-mail: office@main.vsu.ru).

Doveiko A.B., Stetsenko A.I.

SCHOOL TEACHER LIFESTYLE DYNAMICS

Abstract. *The article presents data reflecting the dynamics of some aspects of the lifestyle of school teachers in the Voronezh region for 2014 - 2020. The authors show changes in assessments of social and material well-being, structure and content of free time, prospects for the future.*

Key words: *teacher, lifestyle, social status, satisfaction, free time.*

Information about the Authors

Doveiko Alexander Borisovich (Russia, Voronezh) – Ph.D. Sci., Associate Professor, Voronezh State University (394018, Voronezh, University Square, 1.office@main.vsu.ru).

Stetsenko Anatoly Ivanovich (Russia, Voronezh) – Ph.D. Sci., Associate Professor, Voronezh State University (394018, Voronezh, University Square, 1.office@main.vsu.ru).

References

1. Vozmitel A.A. Conceptual foundations of sociology of lifestyle. Bulletin of the Institute of Sociology. No. 4. vol. 8. 2017. S. 12–32.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКИМ РАЗВИТИЕМ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Аннотация. Преобладающий в настоящее время подход к решению текущих задач социально-экономического развития сельских районов, основанный главным образом на отраслевой аграрной политике, с социальной точки зрения оказался малоэффективным. В стратегическом же аспекте более правильным является комплексный подход, когда сельское развитие рассматривается как процесс совершенствования жизнедеятельности людей, непосредственно связанных с использованием земельных и других биологических ресурсов.

Ключевые слова: сельские территории, стратегия развития, проблемы развития, целевые ориентиры, приоритеты реализации стратегии, Республика Коми.

Северное село переживает затяжной кризис, проявлениями которого являются: неполная реализация материально-ресурсного и трудового потенциала; низкий уровень инвестиций в инфраструктуру и в отрасли сельской экономики; малая плотность и уровень сельского населения, обезлюдивание сельских территорий; значительная дифференциация в доходах и качестве жизни сельского населения; неразвитость и деградация объектов сельской инфраструктуры; прекращение за годы рыночных реформ строительства сельских дорог; ограниченный доступ сельских жителей к рынкам продукции, материально-технических, финансовых и информационных ресурсов; недостаточный уровень и нестабильность финансирования программ развития сельских территорий; ведомственная разобщенность в управлении сельскими территориями; слабость местного самоуправления и недостаточная финансовая обеспеченность низовых муниципальных образований. В качестве эффективного способа устойчивого сельского развития выступает долгосрочное, стратегическое управление.

Стратегия развития сельских территорий представляет собой процесс обоснования и выбора долгосрочных приоритетов, целей и задач, направлений и механизмов, обеспечивающих эффективное использование потенциала, повышение конкурентоспособности организаций сельской экономики, их адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды.

В основе подхода к разработке и реализации стратегического управления сельским развитием должны быть следующие положения:

- правовое и организационное обеспечение Стратегии;
- определение источников и порядка финансирования мероприятий;
- организация сотрудничества между государственными структурами и местным самоуправлением в разработке Стратегии;
- участие субъектов сельской экономики, граждан, общественных организаций, экспертов и научного сообщества в разработке Стратегии;
- осуществление мониторинга за реализацией Стратегии.

Комплексное развитие сельских территорий включает разработку отраслевых и социально-территориальных стратегий и программ. В отраслевых документах речь идет о производстве и реализации продукции, в социально-территориальных – о доступности сельского населения к рациональному использованию биологических ресурсов, оптимизации систем расселения населения, сохранению природной среды.

На основе тенденций развития аграрного сектора, его проблем и рисков, анализа внешней и внутренней среды разработана Стратегия развития сельского хозяйства Республики Коми на ближайшие 10 лет. Основными стратегическими целями отрасли являются: обеспечение устойчивых темпов роста производства аграрной продукции; полное самообеспечение населения картофелем и овощами открытого грунта местного ассортимента (кроме ранней продукции), существенное повышение самообеспеченности мясными и молочными продуктами и яйцом; приближение уровня и качества жизни крестьян к городскому населению.

Ожидаемые результаты реализации пессимистического, базового и оптимистического сценариев на период до 2030 г. в сравнении с текущим состоянием охарактеризованы в таблице.

**Среднегодовые темпы прироста целевых показателей
при разных сценариях развития сельского хозяйства Республики Коми, %**

Показатель	2014–2018 гг.	Пессимистический		Базовый		Оптимистический	
		2021–2025 гг.	2026–2030 гг.	2021–2025 гг.	2026–2030 гг.	2021–2025 гг.	2026–2030 гг.
Инвестиции в основной капитал (в сопоставимых ценах)	1	1	1	1,5	2	4	6
Валовая продукция (в сопоставимых ценах)	0,1	0,1	0,2	0,5	1,2	2,5	3,2
Картофель	-2,7	0	0,1	0,7	1,1	2,0	2,1
Овощи	-0,6	0,1	0,3	0,6	0,9	2,1	2,3
Мясо (уб. вес)	1,4	0,5	0,7	0,8	1,2	2,6	3,4
Молоко	1,9	0,6	0,8	1,5	2,0	2,4	2,8
Яйцо	2,3	1,0	1,0	1,0	1,5	2,0	2,5
Отношение заработной платы в сельском хозяйстве к средней по экономике республики	59	60	62	64	66	78	80

Наиболее приемлемым является оптимистический сценарий для развития аграрной отрасли. Этот вариант основан на использовании инноваций, активной протекционистской политике государства, формировании многофункционального хозяйства на селе, эффективных инструментов и механизмов стратегического развития, привлечении в отрасль квалифицированных кадров, совершенствовании размещения, специализации, кооперации и интеграции в агропродовольственном секторе, развитии всех видов сельской инфраструктуры, существенном улучшении социально-бытовых условий, качества и уровня жизни крестьян.

Устойчивое развитие сельских территорий Республики Коми предполагает улучшение условий жизни населения, поиск оптимальных вариантов сочетания крупного, среднего и малого предпринимательства, повышение роли государства и дифференциацию инструментов и механизмов в сельском развитии, диверсификацию сельской экономики и развитие несельскохозяйственных видов деятельности.

Стратегические цели и задачи достигаются с помощью правового, организационного и финансовых механизмов. Правовой механизм предусматривает подготовку Министерством экономического развития и Министерством сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми предложений по совершенствованию,

изменению и разработке новых нормативно-правовых документов. В результате будет создан действующий правовой механизм реализации Стратегии.

Организационный механизм обеспечивает методическую, консультационную и информационную поддержку, реализацию и мониторинг Стратегии, связь концепций, государственных программ социально-экономического развития сельских территорий и аграрного сектора в рамках стратегического управления отраслью. Госорганы республики осуществляют индикативное планирование производства и закупок сельхозпродукции, принимают решение об организации оптовых и розничных рынков, лизинговых и страховых компаний, различных кооперативов, осуществляют госзакупки, залоговые операции, закупочные и товарные интервенции, устанавливают регулируемые цены. Важным направлением организационного механизма является отбор, господдержка и реализация социально значимых инвестиционных и инфраструктурных проектов.

Достижение целевых стратегических показателей будет возможным при финансовом обеспечении реализации Стратегии. В качестве основных финансовых инструментов реализации Стратегии устойчивого социально-экономического развития аграрного сектора выступают: финансовые средства республиканского и федерального бюджетов; укрепление и участие муниципальных бюджетов в господдержке реализации Стратегии; целевое софинансирование государственных программ сельского развития, приоритетных инвестиционных проектов за счет средств федерального бюджета; финансовые ресурсы промышленных предприятий региона; собственные средства агропродовольственных субъектов хозяйствования; доступные льготные кредиты банков. Активное участие в реализации социально значимых инвестиционных проектов отводится государственно-частному партнерству.

Информация об авторе

Иванов Валентин Александрович (Россия, г. Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru).

Ivanov V.A.

STRATEGIC MANAGEMENT OF RURAL DEVELOPMENT IN THE NORTHERN REGION

Abstract. *The prevailing approach to solving current problems of socio-economic development of rural areas, based mainly on sectoral agricultural policy, has proved to be ineffective from a social point of view. From a strategic point of view, an integrated approach is more appropriate, when rural development is considered as a process of improving the life of people directly related to the use of land and other biological resources.*

Key words: *rural territories, development strategy, development problems, targets, priorities for strategy implementation, Komi Republic.*

Information about the Author

Valentin A. Ivanov – Doctor of Economics, professor, Institute of social and economic and power problems of the North of Komi of scientific center of the Ural office of RAS, laboratory of economy of environmental management, the chief researcher (167982, Russia, Syktывkar, GSP-2, Kommunisticheskaya St., 26, ivanova@iespn.komisc.ru).

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СУБЪЕКТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПО КАЧЕСТВУ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ¹

Аннотация. Исследование посвящено анализу качества трудовой жизни в субъектах Северо-Западного федерального округа. Проведена типологизация субъектов СЗФО по индексу КТЖ.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, занятость, безработица, материальное благосостояние, индексный метод.

Активный интерес исследователей к проблемам качества трудовой жизни, наблюдаемый в экономике, социологии и других областях, сталкивается с серией методологических и методических проблем. Наряду с проблемой определения понятия «качество трудовой жизни» не менее актуальным остается вопрос его измерения [1]. Затруднения в оценке качества трудовой жизни возникают по большей части из-за отсутствия строго определенных в научном отношении методов его измерения. Цель данного исследования состоит в оценке качества трудовой жизни на основе индексного метода, позволяющего соизмерить различные характеристики качества трудовой жизни путем приведения их в сопоставимый вид. Динамика индекса качества трудовой жизни представлена в таблице 1.

Таблица 1. Динамика индекса объективного качества трудовой жизни в субъектах СЗФО в 2005–2018 гг.

Год	Российская Федерация	Республика Карелия	Республика Коми	Архангельская область	Вологодская область	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Новгородская область	Псковская область	г. Санкт-Петербург
2005	0,432	0,183	0,349	0,210	0,293	0,395	0,370	0,264	0,378	0,257	0,684
2010	0,599	0,329	0,502	0,372	0,373	0,482	0,530	0,468	0,554	0,446	0,833
2015	0,614	0,329	0,540	0,359	0,398	0,505	0,520	0,434	0,460	0,401	0,746
2018	0,658	0,385	0,574	0,441	0,446	0,503	0,519	0,467	0,441	0,468	0,749

Источник: составлено автором.

На основе проведенных расчетов мы распределили субъекты Северо-Западного федерального округа в 4 группы, отметив изменения индекса качества трудовой жизни регионов СЗФО в динамике (табл. 2).

Таблица 2. Типологизация регионов СЗФО по индексу объективного качества трудовой жизни в 2005–2018 гг.

Группа	КТЖ в регионе	Место	Регион	Место	Регион
		2005 г.		2018 г.	
Группа I	Высокое	1	г. Санкт-Петербург	1	г. Санкт-Петербург
Группа II	Выше среднего	2	Калининградская область	2	Республика Коми
		3	Новгородская область		

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90047.

Группа	КТЖ в регионе	Место	Регион	Место	Регион
		2005 г.		2018 г.	
Группа III	Среднее	4	Ленинградская область	3	Ленинградская область
				4	Калининградская область
		5	Республика Коми	5	Псковская область
		6	Вологодская область	6	Мурманская область
Группа IV	Низкое	7	Мурманская область	7	Вологодская область
		8	Псковская область	8	Новгородская область
		9	Архангельская область	9	Архангельская область
		10	Республика Карелия	10	Республика Карелия
Источник: составлено автором.					

В 2005–2018 гг. в группу с высоким качеством трудовой жизни входил только г. Санкт-Петербург, индекс КТЖ которого в 2005 году превышал среднее значение по РФ на 58%, в 2018 году – на 13%, что объясняется постепенным сглаживанием дифференциации уровня КТЖ в регионах. Превосходство г. Санкт-Петербург по уровню КТЖ объясняется высокими показателями стабильности рабочего места и материального благосостояния работающих. В результате реализации городской государственной программы «Содействие занятости населения в Санкт-Петербурге на 2015-2020 годы» в 2018 году уровень зарегистрированной безработицы в г. Санкт-Петербург был на 44% ниже уровня по РФ и составил 0,4%. Так, в 2005 году заработная плата превышала прожиточный минимум в 2,7 раза, к 2018 году – уже в 4,9 раза. В исследуемый период в регионе также наблюдалось стабильное улучшение показателей, характеризующих условия и безопасность труда: только расходы на мероприятия по охране труда выросли в 5 раз.

В группе с уровнем КТЖ выше среднего за период 2005–2018 гг. произошли значительные изменения. К 2018 году представителем данной группы выступала лишь Республика Коми, индекс объективного качества трудовой жизни которой увеличился в 1,6 раза. Этому повышению способствовало снижение уровня зарегистрированной безработицы в 2 раза – с 3% в 2005 г. до 1,5% в 2018 году. Такая тенденция показывает эффективность консультационной и информационной работы в Республике Коми для граждан и работодателей по всему спектру вопросов, связанных с защитой от безработицы. Росту индекса КТЖ способствовало улучшение материального благосостояния граждан. Если в 2005 году номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников организаций обеспечивала 2,8 размера прожиточного минимума трудоспособного населения, то к 2018 году это соотношение возросло до 3,6 раза.

Далее перейдем к рассмотрению особенностей группы качества трудовой жизни. На протяжении изучаемого периода к регионам со средним уровнем относились Ленинградская и Калининградская области. В данных регионах отмечено повышение индекса стабильности рабочего места на 23 и 15% соответственно за счет снижения уровня зарегистрированной безработицы и напряженности на рынке труда. Так, в Ленинградской области уровень зарегистрированной безработицы сократился до 0,3% к 2018 году, в Калининградской – до 0,7%, что значительно ниже уровня зарегистрированной безработицы в целом по РФ. Улучшилось и материальное благосостояние граждан данных регионов: в Ленинградской области в 2018 году номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников организаций обеспечи-

вала 3,9 размера прожиточного минимума трудоспособного населения (в 2005 году – 2,85), в Калининградской – 2,85 (в 2005 году – 1,92).

В группе регионов со средним уровнем качества трудовой жизни особенно выделяются Псковская и Мурманская области. За исследуемый период в данных регионах ситуация на рынке труда стабилизировалась, численность безработных сократилась до среднероссийского уровня: в Псковской области снизилась с 3,1% в 2005 году до 0,8% в 2018 году, в Мурманской области – с 3,8% в 2005 году до 1,6% в 2018 году.

Удельный вес четвертой группы регионов с низким уровнем качества трудовой жизни за период 2005–2018 гг. носил довольно устойчивый характер. Средние значения индекса КТЖ в Архангельской области были ниже значений по РФ в 2 раза, в Республике Карелии – в 2,3 раза. Уровень безработицы в Республике Карелии снизился с 3,8% в 2005 году до 1,9% в 2018 году, что на данный момент является самым высоким значением среди субъектов СЗФО. Наиболее перспективными направлениями региональной социальной политики в сфере занятости являются ориентация на программы переобучения безработных востребованным производственной сферой региона профессиям.

Вологодская область к 2018 году вошла в группу с низким уровнем КТЖ, переместившись с 6 на 7 место. При этом индекс КТЖ у области за период повысился, но в меньшей мере, чем у других регионов, этим и объясняется падение в рейтинге. Отмечена негативная тенденция снижения численности выпускников со средним и высшим образованием (с 110,4 чел. в 2005 году до 69,1 чел. в расчете на 10000 населения в 2018 году), что объясняется образовательной миграцией в крупные города. Несмотря на то, что в Вологодской области есть хорошие условия для получения качественного профессионального образования, почти половина выпускников школ 2018 года (49%), согласно данным Вологодского института развития образования, намереваются продолжить образование за пределами региона.

При разработке мероприятий по повышению качества трудовой жизни занятого населения необходимо выделение территориальных блоков, учитывающих особенности развития регионов СЗФО [2]. Таким образом, проведенный комплексный анализ позволяет выявить региональные особенности качества трудовой жизни и определить стратегические направления повышения КТЖ занятого населения субъектов СЗФО.

Литература

1. Ивановская В.Ю., Ивановская А.Л. Качество трудовой жизни как фактор обеспечения экономического роста // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 3 (1). С. 103–106.
2. Белехова Г.В. Удовлетворенность компонентами трудовой жизни в разрезе социально-демографических характеристик // Социально-гуманитарные технологии. 2019. № 3 (11). С. 9–16.

Информация об авторе

Ивановская Алена Леонидовна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lelia-iv@mail.ru).

TYPOLOGIZATION OF REGIONS OF THE NORTHWEST FEDERAL DISTRICT BY THE QUALITY OF WORKING LIFE

Abstract. *The study is devoted to the analysis of the quality of working life in the regions of the Northwest Federal District. The regions of the Northwest Federal District were typologized according to the quality of working life index.*

Key words: *quality of working life, employment, unemployment, material wealth, index method.*

Information about the Author

Alena L. Ivanovskaya (Russia, Vologda) – junior researcher, Federal State Budgetary Institution of Sciences «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56A, Gorky Street, Vologda, Vologda Region, 160014. Russia; lelia-iv@mail.ru).

References

1. Ivanovskaya V.Y., Ivanovskaya A.L. Kachestvo trudovoy zhizni kak faktor obespecheniya ekonomicheskogo rosta. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2019. vol. 1. no. 3 (1). pp. 103–106.
2. Belekhova G.V. Udovletvorennost' komponentami trudovoy zhizni v razreze sotsial'no-demograficheskikh kharakteristik. *Sotsial'no-gumanitarnyye tekhnologii*. 2019. no. 3 (11). pp. 9–16.

СТРАТЕГИЯ СУБЪЕКТА РФ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ: ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ¹

Аннотация. *Определены перспективные пути участия социально ориентированных некоммерческих организаций в процессах стратегического и проектного управления развитием территории – соисполнители мероприятий, экспертиза и общественное обсуждение, создание благоприятных условий.*

Ключевые слова: *некоммерческие организации, стратегия, региональные проекты, регион.*

Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) можно рассматривать в качестве одной из движущих сил развития территории.

В настоящее время развитие любого региона на перспективу связано с его стратегией и реализуемыми в рамках Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» региональными проектами. Цель статьи заключается в том, чтобы на основе анализа опыта Ханты-Мансийского автономного округа (одного из регионов-лидеров по развитию некоммерческого сектора) определить перспективные пути для участия СО НКО в процессах стратегического и проектного управления развитием территории.

Региональная стратегия в качестве одного из направлений задает развитие гражданского общества. Итогом этого процесса должно стать вовлечение «институтов гражданского общества в решение актуальных задач социально-экономического развития» [2] во взаимодействии с органами власти и бизнесом.

Помимо этого, стратегия предполагает участие НКО в принятии экологически важных решений, обеспечении возможностей жителей региона систематически заниматься физической культурой и спортом, формировании установок толерантного сознания и поведения.

На территории региона создан Общественный совет по реализации Стратегии [1], куда включены представители Общественной палаты субъекта, общественных советов при органах власти и местного самоуправления округа, СО НКО. Стоит отметить, что указанный совет также наделен полномочиями по проведению экспертизы региональных проектов и подготовке предложений по их реализации.

Отдельно стоит выделить участие СО НКО в реализации региональной составляющей национальных проектов.

По данным Общественной палаты Российской Федерации, «вовлечение структур гражданского общества в той или иной форме прямо предусмотрено лишь в 5 из 12 национальных проектов – «Демография», «Образование», «Жилье и городская среда», «Экология», «Культура». При этом фактически в 2018 году СО НКО принимали

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования».

участие в реализации 7 национальных проектов (в дополнение к указанным – «Здравоохранение» и «Наука»)) [4].

Обзор паспортов региональных проектов Ханты-Мансийского автономного округа позволяет выделить три пути участия СО НКО в их реализации:

1) участие в качестве соисполнителей (например, «Социальная активность», «Поддержка семей, имеющих детей» и другие). Указанные проекты содержат задачи по проведению конкурсных отборов среди СО НКО на предоставление субсидий, грантов или формированию благоприятных условий для осуществления ими уставной деятельности;

2) участие в роли экспертов или заинтересованной общественности (например, «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Учитель будущего», «Спорт – норма жизни» и другие).

Кроме того, в округе создаются НКО, чья деятельность направлена в том числе на решение задач, достигаемых в рамках национальных проектов. В качестве примера можно указать АНО «Центр по реализации национальных проектов инфраструктурного развития Югры», цель деятельности которой заключается в «содействии в реализации на территории автономного округа национальных проектов «Жилье и городская среда», «Экология» и «Безопасные и качественные автомобильные дороги»...» [3].

Подводя итоги, отметим, что в Ханты-Мансийском автономном округе на практике реализуются различные формы участия СО НКО в реализации мероприятий стратегии развития территории и региональных проектов. Формы участия при этом во многом определяются содержанием и отраслевой спецификой конкретных проектов, а также компетенциями некоммерческого сектора.

Литература

1. Об Общественном совете по реализации Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года при Губернаторе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24 декабря 2012 г. № 167. URL: <https://admhmao.ru>
2. О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года: Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22 марта 2013 г. № 101-рп. URL: <https://admhmao.ru>
3. Официальный сайт Департамента по управлению государственным имуществом Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. URL: <https://depgosim.admhmao.ru>
4. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере (специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации) / Общественная палата Российской Федерации; под ред. Е.А. Тополевой-Солдуновой [и др.]. М.: Современные информационные системы, 2019. 96 с.

Информация об авторе

Екатерина Игоревна Кайбичева (Россия, г. Екатеринбург) – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: catherine.kai@mail.ru).

REGIONAL STRATEGY AND REGIONAL PROJECTS: OPPORTUNITIES FOR SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS TO PARTICIPATE

Abstract. *ways of participation of socially oriented non-profit organizations in the processes of strategic and project management of the development of the territory are identified - co-executors of events, examination and public discussion, creation of favorable conditions.*

Key words: *Nonprofit organizations, strategy, regional projects, region.*

Information about the Author

Ekaterina I. Kaibicheva (Russia, Ekaterinburg) – candidate of Economic Sciences, Lecturer, Department of Regional – Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics (Russia, 620144, Ekaterinburg, 8 Marta / Narodnoj Voli St., 62/45; catherine.kai@mail.ru).

References

1. About the Public Council for the Implementation of the Strategy for Social and Economic Development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra until 2030 under the Governor of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. “ Resolution of the Governor of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra dated 12.24.2012 No. 167. URL: <https://admhmao.ru>
2. About the Strategy of socio-economic development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra until 2030. The order of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra dated 03.22.2013 No. 101-rp. URL: <https://admhmao.ru>
3. The official website of the Department of State Property Management of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug is Ugra. URL: <https://depgosim.admhmao.ru>
4. NPO participation in the provision of social services (Special Report of the Public Chamber of the Russian Federation) / Public Chamber of the Russian Federation; under. ed. E.A. Topoleva-Soldunova et al. M.: Modern Information Systems, 2019. 96 p.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РФ 2020 ГОДА

Аннотация. В статье анализируются отечественные научные публикации о поправках к Конституции 2020 г. Для работы было выделено два смысловых блока: анализ оценок процедуры принятия поправок, анализ оценок их содержания. Сделан вывод о том, что нейтральные суждения находятся в меньшинстве, эксперты фактически раскололись на сторонников и противников конституционных изменений.

Ключевые слова: Конституция, поправки к Конституции, оценка, голосование, организация публичной власти, социальная политика.

Существует мнение, что люди определяют будущее страны не на выборах, а когда подписывают и принимают основной закон страны, который будет действовать несколько десятилетий [1]. Поэтому инициированный президентом процесс внесения изменений в Конституцию стал важнейшим моментом в общественно-политической жизни в России в 2020 г. Целью настоящего исследования стал анализ того, как принятие поправок восприняло экспертное сообщество.

Дискуссия о необходимости конституционной реформы шла несколько лет [2]. Крайне критично о Конституции 1993 г. отзывались С.С. Сулакшин¹, О.Н. Гончар [3], Ю.Г. Ершов [4], А.А. Вилков [5]. Отмечались противоречивый характер содержания [5], механическое воспроизведение политико-правовых норм и институтов, сформированных многовековой историей западной цивилизации и совершенно не адаптированных к российской почве [4], несовпадение ценностей, декларируемых в Основном законе и распространенных в обществе [6, с. 407] и т.д.

Методы и материалы

Информационной базой исследований выступила научная литература по соответствующей тематике. Логика отбора материала для анализа состояла в следующем: из всего массива научной периодики были отобраны журналы по специальностям: социология, политические науки, юриспруденция, общественные науки в целом, междисциплинарные исследования, удовлетворяющие по крайней мере одному из перечисленных критериев: включенность в базы данных Web of Science, Scopus, ядро РИНЦ, перечень ВАК. Изучено содержание данных журналов за январь – сентябрь 2020 года и проанализированы публикации, касающиеся тематики исследования.

Для анализа было выделено два логических блока:

1. Анализ оценок процедуры принятия поправок (стадии рассмотрения, общенародное голосование).

2. Анализ оценок содержания поправок, проводившийся по 4 блокам, выделенным Д.Н. Нечаевым и О.В. Леоновой: ценностно-символический блок (ключевые ценности общества, включая традиционную семью, воспитание и социализацию); блок социальной политики (образование, медицина, социальные гарантии, экология и др.); организация публичной власти; национальная безопасность, суверенитет и вопросы внешней политики [7, с. 119].

¹ Сулакшин С.С. Конституция РФ: оставить нельзя изменить / Центр научной политической мысли и идеологии (центр Сулакшина). URL: <https://rusevik.ru/politika/10708-konstituciya-rf-ostavit-nelzya-izmenit.html> (дата обращения 21.09.2020).

Результаты исследования

При оценке конституционных изменений фактически произошел раскол на два противоборствующих лагеря. Одни оценивают реформу сугубо положительно, другие – в основном критикуют процедуру принятия поправок, так и их содержание. Тех, кто придерживается «нейтралитета», меньшинство (таблица). Поляризация мнений неудивительна, поскольку многие внесенные изменения являются концептуальными, затрагивающими каждого гражданина РФ.

Оценочные суждения экспертов

Положительные мнения	Нейтральные мнения	Отрицательные мнения
Д.Н. Нечаев, О.В. Леонова [7]	О.Н. Гончар [3]	А.А. Вилков [5]
М.А. Бочанов, А.Н. Балашов [8]	Букалова С.В., Меркулова К.Г. [15]	Семенова В.Г., Кузахметова Г.Д [17]
Е.С. Устинович, Д.Л. Цыбаков [9]	Кошель С.Г. [16]	Жуйков [18]
Григорян [10]		Е.С. Аничкин [19]
Марченко [11]		А. Пасс [1]
Евдокимов, Залойло [12]		Ершов Ю.Г. [4]
Шамахов [2]		Медушевский А.Н. [20]
Барциц [13]		
В. Иванов, Г. Казакова, А. Федотов [1]		
В.А. Ильин, М.В. Морев [14]		
Источник: составлено автором.		

Оценки процедуры принятия поправок

Эксперты – противники нововведений обращают внимание в первую очередь на неадекватную скорость и неконституционный механизм их обсуждения и принятия [4; 20]. Сторонники реформы отмечают такой положительный момент процесса обсуждения поправок, как консолидация общества в период неопределенности и тревоги по поводу распространения коронавирусной инфекции, изменения образа жизни в связи с карантинными мероприятиями [14, с. 15].

На момент проведения исследования практически отсутствовали публикации, посвященные анализу результатов голосования. Одним из немногочисленных примеров подобных исследований является работа вологодских ученых В.А. Ильина и М.В. Морева, в которой авторы трактуют итоги голосования как подтверждение кредита доверия, выданного обществом действующей системе государственного управления и лично главе государства в ходе предыдущих президентских выборов. В то же время, проведя углубленный анализ результатов голосования, авторы констатируют, что консолидировать общество вокруг данного события не удалось [14].

Оценка содержания поправок

Характеризуя содержание поправок в целом, критически настроенные к реформе исследователи обращают внимание на их «имитационный» характер, главная цель которых – конъюнктурные соображения федеральной власти [6], в частности, обеспечение возможности В.В. Путину остаться президентом еще на 12 лет после 2024 г., повысить снизившуюся легитимность политической системы, легитимизировать непопулярные реформы (пенсионную и т.д.) [1; 4; 5, с. 314]. Противоположная точка зрения – конституционные изменения назрели и соответствовали общественным ожиданиям [1], выражали насущную потребность большинства населения страны [11, с. 12], полностью соответствовали вызовам, предъявляемым системе государственного управления объективной реальностью посткоронавирусного периода [14].

Наиболее оживленные дискуссии в научной литературе вызвал такой блок поправок, как организация государственной власти, что связано с неоднозначностью многих вносимых изменений, их «недосказанностью» и т.д. Например, ряд исследователей считают, что данная часть поправок направлена на совершенствование системы публичной власти как по вертикали (уровни власти), так и по горизонтали (ветви власти) [11; 19]. Например, по мнению таких исследователей, как А.С. Кошель, Е.С. Аничкин, поправки к Конституции 2020 г. призваны расширить полномочия Государственной Думы и подконтрольности исполнительной власти высшему законодательному органу [16, с. 127; 19]. М.Н. Марченко считает, что политический смысл реформы заключается в переходе от постсоветской системы плебисцитарного авторитаризма к системе ограниченного плюрализма – создании новой конституционной формулы «демократии элит» [11].

С другой стороны, А.Н. Медушевский констатирует, что предложенные изменения не позволят достичь цели – совершенствования системы организации власти. Прерогативы президента по-прежнему явно перевешивают прерогативы парламента. С точки зрения разделения властей реформированная российская конструкция остается внутренне противоречивой и закладывает потенциально неразрешимый конфликт между парламентом и президентом [20, с. 58]. Ю.Г. Ершов и вовсе усматривает в данных поправках «разгром» принципа разделения властей и завершение процесса построения унитарного государства. Конституционная реформа (являющаяся, по сути, контрреформой) только превращает из де-факто в де-юре исключительное положение Президента РФ вне системы разделения властей, закрепляет его ничем не ограниченную власть самодержца [4]. В этой связи ряд исследователей высказывает мысль, что все поправки являются лишь «ширмой», прикрывающей решение главной задачи – обеспечить действующему президенту возможность еще дважды баллотироваться на данный пост и, соответственно, сохранить власть еще на 16 лет. В основе контраргументов сторонников В. Путина лежит оценка сложности сегодняшней внутри- и внешнеполитической ситуации, обостренной распространением коронавируса. В этих условиях смена политического лидера страны чревата высокими политическими и социально-экономическими рисками [5].

Относительно других блоков (ценностно-символического и блока социальной политики) наблюдается большее единодушие мнений: в основном исследователи одобряют данные поправки. Однако скептические суждения все же встречаются. Так, А.Н. Медушевский называет изменения, касающиеся принципа реализации социального государства, просто эффективным популистским шагом в условиях экономических трудностей [20, с. 56]. Д-р полит. наук А.А. Вилков делает вывод о том, что конституционные социальные преобразования не в полной соответствии с распространенным представлением о социальной справедливости и справедливом общественном устройстве [5, с. 316]. Норма о неисполнении международных договоров в случае их противоречия Конституции РФ по мнению некоторых авторов [4, с. 44; 18; 20, с. 56], создает риск политизации правосудия и ограничения права российских граждан на обращение, в частности, в Европейский суд по правам человека (особенно по политически значимым вопросам).

Можно резюмировать, что осмысление конституционных изменений, их влияния на общество, их соответствия общественным запросам только начи-

нается. Мы считаем, что ответ на эти вопросы может дать и социология, в том числе региональная.

Литература

1. Экспертный клуб Челябинска. Предложения президента по изменению Конституции Российской Федерации: причины, содержание поправок и их последствия // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 112–123.
2. Шамахов В.А. О Конституционной реформе и задачах управления // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 8–9. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-8-9
3. Гончар О. Н. Великий Русский Народ как национальная идея России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. № 2. С. 133–155. DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155
4. Ершов Ю.Г. К вопросу о поправках в Конституцию Российской Федерации – 2020 // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 41–49. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49
5. Вилков А.А. Социальная справедливость как ценностный ориентир изменений в Конституции РФ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. Вып. 5. С. 312–317. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-312-317
6. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 403–414.
7. Нечаев Д.Н., Леонова О.В. Изменение государственных политик в результате принятия поправок к Конституции России: направленность и особенности // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 4. С. 116–127. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-116-127
8. Бочанов М.А., Балашов А.Н. Формирование реальной модели социального государства 2.0: политический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 4. С. 128–141. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-128-141
9. Устинович Е.С., Цыбаков Д.Л. Доктринальное обеспечение государственной политики национальной безопасности России в контексте конституционной реформы 2020 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 4. С. 142–151. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-142-151
10. Григорян А. С. Поправки в статью 79 Конституции Российской Федерации и принцип субсидиарности международного права человека // Международный правовой курьер. 2020. № 7. С. 22–27.
11. Марченко М.Н. Конституционная реформа в постсоветской России: суть, содержание и назначение // Экономика. Право. Общество. 2020. № 1 (21). С. 7–12.
12. Евдокимов В. Б., Залоило М. В. Статус Южных Курил: вопросы истории и проблемы обеспечения национальных интересов России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 90–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.8>
13. Барциц И.Н. Переосмысление соотношения международного и национального права на рубеже эпох (о поправке в статью 79 Конституции Российской Федерации) // Государственная служба. 2020. № 1 (123). С. 33–42.

14. Ильин В.А., Морев М.В. Кредит доверия Президенту подтвержден. Достижение целей социально-экономического развития до 2024–2030 гг. в тумане // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.1
15. Букалова С.В., Меркулова К.Г. «Демократия малых пространств»: эволюция института местного самоуправления в России в контексте идей А.И. Солженицына // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 73–79. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7431>
16. Кошель А.С. Основания и процедура досрочного прекращения полномочий депутатов // Антиномии. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 127–155. DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10205
17. Семенова В.Г., Кузахметова Г.Д. Политическая субъектность органов местного самоуправления в современной России: основные контуры реформирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 349–355. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-349-355
18. Конституционные поправки и независимость суда / В. Жуйков [и др.] // Закон. 2020. № 2. С. 33–43.
19. Аничкин Е.С. Закономерности развития российского конституционного права в постсоветское время // Право и политика. 2020. № 4. С. 18–33. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.4.32517. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32517 (дата обращения 20.10.2020).
20. Медушевский А.Н. Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 39–60.

Информация об авторе

Каминский Вадим Сергеевич (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: common@volnc.ru).

Kaminskiy V.S.

RUSSIAN EXPERIENCE IN RESEARCH ON AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2020

Abstract. *The article analyzes domestic scientific publications on amendments to the Constitution of 2020. Two semantic blocks were identified for the work: analysis of assessments of the procedure for accepting amendments, and analysis of assessments of their content. It is concluded that neutral opinions are in the minority, experts are actually split into supporters and opponents of constitutional changes.*

Key words: *Constitution, amendments to the Constitution, evaluation, voting, organization of public power, social policy.*

Information about the Author

Vadim S. Kaminskiy – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: fbcd56b@yandex.ru).

References

1. Ekspertnyj klub CHelyabinska. Predlozheniya prezidenta po izmeneniyu Konstitucii Rossijskoj Federacii: prichiny, sodержanie popravok i ih posledstviya // *Socium i vlast'*. 2020. № 2 (82). S. 112–123.
2. SHamahov V.A. O Konstitucionnoj reforme i zadachah upravleniya // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2020. № 2. S. 8–9. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-2-8-9
3. Gonchar O.N. Velikij Russkij Narod kak nacional'naya ideya Rossii // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2020. № 2. S. 133–155. DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-2-139-155.
4. Ershov YU.G. K voprosu o popravkah v Konstituciyu Rossijskoj Federacii – 2020 // *Socium i vlast'*. 2020. № 2 (82). Pp. 41–49. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-41-49
5. Vilkov A.A. Social'naya spravedlivost' kak cennostnyj orientir izmenenij v Konstitucii RF // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. 2020. T. 20. Vyp. 5. S. 312–317. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-312-317
6. Habrieva T.Ya. Konstitucionnaya reforma v Rossii: v poiskah nacional'noj identichnosti // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2020. T. 90. № 5. S. 403–414.
7. Nechaev D.N., Leonova O.V. Izmenenie gosudarstvennyh politik v rezul'tate prinyatiya popravok k Konstitucii Rossii: napravlennost' i osobennosti // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2020. T. 15. № 4. S. 116–127. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-116-127
8. Bochanov M.A., Balashov A.N. Formirovanie real'noj modeli social'nogo gosudarstva 2.0: politicheskij analiz // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2020. T. 15. № 4. S. 128–141. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-128-141
9. Ustinovich E.S., Cybakov D.L. Doktrinal'noe obespechenie gosudarstvennoj politiki nacional'noj bezopasnosti rossii v kontekste konstitucionnoj reformy 2020 goda // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2020. T. 15. № 4. S. 142–151. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-4-142-151
10. Grigoryan A.S. Popravki v stat'yu 79 Konstitucii Rossijskoj Federacii i princip subsidiarnosti mezhdunarodnogo prava cheloveka // *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er*. 2020. № 7. S. 22–27.
11. Marchenko M.N. Konstitucionnaya reforma v postsovetskoj Rossii: sut', sodержanie i naznachenie // *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. 2020. № 1 (21). S. 7–12.
12. Evdokimov V. B., Zaloilo M. V. Status YUzhnyh Kuril: voprosy istorii i problemy obespecheniya nacional'nyh interesov Rossii // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2020. T. 25. № 3. S. 90–102. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.8>
13. Barcic I.N. Pereosmyslenie sootnosheniya mezhdunarodnogo i nacional'nogo prava na rubezhe epoh (o popravke v stat'yu 79 Konstitucii Rossijskoj Federacii) // *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2020. № 1 (123). S. 33–42.
14. Il'in V.A., Morev M.V. Kredit doveriya Prezidentu podtverzhden. Dostizhenie celej social'no-ekonomicheskogo razvitiya do 2024–2030 gg. v tumane // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2020. T. 13. № 4. S. 9–37. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.1

15. Bukalova S.V., Merkulova K.G. «Demokratiya mal'kh prostranstv»: evolyuciya instituta mestnogo samoupravleniya v Rossii v kontekste idej A.I. Solzhenitsyna // *Vlast'*. 2020. T. 28. № 4. S. 73–79. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7431>
16. Koshel' A.S. Osnovaniya i procedura dosrochnogo prekrashcheniya polnomochij deputatov // *Antinomii*. 2020. T. 20. Vyp. 2. S. 127–155. DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10205
17. Semenova V.G., Kuzahmetova G.D. Politicheskaya sub'ektnost' organov mestnogo samoupravleniya v sovremennoj Rossii: osnovnye kontury reformirovaniya // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2020. T. 20. V. 3. S. 349–355. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-349-355
18. Zhujkov V., Voskobitova L., Yarkov V., Andreeva T., Pashin S., Alekseevskaya E., Bevzenko R. Konstitucionnye popravki i nezavisimost' suda // *Zakon*. 2020. № 2. S. 33–43.
19. Anichkin E.S. Zakonomernosti razvitiya rossijskogo konstitucionnogo prava v postsovetskoe vremya // *Pravo i politika*. 2020. № 4. S. 18–33. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.4.32517. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32517 (data obrashcheniya 20.10.2020).
20. Medushevskij A.N. Konstitucionnaya reforma v Rossii: sodержanie, napravleniya i sposoby osushchestvleniya // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2020. № 1. S. 39–60.

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ОЦЕНКЕ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе данных конкретного социологического исследования проанализирована деятельность системы здравоохранения в субъективных оценках населения Москвы и Московской области. В фокусе внимания такие показатели, как удовлетворенность государственным медицинским обслуживанием, оценка недостатков деятельности системы здравоохранения.

Ключевые слова: система здравоохранения, медицинское обслуживание, субъективные оценки.

Актуальность исследования системы здравоохранения объясняется исключительной ролью здоровья населения в функционировании современного общества. «Здравоохранение ... выполняет функции сохранения здоровья населения, предупреждения заболеваемости, снижения инвалидности и смертности» [1, с. 2]. Инвестиции в здравоохранение формируют социальный капитал, обеспечивают прирост национального богатства. Здравоохранение, то есть охрана здоровья человека, – одна из функций государства, фактор национальной безопасности. По мнению М. Фуко, «первая задача медицины – политическая. Борьба против болезней должна начинаться как война против плохого правительства. Человек может быть полностью и окончательно вылечен, лишь если он сначала будет освобожден... Чтобы быть политически эффективной, медицина не должна быть необходимой только для лечения, и в свободном наконец обществе, где неравенство исчезнет и воцарится согласие, врачу достанется лишь одна преходящая роль: дать законодателю и гражданину советы, чтобы привести в равновесие душу и тело» [4, с. 66].

Субъективные оценки населением системы здравоохранения представляются показателем не только санитарно-гигиенической грамотности, но и общей культуры человека, что определяет специфику социальных взаимодействий, оказывает влияние на стабильность социальной системы в целом. Данные о субъективных оценках системы здравоохранения стало возможным получить на основе некоторых результатов конкретного социологического исследования «Наше здоровье» среди населения Москвы и Московской области (N=3800, из которых 2100 чел. – молодежь, 1700 чел. – взрослые, сроки проведения – ноябрь 2019 г., 59,8% женщин, 41,2% мужчин) методом онлайн-анкетирования. Использованы элементы Типовой методики Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители – Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, ЦИСИ, ИФ РАН).

Полностью удовлетворены государственным медицинским обслуживанием только 12,6% опрошенных (таблица). Удовлетворенность медицинским обслуживанием связана с материальным положением: «медицинским обслуживанием чаще не удовлетворены лица с самым низким материальным положением, которые не могут приобретать медицинские услуги за плату» [2, с. 207]. Степень удовлетворенности медицинским обслуживанием оценивается противоречиво: в равных долях респонденты выбрали варианты «пожалуй, удовлетворяет» и «пожалуй, не удовлетворяет». Среди молодежи доля удовлетворенных выше, чем среди взрослых, что, вероятно, связано с меньшим количеством обращений в государственные медицинские учреждения (оценка по выданным на руки полисам) [3].

Ответы респондентов на вопрос «Удовлетворяет ли Вас государственное медицинское обслуживание?», % от числа опрошенных

Варианты ответов	Молодежь	Взрослые	Всего
Полностью удовлетворяет	12,4	6,5	10,5
Пожалуй, удовлетворяет	40,2	34,2	38,4
Пожалуй, не удовлетворяет	35,6	43,5	38,3
Полностью не удовлетворяет	11,7	14,5	12,6

Неудовлетворенность опрошенных государственным медицинским обслуживанием наиболее проявляется в следующих ответах: «трудно попасть к врачу, большие очереди» (55,4% опрошенных) и «слишком ограниченное количество услуг в поликлиниках, нельзя получить необходимую помощь» (36,3% респондентов). Первый вариант ответа одинаково выбрали и взрослые, и молодежь, а ограниченным количеством услуг молодежь, в силу возрастных особенностей, озабочена гораздо меньше, чем взрослые (29,4% против 43,4%). 29,4% опрошенных (среди них 31,7% молодежи и 27,1% взрослых) отмечают коммуникативный аспект при взаимодействии с медицинским персоналом – невежливое, невнимательное обращение, что зачастую объясняется невысокой оплатой труда, которая, в свою очередь, влечет низкую мотивацию к труду. Требуется мониторинг оплаты труда и социального пакета медицинских работников.

Отсутствие эффективности советов и рецептов, назначаемых врачами, подчеркивают 23,8% опрошенных, среди которых больше взрослых, чем молодых (26,3% против 21,3%). 22,6% отмечают, что приходится платить, чтобы получить необходимую медицинскую помощь. Это явление становится настолько привычным, что, только лишь заплатив за услуги, можно рассчитывать на небезучастное отношение и качественную медицинскую помощь. 17,2% опрошенных указывают на неактуальность (недоступность, дороговизну) выписанных врачом лекарственных средств. И взрослые обеспокоены этим больше, чем молодежь (20,1% против 14,4%). Причины этого могут быть различными: от низкой квалификации врачей до коррупционных связей медиков с фармацевтическими компаниями. Каждый шестой-седьмой отмечает, что «скорую помощь» можно дожидаться несколько часов. И данная проблема, что неожиданно, в большей степени волнует представителей молодого поколения (19,4% против 10,9%). Менее 10% (что также статистически значимо) указывают на трудности при получении места в больнице (8,4%), небольшие шансы успешности вызова на дом врача к тяжело больному (6,8%), а также то, что врачи не выписывают больничный лист (6,4%).

Таким образом, для жителей Москвы и Московской области достаточно остро стоят проблемы доступности первичной медицинской помощи, дороговизны лекарств при низком доверии врачам, значительном объеме платных услуг. Низким является уровень удовлетворенности деятельностью государственной системы здравоохранения, что свидетельствует о степени ее дисфункциональности.

Литература

1. Давыдова Ю.А. Структура и динамика медико-санитарной сети в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 3. С. 1–16.
2. Мокану В. Образ жизни и качество здоровья: взаимовлияние в современном молдавском обществе // Сетевое общество – сетевая экономика в Центральной и Восточной Европе / под ред. С. Партыцкого. Люблин, 2011. В 2-х т. Т. 1. С. 206–210.

3. Решетников А.В. Социальный портрет потребителя медицинских услуг в России в период перехода к рыночной экономике // **Социологические исследования.** 2003. № 1. С. 92–101.
4. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Информация об авторах

Каргаполова Екатерина Владимировна (Россия, г. Москва) – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: k474671@list.ru).

Кузнецова Елизавета Александровна (Россия, г. Москва) – студент 2 курса, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: liza3434537@mail.ru).

Бородина Анна Михайловна (Россия, г. Москва) – исследователь-практик, Центр традиционной народной медицины «ЭНИОМ» им. Я.Г. Гальперина (107076, Российская Федерация, г. Москва, ул. Краснобогатырская, д. 72; e-mail: amborodina@mail.ru).

Kargapolova E.V., Kuznetsova E.A., Borodina A.M.

HEALTHCARE SYSTEM IN POPULATION ASSESSMENT

Abstract. *Based on the data of a specific sociological study, the article analyzes the activities of the health care system in the subjective assessments of the population of Moscow and the Moscow region. The focus is on such indicators as satisfaction with public health services, assessment of deficiencies in the health care system.*

Key words: *health care system, medical care, subjective assessments.*

Information about the Authors

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov (e-mail: k474671@list.ru, 117997, Moscow, Stremyanny per., 36).

Elizaveta A. Kuznetsova – 2nd year student of the direction “Sociology” Russian University of Economics. G.V. Plekhanov (e-mail: liza3434537@mail.ru, 117997, Moscow, Stremyanny per., 36).

Anna M. Borodina – research practitioner, Center for Traditional Traditional Medicine “ENIOM” named after Ya.G. Galperin (e-mail: amborodina@mail.ru, 107076, Moscow, Krasnobogatyrskaya st., 72).

References

1. Davydova Yu.A. The structure and dynamics of the medical-sanitary network in the cities of Siberia during the Great Patriotic War: 1941–1945. // Electronic journal “Bulletin of the Moscow State Regional University. 2013. No. 3. P. 1–16.
2. Mocanu V. Lifestyle and quality of health: mutual influence in modern Moldovan society // Network society – network economy in Central and Eastern Europe / ed. S. Partytsky. Lublin, 2011. In 2 vol. T. 1. P. 206–210.
3. Reshetnikov A.V. Social portrait of the consumer of medical services in Russia during the transition to a market economy // Sociological research. 2003. No. 1. P. 92–101.
4. Foucault M. The birth of the clinic. Moscow: Smysl, 1998. 310 p.

ОЦЕНКА БЛИЗОСТИ ВЗГЛЯДОВ СУПРУГОВ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)¹

Аннотация. В статье представлены методические подходы к изучению близости взглядов супругов, подчеркивается важность реализации одновременного опроса супругов и потенциал совместного анализа общесемейных репродуктивных установок для изучения социально-психологических факторов репродуктивного поведения в семье.

Ключевые слова: одновременный опрос супругов, супружеская пара, семейные ценности, репродуктивные установки.

Современные тенденции изменения демографических процессов в России носят негативный характер и ставят перед исследователями все новые задачи по изучению социально-экономических факторов динамики рождаемости и смертности и все чаще требуют обращения к социально-психологическим характеристикам населения, к изучению ценностных ориентаций и репродуктивных установок. С точки зрения демографического прогнозирования в долгосрочной перспективе лишь значительное и стабильное повышение уровня рождаемости может стать надежным решением проблемы депопуляции и выхода из демографического кризиса. Снижение смертности, рост ожидаемой продолжительности жизни могут послужить лишь откладыванию депопуляционных тенденций с их последующим усилением за счет увеличения старения населения. Привлечение миграционных потоков также дает лишь временное облегчение и компенсацию естественной убыли населения и, как показывает опыт Российской Федерации, позволяет компенсировать лишь часть естественной убыли (так, с 2018 года сальдо миграции не компенсирует разницы в уровнях рождаемости и смертности и в России наблюдается убыль населения).

Как показывают многочисленные исследования факторов рождаемости влияние социально-экономических показателей носит зачастую противоречивый характер и они оказывают влияние в первую очередь на полноту реализации имеющихся репродуктивных установок, а не на их величину [4]. Таким образом, даже самая эффективная демографическая политика, направленная на улучшение материального положения семьи и компенсацию экономических потерь, которые несет семья при рождении каждого последующего ребенка (при сохранении общесемейного дохода в расчете на члена семьи благосостояние семьи ухудшается), может лишь стимулировать реализацию имеющейся потребности в детях за счет, в том числе изменения тайминга рождения детей. Таким образом особенное значение приобретают исследования формирования ценностных ориентаций населения, а также принятия совместного решения о рождении ребенка в супружеских парах.

Несмотря на большое количество опросов, посвященных репродуктивным установкам населения, они чаще всего носят индивидуальный характер, и особенности ценностных ориентаций могут сравниваться лишь для отдельных групп респондентов. В то время как рождение ребенка есть процесс, реализующийся внутри

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» № 18-011-01037.

супружеского союза, когда именно в рамках семейного МЫ может быть принято решение о рождении. Такое решение невозможно без взаимодействия обоих супругов, и в основе принимаемых семейных решений лежат не два независимых мнения отдельных супругов, а результат семейного взаимодействия их ценностных ориентаций, сочетания их взглядов и устремлений, учитывающего интересы и ценности каждого из супругов в некотором общем решении коллективного семейного МЫ. Для того чтобы изучать этот феномен, необходимо обладать информацией о мнении каждого из супругов, иметь возможность сопоставлять их ответы, оценивать степень близости их ценностных ориентаций и влияния ее на принятие коллективных решений, что возможно только в рамках проведения парного одновременного опроса супругов.

Такой подход к организации социологического исследования не является принципиально новым: исследования, организованные одновременно для обоих супругов по сопоставимой или даже единой программе, были впервые осуществлены в СССР под руководством профессора А.И. Антонова в 1976 году [1], и примерно в то же время появились схожие исследования за рубежом [8]. Однако, несмотря на то что первый опыт одновременного опроса был получен уже более 50 лет назад, до сих пор эти исследования проводятся довольно редко и обычно в рамках психологических исследований для практики семейного консультирования, а не в качестве масштабных репрезентативных социологических опросов [2; 3; 6].

Низкая популярность такого подхода легко объясняется тем, что исследователь, решивший проводить одновременный опрос супругов, сталкивается с рядом существенных затруднений как на этапе организации полевого этапа исследования, так и в дальнейшем при анализе полученных данных [7]. Действительно, одновременный опрос супружеской пары подразумевает вдвое большие затраты по времени и организации опроса, так как необходимо получить согласие на интервью от обоих супругов, что часто бывает затруднительно, в то время как отказ даже одного из супругов делает ответ всей пары недействительным и эта пара исключается из исследования. В случае наличия критериев отбора супружеских пар, например, для реализации репрезентативного исследования сложность полевого этапа существенно возрастает в связи с наличием дополнительных ограничений на потенциальных участников исследования.

Также необходимо решить ряд организационных тонкостей проведения исследования, когда, с одной стороны, респонденты опрашиваются независимо друг от друга и не слышат ответов друг друга, но в то же время лишены возможности обсудить вопросы анкеты до того, как второй супруг закончил исследование. Эта сложность может быть преодолена, если опрос действительно проходит одновременно путем участия двух интервьюеров, но такой подход увеличивает стоимость и трудозатраты на организацию полевого этапа. Как показывают отзывы респондентов, сохранение конфиденциальности их ответов является ключевым в данном типе опроса, практически каждый из респондентов, узнав об аналогичном опросе супруга, высказывался о важности сохранения тайны его собственных ответов.

Но не только сбор информации и реализация полевого этапа, но и анализ и интерпретация результатов парного опроса могут вызвать затруднения. Рассмотрение семьи как единого целого, анализ общесемейных характеристик и близости взглядов супругов как зависимой переменной ставит перед исследователями дополнительные

вопросы о составлении новых показателей, основанных на ответах обоих супругов. Так, например, простейший вопрос о самооценке здоровья, измеренной по трехбалльной шкале, подразумевает 9 возможных комбинаций ответов, а традиционный анализ средней разницы ответов зачастую приводит к некорректным результатам, когда доли тех, у кого эта разница больше и меньше нуля, уравнивают друг друга [5]. Таким образом, перед исследователем встает задача построения новых индексов, использования новых показателей степени близости и соответствия взглядов супругов, и лишь после их построения возможен дальнейший анализ ответов супружеской пары, семьи как целого. Одним из таких подходов может послужить использование техники семантического дифференциала, когда оценивается расстояние в семантическом пространстве между ответами мужа и жены.

Дальнейшее изучение и апробация различных методов анализа степени близости и согласованности взглядов супругов, особенно с использованием современных возможностей статистической обработки данных, может принести полезные результаты для понимания процесса принятия решений в супружеских парах и формирования общесемейных ценностей, которые оказывают наибольшее влияние на репродуктивное поведение.

Литература

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: Инфра-М, 2009.
2. Антонов А.И., Жаворонков А.В., Малявин С.И. Репродуктивные ориентации сельской семьи: изучение степени совпадения мнений отца-матери-подростка в 20 регионах России // Политика народонаселения: настоящее и будущее. М.: Дрофа, 2007. С. 71–74.
3. Антонов А.И., Малявин С.И. Исследование образа жизни сельской семьи (результаты одновременного опроса отцов, матерей и их детей в двадцати регионах России) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-obraza-zhizni-selskoy-semi-rezultaty-odnovremennogo-oprosa-ottsov-materey-i-ih-detey-v-dvadtsati-regionah-rossii>
4. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
5. Карпова В.М., Марушкина Д.В. Близость ценностных ориентаций супругов в брачной паре и факторы ее определяющие // Социология. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blizost-tsennostnyh-orientatsiy-suprugov-v-brachnoy-pare-i-factory-ee-opredelyayuschie>
6. Lee Y.S., Waite L.J. Husbands' and wives' time spent on housework: A comparison of measures. *Journal of Marriage and Family*, 2005, vol. 67 (2), pp. 328–336.
7. Mellor R.M., Slaymaker E., Cleland J. Recognizing and Overcoming Challenges of Couple Interview Research. *Qualitative Health Research*, 2013, vol. 23 (10), pp. 1399–1407. DOI: 10.1177/1049732313506963
8. Safilios-Rothschild C. Family Sociology or Wives' Family Sociology? A Cross-Cultural Examination of Decision-Making. *Journal of Marriage and the Family*, 1969, vol. 31 (2), p. 290. DOI: 10.2307/349945

Информация об авторе

Карпова Вера Михайловна (Россия, г. Москва) – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии, МГУ имени

EVALUATION OF THE CLOSENESS OF THE SPOUSES' VIEWS (METHODOLOGICAL APPROACH)

Abstract. *The article presents methodological approaches to the study of the spouses' views proximity, emphasizes the importance of simultaneous interviewing of spouses and the potential for joint analysis of family values and reproductive attitudes for the study of socio-psychological factors of reproductive behavior in the family.*

Key words: *simultaneous survey of spouses, married couple, family values, reproductive attitudes.*

Information about the Author

Vera M. Karpova (Russia, Moscow) – PhD in Sociology, senior lecturer of Family sociology and Demography Department of Lomonosov MSU (Russian Federation, Moscow, Leninsky Gory 1-33, MGU, Faculty of Sociology, wmkarpova@yandex.ru).

References

1. Antonov A.I. Microsociology of the family. Infra-M, Moscow, 2009
2. Antonov A.I., Zhavoronkov A.V., Malyavin S.I. Reproductive orientations of a rural family: study of the degree of coincidence of the views of a father-mother-teenager in 20 regions of Russia. M.: Drofa, 2007, p. 71–74.
3. Antonov A.I., Malyavin S.I. Study of the lifestyle of a rural family (results of a simultaneous survey of fathers, mothers and their children in twenty regions of Russia) // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-obraza-zhizni-selskoy-semi-rezultaty-odnovremennogo-oprosa-ottsov-materey-i-ih-detey-v-dvadtsati-regionah-rossii>
4. Arkhangelsky V.N. Fertility factors. M.: TEIS, 2006.
5. Karpova W.M., Marushkina D.V. The proximity of the value orientations of spouses in a married couple and its determining factors. Sociology. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blizost-tsennostnyh-orientatsiy-suprugov-v-brachnoy-pare-i-factory-ee-opredelyayuschie>
6. Lee Y.S., Waite L.J. (2005) Husbands' and wives' time spent on housework: A comparison of measures. Journal of Marriage and Family, 67 (2), 328–336.
7. Mellor R.M., Slaymaker E., Cleland J. (2013). Recognizing and Overcoming Challenges of Couple Interview Research. Qualitative Health Research, 23 (10), 1399–1407. DOI:10.1177/1049732313506963
8. Safilios-Rothschild C. Family Sociology or Wives' Family Sociology? A Cross-Cultural Examination of Decision-Making. Journal of Marriage and the Family, 1969, 31 (2), 290. DOI:10.2307/349945

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ¹

Аннотация. В статье представлен анализ динамики структуры смертности населения от внешних факторов. Рассмотрена обусловленность смертности от внешних причин и социально-экономического благополучия. Подчеркнуты наиболее острые моменты, на которые следует обратить внимание при вопросах сокращения смертности населения от внешних факторов.

Ключевые слова: смертность от внешних причин, структура смертности, регистрация смертей, смертность по полу, социально-экономическое благополучие.

В современной России смертность от внешних причин (ВП) находится на третьем месте после смертности от болезней системы кровообращения и от злокачественных новообразований. В 2018 году число умерших, чья смерть была квалифицирована как смерть от ВП, составило 144 тыс. человек, что сопоставимо с величиной таких городов, как Миасс или Пятигорск. В общей структуре смертности от всех причин, смертность от ВП составляет порядка 7–8%. Именно смертность от ВП наряду со смертностью от болезней системы кровообращения является основной причиной потери населения в трудоспособном возрасте. Ее вклад в общую структуру смертности трудоспособного населения составляет 24% [1].

В России в период 2000–2018 гг. смертность населения от ВП заметно снизилась (таблица). Если в 2000 году число умерших от внешних причин составляло 318 тыс. человек, то к 2018 году данный показатель сократился более чем в два раза (на 54,6%) и составил 144 тыс. человек. Однако, несмотря на положительные сдвиги в сокращении смертности от ВП за последние 20 лет она все еще остается крайне высокой. Особую тревогу в экспертной среде, среди демографов, экономистов, медиков и социологов вызывают различия в показателях смертности от ВП по полу. С начала XXI века в нашей стране смертность мужчин от воздействия ВП стабильно в 3–4 раза превышает подобный показатель у женского населения.

Изменение структуры смертности населения от ВП

Причина смерти	2000 год		2010 год		2018 год	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
От внешних причин смерти, чел.	250009	68707	167060	49807	110407	34205
Из них:						
От случайных отравлений алкоголем, %	11,5	12,2	8,7	9,1	8,0	6,6
От всех видов транспортных несчастных случаев, %	11,7	15,1	12,6	15,2	12,8	14,6
От самоубийств, %	19,1	13,3	16,6	11,7	13,7	9,1
От убийств, %	12,3	15,0	8,5	9,6	5,4	5,9

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Причина смерти	2000 год		2010 год		2018 год	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
От повреждений с неопределенными намерениями, %	13,2	12,7	18,4	17,8	29,5	29,6
Другое, %	32,1	31,7	35,2	36,7	30,7	34,2
Составлено по: Демографический ежегодник России – 2002, 2012, 2019: стат. сб. М.: Федеральная служба государственной статистики, Росстат. 2002, 2012, 2019.						

В структуре смертности мужского населения от ВП преобладает «смертность от повреждений с неопределенными намерениями». Причем соотношение данной причины смерти в общей структуре смертности мужчин от ВП увеличивается. Так, если в 2000 году смертность от повреждений с неопределенными намерениями составляла 13,2%, то к 2010 году ее удельный вес возрос до 18,4%, а к 2018 – до 29,5%. Т.е. за неполных 20 лет смертность мужчин «от повреждений с неопределенными намерениями», в структуре смертности от ВП перешла со второго на первое место, значительно опередив такие причины смертности, как: различного рода транспортные происшествия и самоубийства. Подобное увеличение «смертности от повреждений с неопределенными намерениями» прослеживается и в структуре смертности женского населения от ВП. Если в 2000 году у женщин «смертность от повреждений с неопределенными намерениями» находилась на четвертом месте, превышая только «случайные отравления алкоголем», то в 2018 году данная причина занимает ведущее место в структуре смертности от всех ВП. Как отмечают специалисты, значительное увеличение в структуре смертности от ВП «смертности от повреждений с неопределенными намерениями» свидетельствует не столько о действительных изменениях в причинах смерти, сколько о существенных недостатках при регистрации [2; 3]. В частности, В.В. Юмагузин полагает, что в российской практике регистрации смертей к формулировке «смертность от повреждений с неопределенными намерениями» прибегают неоправданно часто. Это в значительной степени деформирует статистику данных по смертности от ВП и создает иллюзию социальной стабильности в обществе. Под формулировкой «смертность от повреждений с неопределенными намерениями» вполне могут скрываться такие причины смерти, как «убийство» и «самоубийство», и другие смерти насильственного характера [4].

Некоторый оптимизм вызывает динамика смертности от случайных отравлений алкоголем. За период 2000–2018 гг. как абсолютное число, так и коэффициенты смертности от данной причины существенно снизились. Причем у мужчин в абсолютном выражении показатель смертности от «случайных отравлений алкоголем» сократился на 69,5% и составил 8782 случая отравления в 2018 году. Коэффициент смертности при этом также снизился с 42,2 до 12,9 умерших на 100 000 населения. У женщин при изначально более низких показателях смертности «от случайных отравлений алкоголем» смертность также сократилась с 8406 до 2263 случаев (на 73%), а коэффициент смертности – с 10,8 до 2,9 умерших на 100 000 населения.

Положительную динамику в период 2000–2018 гг. приобрела смертность от всех видов транспортных несчастных случаев. Общее число смертей от данной причины сократилось в два раза и составило 19 тыс. случаев. Коэффициент смертности для обоих полов снизился с 27,2 умерших на 100 000 населения (в 2000 году) до 13 умерших на 100 000 населения (в 2018 году). Как и при большинстве причин смерти

от внешних факторов, смертность от транспортных несчастных случаев у мужчин в 3–4 раза превосходит женскую смертность.

Другие ВП смертности, к которым относят случайные падения, утопления, несчастные случаи, вызванные воздействием дыма, огня и т.д., стабильно составляют 1/3 смертности от ВП, как у мужчин, так и у женщин.

При рассмотрении вопросов взаимосвязи социально-экономического благополучия и смертности населения от ВП ключевое значение, на наш взгляд, имеют уровень культуры, образования, доходов населения и общее благосостояние граждан того или иного региона.

Такие авторитетные демографы, как А.Г. Вишневский, связывают высокие показатели смертности от ВП в России с незавершенным эпидемиологическим переходом, отмечая при этом, что в России по сравнению с западными странами почти не изменилось возрастное распределение причин смерти по основным классам [5].

Римашевская Н.М., видит проблему высокого уровня смертности от ВП в неблагоприятных социально-экономических условиях жизни, социальном неравенстве, высоком уровне бедности части населения нашей страны, в неудовлетворительных жилищных условиях, высоком уровне безработицы в ряде регионов. Все это вызывает социальный стресс, порождает агрессию и в конечном счете выражается в различных формах социальных девиаций [6]. Подобного мнения придерживаются и другие исследователи. В частности, М.В. Морев исследуя влияние социального здоровья на смертность населения в Вологодской области, отмечает, что ухудшение социального здоровья приводит к увеличению социальных аномалий, которые непосредственно связаны с ВП смертности населения. Особую тревогу согласно данному автору вызывает ухудшение социального здоровья среди молодежи [7].

Согласно Д.А. Халтуриной, А.В. Коротаеву основная причина высокой смертности населения от внешних факторов связана со злоупотреблением алкоголем [8]. Подобного мнения придерживается в своих работах ведущий эксперт в области алкогольной смертности д.м.н. А.В. Немцов [9].

Не вызывает сомнений, что высокий уровень смертности от внешних факторов в нашей стране в значительной мере обусловлен отсутствием социально-экономической стабильности в обществе. На наш взгляд при реализации мер демографической политики, направленных на снижение смертности от ВП, особое внимание следует обратить на следующие аспекты данной проблемы.

Во-первых, необходимо усовершенствовать регистрационную систему учета смертности от ВП. Это позволит предотвратить искажение статистических данных и будет способствовать более детальному анализу и широким возможностям исследования данного явления.

Во-вторых, перед российским обществом и органами власти стоит проблема уменьшения разрыва в смертности от ВП между полами. Сверхсмертность российских мужчин зачастую вызвана воздействием внешних факторов, следовательно, является предотвратимой, и задачей государства должно являться устранение барьеров, препятствующих сокращению смертности между мужчинами и женщинами.

В-третьих, особое внимание должно быть направлено на профилактику смертности от ВП среди следующих категорий граждан: лиц пожилого возраста, трудоспособного населения, подростков и молодежи.

Литература

1. Щербакова Е.М. Россия: демографические итоги I полугодия 2017 года (часть II) // Демоскоп Weekly. 2017. № 741–742. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0741/barometer741.pdf> (дата обращения 09.11.2020).
2. Васин С.А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 1. С. 89–124.
3. Множественные причины в случае смерти от травм и отравлений / В.Г. Семенова [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/805/30/lang.ru> (дата обращения 09.11.2020). DOI: 10.21045/2071-5021-2017-53-1-7
4. Юмагузин В.В. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями как показатель качества статистики смертности от внешних причин // Аист на крыше. Демографический журнал. 2017. № 5. С. 40–60.
5. Смертность от внешних причин в России с середины XX века: коллект. моногр. / науч. ред. и рук. авт. колл. А.Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 448 с.
6. Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В.. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. 2011. № 1. С. 38–49.
7. Морев М.В. Влияние социального здоровья на структуру смертности // Проблемы развития территории. 2012. Вып. 3 (59). С. 63–71.
8. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Алкоголизм, наркомания и демографический кризис в России и мире // Россия и современный мир. 2005. № 1 (46). С. 77–90.
9. Немцов А.В. Российская смертность в свете потребления алкоголя // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 111–135.

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна (Россия, г. Екатеринбург) – доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследования социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Секички-Павленко Ольга Олеговна (Россия, г. Екатеринбург) – ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru).

Kozlova O.A., Sekicki-Pavlenko O.O.

RELATIONSHIP OF SOCIO-ECONOMIC WELL-BEING AND MORTALITY OF POPULATION FROM EXTERNAL FACTORS

Abstract. *The article presents an analysis of the dynamics of the structure of population mortality from external factors. The conditionality of mortality from external causes and socio-economic well-being is considered. The most acute points that should be paid attention to when reducing mortality from external factors are underlined.*

Key words: *mortality from external causes, structure of mortality, registration of deaths, mortality by sex, socio-economic well-being.*

Information about the Authors

Olga A. Kozlova (Russia, Yekaterinburg) – Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaja str., 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Olga O. Sekicki-Pavlenko (Russia, Yekaterinburg) – a leading economist. Institute of Economics, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaja str., 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru).

References

1. Shcherbakova E.M. Russia: demographic results of the first half of 2017 (part II) // Demoscope Weekly. 2017. № 741–742. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0741/barometer741.pdf>
2. Vasin S.A. Mortality from injuries with undetermined intentions in Russia and in other countries // Demographic Review. 2015. Vol. 2. № 1. P. 89–124.
3. Semenova V.G., Sabgaida T.P., Nikitin S.Yu., Borovkov V.N., Gavrilova N.S. Multiple causes in case of death from injuries and poisoning // Electronic scientific journal “Social Aspects of Population Health” (date of treatment 11.11.2020). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/805/30/lang,ru/> DOI: 10.21045/2071-5021-2017-53-1-7
4. Yumaguzin V.V. Mortality from injuries with undetermined intentions as an indicator of the quality of statistics on mortality from external causes // Stork on the Roof. Demographic Journal. 2017. No. 5. Pp. 40–60.
5. Mortality from external causes in Russia since the middle of the 20th century: the collective. monograph / scientific. ed. and hands. ed. call A. G. Vishnevsky; Nat. issled. University Higher School of Economics. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2017. 448 p.
6. N.M. Rimashevskaya, L.A. Migranova, E.V. Molchanov. Factors influencing the health status of the population of Russia // Population. 2011. № 1. Pp. 38–49.
7. Morev M.V. The influence of social health on the structure of mortality // Problems of territory development. 2012. Iss. 3 (59). Pp. 63–71.
8. Korotaev A.V., Khalturina D.A. Alcoholism, drug addiction and the demographic crisis in Russia and the world // Russia and the modern world. 2005. No. 1 (46). Pp. 77–90.
9. Nemtsov A.V. Russian mortality in the light of alcohol consumption // Demographic Review. 2015. Vol. 2. No. 4. Pp. 111–135.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ: СООТНОШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ, НАЦИОНАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются последствия и риски реформирования университетского образования в полиэтничном регионе, раскрываются подходы к осмыслению миссии и ответственности регионального университета в условиях современных глобальных вызовов, делается вывод о необходимости ориентации университета на императивы социокультурного развития.

Ключевые слова: полиэтничный регион, Юг России, региональный университет, система высшего образования, социокультурная миссия, этнокультурное развитие.

Региональная система высшего образования Юга России, и в особенности – региональные классические университеты, всегда имела ярко выраженные черты этнокультурной идентичности, выражающейся в территориальном размещении учреждений высшего профессионального образования в социальном локалитете каждой республики.

Формирование региональной системы высшей школы, как она сложилась исторически в нашем регионе, реализовывало, прежде всего, социокультурную миссию: стратегию развития этносов, традиций, культур народов Юга России – как органической части общего духовного, культурного и образовательного пространства России. То есть в основе механизмов развития университетского образования лежали не императивы рыночной эффективности, а потребности социокультурного развития этносов [3, с. 282–311].

Однако продолжающиеся реформы университетского образования, реализуемые на принципах экономической прагматики, утилитаризма и технократизма, создают серьезные риски. К этим рискам следует отнести, прежде всего, возросший уровень дифференциации и монополизации образовательных структур и элитизацию университетов, неустойчивое (как долгосрочный тренд) состояние системы высшего образования (как проявление затянувшейся адаптации к рынку) и возрастание ее социальных дисфункций, рост неравенства. Противоречивая государственная образовательная политика реализует технократический, фактически бюрократический вариант стратегического управления системой университетского образования, где доминируют инструменты внешнего контроля.

Впервые за всю южнороссийскую историю наблюдается не развитие, а редукция образовательной системы, выражающаяся, в том числе, и в сворачивании филиальной университетской сети. А ведь формирование на Юге России обширной сети филиалов имело объективные причины. Важнейшие среди них – довольно высокий социальный спрос на высшее образование и низкий уровень доходов значительной части проживающих, ориентированных на местный недорогой вузовский сегмент (который в основном и был представлен в его филиальном варианте). Другая причина – существенно снизившаяся в период реформ мобильность населения, сделавшая привлекательной возможность получить образование, не покидая своего центра. Теперь в связи со значительным сокращением региональной образовательной как по

соображениям «оптимизации» (критерии которой далеко не всегда очевидны), так и борьбы за пресловутое «качество», пространство для социальной мобильности молодежи неизбежно сворачивается.

Система университетского образования, особенно ее периферийная часть, в результате реформ и модернизации все более обнаруживает свою социальную дисфункциональность (подготовка невостребованных кадров, низкое качество части реализации образовательных программ, ценовые диспаритеты образовательных услуг и т.д.), теряет, прежде всего, функцию «социального лифта» как ключевого института социальной мобильности молодежи и обеспечения открытости социальных структур [2, с. 150–157]. Хотя механизмы социального воспроизводства и обеспечивают формально равный доступ молодежи к высшему образованию, но его конкурентный высококачественный сектор оказывается монополизирован высокодоходными группами населения. Процессы распределения потоков молодежи по образовательным локалитетам становятся все более вариативными и непредсказуемыми.

Объективный процесс глобализации российского рынка образования, интернационализация и гибридизация образовательных программ и стратегий развития, почти повсеместное внедрение технологий онлайн-образования, усиление влияния быстро растущего мирового рынка дистанционного образования кардинально изменяют, прежде всего, баланс национальных (укорененных) и транснациональных глобальных приоритетов на рынке образовательных услуг. Этот баланс меняется в пользу транснациональных сегментов образовательного рынка, что формирует новый – «наднациональный» – тип образовательных стратегий университетов, отличающийся, в значительной степени, от традиций отечественного образования, традиций, ориентированных на социокультурные, гуманитарные образовательные императивы. Ситуация, в которой оказались региональные университеты в условиях пандемии, подчеркивает и усиливает отмеченные тенденции.

Вместе с тем, в полиэтничных регионах добиться устойчивого развития невозможно без создания критической массы элиты, укорененной на местной почве и одновременно несущей современное мировоззрение, которое открыто для инноваций, для межкультурного диалога, для творческой кооперации. А эта функция в значительной мере реализуется непосредственно системой высшего образования, и прежде всего региональными университетами. Развитие и сохранение региональной системы высшего образования, как представляется, единственно верный путь решения вечного спора между политикой ассимиляции (как фактором стабильности государства) и бережным отношением к традиционным и самобытным культурам в полиэтничных регионах [1, с. 59–65].

Таким образом, одной из важнейших функций региональной системы образования, особенно университетского, является способность влиять на взаимодействие и взаимопроникновение культур. Поэтому, предпринимаемая в последнее время реформация системы высшей школы на базе принципов рыночного фундаментализма находится в открытом противостоянии с действующими социальными факторами воспроизводства высшей школы в таких полиэтничных регионах, как Юг России. Ведь базовыми мотивами формирования южнороссийской региональной системы образования всегда были целевые стратегии социокультурного и этнокультурного развития региона.

Литература

1. Карамурзов Б.С. Региональный вуз в современной России // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 59–65
2. Колесникова Е.Ю., Скуднова Т.Д. Практика трансформации российского образования в свете социологических теорий: дефицит «социальности». Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 150–157.
3. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А.В.Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. С. 282–311.

Информация об авторе

Колесникова Елена Юрьевна (Россия, г. Ростов-на-Дону) – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет (Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; e-mail: info@sfedu.ru).

Kolesnikova E.Y.

SOCIO-CULTURAL MISSION OF THE UNIVERSITY IN A POLYETHNIC REGION: RATIO OF GLOBAL, NATIONAL AND LOCAL PRIORITIES

Abstract. *The article examines the consequences and risks of reforming university education in a multiethnic region, reveals approaches to understanding the mission and responsibility of a regional university in the context of modern global challenges, and concludes that the university should focus on the imperatives of sociocultural development.*

Key words: *polyethnic region, South of Russia, regional university, higher education system, socio-cultural mission, ethnocultural development.*

Information about the Author

Elena Yu. Kolesnikova (Russia, Rostov-on-Don) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, e-mail: info@sfedu.ru).

References

1. Karamurzov B.S. Regional university in modern Russia. // Higher education in Russia. 2013. No. 6. P. 59–65.
2. Kolesnikova E.Y., Skudnova T.D. The practice of transforming Russian education in the light of sociological theories: the lack of “sociality”. Social and humanitarian knowledge. 2015. No. 7. P. 150–157.
3. Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia: monograph / ed. A.V. Lubsky. M.: Social and humanitarian knowledge, 2017. P. 282–311.

ПОТРЕБНОСТЬ В ДОЛГОЛЕТИИ И САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Аннотация. Целью исследования выступило изучение потребности в долголетии и его взаимосвязи с компонентами самосохранительного поведения (ценностью здоровья, мотивацией на заботу о нем, личной ответственностью за здоровье, практиками здорового образа жизни). Информационной базой послужили данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области.

Ключевые слова: активное долголетие, потребность в долголетии, самосохранительное поведение, социологический опрос, население Вологодской области.

Одним из приоритетных направлений государственной политики в условиях необратимого старения населения становится реализация концепции активного долголетия. Согласно определению ВОЗ, под активным долголетием подразумевается процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей. Прежде всего его концепция направлена на увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни и повышение качества жизни всех людей, особенно тех, кто слаб, нетрудоспособен и нуждается в уходе [3, с. 12]. Величина продолжительности здоровой жизни в России по последним данным ВОЗ за 2016 г. составляет 63,5 года, что более чем на 10 лет уступает странам-лидерам по данному показателю (Сингапур – 76,2, Япония – 74,8, Испания – 73,8 года, Швейцария – 73,5, Франция – 73,42). В Вологодской области показатель ОПЗЖ еще ниже – 58,7 года (по данным Росстата за 2019 г.)³.

Поведенческие факторы в сфере здоровьесбережения признаются ключевыми детерминантами активного долголетия [3; 4]. При этом, как отмечает д.филос.н. профессор А.И. Антонов, движущей силой поведения в отношении здоровья является потребность в самосохранении на всех стадиях жизненного цикла, а его квинтэссенцией выступает потребность в определенных сроках жизни [4, с. 323].

Целью данного исследования выступило изучение потребности в долголетии и его взаимосвязи с компонентами самосохранительного поведения (ценностью здоровья, мотивацией на заботу о нем, личной ответственностью за здоровье, практиками здорового образа жизни). Информационной базой послужили данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области⁴.

Потребность в долголетии

Наиболее устойчивыми и внятными показателями потребности в долголетии

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

² Healthy life expectancy (HALE). Global Health Observatory data repository. World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.HALE?lang=en>

³ ЕМИСС / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru>

⁴ Опрос осуществлялся в форме раздаточного анкетирования на территории городов Вологды и Череповца, а также 8 муниципальных районов. Объем выборки составил 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Выборка многоступенчатая, квотная. Ошибка выборки не превышала 3%. В работе использованы данные опроса за период с 2011 по 2020 год.

выступают желаемая и ожидаемая продолжительность жизни. Первая отражает количество лет, которое хотел бы прожить человек при наличии всех необходимых для этого условий. Вторая учитывает не только пожелания в отношении длительности жизни, но и реальные условия, способствующие или препятствующие ее достижению, например уровень жизни, условия проживания и труда, возможности получения качественной медицинской помощи, учет наследственности, образ жизни [2, с. 121]. Для оценки желаемой продолжительности жизни в анкете исследования использовался вопрос «Если бы у Вас была возможность выбора, то какое число лет Вы предпочли бы прожить при самых благоприятных условиях?», тогда как для анализа ожидаемой продолжительности жизни – вопрос «Как Вы думаете, до какого примерно возраста Вам удастся дожить?».

В 2020 г. величина желаемой продолжительности жизни по оценкам населения Вологодской области составила 84,5 года, что на 2,5 года ниже показателя 2011 г. (рис. 1). Среднее ожидаемое число лет жизни оказалось на 4 года ниже желаемого – 80,4 года. При этом по сравнению с уровнем 2011 г. показатель существенно не изменился, что косвенно говорит о стабильности условий реализации потребности в долголетьи. В то же время за период наблюдения на 2 года сократился разрыв между желаемым и ожидаемым числом лет жизни.

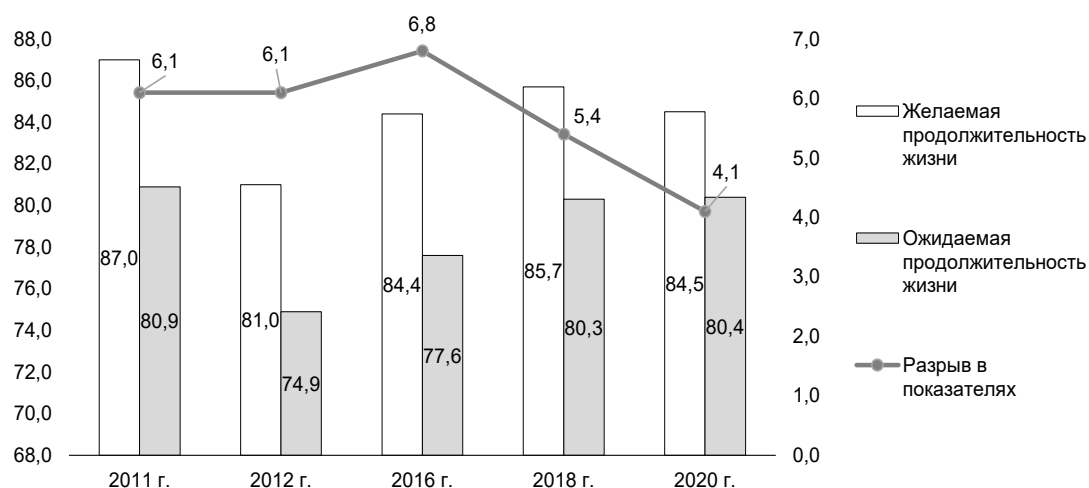

Рис. 1. Желаемая и ожидаемая продолжительность жизни в оценках населения Вологодской области, лет*

* Средневзвешенное значение.

Самые высокие показатели желаемой продолжительности жизни отмечаются у разведенных респондентов (86,3 года), людей с высшим образованием (85,8 года), населения г. Вологды (85,7 года), мужчин в возрасте 60 лет и старше (85,2 года), в то время как самые низкие – у сельских жителей региона (82,8 года), респондентов, проживающих в незарегистрированном браке с партнером (83,1 года), молодых мужчин в возрасте до 30 лет (83,8 года) и у людей с неполным средним образованием (83,8 года). Наибольшее значение ожидаемого количества лет жизни характерно для вдовых респондентов (82,2 года), населения районных городов области (82,1 года), людей с высшим образованием (81,6 года) и для женщин в возрасте до 30 лет (81,4

года). Наименьшая ожидаемая длительность жизни свойственна для населения областного центра (77,9 года), соживающих респондентов (78,2 года), людей с неполным средним образованием (79,5 года), а также мужчин в возрасте от 30 до 60 лет (80,1 года). Самый значительный разрыв в величине желаемой и ожидаемой продолжительности жизни зафиксирован у жителей г. Вологды (7,7 года), что может свидетельствовать о наличии существенных препятствий для реализации вологжанами их высоких установок на долголетие.

Самосохранительное поведение и потребность в долголетии

Потребность в долголетии рассматривалась в разрезе основных компонентов самосохранительного поведения: ценности здоровья, мотивации на заботу о нем, личной ответственности за здоровье и здоровьесберегательных действий. У респондентов, относящих здоровье к главным ценностям, несколько выше значение желаемой продолжительности жизни по сравнению с теми, кто не причисляет его к числу жизненных приоритетов (84,8 года против 83,7 года), тогда как различий в ожидаемой продолжительности жизни не выявлено (рис. 2).

Степень мотивации на заботу о здоровье не оказывает существенного влияния на желаемое количество лет жизни, но, вместе с тем, определяет установки в отношении ожидаемого числа лет: у тех, кто мотивирован на заботу о здоровье, по сравнению с теми, кто слабо мотивирован или вовсе не мотивирован, показатель оказался выше на 1,5 года (80,8 года против 79,3 года). Однако важно рассматривать взаимосвязь потребности в долголетии с отдельными мотивами заботы о здоровье. Закономерно, что наиболее выраженное положительное влияние на желаемую продолжительность жизни оказывает мотив стремления к долголетию (86,5 года в среднем у тех, кто его выбирал). Также более высоким установкам на долголетие способствуют нежелание сталкиваться с медициной (86,2 года), стремление достичь значимых целей в жизни (85,7 года) и желание иметь здоровое потомство (85,5 года). На реальные планы в отношении продолжительности предстоящей жизни так же, как и в случае с желаемым числом лет, в большей степени влияют мотивы долголетия (84,1 года), нежелания сталкиваться с медициной (82,1 года). Кроме того, более высокому значению ожидаемой продолжительности жизни способствует стремление быть примером для детей и близких (82,1 года).

Признание личной ответственности за здоровье обуславливает более высокие установки на долголетие при наличии всех необходимых условий (84,8 года против 82,6 года у тех, кто не признает себя ответственным за здоровье). Однако очевидной связи личной ответственности за здоровье с ожидаемой продолжительностью жизни не обнаружено.

Для тех, кто предпринимает какие-либо действия в отношении сохранения и укрепления собственного здоровья, по сравнению с теми, кто ничего специально не предпринимает, характерна большая величина желаемой и планируемой продолжительности жизни (84,7 года против 83,9 года и 80,8 года против 79,1 года соответственно). Наибольшее желаемое число лет жизни наблюдается у тех, кто организует свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации (86,8 года), ходит пешком, делает прогулки в местах отдыха (86,5 года) и активно занимается физкультурой и спортом, закаливанием организма (86,1 года). Большим реальным установкам на долголетие способствуют занятия физкультурой и спортом (83,3 года), контроль психического состояния (82,9 года).

Также значимым фактором потребности в долголетию оказался спектр здоровьесберегательных мер. Например, у респондентов, одновременно соблюдающих основные меры заботы о здоровье (контроль питания, физическая и медицинская активность, ограничение вредных привычек или отказ от них), как желаемая, так и ожидаемая продолжительность жизни существенно превосходили аналогичные показатели по сравнению с теми, кто предпринимает лишь какое-то одно самосохранительное действие: 88,4 года против 83,7 года и 85,5 года против 81,2 года соответственно.

Рис. 2. Желаемая и ожидаемая продолжительность жизни в зависимости от компонентов самосохранительного поведения, лет*

* Средневзвешенное значение.

Таким образом, за последнее десятилетие желаемая продолжительность жизни по оценкам населения Вологодской области сократилась на 2,5 года (с 87,0 до 84,5 года), тогда как реальные планы на продолжительность жизни практически не изменились (80,9 года в 2011 г. и 80,4 года в 2020 г.), что косвенно свидетельствует о стабильности условий реализации потребности в долголетию при одновременном снижении установок на продолжительную жизнь. Отмечается дифференциация потребности в долголетию по полу, возрасту, территории проживания и уровню образования респондентов. Сопоставление компонентов самосохранительного поведения с оценками желаемой и ожидаемой продолжительности жизни позволило выявить определенные закономерности. У относящих здоровье к главным жизненным ценностям и признающих личную ответственность за него по сравнению с теми, кто относится к противоположным категориям, оказалась выше желаемая продолжительность жизни. Однако на реальные планы в отношении продолжительности жизни эти факторы не оказывают заметного влияния. Среди мотивированных на заботу о здоровье респондентов по сравнению со слабо мотивированными или вовсе немотивированными выше реальные установки на долголетие, тогда как желаемое число лет идентично. Население, предпринимающее какие-либо самосо-

хранительные действия, имеет более выраженные как желаемые, так и планируемые установки на долголетие. При этом большое значение имеет характер и спектр здоровьесберегательных практик.

Литература

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005. 368 с.
2. Иванова А.Е. Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2 (346). С. 120–129.
3. Active ageing: A Policy Framework. Geneva: World Health Organization, 2002. 59 p.
4. European Commission: Strategic Implementation Plan of the European Innovation Partnership on Active and Healthy Ageing. The Operation Plan. Brussels: European Commission, 2011. URL: http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/active-healthy-ageing/steering-group/operational_plan.pdf#view=fit&pagemode=none

Информация об авторе

Короленко Александра Владимировна (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru).

Korolenko A.V.

THE NEED FOR LONGEVITY AND SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN THE ASSESSMENTS OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION

Abstract. *The purpose of the study was the analysis of the need for longevity and its relationship with the components of self-preservation behavior (the value of health, motivation to take care of it, personal responsibility for health, healthy lifestyle practices). The information base was data from monitoring the physical health of the Vologda Oblast population.*

Key words: *active longevity, the need for longevity, self-preservation behavior, sociological survey, the Vologda oblast population.*

Information about the Author

Aleksandra V. Korolenko (Russia, Vologda) – research assistant, Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo Str., 56a; e-mail: coretra@yandex.ru).

References

1. Antonov A.I. Microsociology of the family. Moscow: INFRA-M, 2005. 368 p.
2. Ivanova A.E. The population's need for longevity and the degree of its implementation. Sociological Research, 2013, no. 2 (346), pp. 120–129.
3. Active ageing: A Policy Framework. Geneva: World Health Organization, 2002. 59 p.
4. European Commission: Strategic Implementation Plan of the European Innovation Partnership on Active and Healthy Ageing. The Operation Plan. Brussels: European Commission, 2011. URL: http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/active-healthy-ageing/steering-group/operational_plan.pdf#view=fit&pagemode=none

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Аннотация. В исследовании рассматриваются предпосылки, факторы формирования коллективных действий граждан в условиях повседневности российского общества. В результате изучения проблемы выделены социальные и экономические предпосылки коллективных действий. Во-первых, отсутствие доверия, как межличностного, так и институционального, влечет за собой снижение гражданской активности и коллективных действий, направленных на достижение общественно полезных целей. Во-вторых, выявлено, что по мере снижения благосостояния, покупательной способности население пассивнее участвует в общественной и политической жизни, работе некоммерческих организаций.

Ключевые слова: коллективные действия, гражданское участие, НКО, общественное благо, решение социальных проблем.

Введение

Феномен коллективных действий и предпосылки их формирования изучаются в предметном поле социальных и экономических наук. Внимание к данному общественному явлению среди ученых и практиков возрастает в конце XX столетия (М. Olson, Е. Ostrom) [1; 2]. Повышенный интерес исследователей к коллективным действиям обусловлен, прежде всего, революционными потрясениями, происходящими в некоторых странах, а также усилением роли институтов гражданского общества. Российский социум не является исключением.

Коллективные действия обычно описываются как ситуации, в которых люди сотрудничают для достижения общих целей [3]. В настоящем исследовании под коллективными действиями подразумеваются формальные/неформальные совместные действия, предпринимаемые общественными организациями и инициативными группами, индивидуумами с общими целями, направленные на решение проблемы, имеющей общественное значение или кажущейся таковой. Стремление к коллективным действиям объясняется объединением ресурсов и координацией стратегий с единомышленниками для более эффективного достижения результата.

Коллективные действия пронизывают общества на всех уровнях, от локального до глобального, и проявляются в различных формах. При анализе коллективных действий, используя широкий подход, следует учитывать две их формы – политическую вовлеченность и социальную (общественную) деятельность. Последняя форма коллективных действий направлена на решение общественно значимых проблем, улучшения качества жизни населения, к которой можно отнести гражданское участие в развитии территорий, помогающее поведение, совместную благотворительность, участие в работе общественных и иных некоммерческих неправительственных организаций (далее – НКО).

Цель данной работы заключается в изучении предпосылок, факторов формирования коллективных действий граждан в условиях повседневности российского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» № 20-011-00326.

общества. Отметим, что при анализе будем рассматривать коллективные действия граждан в социальном контексте, а не в политическом.

Материалы и методы

Использовались эмпирические данные, в частности, результаты мониторинга общественного мнения ВолНИЦ РАН (N = 1500 чел.). Территория проведения – Вологодская область. Выявление закономерностей проводилось по данным социологического исследования с использованием анализа двумерных распределений, т.е. построения таблиц сопряженности. Расчеты выполнены с помощью программного пакета SPSS.

Социальные предпосылки

Обращаясь к начальным этапам формирования коллективных действий, необходимо сосредоточить внимание на базовых факторах вовлечения граждан в такую деятельность, одним из которых выступает наличие доверия как межличностного, так и институционального [4]. Доверие рассматривается как важнейшее свойство отношений людей [5], существенный компонент всех устойчивых общественных отношений [6] и ключевая характеристика развитого человеческого общества [7]. Доверие является одним из важнейших факторов, определяющих характер социальных отношений, способствующих установлению горизонтальных и вертикальных общественных связей, что необходимо для формирования добровольных созидательных коллективных действий. «Сужение поля доверия как в горизонтальных общественных отношениях, так и в вертикальных влечет за собой серьезные социальные проблемы – от различных форм напряженности и отчуждения до открытых конфликтов» [8, с. 9]. Напротив, расширение радиуса доверия способствует консолидации людей, является основанием для формирования организаций некоммерческого сектора и других институтов гражданского общества, деятельность которых направлена на решение социальных проблем.

Результаты исследований показывают, что наличие доверия в обществе способствует развитию различных общественных неправительственных некоммерческих организаций, которые поощряют обмен информацией, иницируют социальные проекты на низовом уровне и выступают в качестве агентов коллективного действия. Профессор Э. Усланер доказывает, что в отсутствие доверия люди менее готовы участвовать в кооперативных действиях, необходимых для поддержания всеобщего благосостояния [9].

По данным региональных и международных исследований российское общество, мягко говоря, не отличается высоким уровнем институционального и межличностного доверия. При этом наблюдается отрицательная динамика обобщенного доверия² (если в 1991 г. доля доверяющих составляла 37%, то в период 2016–2018 гг. – не более 19%). В то же время данные опросов, проведенных в Вологодской области, позволяют утверждать, что в целом социальная активность (и, в частности, участие людей в деятельности НКО) способствует повышению доверия. Следовательно, можно говорить и об обратном процессе: сложившиеся доверительные отношения являются предпосылкой гражданской активности и коллективных действий, направленных на достижение общественно полезных целей.

² Обобщенное доверие измеряется вопросом «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?».

Так, среди людей, которые считают активным свое участие в общественно-политической жизни, которые реально участвуют в деятельности НКО и прочих общественных мероприятиях, уровень межличностного доверия примерно на 6–8 п.п. выше, чем у людей с противоположными характеристиками (табл. 1).

Таблица 1. Уровень межличностного доверия в зависимости от участия в общественной жизни и деятельности НКО, % от числа опрошенных, 2018 г.

Уровень межличностного доверия	Характеристики участия в общественной жизни					
	самооценка степени участия в общественной и политической жизни		участие в мероприятиях общественной и политической жизни		участие в деятельности НКО	
	активное	пассивное	да	нет	да	нет
«В наше время никому нельзя доверять»; «Доверять можно только самим близким друзьям и родственникам»	79,2	85,2	78,5	86,7	77,7	85,8
«Большинству знакомых людей можно доверять»; «Доверять можно всем людям без исключения»	20,8	14,8	21,5	13,3	22,3	14,2
Источник: исследование ФГБУН ВолНЦ РАН.						

Уровень институционального доверия на 16–18 п.п. также выше среди людей, отличающихся позитивными характеристиками социальной активности (включая непосредственное участие в деятельности НКО, табл. 2).

Таблица 2. Уровень институционального доверия в зависимости от участия в общественной жизни и деятельности НКО, % от числа опрошенных, 2018 г.*

Уровень доверия основным институтам	Характеристики участия в общественной жизни					
	самооценка степени участия в общественной и политической жизни		участие в мероприятиях общественной и политической жизни		участие в деятельности НКО	
	активное	пассивное	да	нет	да	нет
Президент РФ	72,3	58,7	75,1	58,0	76,4	60,2
Правительство РФ	62,8	43,5	58,2	46,1	66,2	46,4
Армия	61,1	44,4	60,0	43,9	65,7	45,1
Церковь	56,5	47,6	58,2	48,0	62,5	48,8
Полиция	60,8	38,7	55,4	40,5	59,7	42,0
ФСБ	59,7	39,8	61,0	40,1	58,3	43,4
Совет Федерации	53,3	34,7	51,3	35,2	58,3	36,2
Суд	59,7	38,6	60,0	39,7	57,9	42,8
Прокуратура	61,7	41,6	62,3	42,0	55,6	45,9
Научные организации	44,4	29,8	44,4	28,4	54,2	28,9
Профсоюзы	44,4	30,4	46,9	28,8	53,2	30,2
Руководство области	51,0	30,5	45,9	31,9	53,2	32,7
Государственная Дума РФ	46,7	31,6	46,7	30,9	51,9	32,2
Общественные организации	45,0	23,3	41,0	23,2	50,5	24,1
Общественная палата РФ	44,4	27,7	39,7	29,1	49,5	29,0
Органы местного самоуправления	48,1	30,6	45,9	30,6	46,3	32,7
Общественная палата Вологодской области	38,0	25,2	36,2	25,0	44,0	25,3
СМИ	38,3	26,2	40,8	25,0	40,7	27,2
Политические партии	35,4	16,6	33,3	17,1	38,0	18,5

Уровень доверия основным институтам	Характеристики участия в общественной жизни					
	самооценка степени участия в общественной и политической жизни		участие в мероприятиях общественной и политической жизни		участие в деятельности НКО	
	активное	пассивное	да	нет	да	нет
Директора, руководители предприятий	35,7	21,7	33,8	21,4	35,2	23,0
Банковские, предпринимательские круги	30,0	17,9	28,7	17,3	31,0	18,4
Среднее по всем институтам	50,0	33,3	48,8	33,4	52,8	34,9
* Ранжировано по уровню доверия среди участников НКО. Источник: исследование ФГБУН ВолНЦ РАН.						

Однако доверие населения, которым сейчас располагают некоммерческие организации, недостаточно для ведения эффективной работы в качестве организатора добровольных коллективных действий. Согласно данным международного исследования «Trust Barometer 2018 г.» уровень доверия к НКО в России – самый низкий среди 28 исследуемых стран (25%) [10]. Однако позитивно оценивается то, что по сравнению с предшествующим годом он вырос на 4%. Представляется, что в случае снижения дефицита доверия они станут эффективным ресурсом для повышения качества жизни граждан, решения социальных проблем.

Экономические предпосылки

Для более полного понимания проблемы проанализируем факторы, способствующие конструктивным коллективным действиям в зависимости от материального положения населения. Результаты российского мониторинга ВШЭ свидетельствуют о том, что малообеспеченные и среднеобеспеченные слои общества с осторожностью относятся к посторонним людям и демонстрируют более низкий уровень доверия в отличие от высокообеспеченного населения [11]. В то же время материальное положение населения влияет и на общественную активность, участие в деятельности общественных организаций. Так, наиболее активная часть населения – это среднеобеспеченные и наиболее обеспеченные граждане, что прослеживается по параметрам самооценки, реального участия в мероприятиях общественной жизни и участия в деятельности НКО (табл. 3).

Таблица 3. Оценки доверия и материального положения в зависимости от участия в общественной жизни, % от числа опрошенных, 2018 г.

Вариант ответа	Характеристики участия в общественной жизни					
	самооценка степени участия в общественной и политической жизни		участие в мероприятиях общественной и политической жизни		участие в деятельности НКО	
	активное	пассивное	да	нет	да	нет
Уровень доверия						
«В наше время никому нельзя доверять»; «Доверять можно только самим близким друзьям и родственникам»	79,2	85,2	78,5	86,7	77,7	85,8
«Большинству знакомых людей можно доверять»; «Доверять можно всем людям без исключения»	20,8	14,8	21,5	13,3	22,3	14,2

Вариант ответа	Характеристики участия в общественной жизни					
	самооценка степени участия в общественной и политической жизни		участие в мероприятиях общественной и политической жизни		участие в деятельности НКО	
	активное	пассивное	да	нет	да	нет
Доходные группы						
20% наименее обеспеченных	15,6	20,6	17,0	21,1	17,4	20,5
60% среднеобеспеченных	55,9	62,5	60,8	59,7	56,2	60,7
20% наиболее обеспеченных	28,6	16,9	22,2	19,2	26,4	18,7
Покупательная способность						
Покупка различных товаров не вызывает трудностей	21,6	10,6	13,8	11,6	23,1	10,3
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов	52,9	48,3	53,8	48,5	50,5	49,7
Денег хватает в лучшем случае на еду	25,4	41,1	32,4	39,9	26,4	40,0
Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ВолНЦ РАН.						

Выводы

В процессе изучения проблемы коллективных действий выделены факторы, оказывающие влияние на их формирование в российском обществе: социальные и экономические. Безусловно, это неисчерпывающий перечень. Однако, на наш взгляд, именно эти аспекты являются значимыми и способствующими развитию солидарности в обществе, и, как следствие, стимулом для приложения совместных усилий граждан, направленных на социальные преобразования.

К социальным предпосылкам в исследовании относится наличие или отсутствие доверия в обществе. Выявлено сужение радиуса доверия населения. Значительная часть опрошенных отмечает, что они доверяют только ближайшему окружению, родственникам. Люди все больше замыкаются на своем «микромире», и это является многолетней тенденцией. Ее последствия затрагивают глубинные пласты общественного сознания: происходит «изменение психологического механизма формирования идентичности россиян в целом» [12]. В то же время данные опросов, проведенных в Вологодской области, позволяют утверждать, что наличие доверия и его более высокий уровень способствуют социальной активности, совместным действиям людей (в частности, участию людей в деятельности некоммерческих организаций). К экономическим предпосылкам относится материальное положение населения. Установлена следующая закономерность: по мере снижения благосостояния, покупательной способности население пассивнее участвует в общественной и политической жизни, работе общественных организаций, меньше кооперируется для совместного решения актуальных социальных проблем на благо общества.

Литература

1. Ostrom E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action. The American Political Science Review, 1998, no. 1, pp. 1–22.
2. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 186 p.

3. Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 1. С. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11
4. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
5. Hosking G. Trust: Money, Markets, and Society. London: Seagull Books, 2010. 92 p.
6. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 254 с.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд-во АСТ, 2004. 730 с.
8. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. № 2. С. 7–19.
9. Uslaner E.M. The moral foundations of trust. New York: Cambridge University, 2002.
10. Уханова Ю.В. Гражданское участие как элемент демократии в российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). URL: <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.5>
11. Козырева П.М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. 172 с.
12. Шабунова А.А. Социально-демографические вызовы регионального развития // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект: мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 12–14 декабря 2018 г. Вологда : ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2019. С. 65–73.

Информация об авторе

Косыгина Ксения Евгеньевна (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Гоголя, д. 53а).

Kosygina K.E.

PREREQUISITES FOR FORMING COLLECTIVE ACTIONS OF CITIZENS IN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. *The study examines the prerequisites, factors of the formation of collective actions of citizens in the conditions of everyday life in Russian society. As a result of studying the problem, the social and economic prerequisites for collective action are identified. First, the lack of trust, both interpersonal and institutional, entails a decrease in civic engagement and collective action aimed at achieving socially useful goals. Secondly, it was revealed that as well-being and purchasing power decline, the population is more passive in public and political life, and in the work of non-profit organizations.*

Key words: *collective action, civic participation, non-profit organizations, public good, solving social problems.*

Information about the Author

Ksenia E. Kosygina (Russia, Vologda) – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (Vologda, Gorky St. 56a).

References

1. Ostrom E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action. *The American Political Science Review*. 1998. No. 1. Pp. 1–22.
2. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 186 p.
3. Guzhavina T.A. Collective actions and social capital: implication of concepts // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020. No. 1. Pp. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11
4. Ukhanova Yu.V. Collective practices and the potential for civic participation of the local community (sociological research in Russian regions). *Problems of territory development*. 2021. T. 25. No. 1. P. 88–107. DOI: 10.15838 / ptd.2021.1.111.5
5. Hosking G. *Trust: Money, Markets, and Society*. London: Seagull Books, 2010. 92 p.
6. Seligman A. *The problem of trust*. M.: Idea–Press, 2002. 254 p.
7. Fukuyama F. *Trust: social virtues and the path to prosperity*. M.: Publishing house AST, 2004. 730 p.
8. Shabunova A.A., Guzhavina T.A., Kozhina T.P. Trust and social development in Russia. *Problems of territory development*. 2015. No. 2. Pp. 7–19.
9. Uslaner E.M. *The moral foundations of trust*. New York: Cambridge University, 2002.
10. Ukhanova Yu.V. Civic participation as an element of democracy in Russian society. *Social space*. 2018. No. 2 (14). URL: <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.5>
11. Kozyreva P.M. *Trust and its resources in modern Russia*. M.: Institute of Sociology RAS, 2011. 172 p.
12. Shabunova A.A. Socio-demographic challenges of regional development // *Strategy and tactics for the implementation of socio-economic reforms: regional aspect: materials of the VIII international. scientific-practical Conf., Vologda, December 12–14, 2018*. Vologda: FGBUN VolRC RAS, 2019. Pp. 65–73.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ И ПОСЛЕ НЕЕ

Аннотация. Пандемия внесла значительные изменения не только в образовательный процесс, но и в систему менеджмента всей системы образования. Эта трансформация коснулась всех без исключения ступеней образования во всех регионах страны. Она показала проблему цифрового неравенства не только среди обучающихся, но и на уровне учебных заведений.

Ключевые слова: образование, пандемия, социально-экономические проблемы.

В начале текущего года все страны мира столкнулись с проблемой, которая оказала значительное влияние на все социально-экономические процессы в обществе. Пандемия повлияла на большинство отраслей в России. Пандемия внесла значительные изменения не только в образовательный процесс, но и в систему менеджмента всей системы образования. Эта трансформация коснулась всех без исключения ступеней образования во всех регионах страны. Она показала проблему цифрового неравенства не только среди обучающихся, но и на уровне учебных заведений. В стрессовой ситуации система высшего образования доказала свою состоятельность и эффективность: 96% вузов закончили учебный год в дистанте.

В этих условиях большинство учебных заведений были вынуждены воспользоваться всеми возможностями дистанционных образовательных технологий [1]. Значительное разнообразие информационно-коммуникационных технологий, которое предоставляет современный IT-рынок для образовательного процесса, было востребовано. Выбор платформ регламентировался в основном исходя из требований конкретных министерств. Школы и колледжи перешли в работу на «Школьный портал», в высшем образовании «упор» был сделан на собственные ЭИОС (Электронные информационно-образовательные системы) и платформы для ведения online занятий (zoom, skype и т.п.) [2]. Большинство преподавателей было малознакомы, или вообще не знакомы с такими технологиями.

Согласно данным масштабного аналитического и экспертного исследования по оценке и мониторингу ситуации в высшем образовании [3], которые были представлены на совещании Общественного совета Министерства науки и высшего образования РФ, около 60% преподавателей редко или никогда не проводили лекции и занятия в дистанционном формате или в формате вебинаров (в 2019 году). 3,2 балла из пяти – так преподаватели вузов оценивали свой уровень владения облачными технологиями. 88% – считают, что занятия лучше проводить в очном формате.

Преподаватели не рассматривали дистанционный формат обучения как полноценную замену традиционному очному формату. Они видели ряд рисков активного распространения цифровых технологий в преподавании, связанных с низким уровнем мотивации студентов, с угрозой депрофессионализации преподавательского труда [3]:

- 65% полагают, что проведение лекций в дистанте не позволяет контролировать вовлеченность студентов в процесс;
- более 70% опасаются увеличения практик нечестного поведения во время экзаменов;

– 60% преподавателей сомневаются в качестве онлайн-обучения.

Несмотря на это, буквально за несколько недель 95% студентов в нашей стране были вынуждены перейти в дистанционный или смешанный формат обучения. Готовность почти всех российских вузов мобилизоваться и работать в новом режиме позволила сохранить чувство стабильности для студентов и преподавателей. Абсолютное большинство курсов были проведены в срок и не перенесены на другие семестры.

Пандемия проявила сильную неоднородность вузов и риски дальнейшего расхождения: 20% вузов сохранили обучение в синхронном режиме; 60% – перешли в дистант с потерями качества образования; 20% – фактически осуществляли заочное обучение, не обеспечивая качество; в 15% вузов студенты «потерялись» (первые 2–3 недели не существовало никакой системы электронной коммуникации со студентами) [3].

Проблема неравенства доступа к качественному образованию стала явной: 13% вузов не имеют даже минимальной инфраструктуры; лишь 11% – вузов имеют достаточную цифровую инфраструктуру; треть студентов низкодоходных группа населения не имеют достаточной функциональной техники. Опыт работы университетов «на удаленке» также показал не только возможности цифровых технологий, но и их ограничения. Во-первых, эффективное использование этих технологий требует особых компетенций преподавателей, управленцев, студентов, а также эффективных и удобных технологических решений, особой организации образовательного процесса. Во-вторых, ситуация подтвердила, что ряд важнейших процессов университетской жизни слабо поддается цифровизации, переносу в виртуальное пространство. На практике было показано, что полная реализация программ высшего образования в дистанционном формате невозможна [2; 3].

Преподаватели справились с таким переходом в дистант, но им было «неудобно», психологически некомфортно, не хватало компетенций. 96% – преподавателей перешли в онлайн-режим работы; 88% скептически относятся к дистанционным формам; 40% – демонстрируют усталость от увеличившегося объема работы; каждому пятому понадобились помощь цифровых волонтеров.

Студенты в целом позитивно оценили дистанционную форму образования: 34% студентов не считают дистанционный формат менее эффективным; 55% стали меньше уставать от учебы; треть студентов ответили, что дистанционный формат обучения им нравится больше, чем очный; 49% студентов отмечают, что стало больше свободного времени; 64% студентов отмечают, что появилось больше времени на сон. Однако есть и негативное восприятие дистанта: более 40% отмечают существенное увеличение учебной нагрузки (увеличение доли самостоятельной подготовки) и столько же отмечают нехватку очного общения с преподавателями и сокурсниками как основную сложность организации обучения в дистанционном формате; 39% сложно учиться в домашней обстановке (35% сложно задавать вопросы преподавателю онлайн; 33% чувствуют смущение и дискомфорт, когда преподаватель просит включить веб-камеру).

В целом, наличие самостоятельности и горизонтальных коммуникаций университетов явилось ресурсом успешного преодоления вызовов образованию связанных с пандемией. Очень хотелось бы надеяться, что тот опыт «дистанционного» образовательного процесса, который был приобретен, не потребуется в будущем.

Литература

1. Доброхлеб В.Г., Крошилин С.В. Непрерывное образование России как фактор экономического роста: монография / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Государственный социально-гуманитарный университет. Коломна: ГСГУ, 2018. 273 с.
2. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии // Современная аналитика образования. ВШЭ. 2020. № 6 (36). URL: [https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206\(36\)_электронный.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206(36)_электронный.pdf) (дата обращения 10.10.2020).
3. Уроки «Стресс-теста». Вузы в условиях пандемии и после нее: аналитический доклад / разработан по инициативе Минобрнауки России, июнь 2020 г. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_Доклад.pdf (дата обращения 10.10.2020).

Информация об авторе

Крошилин Сергей Викторович (Россия, г. Коломна) – кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики, старший научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет (140411, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30; e-mail: mgosgi@gmail.com), Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: info@isesp-ras.ru).

Kroshilin S.V.

PROFESSIONAL EDUCATION DURING AND AFTER THE PANDEMIC

Abstract. *The pandemic has made significant changes not only in the educational process, but also in the management system of the entire education system. This transformation has affected all levels of education in all regions of the country without exception. It showed the problem of digital inequality not only among students, but also at the level of educational institutions.*

Key words: *education, pandemic, socio-economic problems.*

Information about the Author

Sergey V. Kroshilin (Russia, Moscow) – candidate of technical Sciences, associate Professor, Department of Management and Economics, Senior scientific employee of the State socio-humanitarian University (mgosgi@gmail.com, 140411, Moskovskaya area, Kolomna, Zelenaya str. 30), Institute of socio-economic problems of population RAS FNEC (info@isesp-ras.ru, 117218, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32).

References

1. Continuous education in Russia as a factor of economic growth: monograph / V.G. Dobrokhleb, S.V. Kroshilin; Institute of socio-economic problems of population of the Russian Academy of Sciences, State social and humanitarian University. Kolomna: GSU, 2018. 273 p.
2. Storm of the first weeks: how higher education stepped into the reality of the pandemic [Electronic resource] // Modern education Analytics, HSE, 2020, no. 6 (36). URL: [https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206\(36\)_electronic.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206(36)_electronic.pdf) (accessed 10.10.2020).
3. Lessons from the “Stress test”. Universities in the context of the pandemic and after it: Analytical report [Electronic resource] // The report was developed on the initiative of the Russian Ministry of education and science, June 2020. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_Доклад.pdf (accessed 10.10.2020).

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ¹

Аннотация. На основе данных репрезентативного социологического опроса, проведенного в 2020 году, рассмотрена структура и территориально-поселенческая дифференциация уровня и возможностей реализации человеческого капитала российского населения, включающего компоненты образования, здоровья и социальных связей.

Ключевые слова: население, человеческий капитал, ресурсы, социально-экономическая адаптация, уровень жизни, территориально-поселенческая дифференциация.

Исследования социально-экономических процессов, происходящих в последние десятилетия, неразрывно связаны с дискурсом человеческого капитала, высокий уровень которого одновременно выступает и ресурсом достижения конкурентных преимуществ, и результатом продуктивного развития (см., например, [1–5]). Особую актуальность рассмотрение человеческого капитала приобретает в периоды социально-экономической нестабильности, когда различные группы населения, сталкиваясь с рисками снижения уровня жизни, активизируют накопленный ресурсный потенциал для преодоления негативных воздействий внешней среды.

В апреле текущего года Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, по репрезентативной для населения России в возрасте 18–65 лет выборке, реализован массовый анкетный опрос (3500 респондентов). Эмпирические данные позволяют провести анализ уровня накопленного населением человеческого капитала с дифференциацией по территориально-поселенческим группам: жители мегаполисов, городов с населением свыше 100 тыс. человек, городов до 100 тыс. жителей и сельских поселений.

На основе методологии, апробированной в ходе исследования процессов социально-экономической адаптации российского населения (см. [6]), мы предлагаем рассмотрение человеческого капитала как комплекса внутренних неотчуждаемых ресурсов индивида, которые могут быть накоплены и использованы для достижения приемлемых материальных, статусных и трудовых позиций. Таким образом, в структуру человеческого капитала были включены следующие составляющие:

- образовательный потенциал;
- потенциал здоровья;
- потенциал социальных связей.

На основе комбинации объективных и субъективных оценок уровня развития каждого из рассматриваемых составляющих человеческого капитала их значения были ранжированы по четырем градациям: отсутствующий, ниже среднего, средний и выше среднего. Данные, приведенные в таблице 1, иллюстрируют распределения по значениям, характеризующим потенциал образования, здоровья и социальных связей для населения в целом и в разбивке территориально-поселенческих групп. Как видно из представленных данных, наиболее дефицитным является потенциал социальных связей, а здоровье выступает наиболее доступным для населения ресурсом.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Обладание образовательным потенциалом и его уровень в наибольшей степени определяется поселенческим параметром. Зависимость яркая и прямая: чем больше размер населенного пункта, тем выше уровень образовательного актива населения. Так, сельские жители в четверти случаев не имеют никакого образовательного потенциала, тогда как у жителей городов-миллионников отмечается самый высокий уровень его развития. В отношении двух других элементов индивидуальной ресурсной структуры территориально-поселенческие различия существенно сглажены, при этом необходимо отметить некоторый приоритет ресурсных возможностей горожан.

Таблица 1. Уровень развития составляющих человеческого капитала, по поселенческим группам, % по строке

Типы поселений	Уровень развития составляющих человеческого капитала			
	отсутствует	ниже среднего	средний	выше среднего
Образовательный потенциал				
Города 1 млн жителей и более	11,4	19,6	35,9	33,1
Города более 100 тыс. жителей	13,5	22,7	39,3	24,5
Города менее 100 тыс. жителей	16,1	27,8	36,8	19,3
Сельские поселения	24,6	27,5	34,3	13,6
В целом	16,1	24,3	36,8	22,8
Потенциал здоровья				
Города 1 млн жителей и более	10,4	37,7	18,9	33,0
Города более 100 тыс. жителей	12,9	37,5	15,9	33,7
Города менее 100 тыс. жителей	14,9	42,1	14,6	28,4
Сельские поселения	16,3	40,5	12,2	31,0
В целом	13,6	39,2	15,5	31,7
Потенциал социальных связей				
Города 1 млн жителей и более	41,5	26,9	17,5	14,1
Города более 100 тыс. жителей	42,3	26,4	16,5	14,8
Города менее 100 тыс. жителей	44,6	23,2	15,6	16,6
Сельские поселения	46,0	24,5	15,8	13,7
В целом	43,5	25,3	16,4	14,8

Интегральная оценка человеческого капитала реализована путем баллирования оценок каждой из трех выделенных составляющих, суммирования баллов и определения пороговых значений в рамках полученной шкалы. Выяснилось, что ограниченный объем человеческого капитала характеризует 35,6%, средний – 36,6%, расширенный – 27,8% населения. Данные таблицы 2 иллюстрируют значительную территориально-поселенческую дифференциацию: жители сельских населенных пунктов обладают существенно более низким уровнем человеческого капитала, который максимизирован в крупных городах. Необходимо отметить, что среди жителей сел и малых городов наиболее многочисленна группа ограниченного человеческого капитала, тогда как в более крупных населенных пунктах – среднего.

Таблица 2. Объем накопленного человеческого капитала, интегральная оценка, по поселенческим группам, % по строке

Типы поселений	Объем накопленного человеческого капитала		
	ограниченный	средний	расширенный
Города 1 млн жителей и более	26,9	38,9	34,2
Города более 100 тыс. жителей	32,6	37,6	29,8

Типы поселений	Объем накопленного человеческого капитала		
	ограниченный	средний	расширенный
Города менее 100 тыс. жителей	38,6	36,3	25,1
Сельские поселения	45,1	33,5	21,4
В целом	35,6	36,6	27,8

Показателями, иллюстрирующими возможности и ограничения использования имеющегося человеческого капитала в заданных институциональных условиях, выступают материальные и статусные достижения представителей группы расширенного человеческого капитала. Из данных таблицы 3 следуют два важных вывода. Во-первых, очевидны ограничения ликвидности развитого человеческого капитала, поскольку наиболее массовыми являются представители групп средних достижений, а оценки, не достигающие средних, крайне распространены. Во-вторых, сельские жители, преодолевшие отмеченные ранее трудности в накоплении человеческого капитала, не имеют сравнительных ограничений в его эффективном использовании: поселенческие различия здесь не очень значительны, и в худшем положении находятся проживающие в малых городах.

Таблица 3. Материальные и статусные достижения имеющих расширенный человеческий капитал, по поселенческим группам, % по строке

Типы поселений	Самооценка материального и социального статуса		
	ниже среднего	средний	выше среднего
Материальный статус			
Города 1 млн жителей и более	31,3	53,6	15,1
Города более 100 тыс. жителей	31,6	52,5	15,9
Города менее 100 тыс. жителей	33,7	57,3	9,0
Сельские поселения	41,3	44,3	14,4
В целом	33,6	52,4	14,0
Социальный статус			
Города 1 млн жителей и более	17,8	65,9	16,3
Города более 100 тыс. жителей	12,7	65,3	22,0
Города менее 100 тыс. жителей	14,6	70,8	14,6
Сельские поселения	15,2	63,6	21,2
В целом	14,9	66,3	18,8

Обобщая, необходимо отметить, что возможности накопления человеческого капитала значительно дифференцированы по территориально-поселенческим группам. Перспективы использования сформированного человеческого капитала для повышения материального положения и социального статуса достаточно ограничены, и территориально-поселенческий фактор здесь существенно менее значим.

Литература

1. Becker G.S. Human Capital. New York: Columbia University Press, 1964. 187 p.
2. Плискевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН, 2012. 231 с.
3. Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Роль школьного образования в развитии человеческого капитала // Экономика региона. 2014. № 2 (38). С. 53–62
4. Баранов А.О., Слепенкова Ю.М. Методологические проблемы анализа воспроизвод-

ства человеческого капитала в России // ЭКО. 2018. № 48 (2). С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-5-17>

5. Широ́в А.А., Потапенко В.В. Рынок труда и качество человеческого капитала // ЭКО. 2018. № 48 (2). С. 18–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-18-34>
6. Авраамова Е.М., Логинов Д.М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 13–17.

Информация об авторе

Логинов Дмитрий Михайлович (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119034, Российская Федерация, г. Москва, Пречистенская наб., д. 11; e-mail: loginov-dm@ranepa.ru).

Loginov D.M.

TERRITORIAL-SETTLEMENT DIFFERENTIATION IN THE DEVELOPMENT OF THE HUMAN CAPITAL OF THE RUSSIAN POPULATION

Abstract. *On the basis of data from a representative sociological survey conducted in 2020, we examined the structure and territorial-settlement differentiation of the level and possibilities of realization of human capital of the Russian population, including components of education, health and social ties.*

Key words: *population, human capital, resources, socio-economic adaptation, level of life, territorial-settlement differentiation.*

Information about the Author

Dmitry M. Loginov – Senior Researcher of Institute of Social Analysis and Forecasting of The Russian Presidential Academy of National and Public Administration (Moscow, Russian Federation. e-mail: loginov-dm@ranepa.ru).

Referenses

1. Becker G.S. (1964) Human Capital. New York: Columbia University Press. 187 p.
2. Pliskevich N.M. (2012). Human capital in transforming Russia. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 231 p. (In Russ.).
3. Avraamova E.M., Loginov D.M. (2014). The role of school education in the development of human capital. Economy of region. No. 2 (38). Pp. 53–62 (In Russ.).
4. Baranov A.O., Slepenskova Yu.M. (2018) Methodological Problems of Analysis of the Reproduction of Human Capital in Russia. ECO. No. 48 (2). Pp. 5–17 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-5-17>
5. Shirov A.A., Potapenko V.V. (2018). The Labor Market and the Quality of Human Capital. ECO. No. 48 (2). Pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-18-34>
6. Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002). Adaptive resources of the population: an attempt to quantify. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. No. 3. P. 13–17. (In Russ.).

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВАРИАНТЫ ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

Аннотация. Демографическая проблема является одной из актуальных в современной России. Это связано в первую очередь с низким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности населения. Данные тенденции предопределяют меры по увеличению естественного прироста населения, которые активно прорабатываются и реализуются руководством страны. В качестве перспективного вектора, от которого будет зависеть характер преобразований в будущем, выступает семья.

Ключевые слова: семья, демография, брачно-семейные отношения, социально-экономические проблемы.

В современных российских условиях семья оказалась на пересечении двух масштабных процессов: фундаментальных преобразований в обществе и обновления института семьи. Сегодня на аспекты ее формирования и развития влияют экономические процессы, возникшие в обществе в последнее десятилетие; их воздействие делает молодую семью социально и психологически уязвимой [4; 5]. В период активных социальных перемен в России с практической точки зрения проблема укрепления стабильности молодой семьи становится актуальной, а с теоретической – вопросом ее социального благополучия. Социальное благополучие молодой семьи определяется наличием ряда объективных факторов, позволяющих ее членам нормально существовать в обществе, а также их удовлетворенностью своим социальным положением. Проблема изучения стратегий поведения представителей молодых семей и молодой семьи в целом представляется актуальной, учитывая ухудшающуюся демографическую ситуацию в стране, усиление роли молодежи в замещении уходящих поколений и развитии социальной структуры общества.

Следует отметить, что, по данным официальной статистики Росстата, в 2018 году уровень рождаемости в России снизился на 5,3%. По оценкам департамента, в течение года в стране родилось около 1,6 млн детей, что на 90 тыс. меньше, чем в 2017 году. В 2018 году умерло 1,8 млн чел., по сравнению с 2017 году данный показатель не изменился. Выявленная ситуация подтверждает, что в последнее время (с 2015 года) правительству страны удалось скорректировать данный показатель в сторону уменьшения общей величины. Естественный прирост населения имеет отрицательное значение (-224566 чел.), что свидетельствует о сокращении населения [3]. Причем данный показатель растет в течение последних двух лет, что объясняется снижением показателя рождаемости.

С точки зрения демографических, экономических, духовных и моральных аспектов воспроизводство семьи представляется важным фактором, способствующим нормальному функционированию общества, а соотношение между браками и разводами может служить индикатором социального благополучия общества в целом. На территории России сложилась особая ситуация в отношении браков и разводов. Динамика зарегистрированных браков и разводов в

¹ Материал подготовлен в рамках проекта РГНФ № 17-32-00005 «Демографические трансформации: от половозрастного состава населения к посемейной структуре».

Российской Федерации за 2011–2018 гг. демонстрирует неблагоприятную тенденцию, поскольку более половины браков распадается каждый год.

Несмотря на то, что 77% опрошенных считают брак обязательным шагом в создании семьи, прослеживается тенденция сокращения количества зарегистрированных отношений на протяжении с 2011 по 2018 г. За период с 2011 по 2018 г. произошло заметное сокращение количества браков между мужчинами и женщинами в возрасте от 18 до 35 лет. Кроме того, число браков достигло критического значения за последние 8 лет и в 2018 году составило всего 27,1 тыс. чел. среди мужчин и 672,2 тыс. чел. среди женщин (снижение на 38% по сравнению с уровнем 2011 года). Для людей более зрелого возраста (старше 35 лет) данный показатель характеризуется аналогичными скачкообразными процессами. В 2018 году анализируемая величина среди женихов снизилась на 22% и составила 265,5 тыс. чел. Однако для женщин 2018 год оказался более успешным и охарактеризовался приростом показателя зарегистрированных браков за период 2011–2018 г. на 0,3%. Относительно 2017 года данная величина сократилась на 11% – до уровня 2016 года [4; 5].

Таким образом, молодое поколение не проявляет ярко выраженной позиции относительно потребности в браке. Находясь в детородном периоде (18–35 лет), современная молодежь не стремится создавать семью, отдавая предпочтение гражданскому браку. Данная позиция объясняется изменением жизненных установок, где главной целью становится материальное благополучие индивидуума. Однако для возрастной когорты старше 35 лет заключение брака остается одним из важных элементов развития и существования человека, что позволило на протяжении последних лет сохранить анализируемые показатели и избежать их серьезных расхождений.

Несмотря на значительное снижение количества браков в стране, можно увидеть, что наибольшее число зарегистрированных семейных союзов заключается в возрасте 18–35 лет, вследствие чего Правительство РФ по поручению Президента активно стремится реализовать мероприятия по моделированию ситуации увеличения демографических показателей. В данном контексте семья становится важным мотивирующим фактором стабильности отношений между партнерами в обществе. Современная семья испытывает некоторые трудности, которые необходимо решать на региональном и федеральном уровнях. Рождение и воспитание детей в семье не должно восприниматься будущими родителями как риск бедности или как причина резкого снижения уровня их благосостояния.

Президентом было предложено увеличить федеральную льготу по налогу на недвижимое имущество для многодетных семей и дополнительно освободить от налога по 5 кв. м в квартире и по 7 кв. м в доме на каждого ребенка [2]. Касаемо земельных участков, принадлежащих многодетным семьям, было предложено полностью освободить от налога 6 соток и вывести эти объекты из налогообложения. Большинство респондентов (74%) подтверждают, что владеют подробной информацией о возможности снижения ставок по ипотечным кредитам до 9% (затем до 8% и ниже), а также знают об установлении ипотечных льгот для семей с детьми на весь срок действия кредита [1]. С 2018 года для семей, в которых родился второй или последующий ребенок, действует программа льготной ипотеки по ставке 6% и субсидируется только первые 3 или 5 лет кредита. Однако только 4,5 тыс. семей воспользовались этой привилегией. Такой низкий показатель реализации связан с краткосрочным периодом льготного действия. В качестве предложения было рассмотрено продление срока действия ипотечного кредита.

Об увеличении пособия по уходу за ребенком семьям с доходом ниже двух прожиточных минимумов на человека проинформированы 60% респондентов [1]. Представ-

ленные меры были озвучены Президентом во время оглашения Послания Федеральному Собранию в 2019 году, в котором он определил выплаты для первых и вторых детей в возрасте до полутора лет с 01 января 2018 года. Размер выплаты зависит от прожиточного минимума на содержание ребенка в конкретном регионе Федерации. В среднем по стране это более 11000 рублей на ребенка в месяц. Сейчас такие выплаты получают семьи, чей доход не превышает полутора прожиточных минимумов на человека. С 1 января 2020 года будут внесены изменения, разрешающие выплаты семьям, где доходы не более двух прожиточных минимумов на каждого члена семьи [2]. Это позволит увеличить число семей, претендующих на дополнительные выплаты, почти в 1,5 раза. Таким образом, около 70% семей, в которых рождаются первый и второй ребенок, смогут получить государственную помощь.

В целом можно утверждать, что большинство граждан знают о мерах социальной поддержки семьи, однако детальной информацией не обладают. Только 27% уверены в эффективности предлагаемых мер, считая, что данные инициативы окажут положительное влияние на уровень рождаемости в стране. Особо следует отметить, что большинство респондентов (45%) признают важность такой поддержки, но сомневаются в возможности оказать существенное влияние на демографическую ситуацию таким образом [1].

Представленные данные отражают, что на сегодняшний день население страны проинформировано о вариантах работы правительства в области семейной политики. Однако для ее большей эффективности и результативности необходимо детальное уточнение определяющих моментов, что в настоящий момент затрудняет возможность применить предложенные инициативы в реальной жизни. Большинство считает данные меры правильными, но не расценивает их как сильный стимул для рождения ребенка. Стоит отметить, что наличие различных вариантов поддержки рождаемости и улучшения качества жизни населения заставляет граждан задуматься о возможности воспользоваться данным правом.

Таким образом, предлагаемые меры должны позволить преодолеть существующие проблемы в социально-демографической сфере. На сегодняшний момент в России около 34 млн людей в возрасте от 20 до 35 лет (около 23% от всего населения). По прогнозам Росстата, к 2025 году эта группа сократится до 24 млн человек, что составит лишь 16% от всех граждан. Снижение численности молодежи приведет к уменьшению количества заключенных браков и, как следствие, сокращению рождаемости. При такой перспективе именно стимулирование и побуждение молодых людей репродуктивного возраста к воспроизводству будущего поколения определит динамику изменений естественного прироста населения в стране. Согласно опросам ВЦИОМ, молодое поколение в детородном возрасте готово решиться на рождение ребенка первого или второго при условии реализации государственных инициатив. Именно реализация мероприятий по поддержке семейных ценностей, возможно, позволит восстановить естественный прирост населения страны, тем самым стабилизировать негативные демографические показатели.

Литература

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru> (дата обращения 11.06.2019).
2. Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 18.07.2019).

3. Статистический бюллетень Естественное движение населения Российской Федерации – 2018 г. URL: [http:// www.gks.ru/bgd/regl/b18_106/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_106/Main.htm) (дата обращения 01.07.2019).
4. Медведева Е.И., Крошили С.В. Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмосквья // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). С. 120–140.
5. Медведева Е.И., Муравлева В.В. Эффективность мер государственной поддержки семьи для решения демографических проблем России // Вестн. ОрелГИЭТ. 2019. № 4 (50). С. 180–186.

Информация об авторе

Медведева Елена Ильинична (Россия, г. Коломна) – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и экономики, ведущий научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет (140411, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30; e-mail: mgosgi@gmail.com); Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: info@isesp-ras.ru).

Medvedeva E.I.

MODERN FAMILY: THE PROBLEMS AND BEHAVIOR PATTERNS IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *The demographic problem is one of the most urgent in modern Russia. This is primarily due to the low birth rate and high mortality rate of the population. These trends determine measures to increase the natural growth of citizens, which are actively being worked out and implemented by the country's leadership. The family is a promising vector that will determine the nature of transformations in the future.*

Key words: *family, demography, marriage and family relations, socio-economic problems.*

Information about the Author

Elena I. Medvedeva (Kolomna, Russia) – doctor of Economics, associate Professor, Professor of the Department of Management and Economics, Leading researcher, State social and humanitarian University (mgosgi@gmail.com, 140411, Moscow region, Kolomna, Zelenaya str., d. 30, +7 (496) 615-13-30), Institute of socio-economic problems of population of the Russian Academy of Sciences (info@isesp-ras.ru, 117218, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32).

References

1. All-Russia centre of studying of public opinion (VTSIOM). URL: <https://wciom.ru> (date accessed 11.06.2019).
2. The President's address to the Federal Assembly on 20 February 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (date accessed 18.07.2019).
3. Statistical Bulletin of the Natural movement of the population of the Russian Federation – 2018. URL: [http:// www.gks.ru/bgd/regl/b18_106/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_106/Main.htm) (accessed 01.07.2019).
4. Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. Specifics of marriage and family relations of youth in the Moscow region. Problems of territory development. Vologda: Volsc RAS. 2018. № 2 (94). Pp. 120–140.
5. Medvedeva E.I., Muravleva V.V. Effectiveness of state family support measures for solving demographic problems in Russia. Bulletin Of Gilgit. Eagle. 2019. № 4 (50). Pp. 180–186.

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ¹

Аннотация. *Решение задач социально-экономического развития российских регионов сопряжено с рациональным и эффективным управлением человеческим капиталом. В свою очередь, переход национальной экономики к цифровизации генерирует как новые вызовы, так и возможности для устойчивого развития человеческого капитала на региональном уровне, что актуализирует проведение междисциплинарных исследований в данной области.*

Ключевые слова: *инвестиции, региональная экономика, устойчивое развитие, цифровая экономика, человеческий капитал.*

В научной литературе понятие «устойчивое развитие» рассматривается как непрерывный процесс социальных и экономических изменений, направленный на удовлетворение текущих и будущих потребностей общества при сохранении и рациональном использовании природных ресурсов [4]. Принципы устойчивого развития являются приоритетом социально-экономического развития нашей страны в долгосрочной перспективе, о чем также свидетельствуют положения Указа Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

Отметим, что Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию предполагает активизацию деятельности в данном процессе как федеральных, так и региональных органов власти, а достижение ее целей тесно связано с формированием и развитием человеческого капитала.

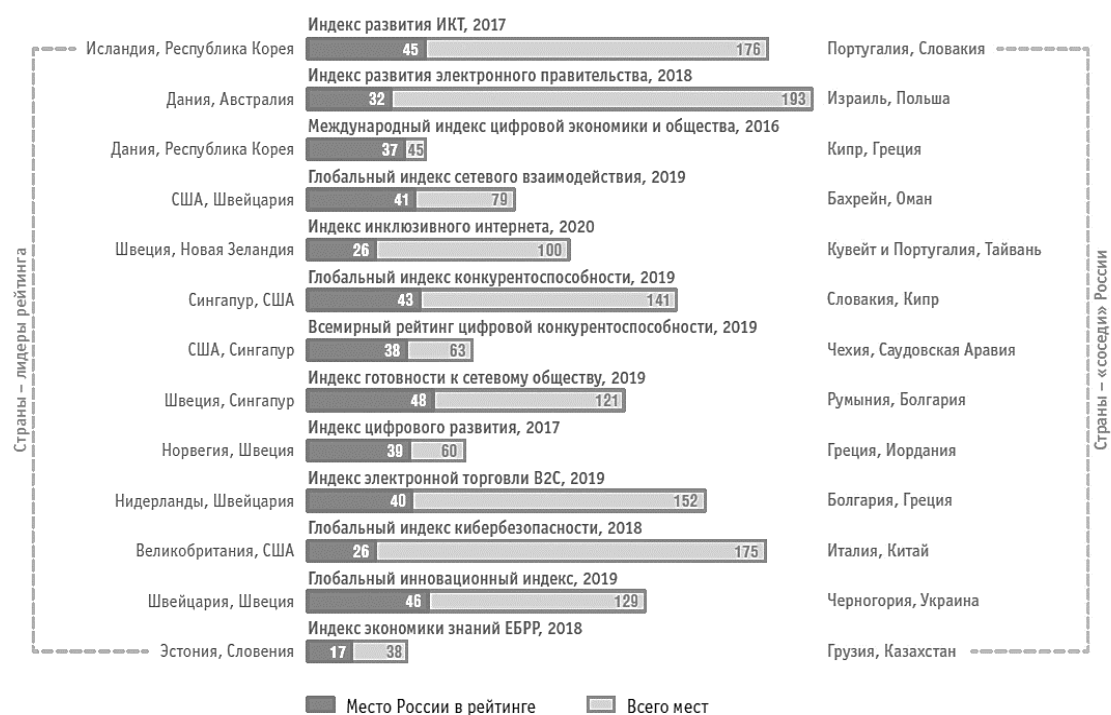
Понятие «человеческий капитал» в 1979 г. ввел Т. Шульц, а получило оно развитие в работах Г.С. Беккера, И. Бен-Порета, Ф. Нойманна, Б.М. Генкина, Е.В. Ванкевича, А.И. Добрынина, С.А. Дятлова, О.Ю. Зевеке, И.В. Ильинского, Р.И. Капелюшникова, Ю.А. Корчагина, М.М. Критского, С. М. Кузьмичева, М.Е. Николаева, Р.М. Нуреева, Е.Д. Цыреновой, Б.Г. Юдина и других авторов. Несмотря на то, что существуют различные позиции относительно трактовки исследуемого термина [1], практически все они связаны с понятием человеческого потенциала и присущими индивиду способностями, знаниями, образованием, энергией, состоянием здоровья и соответствующими инвестициями в них [3].

Устойчивое развитие человеческого капитала представляет собой процесс изменения экономического и социального положения людей с сохранением природных ресурсов, направленный на удовлетворение потребностей и повышение качества жизни. Эффективное государственное управление устойчивым развитием человеческого капитала составляет основу развития экономического потенциала страны, а также помогает грамотно выстраивать инновационное производство с учетом сохранения экологической безопасности территории. Здесь отдельно отметим, что Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве национальных целей выделяет: «сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для само-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

реализации и развития талантов; обеспечение комфортной и безопасной среды для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровую трансформацию», что актуализирует исследования перспектив и ограничений устойчивого развития человеческого капитала в условиях цифровизации экономики российских регионов.

Цифровизация российской экономики предполагает реализацию соответствующего национального проекта, который ориентируется, в том числе, на подготовку специалистов в области цифровых технологий, корректировку образовательных программ, позволяющих экономике выйти на новый уровень развития, обеспечивающий повышение уровня и качества жизни граждан. Однако в рейтингах развития цифровой экономики в сравнении с другими странами Россия занимает слабую позицию (рисунок).

Россия в международных рейтингах [2, с. 22]

Учитывая формируемые в нашей стране институциональные условия для развития цифровизации и человеческого капитала, отметим, что в перспективе это может существенно повысить уровень и качество жизни граждан. Вместе с тем для региональной экономики и управления возникает ключевой вызов, заключающийся в необходимости активного участия в реализации цифровых инициатив федерального уровня на фоне высокой социально-экономической и пространственной дифференциации, снижающей, в частности, возможности развития человеческого капитала. Как следствие, основные направления обеспечения устойчивого развития человеческого капитала в условиях цифровизации экономики российских регионов могут включать следующие мероприятия:

1) выстраивание грамотной политики в области регионального и пространственного развития, а также регулирования инновационной и инвестиционной деятельности;

2) формирование специализированных региональных стратегий, программ и проектов, ориентированных на развитие человеческого капитала, и приток инвестиций в данное направление;

3) разработку методов и инструментов оценки эффективности управления развитием человеческого капитала на региональном уровне с соответствующей системой мониторинга;

4) модернизацию сырьевого сектора экономики и развитие обрабатывающих отраслей с ориентацией на внедрение инновационных технологий и автоматизированных систем управления;

5) обеспечение роста производительности труда, оптимизацию производственных и логистических операций, снижение издержек и повышение фондоотдачи за счет внедрения цифровых технологий в производственные и управленческие процессы;

6) развитие системы оплаты труда кадров цифровой экономики, в том числе молодых специалистов, сотрудников образовательной и научной сферы, ориентированной на снижение оттока кадров из регионов;

7) реализацию форсайт-проектов в различных отраслях экономики с последующей ориентацией работодателей на подготовку работников определенной квалификации и уровня с учетом потребностей цифровизации;

8) поиск ресурсов и разработку механизмов для подготовки высококвалифицированных кадров, способных достигать целей устойчивого развития в условиях цифровизации;

9) использование образовательных стандартов, обеспечивающих внедрение технологий цифрового обучения в подготовку специалистов для разных отраслей экономики.

Литература

1. Брик Л. \В., Горельцев А. \Г. К вопросу о сущности понятия «человеческий капитал» // Вестник МГТУ. 2014. № 4. С. 637–642.
2. Индикаторы цифровой экономики – 2020: стат. сб. / Г.И. Абдрахманова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 360 с.
3. Муравьева К. Н. Инвестиции в человеческий капитал // Управленческое консультирование. 2013. № 1. С. 93–98.
4. Шакиров А.Д. О концепции устойчивого развития и ее принципах // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 217–225.

Информация об авторе

Морозов Иван Владимирович (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: morozov.iv@rea.ru).

Morozov I.V.

PROSPECTS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION ECONOMY OF THE RUSSIAN REGIONS

Abstract. *Solving the problems of socio-economic development of Russian regions involves rational and effective management of human capital. The transition of the national economy to*

digitalization generates both new challenges and opportunities for sustainable development of human capital at the regional level, which actualizes the conduct of interdisciplinary research in this area.

Key words: *Investment, regional economy, sustainable development, digital economy, human capital.*

Information about the Author

Ivan V. Morozov (Russia, Moscow) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor in Department of state and municipal management, Plekhanov Russian University of Economics (117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny lane, 36, e-mail: morozov.iv@rea.ru).

References

1. Brik L.V., Gorel'tsev A.G. K voprosu o sushchnosti ponyatiya «chelovecheskiy kapital». Vestnik MGTU. 2014. № 4. S. 637–642.
2. Indikatory tsifrovoy ekonomiki – 2020: statisticheskiy sbornik / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevskiy, L.M. Gokhberg i dr.; Nats. issled.un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VShE, 2020. 360 s.
3. Murav'eva K.N. Investitsii v chelovecheskiy kapital // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2013. № 1. S. 93–98.
4. Shakirov A.D. O kontseptsii ustoychivogo razvitiya i ee printsipakh // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2011. № 1. S. 217–225.

ЗДОРОВЬЕ ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010–2019 ГГ.¹

Аннотация. Сокращение доли детей в составе населения актуализирует задачу сохранения и укрепления их потенциала здоровья. Мониторинговые социологические исследования предоставляют возможность выявить особенности здоровья разных поколений детского населения и сформулировать рекомендации для его улучшения.

Ключевые слова: здоровье детей, заболеваемость, инвалидность, детское население, социологическое исследование.

В Российской Федерации в 2012–2017 гг. была реализована «Национальная стратегия действий в интересах детей», а с 2018 года начато выполнение программы «Десятилетие детства». Столь масштабные проекты отражают высокую значимость благополучия детей для страны. Состояние здоровья детского населения является не только целевым ориентиром национальной политики, но и условием устойчивого развития территории, осуществления воспроизводства ее населения [2].

Состояние здоровья детского населения характеризуют статистические показатели заболеваемости и инвалидности. Помимо этого, для более подробного анализа используются данные социологических исследований, содержащие сведения о заболеваниях детей, их образе жизни, самочувствии. В данной работе мы рассматриваем состояние здоровья детского населения Вологодской области, опираясь, помимо данных статистики, и на результаты когортного мониторингового наблюдения «Изучение условий формирования здорового поколения», которое ведется в ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» с 1995 года. Подробное описание его методологии представлено в статье д.э.н. А.А. Шабуневой [3].

В Российской Федерации в 2010–2018 гг. наблюдались небольшое снижение относительного показателя первичной заболеваемости детей 0–14 лет (на 7%) и относительно стабильный уровень данного показателя для подростков (рост составил всего 0,2%)². В Вологодской области в тот же период прирост значения относительного показателя первичной заболеваемости среди детей 0–17 лет составил 2%³. Заболеваемость детей 0–14 лет в регионе в период 2011–2018 гг. снижалась по всем классам заболеваний, за исключением болезней органов дыхания (прирост – 11%). Среди подростков картина была иной: выросли показатели заболеваемости, обусловленной новообразованиями (на 54%), болезнями нервной (на 28%), эндокринной системы и нарушениями обмена веществ (на 26%), врожденными аномалиями (19%), болезнями кожи (на 14%) органов дыхания (7%), костно-мышечной системы (1%). В регионе в 2019 году проживали 4719 детей-инвалидов, что на 7%

¹ Подготовлено в рамках выполнения проекта РФФИ № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества».

² Здравоохранение в России / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218>

³ В региональной статистике за 2018 год нет данных о заболеваемости детей в разрезе возрастных групп 0–14 лет и 15–17 лет. В сборнике «Здравоохранение в России» нет данных о заболеваемости детей в регионах по всем причинам в сумме, а только в разбивке по основным классам заболеваний.

больше, чем в 2012 году. Среди причин детской инвалидности в Вологодской области наиболее распространенными по состоянию на 2019 год являлись психические расстройства и расстройства поведения, болезни нервной системы, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения, болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ, в том числе, сахарный диабет. Особенность региональной картины составили растущие показатели инвалидизации детей из-за болезней глаза и его придаточного аппарата, кожи и подкожной клетчатки, отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде, на фоне снижения показателей инвалидности по этим причинам в целом по России⁴.

На здоровье детского населения оказывают влияние условия жизни, а также факторы образа жизни семьи. В рамках регионального медико-социального мониторинга объективную оценку здоровья по каждому ребенку предоставляют медицинские работники (участковые педиатры). В течение периода 2010–2019 гг. в исследовании приняли участие 5 когорт детей. Самая «старшая» когорта была набрана в 1995 году и выбыла из наблюдения к 2013 году. Когорта 1998 года рождения участвовала в мониторинге до 2015 года, 2001 года рождения – до 2018 года. Помимо перечисленных, в мониторинге были задействованы когорты детей 2004 и 2014 годов рождения.

Данные о здоровье участников исследования обобщены нами в сводной таблице. В отличие от обобщенной картины, наблюдаемой по статистическим данным, результаты мониторингового исследования позволяют увидеть, насколько выраженными были различия в состоянии здоровья детей разных возрастных групп в исследуемый период. Можно выделить ряд особенностей, характеризующих эти отличия. В старших когортах (1995 и 1998 гг. р.) к 15 годам, около 1/3 детей имели хронические заболевания, тогда как в младших когортах (2001 и 2004 гг. р.), чье детство протекало в более благоприятной социально-экономической обстановке, доля страдавших хроническими болезнями к 15 годам была в 2 раза ниже – около 15%. Так, среди детей 2001 г.р. доля хронически больных приближается к отметке в 30% только в возрасте 16 лет, но к 17 годам снижается вновь. Если же говорить о детях, рожденных в 2004 году, то к подростковому периоду (15 годам) среди них доля имевших хронические заболевания была минимальной по сравнению с другими когортами – 15%. В когорте 1995 г.р. в 15 лет ярче выражена «поляризация» участников по состоянию здоровья: по сравнению с другими когортами выше и доля здоровых детей, и доля имеющих хронические болезни. Дети 1998 г.р. в сравнении с другими когортами демонстрировали худшие параметры здоровья: начиная с возраста 14 лет, среди них оставалась самой высокой доля имевших хронические заболевания. Здоровье самой младшей когорты (2014 г.р.) стремительно ухудшилось на первом году жизни: если при рождении здоровыми были 84% детей, то уже через год – только 11,4%. В последующие годы доля здоровых детей постепенно нарастала и к 4 годам составила 26%. Но в это же время росла и доля детей с хроническими заболеваниями. По данным проведенных ранее Н.А. Кондаковой углубленных исследований, младшая когорта детей демонстрировала наилучшие

⁴ Дети-инвалиды по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности // Семья, материнство и детство / Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/3-17.xlsx

показатели здоровья, по сравнению с другими когортами, несмотря на существенную потерю потенциала здоровья на первом году жизни [1].

Доля здоровых детей и детей с хроническими заболеваниями в период 2010–2020 гг.

Когорты		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1995	1 группа	21,5	19,5	20,0							
	3 группа	26,9	18,3	22,9							
1998	1 группа	15,7	17,2	12,5	10,3	9,7	10,7				
	3 группа	22,9	24,1	35,7	30,8	41,9	32,1				
2001	1 группа	16,7	10,5	16,7	11,3	18,5	20,4	15,4	10,5	10,3	
	3 группа	17,5	22,1	24,4	25,4	20,0	25,9	15,4	28,9	17,2	
2004	1 группа	17,3	9,0	16,0	20,5	20,5	20,7	16,0	11,4	20,0	19,1
	3 группа	17,3	20,0	16,0	15,1	26,0	32,8	18,0	20,5	10,0	14,9
2014	1 группа					84,1	11,4	14,9	16,7	26,4	24,1
	3 группа					1,1	2,9	2,6	3,6	6,9	3,4

Пояснение: цветом выделены возрастные группы детей: самой светлой заливкой обозначены возраста от 0 до 5 лет, более яркой – от 6 до 10 лет, еще более яркой – от 11 до 14 лет, самой насыщенной – подростковый период 15–17 лет.
 Источник: данные когортного мониторингового наблюдения «Изучение условий формирования здорового поколения» за 2010–2019 гг.

Представленные данные свидетельствуют, что здоровье каждого поколения детского населения формируется под влиянием определенных условий среды, сочетания положительных и отрицательных факторов, которые действуют на них, начиная с рождения. Чтобы скорректировать эффект от воздействия негативных факторов, необходимы адресные меры, направленные на восстановление здоровья именно «пострадавшей» возрастной группы. В этой связи особую актуальность приобретают региональные исследования факторов формирования здоровья детей. Полученные на их основе результаты могут служить отправной точкой для разработки дифференцированных мер, направленных на предотвращение негативного влияния специфических факторов риска на здоровье каждой из возрастных групп детей.

Литература

1. Кондакова Н.А. Оценка здоровья детей Вологодской области за 1995–2019 гг.: метод когортного анализа // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65. № 6. С. 5. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1118/30/lang.ru>. DOI: 10.21045/2071-5021-2019-65-6-5
2. Римашевская Н.М. Детство как потенциал социально-демографического развития России // Народонаселение. 2011. № 2 (52). С. 4–11.
3. Шабунова А.А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 116–128.

Информация об авторе

Нацун Лейла Натиговна (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

CHILDREN'S HEALTH IN THE VOLOGDA OBLAST IN 2010–2020

Abstract. *Reducing the proportion of children in the population makes it more important to preserve and strengthen their health potential. Monitoring sociological studies provide an opportunity to identify the health characteristics of different generations of children and formulate recommendations for its improvement.*

Key words: *children's health, morbidity, disability, children's population, sociological research.*

Information about the Author

Leila N. Natsun (Russia, Vologda) – research fellow of the Department of population's research on the level and lifestyle of the FSBIS VolSC RAS (160014, 56a Gorky str., Vologda, Russia; leyla.natsun@yandex.ru).

References

1. Kondakova N.A. (2019). Ocenka zdorov'ja detej Vologodskoj oblasti za 1995-2019 gg.: metod kogortnogo analiza [Assessment of children's health in the Vologda region for 1995–2019: the method of cohort analysis]. Social'nye aspekty zdorov'a naselenia [Social aspects of population health], 65(6):5. Available from: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1118/30/lang.ru> (In Rus.). DOI: 10.21045/2071-5021-2019-65-6-5
2. Rimashevskaya N.M. (2011). Detstvo kak potencial social'no-demograficheskogo razvitija Rossii [Childhood as potential for socio-demographic development of Russia]. Narodonaselenie [Population], 2(52):1–14.
3. Shabunova A.A. (2015). Dvadcat' let monitoringa detskogo zdorov'ja: organizacija, rezul'taty, vyvody [Twenty years of children's health monitoring: organization, results, conclusions]. Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2(38):116–128 (In Rus.). DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.7

КУРЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР РИСКА ЗДОРОВЬЮ ДЕТЕЙ¹

Аннотация. В работе рассматривается проблема табакокурения в России и в мире. Приводятся новейшие статистические данные по указанной проблеме; констатируется тот факт, что хотя количество курильщиков и снижается, однако не так быстро, как это необходимо для достижения целей согласованных в Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака (РКБТ ВОЗ), которую в 2008 году ратифицировала Российская Федерация. Акцент в работе сделан на образе жизни родителей несовершеннолетних детей, их отношении к курению табака и поведенческих практиках курения / отказа от курения. Делается вывод о том, что курение родителей провоцирует подростков начинать курить, а также усложняет их борьбу с данной привычкой. Курящие родители, а таких, по нашим данным, 21,7%, нередко считают (25%), что личным примером прививают детям ЗОЖ, что, если учитывать «заразность» этой привычки, противоречит здравому смыслу. Эмпирической базой работы являются: исследование кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Межрегиональное социолого-демографическое исследование ценностей семейно-детного образа жизни (СеДОЖ)», данные Федеральной службы государственной статистики, Всемирной организации здравоохранения и Министерства здравоохранения РФ и Института сравнительных социальных исследований.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, курение табака, подростковое курение, курение родителей несовершеннолетних детей.

На сегодняшний день табакокурение является наиболее распространенной вредной привычкой, которая является самой важной причиной преждевременной инвалидности и смертности во всем мире, от которых «ежегодно умирает до 7,2 млн человек, т.е. больше, чем от СПИДа, малярии и туберкулеза вместе взятых» [6]. Тем не менее люди по-прежнему курят. 942 миллиона мужчин и 175 миллионов женщин являются курильщиками [10].

Следует отметить, что количество курильщиков и интенсивность потребления табака сокращается, однако это происходит не так быстро, как это необходимо для достижения целей, согласованных в Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака (РКБТ ВОЗ), открытой для подписания в 2003 году и насчитывающей в настоящее время 180 стран-участников. Россия ратифицировала РКБТ в 2008 г., взяв на себя обязательства «принимать последовательные меры по предотвращению потребления, маркетинга и воздействия табака» [7] и воплотить в жизнь целый комплекс антитабачных инициатив. Между тем, распространенность курения среди населения нашей страны хотя и сокращается, но остается одной из самых высоких в мире (с 37,1% в 2013 году до 30,5% в 2017 году). По показателям курения Россия пропускает вперед только Кирибати, Черногорию, Грецию и Восточный Тимор [8].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» № 18-011-01037.

На 2017 год в России курят 45% мужчин и 15% женщин [3]. Выборочное обследования репродуктивного здоровья российских женщин показало, что 11,5% из них продолжали курить, даже узнав о том, что они беременны [5]; те, кому удалось бросить курить во время беременности, с большой вероятностью вернуться к этой привычке после родов (43% в течение 6 месяцев) [9].

Согласно ВОЗ, подавляющая часть курящих взрослых начали курить будучи подростками. Количество курящих в возрасте 13–15 лет в России остается весьма высоким – 15,1%, среди них 17% мальчиков и 13,3% девочек, при этом начали курить в возрасте до 10 лет 26,3% из них [4]. Существует четкая взаимосвязь между курением родителей и желанием подростка начать курить. «В семьях с курящими родителями и даже в семьях бывших курильщиков две трети подростков хоть раз в жизни пробовали курить, в некурящих семьях таких намного меньше – 41%» [2]. В семьях, где родители курят дети начинают курить раньше и чаще становятся регулярными курильщиками [2].

Согласно данным СеДОЖ, курят 21,7% россиян, имеющих детей, среди них 31,9% мужчин и 12,5% женщин. Причем курящие ниже оценивают риски курения для здоровья, для себя и своих детей – 57% считают, что это очень вредно, против 91,7% тех, кто никогда не курил. К тому же, почти четверть курящих родителей (24,5%) заявляют, что они прививают здоровый образ жизни своим детям личным примером, что значительно ниже, чем у некурящих (63,2%), но все равно достаточно самонадеянно. Интересен тот факт, что именно курильщики (40%) считают, что ЗОЖ требует много времени и денег, тогда как среди некурящих таких 17,5%.

В последние годы Россия добилась некоторых успехов в деле борьбы с курением, однако все еще много курящих людей, в том числе среди подростков и молодежи. Необходим комплексный подход к борьбе с курением, и роль семьи здесь очень велика – формировать антитабачное сознание молодежи должны прежде всего родители, а для этого они сами должны показать детям положительный пример и побороть эту вредную привычку.

Литература

1. Влияние родителей на отношение подростков к курению / Институт сравнительных социальных исследований. URL: <http://www.cessi.ru/index.php?id=74> (дата обращения 07.11.2020).
2. Здоровый образ жизни: некоторые важные решения и показатели за 6 лет // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/info/32118> (дата обращения 07.11.2020).
3. Покатилов А.Б., Тириченко О.Ю. Курение среди несовершеннолетних // Главврач Юга России. 2017. № 2 (54).
4. Сакевич В. Распространенность курения среди россиянок // Демоскоп Weekly. 2014. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0603/reprod01.php> (дата обращения 07.11.2020).
5. Табак / ВОЗ. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/tobacco/tobacco> (дата обращения 06.05.2019).
6. Табак и Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака / ВОЗ. URL: <https://www.who.int/features/qa/tobacco/ru> (дата обращения 07.11.2020).

7. Хавайя А. В каких странах курят больше и меньше всего? // BBC News. Русская служба. 31.05.2018.
8. Lewis S., Parrott S., Wormall S., Coleman T. Re-starting smoking in the postpartum period after receiving a smoking cessation intervention: a systematic review. *Addiction*. 2016. Vol. 111. Iss. 6. Pp. 981–990.
9. The tobacco atlas. Sixth edition. Published by the American Cancer Society, Inc. URL: <https://tobaccoatlas.org> (accessed 07.11.2020).

Информация об авторе

Новоселова Елена Николаевна (Россия, г. Москва) – кандидат социологических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: alena_n@mail.ru).

Novoselova E.N.

SMOKING PARENTS AS A RISK FACTOR AMONG CHILDREN

Abstract. *The paper deals with the problem of tobacco smoking in Russia and in the world. Author analyzes the latest statistical data on this problem is presented and states that although the number of smokers is decreasing, it is not sufficient to achieve the goals of the WHO Framework Convention on Tobacco Control, which was ratified by the Russian Federation in 2008. Paper focuses on the lifestyle of parents with children, their attitude to tobacco smoking and behavioral smoking / smoking cessation practices. It is concluded that parental smoking provokes adolescents to start smoking, and also complicates their fight against this habit. Quarter of smoking parents believe that they instill a healthy lifestyle in children by personal example, which, if we take into account the “contagiousness” of this habit, is contrary to common sense. The empirical basis of the work is: research of the Department of Sociology of Family and Demography of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University “Interregional sociological and demographic study of the family-child lifestyle values (SeDOJ-2019)”, data of the Federal State Statistics Service, the World Health Organization and the Ministry of Health of the Russian Federation, Institute for Comparative Social Research.*

Key words: *health, healthy lifestyle, teenage smoking, smoking of parents.*

Information about the Author

Elena N. Novoselova – Associate Professor, PhD in Sociology, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology (alena_n@mail.ru).

References

1. Vlijanie roditel'ej na otnoshenie podrostkov k kureniju [The influence of parents on adolescents' attitudes towards smoking] // Institut sravnitel'nyh social'nyh issledovanij. URL: <http://www.cessi.ru/index.php?id=74> (07.11.2020).
2. Zdorovyj obraz zhizni: nekotorye vazhnye reshenija i pokazateli za 6 let [Healthy lifestyle: some important decisions and indicators for 6 years] // Oficial'nyj sajt pravitel'stva Rossijskoj Federacii. URL: <http://government.ru/info/32118>
3. Pokatilov A.B., Tirichenko O.Ju. Kurenje sredi nesovershennoletnih [Smoking among minors] // Glavvrach Juga Rossii. 2017. № 2 (54).
4. Sakevich V. Rasprostranennost' kurenija sredi rossijanok [The prevalence of smoking among Russian women] // Demoskop Weekly. № 603–604. 2014. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0603/reprod01.php> (07.11.2020).

5. Tabak [Tobacco] // VOZ. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/tobacco/tobacco> (data obrashhenija 06.05.2019).
6. Tabak i Ramochnaja konvencija VOZ po bor'be protiv tabaka [Tobacco and the WHO Framework Convention on Tobacco Control] // VOZ. URL: <https://www.who.int/features/qa/tobacco/ru> (data obrashhenija 07.11.2020).
7. Havajja A. V kakih stranah kurjat bol'she i men'she vsego? [In which countries are smokers most and least of all?] // BBC News. Russkaja sluzhba. 31.05.2018.
8. Lewis S., Parrott S., Wormall S., Coleman T. Re-starting smoking in the postpartum period after receiving a smoking cessation intervention: a systematic review // *Addiction*. 2016. Vol. 111. Iss. 6. Pp. 981–990.
9. The tobacco atlas. Sixth edition. Published by the American Cancer Society, Inc. URL: <https://tobaccoatlas.org> (data obrashhenija 07.11.2020).

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

Аннотация. В работе на примере регионов Центрального Черноземья отмечается необходимость выявления субъективных представлений населения о проблемах демографического развития территории как необходимой информационной основы для принятия управленческих решений в сфере регулирования демографических процессов.

Ключевые слова: население, демографическое развитие, рождаемость, репродуктивные установки, регионы России.

Для современного российского общества в целом и его регионов актуальна проблема внешних и внутренних вызовов [1], поиск адекватного ответа на которые составляет одну из ключевых задач дальнейшего социально-экономического и общественно-политического развития страны в XXI веке. К числу значимых внутренних вызовов социально-демографического развития России и большинства субъектов федерации относится депопуляция населения, связанная во многом с сохранением низкого уровня рождаемости и соответственно сокращением численности молодых возрастов в составе населения [2; 5; 6]. При этом для регионов Центрального Черноземья эта проблема носит особенно острый характер, что требует обратить внимание на факторы разной природы (как объективной, так и субъективной) и особые региональные условия, определяющие специфику демографической ситуации в этом макрорегионе России.

В регионах Центрального Черноземья одной из причин депопуляции населения выступает низкая рождаемость. По данным государственной статистики, с середины 2000-х гг. до 2015 г. в Курской области, как и во всех регионах Центрального Черноземья, наблюдался некоторый рост рождаемости. Однако с 2016–2018 гг. отмечается обратная тенденция [4, с. 65]. В 2018 г. в областях этого макрорегиона коэффициент общей рождаемости различался в пределах от 8,1 ‰ в Тамбовской области до 9,5 ‰ в Липецкой области. Для Курской области, как и для Белгородской и Воронежской областей, он составил 9,2 ‰ [4, с. 65]. По шкале величин общего коэффициента рождаемости, предложенной В.А. Борисовым и Б.Ц. Урланисом, значения этого показателя для макрорегиона составляют меньше 16‰, что соответствует низкому уровню рождаемости и свидетельствует о высоком уровне этого демографического риска, поскольку данный уровень рождаемости не обеспечивает простое воспроизводство населения.

В связи с этим возникает необходимость выявления субъективных представлений населения о проблемах демографического развития территории как необходимой информационной основы для принятия управленческих решений в сфере регулирования демографических процессов. Здесь отметим, что на рождаемость как главный компонент демографического развития территории оказывают влияние как репродуктивные установки населения на рождение определенного количества

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» № 18-011-00739.

детей, так и субъективные представления людей о благоприятности социальных и экономических условий для рождения и воспитания детей.

Для выявления ключевых проблем демографического развития этого макрорегиона на примере населения Курской области обратимся к данным опроса населения, проведенного нами в рамках регионального мониторинга на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» среди населения Курской области в 2020 г. (N=400 человек).

Подавляющее большинство курян (96,2%) отмечают наличие низкого уровня рождаемости в регионе и существование препятствий его росту. Тем самым в региональном общественном мнении находит отражение острота проблемы депопуляции населения.

Ключевыми причинами снижения уровня рождаемости в Курской области ее жители считают низкие доходы (отметили 68,5% опрошенных); неудовлетворительные жилищные условия (назвали 33,2% респондентов) и распространенность установки на рождение одного ребенка (38,2% опрошенных). Только десятая часть курян относят к препятствиям росту рождаемости в регионе недостаточную материальную поддержку семей с детьми со стороны государства (11,5%) и другие причины.

Отметим, что на протяжении последних десяти лет в общественном мнении жителей Курской области доминируют представления о ведущей роли материальных факторов в сохранении низкого уровня рождаемости в регионе [5]. При этом по сравнению с предшествующим десятилетием к настоящему времени существенно возросло число тех, кто подчеркивает значимость в этом процессе субъективного фактора – репродуктивной установки на рождение одного ребенка. Если в 2009 г. ведущую роль установки на малодетность как регулятора демографического развития региона отмечали 24,3% опрошенных в региональном мониторинге, в 2018 г. – 32,9%, то в 2020 г. их число составило уже 38,2%.

Таким образом, на примере Курской области как одного из регионов Центрального Черноземья показано, что большинство населения оценивает в качестве ключевых препятствий росту рождаемости в области низкий уровень доходов и жилищных условий. Наряду с этим в общественном мнении укрепляется убеждение в повышении значимости репродуктивной установки на рождение одного ребенка.

Литература

1. Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации // Философские науки. 2014. № 11. С. 32–45.
2. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / А.А. Шабунова [и др.]; отв. ред. А.А. Шабунова. Вологда: Ин-т социал.-эконом. развития территорий РАН, 2013. 151 с.
3. Пасовец Ю.М. К вопросу о региональном измерении современного российского общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 90–94.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
5. Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья / Когай Е.А. [и др.]. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2018. 192 с.

6. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 36-57. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.2

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна (Россия, г. Курск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет» (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33; e-mail: yulia_pasovets@mail.ru).

Pasovets Yu.M.

KEY PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN ESTIMATES OF POPULATION OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGIONS

Abstract. *The paper notes the need to reveal the subjective ideas of the population about the problems of the territory demographic development as a necessary information basis for making management decisions in the field of regulating demographic processes. This subject is considered on the example of the Central Black Earth regions.*

Key words: *population, demographic development, fertility, reproductive attitudes, Russian regions.*

Information about the Author

Yuliya M. Pasovets (Russian Federation, Kursk) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education «Kursk State University» (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation, yulia_pasovets@mail.ru).

References

1. Belyaeva L.A. Sociocultural challenges to Russian modernization. Russian Journal of Philosophical Sciences. 2014. No. 11. Pp. 32–45.
2. The Young People of Modern Russia – a Key Resource of Modernization / A.A. Shabunova et al. Under the general editorship of A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2013. 151 p.
3. Pasovets Yu.M. To a question of regional measurement of contemporary Russian society. In Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. 2017. No 1. Pp. 90–94.
4. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019: stat. ed. / Rosstat. Moscow, 2019. 1204 p.
5. Socio-cultural potential of the modernization reforms of the Central Chernozem regions / Kogay E.A., Pasovets Yu.M. et al.; Kursk State University. Kursk: Kursk State University, 2018. 192 p.
6. Shabunova A.A., Leonidova G.V., Kalachikova O.N. Children and Young People in Russia: Global Challenges of Modernity. In Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2015. No. 6 (42). Pp. 36–57. DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.2

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ, ОРГАНИЗАЦИОННОМ И ОБЩЕСТВЕННОМ УРОВНЯХ¹

Аннотация. В работе представлены результаты апробации авторского инструментария оценки масштабов и последствий прекаризации занятости в России. В ходе анализа сделан акцент на необходимости обособленного рассмотрения устойчивости положения наемных работников и самозанятых.

Ключевые слова: занятость, прекаризация занятости, неустойчивая занятость, рынок труда, нестандартная занятость.

В современном мире вопросы прекаризации занятости как глобального процесса дестабилизации трудовых отношений приобретают все большую актуальность. Согласно данным Web of Science Core Collection, если в начале 2000-х гг. ежегодное количество публикуемых работ в этой области не превышало нескольких единиц, то только за 2019 г. их насчитывалось более двухсот². Причины такого интереса кроются не только в широком распространении данного феномена, но и в многогранности его эффектов [1].

В связи с ограниченностью данных официальной статистики для оценки масштабов и последствий прекаризации занятости многие ученые обращаются к методам социологического исследования. В этом случае в качестве результирующей переменной зачастую используют показатель неустойчивой занятости, в самом общем виде представляющий собой вынужденное состояние уязвимости и социальной незащищенности, связанное с организацией трудовой деятельности работника. Взаимосвязь категорий «прекаризация занятости», «неустойчивая занятость» и ряда смежных понятий отражена на рис. 1.

Рис. 1. Логическая схема взаимосвязи категорий «прекаризация занятости» и «неустойчивая занятость»

Источник: составлено авторами.

¹ Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-3571.2019.6.

² Поиск осуществлялся по словосочетаниям «precarious work» и «precarious employment» в названии, аннотации и ключевых словах публикаций. Хотя выбранные понятия имеют несколько иную смысловую нагрузку, нежели термин «прекаризация занятости», именно они получили наибольшее распространение в англоязычной научной литературе для обозначения процесса дестабилизации трудовых отношений.

Несмотря на многообразие подходов к изучению неустойчивой занятости [2], в научных источниках не сложилось четкого представления о методах ее оценки, что во многом обусловлено субъективной природой рассматриваемого феномена. В рамках настоящего исследования мы попытались решить данную проблему, выделив в качестве основы ряд объективных критериев как для наемных работников, так и самозанятых. Наличие хотя бы одного из обозначенных в табл. 1 признаков интерпретировалось нами как отход от принципов устойчивой занятости. Информационную базу работы составили данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2020 год³. Обработка полученных данных осуществлялась при помощи статистического пакета SPSS.

Расчеты показали, что среди наемных работников в Вологодской области охват неустойчивой занятостью составляет 39% (рис. 2). Как и в ранее проведенных нами исследованиях [4, с. 267–270], наибольшую подверженность процессам прекаризации демонстрируют нестандартные рабочие места. При этом почти каждый третий опрошенный, трудовые отношения которого с работодателем могут быть охарактеризованы как стандартные (31%), находится в состоянии уязвимости и социальной незащищенности. В случае с предпринимательской деятельностью признаки неустойчивости наблюдаются у 28% самозанятых.

Таблица 1. Критерии выделения стандартной и неустойчивой занятости и их интерпретация в исследовании

Критерий оценки	Интерпретация в исследовании
Стандартная занятость*	
1. Отсутствие вторичной занятости	Занятость только по основному месту работы
2. Регулярность занятости	Постоянная (регулярная) занятость
3. Занятость в режиме полного рабочего времени	Полный рабочий день
4. Официальное трудоустройство	Бессрочный (постоянный) договор
5. Бессрочный характер трудовых отношений	
6. Наличие социальных гарантий по месту работы	Социальные гарантии не предоставляются
Неустойчивая занятость (наемные работники)	
Объективные критерии (для выявления масштабов распространения неустойчивой занятости)	
1. Неформальный характер трудовых отношений по инициативе работодателя	Работодатель отказывается заключать трудовой договор
2. Отсутствие базовых социальных гарантий	По основному месту работы не предоставляются следующие социальные гарантии: обязательное социальное страхование, оплачиваемый очередной отпуск, оплата временной нетрудоспособности
3. Низкий уровень оплаты труда	Размер заработной платы ниже величины МРОТ
Субъективные критерии (для оценки степени неустойчивости положения)	
1. Работник находится в состоянии уязвимости	За последние 12 месяцев респондент: 1) испытывал чувство беспокойства из-за угрозы потерять работу; 2) постоянно сталкивался с нарушением своих трудовых прав; 3) регулярно сталкивался с задержкой и невыплатой заработной платы

³ Объектом исследования является население Вологодской области трудоспособного возраста. Опросы проводятся в городах Вологде и Череповце, а также в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3–4%.

Критерий оценки	Интерпретация в исследовании
2. Работник находится в состоянии социальной незащищенности	Отсутствие возможностей для диалога с работодателем без угрозы увольнения или понесения наказания в части отстаивания своих трудовых прав и улучшения условий труда
Неустойчивая занятость (самозанятые)	
Объективные критерии (для выявления масштабов распространения неустойчивой занятости)	
1. Неформальный характер занятости	Ведение предпринимательской деятельности с нарушением норм российского законодательства
2. Низкий уровень оплаты труда	Размер заработной платы ниже величины МРОТ
Субъективные критерии (для оценки степени неустойчивости положения)	
1. Вынужденный характер занятости	Отсутствие возможности найти более достойную работу (в т.ч. по найму)
2. Уязвимость положения	Занимаясь предпринимательством респондент постоянно находится в состоянии уязвимости, испытывает страх лишиться заработка и работы в целом
* Более подробно о методике оценки стандартной/нестандартной занятости см. [3]. Источник: составлено авторами.	

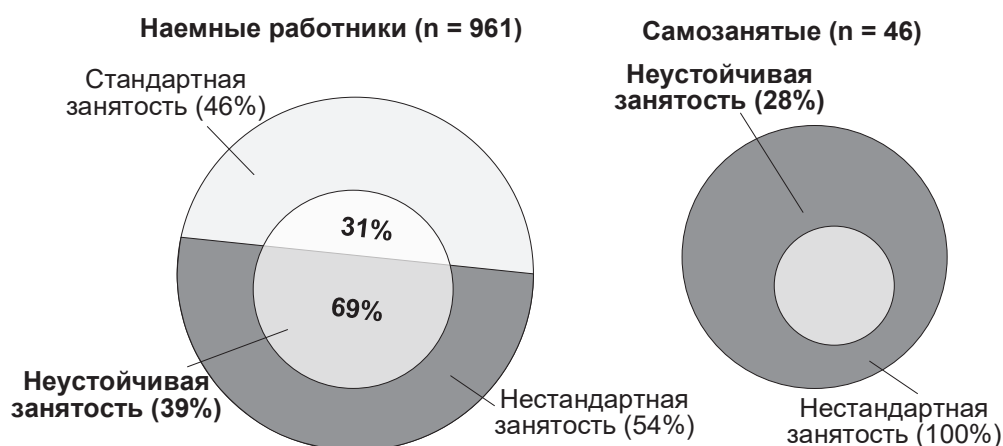

Рис. 2. Масштабы распространения неустойчивой занятости в Вологодской области

Источник: здесь и далее – рассчитано авторами на основе данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020 г.

В силу немногочисленности категории самозанятых ($n = 46$), что ограничивает возможности применения методов статистического анализа, в дальнейшей работе сделан акцент на наемных работниках ($n = 961$), которые составляют основу экономически активного населения. Для выявления эффектов неустойчивой занятости на различных уровнях организации общества мы использовали таблицы сопряженности. В качестве своеобразного эталона были отобраны респонденты со стабильными трудовыми отношениями (при таком состоянии выделенные в таблице 1 признаки неустойчивости отсутствуют). Обратимся к полученным результатам.

На индивидуальном уровне неустойчивая занятость помимо собственно уязвимости и социальной незащищенности оборачивается снижением качества трудового потенциала, среднемесячного заработка, профессиональных перспектив, удовлетворенности трудовой и повседневной жизнью (табл. 2). Примечательно,

что наличие субъективных признаков неустойчивости только усугубляет положение наемных работников.

Таблица 2. Сравнительные характеристики работников со стабильной и неустойчивой занятостью

Категория	Удельный вес, %	Индекс качества ТП*, усл. ед.	Среднемес. зарплата, руб.	Высоко оценивают востребованность в профессии, %	Удовлетворены ..., %		
					условиями труда	работой	жизнью
Стабильная занятость	60,7	0,680	27411,2	70,5	61,2	69,1	73,8
Неустойчивая занятость (только объект. критерии)	19,9	0,670	24948,5	64,4	59,7	63,4	65,4
Неустойчивая занятость (объект. и субъект. критерии)	19,5	0,648	23124,6	49,7	52,9	56,1	58,3
* Расчет индекса качества трудового потенциала, значения которого варьируются от 0 до 1, осуществляется посредством оценки его 8 базовых компонентов: физическое и психическое здоровье, когнитивный и творческий потенциалы, коммуникативность, культурный и нравственный уровни, потребность в достижениях. Более подробно с методикой можно ознакомиться в [5].							

На организационном уровне последствия прекаризации негативно сказываются, прежде всего, на показателях трудовой активности работников (табл. 3). Кроме того, в случае неустойчивой занятости заметно чаще наблюдаются случаи несоответствия квалификации требованиям рабочих мест, недоиспользования накопленного трудового потенциала, текучести кадров, развития инструментального отношения к труду и т.д.

Данные мониторинга показывают, что на общественном уровне эффекты прекаризации занятости в основном проявляются в ухудшении уровня и качества жизни населения, снижении социальной активности (например, в части участия в общественной деятельности), негативных практиках самосохранительного поведения (курении, злоупотреблении алкоголем и т.д.).

Таблица 3. Трудовая активность работников со стабильной и неустойчивой занятостью

Характеристика трудовой активности	Вариант ответа	Стабильная занятость	Неустойчивая занятость (только объект. критерии)	Неустойчивая занятость (объект. и субъект. критерии)
Сдача работы с первого предъявления с высоким качеством (оценкой), без замечаний	Часто бывает	53,5	48,9	32,4
Перевыполнение норм выработки (планов, нормированных заданий) более чем на 100% (делаю больше, чем требуют)		38,4	39,7	28,4
Подача рационализаторских предложений, предложений по улучшению работы в цехе, отделе и т.д.		15,3	14,2	8,2
Опоздания, прогулы, уход с работы раньше времени	Совсем не бывает	73,5	73,2	65,0
Срывы в работе: по Вашей вине случались аварии, простаивало оборудование и т.д.		70,1	76,3	62,8
Невыполнение норм выработки (планов, нормированных заданий), делаю меньше, чем от меня требуют		59,6	57,4	49,2

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о масштабах и многогранности последствий прекаризации занятости, которые проявляются на различных уровнях организации общества. В этом плане важным видится дальнейшее осмыс-

ление сущности и методов измерения прекаризации и неустойчивой занятости, что может стать отправной точкой для проведения общенационального мониторинга устойчивости положения работников.

Литература

1. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*. 2009. № 1 (74). Pp. 1–22. DOI: 10.1177/000312240907400101
2. Кученкова А.В. Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 134–143. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-134-143
3. Попов А.В. Работники стандартной и нестандартной форм занятости на региональном рынке труда // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2189>
4. Попов А.В. Неустойчивая занятость: распространенность и социально-демографические характеристики работников // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 264–279.
5. Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 1998. 76 с.

Информация об авторах

Попов Андрей Васильевич (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Соловьева Татьяна Сергеевна (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru).

Popov A.V., Soloveva T.S.

CONSEQUENCES OF EMPLOYMENT PRECARIZATION AT INDIVIDUAL, ORGANIZATIONAL AND SOCIETY LEVELS

Abstract. *The paper presents the approbation results of the author's tools for measuring the scale and effects of employment precarization in Russia. The analysis highlighted the need for a separate consideration of the sustainability of employees and self-employed workers.*

Key words: *employment, employment precarization, precarious work, labor market, non-standard employment.*

Information about the Authors

Andrei V. Popov (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Tatiana S. Soloveva (Russia, Vologda) – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: solo_86@list.ru).

References

1. Kalleberg A.L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*, 2009, vol. 74, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.1177/000312240907400101
2. Kuchenkova A.V. Precarious employment: Methodology of measurement. *RUDN Journal of Sociology*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 134–143. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-134-143 (in Russian).
3. Popov A.V. Employees of Standard and Non-Standard Forms of Employment on the Regional Labor Market. *Social area*, 2017, no. 1 (8). URL: http://socialarea-journal.ru/article/2189?_lang=en (in Russian).
4. Popov A.V. Precarious employment: diffusion and socio-demographic characteristics of employees. *E-journal. Public Administration*, 2017, no. 63, pp. 264–279 (in Russian).
5. Il'in V.A., Smirnova N.A., Timofeeva Ya.B. Kachestvo trudovogo potent-siala naseleniya Vologodskoj oblasti [Labor potential quality of the Vologda region population]. *Vologda: Vologodskij nauchno-koordinatsionnyj tsentr CEMI RAS* (in Russian).

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕОБУЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА И ЛОКАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА

Аннотация. В докладе рассматривается проблема профессионального переобучения людей предпенсионного возраста. На основании проведенного социологического исследования выделяются особенности положения данной возрастной группы на локальном рынке труда, в том числе их оценка возможностей трудоустройства и уровень готовности к переобучению.

Ключевые слова: предпенсионный возраст, профессиональное переобучение, локальный рынок труда.

Современные общества живут в эпоху перемен, которые необратимо меняют окружающий мир. Одной из важных детерминант социально-экономического развития современных обществ является процесс старения населения. Последствия этого процесса несут в себе как положительный, так и отрицательный заряд. Положительно то, что гуманизация обществ ведет к обеспечению творческого долголетия, что поможет использовать трудовой потенциал пожилых людей, имеющих образование, достигших высокой квалификации в своей профессиональной карьере, имеющих определенный социальный статус. Но для этого необходимы определенные социальные условия, которые зависят в основном от состояния рынка труда, а именно от наличия на нем рабочих мест. Отрицательно то, что это ведет к продлению пенсионного возраста, что не всегда оправданно в условиях рынка труда, на котором существует дискриминация по возрастному признаку.

В России дополнительное образование взрослых рассматривается преимущественно как дополнительное профессиональное образование, которое направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды. Все существующие другие формы обучения взрослых организационно и административно находятся в различном подчинении, оторваны друг от друга и не объединены единой системой [1, с. 128]. Возникает противоречие между востребованностью развития переподготовки и переобучения и отсутствием системы, обеспечивающей реализацию его ключевых принципов: новые базовые знания для всех; увеличение инвестиций в человеческие ресурсы; сохранение баланса между состоянием рынка труда и потенциалом имеющегося человеческого ресурса.

В основу создания единой системы профессиональной переподготовки следует заложить принцип социального заказа, как понимание особенностей устройства социальной среды, а именно рынка труда. Такое рассмотрение социального заказа отражает перенесение акцентов особенностей дополнительного профессионального образования применительно к среднему общему и высшему профессиональному образованию. Если среднее образование рассматривать как общую допрофессиональную подготовку, высшее – как базовую профессиональную подготовку, тогда дополнительное профессиональное образование реализует профессиональную подготовку специалиста в узком смысле этого слова, то есть с учетом спроса на

локальном рынке труда. Социальный заказ на дополнительное профессиональное образование строится на основе потребностей общества в развитии производства, повышении его эффективности, необходимости эффективного использования человеческого капитала.

В условиях пенсионной реформы именно от эффективности сформированности системы профессионального дополнительного образования зависит уровень гарантий обеспеченности рабочими местами людей предпенсионного возраста. Для принятия адекватных состоянию локального рынка труда решений по переподготовке кадров необходимо понимать, в каком положении находятся различные возрастные группы. По результатам опроса людей предпенсионного возраста г. Ярославля (n=600 чел.) по вопросу «Как Вы расцениваете возможности людей предпенсионного возраста устроиться на работу?» получен результат (табл. 1).

Таблица 1. Оценка возможностей трудоустройства людьми предпенсионного возраста, % от числа опрошенных, n=600

Вариант ответа	%
Не могу оценить	12,7
Устроиться можно только по связям	12,1
Устроиться на работу, которая нравится, можно	5,6
Устроиться возможно, но только на такую работу, на которую никто не хочет	15,2
Устроиться трудно, но возможно	33,6
Практически невозможно, никто не берет на работу людей этого возраста	20,8

Данный результат говорит о дискриминации людей данной возрастной группы на локальном рынке труда, а также о его состоянии.

Роль вузов в создании системы дополнительного профессионального образования не стоит преуменьшать, так как в них сосредоточен высокий интеллектуальный, организационный и материально-технический потенциал, который может быть использован для эффективной работы по оказанию дополнительных образовательных услуг населению, предприятиям и учреждениям [2, с. 155].

В качестве основных принципов создания местной системы непрерывного профессионального образования можно предложить следующие:

- создание единой институциональной среды, осуществляющей дополнительные профессиональные программы;
- уточнение на уровне местного законодательства видов дополнительных образовательных программ, отвечающих динамичным изменениям на локальном рынке труда с актуализацией образовательных программ и услуг;
- распределение ответственности между всеми участниками процесса, в котором общество формирует спрос на образовательные услуги, поставщик определяет их ассортимент и цену, а государство контролирует процесс и состояние локального рынка труда;
- непрерывное профессиональное образование должно создаваться как система, составляющая единый комплекс с экономикой и рынком труда с обратной связью: образовательное учреждение – предприятие, что позволит создавать образовательные программы, соответствующие запросам рынка труда. Предприятия и организации, в свою очередь, должны выступать в роли активных агентов на рынке труда посредством формирования требований к уровню подготовки специалистов, участия в формировании образовательных программ, организации внутрифирменного обучения.

Положение современного взрослого человека предпенсионного возраста в условиях пенсионной реформы, прежде всего, в сфере труда во многом зависит от уровня его компетентности, что предусматривает повышение уровня профессиональной, функциональной и информационной компетентности как условие соответствия требованиям рынка труда, грамотного поведения в современной социально-экономической ситуации. Принятие решения о смене профессии или профессиональной квалификации через приобретение дополнительного образования, становится не столько необходимостью для личностного роста или удовлетворения интересов, сколько условием выживания. И здесь, кроме проблемы несформированности институциональной среды дополнительного профессионального образования, люди данной возрастной когорты сталкиваются с проблемами социально-психологического свойства: навыки обучения и самообразования у этих людей формировались в совершенно иной, нежели сегодняшняя, образовательной и социально-экономической среде [3, с. 51]. Прежде всего, речь идет о работе с информацией. Трудности связаны с объемами, вариативностью, клиповостью сведений, поступающих из окружающего мира, кроме того, с проблемой работы в информационных средах с помощью компьютерной техники. Организуя обучение данных возрастных групп, необходимо представлять и учитывать типичные как внешние, так и внутренние трудности, с которыми они столкнутся в современной ситуации. Наиболее существенным фактором, осложняющим включение человека в образовательный процесс, является несформированность установки на необходимость для современного человека пожизненного образования и отсутствие мотивации к переобучению. По данным опроса возрастных групп предпенсионного возраста по репрезентативной для данной возрастной когорты выборке на вопрос: «Лично Вы готовы пройти переобучение на новую профессию и на каких условиях?» получены следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2. Уровень готовности людей предпенсионного возраста к переобучению, % от числа опрошенных, n=600

Вариант ответа	%
Да, соглашусь и за собственные средства	5,5
Нет, ни на каких условиях не буду переучиваться на новую профессию	38,4
Да, но только за счет государства	56,1

Отсутствие мотивации к переобучению является одним из основных факторов, осложняющих проведение реформы по увеличению пенсионного возраста.

Основные выводы:

- состояние локального рынка труда является основным фактором для создания системы профессиональной переподготовки людей предпенсионного возраста;
- создание системы переобучения и профессиональной переподготовки предпенсионеров должно основываться на потребностях и возможностях локального рынка труда;
- количество людей, не мотивированных к переобучению, является преградой для создания системы дополнительного профессионального образования.

Литература

1. Хайрутдинова Е.Р., Тарасюк О.В. К вопросу о развитии дополнительного образования в современных условиях // Непрерывное образование: теория и практика реализации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 2018. С. 127–130.

2. Шайдуров А.А. Условия реализации непрерывного образования // Непрерывное образование: теория и практика реализации: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. 2020. С. 155–157.
3. Курденкова О.П. Принципы непрерывного образования: проблемы и опыт реализации в России // Инновации в образовании. 2015. № 1. С. 48–57.

Информация об авторах

Попова Ирина Викторовна (Россия, г. Ярославль) – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальных технологий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10; e-mail: pivik@list.ru).

Дудина Ирада Мехтиевна (Россия, г. Ярославль) – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10; e-mail: irada.dudina.81@mail.ru).

Popova I.V., Dudina I.M.

PROBLEMS OF PROFESSIONAL RETRAINING OF PRE-RETIREMENT AGE AND THE LOCAL LABOR MARKET

Abstract. *The report examines the problem of professional retraining of people of pre-retirement age. Based on the conducted sociological research, the peculiarities of the situation of this age group are highlighted, including their assessment of employment opportunities and the level of readiness for retraining.*

Key words: *pre-retirement age, professional retraining, local labor market.*

Information about the Authors

Irina V. Popova – doctor of social sciences, Head of the Department of social technologies, P.G. Demidov Yaroslavl State University (150000, Yaroslavl, st. Sovetskaya, 10, e-mail: pivik@list.ru).

Irada M. Dudina – candidate of social sciences, Senior Lecturer, Department of Social Policy, P.G. Demidov Yaroslavl State University (150000, Yaroslavl, st. Sovetskaya, 10, e-mail: irada.dudina.81@mail.ru).

References

1. Khairutdinova E.R., Tarasyuk O.V. On the development of additional education in modern conditions // Continuous education: theory and practice of implementation. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2018. Pp. 127–130.
2. Shaidurov A.A. Conditions for the implementation of lifelong education // Lifelong education: theory and practice of implementation. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. 2020. Pp. 155–157.
3. Kurdenkova O.P. Principles of lifelong education: problems and experience of implementation in Russia // Innovations in education. 2015. No. 1. Pp. 48–57.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ГОРОДАХ ВОЛОГДЕ И ЧЕРЕПОВЦЕ

Аннотация. *Охрана и укрепление здоровья детского населения Российской Федерации – это важная междисциплинарная проблема. Учеными доказано, что дети являются одной из уязвимых групп населения городов с неблагоприятными экологическими условиями. В статье на основе анализа результатов мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» за 2015–2019 гг. показано влияние экологических факторов на здоровье детей в возрасте от 1 до 5 лет в столице Вологодской области – индустриальном центре Череповце.*

Ключевые слова: *здоровье детского населения, неблагоприятные экологические условия, группы здоровья.*

Не соответствующее стандартам качество воздуха, плохое водоснабжение и неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия, опасные химические вещества в воздухе, воде и почве, шум – наиболее распространенные факторы воздействия на окружающую среду, определяющие высокие доли болезней среди детей и подростков в Европе. По данным Всемирной организации здравоохранения неблагоприятные воздействия экологии являются причиной 1/3 всех заболеваний детей в возрасте до 5 лет в мире. До 26% случаев смерти детей в этом возрасте можно было бы предотвратить в случае устранения рисков, связанных с окружающей средой [1], поэтому актуально изучение влияния неблагоприятных экологических факторов на здоровье детей.

Роспотребнадзор выделяет четыре типа регионов России с разными уровнями санитарно-эпидемиологического благополучия населения. К первому типу отнесены территории с наиболее благоприятными показателями санитарно-эпидемиологической ситуации. Ко второму – территории со средними показателями. К группе регионов третьего типа отнесены территории с выраженными санитарно-гигиеническими проблемами. К четвертой – с сильно выраженными санитарно-гигиеническими, социально-экономическими и медико-демографическими проблемами [2; 3]. В 2015 году Вологодская область была отнесена наравне с еще 21 субъектом РФ ко второму типу регионов. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что на территории области расположен один из крупнейших металлургических центров России – г. Череповец. По объему выбросов в атмосферу от стационарных источников он находится на втором месте в России. В Вологде основным источником загрязнения являются промышленные предприятия АО «Вологодский подшипниковый завод», ОАО «Вологодский оптико-механический завод, ОАО «Вологодский машиностроительный завод», ОАО «Вологодский вагоноремонтный завод», ОАО «Бываловский машиностроительный завод», Вологодский механический завод, ЗАО «Союзлесмонтаж».

Целью исследования стал анализ влияния неблагоприятных экологических условий на здоровье детей 1–5 лет в городах Вологде и Череповце.

Материалы и методы: использован социологический метод, анкетный опрос родителей детей когорты 2014 года, проживающих в г. Вологде и г. Череповце.

Объект: дети от 1 до 5 лет когорты 2014 года рождения. Количество обследованных составило в 2015 г. – 210 чел., в 2016 г. – 194; в 2017 г. – 168; в 2018 г. – 130; в 2019 г. – 145 человек¹.

Актуальность исследования подтверждается статистическими данными и результатами научных исследований. Показатели первичной заболеваемости детей в области острыми респираторными заболеваниями верхних и нижних дыхательных путей в 2017 г., по сравнению с 2016 годом выросли на 1 и 10%, соответственно пневмоний – на 52%, острыми респираторными заболеваниями верхних дыхательных путей – на 1%. За 2016–2017 гг. Также возросла первичная заболеваемость детей, обусловленная болезнями мочеполовой системы (на 9%), новообразованиями (на 2%), отдельными состояниями, возникающими в перинатальный период (на 1%), инфекционными и паразитарными болезнями (на 0,4%)².

Исследование базируется на субъективных оценках экологических условий в месте проживания опрашиваемых семей с детьми. Данные мониторинга позволяют проанализировать экологическую обстановку в местах проживания семей с детьми обследуемой когорты в Вологодской области. Установлено, что за период с 2015 по 2019 год доля родителей, оценивших условия как неблагоприятные, в большинстве случаев жители г. Череповца (от 15 до 22%).

Мы понимаем, что существуют и другие факторы риска здоровья детского населения, тем не менее получено, что среди детей первого года в плохих условиях проживало 11,1%, это почти в 2 раза больше, чем здоровых, проживающих в этих же условиях. В динамике к пятилетнему возрасту показатели сохранились (12,7 и 8,6% соответственно). Дети пятилетнего возраста, которые с возраста одного года проживали в хороших и удовлетворительных условиях, в 74 % случаев имели вторую группу здоровья и ниже. Дети, проживавшие в плохих и очень плохих условиях, – в 100% случаев имели функциональные и хронические заболевания (табл. 1).

Таблица 1. Динамика групп здоровья* детей от 1 до 5 лет когорты 2014 года рождения за период с 2015 по 2019 гг., % от числа ответивших

Экологические условия в возрасте 1 год	Группа здоровья в 5 лет	
	I	II...VI
Хорошие, удовлетворительные	26,3	73,7
Плохие, очень плохие	0,0	100,0

* Группы здоровья детей определялись в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения РФ от 10.08.2017 № 514н «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних».
Источник: данные мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» за 2015. 2019 год.

К пятилетнему возрасту снизился показатель группы здоровья в большем проценте случаев у детей, проживавших в неблагоприятных экологических условиях в 43,8%, по сравнению с теми детьми, которые проживали в хороших и удовлетворительных (табл. 2).

¹ В 2015 году опрошено в Вологде 94 чел., в Череповце – 84; в 2016 г. – 81 и 85 чел.; в 2017 г. – 68 и 72 чел.; в 2018 г. – 57 и 44; в 2019 году – 61 и 54 человека соответственно.

² Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2017 год: стат. сб. / Департамент здравоохранения Вологодской области, Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 2018. 83 с.

Таблица 2. Изменение групп здоровья детей от 1 до 5 лет когорты 2014 года рождения с 2015 до 2019 года, % от числа ответивших.

Экологические условия в возрасте 1 года	Изменение группы здоровья к 5 годам	
	осталась прежней или улучшилась	снизилась
Хорошие, удовлетворительные	67,6	32,4
Плохие, очень плохие	56,3	43,8
Источник: данные мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» за 2019 год.		

В ходе анализа данных социологического опроса выявлено, что в 2015–2019 гг. от 15 до 22% родителей оценили экологические условия на территории проживания семей с детьми в г. Вологде и Череповце «плохими» и «очень плохими». По результатам исследования получено, что неблагоприятные экологические условия оказывают негативное влияние на здоровье детей дошкольного возраста.

Безопасная, здоровая и защищающая окружающая среда имеет ключевое значение для обеспечения нормального и здорового развития всех детей. Поэтому для того, чтобы определить характер необходимых мероприятий, нужно предпринимать активные усилия для оценки текущей и будущей уязвимости здоровья детей.

Литература

1. Здоровье детей и подростков и ЦУР: факты и цифры. URL: https://www.euro.who.int/-data/assets/pdf_file/0011/364952/child-adolescent-health-rus.pdf
2. Доклад об экологической обстановке на территории Вологодской области и итогах деятельности Департамента в 2019 году. URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock>
3. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2014 году: Государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2015. 2016 с.
4. Здравоохранение в России. Сборники «Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области» за 2006–2015 гг. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13218>

Информация об авторе

Разварина Ирина Николаевна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irina.razvarina@mail.ru).

Razvarina I.N.

INFLUENCE OF ENVIRONMENTAL CONDITIONS ON THE HEALTH OF PRESCHOOL CHILDREN IN VOLOGDA AND CHEREPOVTS

Abstract. *Protecting and promoting the health of the child population of the Russian Federation is an important interdisciplinary problem. Scientists have proven that children are one of the most vulnerable groups in cities with unfavorable environmental conditions. The article presents the results of monitoring “Study of the conditions for the formation of a healthy generation for 2015–2019, shows the influence of environmental factors in the cities of regional importance Vologda and the industrial center - Cherepovets on the health of children from 1 to 5 years.*

Key words: *children's health, unfavorable environmental conditions, health groups.*

Information about the Author

Irina N. Razvarina (Russia, Vologda) – Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of The Russian Academy of Science» (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, irina.razvarina@mail.ru).

References

1. Child and adolescent health and the SDGs: facts and figures. URL: https://www.euro.who.int/-data/assets/pdf_file/0011/364952/child-adolescent-health-rus.pdf
2. Report on the environmental situation in the Vologda Oblast and the results of the Department's activities in 2019. URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock>
3. On the state of sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation in 2014: State report. M.: Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Well-being, 2015. 2016 p.
4. Healthcare in Russia. Collections "Key performance indicators of health care institutions in the Vologda region" for 2006–2015. URL: <https://gks.ru/folder/210/document/13218>

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ПРАКТИКАХ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ¹

Аннотация. Дан анализ социально-демографических факторов участия россиян в одной из практик инициативного бюджетирования – Программе поддержки местных инициатив. Выявлена зависимость их участия от типа населенного пункта, пола, возраста, образования, рода деятельности, семейного положения, наличия детей. Приведены данные социологических исследований, проведенных в Тверском регионе (2016–2020).

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, Программа поддержки местных инициатив, участие населения, социально-демографические факторы.

В условиях политической и экономической нестабильности, распространения рисков и угроз инициативное бюджетирование (ИБ) становится эффективным инструментом решения проблем местного самоуправления (МСУ) и обеспечения устойчивого развития российских муниципалитетов [1, с. 5, 91–100]. Доминирующей практикой ИБ в России является Программа поддержки местных инициатив (ППМИ), цель которой – повышение эффективности решения местных проблем за счет вовлечения граждан в их разрешение, а также использования финансовых средств, доступных на местах [3, с. 3]. Тверская область – один из российских регионов, в котором с 2013 г. реализуется ППМИ [2]. За время существования ППМИ здесь реализовано больше 1300 проектов на сумму более 700 млн руб. В условиях слабой ресурсной обеспеченности муниципальных образований (МО) и низкой активности граждан использование технологии ИБ сопровождается опорой на средства государственного (регионального) бюджета и административно-управленческие методы работы с населением. Однако одним из основных принципов ППМИ является вклад населения в софинансирование проектов, предполагающий активность граждан. В этих условиях становится важным анализ факторов участия граждан в реализации проектов ППМИ. Данная статья посвящена изучению воздействия социально-демографических факторов на уровень и характер участия населения российских МО в практиках ИБ.

Информационная база статьи: 1) статистические данные; 2) данные об участии граждан в ППМИ, полученные при проведении социологического мониторинга представлений жителей Тверской области о МСУ (2016–2020 гг.). Метод – формализованное интервьюирование. Выборка квотная. Объем: 2016 г. – 1043 чел., 2017 г. – 1099 чел., 2018 г. – 1083 чел.; 2019 г. – 682 чел.; 2020 г. – 942 чел.; 3) данные социологического исследования участия населения в ППМИ. Метод – кейс-стади. Для анализа отобраны МО первого и второго уровней, в которых реализована/реализуется ППМИ. В каждом МО опрошено (формализованное интервьюирование) 15–20 чел. (объем выборки: 179 чел.).

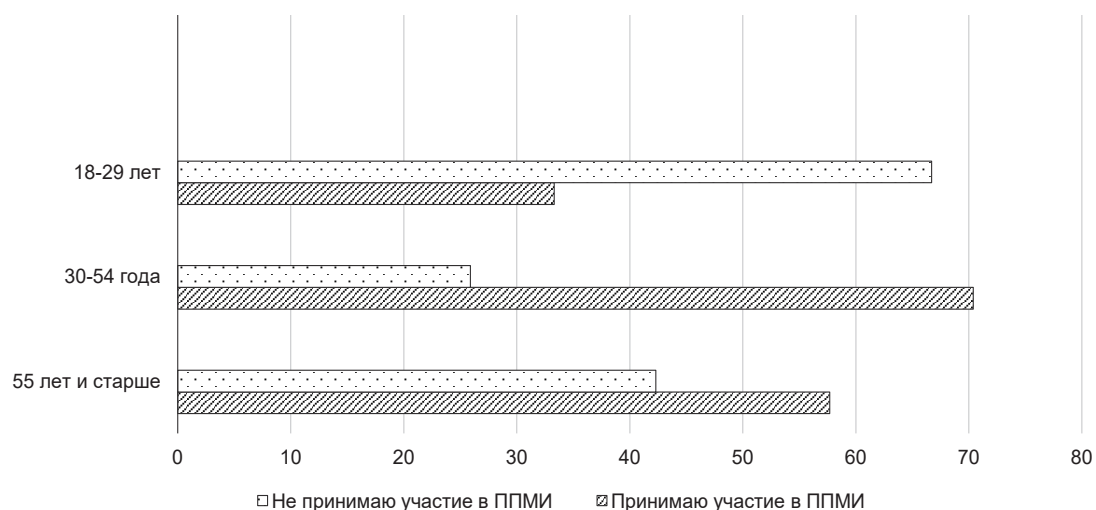
Несмотря на распространение практик ППМИ в Тверской области, полученные результаты свидетельствуют о слабой информированности граждан о ППМИ и о

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научно-исследовательского проекта № 18-011-01240 А.

низком уровне их участия в ней. Лишь четверть населения региона знает (2019 г. – 7,8%) или что-то слышала (2019 г. – 17,0%) о ППМИ. Доля респондентов, принимавших участие в ППМИ, колеблется в разные годы от 3,5% (2017 г.) до 8,9% (2016 г.). Лишь исследование, проведенное методом кейс-стади (опрос предполагаемых благополучателей), зафиксировало больший процент информированных (2019 г.: знают – 21,3%; что-то слышали – 26,4%) и участвующих в ППМИ граждан (2019 г. – 58,5%). При этом установки на участие оказались выше реального участия населения в практиках ППМИ.

Было выявлено влияние социально-демографических факторов на активность граждан в ППМИ. В большинстве МО фиксируется низкий уровень участия в ней населения (0–15%). Однако в ряде МО наблюдается уровень гражданской активности ниже среднего (15,1–33,2%) и средний (33,3–66,5%). Характеристики таких МО довольно устойчивы: удаленность от областного/районного центров, хорошая транспортная доступность (расположение на трассе), относительная автономность, небольшая численность населения (от 400–500 чел. до 2000 чел.). Это сельские поселения, но в ряде случаев в данную категорию МО попадают ПГТ и малые города. Однако реализация проектов ППМИ в более крупных населенных пунктах может опираться лишь на низовую инициативу (многоквартирный дом, двор, улица).

Социально-демографические характеристики населения также выступают в качестве факторов участия в ППМИ. Женщины – более информированные и активные участницы ППМИ (2019 г. – 65,8% принимают участие) по сравнению с мужчинами (2019 г. – 48,1%). Более информированными о ППМИ являются респонденты средней и старшей возрастных групп, они же характеризуются и более высоким уровнем участия в микропроектах (рисунок).

Участие граждан в ППМИ в зависимости от возрастных характеристик

Лица, состоящие в браке (2019 г. – 64,1% принимают участие) и имеющие детей (2019 г. – 61,5%), демонстрируют большую осведомленность о ППМИ и чаще участвуют в ее реализации по сравнению с холостыми (2019 г. – 36,4% принимают участие) и бездетными гражданами (2019 г. – 45,5%). Доля лиц с неполным средним и высшим образованием, в достаточной степени информированных о ППМИ и уча-

ствующих в ее реализации, больше по сравнению с долей респондентов со средним и средним специальным образованием. Что касается рода деятельности граждан, то наибольшую активность демонстрируют работники бюджетной сферы, домохозяйки, безработные. Довольно значительна среди участвующих в ППМИ доля сотрудников коммерческих организаций, предпринимателей. Меньшая активность характерна для пенсионеров, учащихся, студентов, а самая низкая – для военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые формы участия граждан в ППМИ: денежные взносы (78,6%), собрания жителей (57,1%), определение суммы взноса (40,5%), а также приоритетного объекта для ремонта/строительства (38,1%), участие в работах на объекте (23,8%) и в его торжественном открытии (21,4%). В работе инициативной группы, в подготовке конкурсной документации, в процедурах контроля за выполнением работ и приемки работ принимают участие около 1/7 граждан. Мужчины чаще участвуют в подготовке конкурсной документации, делают денежные взносы и принимают участие в работах, а женщины ходят на собрания, участвуют в определении приоритетного объекта, суммы денежного взноса и осуществляют сбор денег с населения. Старшие возрастные группы более активны в контроле за выполнением работ и приемке работ. Подготовкой конкурсной документации чаще занимаются граждане, не состоящие в браке, они же более ориентированы на непосредственное участие в работах по проекту.

Таким образом, на уровень и характер вовлеченности граждан в практики ИБ влияют социально-демографические факторы, учет которых муниципальными органами власти позволит повысить эффективность использования инструментов ИБ в решении проблем современных МО.

Литература

1. Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения / И.Е. Шульга [и др.]. М.: Алекс, 2017. 124 с.
2. Программа поддержки местных инициатив // Тверская область. Официальный сайт. URL: <http://ppmi.tverfin.ru> (дата обращения 12.07.2020).
3. Хачатрян Г. и др. Операционное руководство практики инициативного бюджетирования: пример Программы поддержки местных инициатив / Г. Хачатрян [и др.]. М.: Алекс, 2016. 88 с.

Информация об авторе

Симонова Елена Валерьевна (Россия, г. Тверь) – кандидат социологических наук, доцент, Тверской государственный технический университет (170026, Российская Федерация, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22; e-mail: simonova-e-v@yandex.ru).

Simonova E.V.

SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS OF PARTICIPATION OF THE POPULATION OF RUSSIAN MUNICIPALITIES IN THE PRACTICE OF INITIATIVE BUDGETING

Abstract. *The analysis of socio-demographic factors of participation of Russians in one of the practices of initiative budgeting – the Program of Support of Local Initiatives is given. The dependence of their participation on the type of locality, gender, age, educational characteristics, type of activity, marital status and the presence of children is revealed. The data of Tver sociological research (2016–2020) are presented.*

Key words: *initiative budgeting, Program of Support of Local Initiatives, public participation, socio-demographic factors.*

Information about the Author

Elena V. Simonova (Russian Federation, Tver) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Tver State Technical University (170026 Tver, emb. Af. Nikitina, 22, simonova-e-v@yandex.ru).

References

1. Initiative budgeting. Russian experience in the field of citizen participation in solving local issues (2017) / I.E. Shulga, V.V. Vagin, G.N. Khachatryan, A.S. Sukhova, L.A. Shilov, N.V. Gavrilova, N.A. Shapovalova. Moscow: Alex. 124 p.
2. Program of Support of Local Initiatives. Tver region. Official site. Retrieved from: <http://ppmi.tverfin.ru> (accessed 12.07.2020).
3. Khachatryan G. et al. (2016). Operational guide to the practice of initiative budgeting: an example of a Program of Support of Local Initiatives / G. Khachatryan, I. Shulga, S. Gridin, A. Sukhova. Moscow: Alex. 88 p.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ФОРМИРОВАНИИ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ¹

Аннотация. В материале рассматриваются вопросы формирования институтов участия граждан в развитии городов. Выявлены изменения институтов развития городской среды: увеличение числа акторов; активизация государства в институционализации гражданского участия в сфере городского развития.

Ключевые слова: гражданское участие, социальный институт, институционализация, городская среда.

Актуальность

По данным Росстата доля городского населения в России составляет 75%². Только привлечение населения к проектированию пространства, совместные усилия горожан, государства, бизнеса и экспертов приведут к выработке эффективных решений по развитию городской среды. Задачи создания комфортной городской среды установлены в национальном проекте «Жилье и городская среда», а Президент России В.В. Путин поручил увеличить к 2024 году до 30% долю граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды³. Однако смысл соучаствующего проектирования заключается не только в создании востребованных общественных пространств, но и в консолидации общества, минимизации конфликтов между стейкхолдерами.

Цель – выявление основных путей формирования институтов участия граждан в решении задач в сфере городского благоустройства.

Теоретико-методологические основы исследования составляют работы, посвященные праву горожан на участие в развитии городов (А. Лефер, Д. Харви, М. Де Серто, Дж. Джекобс, Кольба А.И., Клеман К., Тыканова Е.), инструментам гражданского участия (Ш. Арнштейн, Г. Саноффа), социальным институтам и институционализации (Т. Парсонс, Д. Норт, С. Хантингтон, П. Бергер, Т. Лукман).

Результаты

Выявлены изменения институтов развития городской среды. Во-первых, увеличилось число акторов, участвующих в выработке решений. Это и общественные объединения, являющиеся результатом «инициативы снизу» («Городские проекты», «Красивый город» и т.д.), и создаваемые при поддержке власти структуры (национальный центр компетенций «Умный город», региональные центры компетенций по вопросам городской среды). Развиваются гибридные структуры, которые сочетают в себе горизонтальные и вертикальные связи (например, общественное объединение «Городские реновации», переход Института развития городов Башкортостана в статус Регионального центра компетенций по вопросам развития городской среды). Одновременно сохраняются органы контроля за деятельностью властей в сфере развития городов: общественные советы, отделения Общероссийского народного фронта. На одной территории вопросами развития города

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

² Доля городского населения в общей численности населения на 1 января 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru>

³ Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnyy-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda>

одновременно занимаются и сформированные при содействии городских властей организации, и объединения, созданные по инициативы активистов. Различные акторы организуют обсуждения проектов одних и тех же городских пространств, что заставляет горожан делать выбор: какая из организаций представляет их интересы, чей проект будет реализован. Кроме того, ограниченность числа местных экспертов также ставит вопросы о целесообразности создания многочисленных структур, занимающихся одной проблематикой, и эффективности их деятельности. Так, проверка ОНФ выявила неэффективность работы в 2019 г. региональных центров компетенций в 28 субъектах РФ, причинами которой послужили неукомплектованность кадрами вследствие недостаточных объемов финансирования; несоответствие привлеченных специалистов запланированным объемам работ; перенос фокуса выполняемых РЦК работ с развития городской среды на решение узких задач (например, проблемы ТКО)⁴.

Во-вторых, государство активно формирует институты городского развития, что проявляется в принятии пула документов федерального значения, разработке инструментов гражданского участия в формировании городской среды: стандарты комплексного развития территорий, стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, Индекс качества городской среды. Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды был представлен в 2020 году совместно Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации и Агентством стратегических инициатив, составлен перечень пилотных регионов. Анализ документа показал, что для органов власти целями институционализации городского развития является создание площадок для взаимодействия стейкхолдеров, выполнение целевого показателя национального проекта «Жилье и городская среда» о 30% вовлеченного населения, повышение уровня лояльности и социального оптимизма горожан при помощи различных инструментов: мастер-классов, воркшопов, фокус-групп, лекций и т.д. (более 20 форматов работы).

Однако практика работы на местах показывает, что результаты подобных мероприятий далеко не всегда реализуются. Часто после проведения общественных обсуждений городские проекты по реконструкции не воплощаются в жизнь, а предложения архитекторов по созданию общественных пространств не рассматриваются органами власти: «Я искренно много лет пытался выстроить диалог с ними [тверскими чиновниками – прим. автора]. Система выстроена таким образом, что никакой инициативы проявлять здесь не надо. Пока сверху не придет приказ делать хорошо, будет делаться как обычно»⁵.

Все эти факты наводят на мысль о формальном и имитационном характере практик гражданского участия в городском развитии. Отчетливо видно, что широкомасштабно на практике реализуются только две первые ступени гражданского участия: информирование и консультирование. Основными трендами участия граждан в развитии городской среды являются выделение целевых аудиторий и проектирование общественных пространств согласно их интересам с использованием различных инструментов. Другие ступени гражданского участия – партнерство, делегирование полномочий – не осуществляются в полной мере, а значит, жители не присваивают себе городское пространство [1].

⁴ Мониторинг ОНФ: В 28 регионах центры компетенций работают неэффективно. URL: <https://onf.ru/2019/10/24/monitoring-onf-v-28-regionah-centry-kompetency-rabotayut-neeftivno>

⁵ Хороший сквер и всего за миллион рублей. URL: <https://gre4ark.livejournal.com/595685.html>

Выводы

В проектирование общественных пространств вкладывается социальный смысл, отличающийся от идеологической повестки социализма или коммодификации переходного периода. Государство, осознавая важность проблемы качества жизни, комфортной и безопасной городской среды, формализует и контролирует действия стейкхолдеров. «Каждое человеческое сообщество, каким бы малым или большим оно ни было, создает определенные ...образцы поведения. Критическая для всех сообществ проблема заключается не в том, может ли оно существовать без институциональных структур, но в том, может ли оно создать структуры, которые не превращали бы себя из средства – в цель, нечто самодовлеющее» [3, с. 120]. Горожане все чаще осознают потребность заявить о своих правах на территорию, но необходимы дальнейшие шаги, чтобы «право на город» [4] из модного лозунга стало инструментом консолидации городского сообщества.

Литература

1. Де Серто М. Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 328 с.
2. Гараджа В.И. Социология религии. М.: Наука, 1995. 235 с.
3. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
4. Harvey D. Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. New York: Verso. 2012. 187 p.

Информация об авторе

Смолева Елена Олеговна (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: el.smoleva@yandex.ru).

Smoleva E.O.

INSTITUTIONALIZATION OF CIVIC PARTICIPATION IN CREATING A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT

Abstract. *The article deals with the formation of institutions of civic participation in urban development. Changes in the institutions of urban environment development are revealed: an increase in the number of factors; activation of the state in the institutionalization of civic participation in the field of urban development.*

Key words: *civic participation, social institution, institutionalization, urban environment.*

Information about the Author

Elena O. Smoleva (Vologda, Russia) – research associate, Federal budgetary institution of science “Vologda scientific center of the Russian Academy of Sciences” (56a, Gorkogo str., Vologda, 160014, Russia; e-mail: el.smoleva@yandex.ru).

References

1. De Serto M. (2013). The invention of everyday life. Saint Petersburg: European University Press, Saint Petersburg. 328 p.
2. Garadzha V. I. (1995). Sociology of religion. Moscow: Nauka. 235 p.
3. Lefebvre A. (2015). Production of space. Moscow: Strelka Press. 432 p.
4. Harvey D. Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. New York: Verso. 2012. 187 p.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ)

Аннотация. В статье анализируется государственная политика в сфере производства и оборота алкогольной продукции в странах Северной Европы с начала XX века по настоящее время. Автор рассматривает меры государственной алкогольной политики североευропейских стран, которые способствовали эффективному снижению алкогольной зависимости населения и помогли адекватно использовать экономический потенциал алкогольного рынка в национальных интересах. Автор приходит к выводу, что единственным сценарием преодоления алкогольной катастрофы в России является радикальное снижение потребления крепких алкогольных напитков. В этом случае автоматически произойдет изменение структуры потребления алкоголя в пользу пива и вина. Этот сценарий неоднократно был реализован в странах Северной Европы (Голландия, Великобритания, Норвегия, Швеция, Финляндия и др.). Практика показывает, что быстрота скорости снижения потребления крепких напитков и, как следствие, смертности, зависит от алкогольной политики государства.

Ключевые слова: государственное регулирование, алкогольная продукция, государственная монополия, страны Северной Европы.

Актуальность проблемы исследования обусловлена современной ситуацией в алкогольной отрасли, характеризующейся распространением нелегальной алкогольной продукции на российском рынке, массовыми отравлениями среди населения от потребления некачественного алкоголя, низкими показателями акцизных отчислений в бюджет. В современной России злоупотребление алкоголем приводит к преждевременной, предотвратимой смерти около полумиллиона человек ежегодно, будучи причиной около 30% смертности мужчин и 15% – женщин [7]. Злоупотреблению алкоголем принадлежит ведущая роль в социальной деградации российского общества – в росте преступности, насилия, сиротства, ухудшении здоровья, инвалидизации. К настоящему моменту накоплен значительный опыт, позволивший определить, какие меры государственной алкогольной политики способны эффективно снижать тяжелейшее бремя алкогольного ущерба и адекватно использовать экономический потенциал алкогольного рынка в национальных интересах. В настоящей статье будет проанализирован опыт стран Северной Европы в сфере государственного регулирования производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции. Нами будет рассмотрена государственная антиалкогольная политика, проводимая в Финляндии, Швеции и Норвегии.

Алкогольная продукция воспринимается как неотъемлемый элемент образа жизни, культуры и быта значительной частью населения России и Европы. Финляндия является одной из европейских стран наиболее близкой России по стереотипу потребления алкогольных напитков в силу сходных географических и климатических условий. Эта страна имеет давние традиции государственного регулирования алкогольного сектора, ориентированного, в первую очередь, на решение социальных проблем. В законодательных документах Финляндии по ре-

гулированию алкогольного сектора всегда подчеркивалось, что их цель – охрана здоровья населения и уменьшение отрицательных последствий злоупотребления [6, с. 18].

Так называемый «сухой закон», запрещающий продажу алкогольной продукции, был введен в Финляндии в 1919 г., однако действовал он до 1932 г., когда парламент, на основе результатов референдума, отменил его, отдав монополию на ввоз, производство и продажу алкоголя государственной компании «Алко». Государственная монополия в сфере производства и оборота алкогольных напитков заключалась в наиболее полном сосредоточении в ведении одного государственного органа всех составляющих функционирования алкогольного хозяйства: законодательной практики, планирования, науки и технологии, информации и статистики, производства, дистрибуции, розницы, ценообразования, налогообложения, потребления, экспорта и импорта этилового спирта и алкогольной пищевой и непищевой продукции [1, с. 47].

Таким образом, компания «Алко», курируемая Министерством социального развития и здравоохранения, управляла объемом, ассортиментом, составом производимой продукции, обеспечивала контроль качества, утверждала новые марки и оформление. Ни одно предприятие не имело права распоряжаться продукцией без разрешения «Алко».

В 1969 году в Финляндии произошло смягчение ограничений, упрощение доступа к алкогольной продукции, что было связано с ориентацией на поощрение потребления слабоградусных напитков, главным образом вина и пива. Правительством была поставлена задача привить потребителю Финляндии навык умеренного потребления, свойственный жителям центральной и южной Европы. Однако в результате указанных послаблений потребление алкогольных напитков в Финляндии увеличилось более чем вдвое за шесть лет, количество арестов за нарушения в нетрезвом виде – также вдвое. Последствия этой кампании (закона 1969 г.) являются объективным уроком того, как сложно менять сложившиеся стереотипы на новые, особенно путем упрощения доступа к продаже слабоградусных напитков [6, с. 15].

Вступление в силу с 1 января 1994 года Соглашения о единой экономической зоне в Европе сделало принципы действовавшей в Финляндии монополии несовместимыми с правилами ЕС, и в 1994 году было разработано новое законодательство Alcohol Act №1994/1143, в основе которого лежит отмена 4 монополий: на импорт, экспорт, производство и оптовую торговлю. Только на розничную торговлю сохраняется монопольное право государственного монопольного объединения «Алко».

Это законодательство остается в силе по настоящее время, и несмотря на отмену монополий, в алкогольном секторе Финляндии управление остается централизованным. Министерство социального развития и здравоохранения Финляндии отвечает за проведение в жизнь и соблюдение антиалкогольного законодательства. С помощью подчиненных ему Агентства по контролю за продукцией, «Алко» и государственных региональных отделений министерства, обеспечивается лицензирование производства, импорта, опта, розницы, продаж в сети общественного питания, разрабатывается ценовая и налоговая политика, определяется размещение пунктов продажи и хранения этилового спирта и алкогольной продукции исходя из здравоохранительных целей и надзорных задач, контролируется реклама, утверждаются методы анализа, определяется тематика исследований, включая изучение отрицательных последствий потребления и воспитания грамотного стереотипа потребления [2, с. 52].

С отменой монополии государства на изготовление спиртного вышло и разрешение на производство вина на фермах. И в последние годы все большую популярность, наряду с импортными, стали приобретать и местные вина, в большинстве своем изготавливаемые из ягод. Причем на фермерские винодельческие хозяйства распространилось и разрешение продавать свою продукцию (крепостью до 22 градусов) в розницу, прямо на месте.

Вступление страны в ЕС привело к разрешению рекламы алкогольной продукции крепостью ниже 22 градусов. Изменилось и налогообложение спиртного: ранее налоги взимались в зависимости от стоимости напитков, теперь же при начислении налогов за основу был взят процент содержания алкоголя в спиртном. Это решение должно было стимулировать потребление вина, пива и сидра в противовес водке.

В 2007 году в Финляндии вступил в силу новый «алкогольный» закон, более строгий в плане ограничения доступности алкогольных напитков: были ограничены реклама и часы продаж, на упаковке вынесено предупреждение о возможных вредных последствиях потребления, приняты меры против использования продажи алкоголя в качестве завуалированного средства привлечения в рестораны и розничные магазины [1, с. 51].

Таким образом, в Финляндии не отказались от сосредоточения под единым началом всех составляющих алкогольного сектора. Что касается «Алко», находящегося в государственной собственности, то за ним сохранилось исключительное право торговли алкогольными напитками. Коммерческое отделение «Алко» не имеет собственного производства, оно закупает продукцию, производимую у себя в стране и за рубежом, обеспечивает ее хранение и продает через сеть своих магазинов частным лицам, лицензированным заведениям и другим представителям розницы. Таким образом, в настоящее время основными тенденциями в развитии производства и оборота алкогольной продукции в Финляндии являются: государственная монополия на продажу алкоголя, ограничение рекламы и повышенное налогообложение, а также всевозможные запреты и ограничения продвижения и потребления в общественных местах.. Налоги с розничных продаж в Финляндии составляют: 47,7% на пиво, 37,3% на вино и 59,9% на крепкий алкоголь [7].

Алкоголизм – это отнюдь не только русская болезнь. С этой проблемой сталкивались многие народы Северной Европы, живущие в трудных климатических условиях. В начале XX века здесь царили бедность, экономическая отсталость и отсутствие всяких перспектив. Алкоголь в данной ситуации воспринимался как решение всех проблем. Самая тяжелая ситуация была в Норвегии. Но Норвегия, является примером страны, сумевшей победить «всенародный алкоголизм».

В 1756 г. в Норвегии был введен запрет на производство крепких алкогольных напитков, который отменили в 1816 г. Вместе с тем правительством Норвегии были приняты меры по регулированию потребления алкоголя, в числе которых одной из наиболее важных было введение лицензий на производство и продажу спиртных напитков. С 1871 г. монополия на розничную торговлю крепкими спиртными напитками была отдана муниципалитетам, а их продажа была разрешена только в городских муниципалитетах. Кроме того, местным советам было предоставлено право решать, будут ли на их территории продаваться крепкие напитки. Таким образом, основным инструментом антиалкогольной борьбы в Норвегии стал плебисцит – население принимало решение относительно того, должны ли крепкие алкогольные напитки

продаваться на территории определенного муниципального образования. Это стало успешной стратегией, и в 1894 г. был издан акт, согласно которому лицензию на продажу крепких алкогольных напитков можно было получить только с согласия общества на голосовании [4, с. 162]. С началом проведения местных референдумов женщинам также было разрешено принимать участие в голосовании. Для антиалкогольной кампании этот шаг имел большое значение, так как в основном именно женщины страдали от последствий алкогольной зависимости своих мужей, и большая часть женщин была против продаж крепких алкогольных напитков.

В 1919 г. на референдуме большинство населения Норвегии проголосовало за введение государственного запрета на продажу крепких алкогольных напитков. Косвенно это повлияло и на продажу вина. Вскоре принятый законодательный запрет стал подвергаться критике по всей территории страны. В 1922 году правительство Норвегии взяло под полный контроль производство, импорт, продажу всех спиртных напитков и ценообразование на рынке алкоголя. Эту комплексную работу норвежские власти осуществляли через подконтрольную государству акционерную компанию Vinmonopolet («Винная монополия»). С 1927 года, когда был отменен «сухой закон», компания Vinmonopolet (полностью ставшая государственной в 1939 году) стала производить крепкие спиртные напитки и пиво, закупать алкоголь за границей и осуществлять продажу через свою специально созданную торговую сеть. В 1960 году в 33 городах Норвегии действовало лишь 59 магазинов компании Vinmonopolet. В 1993 году их стало лишь вдвое больше – 110, и работали они в 76 коммунах. В некоторых коммунах магазинов Vinmonopolet вообще не было. В 1960 было 1785 мест, где продавали крепкий алкоголь, пиво и вино в розлив (рестораны и бары), а в 1993 таких мест было лишь в 2,6 раза больше – 4793.

В 1990 году в Норвегии был принят «Закон о продаже алкогольных напитков», действующий в настоящее время, где главным игроком по-прежнему называлась компания Vinmonopolet. В первом параграфе закона записано, что главная цель этого закона – «как можно эффективнее ограничить общественный и индивидуальный вред, который может принести употребление алкоголя. ...Закон направлен на ограничение потребления спиртосодержащих напитков». Согласно данному закону, крепкий алкоголь (22 градуса и выше) сегодня продают только лицам не моложе 20 лет. 18-летний уже может купить вино или любой напиток не крепче 22 градусов. Продажа алкоголя в киосках и на бензозаправочных станциях запрещена. Закон предусматривает жесткое лицензирование продажи алкогольных напитков, как в розлив в барах и ресторанах, так и в продуктовых магазинах. Лицензии на продажу алкоголя выдаются властями конкретной коммуны, где находится точка продажи. Лицензия выдается на 4 года без гарантии продления [4, с. 171].

До 1997 года норвежское государство являлось единственным оператором по производству, импорту и продаже всех спиртных напитков. В 1997 году в связи с требованием Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) (куда входят сегодня Норвегия, Швейцария, Лихтенштейн и Исландия) Норвегия позволила частным импортерам и другим оптовым продавцам ввозить в страну алкогольную продукцию. Причем сделала это достаточно грамотно. У Vinmonopolet были отобраны функции импортера алкоголя и оптового продавца и переданы вновь созданному акционерному обществу Arcus AS, в котором контрольный пакет принадлежит государству. За Vinmonopolet сохранились розничные продажи. Формально требования

ЕАСТ были выполнены. Но в результате этой рокировки все осталось, как и прежде: государство полностью контролирует алкогольный рынок – и производство, и импорт, и торговлю, как оптовую, так и розничную [5].

Таким образом, крепкое пиво, вино и крепкие напитки в настоящее время в Норвегии можно приобрести только в магазинах государственной монополии, что помогает ограничить доступность алкоголя, в отличие от розничной продажи в местных магазинах и супермаркетах. Налоги на алкогольную продукцию в Норвегии до сих пор одни из самых высоких в мире. Поэтому существование монополии и ценовая политика продолжают быть краеугольным камнем норвежской алкогольной политики [2, с. 47].

В заключение можно сказать, что самый важный урок, который можно извлечь из опыта алкогольной политики Норвегии – это тот факт, что для успеха мер алкогольной политики они должны быть признаны обществом разумными и легитимными. Необходимо направлять общественное мнение и на местном, и на национальном уровне к тем мерам, которые, скорее всего, снизят потребление алкоголя.

Также в рамках рассмотрения проблемы интересно познакомиться с опытом Швеции. В начале XX века в Швеции существовала серьезная проблема с употреблением алкоголя среди населения. В 1922 г. на референдум был вынесен вопрос: вводить или не вводить запрет на продажу алкоголя. Результат референдума был довольно противоречивый: 51% населения высказался против запрета. В итоге до 1955 года в стране действовала система «талонов» (motbokssystemet). Каждый житель страны мог покупать только определенное количество алкоголя в месяц, причем, например, мужчинам можно было покупать больше спиртного, чем женщинам.

В 1955 году нормы спиртного в Швеции были отменены и создана система Systembolaget. Systembolaget – непосредственный инструмент проведения государственной алкогольной политики. Все продажи алкогольной продукции в Швеции – только в Systembolaget, государственной сети магазинов. Частных алкогольных магазинов в Швеции не существует. Идея Systembolaget состоит в том, чтобы продажей алкоголя занималась компания, в цели которой не входит получение прибыли и рост продаж. Все государственные магазины закрыты по ночам и по воскресеньям (а по субботам работают полдня), им запрещено устраивать скидочные акции. Еще одна важная функция Systembolaget – просвещение. Реклама сети магазинов в основном направлена на то, чтобы люди представляли, какой вред наносит алкоголь здоровью, сколько калорий содержится в кружке пива или бокале вина, и почему не следует помогать покупать алкоголь несовершеннолетним. Systembolaget занимается продажей всех алкогольных напитков крепостью более 3,5%. Минимальный возраст покупателя в Systembolaget составляет 20 лет. В 18 лет можно покупать алкогольную продукцию в лицензированных ресторанах и барах, где алкоголь можно продавать для немедленного употребления (бутылки должны быть открыты, и их нельзя приносить домой) [5].

В целом, обоснованной, эффективной реакцией государства на социально опасную эпидемию пьянства в североевропейских странах стало введение государственной монополии на розничную продажу алкоголя. Эта мера зарекомендовала себя как эффективное средство сокращения алкогольных проблем и смертности в Швеции, Норвегии, Финляндии. В скандинавских странах такая монополия подразумевает продажу алкогольных напитков (как правило, с содержанием спирта выше 4,7–5%)

только в государственных магазинах, за исключением обслуживания в барах. Цены в госмонопольных магазинах достаточно высоки, особенно на крепкие напитки, эти магазины работают только в дневное время, количество таких торговых точек ограничено. Преимущество государственной монополии на розничную продажу алкогольных напитков заключается в том, что она позволяет минимизировать коммерческий интерес, который в данной сфере, как правило, является социально деструктивным и противоречит интересам общества [3, с. 112].

Приоритетность решения проблемы злоупотребления алкоголем в России отмечается экспертами Организации Объединенных Наций, Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка ООН. Дополнительную остроту проблеме злоупотребления алкоголем в последнее время придает экономический спад, с одной стороны, формирующий новые угрозы обострения проблемы злоупотребления алкоголем, а с другой – ставящий на повестку дня вопросы совершенствования государственного регулирования алкогольной сферы в интересах сохранения населения, обеспечения правопорядка, социальной стабильности и благосостояния, а также наполнения бюджета [3, с. 110]. Очевидно, что пропагандистские меры в одиночку не способны решить проблему злоупотребления алкоголем, так же как и усилия, направленные на лечение алкогольной зависимости. Наиболее эффективными для предотвращения ущерба показали себя меры, направленные на ограничение доступности алкоголя для населения, в особенности крепких напитков, – доступности экономической, пространственной, во времени и по возрасту. Эти меры зарекомендовали себя повсюду в мире, однако оказались особенно эффективными в странах Северной Европы.

В настоящее время в большинстве населенных пунктов России приобрести алкоголь можно в любое время суток, чего не наблюдается ни в одной цивилизованной стране. В большинстве северных стран алкогольные напитки не продаются в нерабочее время, а также по воскресеньям и, кроме того, по субботам во второй половине дня. Количество торговых точек, продающих крепкие напитки, в расчете на 100 тыс. человек в России в 7–10 раз выше, чем в странах Скандинавии. В Исландии один магазин, торгующий напитками крепче 4,75%, приходится на 15,9 тыс. человек, в Финляндии – на 6,3 тыс., в Швеции и Норвегии – на 4,5 тыс. При этом на всю такую отнюдь не маленькую страну, как Норвегия, приходится всего 211 торговых точек, продающих крепкие алкогольные напитки. Для сравнения: на одно Подмосковье приходится более 15 тысяч таких точек, или одна точка на 400 человек [7]. При этом доступность слабоалкогольных напитков в связи с широкой практикой продажи их в киосках в России и культурно близких странах вообще беспрецедентна.

Единственным сценарием преодоления алкогольной катастрофы в России и соседних странах, на наш взгляд, является радикальное снижение потребления крепких алкогольных напитков: водки, самогона и водочных суррогатов. В этом случае автоматически произойдет изменение структуры потребления алкоголя в пользу пива и вина. Этот сценарий неоднократно был реализован в странах Северной Европы (Норвегия, Швеция, Финляндия и др.) и реализуется сейчас в Польше и, менее успешно, в странах Балтии. Практика показывает, что быстрота скорости снижения потребления крепких напитков и, как следствие, смертности, зависит от алкогольной политики государства.

Литература

1. Опыт развитых стран в области антиалкогольной политики / Е.А. Гапонова [и др.] // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. № 1. С. 44–57.
2. Жук А.А., Кизилова Е.А. Механизмы государственного регулирования рынка алкогольной продукции в странах Евразийского метарегиона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 13 (340). С. 49–59.
3. Корнейчук П.О. Мировой опыт налогообложения алкогольной продукции // Вестник университета. Серия: Экономика и перспективы. 2014. № 11. С. 109–114.
4. Панова И.В., Ерохин В.М. К вопросу о государственном регулировании алкогольного рынка // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 158–174.
5. Рум Р. Алкогольная политика: положение дел и проблемы в Европе и Северной Азии // Алкогольная катастрофа и потенциал алкогольной политики в снижении алкогольной сверхсмертности в России / отв. ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. М.: УРСС, 2008. С. 241. URL: <http://alkopolitika.ru/files/Alkogolnaya%20katastrofa.pdf> (дата обращения 12.11.2020).
6. Тимошин А. Н. Анализ международного опыта регулирования алкогольного рынка // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 10. С. 14–18.
7. Формирование цен на алкогольную продукцию в Европейском регионе ВОЗ: Обновленный отчет об имеющихся фактических данных и рекомендуемых мерах в области политики: доклад. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/publications/2020/alcohol-pricing-in-the-who-european-region-update-report-on-the-evidence-and-recommended-policy-actions-2020> (дата обращения 12.11.2020).

Информация об авторе

Соколова Татьяна Леонидовна (Россия, г. Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН» (160002, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2; e-mail: vipe@35.fsin.su).

Sokolova T.L.

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF STATE REGULATION OF PRODUCTION AND TURNOVER OF ALCOHOLIC PRODUCTS (ON THE EXAMPLE OF THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE)

Abstract. *The article analyzes the state policy in the field of production and circulation of alcoholic beverages in the Nordic countries from the beginning of the twentieth century to the present. The author examines the measures of the state alcohol policy of the Northern European countries, which contributed to the effective reduction of alcohol dependence of the population and helped to adequately use the economic potential of the alcohol market in the national interests. The author concludes that the only scenario for overcoming the alcohol catastrophe in Russia is a radical reduction in the consumption of strong alcoholic beverages. In this case, the structure of alcohol consumption will automatically change in favor of beer and wine. This scenario has been repeatedly implemented in the Nordic countries (Holland, Great Britain, Norway, Sweden, Finland, etc.). Practice shows that the speed of the reduction in the consumption of strong drinks, and, as a consequence, mortality, depends on the state's alcohol policy.*

Key words: *state regulation, alcoholic beverages, state monopoly, the countries of Northern Europe.*

Information about the Author

Tatiana L. Sokolova (Russian Federation, Vologda) – Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the department of state and legal disciplines Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Shchetinina str., 2; e-mail: vipe@35.fsin.su).

References

1. Gaponova E.A. Experience of developed countries in the field of anti-alcohol policy / E.A. Gaponova, I.V. Petrachkov, A.B. Ginoyan, G.E. Ulumbekova // ORGZDRAV: News. Opinions. Training. VSHOUZ Bulletin. 2020. No. 1. P. 44–57.
2. Beetle, A.A. Mechanisms of state regulation of the alcoholic beverages market in the countries of the Eurasian metaregion / A.A. Zhuk, E.A. Kizilova // Regional economy: theory and practice. 2014. No. 13 (340). S. 49–59.
3. Korneichuk P.O. World experience in taxation of alcoholic beverages // Bulletin of the University. Section: Economics and Prospects. 2014. No. 11. P. 109–114.
4. Panova I.V. On the issue of state regulation of the alcohol market / I.V. Panova, V.M. Erokhin // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 1. P. 158–174.
5. Rum, R. Alcohol policy: state of affairs and problems in Europe and North Asia // Alcohol catastrophe and the potential of alcohol policy in reducing alcohol supermortality in Russia / Otv. ed. D.A. Khalturina, A.V. Korotaev. Moscow: URSS, 2008. P. 241. URL: (<http://alkopolitika.ru/files/Alkogolnaya%20katastrofa.pdf> (date of access 12.11.2020)).
6. Timoshin, A. N. Analysis of international experience in the regulation of the alcohol market // Bulletin of the Bryansk State University. 2014. No. 10. P. 14–18.
7. Alcohol pricing in the WHO European Region: An updated report on available evidence and recommended policy measures: report. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/publications/2020/alcohol-pricing-in-the-who-european-region-update-report-on-the-evidence-and-recommended-policy-actions-2020> (accessed 12.11.2020).

СОКРАЩЕНИЕ БЕДНОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИОРИТЕТ ДОЛГОСРОЧНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ¹

Аннотация. *Стратегия и тактика пенсионной реформы и долгосрочного развития государственной пенсионной системы определены до 2030 года в соответствующей правительственной Стратегии (2012 года), которая является одним из наиболее удачных примеров целенаправленной реализации функций государства.*

Ключевые слова: *пенсионная реформа, пенсия, пенсионер, повышение пенсии, бедность.*

Указанная Стратегия содержит конкретный комплекс мероприятий, реализация которых должна обеспечить к концу стратегического периода достижение целевых национальных приоритетов: сокращение бедности пенсионеров путем повышения размера всех пенсий относительно прожиточного минимума пенсионеров (ПМП) до 2.5–3.0 ПМП, а также поддержание минимального уровня замещения страховой пенсией утраченного заработка не ниже 40%. Сокращение бедности пенсионеров как наиболее уязвимой категории населения служит приоритетной целью национальных проектов на среднесрочную перспективу, которая определена Указом Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 07.05.2018). Социальная значимость этой проблемы подтверждена на стратегический период в Указе Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (от 21 июля 2020 г.).

Современная пенсионная система является составной частью государственной бюджетной и налоговой системы, что объективно требует включения целевых параметров развития пенсионной системы в состав базовых макроэкономических показателей не только текущего – планового периода, но и долгосрочного социально-экономического развития страны.

Для выявления причин и условий бедности пенсионеров проведен анализ современной страховой модели пенсионного обеспечения, основанной на солидарных принципах формирования пенсионных прав граждан, из которых базовый принцип – эквивалентность накопленных пенсионных прав застрахованных лиц и государственных пенсионных обязательств. Следует учитывать, что наряду со страховой обособленностью отечественная система пенсионного обеспечения является неотъемлемой частью государственной бюджетной системы в части реализации социальной политики в отношении пенсионеров, что в кризисных условиях создает объективные предпосылки для обострения противоречий между долгосрочными социальными приоритетами и краткосрочными макроэкономическими конъюнктурными интересами, которые выражаются в сокращении межбюджетных трансфертов путем секвестирования пенсионных прав, снижения размера пенсии и роста бедности пенсионеров.

Поэтому в рамках страховой пенсионной системы необходимо постоянно поддерживать баланс социальных и экономических интересов, на достижение была на-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

правлена правительственная Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы, главной целью которой является достойный уровень жизни пенсионеров и в которой установлены конкретные целевые ориентиры к 2030 г.:

- размер страховой пенсии 2,5-3,0 прожиточного минимума пенсионера (ПМП);
- коэффициент замещения пенсии не менее 40% (при выполнении нормативного условия по стажу наемной работы со среднестатистическим заработком).

Установленные целевые ориентиры развития пенсионной системы должны сопровождаться количественными характеристиками, которые позволяют осуществлять мониторинг:

- сокращения бедности по показателю соотношения страховой пенсии и ПМП;
- повышения эффективности государственной пенсионной системы по соотношению страховой пенсии и утраченного заработка работника.

Для получения объективной картины долгосрочной динамики достижения поставленных целей выделенные характеристики должны иметь обоснованное методическое сопровождение, отражающее экономическую и социальную сущность страховой пенсии и пенсионной системы в целом.

Глобальная цифровизация всех сфер общественной жизни в наибольшей степени отражается на системе трудовых отношений на рынке труда, что проявляется, с одной стороны в общем сокращении человеческого участия в производственно-технологических процессах, а с другой – в резком расширении форм самозанятости трудоспособных граждан. Однако пенсионная система России, как и большинства стран, ориентирована на долгосрочное формирование пенсионных прав исходя из трудовой теории государственного пенсионного обеспечения, которая основана на выполнении солидарно-страховых принципов трудовой теории пенсионного обеспечения, которая предусматривает активное участие каждого человека в формировании собственных пенсионных прав при минимальном участии государства исключительно как гаранта создания и контроля выполнения условий трудовых отношений работника и работодателя внутри самой пенсионной системы. Отношения страхователя (работодателя) и застрахованного лица (работника) регулируются (контролируются) государством путем тарифной политики, а страховщика – путем целевых трансфертов.

Указанные экономические отношения застрахованных лиц, страхователей и страховщиков (государственного и негосударственных) ориентированы на конкретный комплекс «социальных рисков» - старость, инвалидность, потеря семейного кормильца, которые были актуальны прошлые два столетия. Однако новое тысячелетие потребовало адаптации государственной пенсионной системы к принципиально новым вызовам и создания экономических механизмов нивелирования принципиально разнонаправленных рисков.

Так, например, демографический кризис как главный вызов государственной солидарно-страховой пенсионной системе, на который была направлена индивидуально-накопительная составляющая, полностью нивелируется вызовом цифровизации экономики. Поскольку негативное влияние демографических трансформаций, связанных с ростом продолжительности жизни старших возрастных групп населения относительно младших трудоспособных возрастов, с соответствующим увеличением пенсионной нагрузки на рынок труда, меняется резким сокращением занятости не только старших возрастных групп, но и всех, в наибольшей степени – младших как наименее квалифицированных категорий работников.

Наряду с сокращением сферы наемного труда, т.е. отношений работника и работодателя, резко расширяется сфера самозанятости трудоспособных возрастных групп населения, в то время как современная пенсионная система предусматривает их участие исключительно в формате минимального уровня страхового обеспечения исходя из норматива фиксированной годовой суммы платежа либо социальной пенсии (в случае отсутствия минимальных страховых пенсионных прав).

Очевидно, что сокращение системы формирования пенсионных прав на основе трудовых отношений «работник-работодатель» и развитие индивидуального предпринимательства требует принципиального пересмотра экономического механизма финансового обеспечения государственных пенсионных обязательств.

Литература

1. Соловьев А.К. Исследование влияния неформальной занятости на сбалансированность бюджета ПФР и формирование пенсионных прав работника // Проблемы теории и практики управления. 2017. С. 54–64.
2. Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учебн. пособие. М.: ООО «Перспектив», 2014, 296 с.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович (Россия, г. Москва) – доктор экономических наук, профессор Финансового университета, Заслуженный экономист России, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда Российской Федерации (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шаболовка, 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru).

Solovev A.C.

REDUCING PENSIONER POVERTY AS A STRATEGIC NATIONAL PRIORITY FOR THE COUNTRY'S LONG-TERM SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. *The strategy and tactics of pension reform and long-term development of the state pension system are defined until 2030 in the corresponding government Strategy (2012), which is one of the most successful examples of purposeful implementation of state functions.*

Key words: *pension reform, pension, pensioner, pension increase, poverty.*

Information about the Author

Arkadii K. Solovev (Russia, Moscow) – doctor of economics, professor, honored economist of Russia, Head of the Department of actuarial and strategic planning of the Pension fund (119991, Moscow, st. Shabolovka, 4, sol26@100.pfr.ru).

References

1. Solovev A.K. Research of the influence of informal employment on the balance of the budget of the FIU and the formation of pension rights of the employee // Problems of theory and practice of management. 2017. Pp. 54–64.
2. Solovev A.K. Pension reform: illusions and reality. Textbook. M.: LLC «Prospect», 2014. 296 p.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: АКТОРНЫЙ ПОДХОД¹

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы отношения к феномену социальных инноваций с позиции акторов, которые могут вовлекаться в процесс их воспроизводства. Особое внимание уделено социальным предпринимателям как одним из основных проводников социальных инноваций.

Ключевые слова: социальные инновации, регион, органы власти, бизнес, гражданское общество, социальные предприниматели, научно-образовательные организации.

Социальные инновации как «новые идеи, которые удовлетворяют социальные потребности, создают социальные отношения и способствуют развитию новых форм сотрудничества» [1] направлены на повышение качества жизни людей, а также более эффективное использование имеющихся ресурсов. При этом под новизной может пониматься не только внедрение каких-то уникальных решений, но и реализация уже имеющихся, но проявляющихся в новом территориальном либо отраслевом аспекте. Согласно сложившейся практике, социальные инновации вносят существенный вклад в устойчивое развитие, способствуя преодолению вызовов в сферах здравоохранения и социального обеспечения, образования, занятости, экологии и т.д.

Полученные на предыдущем этапе исследования результаты позволили установить, что развитию социальных инноваций в России препятствует ряд барьеров: отсутствие официального статистического учета, несовершенство нормативно-правовой базы, низкая социальная и инновационная активность населения, дефицит финансирования и квалифицированных кадров, невысокая информированность широкой общественности и узнаваемость рассматриваемого феномена [2, с. 44–47] и т.д. Не менее значимыми являются и представления самих участников социально-инновационного процесса о наличии тех или иных проблем. В этой связи рассмотрим развитие социальных инноваций в современной России с позиции акторного подхода. В качестве ключевых акторов, которые могут оказывать влияние на развитие социальных инноваций в стране, выступают органы власти, бизнес-структуры, гражданское общество, научно-образовательные организации и социальные предприниматели. Информационную базу исследования составили материалы экспертного опроса представителей данных категорий (N=171) в форме онлайн-анкетирования, проведенного авторами в регионах Северо-Западного федерального округа РФ во II квартале 2019 года.

Проведенный анализ показал, что восприятие социальных инноваций в обществе носит положительный характер (таблица). Так, для бизнес-структур и социальных предприятий они являются, прежде всего, инструментом преодоления острых социальных проблем, решить которые государство и рынок оказались не в состоянии (34 и 39% соответственно). Представителями гражданского общества, научно-образовательных организаций и органов власти социальные инновации рассматриваются в качестве движущей силы социальных изменений, направлен-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00717.

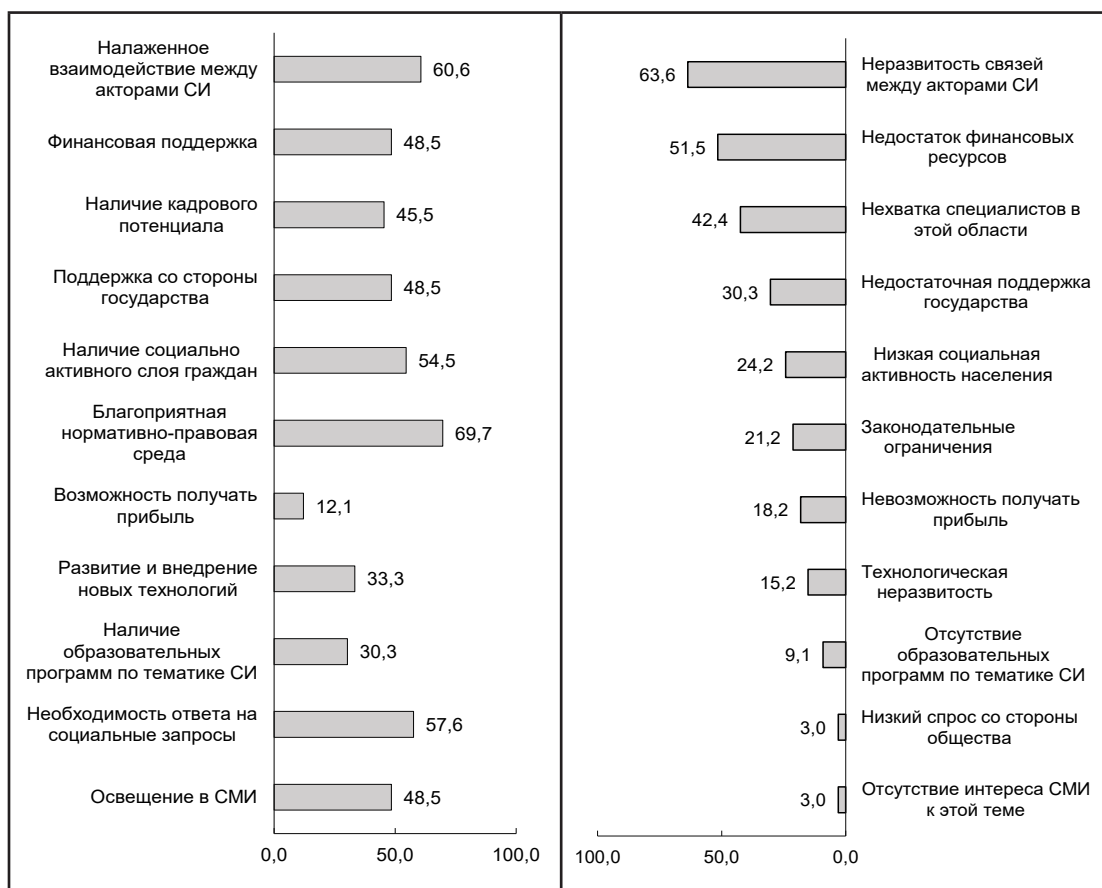
ных на улучшение качества жизни (52, 45 и 62% соответственно). От 13 до 29% опрошенных отметили, что реализация подобного рода проектов является ответом на запросы со стороны отдельных групп населения. Ряд экспертов из числа представителей бизнеса и организаций гражданского общества (по 9%) выразили отношение к данному явлению как попытке государства «переложить» свои функции на население, а каждый десятый предприниматель определил социальные инновации как модный тренд с сомнительной значимостью для общества.

**Распределение ответов на вопрос
«Каково Ваше отношение к социальным инновациям?», %**

Вариант ответа	Бизнес	Гражданское общество	Научно-образовательные организации	Органы власти	Социальные предприятия
Инструмент преодоления острых проблем в обществе, решить которые государство и рынок оказались не в состоянии	34,4	18,2	21,1	14,7	39,4
Движущая сила социальных изменений, направленных на улучшение качества жизни населения	31,3	51,5	44,7	61,8	36,4
Ответ на социальные запросы со стороны определенных групп общества	12,5	21,2	28,9	20,6	18,2
Новшества, долговременное воздействие которых оказывает разрушительный эффект на сложившуюся систему	3,1	0	5,3	0	3
Модный тренд с сомнительной значимостью для общества	9,4	0	0	2,9	3
Попытка государства «переложить» свои функции на население	9,4	9,1	0	0	0
Примечание: ответы ранжированы по последнему столбцу. Источник: данные экспертного опроса представителей акторов социальных инноваций в субъектах СЗФО, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.					

Поскольку одним из ключевых проводников социальных инноваций является социальное предпринимательство (в том числе, и по оценкам экспертов) [3, с. 65], рассмотрим имеющиеся драйверы и барьеры их развития в России с точки зрения представителей этой категории респондентов (рисунок). Результаты опроса свидетельствуют, что основным драйвером выступает наличие благоприятной нормативно-правовой среды (70%). В то же время значимость данного аспекта как барьера отметил только 21% респондентов. Исходя из этого следует, что ряд других факторов являются более ощутимыми при их отсутствии. Например, это касается налаженного взаимодействия органов власти, бизнеса, гражданского общества и иных сторон, отсутствие которого, по мнению 64% экспертов, негативно сказывается на развитии социальных инноваций. При этом 61% социальных предпринимателей выделили этот параметр как один из важнейших драйверов.

Потребность в решении социальных проблем населения (58%) и становление социально активного слоя граждан (55%) также оказывают существенное влияние на развитие социальных инноваций. Однако в данном случае в качестве барьера может выступать только второй фактор (24%), так как мнение о невысоком спросе на подобные инициативы практически не присутствует в оценках экспертов (3%).

**Драйверы (слева) и барьеры (справа) развития социальных инноваций,
% от числа опрошенных социальных предпринимателей**

Примечание: ответы ранжированы по правой диаграмме.

Существенную роль играют ресурсные факторы: финансовое и кадровое обеспечение, помощь со стороны государства, которые могут почти в равной степени быть как драйверами, так и барьерами развития социальных инноваций (42–51% опрошенных). Необходимо отметить, что возможность/невозможность извлекать прибыль из проектов социальных инноваций не вошла в число приоритетных факторов их развития. От 19 до 30% социальных предпринимателей выделили значимость технологий, освещения СМИ тематики социальных инноваций и наличия образовательных программ в данной сфере. При этом с точки зрения экспертов, эти аспекты не являются для них настолько проблемными (так считают не более 15% опрошенных).

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что одним из наиболее значимых и одновременно самых проблемных факторов является взаимодействие различных сторон в рамках развития социальных инноваций. В связи с этим необходимо проведение целенаправленной работы по налаживанию партнерских отношений по вопросам развития социальных инноваций, в частности, в плане повышения информированности о возможностях подобного рода проектов в преодолении многих общественных проблем и доверия субъектов друг к другу, поиска и согласования взаимных интересов, создания площадок для диалога сторон и т.д. Данные направления вкупе с формированием благоприятной среды (норматив-

но-правовой, экономической, культурной и др.) будут способствовать воспроизводству социальных инноваций и решению задач развития территорий.

Литература

1. European Commission «Annual Growth Survey». URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (accessed 09.11.2020).
2. Соловьева Т.С. Развитие экосистем социальных инноваций в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 3. С. 42–50. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.3.5
3. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития / Т.С. Соловьева [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 52–68.

Информация об авторах

Соловьева Татьяна Сергеевна (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru).

Попов Андрей Васильевич (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com).

Soloveva T.S., Popov A.V.

DEVELOPMENT OF SOCIAL INNOVATIONS AT THE REGIONAL LEVEL: AN ACTOR-BASED APPROACH

Abstract. *The paper explores the issues regarding the attitude to the social innovations from the perspective of actors who can be involved in the process of their reproduction. Special attention is paid to social entrepreneurs as one of the main agents of social innovations.*

Key words: *social innovations, region, authorities, business, civil society, social entrepreneurs, scientific and educational organizations.*

Information about the Authors

Tatiana S. Soloveva (Russia, Vologda) – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: solo_86@list.ru).

Andrei V. Popov (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: ai.popov@yahoo.com).

References

1. European Commission «Annual Growth Survey». URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (accessed 09.11.2020).
2. Soloveva T.S. Developing ecosystems of social innovation in the context of creating regional innovative subsystems. Regional Economy. South of Russia. 2019. Vol. 7(3). Pp. 42–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.5>
3. Social Innovation in Spain, China and Russia: Key Aspects of Development / Solov'eva T.S., Popov A.V., Caro-Gonzalez A., Hua Li. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11 (2). Pp. 52–68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4

ВЛИЯНИЕ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ НА ПРОСТРАНСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ¹

Аннотация. Публикация посвящена влиянию властно-управленческой вертикали на пространственно-территориальное развитие регионов Российской Федерации. Раскрывается суть первичного и вторичного этапа модернизации в историческом и социокультурном аспектах. Подтверждается актуальность исследования проблем модернизации на региональном уровне.

Ключевые слова: властно-управленческая вертикаль, модернизация, социокультурная модернизация регионов, пространственное развитие, территориальное развитие, цивилизационное развитие.

Тема юбилейной конференции «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты» содержит в себе актуальную проблему как научного, так и политического характера. С одной стороны, национальные проекты, указы, реформы и прочие – все они направлены на повышение роста социально-экономического развития страны, получения Россией конкурентных преимуществ среди мировых лидеров. С другой – необходимо учитывать готовность регионов к модернизации, в частности имеющийся у них потенциал, социально-культурные и экономические особенности и работу властно-управленческой вертикали. От этого напрямую зависит успех пространственного модернизационного и инновационного развития страны и поддержка населением действий органов власти и управления всех уровней.

Понятие «регионализация» наиболее точно отображает различные социокультурные, экономические и политические процессы в современной России. Каждый регион представляет собой локализованное пространство со своим политическим, экономическим и культурным укладом. Если в советское время использовалось целенаправленное сбалансированное распределение производственных сил по всей стране в целом, то сейчас подобная тактика говорила бы о том, что современное государственное административное управление мало заботит специфика регионов. В процессе регионализации каждая территориальная единица, будь то область или республика, входящая в состав сегодняшней России, получила статус субъекта РФ. Соответственно, каждая из них обладает особыми конкурентными преимуществами, уровень которых напрямую зависит от модернизационного развития.

Модернизация представляет собой сложный процесс, включающий в себя изменения в промышленности посредством индустриализации, изменения в сфере знаний, связанные с развитием и трансформацией современного информационного общества, а значит, и его социокультурного пространства. Социокультурная модернизация – одно из наиболее значимых направлений модернизации как таковой. Ее успешность может зависеть от множества факторов, таких как: легитимность власти, доверие и благополучие граждан, соблюдение их прав и свобод. Достижение дан-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 19-18-00345 «Академический проект: управляемость процессов социального группобразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением Стратегии развития РФ до 2024 года». Руководитель проекта – д.социол.н., проф. А.В. Тихонов.

ных целей возможно путем внедрения эффективных инноваций в государственную власть, экономику, управление. Многие факторы, будь то социальные либо природные, могут стать предпосылками социальных напряжений. Отслеживание подобных индикаторов (в т.ч. качество жизни населения) постоянно обновляется, равно как и инструменты их измерения.

Многочисленные статистические данные, собранные Китайской академией наук (далее – ЦИМ КАН) в период с 2001 по 2010 г. по 131 стране мира, подарили научному сообществу обширные данные о современном этапе модернизационного развития. Теоретическую предпосылку подобного исследования ЦИМ КАН составляет концепция вторичной модернизации руководителя Центра профессора Хэ Чуаньци. С его точки зрения в развитых и большинстве развивающихся стран одновременно осуществляются две стадии модернизации. Первичная (классическая) стадия модернизации представляет собой переход от традиционного общества к индустриальному. Первичная стадия модернизации началась промышленной революцией XVIII в. и закончилась в развитых странах к 60-м годам XX в. В остальных странах первая стадия модернизации продолжается в XXI в. Переход к вторичной модернизации ознаменовался ростом информационных технологий, основанных на опыте и знаниях, и был характерен для развитых стран. Вторая стадия модернизации возникла вследствие первичной стадии модернизации и взаимодействует с ней.

Исследования ЦИМ КАМ наглядно демонстрируют, что модернизация государства невозможна без повышения уровня развития его регионов. Для достижения данной цели России необходимо сформировать политическую стабильность, основанную на обеспечении эффективного взаимодействия в решении проблем модернизации властной вертикали и местного самоуправления регионов. На этом фоне определение эффективности действующей властно-управленческой структуры является приоритетной задачей, решение которой позволит ускорить процессы модернизации государства.

Научное обоснование проблем модернизации России на протяжении нескольких лет являлось предметом исследовательского интереса авторского коллектива ЦИСИ ИФ РАН под руководством Н.И. Лапина. Созданный ими фундаментальный труд нашел отражение в Атласе социокультурной модернизации [1], охватывающем период с 2000 по 2012 г. Рассматривая модернизацию как комплексный цивилизационный процесс [2], авторы создали уникальную методологию по определению уровней социокультурного развития регионов. Вологодский научный центр РАН является продолжателем трудов Н.И. Лапина, на основе данных которого была создана информационная система ИС «Модернизация».

На протяжении нескольких лет в своих исследованиях по грантам РНФ Центр социологии управления Института социологии ФНИСЦ РАН использует социокультурную типологию регионов по Н.И. Лапину. Среди различных исследовательских задач мы также учитываем «возможность разработки отечественной модели социальной организации и управления, более адекватной реальному состоянию и перспективам трансформации системы управления в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации» [3]. С учетом данных об уровнях социокультурного развития регионов мы проверяем гипотезы о возможных способах их инновационного развития, а также ищем дополнительные показатели процесса модернизации с учетом региональных различий. На этом основании нами была разработана ин-

формационная карта регионов, призванная отражать нестыковки сходных данных при сравнении ответов респондентов, и методика исследования латентного социального группообразования на основе концепции «легитимного номинирования».

Для России особенно остро стоит проблема отличий условий жизни населения разных регионов, а также существенное отставание уровня жизни россиян от уровня жизни в развитых странах. Большая территория страны, отставание развития народного хозяйства, существенная недоразвитость удаленных от центра регионов, плохая транспортная инфраструктура, недостаточный уровень институциональной легитимности – все это проблемы, которые необходимо решить для преодоления разрыва в уровне социокультурной модернизации России и развитых государств. При этом при исследовании проблемы модернизации России мы учитываем тот факт, что регионы являются сложившимися социальными общностями с разным уровнем и типом субъектности, с самостоятельной индивидуальной историей и особенностями социокультурной организации и управления. Это означает, что отечественная социология управления сегодня создала и опробовала новый инструмент, который позволяет формулировать и проверять некоторые прогностические разработки в режиме реального времени относительно влияния властно-управленческой вертикали на прогрессивные сдвиги в пространственно-территориальном развитии регионов.

Литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / под ред. Н.И. Лапина М.: Весь Мир, 2016. 356 с.
2. Тихонов А.В., Маркин В.В. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. Н.И. Лапин; Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН. М., 2016. // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 170–172.
3. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / под. ред. А.В. Тихонова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Информация об авторах

Тихонов Александр Васильевич (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: alvast39@mail.ru)

Гусейнова Ксения Эльдаровна (Россия, Москва) – младший научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35; e-mail: liksedar@mail.ru)

Tihanov A.V., Guseynova K.E.

INFLUENCE OF THE POWER-MANAGEMENT VERTICAL ON THE SPATIAL AND TERRITORIAL DEVELOPMENT OF REGIONS

Abstract. *The publication is devoted to the influence of the power-management vertical on the spatial and territorial development of the regions of the russian federation. The article reveals*

the essence of the primary and secondary stages of modernization in historical and socio-cultural aspects. The relevance of the study of modernization problems at the regional level is confirmed.

Key words: *power-management vertical, modernization, socio-cultural modernization of regions, spatial development, territorial development, civilizational development.*

Information about the Authors

Alexander V. Tikhonov (Russia, Moscow) - Doctor of Sociology, Professor, Head of Centre for Management Sociology and Social technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Krzhizhanovskogo str., 24/35; e-mail: alvast39@mail.ru).

Ksenia E. Guseynova (Russia, Moscow) - Junior researcher, of Center for Management Sociology and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Krzhizhanovskogo str., 24/35; e-mail: liksedar39@mail.ru).

References

1. Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Sociocultural Trends and Problems. Moscow: Ves' mir, 2016.
2. Tikhonov A.V., Markin V.V. "The atlas of upgrade of Russia and its regions: Socioeconomic and sociocultural tendencies and problems". Collective scientific labor. Originator and editor-in-chief, corresponding member of RAS N.I. Lapin". Center of studying of sociocultural changes. Institute of philosophy of RAS. Moscow: Ves' mir, 2016.
3. Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions (2017). Tikhonov A.V. (ed.), FNISTS RAN publ., Moscow, Russia.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье поднята проблема изменения численности населения в Самарской области с начала 90-х гг. XX в. по 2018 г. Анализируются факторы, которые влияли и продолжают влиять на демографические процессы. Состояние демографических показателей свидетельствует, что внутренние и внешние резервы увеличения численности населения в Самарской области исчерпаны. Меняются и репродуктивные установки населения. Наметилась устойчивая тенденция на рождение одного ребенка в семье.

Ключевые слова: численность населения, рождаемость, смертность, репродуктивные установки.

В начале 90-х гг. XX в. России начались кардинальные политические и экономические преобразования, которые оказали существенное влияние на все социальные процессы, являясь, с одной стороны следствием данных преобразований, в то же время имея собственную логику развития.

Демографические процессы в определенной степени являются отражением экономического состояния и развития общества. В устойчивые экономические периоды наблюдается рост населения. Особенно это характерно для аграрного типа общества.

Формирование нового индустриального технологического уклада изменило и сам характер демографических процессов, поскольку меняются тип семьи, расселения населения, ментальная сфера в области выстраивания жизненных стратегий, ценности человеческой жизни и т.д.

Численность населения Самарской области в XX веке постоянно росла. За 30 лет (с 1959 по 1988 г.) общая численность населения возростала в среднем на 334850 человек за десятилетие. Однако темпы прироста сокращались. С 1959 по 1970 г. прирост составил 492572 человека. С 1970 по 1979 г. – 342575 человек. С 1979 по 1989 г. – всего 169405 человек. Если в 1959 г. численность населения области составляла 2258,4 тыс. человек, то в 1989 г. она выросла до 3262,9 тыс. человек и продолжала расти вплоть до 1996 г., когда население области достигло максимума – 3306,8 тыс. человек.

Главной причиной роста населения в пореформенные 90-е годы XX в. была миграция населения из других регионов России и стран СНГ.

В 90-е гг. XX в. наибольший прирост населения в области был в 1995 г. – 21946 человек. Начиная с 1997 г. наблюдается устойчивая тенденция убыли населения области вплоть до 2010 г., когда численность населения составила 3170,1 тыс. человек.

Наибольшая убыль населения была в 2002 г. – 21768 человек. Только с 2011 г. наблюдается положительная динамика. Население за этот год выросло на 45,4 тыс. человек.

В период 1989–2002 гг. в области произошла убыль населения на 0,7%. В этот период в Приволжском федеральном округе только в республиках Башкортостан, Татарстан и Оренбургской области происходило увеличение населения соответственно на 4,1; 3,8 и 0,4%.

В период 2002–2010 гг. только Республика Татарстан сохранила положительную динамику. Население республики выросло на 0,2%.

В Самарской области в этот период население продолжало сокращаться и уменьшилось на 0,7%, что является наилучшим показателем среди всех субъектов ПФО, кроме Татарстана.

Население Самарской области на 1 января 2011 г. составляло 3 215,5 тыс. человек. На 1 января 2015 г. – 3212,7 тыс. чел. На 1 января 2016 г. – 3206 тыс. человек. На 1 января 2018 г. – 3183,0 тыс. чел.

По численности населения в ПФО в 2018 г. Самарская область занимала четвертое место, уступая республикам Башкортостан (4051,0), Татарстан (3898,7) и Нижегородской области (3214,6). Самая маленькая численность населения в субъектах ПФО – Республике Марий Эл (680,4) и Республике Мордовии (795,5; табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности населения в субъектах Приволжского Федерального округа [2]

Регион	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2018	1990–2018
РФ	148164	147609	144819	143236	142865	146267,3	146780,7	-1383,3
ПФО	31929	32266	31840	30453	29880	29715,5	29397,2	-2561,8
Башкортостан	3976	4089	4102	4066	4072	4072	4051,0	+75,0
Марий Эл	758	766	755	713	695	687,4	680,4	-77,6
Мордовия	963	955	920	865	834	808,9	795,5	-167,5
Татарстан	3684	3765	7777	3762	3787	3855,0	3898,7	+214,7
Удмуртская Республика	1625	1636	1624	1546	1520	1517,5	1507,4	-117,6
Чувашская Республика	1348	1363	1353	1279	1251	1238,1	1223,4	-124,6
Пермский край	3204	3156	3090	2719	2634	2637,0	2610,8	-593,2
Кировская область	1658	1635	1576	1419	1339	1304,4	1272,1	-385,9
Нижегородская область	3781	3732	3633	3414	3308	3270,2	3214,6	-566,4
Оренбургская область	2161	2225	2212	2093	2032	2001,1	1963,0	-198,0
Пензенская область	1552	1563	1518	1420	1384	1355,6	1318,1	-233,9
Самарская область	3247	3309	3279	3226	3215	3212,7	3183,0	-64,0
Саратовская область	2706	2737	2696	2591	2519	2493,6	2440,8	-265,2
Ульяновская область	1425	1491	1454	1340	1290	1262,6	1238,4	-186,6

Численность населения Самарской области с 1990 по 2018 г. сократилось на 64 тыс. человек. Среди регионов ПФО, в которых произошло сокращение население, это самый низкий показатель. Так население в Пермском крае за аналогичный период сократилось на 593,2 тыс. чел. Это самый высокий показатель среди регионов ПФО. Только два субъекта в ПФО показали положительную динамику: еспублики Татарстан и Башкортостан, где население за аналогичный период увеличилось на 214,7 тыс. чел. и 77,6 тыс. чел. соответственно. В целом по Приволжскому федеральному округу население уменьшилось с 1990 по 2018 гг. на -2 561,8 тыс. человек.

Население Самарской области уверено, что росту численности населения препятствуют низкие доходы, плохие жилищные условия, отсутствие поддержки со стороны государства семей с детьми и сложившееся мнение, что достаточно иметь одного ребенка (табл. 2).

Результаты по Самарской области сопоставимы с социологическими данными по другим регионам и отражают общую тенденцию. В Тюменской области в 2009 г. 47% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности населения, назвали низкие доходы, 38% – плохие жилищные условия и 29% считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка [4]. В Тульской области в 2009 г. 65,3% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности на-

селения назвали низкие доходы, 35,5% – плохие жилищные условия и 30,6% считают, что государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми [5]. В Чувашской Республике в 2012 г. 67,1% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности населения, назвали низкие доходы, 39,7% – плохие жилищные условия и 24,3% считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка [6]. В Курской области в 2012 г. 66,3% респондентов в качестве препятствий, мешающих росту численности населения назвали низкие доходы, 33,7% плохие жилищные условия и 29,7% считают, что государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми [1].

Меняются и репродуктивные установки населения. По нашему мнению, наметилась устойчивая тенденция на рождение одного ребенка в семье.

Таблица 2. Жители о препятствиях росту численности населения в Самарской области, % от числа опрошенных [3]

Вариант ответа*	2011	2015
Низкие доходы	65,0	61,3
Плохие жилищные условия	39,1	34,4
Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми	26,9	21,0
Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	24,7	26,7
Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах	8,4	3,8
Ничто не мешает в нашем регионе росту численности населения	3,6	4,6
* Допускалось отметить не более двух видов препятствий.		

Характер расселения населения, его распределение на городское и сельское показывает уровень урбанизации территории. Распространение городского образа жизни является одним из показателей уровня развития региона и показывает степень продвижения от традиционного аграрного к индустриальному и постиндустриальному обществу.

За период с 1990 по 2018 г. Самарская область сохранила статус самого высокоурбанизированного региона в Приволжском федеральном округе. Городское население губернии составляет 2 575,7 тыс. человек (80,2%), сельское – 633,6 тыс. человек (19,8%).

В Самарской области 11 городов и 14 поселков городского типа. В 4 городах численность населения более 100 тыс. чел. В них проживает преобладающая часть городского населения (2 172 тыс. чел) (82%): Самара, Тольятти, Сызрань, Новокуйбышевск. На долю остальных городов приходится 12% городского населения области. 58% жителей области проживает в городах Самаре (36%) и Тольятти (22%). На долю остальных городов приходится 18,6% населения.

Перепись населения зафиксировала увеличение его численности в период с 2002 по 2010 год в Самаре, Жигулевске, Октябрьске, Похвистнево, Тольятти, Кинеле. В Новокуйбышевске, Отрадном, Сызрани, Чапаевске, Нефтегорске отмечено сокращение числа жителей.

Самара сохранила статус «города-миллионника»: численность населения составила 1 млн 165 тыс. чел., и увеличилась за межпереписной период на 7 тыс. чел. Устойчиво снижается численность одного из самых крупных городов областного подчинения – Тольятти с 725 тыс. чел. (2010 г.) до 700 тыс. чел. (2018 г.).

Состояние демографических показателей (рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, миграция) и тенденции их изменения показывают, что внутренние и внешние резервы увеличения численности населения в Самарской области или хотя бы даже его стабилизации исчерпаны. Меры государственной поддержки (материнский капитал) дали кратковременный эффект, вследствие чего произошел небольшой всплеск рождаемости и увеличения численности населения региона с возвращением на понижающий тренд развития. Данная тенденция сохранится и в дальнейшем.

Литература

1. Курская область на социокультурной карте России: монография. Курск: МУП «Курская городская типография», 2015. С. 39.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. М., 2004. Табл. 2.1., Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат. М., 2015. Табл. 1.1, Табл. 2.1., Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 г. Росстат. М., 2016. Табл. 3.
3. Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона (1989–2015) / А.М. Исупов [и др.]; под ред. С.А. Мартышкина [и др.]. Самара: Развитие, 2016. С. 93.
4. Социокультурный портрет Тюменской области: кол. монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2011. С. 291.
5. Социокультурный портрет Тульской области: монография / В.И. Мосин [и др.]. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009. С. 35.
6. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 2015. С. 45.

Информация об авторе

Шабунин Дмитрий Михайлович (Россия, г. Самара) – кандидат социологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева (Российская Федерация, г. Самара, Московское ш., д. 34, e-mail: dmitri_tlt@mail.ru).

Shabunin D. M.

REGIONAL FEATURES OF DEMOGRAPHIC PROCESSES: TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. *The article raises the problem of population changes in the Samara region from the beginning of the 90s of the XX century to 2018. We analyze the factors that have influenced and continue to influence demographic processes. The state of demographic indicators indicates that the internal and external reserves of population growth in the Samara region are exhausted. The reproductive attitudes of the population are also changing. There is a steady trend for the birth of one child in a family.*

Key words: *population, birth rate, mortality, reproductive attitudes.*

Information about the Author

Dmitry M. Shabunin (Russia, Samara) – candidate of social Sciences, associate Professor, S.P. Korolev, Samara national research University (Samara, 34, Moskovskoe shosse, dmitri_tlt@mail.ru).

References

1. Kursk region on the socio-cultural map of Russia: monograph. Kursk: Municipal unitary enterprise "Kursk city printing house", 2015. P. 39.
2. Regions of Russia. Socio-economic indicators. Rosstat, Moscow, 2004. Table 2.1., Regions Of Russia. Socio-economic indicators. Rosstat, Moscow, 2015. Table 1.1, Table 2.1., population Of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2016. Rosstat. M., 2016. Table 3.
3. Socio-Cultural portrait of the Samara region: evolution and modernization of the region (1989-2015) / a.m. Isupov, I. V. Karpov, S. A. Martyshkin, D. M. Prokhorov, V. M. Tslaf, D. M. Shabunin. Ed. By S. A. Martyshkin, D. V. Prokhorov, V. M. Tslaf, and D. M. Shabunin. Samara: Razvitie publishing House, 2016. P. 93.
4. Sociocultural portrait of the Tyumen region: a collective monograph / scientific ed. by G.F. Romashkin, V.A. Yudashkin. Tyumen: Tyumen state University Press, 2011. P. 291.
5. Sociocultural portrait of the Tula region: Monograph / V.I. Mosin, M.A. Zagibalova, Yu.V. Nazarova, A.V. Romanov. Tula: publishing house of Tula state pedagogical University. Tolstoy University, 2009. P. 35.
6. Sociocultural evolution of Russian regions: Chuvash Republic / Under the editorship of I.I. Boiko, V.G. Kharitonova. Cheboksary, 2015. P. 45.

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ COVID-19 НА ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *Представлены результаты обзора зарубежной литературы о влиянии группы коронавирусных инфекций на психическое здоровье населения. Выделены основные типы реакции, факторы и группы риска и направления укрепления психического здоровья в условиях пандемии.*

Ключевые слова: COVID-19, стресс, тревога, депрессия, суицид, алкогольная зависимость, домашнее насилие.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в январе 2020 г. объявила вспышку COVID-19 чрезвычайной ситуацией международного значения в области общественного здравоохранения, а в марте 2020 г. – пандемией. Беспрецедентность COVID-19 заключается не столько в масштабах его распространения, сколько в реакции национальных государств на его сдерживание. Инфекция уже разрушила мир по трем направлениям: (1) непосредственно воздействуя на здоровье, (2) на систему здравоохранения и (3) вызывая социально-экономические последствия ответных мер на эту пандемию.

Цель нашего исследования – изучение вспышки COVID-19 как фактора ухудшения психического здоровья населения.

Задачи исследования:

1. Определить основные типы реакций людей на ситуацию пандемии и введенные меры по ее сдерживанию.
2. Выявить факторы риска негативных психологических исходов при вспышке новой коронавирусной инфекции и наиболее уязвимые группы.
3. Определить направления минимизации разрушительного воздействия COVID-19 на психическое здоровье населения.

Методология

Сбор информации осуществлялся в электронной базе данных PubMed с помощью поисковых терминов «COVID-19», «новая коронавирусная инфекция», «психическое здоровье», «психические расстройства», «неврология», «суицид», «депрессия», «тревога», «стресс», «фактор риска» на английском языке в различных сочетаниях. В общей сложности было получено 3487 ссылок, для подготовки обзора было использовано 132 статьи (на английском, китайском, итальянском, немецком языках).

Научная новизна представленной работы заключается в обобщении и структурировании зарубежного опыта исследований влияния группы коронавирусов на психическое благополучие. Комплексный подход к анализу проблемы включает изучение показателей, факторов и групп риска, поиск направлений минимизации негативного воздействия COVID-19 на психическое состояние людей.

Практическая значимость работы заключается в теоретическом обосновании мер профилактики возможных негативных последствий инфекции на психическое здоровье населения. Результатом станет его укрепление, снижение нагрузки на медицинскую сеть, сохранение социальной стабильности в обществе. Полученные

выводы о группах и факторах риска позволят обосновать структуру дальнейшего социологического исследования данной проблемы.

1. Реакции на стрессовую ситуацию пандемии

1.1. Физиологическая реакция: учащение сердцебиения, повышение артериального давления, уровня сахара в крови, нарушение аппетита, нарушение сна, головная боль, боли в теле, эндокринные нарушения и др.

1.2. Психо: головокружение, головная боль, потеря запаха (аносмия) и вкуса (агесия), мышечная боль, слабость, нарушение сознания, цереброваскулярные осложнения (инсульты), энцефалопатии.

По данным некоторых исследований распространенность симптомов расстройств центральной нервной системы (ЦНС) среди ковид-положительных пациентов составила 36%, а среди группы «тяжелых» – 45% [3]. У пациентов отделения интенсивной терапии показатели нарушений ЦНС встречаются значительно чаще. Так, делирий (бредовые состояния) выявлен у 65%, возбуждение – у 69%, измененное сознание – у 29% (все они впоследствии скончались) [6]. По данным исследования Varatharaj и коллег, 31% пациентов – имели измененный психический статус (в т.ч. у 23% – диагноз «неуточненная энцефалопатия», у 18% – энцефалит, у 59% – нервно-психическое расстройство: психоз, нейрокогнитивный синдром и аффективное расстройство) [7].

1.3. ПсихоВ Италии спустя три недели локдауна у населения выявлены следующие симптомы: ПТСР (37%); выраженного стресса (22,8%); расстройства адаптации (21,8%); тревоги (20,8%); депрессии (17,3%); бессонницы (7,3%). В США в первый месяц пандемии число выписанных рецептов на анксиолитические препараты (снижают уровень тревоги) выросло на 34%, на антидепрессанты – на 19%, на снотворные средства – на 15%. В конце марта 2020 г. 50% британцев и американцев испытывали значительный уровень тревожности [8].

Общая распространенность среди населения Китая в период эпидемии COVID-19 тревожных симптомов составила 35% (5% в 2019 г.), депрессивных симптомов – 20% (3,6% в 2019 г.), нарушения сна – 18% [2].

1.4. Поведенческие реакции на стрессовую ситуацию распространения и сдерживания вируса COVID-19: невнимательность, беспокойство, снижение способности решать проблемы, полноценно трудиться, медлительность действий, частый гнев, защитное поведение, панические покупки, просмотр новостей и телепередач, курение, злоупотребление алкоголем, агрессивное поведение, игромания, суицидальные мысли, попытки, суициды [1].

В Китае число обращений в полицию по поводу домашнего насилия за время карантина выросло в 3 раза. Во Франции за неделю карантина число случаев домашнего насилия возросло на 30%.

Люди чаще стали забивать в поисковой строке Google «что делать в ситуации домашнего насилия»: в Австралии – на 75%, а в Бразилии – на 50%.

25% контактировали с психиатрическими службами в течение года до совершения преступления, а 34% – имели психиатрические симптомы в момент совершения преступления [4].

По прогнозам J. Rehm на первом этапе пандемии ожидается снижение уровня употребления алкоголя (вследствие сокращения его физической и финансовой доступности), а на втором в среднесрочной и долгосрочной перспективе) усилится зло-

употребление алкоголем и увеличится связанный с этим вред [5].

2. Факторы риска развития негативных психологических исходов:

- 1) заболевание COVID-19;
- 2) психическое расстройство в анамнезе;
- 3) трудовая деятельность в медицинских учреждениях;
- 4) финансовые потери;
- 5) деятельность средств массовой информации;
- 6) социально-демографические факторы (женский пол и молодой возраст).

Наиболее уязвимые группы:

- заразившиеся COVID-19 и члены их семей, находящиеся на карантине;
 - родственники погибших вследствие коронавируса;
 - люди с ранее существовавшими психиатрическими проблемами, в т.ч. зависимость от алкоголя и ПАВ;
 - медицинские работники, оказывающие помощь инфицированным;
 - жертвы домашнего насилия;
 - люди с низким уровнем дохода, финансовой нестабильностью, рабочие-мигранты, безработные;
 - одинокие, в т.ч. пожилые люди;
 - социально изолированные группы населения (заключенные, бездомные, беженцы и др.);
 - дети и подростки;
 - больные с сопутствующими соматическими заболеваниями;
 - лица с ограниченными возможностями.
3. Пути сохранения психического здоровья в период пандемии COVID-19:
- создание официальной единой, интегрированной платформы консультирования по вопросам психического здоровья нуждающимся людям в период пандемии;
 - в идеале интеграция служб психического здоровья в систему оказания помощи по линии COVID-1;
 - разработка стратегии обоснованной политики СМИ в отношении сообщений о пандемии;
 - мероприятия, направленные непосредственно на уязвимые группы;
 - обеспечение финансовой поддержки нуждающихся;
 - пропаганда здорового образа жизни;
 - смягчение негативного воздействия карантина;
 - научные исследования.

По данным экспертов, во время и после окончания пандемии COVID-19 до 70% населения земного шара будут нуждаться в помощи специалистов по сохранению психического здоровья.

Литература

1. Gunnell D., Appleby L., Arensman E. et all. Suicide risk and prevention during the COVID-19 pandemic. The Lancet Psychiatry, 2020, 7 (6), 468–471. URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30171-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30171-1)
2. Huang Y., Zhao N. Mental health burden for the public affected by the COVID-19 outbreak in China: Who will be the high-risk group? Psychology, Health & Medicine. Published online: 14 Apr., 2020. DOI: <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1754438>

3. Mao L., Wang M., Chen S., et al. Neurological manifestations of hospitalized patients with coronavirus disease 2019 in Wuhan, China. JAMA Neurol, 2020. URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamaneurology/fullarticle/2764549>. Published online: April 10, 2020. DOI:10.1001/jamaneurol.2020.1127
4. Oram S., Flynn S.M., Shaw J., Appleby L., Howard L.M. Mental illness and domestic homicide: a population-based descriptive study. Psychiatr Serv., 2013; 64: 1006–1011
5. Rehm J., Gmel G.E. Sr, Gmel G. et al. The relationship between different dimensions of alcohol use and the burden of disease-an update. Addiction 2017;112:968–1001.
6. Rogers J.P., Chesney E., Oliver D., Pollak T.A., McGuire Ph., Fusar-Poli P., Zandi M.S., Lewis G., David A.S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: a systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. The Lancet Psychiatry, 2020. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0) Published on-line: May 18, 2020. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30203-0/fulltext?dgcid=raven_jbs_etoc_email](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30203-0/fulltext?dgcid=raven_jbs_etoc_email)
7. Varatharaj A., Thomas N., Ellul M.A. et al. Neurological and neuropsychiatric complications of COVID-19 in 153 patients: a UK-wide surveillance study. Lancet Psychiatry. 2020 (published online June 25). URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30287-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30287-X); [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30287-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30287-X/fulltext)
8. Мосолов С.Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19 // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 120 (5). С. 7–15. URL: <https://doi.org/10.17116/jnevro20201200517>

Информация об авторе

Шматова Юлия Евгеньевна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д.56а; e-mail: common@volnc.ru).

Shmatova Yu.E.

NEGATIVE IMPACT OF COVID 19 ON THE MENTAL HEALTH OF THE POPULATION

Abstract. *The results of a review of foreign literature on the impact of a group of coronavirus infections on the mental health of the population are presented. The main types of reactions, risk factors and groups, and directions for strengthening mental health in the context of a pandemic are identified.*

Key words: COVID-19, stress, anxiety, depression, suicide, alcohol dependence, domestic violence.

Information about the Author

Yulia E. Shmatova (Vologda, Russia) – candidate of economic Sciences, researcher, Vologda research center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorkogo str., Vologda, 160014, Russia, e-mail: common@volnc.ru).

References

1. Gunnell D., Appleby L., Arensman E. et al. Suicide risk and prevention during the COVID-19 pandemic. The Lancet Psychiatry, 2020, 7(6), 468–471. URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30171-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30171-1)

2. Huang Y., Zhao N. Mental health burden for the public affected by the COVID-19 outbreak in China: Who will be the high-risk group? *Psychology, Health & Medicine*. Published online: 14 Apr., 2020. DOI: <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1754438>
3. Mao L., Wang M., Chen S., et al. Neurological manifestations of hospitalized patients with coronavirus disease 2019 in Wuhan, China. *JAMA Neurol*, 2020. URL: <https://jamanetwork.com/journals/jamaneurology/fullarticle/2764549>. Published online: April 10, 2020. DOI: 10.1001/jamaneurol.2020.1127.
4. Oram S., Flynn S.M., Shaw J., Appleby L., Howard L.M. Mental illness and domestic homicide: a population-based descriptive study. *Psychiatr Serv*, 2013; 64: 1006–1011.
5. Rehm J., Gmel G.E. Sr, Gmel G. et al. The relationship between different dimensions of alcohol use and the burden of disease-an update. *Addiction*, 2017; 112:968–1001.
6. Rogers J.P., Chesney E., Oliver D., Pollak T.A., McGuire Ph., Fusar-Poli P., Zandi M.S., Lewis G., David A.S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: a systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0) Published on-line: May 18, 2020 URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30203-0/fulltext?dgcid=raven_jbs_etoc_email](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30203-0/fulltext?dgcid=raven_jbs_etoc_email)
7. Varatharaj A., Thomas N., Ellul M.A. et al. Neurological and neuropsychiatric complications of COVID-19 in 153 patients: a UK-wide surveillance study. *Lancet Psychiatry*. 2020 (published online June 25.). URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30287-X](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30287-X); [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30287-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30287-X/fulltext)
8. Mosolov S.N. Mental health Problems in the context of the COVID-19 pandemic. *Journal of neurology and psychiatry named after S.S. Korsakov*. 2020; 120 (5):7–15. URL: <https://doi.org/10.17116/jnevro20201200517>

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПОСКОНФЛИКТНОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности формирования гражданских институтов в разные периоды протекания регионального кризиса и конфликта, характеризуются их функциональные цели и задачи в зависимости от социальных, политических и культурных факторов.

Ключевые слова: гражданский институт, гражданское общество, конфликт, кризис.

Современные общества характеризуются формированием гражданских институтов, их участием в выработке и реализации решений. В докладе предпринята попытка раскрыть региональную специфику возникновения и функционирования общественных объединений на рубеже 90-х годов XX в. и в 2000-е годы.

Объект исследования: гражданские институты. Предмет исследования: особенности становления гражданских институтов в условиях регионального кризиса и конфликта.

В исследовании применялись социокультурный подход и методы социологического анализа. В социологических опросах 1991, 2003 и 2009 гг. в анкеты включались блоки вопросов об отношении к общественно-политическим организациям, выявлению степени общественной и социальной активности. Опросы проводились по месту жительства в форме индивидуального интервью на основе формализованных анкет. Выборки были репрезентативные с доверительным интервалом 96,5%.

Гражданские институты рассматривают как совокупность негосударственных частных объединений граждан, преследующих индивидуальные и групповые цели. В исследовании выделены в качестве гражданских институтов различные общественные объединения, деятельность которых направлена на участие в политической и социокультурной жизни региона.

В последние 30 лет условно можно выделить пять периодов процесса становления гражданских институтов. Он протекал прерывисто, характеризовался возникновением и распадом общественных объединений в зависимости от конкретного периода развития социально-политического кризиса, конфликта и постконфликтного возрождения региона.

1987–1991 гг. – создание клубов, культурно-просветительских, общественно-политических организаций, партий. Их участниками являлись бывшие военные, юристы, учителя, журналисты, молодежь. Общественные объединения проявляли интерес к истории, реализации принципа исторической и социальной справедливости, добивались перемен путем обновления руководства и кадров в системе органов власти. С 1990 года выдвигается политическая задача – расширения самостоятельности посредством утверждения суверенитета, вплоть до обретения независимости ЧР.

1991–1994 гг. – со сменой 6 сентября 1991 г. партийно-советской власти путем переворота лидеры общественно-политических организаций переходят во властные структуры. С этого момента общественные объединения перестают играть прежнюю роль; новые руководители считали, что партии и общественные организации выполнили свои миссии. В дальнейшем политические процессы должны

происходить через избирательную систему, формирование парламента и выборы президента и т.д.

1995–1996 гг. – период военных действий, назначения региональной администрации федеральным центром на освобожденной территории, создаются региональные организации российских партий и общественных движений.

1997–1999 гг. – в результате заключения мирного соглашения между федеральным центром и руководством вооруженного сопротивления происходит восстановление органов управления «ичкерийской» власти, добивавшейся широкой самостоятельности или независимости ЧР. В республике возникают религиозно-политические, военно-политические объединения.

С 2003 г. начинается новый отсчет социального и политического времени, восстанавливается действие Конституции РФ на территории ЧР, формируются органы власти Чечни как субъекта РФ. Создаются также региональные отделения российских партий «Единая Россия». «Справедливость» и другие.

Индекс отношения к общественно-политическим организациям в июле 1991 г. составил у чеченцев – 113,7, ингушей – 127,1, русских – 61,1, других национальностей – 74,1 (индекс вычислен определением соотношения положительных и отрицательных процентных показателей +100). В этот период наибольшую общественную и политическую активность проявляли чеченская и ингушская этнические группы. Русская этническая группа была заинтересована в сохранении стабильности, опасалась осложнения межнациональной обстановки. Она имела, как и еврейская, армянская и другие группы, культурные объединения и не поддерживала отдельные предложения о создании «русскоязычной» общественно-политической организации. Воздержание от такого шага партийных и государственных чиновников, хозяйственных руководителей было связано с опасением перерастания нарастающего регионального кризиса в межнациональный конфликт. В последующем такая позиция обусловила выбор стратегии миграции из взрывоопасной территории в другие регионы России.

Таким образом, значительная часть общественных организаций на рубеже 90-х годов представляла чеченское население, переживаемый кризис после августовских событий 1991 года трансформировался во внутричеченский социально-политический конфликт, а затем и в конфликт по вертикали «Центр-регион».

В исследовании 1991 года также выявлялся уровень доверия к партиям и общественным объединениям. К республиканской организации КПСС выразили доверие русские – 17,5%, другие национальности – 21,2%, чеченцы – 7,3%, ингуши – 9,4%. Как видим, коммунистическая партия в целом имела крайне низкое доверие, но, вместе с тем, среди русских и других национальностей оно два раза было больше, чем среди чеченцев и ингушей. Это объяснялось тем, что в отличие от других общественно-политических организаций республиканская КПСС была по своему составу интернациональная. В ней виделась возможность предотвращения дестабилизации региональной обстановки, обострения межнациональных отношений. Чеченцы, например, выражали доверие к Народному фронту – 10,5%, Вайнахской демократической партии – 15,7%, партии Справедливости – 11,7%. Эти и другие общественные объединения по своему составу были преимущественно чеченские и в своей совокупности образовывали рейтинг свыше 60%, что значительно превышало рейтинговое отношение к организации КПСС.

Другая особенность становления и функционирования гражданских институтов в форме общественных объединений, движений, региональных партий состоит в

том, что они в условиях переходности общества, смены власти и социального строя неустойчивы. Им присуща тенденция попеременного возникновения и распада, исполнения функции стартовых ступеней для лидеров групп интересов. В 2003 г. положительно отнеслись к общественно-политическим организациям чеченцы – 20,7%, русские – 14,1%; считают, что они играют значительную и скорее значительную роль в жизни республики – соответственно 19,2 и 22,0% [2].

В последние годы наблюдается невысокая общественная активность граждан, хотя общественных объединений зарегистрировано более 600, но из них ведут конкретную работу лишь несколько десятков. В качестве причин слабого участия в общественной жизни называются следующие: не видят пользы от такого участия 42,9% респондентов, опасаются быть вовлеченными в неприглядные дела – 15,5%, не знают, как это сделать, – 12,4% и др. [3].

В целом постконфликтному развитию региона свойственен перенос силовых методов конфликтного времени в административно-территориальное управление, авторитарность, чрезмерная централизация региональной власти. Вместе с тем постепенно осуществляется поступательный процесс развития основ экономики, обеспечения социального благополучия и развития гражданских институтов.

Литература

1. Социологическое исследование: Интересы разнонациональных групп занятого населения». Грозный, 1991.
2. Социологическое исследование: Интересы, нормы, ценности. Грозный, 2003.
3. Социологическое исследование: Социокультурные проблемы региона. Грозный, 2009.

Информация об авторе

Юсупов Муса Мовлиевич (Россия, г. Грозный) – кандидат социологических наук, доцент, Чеченский государственный университет (364024, Российская Федерация, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32; email: musa_y17@hotmail.com).

Yusupov M. M.

THE PECULIARITIES OF CIVIL INSTITUTION IN THE POST-CONFLICT REGION

Abstract. *The paper examines the peculiarities of formation of civic institutions in different periods of regional crisis and conflict, describes their functional goals and tasks depending on social, political and cultural factors.*

Key words: *civic institution, civil society, conflict, crisis.*

Information about the Author

Yusupov Musa M. – PhD in Sociology, Associate Professor, Chechen State University (email: musa_y17@hotmail.com).

References

1. Sociological research: Interests of different national groups of the employed population”. Grozny, 1991.
2. Sociological research: “Interests, norms, values”. Terrible, 2003.
3. Sociological research: “Socio-cultural problems of the region”. Grozny, 2009.

СЕКЦИЯ 3
ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА
И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности развития страховых отношений в условиях цифровой экономики. Приведена характеристика цифровых технологий в страховании, показаны их достоинства и недостатки, определены цифровые тренды в страховании, ориентированные на индивидуальные потребности страхователей.

Ключевые слова: цифровое страхование, цифровые технологии, индивидуализация страховых продуктов.

Глобальные цифровые процессы в пространстве и экономике затрагивают сферу страховых отношений, сокращая административные расходы, удешевляя стоимость страховых услуг и повышая их привлекательность для страхователей. В практику страховой деятельности вводится новое понятие – цифровое страхование, предусматривающее реализацию «страховой защиты с использованием цифровых технологий» [1].

Инновационный механизм развития страхового рынка основывается на активизации цифровых технологий. С одной стороны, современные IT-технологии, Интернет-платформы исследования страхового рынка, возможность on-line покупок создают условия для грамотного и обоснованного выбора страховых продуктов, а с другой стороны, возникают проблема цифрового неравенства и повышенные киберриски [2].

Кроме того, актуализируются вопросы, связанные с формированием цифровой культуры потребителей страховых услуг и цифровой безопасности, обеспечиваемой страховщиками при взаимодействии со страхователями. Следует упомянуть об объективных проблемах интернетизации, включающих доступ к сети и качество Интернет, неустойчивость мобильной связи, а также слабые пользовательские навыки работы со специальными мобильными приложениями страхователей.

Цифровизация страховой деятельности предоставляет новые возможности, меняет содержание страхования, основывается на технологиях дистанционного доступа ТЕЛЕ, блокчейн, Big Data, онлайн-технологии, предусматривает создание умного «образа» объекта страхования и дает возможности индивидуализации страховых предложений.

Безусловными преимуществами Интернет страхования для страхователей можно назвать: возможность составить мнение о страховых компаниях и их услугах, сравнить условия страховых программ, рассчитать страховой взнос с применением страхового калькулятора, получить on-line консультацию, оформить и получить электронный договор, обеспечить его сопровождение, произвести оплату страхового взноса, заявить о наступлении страхового случая и урегулировать претензии.

Вместе с тем остается нерешенной проблема электронного страхования, поскольку в последние годы доля сборов страховых премий с использованием сети Интернет остается на крайне низком уровне – не более 5% при возрастающей интенсивности использования страховым сектором цифровых инструментов.

Современный цифровой мир предъявляет новые требования к культуре и качеству предоставления услуг, поэтому страховщики определяют цифровизацию ключевым трендом, активно осуществляют оцифровывание бизнес-процессов, нацелены на интернетизацию продаж с целью ориентации на потенциального клиента. Основываясь на аналитике больших данных, страховщики стремятся выявлять новые возможности своего развития путем формирования адресных и индивидуальных продуктов. Отдельные страховые компании начинают внедрять телеметрические автомобильные приборы для оптимизации цены на полисы КАСКО, трекеры здоровья для сбора и обработки данных о застрахованном лице при заключении договора ДМС, телемедицину. Активно используются чат-боты, облачная обработка данных, технологии с элементами искусственного интеллекта.

В современных условиях наиболее перспективными технологиями в страховании могут быть обозначены: Big Data, роботизация и искусственный интеллект, биометрические и дистанционные технологии. Значительные перспективы имеют электронные продажи страховых полисов, особенно в сегменте массового страхования (ОСАГО, страхование граждан при выезде за границу), предоставлении коробочных продуктов, не предусматривающем предварительной страховой оценки риска («Антиклещ»). Страховые компании в тесном сотрудничестве с поставщиками различного рода услуг могут активизировать продажи комбинированных продуктов, примером которых выступают «умные» объекты, иницирующие контракты. Таковыми выступают «умный дом», «умное КАСКО», когда установленные на страховом объекте датчики фиксируют кражи со взломом, возгорание и предотвращают потери.

Дальнейшее развитие страхования может основываться на положительном зарубежном опыте внедрения новых технологий. Особого внимания заслуживают процессы урегулирования претензий страхователей. К примеру, автоматизация процедуры урегулирования претензий при задержке авиарейса позволяет пассажиру через 2 часа получить страховую выплату, поскольку данная процедура функционирует на основе метода «блочной цепи» (блокчейн с международной базой данных авиаперелетов).

Искусственный интеллект, встроенный в систему прогнозирования страховых претензий, позволяет сопоставить количество заявлений, полученных аргументов, результатов судебных исков, что с достаточно высокой точностью моделирует уровень выплат страховой компании [3].

Цифровая трансформация страхования способна кардинальным образом поменять существующие бизнес-процессы, привести к созданию страховых компаний-платформ, поскольку ожидания страхователей основываются на простоте использования технологий, круглосуточном доступе, четкости и понятности информации о получаемой страховой услуге. Соответственно, целью деятельности страховых компаний должна стать способность удовлетворять потребности страхователей, в том числе и порожденные цифровизацией экономики.

При этом развитие цифровых процессов на страховом рынке неизбежно будет создавать новые проблемы, связанные с обеспечением информационной защищенности и предотвращением киберугроз, что потребует создания нового механизма борьбы со страховым мошенничеством.

Литература

1. Цыганов А.А., Брызгалов Д.В. Цифровизация страхового рынка: задачи, проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 111–120.
2. Сплетуков Ю.А. Информационные технологии на российском страховом рынке: возможности развития // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 1. С. 105–116.
3. Schmidt-Kasperek U. Zukunfts-Studie: Schadenbearbeitung bald vollautomatisch. URL: // www.versicherungs-magazin.de/rubriken/branche/zukunfts-studie-schadenbearbeitung-bald-vollautomatisch-2055612.html (дата обращения 14.11.2020).

Информация об авторе

Аксютинa Светлана Васильевна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: s_vasilievna@mail.ru).

Aksyutina S.V.

DIGITAL ASPECTS AND POTENTIAL OF INSURANCE DEVELOPMENT IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *This article examines the potential for the development of insurance relations in the context of digitalization. The characteristics of digital technologies in insurance are given, their advantages and disadvantages are shown, promising digital technologies in insurance are identified.*

Key words: *digital insurance, digital technologies, personalization of insurance products.*

Information about the Author

Svetlana V. Aksyutina (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vologda State University (Vologda, st. Lenina, 15, e-mail: s_vasilievna@mail.ru).

References

1. Tsyganov A.A., Bryzgalov D.V. Digitalization of the Insurance Market: Tasks, Problems and Prospects. Ekonomika. Nalogi. Pravo. Economics. Taxes. Law, no. 2, pp. 111–120.
2. Spletukhov Y.A. Information Technology in the Russian Insurance Market: Development Opportunities. Financial Journal, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 105–116.
3. Schmidt-Kasperek U. Zukunfts-Studie: Schadenbearbeitung bald vollautomatisch. URL: // www.versicherungs-magazin.de/rubriken/branche/zukunfts-studie-schadenbearbeitung-bald-vollautomatisch-2055612.html (date of the application 14.11.2020).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВОЗРАСТНЫХ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ¹

Аннотация. В исследовании проанализированы изменения, меняющие форму и культуру наемного труда для возрастных работников в условиях цифровой экономики. Сделаны выводы и приведены практические рекомендации, которые помогут возрастному человеку избежать информационного разрыва с молодым поколением.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, возрастное население, цифровая экономика, безработица, эйджизм, дискриминация.

На сегодняшний день на российском рынке труда происходят значительные изменения в связи с цифровизацией экономики. С развитием цифровых технологий на рынке труда возникают новые профессии и исчезают старые, меняются многие производственные операции. Увеличение рабочей силы и изменение возрастных границ трудоспособного возраста вызывает необходимость формирования новой социально-экономической политики по поддержке и трудоустройству данной категории населения. Сложная экономическая ситуация в стране и отрицательная демографическая динамика обуславливают необходимость использования труда возрастного населения по-новому. В заявленной программе «Цифровая экономика 2025 РФ» особое внимание уделяется не только молодому населению, но и более возрастному (пенсионерам, с возможностью использования их труда).

Таблица. Литературный обзор основных барьеров оптимизации ресурсного потенциала

Авторы, доклады	Комментарии
Агеев А.И. Аверьянов М.	Авторы указывают на появление большого количества безработных из-за различных технологических внедрений, которые замещают труд человека [1]
Caliendo M. Fritsch M. Kritikos A.S. Sorgner A.	Исследователи выдвигают теорию об устранении рабочих мест, путем высвобождения работников по каким-либо причинам, так как происходит автоматизация рабочих мест [2]
Доклад The Future of Jobs	На Всемирном экономическом форуме говорилось, что до 2020 г. автоматизация уничтожит 5 млн рабочих мест [3]
McKinsey	По данным Глобального института развития, к 2036 году может быть автоматизировано более 50% рабочих мест, а к 2066 году эта доля составит более 90% [4]
Источник: составлено автором.	

В связи с увеличением численности возрастного населения, низкой рождаемостью и высокой смертностью, снижающейся численностью трудоспособного населения использование труда возрастной группы может решить некоторые проблемы в экономике.

Согласно данным статистической базы в 2019 году, занятость возрастного населения в России растет. Такой рост возможен за счет изменения динамики доходов населения, которые ниже прожиточного минимума или доходов ниже среднего уровня. По проведенным социологическим опросам пенсионеры которые остаются на рынке труда или вновь выходят на рынок труда после оформления пенсии, зача-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00300).

стую руководствуются такими причинами при выборе ответа на вопрос, например: недостаточно денежных средств – 75% (2019 г.), среди респондентов старше 60 лет – 78%; иметь возможность материально помогать детям и внукам – 56% (2019 г.); избежание одиночества – 36%; интерес к работе – 45%.

По данным исследований от hh.ru и job.ru, после 50 лет устроиться на работу возрастному населению трудно – в этом признается более 85% трудоспособного населения в этом возрасте. По другим опросам отмечается, что часть работников, особенно женщин из «сидячих» отраслей, устраивают работодателей именно будучи в предпенсионном возрасте, поэтому сдвиг по выходу на заслуженный отдых пойдет таким сотрудникам только на пользу. Из-за пенсионной реформы, по прогнозным значениям института макроэкономических исследований, число безработных к 2024 году может возрасти до 7,8 млн человек, или 9,6–9,7% от прогнозной численности рабочей силы.

В связи с изменением технологической автоматизированной структуры производства использование труда предпенсионеров, пенсионеров усложнится, т.к. при внедрении такой системы вытесняется с рынка труда население этой возрастной группы. Эти люди не будут обладать нужными технологическими, компьютерными навыками, которые необходимы для соответствующего рабочего места. Но в некоторых исследованиях говорится, что не все рабочие места будут подвержены автоматизации с применением компьютерных технологий. Допустим выполнение каких-то специфических задач, которые подразумевают использование живого труда человека, эти рабочие места, возможно, будут меньше подвержены компьютеризации (сфера искусства, информационный сектор, прочие услуги и т.д.). Но все же стоит отметить, что высокая численность пенсионеров приводит к усилению их роли в социуме, повышению требований к созданию им благоприятных условий для самореализации, активному участию в общественной, экономической и культурной жизни.

В результате можно привести такие практические рекомендации, которые помогут возрастному человеку избежать информационного разрыва с молодым поколением за счет освоения людьми навыков «простого дохода» в традиционных сферах деятельности и реконструирования их опыта (уход, охрана, прикладное искусство). А вузам необходимо аккумулировать научно-педагогический потенциал для создания программ профессиональной переподготовки людей предпенсионного возраста; также следует проводить мероприятия или программы взаимодействия с молодежью по обмену навыками между поколениями. Этот способ поможет людям развить технологические навыки и даст возможность реализовать свой ресурсный потенциал.

Литература

1. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение / А.И. Агеев [и др.] // Экономические стратегии. 2017. № 1. С. 114–125.
2. Caliendo M., Kritikos A.S. Start-Ups by the Unemployed: Characteristics, Survival and Direct Employment Effects. *Small Business Economics*, 2010, vol. 35, № 1, pp. 71–92.
3. Kritikos A.S., Sorgner A. Why did self-employment increase so strongly in Germany? *Entrepreneurship and Regional Development*, 2015, vol. 27, pp. 307–333.
4. The Future of Jobs Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (accessed 08.12.2020).

5. Цифровая Россия новая реальность Digital. McKinsey, 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (accessed 08.12.2020).

Информация об авторе

Антипанова Ольга Андреевна (Россия, г. Томск) – аспирант, лаборант, Международная научно-образовательная лаборатория технологий улучшения благополучия пожилых людей Национального исследовательского Томского политехнического университета (634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-т Ленина, д. 30; e-mail: antipanova2020@gmail.com).

Antipanova O.A.

CURRENT PROBLEMS OF RESOURCE POTENTIAL OF AGE PEOPLE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF ECONOMY

Abstract. *The study analyzed the changes that change the shape and culture of hired labor for older workers in the digital economy. Conclusions are drawn and practical recommendations are given that will help an older person to avoid an information gap with the younger generation.*

Key words: *resource potential, age population, digital economy, unemployment, ageism, discrimination.*

Information about the Author

Olga A. Antipanova – postgraduate student, laboratory assistant, International Scientific Educational Laboratory for the Improvement of Wellbeing Technologies of Older Adults, National Research Tomsk Polytechnic University (634050, Russia, Lenina av., 30, e-mail: antipanova2020@gmail.com).

References

1. Ageev A.I., Averyanov M., et al. Digital society: architecture, principles, vision // Economic strategies. 2017. No. 1. S. 114–125.
2. Caliendo M., Kritikos A.S. Start-Ups by the Unemployed: Characteristics, Survival and Direct Employment Effects // Small Business Economics. 2010. Vol. 35. No. 1. R. 71–92.
3. Kritikos A.S., Sorgner A. Why did self-employment increase so strongly in Germany? // Entrepreneurship and Regional Development. 2015. Vol. 27. P. 307–333.
4. The Future of Jobs Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (date accessed 12/08/2020).
5. Digital Russia new reality Digital. McKinsey, 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx> (date accessed 08.12.2020).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ РОССИЯН В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье рассматриваются условия и формы трансформации мышления россиян, происходящие благодаря виртуализации общества. Доказывается, что цифровая эпоха подвела черту под реальными и придуманными практиками получения жизненного опыта, сделав столь же реальными и виртуальными стратегии получения опыта, навыков, знаний, которые приводят к трансформации идентичности и в целом личности в современном мире.

Ключевые слова: трансформация мышления, сознание, цифровизация, виртуализация, идентичность.

Мы привыкли к тому, что есть у кого спросить, к кому прислушаться и на опыт, знания или решения кого-то можно опираться. Преемственность поколений, построенная на взаимосвязи предков и потомков, настраивала наше сознание именно на эти ориентиры развития. Это и придавало основательность и стабильность сознанию тысяч поколений людей, живущих в разных странах, верящих в разных Богов.

Но цифровой мир упростил многие процессы – не нужно знать длинных историй, прочитать много книг, для того чтобы принять какое-то решение. Паутина Интернет наполнена всяческими советами и лайфхаками, историями и сюжетами о том, как быстро и просто сделать что-то важное, умное, красивое, ценное и прочее. Это меняет ценность труда, ценность отношений, ценность взаимосвязи опыта и мастерства. В целом это меняет идентичность и самопрезентацию людей в современном мире. С одной стороны, это еще больше усиливает иррациональные тенденции нашего мышления, об этом уже было сказано в ряде работ автора [1–3], и производит смешивание реальностей [4], благодаря чему нет разграничения между реальным и виртуальным миром, миром реального опыта и придуманной жизни. А для нашего сознания – то, что мы думаем, и то, что мы реально проживаем, – одинаково ценный опыт и порой нет разницы, откуда мы получили информацию: из сна или книги, события, увиденного в реальной жизни или кино, – эффект от его воздействия будет реален в обоих случаях.

Цифровая эпоха предоставляет множество симуляций (отношений, бизнеса, деловых и развлекательных игр), которые меняют осознанность, восприятие и чувственность всех участников, изменяя их оценку реальной и виртуальной составляющей жизни. А в некоторых случаях эта грань стирается и, как уже говорилось в исследованиях Р.В. Иванова, конструируется единый цельный образ «смешанной реальности».

Особенности мышления в этой новой реальности обладают своими характеристиками, условиями, формами и закономерностями. Возможности виртуальной среды создают новое понимание реальности, и эти инсайты переносятся в реальный мир, не всегда соответствующий закономерностям из виртуального, и результатом становится разочарование, стигматизация и одиночество. Но пандемия COVID-19 2020 года существенно изменила реальность и стратегии мышления, теперь из реальной жизни все чаще возвращаются в виртуальное цифровое пространство для досуга, образования, работы и выстраивания личных отношений. Нет необходимости возвращаться в реальность – все, что желаешь, можно получить через ин-

тернет – заказать еду, получить образование, устроиться на работу (на которую не надо ходить), познакомиться с интересным человеком и даже создать виртуальную семью. Пандемия коронавируса стала окном в новую реальность для мышления и сознания наших современников, позволила иначе посмотреть на социальные реалии и актуализировать значимые процессы и явления, способствующие регулированию социальных и личных отношений, способствующие самовыражению и самоидентичности.

Говоря о трансформации мышления в цифровую эпоху стоит сказать об изменении следующих характеристик мышления: гипертекстуальность, полифоничность, распределенность, мозаичность или клиповость, месседжевый характер. При этом цифровое мышление не является аналогом устной и письменной речи, оно выступает еще одним видом речи, а следовательно, и мышления. Оно задействует совершенно другие участки мозга, что приводит к формированию личности нового типа. Пока еще старые стили и формы развития мышления через устную и письменную речь сильны, и мы можем видеть более развитых людей с еще одним типом мышления. Но в будущем, потребность в одном или двух типах мышления может стать раритетом, когда останется только цифровое мышление. Это достаточно пессимистичный взгляд на перспективы развития виртуального мышления современников.

Наноскорости цифрового мира ускоряют темп жизни современников, время в дефиците, ход его сжимается, а эффективное его использование при больших объемах информации становится сомнительным. Вслед за динамичностью мира необходимо активировать и динамичность личности, готовой к постоянному изменению, а это, увы, под силу далеко не каждому. Поэтому мы можем говорить о том, что в будущем есть место человеку, освоившему цифровые модели мышления, мобильному и гибкому к социальным и технологическим трансформациям, раскрывающим новые горизонты для личного и социального развития в реальной виртуальной среде.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: мат-лы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 165–168.
3. Ардашев Р.Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства: сб. науч. тр. II международной научной конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–29.
4. Иванов Р.В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: мат-лы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2017. С. 114–117.

Информация об авторе

Ардашев Роман Георгиевич (Россия, г. Москва) – кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы, Академия управления МВД России (г. Москва; e-mail: ardashev.rg@bk.ru).

TRANSFORMATION OF THE THINKING OF RUSSIANS IN THE DIGITAL AGE

Abstract. *The article examines the conditions and forms of transformation of Russians' thinking, taking place due to the virtualization of society. It is proved that the digital age has drawn a line under the real and invented practices of getting married experience, making virtual strategies for gaining experience, skills, knowledge that lead to the transformation of identity and personality in general in the modern world just as real.*

Key words: *transformation of thinking, consciousness, digitalization, virtualization, identity.*

Information about the Author

Roman G. Ardashev – Candidate of Law, Senior Lecturer-Methodist of the Department of Organization of the Educational Process of Management of Educational and Methodological Work of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, e-mail: ardashev.rg@bk.ru).

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness. Humanitarian vector. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 76-84.
2. Ardashev R.G. Irrational fears of the population: the impact of digitalization of public services. Transformation of state and municipal management in the paradigm of digitalization. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: publishing house of the yoke, 2020. Pp. 165–168.
3. Ardashev R. G. Metamorphoses of consciousness: images of identity in virtual space. Social reality of virtual space: collection of scientific papers: based on the materials of the II International Scientific Conference. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. Pp. 25–29.
4. Ivanov R.V. Mixed reality: the essence of symbolic symbiosis. Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, challenges, and prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk. Izd-vo IGU, 2017. pp. 114–117.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Аннотация. Доклад посвящен вопросу развития некоммерческого сектора в условиях цифровизации и содержит результаты исследований, отражающих возможности и ограничения зарубежных и отечественных некоммерческих организаций в использовании современных информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, некоммерческая организация, цифровизация, информационно-коммуникации технологии, онлайн-ресурс.

Современный этап развития общества характеризуется широким распространением и использованием интернет-ресурсов в работе организаций различных сфер деятельности. Вопрос использования новых технологий для радикального повышения производительности или увеличения охвата предприятий привлекает большое внимание в рамках процессов цифровизации [1]. Онлайн-ресурсы стали естественным компонентом жизни населения и используются для прогнозирования колебаний фондового рынка [2], кассовых сборов [3], коллективных действия [4] и сбора многих характеристик и увлечений пользователей, включая их политические взгляды [5]. На основе анализа данных, выбранных из массива, размещенного на платформе Института V-Dem², было выявлено, что население европейских стран является активным потребителем отечественных онлайн-ресурсов, а показатель России находится на уровне восточноевропейских стран (табл. 1).

Таблица 1. Существование онлайн-медиа

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Изм. 2019/2009
Великобритания	2,966	2,966	2,966	2,966	2,966	2,966	2,966	2,966	2,966	2,966	2,886	-
Чехия	2,835	2,835	2,835	2,835	2,835	2,835	2,835	2,851	2,851	2,851	2,846	+
Германия	2,137	2,137	2,321	2,321	2,763	2,763	2,763	2,763	2,763	2,763	2,84	+
Нидерла	2,378	2,724	2,724	2,882	2,882	2,882	2,882	2,882	2,882	2,882	2,812	+
Австрия	2,823	2,823	2,823	2,823	2,823	2,823	2,823	2,823	2,83	2,823	2,784	-
Испания	2,501	2,592	2,592	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7	2,7	2,682	+
Хорватия	2,381	2,528	2,528	2,528	2,518	2,518	2,518	2,518	2,659	2,659	2,566	+
Италия	2,174	2,349	2,425	2,425	2,425	2,425	2,425	2,425	2,425	2,425	2,339	+
Франция	2,503	2,796	2,796	2,796	2,796	2,796	2,796	2,796	2,796	2,773	2,26	-
Венгрия	2,002	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,246	2,246	2,246	2,246	2,246	+
Россия	1,955	1,997	1,997	2,069	2,069	2,069	2,069	2,069	2,069	2,069	2,084	+
Польша	1,734	1,732	1,724	1,724	1,724	1,732	1,732	1,731	1,731	1,74	2,076	+

Источник: составлено автором по данным Института V-Dem URL: <https://www.v-dem.net>.

Вопрос: Являются ли граждане потребителями отечественных онлайн-медиа?

Ответы: 0: Нет. Никто не является потребителем отечественных онлайн-медиа. Переход к следующему вопросу, если выбран этот вариант ответа. 1: Ограниченное потребление. 2: Относительно распространенное. 3: Распространенное. Почти все потребляют.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант 19-011-00724А «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне»).

² Подробнее о платформе: Mechkova V., Pemstein D., Seim B., Wilson S. The World Social Media Survey (WSMS). Memo Prepared for Stanford Global Populisms Conference, 2019. 7 p. URL: https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/wsms-stanford_memo.pdf

Одной из наиболее значимых характеристик онлайн-ресурсов является то, что они позволяют обычным гражданам находить сторонников и координировать свои действия практически без затрат финансовых ресурсов [6, с. 2]. Например, исследователи обращают внимание на применение онлайн-ресурсов в политических процессах, отмечая, что наиболее заметные кампании и общественные движения возникают в цифровой среде [7, с. 3]. Это обусловлено тем, что социальные медиа упрощают процесс вовлечения граждан в протестную деятельность за счет сокращения организационных и координационных затрат [8; 9]. Так, в последние десять лет наблюдается положительная тенденция по числу граждан, регулярно использующих возможности онлайн-ресурсов для организации мероприятий в реальной среде (табл. 2).

Таблица 2. Использование онлайн-ресурсов для организации оффлайн-действий

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Изм. 2019/2009
Великобритания	3,887	3,887	3,887	3,887	3,887	3,887	3,887	3,887	3,887	3,887	3,893	+
Испания	2,813	3,169	3,727	3,727	3,727	3,727	3,808	3,808	3,808	3,808	3,8	+
Франция	3,456	3,456	3,456	3,456	3,456	3,456	3,525	3,525	3,67	3,769	3,746	+
Австрия	2,456	3,177	3,29	3,29	3,29	3,29	3,29	3,423	3,423	3,423	3,674	+
Венгрия	2,546	2,804	3,323	3,323	3,323	3,683	3,683	3,683	3,683	3,683	3,545	+
Германия	2,141	2,354	2,354	2,354	2,626	2,626	2,898	3,465	3,465	3,465	3,536	+
Нидерланды	3,175	3,303	3,303	3,303	3,303	3,303	3,303	3,303	3,303	3,302	3,443	+
Россия	1,96	1,96	1,96	2,978	2,992	3,012	3,153	3,153	3,153	3,153	3,405	+
Чехия	2,677	2,677	2,677	2,677	2,812	2,812	2,812	2,812	3,049	3,049	3,177	+
Польша	1,31	1,43	1,407	1,815	1,815	1,811	1,933	3,271	3,271	3,188	3,081	+
Италия	2,557	2,557	2,557	2,557	2,556	2,813	2,813	2,813	2,909	2,909	3,064	+
Хорватия	2,021	2,355	2,355	2,355	2,786	2,786	2,786	2,786	2,979	2,979	3,039	+

Источник: составлено автором по данным Института V-Dem. URL: <https://www.v-dem.net/>
 Вопрос: Как часто среднестатистический гражданин использует онлайн-ресурсы для организации любых политических оффлайн-мероприятий?
 Ответы: 0: Никогда или почти никогда. 1: Редко (обычно не используют). 2: Иногда (пара случаев). 3: Часто (несколько случаев). 4: Регулярно (многочисленные случаи).

Активное использование информационно-коммуникационных технологий населением открывает новые возможности перед некоммерческим сектором (НКС). Речь идет не только о новых способах вовлечения граждан в деятельность некоммерческих организаций, но и о техниках привлечения ресурсов. НКС вынужден учитывать особенности современного этапа развития общества, поскольку оказался перед необходимостью оптимизировать свои рабочие процессы и включать в свою деятельность принципы бизнес-администрирования [10]. Среди прочего это обуславливает необходимость активного применения современных технологий для обеспечения и устойчивости, и поступательного развития в конкурентной среде [11]. Как демонстрируют конкретные примеры, использование новых технологий значительно облегчает организационные процессы, делает их более прозрачными, а также позволяет масштабировать деятельность³.

Цифровизация некоммерческого сектора подразумевает не только обновление материально-технической базы и программного обеспечения, но и фундаменталь-

³ <https://www.thedigitaltransformationpeople.com/channels/enabling-technologies/nonprofits-in-the-age-of-digital-transformation>

ные изменения «в подходах к управлению, корпоративной культуре, внешним коммуникациям» [12, с. 50]. Так, об уровне цифрового развития некоммерческого сектора можно судить, опираясь на данные ежегодного Global NGO Technology Report и результаты российского исследования «Цифровая трансформация благотворительности», проведенного в 2019 году. Такие онлайн-сервисы, как сайт или аккаунт в социальной среде, уже являются практически повсеместной практикой в деятельности некоммерческих организаций (табл. 3). То же относится и к использованию электронной почты. Можно заметить, что немногочисленные региональные исследования частично подтверждают общероссийские тенденции. Например, в Вологодской области доля НКО, имеющих собственный сайт, составляет 54–56%, что ниже национального уровня, однако не менее 80% респондентов активно используют социальные сети [13, с. 70–71].

**Таблица 3. Доля НКО, использующих цифровые технологии,
% от числа опрошенных**

Показатель	Global NGO Technology Report, 2019 г. (5721 организация из 160 стран)	Цифровая трансформация благотворительности, 2019 г. (71 организация из 24 регионов РФ)
Наличие сайта	80	94
Использование социальных сетей	90	93
Рассылки по электронной почте	71	56
Применение блокчейн-технологий	34	7
Источник: составлено автором по данным Global NGO Technology Report, 2019. URL: https://assets-global.website-files.com/5d6eb414117b673d211598f2/5de82e1550d3804ce13ddc75_2019-Tech-Report-English.pdf и «Цифровая трансформация благотворительности». URL: https://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2020/03/TSifrovizatsiya-NKO_infografika.pdf		

В общем, организации некоммерческого сектора довольно активно занимаются внедрением новых сервисов в свою работу. Это позволяет оптимизировать внутренние и внешние процессы (среди опрошенных зарубежных НКО 19% используют корпоративные интернет-мессенджеры, 22% применяют онлайн-системы управления проектами; среди отечественных НКО 44% имеют систему удаленного доступа к хранилищу с документами, 41% ведет электронную базу данных стейкхолдеров, 24% используют CRM). В то же время за рубежом большее внимание уделяют рекламно-маркетинговым технологиям (33% опрошенных используют Google Ads) и искусственному интеллекту (74% понимают, как это работает, и применяют различные методы).

Наиболее явными барьерами в процессе внедрения цифровых технологий в деятельность НКС являются недостаток необходимых навыков и кадров (76%), финансирования (62%), скорость развития рынка цифровых технологий (38%) и устоявшаяся практика организации, привычки, настрой сотрудников, традиции, писанные и неписанные правила (38%)⁴.

Результаты российского исследования показали, что цифровая трансформация актуальна для отечественного некоммерческого сектора и каждая пятая НКО задумывается о создании стратегии цифровой трансформации (44% зарубежных НКО уже имеют такую). Однако готовность организации внедрять digital-технологии зависит от ее размера – 93% НКО, где в штате меньше 10 сотрудников, используют только базовые цифровые инструменты. В то же время, согласно результатам иссле-

⁴ Форум Доноров и Фонд целевого капитала «Истоки» представляют результаты исследования цифровизации благотворительности. URL: <https://www.donorsforum.ru/reports/forum-donorov-i-fond-tselevogo-kapitala-istoki-predstavlyayut-rezultaty-issledovaniya-tsifrovizatsii-blagotvoritelnosti>

дований, число некоммерческих организаций, имеющих не более пяти сотрудников, достигает 46–68% [14, с. 165; 15, с. 116]. Таким образом, для того чтобы процесс цифровизации не превратился в дополнительный барьер в деятельности некоммерческого сектора, необходима разработка и внедрение продуманных решений, направленных на содействие его развитию.

Литература

1. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. The nine elements of digital transformation. MIT Sloan Management Review, 2014. Available at: <http://sloanreview.mit.edu/article/the-nine-elements-of-digital-transformation>
2. Curme C., Preis T., Stanley H.E., Moat H.S. Quantifying the semantics of search behavior before stock market moves. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2014, no. 111, pp. 11600–11605. Available at: <https://www.pnas.org/content/111/32/11600>
3. Asur S., Huberman B.A. Predicting the future with social media. In: 2010 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology, 2010. Pp 492–499. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1003.5699.pdf>
4. Ramakrishnan N. et al. “Beating the news” with EMBERS: forecasting civil unrest using open source indicators. In: Proceedings of the 20th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. KDD 2014. ACM, New York. Pp. 1799–1808. DOI: 10.1145/2623330.2623373
5. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proc Natl Acad Sci USA*, 2013, no. 110, pp. 5802–5805. Available at: <https://www.pnas.org/content/110/15/5802>
6. Amandha Rohr Lopes. The Impact of Social Media on Social Movements: The New Opportunity and Mobilizing Structure, 2014. 23 p.
7. Koltsova O.Y., Selivanova G.I. Explaining offline participation in a social movement with online data: The case of observers for fair elections. Working Papers, Series: Sociology, 2015, WP BRP 67/SOC/2015. 28 p.
8. Steinert-Threlkeld et al. Online social networks and offline protest. *EPJ Data Science*, 2015, no. 4 (19). DOI: 10.1140/epjds/s13688-015-0056-y
9. Edmond C. Information manipulation, coordination, and regime change. *Rev Econ Stud*, 2013, no. 80, pp. 1422–1458.
10. Zimmer A., Pahl B. Learning from Europe: Report on third sector enabling and disabling factors. TSI Comparative Report № 1, Seventh Framework Programme (grant agreement 613034). Brussels: Third Sector Impact. 2016. 30 c.
11. Shafiee Nahrkhalaji S., Shafiee S., Shafiee M., Hvam L. Challenges of Digital Transformation: The case of the Non-Profit Sector. 2018. DOI: 10.1109/IEEM.2018.8607762
12. Вишнева К.В. Цифровизация некоммерческого сектора // Ученые заметки ТОГУ. 2019. Т. 10. № 4. С. 49–52.
13. Косыгина К.Е. Российский и зарубежный опыт применения информационно-коммуникационных технологий в работе некоммерческих организаций // Society and Security Insights. 2019. № 2. С. 65–75.
14. Беневоленский В.Б., Шмулевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 150–175.

15. Косыгина К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 107–121.

Информация об авторе

Артамонова Анна Станиславовна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: artamonova.ast@gmail.com).

Artamonova A.S.

ON THE ISSUE OF THE NON-PROFIT SECTOR DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. *The report is devoted to the development of the non-profit sector in the context of digitalization and contains the results of studies reflecting the possibilities and limitations of foreign and domestic non-profit organizations in the use of modern information and communication technologies.*

Key words: *non-profit sector, non-profit organization, digitalization, information and communication technologies, online resource.*

Information about the Author

Anna S. Artamonova – junior researcher, Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky str., Vologda, 160014, artamonova.ast@gmail.com).

References

1. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. The nine elements of digital transformation. MIT Sloan Management Review, 2014. Available at: <http://sloanreview.mit.edu/article/the-nine-elements-of-digital-transformation>
2. Curme C., Preis T., Stanley H.E., Moat H.S. Quantifying the semantics of search behavior before stock market moves. Proc Natl Acad Sci USA, 2014, no. 111, pp. 11600–11605. Available at: <https://www.pnas.org/content/111/32/11600>
3. Asur S., Huberman B.A. Predicting the future with social media. In: 2010 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology, 2010. Pp 492–499. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1003.5699.pdf>
4. Ramakrishnan N. et al. “Beating the news” with EMBERS: forecasting civil unrest using open source indicators. In: Proceedings of the 20th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. KDD 2014. ACM, New York. Pp. 1799–1808. DOI:10.1145/2623330.2623373
5. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. Proc Natl Acad Sci USA, 2013, no. 110, pp. 5802–5805. Available at: <https://www.pnas.org/content/110/15/5802>
6. Amandha Rohr Lopes. The Impact of Social Media on Social Movements: The New Opportunity and Mobilizing Structure, 2014. 23 p.
7. Koltsova O.Y., Selivanova G.I. Explaining offline participation in a social movement with online data: The case of observers for fair elections. Working Papers, Series: Sociology, 2015, WP BRP 67/SOC/2015. 28 p.
8. Steinert-Threlkeld et al. Online social networks and offline protest. EPJ Data Science, 2015, no. 4:19. DOI: 10.1140/epjds/s13688-015-0056-y

9. Edmond C. Information manipulation, coordination, and regime change. *Rev Econ Stud*, 2013, no. 80, pp. 1422–1458.
10. Zimmer A., Pahl B. Learning from Europe: Report on third sector enabling and disabling factors. TSI Comparative Report № 1, Seventh Framework Programme (grant agreement 613034). Brussels: Third Sector Impact. 2016. 30 c.
11. Shafiee Nahrkhalaji S., Shafiee S., Shafiee M., Hvam L. Challenges of Digital Transformation: The case of the Non-Profit Sector. 2018. DOI: 10.1109/IEEM.2018.8607762.
12. Vishneva K.V. Digitalization of a non-profit sector. *Uchenye zametki TOGU=Scientists Note PNU*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 49–52 (in Russian).
13. Kosygina K.E. Russian and foreign experience in the use of information and communication technologies in the work of non-profit organizations. *Society and Security Insights*, 2019, no. 2, pp. 65–75 (in Russian).
14. Benevolenskiy V.B., Shmulevich Ye.O. Government support for socially oriented NPOs: foreign experience. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*, 2013, no. 3, pp. 150–175 (in Russian).
15. Kosygina K.E. Topical issues of development of socially oriented non-profit organizations. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2018, no. 3 (95), pp. 107–121. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.7

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОНЛАЙН-ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей, перспектив и инновационных подходов развития процесса обмена знаниями в профессиональных онлайн-группах. Цель онлайн-групп заключается в создании благоприятной атмосферы для повышения знаний индивидов в определенной профессиональной области.*

Ключевые слова: *знания, профессиональные онлайн-группы, социологические аспекты, коммуникация, виртуальное сообщество.*

Введение

Знания ассоциируются в обществе с научной сферой жизнедеятельности социума. Определенную нишу занимает профессиональное знание, являющееся необходимым для успешности в какой-либо профессии.

Социологические аспекты знания впервые рассматриваются в рамках социологии знания, родоначальником которой считается М. Шелер. Основными теоретико-методологическим предтечами социологии знания являются К. Маркс, Ф. Ницше. Систему знаний и обмена информацией рассматривали также К. Мангейм, Т. Парсонс и Р. Мертон. В отечественной социологии наиболее ярким представителем исследований знания с точки зрения культурсоциологии являлся В. Л. Абушенко, определяющий знание как отобранную, систематизированную, полученную соответствующим методом и оформленную по определенным стандартам информацию, которая имеет важность для социума и признается именно как знание социальными институтами и обществом в целом. Данное определение показывает связь между понятиями знания и информации.

Если в зарубежной социологии внимание уделяется исследованиям обмена знаниями в онлайн-среде, то в социологии стран СНГ данные исследования носят точечный коммерческий характер (например, исследования МООК Высшей школы экономики). При этом в России сектор онлайн-образования развивается быстрыми темпами. В Беларуси рынок онлайн-образования пока не изучается в силу отсутствия крупных образовательных онлайн-платформ (кроме проекта «Летучий университет», который является онлайн-платформой только частично). При этом в нашей стране развивается сектор дополнительного профессионального образования при университетах (БГУиР предлагает пройти обучение на курсах специалистов по Bigdata) и крупных IT-компаниях (курсы бизнес-аналитиков в EPAMSystem, курсы в IT-академии ПВТ).

В социальных сетях появляются группы, объединяющие людей, которые интересуются какой-либо профессиональной областью. Целью данных групп является создание благоприятной атмосферы для развития индивидов в определенной профессиональной области, повышение уровня их знаний и предоставление доступа к различной профессиональной литературе, а также обмен мнениями. Следовательно, важно исследовать особенности развития и перспективы развития процесса обмена знаниями в профессиональных онлайн-группах с целью выявления преимуществ получения знаний через интернет.

Методология

С понятием знания мы встречаемся в повседневной жизни, говоря об информации, относящейся к обыденному (новости, сплетни, опыт в какой-либо деятельности, например, в ведении домашнего хозяйства), знания ассоциируются с научной сферой жизнедеятельности общества, т.е. научное знание как знание, которое воспроизводится с помощью особенных научных методов и средств (эксперимент, классификация, наблюдение и т.п.) [1, с. 537]. И наконец, определенную нишу занимает профессиональное знание, являющееся объективно необходимым для успешности в какой-либо профессии.

Б. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности» пишет о вкладе Ф. Ницше в становление социологии знания скорее косвенном: философ повлиял на «интеллектуальный фон», т.е. контекст, в котором знание становится орудием борьбы за управление обществом [1, с. 63–64].

Социология знания М. Шелера являлась ступенью к философской антропологии, поэтому имеет недостатки, связанные с ограниченным представлением о роли общества в становлении знания: социум, по М. Шелеру, обуславливает существование идей, но не их «природу» [1, с. 67]. Через призму данного утверждения прослеживался путь обработки и систематизации знания обществом. Знание является неотъемлемой чертой процесса восприятия и служит гарантией адекватного представления о происходящих процессах.

Другим известным автором социологии знания являлся К. Мангейм, попытавшийся рассматривать знание в более узком социологическом контексте. С точки зрения данного социолога, социум определяет не только зарождение, но и суть самого знания, при этом исключается математика.

Представители структурно-функционального анализа Р. Мертон и Т. Парсонс рассматривали знание через призму своих теорий. Так, основываясь на теории явных и латентных функций, Р. Мертон говорил о явных и скрытых функциях знания, Т. Парсонс включал анализ знания в свою теорию, но ни первому, ни второму социологу, по мнению Б. Лукмана, не удалось выйти за рамки теоретических взглядов К. Мангейма [1, с. 68].

В. Старк в своей теории сместил акцент с исследования роли идей на исследование самого знания, т.к. идеи и идеологии в силу того, что производятся ограниченным количеством социальных групп, не могут быть поняты и восприняты всеми членами общества без общего исследования знания вообще. Такой подход к изучению знания, а также социология А. Шюца, стали фундаментом для теории конструктивистов, рассматривающих знание как «фабрику значений, без которой не может существовать ни одно общество».

Таким образом, информация представляет собой некий набор сигналов, состоящий из закодированных значений. Сигналы как таковые существуют вне индивида, но являются необходимым атрибутом для достижения целей, которые он ставит перед собой.

Результаты

Рост объема знания способствовал возникновению новых проблем, которые существующая наука была неспособна решить. Поэтому в начале XIX века произошла институциональная научная революция, в результате которой появились новые научные сообщества, в которые активно вступали ученые. Профессиональные сооб-

щества ученых стали формироваться в университетах нового типа, основанного на равноправии теории и практики.

Акцентируя внимание на особенностях современной коммуникации, обратим внимание на то, что меняются формы обмена знаниями. Интернет является уникальной платформой для обмена профессиональными знаниями.

Онлайн-образование направлено на два сегмента: образование для бизнеса и образование для физических лиц. Обмен знаниями для физических лиц осуществляется через массовые открытые онлайн-курсы (MOOK), YouTube-каналы, мобильные приложения. Европейская ассоциация международного образования (EAIE), созданная в 80-х гг. XX в., стала одним из инициаторов создания MOOK. Примерами платформ, работающих как MOOK, являются Coursera, UDACITY, Udemu и другие образовательные платформы.

Готовые материалы используют так называемые агрегаторы или платформы, как Uchinovoe, BeSmart. Заимствует материалы других образовательных платформ, например, площадка Lendwings. Данные площадки теряют свою популярность и уступают место другим площадкам (например, Moodle). Некоторые платформы, например, Zillion, записывают вебинары или открытые лекции преподавателей и размещают их для своих пользователей. Наиболее популярными и креативными площадками онлайн-образования являются платформы, которые сами производят образовательный контент (Eduson, Udemu). Индивиды сами могут выбирать, какой способ получения знаний им подходит больше всего, т.е. выбирают способ обмена знаниями.

К преимуществам получения образования онлайн для пользователей можно отнести следующие: доступность, интерактивность, доступ к большому объему информации, возможность получить образование от иностранных преподавателей. Образовательные онлайн-платформы являются перспективным направлением для вкладывания денежных средств крупными инвесторами.

Кроме преимуществ MOOK имеют и недостатки: отсутствие стратегии монетизации платформ, многие платформы являются платными, существует проблема сокращения рабочих мест в университетах при повышении популярности онлайн-образования [2].

Первые MOOK появились в 2008 году в Европе. Среди стран СНГ Россия стала первой в предоставлении онлайн-платформ для обучения в 2013 году. На сегодняшний день рынок MOOK в России насчитывает более 50 крупных платформ. Объем мирового рынка образовательных услуг составляет приблизительно 5 трлн долларов, при этом исследователи прогнозируют рост объема рынка в ближайшее время. Примерно 3% от данного рынка составляет доля онлайн-услуг в образовании. Наиболее развит рынок онлайн-образования в США, Юго-Восточной Азии (Китай и Индия), Западной Европе.

Идеология развития и функционирования сети Интернет и возникновение социальных сетей не только облегчили, но и стали своего рода триггерами возникновения и существования виртуальных профессиональных сообществ.

Э. Винер в своих работах вводит понятие виртуального online-сообщества, которое представляет собой группу людей, связанных профессиональным интересом и общающихся большей частью через Интернет. Площадкой для общения в таком случае могут выступать специальные web-сайты, социальные сети, форумы и т.д.

Также виртуальное сообщество может быть расположено в локальной, закрытой для доступа извне, корпоративной сети.

Таким образом, виртуальное профессиональное сообщество развивается и существует в online-среде. Кроме того, в рамках сообщества должны быть созданы специальные социальные структуры для оказания помощи в создании и обмене знаниями. Знания должны быть общими, и их значение должно обсуждаться в рамках соответствующего контекста. Члены сообщества должны обучаться через получение инструкций и через групповое обсуждение. Наконец, различные аспекты коммуникации должны упростить долгосрочное управление информацией, а также способствовать синхронному взаимодействию.

Выводы

Виртуальные профессиональные сообщества удовлетворяют потребности людей, которые не могут быть легко удовлетворены традиционными способами, например, при помощи личного общения, официальных публикаций в СМИ, научных публикаций и специальных объединений. Виртуальные профессиональные сообщества сегодня охватывают все способы коммуникации и все электронные медиа. Данные сообщества обеспечивают важной информацией профессионалов, которые нуждаются в рекомендациях, указаниях, советах, идеях и инновациях. Часть того, что делает виртуальное сообщество, – это накопление значимой информации, то есть информации о профессиональной деятельности, об известных в индустрии людях и событиях, связанных с определенной темой, которую члены сообщества могут найти интересной и полезной.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 2007. 303 с.
2. MOOK и открытое образование: Значение для высшего образования // Openeducationalnetwork. 2013. URL: <https://open-education.net/services/mook-i-otkrytoe-obrazovanie-znachenie-dlya-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения 12.04.2020).

Информация об авторах

Бедулина Галина Федоровна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности, Белорусский государственный экономический университет (Беларусь, 220070, Минск, Партизанский пр-т, д. 22а; bedulina@yandex.ru).

Лосик Антон Александрович (Республика Беларусь, Минск) – студент 1-го курса Института магистерской подготовки, Белорусский государственный экономический университет (Беларусь, 220070, Минск, Партизанский пр-т, д. 16а; anton.zews1995@gmail.com).

Bedulina G.F., Losik A.A.

PROFESSIONAL ONLINE GROUPS IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. *The article is devoted to the study of the approach to work, prospects and the innovative process of knowledge development in professional online groups. The aim of online groups is to create a supportive environment for the professional development of individuals.*

Key words: *knowledge, professional online groups, sociological aspects, communication, virtual community.*

Information about the Authors

Galina F. Bedulina (Republic of Belarus, Minsk) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Psychology of Entrepreneurship, Belarusian State Economic University (Belarus, 220070, Minsk, Partizanskiy prospect, 22a; bedulina@yandex.ru).

Anton A. Losik (Republic of Belarus, Minsk) – 1st year student at the Institute of Masters Programs, Belarusian State Economic University (Belarus, 220070, Minsk, Partizanskiy prospect, 16a; anton.zews1995@gmail.com).

References

1. Berger P. Social construction of reality / P. Berger, T. Lukman. M.: Medium, 2007. 303 p.
2. MOOCs and open education: Significance for higher education // Open Educational Network. 2013. Access mode: <https://open-education.net/services/mook-i-otkrytoe-obrazovanie-znachenie-dlya-vysshego-obrazovaniya>. Date of access: 12.04.2020.

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЛЮДЕЙ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассмотрена важность медиаграмотности для населения третьего возраста Республики Беларусь, что связано с увеличением количества людей старшего возраста в нашей стране, которые являются наиболее информационно уязвимой группой. Рассмотрены наиболее популярные источники информации у данной возрастной категории. Представлены данные мониторинга о соблюдении белорусскими СМИ журналистских стандартов.

Ключевые слова: медиаграмотность, население третьего возраста, информационно уязвимая категория, популярность источников информации, журналистские стандарты.

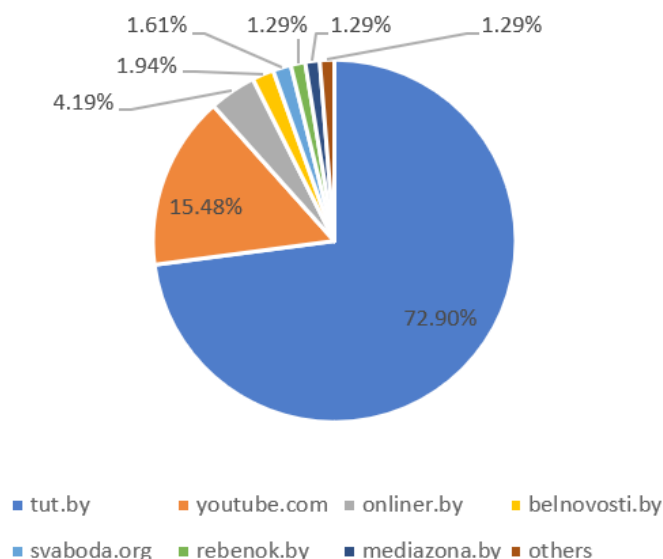
Каждый день человек сталкивается с огромным количеством информации. В этом нескончаемом потоке очень важно правильно оценивать происхождение информации, ее источник. Необходимо критически осмысливать содержание полученной информации, уметь искать альтернативные источники и сопоставлять данные. Все это характеризует человека как медиаграмотного, то есть способного осуществлять целенаправленный поиск необходимой информации, ее отбор, включение в свою картину мира и дальнейшую ретрансляцию (в числе прочих компетенций медиаграмотность подразумевает под собой умение создавать оригинальный контент).

В сентябре 2015 года государства-члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Главный принцип реализации – никого не оставить в стороне. Это означает создавать условия и возможности для качественной жизни всех граждан, в том числе наиболее уязвимых групп.

В Беларуси, как и в других европейских странах, продолжает увеличиваться количество людей старшего возраста: по данным переписи 2019 года в Республике Беларусь проживало 2.131,5 пожилых граждан (каждый пятый), 1.537,034 из них – в возрасте от 60 до 74 лет. Также увеличивается продолжительность жизни людей: в РБ – 74,5 года (+4 к 2009 году) [1].

Люди третьего возраста (старше 60 лет) являются наиболее информационно уязвимой категорией. Прежде всего это связано с предпочтениями в источниках информации.

По данным Baltic Internet Policy Initiative распределение популярности новостных интернет-источников выглядит следующим образом (рисунок).

Распределение новостных интернет-источников в Беларуси за август 2020 года [2]

Белорусские порталы Tut.by и Onliner.by продолжали сохранять лидирующие позиции по охвату белорусской интернет-аудитории в возрасте 15–74 года. Так, по данным медиаисследования gemiusAudience, в сентябре 2020 охват указанных источников, с учетом мобильной аудитории, составил 65% у tut.by и 52% – у onliner.by [2].

Популярность источников информации зависит от возраста потребителя контента. Это подтверждают и результаты исследования, опубликованного в «Global Voices». Авторы (Джон О’Лафлин, Жерар Тоал, Кристин Бакке) приводят результаты исследования, проведенного в январе 2020 года в Беларуси. Данное исследование является частью большого проекта, который изучает геополитические ориентации людей в странах и территориях на границах с Россией. В рамках этого исследования изучался и вопрос популярности источников информации у населения Беларуси. Был проведен республиканский репрезентативный опрос (1209 респондентов). Согласно полученным данным, преобладающим источником информации у возрастной группы 18–30 лет является Интернет (60%), у возрастной группы 31–45 лет также главным источником информации является Интернет (50%), у возрастной группы 46–60 лет – телевидение (67,5%), старше 60 лет – телевидение (80%) [3].

Исходя из того что для людей третьего возраста наиболее популярным источником информации является телевидение, важным является вопрос о качестве информации, предоставляемой телевидением.

Одним из показателей качества транслируемого контента является соблюдение журналистских стандартов. Данный мониторинг ежемесячно проводит «Пресс-клуб Беларусь» в рамках проекта «Media IQ». «Пресс-клуб Беларусь» – это площадка для профессионального роста медиасообщества. Это неформальное объединение медиапрофессионалов, всех тех, кто желает усовершенствовать журналистские умения и работать в ритме профессиональных стандартов и трендов. В мониторинге анализируются шесть национальных СМИ и четыре телеканала: «Tut.by», «Naviny.by», «Euroradio», «Наша Ніва», «СБ. Беларусь сегодня», «Спутник Беларусь», «ОНТ»,

«СТВ», «Беларусь 1» и «Белсат TV» на предмет соблюдения ими пяти стандартов (достоверность, точность, отделение мнений от фактов, баланс мнений, полнота информации) и наличия признаков пропаганды и манипуляций.

Самый высокий средний балл по соблюдению стандартов в августе 2020 года у «Naviny.by» – 4,99 и «Tut.by» (4,99). Необходимо отметить, что максимальный балл – 5.

В топ-5 вошли: «Euroradio» (4,98), «Наша Ніва» (4,96), «Спутник Беларусь» (4,88), «Белсат TV» (4,62).

Государственные телеканалы получили следующие оценки: «СТВ» – 3,14; «Беларусь 1» – 3,05; «ОНТ» – 2,93 [4]. Важно отметить, что это худшие показатели среди всех анализируемых СМИ.

Важным показателем качества СМИ является наличие пропаганды и манипуляций. Доля новостей, содержащих признаки пропаганды и манипуляции, в августе 2020 года составила:

- «Беларусь 1» – в 72% исследуемых сюжетов;
- «СТВ» – в 70% исследуемых сюжетов;
- «ОНТ» – в 59% исследуемых сюжетов [4].

СМИ, лидирующие по количеству новостей с признаками пропаганды и манипуляций, чаще всего нарушали стандарт отделения мнений от фактов.

Приведенные результаты говорят о том, что необходимо улучшать качество новостных программ белорусского телевидения, а именно соблюдать журналистские стандарты, чтобы не вводить в заблуждение свою аудиторию.

По данным Национального статистического комитета Беларуси, 91,8% пожилых пользователей сети Интернет используют ее для поиска информации [1]. Поэтому важность медиаграмотности неоспорима. В интернете присутствует огромное количество информации и необходимо уметь ее анализировать, уметь находить источник информации и проверять его надежность.

Особенностью потребления информации людьми третьего возраста является преобладание одного источника информации. Поэтому эта категория населения является наиболее информационно уязвимой, и необходимо уделять особое внимание повышению их медиаграмотности.

Литература

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 1998. URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения 29.10.2020).
2. Скорость распространения новостей в Беларуси, октябрь 2020 / Information Policy. URL: <http://www.infopolicy.biz/?p=15329> (дата обращения 04.11.2020).
3. GlobalVoices. URL: <https://globalvoices.org/2020/09/17/is-belarus-in-the-midst-of-a-generational-upheaval> (дата обращения 19.10.2020).
4. Мониторинг MediaIQ. Как национальные СМИ нарушали стандарты в августе. Минск, 2020. URL: <https://mediaiq.by/article/voyska-nato-podogrevayut-protestnye-nastroeniya-v-obshchestve-kak-nacionalnye-smi-narushali> (дата обращения 20.10.2020).

Информация об авторе

Воронина Снежана Николаевна (Республика Беларусь, г. Минск) – магистр экономики, младший научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; e-mail: isst@socio.bas-net.by).

MEDIA LITERACY AS ONE OF THE IMPORTANT COMPETENCIES OF THIRD-AGE PEOPLE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *The article considers the importance of media literacy for the third-age population of the Republic of Belarus, which is associated with an increase in the number of older people in our country, who are the most information-vulnerable group. The most popular sources of information for this age category are considered. Monitoring data on the compliance of Belarusian media with journalistic standards are presented.*

Key words: *media literacy, third-age population, information vulnerable category, popularity of information sources, journalistic standards.*

Information about the Author

Snezhana N. Voronina (Minsk, Republic of Belarus) – master of Economics, Junior researcher, Institute of sociology of the national Academy of Sciences of Belarus (Minsk, 220072, Surganova str., 1, building 2, e-mail: isst@socio.bas-net.by).

References

1. National statistical Committee of the Republic of Belarus. Minsk, 1998. Access mode: <https://www.belstat.gov.by> (access date 29.10.2020).
2. The Speed of propagation of news in Belarus in October 2020 / Information Policy. Access mode: <http://www.infopolicy.biz/?p=15329> (access date 04.11.2020).
3. GlobalVoices. Access mode: <https://globalvoices.org/2020/09/17/is-belarus-in-the-midst-of-a-generational-upheaval> (access date 19.10.2020).
4. MediaIQ Monitoring. How the national media violated standards in August. Minsk, 2020. Access mode: https://mediaiq.by/article/voyska_nato-podogrevayut-protestnye-nastroeniya-vobshchestve-kak-nacionalnye-sminarushali (access date 20.10.2020).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ УЧАСТНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ¹

Аннотация. В работе проводится анализ возможностей (положительных эффектов) и проблем (рисков), которые возникают в процессе внедрения цифровых технологий в экономику в части их влияния на интегрированность участников в национальной инновационной системе России.

Ключевые слова: национальная инновационная система, инновационная экосистема, цифровизация, воспроизводство знаний, инновации.

Задача развития в России экономики, основанной на знаниях, требует формирования современной и эффективной национальной инновационной системы, отвечающей как за воспроизводство знаний, так и распространение технологий. Наиболее передовым, на сегодняшний момент, является экосистемный подход к построению инновационных систем. В инновационных экосистемах особую роль играет не только динамичная совокупность ее элементов, но, особенно, характер и динамика их взаимодействий [1; 2]. Взаимосвязи между участниками инновационной экосистемы носят сетевой, горизонтальный и коллаборационный характер, что способствует возникновению синергетических эффектов.

Национальная инновационная система (НИС) России находится в стадии формирования. Несмотря на наличие всех элементов полного цикла воспроизводства знаний [3]: фундаментальной науки, университетов, бизнеса и государства, характеристики взаимосвязей между ними не позволяют говорить о формировании полноценной НИС. Анализ проблем в этой области показывает, что в отечественной инновационной системе преобладают достаточно «жесткие» (реализуемые в рамках административного управления) вертикальные связи и наблюдается большой дефицит сетевых, горизонтальных связей [4–6]. Таким образом, можно говорить о недостаточной интегрированности участников инновационного процесса в контуре отечественной НИС.

Взятый страной курс на цифровизацию экономики [7], с одной стороны, открывает новые возможности для создания сетевых взаимодействий между участниками инновационного процесса и повышения их интегрированности, с другой стороны, ставит новые вопросы и требует новых решений.

Если в рамках пятого технологического уклада цифровые технологии служили источником инноваций [8], то на новом этапе они являются инструментарием, который обеспечивает значительное увеличение скорости, объемов и надежности каналов передачи информации. Большая скорость передачи информации способствует преодолению, например, пространственных барьеров, что приводит к глобализации многих процессов, а также создает иную реальность для экономического и инновационного взаимодействия. Технологии обработки больших данных способствуют повышению уровня мощностей по генерации новых знаний [8]. Все это создает дополнительные возможности для улучшения взаимодействия между участниками инновационного процесса.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00646).

Наряду с положительным влиянием, которое оказывает цифровизация на взаимодействие элементов инновационной системы, необходимо уделить внимание и возникающим в связи с этим проблемам (рискам). Ускорение информационных и, как следствие, социально-экономических процессов поднимает вопрос о соразмерности скорости перемещения и изменения информации жизненным ритмам как отдельного человека, так и человечества в целом. Эта проблема носит глобальный и междисциплинарный характер и требует соответствующих исследований. В частности, ускорение информационных и бизнес-процессов приводит к неизбежному сокращению времени на принятие решений [8], что повышает риски снижения их адекватности на всех уровнях экономики.

Цифровое неравенство является проблемой само по себе [9], усиливает дифференцированность отраслей и регионов, которая присуща экономике нашей страны и, в свою очередь, является тормозом для ее инновационного развития. Здесь, в первую очередь, необходимо обратить внимание на недостаточность мощностей по обработке больших данных в секторе производства знаний. Такая недостаточность создана длительным хроническим недофинансированием данного сектора и приводит не только к его отставанию от мирового уровня, но и к невозможности эффективного взаимодействия экономических агентов в процессе создания инноваций.

Остро для нашей страны стоит вопрос о цифровом суверенитете [10]. Эта проблема связана с нехваткой цифровых технологий отечественного производства, что приводит к использованию большого количества зарубежных технологий, оборудования и программного обеспечения. Такая зависимость снижает не только вероятность возникновения прорывных отечественных технологий, но и конкурентоспособность и безопасность экономической системы страны.

Таким образом, при реализации программ повышения интегрированности участников НИС, а также программ цифрового развития общества в целом государственным органам необходимо учитывать как перспективные возможности, так и негативные эффекты, которые могут возникнуть из-за широкого применения цифровых технологий.

Литература

1. Bramwell A. et al. Growing innovation ecosystems: University-industry knowledge transfer and regional economic development in Canada. University of Toronto. Final Report. May 15, 2012.
2. Смородинская Н.В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. 2014. № 7 (189). С. 27–33.
3. Бурцев Д.С. Особенности различных моделей национальных инновационных систем // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 12-1.
4. Как создать экосистему инноваций // Деловой журнал «Совет директоров Сибири». 2019. 3 июля. URL: <https://sovetdirectorov.info/2019/07/03/kak-sozdat-ekosistemu-innovatsij>
5. Кооперационные стратегии в инновационной деятельности предприятий // Наука. Технологии. Инновации. 2016. 26 окт. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/26/1110694694/NTI_N_25_26102016.pdf
6. Шерстобитова Т.И. К вопросу концептуальных основ инновационного маркетинга // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 137–146.

7. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Распоряжением Правительства России от 28 июля 2017 г. №1632-п). URL: <http://government.ru/docs/28653> (дата обращения 15.11.2020).
8. Днепровская Н.В. Требования к инновационной среде при переходе к цифровой экономике // Статистика и экономика. 2018. № 15 (6). С. 58–68.
9. Schwab K. The fourth industrial revolution. New York, Crown Business, 2017. 192 p.
10. Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 76–91.

Информация об авторах

Данилина Ярослава Владимировна (Россия, Москва) – к.э.н., в.н.с., ЦЭМИ РАН (117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47), в.н.с. ВИНТИ РАН (125190, г. Москва, А-190, ул. Усиевича, д. 20), e-mail: yavdanilina@yandex.ru

Рыбачук Максим Александрович (Россия, Москва) – к.э.н., с.н.с., ЦЭМИ РАН (117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47), доцент кафедры «Системный анализ в экономике», Финансовый университет при Правительстве РФ (105187, г. Москва, ул. Щербаковская, д. 38), e-mail: m.ribachuk@gmail.com

Danilina Ya.V., Rybachuk M.A.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE INTEGRATION OF PARTICIPANTS IN THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM

Abstract. *The paper analyzes the opportunities (positive effects) and problems (risks) that arise in the process of digital technologies adopting into the economy in terms of their impact on the integration of participants in the national innovation system of Russia.*

Key words: *national innovation system, innovation ecosystem, digitalization, knowledge reproduction, innovation.*

Information about the Authors

Yaroslava V. Danilina (Russia, Moscow) – Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418); Leading Research Associate, Russian Institute for Scientific and Technical Information, Russian Academy of Sciences (20, Usievich St., A-190, Moscow, 125190, yavdanilina@yandex.ru).

Maxim A. Rybachuk (Russia, Moscow) – Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418); Associate Professor, Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation (38, Scherbakovskaya St., Moscow, 105187, m.ribachuk@gmail.com).

References

1. Bramwell A. et al. (2012). Growing innovation ecosystems: University-industry knowledge transfer and regional economic development in Canada. University of Toronto. Final Report. May 15.
2. Smorodinskaya N. (2014). Network innovation ecosystems and their role in dynamisation of economic growth. Innovations, no. 7 (189), pp. 27–33 (In Russian).

3. Burtsev D.S. (2018). Features of national innovation systems various models. Economy and business: theory and practice, no. 12-1 (In Russian).
4. How to create an ecosystem of innovations (2019). Business magazine «Board of Directors of Siberia», July 3. URL: <https://sovetdirectorov.info/2019/07/03/kak-sozdat-ekosistemu-innovatsij> (In Russian).
5. Cooperation strategies in innovative activity of enterprises (2016). Science. Technology. Innovation, Oct. 26. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/10/26/1110694694/NTI_N_25_26102016.pdf (In Russian).
6. Sherstobitova T.I. (2010). On the issue of conceptual framework of innovative marketing. University proceedings. Volga region. Social sciences, no. 4, pp. 137–146. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/17410.pdf (In Russian).
7. On the approval of the program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Order of the Government of Russia dated July 28, 2017 No. 1632-r). URL: <http://government.ru/docs/28653> (date of access 15.11.2020) (In Russian).
8. Dneprovskaya N.V. (2018). Requirements for the innovation environment in the transition to the digital economy. Statistics and Economics, no. 15 (6), pp. 58–68 (In Russian).
9. Schwab K. (2017). The fourth industrial revolution. New York, Crown Business, 192 p.
10. Bukharin V.V. (2016). The Russian's digital sovereignty as a technical basis of information security. MGIMO Review of International Relations, no. 6 (51), pp. 76–91 (In Russian).

ЭКОСИСТЕМА ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РИСКА¹

Аннотация. В работе предлагается многослойный подход к выявлению факторов риска бизнес-экосистемы. Сложная структура подобной совокупности компаний и принятие рисков других участников экосистемы повышают степень неопределенности. Выявление подобных факторов риска предлагается с помощью декомпозиции по различным срезам экосистемы.

Ключевые слова: фактор риска, системная экономическая теория, экосистемная теория, экосистемная компания, стратегическое планирование.

В работе (Качалов и др., 2019) рассматриваются факторы риска предприятия с позиций системного подхода к его деятельности. Риск в ней рассматривается как возможность недостижения запланированного, а факторами являются возможные причины, провоцирующие подобное негативное развитие событий.

В условиях управления риском на предприятии, в связи с активным развитием бизнес-процессов и повышением турбулентности внешней и внутренней среды, все чаще становится необходимым выявление новых видов факторов риска. Это особенно актуально для тех предприятий, которые формируют так называемые бизнес-экосистемы. По определению Г.Б. Клейнера, это комплекс иерархически неконтролируемых организаций, взаимодействующих между собой (Клейнер, 2019).

Очевидно, что подобное развитие способов организации бизнеса предъявляет новые требования к расширению списка возможных негативных последствий. Особенность рискогенной среды экосистемной компании заключается в принятии на себя многих сопутствующих негативных факторов, оказывающих влияние на компании-партнеры. За счет того, что сутью экосистемы является объединение партнерских компаний с целью выпуска совокупного продукта как взаимодополняемых товаров и услуг, происходит соотнесение факторов риска, т.е. одна из компаний тем самым оказывает влияние на восприятие других участников экосистемы потребителями.

Теория выделяет несколько подходов к пониманию бизнес-экосистем и формированию портфеля факторов риска, характерных для них. На основе системной экономической теории подобный феномен можно представить как совокупность четырех типов подсистем – объектной, средовой, процессной и проектной, соотношение между которыми описывается попарно ограниченностью или неограниченностью в пространственно-временном аспекте (Клейнер, 2010). Используя данный подход, можно рассмотреть экосистемные компании под разными срезами.

Функциональный срез предполагает рассмотрение деятельности компании исходя из структуры ее функциональных единиц (Рыбачук, 2016; Качалов и др., 2019). Объектную подсистему составляет производство как основной функционал предприятия. Средовая подсистема формируется из набора управленческих решений, в соответствии с принятыми нормами менеджмента. Процессный тип подсистемы составляют технологические и бизнес-процессы на предприятии. Проектная подсистема представлена совокупностью проектов, реализуемых на предприятии, сроки которых четко определены.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-010-00403).

Продуктовый срез позволяет рассмотреть бизнес-экосистему с точки зрения продуктов, ею производимых. В этом случае объектная подсистема производит и реализует товары, средовая – предлагает услуги, процессная – проводит работы, а проектная – отвечает за управленческую деятельность внутри самой экосистемы (Kobylko, 2020).

Инфраструктурный срез позволяет рассмотреть экосистему с позиций наличия или отсутствия ее характерных составляющих элементов: объектная подсистема – кластер, средовая подсистема – технологическая платформа, объединяющая различные сервисы, процессная – сеть и проектная – бизнес-инкубатор для развития новых товаров и услуг (Кобылко, Рыбачук, 2020).

К специфическим факторам риска бизнес-экосистем проявляются следующие их категории:

- репутационные факторы риска – негативные последствия взаимодействия в рамках совокупного продукта компаний-партнеров, несущих в себе подобные объединения из-за недобросовестного предоставления товаров и услуг под единым брендом;
- технико-технологические факторы риска выпуска совокупного экосистемного продукта, связанные с невозможностью сочетания разрозненных товаров и услуг и их бесшовного взаимодополнения друг другом.

В случае подобных детализаций под разными срезами появляется возможность выявления факторов риска, проявляющихся для каждой из подсистем, а также в случае их взаимодействия между подсистемами. Подобным образом может быть сформирована экосистема факторов риска, сопутствующих предприятию в процессе функционирования в формате экосистемы.

Литература

1. Качалов Р.М., Слепцова Ю.А., Шокин Я.В. Оценка риска реализации инновационных проектов предприятий с помощью искусственных нейронных сетей // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2019. Т. 21. № 4. С. 171–181. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2019.4.17
2. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: взгляд в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 40–45.
3. Клейнер Г.Б. Новая теория экономических систем и ее приложение // Журнал экономической теории. 2010. № 3. С. 41–58.
4. Kobylko A. Telecommunication ecosystems: Special features of management and interaction. The Manager, 2020, no. 1, pp. 15–23. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-1-2
5. Рыбачук М.А. Системно-сбалансированный подход к организации стратегического управления на промышленном предприятии // Экономическое возрождение России. 2016. № 4 (50). С. 118–133.
6. Кобылко А.А., Рыбачук М.А. Оценка эффективности реализации экосистемной стратегии операторами связи в России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 2. № 6. С. 63–72. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.06.02.009

Информация об авторах

Завьялова Елена Александровна (Россия, г. Москва) – научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: alena@cemi.rssi.ru).

Кобылко Александр Анатольевич (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: kobyлко@cemi.rssi.ru).

Zavyalova E.A., Kobyлко A.A.

RISK FACTORS ECOSYSTEM AND ECOSYSTEM RISK FACTORS

Abstract. *The paper proposes a multi-layered approach to identifying risk factors for a business ecosystem. There is a high level of uncertainty in the ecosystem due to the large number of partners and the risk-taking of other ecosystem participants. It is proposed to identify risk factors using decomposition under different sections of the ecosystem.*

Key words: *risk factor, system economic theory, ecosystem theory, ecosystem company, strategic planning.*

Information about the Authors

Elena A. Zavyalova (Russia, Moscow) – researcher, central economics and mathematics institute of russian academy of sciences (Nakhimovsky Prospekt, 47, 117418, Russia, Moscow, alena@cemi.rssi.ru).

Alexander A. Kobyлко (Russia, Moscow) – lead researcher, central economics and mathematics institute of russian academy of sciences (Nakhimovsky Prospekt, 47, 117418, Russia, Moscow, kobyлко@cemi.rssi.ru).

References

1. Kachalov R.M., Sleptsova Yu.A., Shokin Ya.V. Risk Assessment of Implementing Innovative Projects in Enterprises Using Artificial Neural Networks. Journal of Volgograd State University. Economics, 2019, vol. 21, no. 4, pp. 171–181. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2019.4.17>
2. Kleiner G.B. Ecosystem economy: step into the future. The Economic Revival of Russia, 2019, no. 1, pp. 40–45.
3. Kleiner G.B. The New Theory of Economic Systems and Its Applications. Journal of Economic Theory, 2010, no. 3, pp. 41–58.
4. Kobyлко A. Telecommunication ecosystems: Special features of management and interaction. The Manager, 2020, no. 1, pp. 15–23. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-1-2
5. Rybachuk M.A. System-balanced approach to the strategic management organization on an industrial enterprise. Economic Revival of Russia, 2016, no. 4, pp. 118–133.
6. Kobyлко A.A., Rybachuk M.A. Evaluating the Effectiveness of Ecosystem Strategy Implementation by Telecom Operators in Russia. Economics and management: problems, solutions, 2020, vol. 2, no. 6, pp. 63–72. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.06.02.009

ИННОВАЦИИ В РАБОЧЕМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ПУТЬ К УСПЕШНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье обоснована актуальность исследования инноваций на рабочих местах и подчеркивается важность их внедрения для совершенствования различных аспектов трудовой деятельности и создания благоприятного рабочего пространства для успешного функционирования организации.

Ключевые слова: инновации на рабочем месте, инновации в рабочем пространстве, внедрение инноваций, цифровые рабочие места.

В новых условиях хозяйствования, характеризующихся вступлением мировых экономик в новую технологическую эпоху, появлением более современных форм организации труда, меняются требования к профессиональным качествам и компетенциям работников. Поэтому важность создания такого рабочего пространства, в котором сотрудники наилучшим образом развивают свои знания и опыт и раскрывают творческий потенциал в полной мере, отвечает поставленным в «Основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2024 года» стратегическим задачам повышения производительности труда.

В связи с этим внедрение инноваций в рабочем пространстве приобретает особую актуальность, поскольку они влекут за собой изменения в самой работе, ролях сотрудников, организационной структуре, корпоративном климате, поведении, трудовых отношениях, доверии и в других областях [1].

Крайне важно видеть в инновациях в рабочем пространстве динамичный процесс, в который постоянно вовлечены все его участники. Внедрение инноваций на рабочих местах подразумевает комплексный подход к процессу изменений в целом. Необходимо отметить, что степень активности и вовлеченности сотрудников в рабочие процессы является одной из важнейших составляющих успешного и эффективного функционирования организации.

Наряду с внедрением различного рода инноваций в последние годы активно распространяется такой процесс, как цифровизация, который проникает во все сферы жизнедеятельности человека. Данный процесс не обошел стороной сферу работы и рабочих мест.

В 1993 году Чарльз Грэнтхэм и Ларри Николс в книге «Цифровое рабочее место: проектирование платформ группового программного обеспечения» описали термин «цифровое рабочее место». Цифровое рабочее место определяется как совокупность всех цифровых инструментов в учреждении, позволяющих сотрудникам выполнять свою работу и помогающих в функционировании и организации бизнеса¹. Под цифровым рабочим местом понимается вся информация, технологии, средства совместной работы и процессы, используемые работниками для выполнения работы на любом устройстве, в любое время и из любого места. Интеграция на рабочем месте таких технологий, как мобильные, облачные, аналитические и социальные инструменты, позволит сотрудникам работать быстрее и легче налаживать контакты и коммуникацию [2].

¹ Perks M. (2015). Everything you need to know but were afraid to ask: The Digital Workplace. London: Unily. Available at: <https://www.unily.com/media/23747/the-digital-workplace-guide-whitepaper.pdf>

Цифровизация уже сейчас является неотъемлемой частью процесса организации рабочего процесса в большинстве предприятий и учреждений. Рано или поздно цифровые рабочие места заменят традиционные, поскольку при их правильном внедрении они повышают производительность, обеспечивают более эффективные способы деятельности, дают возможность сотрудникам быстрее достигать своих целей и результатов, а также повышают вовлеченность сотрудников в рабочий процесс. На данный момент не каждая организация готова справиться с этими изменениями, и потребуется время, чтобы подготовиться к таким нововведениям в организационном плане. Учреждения и предприятия должны активно вливаться в процесс внедрения инноваций на рабочих местах и цифровых технологий, чтобы идти в ногу с происходящими в мире изменениями, повышать свою корпоративную культуру и оставаться конкурентоспособными.

Литература

1. Vaas F., Žiauberytė-Jakštienė R., Oeij P.R.A. Case studies can support definitions of workplace innovation in practice. Special Issue on Workplace Innovation, 2017, vol. 1, pp. 61–72.
2. Attaran M., Attaran Sh., Kirkland D. The need for digital workplace: increasing workforce productivity in the information age. International Journal of Enterprise Information Systems, 2019, vol. 15 (1), pp. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.4018/IJEIS.2019010101>

Информация об авторе

Кабакова Елена Алексеевна (Россия, г. Вологда) – заместитель заведующего отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения, аспирант, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: vologdascience@gmail.com).

Kabakova E.A.

WORKPLACE INNOVATION AS A WAY TO THE SUCCESSFUL ACTIVITY OF THE ORGANIZATION

Abstract. *The article justifies the relevance of studying workplace innovation and emphasizes the importance of their implementation in order to improve various aspects of work and to create a favorable working space for the successful functioning of the organization.*

Key words: *workplace innovation, implementing innovation, digital workplaces.*

Information about the Author

Elena A. Kabakova (Russia, Vologda) – Deputy head of Editorial and Publishing Activity and Science-Information Support Department, VolRC RAS, postgraduate student (56a, Gorky str., Vologda, Russia 160014, vologdascience@gmail.com).

References

1. Vaas F., Žiauberytė-Jakštienė R., Oeij P.R.A. Case studies can support definitions of workplace innovation in practice. Special Issue on Workplace Innovation, 2017, vol. 1, pp. 61–72.
2. Attaran M., Attaran Sh., Kirkland D. (2019). The need for digital workplace: increasing workforce productivity in the information age. International Journal of Enterprise Information Systems, 15 (1), 1–23. DOI: <https://doi.org/10.4018/IJEIS.2019010101>

АНАЛИЗ КАДРОВОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ИТ-ОТРАСЛИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Аннотация. *Переход к цифровой экономике предполагает информатизацию технологических процессов, большую роль в обеспечении которых играет наличие кадров. В работе проанализированы тенденции по основным показателям, характеризующим кадровую обеспеченность ИТ-отрасли на региональном уровне, на основании которых выделены основные проблемы.*

Ключевые слова: *цифровая экономика, ИТ-отрасль, информационные технологии, ИТ-специалисты, кадровая обеспеченность.*

На сегодняшний день в мировом экономическом развитии основной тенденцией стал переход к цифровой экономике, которая основывается на использовании информационных технологий (далее – ИТ). В этой связи развитие отрасли информационных технологий приобретает особое значение и играет решающую роль в функционировании и повышении конкурентоспособности цифровой экономики. Одним из приоритетов развития страны выступает модернизация экономики, которая невозможна без наличия квалифицированных кадров, обеспечивающих рост производительности труда. Эта проблематика актуальна и на региональном уровне.

Цель исследования состоит в анализе кадровой обеспеченности ИТ-отрасли на региональном уровне (Вологодская область). Цель определила необходимость решения следующих задач: 1) проанализировать тенденции основных показателей, характеризующих кадровую обеспеченность ИТ-отрасли в Вологодской области; 2) сформулировать выводы и определить перспективы исследования.

Выбор в качестве объекта исследования Вологодской области обусловлен следующим обстоятельством. Согласно значению Индекса готовности регионов РФ к информационному обществу, представленного Минкомсвязи, в региональном разрезе в 2017 году по отношению к 2016 году более чем в половине регионов РФ наблюдается рост значений данного индекса [3]. Вологодская область является типичным регионом РФ, который добился значительных изменений показателя всего за один год и занял средние позиции по готовности к информационному обществу.

Анализ статистических данных показал, что за период с 2010 по 2018 г. доля ИТ-специалистов в общем числе занятых в регионе значительно не изменилась. Значение этого показателя выросло лишь на 0,29 п.п. и в 2018 году составило лишь 1,09%, в то время как среднероссийское значение равняется 1,5% (таблица). Быстрые темпы развития ИТ-отрасли приводят к увеличению спроса на специалистов в сфере ИТ. Однако, как свидетельствует анализ статистических данных, их доля в общей численности рабочей силы за рассматриваемый период практически не изменилась. Проблема заключается в том, что система образования не успевает готовить кадры для отрасли. Следствием этого может стать острый дефицит ИТ-специалистов на рынке труда.

**Доля ИТ-специалистов в общей численности рабочей силы
в Вологодской области*, %**

Вид экономической деятельности	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018 к 2010, п.п.
Деятельность в области информации и связи (в целом) J (64.2+72)	0,80	0,80	0,80	0,82	0,97	1,07	1,09	0,29
Деятельность в сфере телекоммуникаций (61)	0,63	0,56	0,54	0,55	0,65	0,62	0,55	-0,09
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультирование услуг в данной области и другие сопутствующие услуги (в целом) (62)	0,09	0,06	0,06	0,07	0,09	0,13	0,25	0,16
Разработка компьютерного программного обеспечения (62.01)	н.д.	0,01	н.д.	0,01	0,01	0,05	0,23	0,22
Деятельность консультативная и работы в области компьютерных технологий (62.02)	н.д.	н.д.	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,00
Деятельность по управлению компьютерным оборудованием (62.03)	н.д.	н.д.	0,01	0,01	0,01	н.д.	н.д.	0,00
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, прочая (62.09)	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,00	0,005	-0,01
Деятельность в области информационных технологий (63)	0,17	0,24	0,26	0,26	0,33	0,15	0,12	-0,05
Деятельность по обработке данных, предоставление услуг по размещению информации и связанная с этим деятельность (63.11)	0,02	0,03	0,04	0,04	0,04	0,08	0,08	0,07
Научные исследования и разработки (в целом) (72)	0,08	0,08	0,08	0,07	0,07	0,15	0,06	-0,02
* Данные за 2013–2016 гг. приведены в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД ОК 029-2007) данные по разделу «J» представлены по сумме видов деятельности согласно ОКВЭД-2007 (ОК 029-2007): 64.2 «Деятельность в области электросвязи», 72 «Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий». Данные за 2017–2019 гг. приведены в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД2 ОК 029-2014).								

Для того чтобы оценить, насколько имеющееся количество ИТ-специалистов отвечает спросу на них со стороны организаций, необходимо рассмотреть соотношение показателей спроса и предложения на рынке труда. Согласно hh индексу, в 2019 г. доля вакансий ИТ-специалистов в Вологодской области составила 8% от общего спроса, при этом доля резюме в общем объеме – только 4%. По данным индекса, на одну вакансию в области ИТ в регионе претендует 2,9 человека. Однако, как отмечает руководитель пресс-службы HeadHunter Е.Таращук, оптимальной считается ситуация, когда на одну вакансию имеется 4–5 резюме, что позволит предотвратить появление безработицы и предоставит возможность работодателям отобрать наилучшую кандидатуру [2]. Для сравнения: рассматриваемый показатель в сфере высшего менеджмента составляет 10,4 [1].

Отдельного внимания заслуживает информация, касающаяся характеристики «портрета» представителя каждой из специальностей на основе описания вакансий. Так, согласно hh индексу по Вологодской области, работодатели ищут ИТ-специалистов в возрасте от 26 до 35 лет, с законченным высшим образованием и опытом работы 3–6 лет; специалисты 20–25 лет, недавно завершившие обучение, почти не востребованы на рынке труда. Этот соответствует возрасту выпускников, которые только что получили высшее или среднее специальное образование. Отсутствие спроса на молодые кадры со стороны работодателей позволяет сделать вывод о том, что у данных специалистов знания и умения, приобретенные в учебных заведениях, недостаточны и не соответствуют требованиям работодателя.

Таким образом, следует еще раз отметить, что переход к цифровой экономике, характеризующийся глобальной информатизацией, становится мировой тенденцией. В этих условиях ИТ-отрасль выступает одной из важных и наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, функционирование которой зависит от наличия квалифицированных специалистов.

Проведенный анализ кадровой обеспеченности позволил выделить следующие проблемы:

1) при сохраняющейся востребованности ИТ-специалистов в экономике их численность за рассматриваемый период остается практически без изменений. К тому же на региональном уровне их доля в общем числе занятых крайне мала в сравнении со среднероссийским значением. В условиях быстрого развития ИТ-отрасли проблема кадровой обеспеченности будет только усугубляться и может привести к серьезному дефициту специалистов;

2) спрос на ИТ-специалистов со стороны организаций в сфере ИТ в несколько раз превышает предложение. Недостаток кадров, в свою очередь, приводит к низкой конкуренции их между собой и затрудняет выбор наилучших кандидатур для работодателей. Это свидетельствует о проблеме кадровой обеспеченности ИТ-отрасли;

3) анализ «портрета» соискателя с использованием данных описания вакансий позволил сделать вывод о том, что наименьшей востребованностью среди работодателей пользуются молодые ИТ-специалисты, только что закончившие учебные заведения высшего или среднего образования, в связи с недостаточностью их опыта, знаний и навыков для работы в организациях в сфере ИТ.

Литература

1. hh индекс. URL: <https://vologda.hh.ru/article/index>
2. «Нам очень тяжело с кадрами». Новосибирские бизнесмены – о дефиците рабочих. URL: <https://nsk.dk.ru/news/nam-ochen-tyazhelo-s-kadrami-novosibirskie-biznesmeny-o-defitsite-rabochih-237114460>
3. О мониторинге развития информационного общества в субъектах РФ / Министерство связи и массовых коммуникаций. 2017. URL: http://tomedu.ru/wp-content/uploads/2015/02/Vopros_8_Rejting.pdf

Информация об авторе

Климова Юлия Олеговна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru).

Klimova Yu.O.

ANALYSIS OF HUMAN RESOURCES OF THE IT INDUSTRY AT THE REGIONAL LEVEL (VOLOGDA REGION)

Abstract. *The transition to the digital economy presupposes the informatization of technological processes, the availability of personnel plays an important role in ensuring which The paper analyzes trends in the main indicators characterizing the staffing of the IT industry at the regional level, on the basis of which the main problems are identified.*

Key words: *digital economy, IT industry, information technology, IT specialists, staffing.*

Information about the Author

Yulia O. Klimova (Russia, Vologda) – Junior Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, st. Gorky, 56a, e-mail: j.uschakowa2017@yandex.ru).

References

1. hh Index. Access mode: <https://vologda.hh.ru/article/index>
2. “It’s very hard for us with the staff.” Novosibirsk businessmen – about the shortage of workers. Access mode: <https://nsk.dk.ru/news/nam-ochen-tyazhelo-s-kadrami-novosibirskie-biznesmeny-o-defitsite-rabochih-237114460>
3. On monitoring the development of the information society in the constituent entities of the Russian Federation. Ministry of Communications and Mass Media, 2017. Access mode http://tomedu.ru/wp-content/uploads/2015/02/Vopros_8_Rejting.pdf

К ПРОБЛЕМАМ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Аннотация. Материалы рукописи посвящены описанию фаз развития малого и среднего предпринимательства, их роли в реализации технологической революции, а также в определении направлений государственного воздействия на их развитие, исходя из сложившихся условий в экономической системе региона.

Ключевые слова: малый бизнес, малое и среднее предпринимательство, регион, инновационное развитие, технологическая революция, фазы развития.

На современном этапе развития мировой экономики инновации играют роль главного фактора, обеспечивающего конкурентоспособность государственной экономической системы. От способности государства реализовывать эффективную инновационную политику зависит не только место страны на международной арене, но и благосостояние ее граждан. Стоит отметить, что группой элементов, ответственных за данное направление, выступает системообразующая подсистема, которая состоит из отдельных хозяйствующих субъектов. Их, в свою очередь, возможно дифференцировать между собой по отдельным критериям, в частности по масштабу деятельности: малые, средние, крупные предприятия.

Малое и среднее предпринимательство (МСП) как отдельная система характеризуется возможностью получать инновационную ренту от коммерциализации базисных нововведений, окупая при этом имеющиеся издержки и получая дополнительную прибыль. Данная способность объясняется сложностью организационного управления крупных предприятий и наличием их отставания от реального тренда инновационного развития, обоснованным невозможностью принятия большого риска при выборе инвестиционных проектов.

При этом стоит отметить, что эффективное функционирование предпринимательского сектора страны в условиях жесткой мировой конкуренции невозможно без организации гибкой государственной политики поддержки МСП. Ее дифференциация должна быть основана на учете не только территориальных различий регионов страны и размеров предприятий, но и стадий развития исследуемого объекта.

Таким образом, цель настоящего исследования заключена в определении приоритетных мер государственной поддержки в зависимости от стадии развития МСП региона. Для этого были проанализированы теоретические подходы к описанию отдельных стадий и фаз развития хозяйствующих субъектов и определены приоритетные меры государственного воздействия на активность функционирования исследуемого сектора экономики.

Исследованию стадий развития социально-экономических систем посвящены работы как зарубежных (К. Перес, М. Хирука, Дж. Гольдштейн, Г. Менш и др. [5; 13]), так и отечественных исследователей (С. Глазьев, Л. Гринин, А. Коротаев, И.Э. Фролов, Ю. Яковец и др. [3; 11]). Однако, учитывая, что малый бизнес характеризуется функциями создания новых секторов (отраслей, сфер деятельности) в экономике

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-2249.2020.6).

регионов, которые существенно изменяют ее структуру, состояние, стоит отметить подход к определению отдельных фаз развития К. Переса. Им были выделены 6 фаз развития (зарождение, внедрение, агрессия, синергия, зрелость, распространение на периферию – глобализация), которые также характеризуют отдельные этапы прохождения длинных волн Кондратьева (табл. 1). На его основе представляется целесообразным сформировать отдельные стадии развития МСП в регионе.

Так, стоит отметить, что на этапе зарождения и внедрения необходимо придерживаться стратегии выживания предприятия за счет закрепления в определенной нише товаров и услуг. Малый бизнес имеет больше возможностей для развития в отраслях с высоким темпом технологических изменений [12].

Дальнейшее развитие и выживаемость субъектов исследуемого сектора экономики будет зависеть от их размеров [1]. Исследователями было доказано, что угроза ухода с рынка обратно пропорциональна размеру предприятий. Поэтому важным условием развития будет являться установление тесных связей с крупными предприятиями (например, посредством франчайзинга, долгосрочных контрактов, слияний и поглощений) с целью получения доступа к новым ресурсам. Также на данной стадии развития негативным фактором для субъектов МСП будет являться угроза новизны, что ставит перед ними необходимость использования определенных стратегий по увеличению доверия и репутации новых фирм [10].

Таблица 1. Фазы развития субъектов малого бизнеса

№ п/п	Фаза развития	Содержание
1	Зарождение	Возникновение новых хозяйствующих субъектов, идей и продуктов, дифференцирующих структуру экономики региона
2	Внедрение	Начало процесса коммерциализации новых продуктов, услуг и товаров, созданных субъектами малого бизнеса. Формирование новой экономической парадигмы развития региона.
3	Агрессия	Становление новых отраслей, систем и инфраструктуры в регионе, связанные ростом объемов инвестиций, а также новых рынков продукции и услуг
4	Синергия	Объединение хозяйствующих субъектов, формирование кооперационных связей между субъектами предпринимательского сектора, изменение структуры экономики региона.
5	Зрелость	Стадия устойчивого развития исследуемого сектора экономики
6	Глобализация	Распространение товаров и услуг по периферии
Источник: составлено автором.		

Используя указанный подход, возможно также оценить воздействие субъектов предпринимательства разных размеров на инновационное развитие экономики региона. Так, к примеру, на стадии зарождения и внедрения длинной волны большую роль в коммерциализации играют малые и средние предприятия, а на стадии агрессии малый бизнес оказывается востребованным более крупными представителями предпринимательского сектора в массовом порядке [6].

Однако уже фазе синергии усиливается роль крупного бизнеса в распространении технологической революции, что в конечном итоге при исчерпании потенциала региона приведет к распространению продукции по периферии (стадия зрелости и глобализации).

На основе представленных результатов и выводов, полученных при проведении более детального анализа данных закономерностей, были определены приоритетные направления государственного воздействия на субъекты МСП, дифференцированные согласно стадиям их развития (табл. 2).

Таблица 2. Направления государственного воздействия на развитие МСП

№ п/п	Фаза развития	Направления воздействия (меры)
1	Зарождение	Создание региональных программ финансирования инновационных проектов МСП (по примеру программы SBIR – США);
2	Внедрение	предоставление финансовой и технической помощи для разработки инновационной продукции (по примеру программы STTR – США); запуск инвестиционных компаний, финансирующих МСП (по примеру программы SBIC – США); снижение административных барьеров; развитие венчурных фондов
3	Агрессия	Увеличение квот МСП в государственных и муниципальных закупках;
4	Синергия	обеспечение спроса на продукцию и услуги МСП со стороны крупного бизнеса (по примеру программы гарантий закупок МСП в Ю. Корее); предоставление налоговых и таможенных льгот субъектам МСП, аналогичных резидентам Инновационного Центра «Сколково», являющихся резидентами региональных технопарков (промпарков, технополисов и т.д.), прошедших государственную аккредитацию; расширение спектра видов деятельности, в которых можно использовать специальные налоговые режимы (упрощенная система налогообложения), для МСП
5	Зрелость	Перезапуск программ поддержки МСП, использовавшихся ранее;
6	Глобализация	развитие государственных программ стимулирования экспортной деятельности МСП (по примеру программ Ю. Кореи); организация противодействия монополизации внутреннего рынка региона
Источник: составлено автором на основе [2; 4; 7–9].		

Представленные направления и меры государственного воздействия на развитие МСП могут быть использованы органами власти исходя из сложившейся экономической ситуации в регионе, поэтому дальнейшее исследование будет посвящено разработке соответствующего методического подхода к оценке фазы развития МСП, а также выявлению факторов, препятствующих его функционированию в регионе, с целью выработки конкретной системы мер стимулирование деятельности исследуемого сектора экономики.

Литература

1. Авдашева С.Б., Голованова С.В. Тенденции изменения структуры российской промышленности в период экономического подъема. М.: ЗАО «Юридический Дом Юстицинформ», 2009.
2. Виленский А.В. Стимулирование развития малого предпринимательства США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1–2. С. 6–29.
3. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.
4. Государственная политика США в отношении предпринимательства и малого бизнеса // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства» (НИСИПП). URL: http://niss.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129175
5. Дементьев В.Е. Структура корпоративной системы и длинные волны в экономике. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. 213 с.
6. Кристенсен К.М. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании. М.: Альпина Паблишер, 2018. 240 с
7. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия – 2050: стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2005. 624 с.
8. Курило А.К. Влияние государственной политики на развитие малых и средних пред-

приятый в Южной Корее на протяжении пятой длинной волны // Новая наука: проблемы и перспективы: Международное научно-периодическое издание по итогам международной научно-практической конференции / в 2 ч. Ч. 1. Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2016. С. 112–119.

9. Курило А.К. Развитие малого инновационного бизнеса в США на протяжении пятой длинной волны // Новая наука: стратегии и векторы развития: Международное научно-периодическое издание по итогам международной научно-практической конференции (08 октября 2016 г, г. Челябинск) / в 2 ч. Ч. 2. Стерлитамак: АМИ, 2016. С. 143–152.
10. Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010) / пер. с англ. под науч. ред. А.Ю. Чепуренко; предисл. и послесл. А.Ю. Чепуренко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Науч.-учеб. лаб. исследований предпринимательства. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 526 с.
11. Фролов И.Э. Кризис и проблемы трансформации глобальной экономики: взаимосвязь распространения нововведений и рутинизации с длинными волнами // Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений: сб. науч. тр. участников Международной конференции «XXIV Кондратьевские чтения» / под ред. В.М. Бондаренко. 2017. С. 350–355.
12. Cooper A., Dunkelberg W., Woo C. Entrepreneurs' Perceived Chances for Success // Journal of Business Venturing, 1988, vol. 3, iss. 2, pp. 97–108.
13. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002, 198 p.

Информация об авторе

Кремин Александр Евгеньевич (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а); ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН» (160002, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2; e-mail: akremin@inbox.ru).

Kremin A. E.

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF STATE SUPPORT FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES DURING THE TECHNOLOGICAL REVOLUTION

Abstract. *The materials of the manuscript are devoted to describing the phases of development of small and medium-sized businesses, their role in the implementation of the technological revolution, as well as in determining the directions of state influence on their development, based on the prevailing conditions in the economic system of the region.*

Key words: *small business, small and medium-sized entrepreneurship, region, innovative development, technological revolution, development phases.*

Information about the Author

Alexander E. Kremin – candidate of economic Sciences, research associate, head of the Department, Federal state budgetary institution of science «Vologda scientific center of the Russian Academy of Sciences» (56a, Gorkogo str., Vologda, 160014); Federal state educational institution of higher education «Vologda Institute of Law and Economics of the Federal penitentiary service» (2, Shchetinina str., Vologda, 160002, akremin@inbox.ru).

References

1. Avdasheva S.B., Golovanova S.V. Trends in the structure of Russian industry in the period of economic recovery. Moscow: CJSC "Legal House Justicinform", 2009.
2. Vilensky A.V. Stimulating the development of small business in the United States // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2013, no. 1–2, pp. 6–29.
3. Glazyev S.Yu. Theory of long-term technical and economic development. Moscow: Vldar, 1993. 310 p.
4. State policy of the USA in relation to entrepreneurship and small business. National Institute for system research of entrepreneurship problems" (NISIPP). URL: http://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129175
5. Dementiev V.E. Structure of the corporate system and long waves in the economy. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute RAS, 2011. 213 p.
6. Kristensen K.M. The innovator's Dilemma. How strong companies die because of new technologies. Moscow: Alpina publisher, 2018. 240 p.
7. Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. Russia-2050: strategy of innovative breakthrough. Moscow: Ekonomika, 2005. 624 p.
8. Kurilo A.K. Influence of state policy on the development of small and medium-sized enterprises in South Korea during the fifth long wave // New science: problems and prospects: International scientific and periodical publication based on the results of the international scientific and practical conference / in 2 ch. 1. Sterlitamak: RIC AMI, 2016. Pp. 112–119.
9. Kurilo A.K. Development of small innovative business in the USA during the fifth long wave // New science: strategies and vectors of development: an International scientific periodical based on the results of the international scientific and practical conference (October 08, 2016, Chelyabinsk) / in 2 ch. 2 Sterlitamak: AMI, 2016. Pp. 143–152.
10. Modern classics of the theory of entrepreneurship. Laureates of the International prize for contributions to entrepreneurship and small business research (1996–2010). under the scientific editorship of A. Yu. Chepurenko; Preface and afterword by A. Yu. Chepurenko; National research. Higher school of Economics, Scientific and educational lab. Moscow: Publishing house of the Higher school of Economics, 2013. 526 p.
11. Frolov I.E. Crisis and problems of transformation of the global economy: the relationship between the spread of innovations and routine with long waves. Socio-economic problems of our time: the search for interdisciplinary solutions / Collection of scientific papers of participants of The international conference "XXIV Kondratiev readings". Edited by V.M. Bondarenko. 2017. Pp. 350–355.
12. Cooper A., Dunkelberg W., Woo C. Entrepreneurs' Perceived Chances for Success // Journal of Business Venturing, 1988, vol. 3, iss. 2, pp. 97–108.
13. Perez C. Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of bubbles and Golden Ages. Cheltenham: Elgar, 2002. 198 p.

КООПЕРАЦИЯ НАУКИ И БИЗНЕСА КАК ИНСТРУМЕНТ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ¹

Аннотация. В работе представлен анализ текущего состояния научно-производственной кооперации в РФ на основе методики, разработанной НИУ ВШЭ. Выявлены ключевые проблемы развития кооперации науки и бизнеса как одного из действенных инструментов научно-технологического развития РФ. Предложены рекомендации по совершенствованию данного инструмента с целью более эффективного воздействия на научно-технологическое развитие территории.

Ключевые слова: бизнес, наука, научно-производственная кооперация, территория, научно-технологическое развитие.

Стремительное распространение новых технологий во всех областях человеческой деятельности приводит к быстрым и глубоким изменениям структуры промышленного производства, глобальных рынков, а также экономической и социальной сферы. В современных развитых странах начался активный поиск новых источников роста на основе научно-технологического потенциала, формирующегося за счет внедрения новых информационных, цифровых и промышленных технологий. Их реализация привела к широкомасштабному освоению высокотехнологичных рынков, так как на них формируется большая часть прибыли. Об этом свидетельствуют тенденции последних 10 лет (с 2008 по 2018 г.), которые показывают, что объемы экспорта продукции высокотехнологичных отраслей на мировом рынке выросли в более чем 2 раза, а за период с 2014 по 2018 год в общемировом масштабе отмечается рост на 18%. Ведущими странами-лидерами по показателю экспортируемой высокотехнологичной продукции были в 2016 году Китай с долей 13% (496 млрд долл. США), Германия – 11% (189 млрд долл. США), США – 10% (153 млрд долл. США). Доля России в мировых поставках высокотехнологичного экспорта составляет 0,6% (10 млрд долл. США). На сегодняшний день роста значений данного показателя можно добиться путем развития кооперации предприятий с вузами и научными организациями (научно-производственная кооперация).

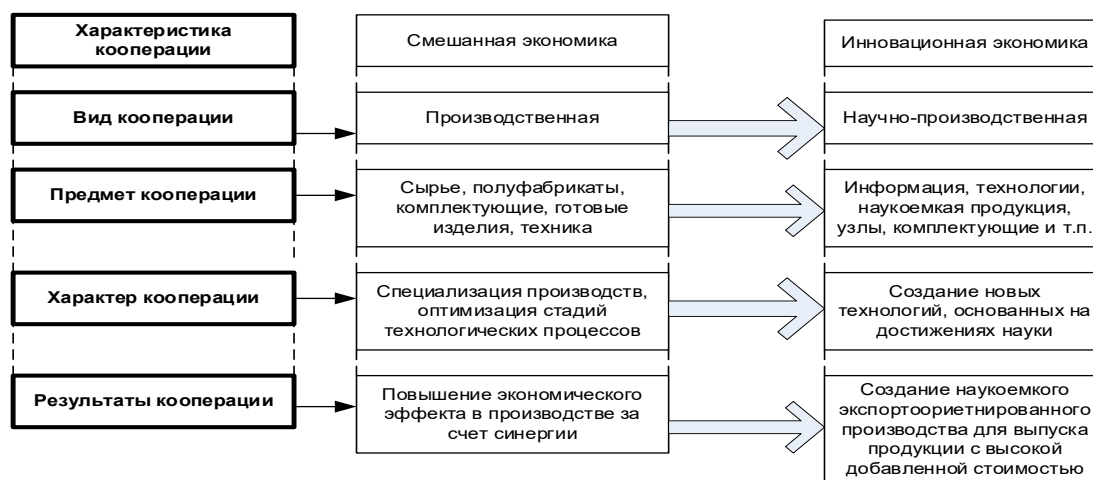
Под научно-производственной кооперацией (далее по тексту НПК) в контексте данного исследования будем понимать сотрудничество не только в сфере производства, но и в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), направленное на взаимное техническое совершенствование производственной деятельности территории, основанное на самых современных достижениях науки и техники, технологий.

Осознание важности и необходимости развития НПК не только научным сообществом, но и органами власти и управления подтверждается и тем фактом, что в конце 2018 г. в рамках нацпроекта «Наука» запущен федеральный проект «Научная и научно-производственная кооперация». Согласно данному документу основным достижением взаимодействия науки и бизнеса должны стать структурные изменения в экономике за счет обновления научно-технологического уклада, которые приведут к ускорению технологического прогресса.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0006 «Управление процессами структурной трансформации экономики регионов на основе развития малого и среднего предпринимательства».

В этой связи актуальность исследования определяется необходимостью научного осмысления организационных и методических проблем, связанных с развитием научно-производственной кооперации как одного из важнейших инструментов научно-технологического развития территории. Поэтому целью является изучение текущего состояния и проблем научно-производственной кооперации для совершенствования системы управления ею как одного из важнейших инструментов научно-технологического развития территории. Задачи: выявление трансформации кооперации в процессе перехода к инновационной экономике; анализ состояния НПК в РФ.

Основываясь на теории развития НПК и сложившихся в научном сообществе подходов к определению этого понятия, мы выявили трансформацию сущности кооперации в процессе перехода к инновационной экономике (рисунок).

Трансформация сущности кооперации в процессе перехода к инновационной экономике

Источник: составлено автором

В настоящее время сложились целые научные институты и школы, проводящие фундаментальные исследования в направлении анализа состояния научно-производственной кооперации, среди которых ОЭСР, НИУ ВШЭ, ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, МАЦ [1–3]. Все эти научные сообщества для данного анализа применяют свои авторские подходы. Для отечественных исследователей наиболее актуальным оказался количественный подход, разработанный НИУ ВШЭ. Основными критериями для анализа научно-производственной кооперации представители данного подхода выделяют количество организаций и предприятий, участвующих в совместном выполнении НИОКР, затраты на исследования и разработки. Также применяется подход, разработанный ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. Он заключается в выявлении совместных партнеров (бизнес-структур и научных организаций), участвующих в кооперации, материально-технической базы для проведения исследований и разработок.

Наибольший интерес представляет методический подход к анализу состояния НПК, применяемый МАЦ, так как его преимущество перед другими научными подходами в том, что он отражает значимость кооперации научного сектора и промышленных предприятий для научно-технологического развития территории.

В связи с этим нами была предпринята попытка проанализировать состояние НПК в России, применив методику анализа НИУ ВШЭ. Данная методика основывается на выявлении масштабов развития научно-производственной кооперации,

международном сравнении развития НПК, влиянии государственной научно-технологической и инновационной политики на НПК.

Так, в 2018 г. по доле инновационно-активных фирм, взаимодействующих с научным сектором, и внутренних затрат на исследования и разработки к ВВП, наша страна уступала индустриально развитым государствам и занимала 16 место среди анализируемых территорий. Странами с наиболее высоким уровнем НПК признаны Финляндия, США и Япония. В них отмечаются высокие значения показателей, по которым оценивалось состояние НПК.

По доле инновационно-активных фирм, взаимодействующих с научными организациями и вузами с целью внедрения НИОКР в производство для создания высокотехнологичной продукции, Россия уступала не только индустриально развитым, но и некоторым новым индустриальным странам. В 2018 г. удельный вес отечественных предприятий, взаимодействовавших с научным сектором в инновационной сфере, в общем числе инновационно-активных фирм составлял 34%. Одной из причин отставания РФ от среднемирового уровня являлась слабая поддержка экономики знаний, связанная с низкими вложениями частного капитала в НИОКР. Так, участие частного капитала в финансировании НИОКР в странах ЕС в 2018 г. достигало 60%, в США – 70%, в Китае – 77%.

На территории РФ проводится научно-технологическая политика и государственная поддержка в области взаимодействия науки и бизнеса. Существуют различные инструменты стимулирования НТК в России, такие как льготы по налогу на прибыль в отношении расходов на НИОКР; федеральные программы, национальные проекты, поддержка проектов создания высокотехнологичных производств и т.д. Однако государственная поддержка взаимодействия науки и бизнеса на сегодняшний день в большей степени затрагивает крупные ведущие промышленные предприятия, которые, как правило, успешно взаимодействуют друг с другом. В рамках реализуемых мер государственного стимулирования прослеживается акцент на поддержке не наиболее перспективных, а скорее надежных проектов.

Таким образом, заключим, что состояние НПК в России объективно находится на достаточно низком уровне. Доля инновационно-активных предприятий в РФ, которые готовы внедрять НИОКР в производство, – мала. Предлагаемые услуги и разработки научного сектора также слабо стимулируют предприятия к инновациям.

Это связано с рядом причин. Во-первых, на территории РФ отсутствует реализация программ по стимулированию научно-производственной кооперации.

Во-вторых, слабая информированность о потенциальных партнерах и программных мероприятиях по стимулированию предприятий и научного сектора к кооперации. Поэтому для повышения эффективности развития научно-производственной кооперации необходимо обеспечение условий для более полного использования и дальнейшего наращивания научного и производственного потенциала в РФ. В качестве инструментов решения данной проблемы нами предлагается:

- 1) разработка проекта государственной программы развития научно-производственной кооперации. Целью разработки данного проекта является повышение в отраслях промышленности региона кооперационных связей, направленных на создание высокотехнологичной продукции, способной обеспечить качественное увеличение ВРП, удовлетворение потребностей территории региона в основных видах конкурентоспособной продукции, значительное увеличение денежных средств в областной бюджет, существенное повышение качества жизни населения;

- 2) разработка алгоритма единой информационной системы поддержки развития научно-производственной кооперации. Цель единой информационной системы

– формирование благоприятных условий осуществления научно-технологического развития в РФ за счет кооперации предприятий.

Литература

1. Кузык М.Г. Что препятствует участию университетов в создании технологий двойного назначения? // Форсайт. 2017. Т. 11. № 4. С. 84–95. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.84.95
2. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.
3. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Зудин Н.Н. Результаты налоговой и финансовой поддержки российских компаний: проверка на дополнтельность // Журн. Новой экон. ассоц. 2017. № 2 (34). С. 59–93.

Информация об авторе

Кузнецова Екатерина Петровна (Россия, г. Вологда) – младший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 333.maarel.333@mail.ru).

Kuznetsova E.P.

COOPERATION OF SCIENCE AND BUSINESS AS A TOOL OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Abstract. *The paper presents an analysis of the current state of scientific and industrial cooperation in the Russian Federation based on the methodology developed by the Higher School of Economics. The key problems of the development of cooperation between science and business as one of the most effective tools of scientific and technological development of the Russian Federation are identified. Recommendations for improving this tool in order to have a more effective impact on the scientific and technological development of the territory are proposed.*

Key words: *business, science, scientific and production cooperation, territory, scientific and technological development.*

Information about the Author

Ekaterina P. Kuznetsova (Vologda, Russian Federation) – Junior Researcher of the Department of Problems of Scientific and Technological Development and the Knowledge Economy. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia, 160014, Vologda, Gorky str., 56a; e-mail: 333.maarel.333@mail.ru).

References

1. Kuzyk M. G. What prevents universities from participating in the creation of dual-use technologies? // Foresight. 2017. Vol. 11. No. 4. Pp. 84–95. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.84.95
2. The Russian economy in 2016. Trends and Prospects. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 520 p.
3. Simachev Yu.V., Kuzyk M.G., Zudin N.N. The results of tax and financial support of Russian companies: a check on complementarity. The new econ. assoc. 2017. No. 2 (34). Pp. 59–93.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Аннотация. В статье рассмотрены основные инновационные процессы, происходящие в регионе под влиянием цифровой трансформации. Проведена оценка инновационного развития региона. Белгородская область представлена как объект исследования. Особое внимание авторы уделили инновационному развитию в образовании и здравоохранении.

Ключевые слова: инновационные процессы, инновационное развитие области, цифровая трансформация, цифровые технологии, регион.

В настоящее время сложно найти человека, который бы не был знаком с цифровыми технологиями: у каждого второго жителя планеты есть личный аккаунт в различных соцсетях, всем известен портал госуслуг, у многих клиентов того или иного банка установлено его онлайн приложение, – этот список можно продолжать бесконечно. Все это говорит о том, что, уже давно начавшаяся, мировая цифровая революция выходит на новый уровень и становится неотъемлемой частью жизни каждого человека.

Существует несколько определений понятия «цифровая трансформация», так «Forrester» понимает под этим термином «достижение операционной эффективности и гибкости с использованием цифровых технологий», «Gartner» – «бизнес-модель, которая позволяет создавать ценности и получать доход», в «Altimeter Group» отмечают цифровую трансформацию как «привлечение клиентов в любой точке соприкосновения». Однако, мы остановимся на определении спикера РИФ М.А. Леднева, считая его более точным и всеобъемлющим. «Цифровая трансформация – это существенный рост производительности, сокращение расходов, увеличение продаж и доли на рынке с помощью внедрения цифровых технологий», – утверждает российский предприниматель [3]. На сегодняшний день, как уже упоминалось, цифровая трансформация активно проникает во все сферы жизнедеятельности. Одним из направлений влияния являются непосредственно инновационные процессы регионов. В свою очередь, инновационные процессы – это «мотивированный, целенаправленный и сознательный процесс по созданию, освоению, использованию и распространению современных идей, актуальных и адаптированных для данных условий и соответствующих определенным критериям» [1]. Основной целью инновационных процессов в регионе является повышение его конкурентоспособности как на национальном, так и на мировых рынках. Однако для достижения поставленных целей, прежде всего, необходимо выявить преимущества той или иной территории и далее внедрять инновационные проекты именно в этих направлениях.

Белгородская область отличается выгодным географическим расположением, хорошо развитыми транспортными коммуникациями, большим количеством научно-производственных организаций в сфере обрабатывающей промышленности и

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания FZWG-2020-0016 (0624-2020-0016), тема проекта «Фундаментальные основы глобальной территориально-отраслевой специализации в условиях цифровизации и конвергенции технологий».

т.д. Все это позволяет региону осуществлять активное внедрение инновационных проектов по множеству направлений. Основные сферы, по которым Белгородская область осуществляет цифровую трансформацию, представлены на рисунке.

Основные сферы осуществления цифровой трансформации в Белгородской области

Основным двигателем цифровой трансформации, безусловно, являются ИТ-специалисты. На данный момент их дефицит – одна из центральных проблем ИТ-сферы, поэтому в области проводится большая работа над увеличением кадрового потенциала. Для этого в нескольких школах созданы ИТ-классы, в 2019 году уже было выпущено 120 учащихся, далее планируется открытие полноценных ИТ-школ. Уже сейчас запущены площадки «Яндекс.Лицей» в Белгороде и Старом Осколе, в которых задействовано 123 ученика. В целом предполагается активное развитие данной отрасли: увеличение количества ИТ-классов, открытие центра цифрового образования – ИТ-клуб, разработка системы конкурсов в сфере ИТ-технологий, создание Центра координации ИТ-образования – все это планируется внедрить в 2021 году.

Инновационные процессы активно отразились и на работе многофункциональных центров (МФЦ) Белгородской области. В 2019 году МФЦ существенно поменяли формат работы:

- во-первых, произошло объединение офисов, т. е. в области теперь единый центр оказания услуг. Централизация позволила снизить численность руководящих должностей, а количество специалистов приема и выдачи документов увеличить;
- во-вторых, в МФЦ работают над ликвидацией очередей, так в каждом отделении ставят POS-терминалы для оплаты услуг;
- в-третьих, МФЦ запустил единый контактный центр, т. е. специально обученные сотрудники обладают всей информацией и не отвлекают специалистов. Также в планах перевести в МФЦ услуги центра занятости, БТИ, Центра экологической безопасности и создать миграционный центр.

Если рассматривать инновационные процессы в сфере ЖКХ, то стоит отметить, что в Белгородской области появилось приложение «Дом. Контроль», которое помогает жильцам связываться с управляющими компаниями. Этот сервис способствует решению проблем и вопросов онлайн, не выходя из дома. Активное отражение инновационное развитие нашло и в сфере культуры Белгородской области. В прошлом году регион перешел на цифровое телевидение. Так, для того чтобы переход сделать максимально плавным и помочь жителям адаптироваться, была открыта горячая линия на базе МФЦ. Сейчас планируется создание «цифрового двойника» Белго-

рода, то есть системы, с помощью которой можно будет оперативно реагировать на любую происходящую в городе ситуацию.

Лидером по цифровой трансформации на сегодняшний день Белгородская область является в транспортной отрасли. В 2017 году регион начал активно работать над созданием единой интеллектуальной транспортной системы, которая была направлена на увеличение безопасности на дорогах, снижение смертности по причине аварий, а также на повышение профилактики правонарушений. Также в рамках данной системы в Белгороде был реализован проект «Белгородское парковочное пространство», благодаря этому удалось обеспечить доступ как можно большего количества людей к предприятиям и организациям. На данный момент система единой интеллектуальной транспортной системы находится в процессе развития, планируется введение умных светофоров, которые позволят увеличить пропускную способность перекрестков и избавить город от пробок.

Если говорить о инновационных процессах в сфере здравоохранения, то здесь стоит выделить внедрение электронных рецептов. Это приложение, объединившее 190 аптек и 101 медицинское учреждение для удобства пациентов. Оно позволяет врачам выписывать электронные направления, а пациентам отслеживать их в онлайн формате, сравнивать цены тех или иных препаратов в различных аптечных пунктах, а также продлевать курс приема назначенных лекарств и запрашивать выдачу нового рецепта.

Таким образом, рассмотрев основные инновационные процессы в Белгородской области, происходящие под влиянием цифровой трансформации, приходим к выводу, что на сегодняшний день наш регион отличается высокой инновационной активностью. Всего на территории области реализуется более 25-IT проектов, что позволяет ей сохранять лидерство среди остальных субъектов РФ по отдельным направлениям осуществления цифровой трансформации.

Литература

1. Инновационные процессы: отличительные признаки. URL: <https://sites.google.com/site/innobrgruppa2/annotirovannyj-spissok> (дата обращения 06.11.2020).
2. Итоги работы департамента цифрового развития Белгородской области за 2019 год. URL: <https://d-russia.ru/itogi-raboty-departamenta-cifrovogo-razvitija-belgorodskoj-oblasti-za-2019-god.html> (дата обращения 07.11.2020).
3. Цифровая трансформация. Просто о сложном. URL: <http://lednev.pro/blog/digital-transformation> (дата обращения 08.11.2020).

Информация об авторах

Кулик Анна Михайловна (Россия, г. Белгород) – кандидат экономических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: kulik@bsu.edu.ru).

Брик Анна Геннадьевна (Россия, г. Белгород) – студент 4 курса, Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: 1236866@bsu.edu.ru).

Костырева Яна Сергеевна (Россия, г. Белгород) – студент 4 курса, Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследова-

тельский университет (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: 1231434@bsu.edu.ru).

Kulik A.M., Bric A.G., Kostyreva Y.S.

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE PROCESSES IN THE REGION AS A RESULT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. *The article considers the main innovative processes in the region under the influence of digital transformation. The estimation of innovative development of region is conducted. The Belgorod region is represented by the object of research. The authors have paid special attention to innovative development in education and health care.*

Key words: *innovation processes, innovative development of the region, digital transformation, digital technology region.*

Information about the Authors

Anna M. Kulik (Russia, Belgorod) – candidate of economic Sciences, associate Professor, Belgorod state national research University (85, Pobedy str., Belgorod, Russia, kulik@bsu.edu.ru).

Anna G. Brick (Russia, Belgorod) – student of the 4th course group 09001711, Institute of Economics and management, Belgorod state national research University (Belgorod, Pobedy, 85, 1236866@bsu.edu.ru).

Yana S. Kostyreva (Russia, Belgorod) – student of the 4th course group 09001711, Institute of Economics and management, Belgorod state national research University (Belgorod, Pobedy, 85, 1231434@bsu.edu.ru).

References

1. Innovative processes: distinctive features. URL: <https://sites.google.com/site/innobrgruppa2> (date of address: 06.11.2020)
2. Results of the Digital Development Department of the Belgorod Region for 2019/ URL: <https://d-russia.ru/itogi-raboty-departamenta-cifrovogo-razvitija-belgorodskoj-oblasti-za-2019-god.html> (date of address: 07.11.2020).
3. Digital transformation. Simply about a complex/ URL: <http://lednev.pro/blog/digital-transformation> (date of address: 08.11.2020).

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ

Аннотация. В работе рассматриваются основные тенденции и текущий уровень научно-технологического развития России. Выявлены основные проблемы, характерные для современного этапа развития.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие России, регионы, проблемы, тенденции, задачи.

Переход России к рыночной системе хозяйствования сопровождался серьезными шоками во всех областях общественной жизни. Негативные тенденции были характерны и для сектора исследований и разработок. При этом наметившиеся 30 лет назад изменения по большому счету преодолеть не получилось. Затраты на внутренние исследования и разработки сократились с 2 до 1% ВВП, а численность персонала, занятого исследованиями и разработками, снизилась в три раза [1; 2]. При этом если в 2003 и 2009 гг. затраты на ИиР превышали 1,5% ВВП, то в 2018 г. на фоне запуска национального проекта «Наука» (одной из целей которого является опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки по сравнению с ростом ВВП) данный показатель был на уровне 1995 г. – 0,99% ВВП.

Сравнение с другими развитыми странами позволяет констатировать, что наблюдаются разнонаправленные векторы в основных процессах. Так, доля внутренних затрат на НИОКР в ВВП ведущих стран демонстрировала умеренный рост. Китай за 30 лет фактически смог выйти с нуля на позицию одного из мировых лидеров по данному индикатору [3].

Россия – практически единственная страна среди развитых и развивающихся, демонстрировавшая в последние 28 лет сокращение численности занятых НИОКР – на 79 чел. в расчете на 10 тыс. населения. Таким образом, доля занятых НИОКР сократилась более чем в два раза.

Результирующим показателем научно-технологической деятельности является количество публикаций в ведущих международных базах. Так, в России ежегодно на 100 занятых НИОКР в среднем приходится лишь по 2 статьи в журналах, публикуемых в WoS и Scopus. При этом начиная с 2010 г. ситуация принципиальным образом не менялась. Одним из лидеров по данному индикатору в мире является Китай (на одного занятого НИОКР приходится в среднем одна статья) [1; 2].

По числу патентных заявок на изобретения Россия отстает от Германии почти в два раза. С 2000 г. Китай увеличил число заявок в 30 раз, Россия – только на 30%. При этом данный показатель заявлен одним из ключевых в нацпроекте «Наука», согласно которому к 2024 г. Россия должна занять 5 место в мире. Такая задача может быть осуществима только в случае, если в стране будут эффективно реализовываться соответствующие программы и управленческие решения. Имеющиеся данные говорят о том, что попадание в первую пятерку является проблематичным. Пятое место занимает ЕС (без учета Германии), шестое – Германия [3].

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-2164.2020.6).

При этом, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в России только порядка 7% крупных компаний и 2% предприятий малого и среднего бизнеса от общего объема компаний в 2016–2017 гг. подавали заявки на получение патента [2]. Для примера: в Германии данный показатель составлял 38 и 12% соответственно, в Японии – 36 и 8%. В первую очередь это свидетельствует о том, что наибольшая активность в области интеллектуальной собственности в России происходит в академическом сообществе и научно-образовательной сфере, нежели в реальном секторе экономики.

Краткое сопоставление индикаторов однозначно указывает на разноразвитое развитие России и мира. Несмотря на определенное движение вперед по ряду показателей, проблема выхода на среднемировые темпы роста пока не решается, а достижение поставленных в рамках национального проекта «Наука» задач выглядит маловероятным.

Отставание России от развитых и развивающихся стран, в части научно-технологического развития усугубляется и состоянием внутреннего НТП. Здесь наиболее очевидной и критичной проблемой является значительный уровень дифференциации регионов по большинству индикаторов, характеризующих подсистемы пространства. Так, разница в численности исследователей, занятых исследованиями и разработками составляет 90 раз. По сравнению с уровнем 2010 г. данный индикатор сократился на порядок, что во многом связано со снижением числа исследователей в регионах-лидерах, которое соответствует общероссийским тенденциям. Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП также имеет колоссальную разницу как в процентном, так и в рублевом выражении, и в 2018 г. достигала 629 раз [4].

Число организаций, занятых НИОКР, в России является более стабильным, при этом, несмотря на сокращение разрыва между ведущими регионами и аутсайдерами в 2 раза (с 34 до 17 раз), дисбаланс остается более чем серьезным.

Разность в числе используемых передовых производственных технологий в 2018 г. достигала 200 раз. С одной стороны, такой разрыв логичен и объясним – не все субъекты являются промышленно развитыми. В то же время темпы роста регионов-лидеров по данному индикатору значительно выше, чем на остальных территориях, что лишь усиливает дифференциацию. При этом в России все еще есть субъекты, в которых уровень инновационной активности компаний ниже 3% (в 2019 г. таких было 5 регионов), т. е. на данных территориях по сути не происходит модернизационных процессов.

Таким образом, главной внутренней проблемой России является наличие значительных диспропорций во всех подсистемах научно-технологического пространства. Это выливается во вполне логичный перекосяк в научном, научно-техническом и инновационном развитии территорий. При этом сложившаяся ситуация лишь ускоряет негативные тренды: более ресурсообеспеченные регионы продолжают «стягивать» ресурсы других территорий, тем самым усиливая диспропорции.

Литература

1. Индикаторы науки: 2020: стат. сб. / Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 336 с.
2. Business innovation statistics and indicators 2019. URL: <https://www.oecd.org/innovation/inno/inno-stats.htm>

3. Мазилев Е.А., Давыдова А.А. Научно-технологическое развитие России: оценка состояния и проблемы финансирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 5. С. 55–73.
4. Официальный сайт Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>

Информация об авторе

Мазилев Евгений Александрович (Россия, г. Вологда) – ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eamazilov@mail.ru).

Mazilov E.A.

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF REGIONS OF RUSSIA: TRENDS, PROBLEMS, TASKS

Abstract. *The paper shows the main trends and the current level of scientific and technological development in Russia. The main problems characteristic of the current stage of development have been identified.*

Key words: *scientific and technological development of Russia, regions, problems, trends, tasks.*

Information about the Author

Evgenii A. Mazilov (Russia, Vologda) – Leading Researcher, VolSC RAS (Vologda, 56-a, Gorky Street, eamazilov@mail.ru).

References

1. Indicators of science: 2020: statistical collection / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, E.I. Evnechich and others; Nat. issled. University Higher School of Economics. M.: NRU HSE, 2020. 336 p.
2. Business innovation statistics and indicators 2019. URL: <https://www.oecd.org/innovation/inno/inno-stats.htm>.
3. Mazilov E.A., Davydova A.A. Scientific and technological development of Russia: assessment of the state and problems of financing // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. T. 13. No. 5. P. 55–73.
4. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. В статье проведен анализ развития инновационной деятельности в регионах Северо-Западного федерального округа. Выявлены основные тенденции и проблемы, препятствующие повышению инновационной активности анализируемых территорий.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, экономический рост, социально-экономическое развитие территорий.

Переход российской экономики с экспортно-сырьевой модели развития на инновационную является одним из национальных приоритетов, поскольку способствует интенсивному и устойчивому экономическому росту, снижает зависимость экономики страны от конъюнктуры внешних рынков.

В развитых странах мира – США, Японии, Германии, Великобритании, Франции, а также в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии и Китае прирост ВВП на 75 – 90% достигается за счет «прогресса в знаниях» – интеллектуализации основных факторов производства.

Вследствие этого факта, обеспечение роста уровня жизни населения России, а также преодоление ее технологического и экономического отставания от более развитых государств возможно только на основе повышения производительности труда и конкурентоспособности страны на международных рынках инновационной продукции.

Однако в пореформенный период наблюдались негативные тенденции в развитии инновационной деятельности как в России в целом, так и в отдельных регионах в частности.

Численность персонала, выполняющего исследования и разработки, на 10 тыс. человек населения в 2017 г. в СЗФО составила – 67,8 ед., а в России – 48,2 чел., что ниже значений данного показателя в 2013 г. на 2,3 и 4,8% соответственно (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками*, чел. на 10 тыс. населения

Территория	Год					2017 к 2013, %
	2013	2014	2015	2016	2017	
г. Санкт-Петербург	153,5	151,6	151,3	145,7	144,0	93,8
Ленинградская область	36,3	40,2	40,6	40,4	40,0	110,2
Новгородская область	18,8	19,0	26,6	26,1	28,7	152,7
Мурманская область	30,1	30,8	30,7	29,9	28,4	94,4
Республика Коми	20,3	20,7	23,1	22,5	19,7	97,0
Республика Карелия	15,7	18,2	19,1	19,3	18,8	119,7
Калининградская область	21,0	21,7	21,8	20,9	18,0	85,7
Архангельская область	9,5	9,8	9,4	9,4	8,8	92,6
Вологодская область	3,9	4,2	4,6	4,3	3,9	100,0
Псковская область	9,5	9,6	12,7	4,3	3,7	38,9
СЗФО (в целом)	69,3	69,9	70,8	68,4	67,8	97,7
РФ (в целом)	50,6	50,1	50,4	49,2	48,2	95,2

* Для сравнения: в Финляндии данный показатель составляет 1035 чел., в Сингапуре – 974 чел., в Канаде – 688 чел., в Японии – 685 чел., в Германии – 671 чел., во Франции – 603 чел., в Великобритании – 515 чел., в Китае – 191 чел., в Бразилии – 137 чел.

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru

Изучение динамики численности исследователей с учеными степенями в расчете на 10 тыс. чел. населения за период 2013–2017 гг. показало, что в среднем по СЗФО и России значения данного показателя снизились на 14,7 и 6,6% соответственно (табл. 2).

Среди всех регионов СЗФО самое низкое значение данного показателя наблюдается в Вологодской области. За анализируемый период количество исследователей, имеющих ученую степень, в расчете на 10 тыс. чел. населения в данном регионе снизилось на 12,5% и составило в 2017 г. 0,7 ед.

Таблица 2. Динамика численности исследователей с учеными степенями, чел. на 10 тыс. населения

Территория	Год					2017 к 2013, %
	2013	2014	2015	2016	2017	
г. Санкт-Петербург	22,2	21,5	20,7	19,2	18,1	81,5
Мурманская область	6,8	6,7	6,7	6,6	6,2	91,2
Республика Коми	5,6	5,7	5,8	5,8	6,0	107,1
Республика Карелия	5,4	5,5	5,8	5,8	5,8	107,4
Ленинградская область	3,2	3,8	3,6	3,5	3,3	103,1
Калининградская область	1,8	1,9	2,0	2,2	1,6	88,9
Архангельская область	1,3	1,5	1,5	1,6	1,6	123,1
Новгородская область	0,6	0,7	1,2	1,1	1,0	166,7
Псковская область	5,4	5,3	5,7	0,9	0,8	14,8
Вологодская область	0,8	0,9	1,2	1,1	0,7	87,5
СЗФО (в целом)	10,2	10,1	9,9	9,2	8,7	85,3
РФ (в целом)	7,5	7,5	7,6	7,4	7,0	93,4

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru

Снижению количества персонала, занятого исследованиями и разработками, а также численности исследователей с учеными степенями способствовала негативная динамика численности обучающихся в образовательных организациях высшего образования.

За период 2013–2017 гг. в среднем по регионам СЗФО и России численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в расчете на 10 тыс. чел. населения снизилась на 26,2 и 26,5% соответственно. Самое сильное падение данного показателя наблюдалось в Мурманской и Новгородской областях (табл. 3).

Таблица 3. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. чел. населения

Территория	Год					2017 к 2013, %
	2013	2014	2015	2016	2017	
г. Санкт-Петербург	687	611	580	556	549	79,9
Калининградская область	350	311	280	251	238	68,0
Республика Коми	315	283	239	201	195	61,9
Псковская область	273	246	222	200	195	71,4
Республика Карелия	271	262	227	192	187	69,0
Архангельская область	243	217	193	164	164	67,5
Вологодская область	290	238	205	176	162	55,9
Новгородская область	260	258	203	188	133	51,2
Мурманская область	285	266	202	129	117	41,1
Ленинградская область	71	63	55	50	44	62,0
СЗФО (в целом)	408	365	335	310	301	73,8
РФ (в целом)	393	356	325	300	289	73,5

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru

Одной из основных причин утечки кадров в науке является недостаток ее финансирования. В 7 из 10 регионов СЗФО наблюдается негативная динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки по отношению к ВРП (ВВП) за анализируемый период (табл. 4).

Таблица 4. Внутренние затраты на исследования и разработки в ВВП (ВРП), %

Территория	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2013, п.п
г. Санкт-Петербург	3,73	3,84	3,24	3,06	3,23	-0,50
Новгородская область	0,68	0,52	0,68	0,69	1,13	0,45
Ленинградская область	0,81	0,95	0,89	0,69	0,75	-0,06
Мурманская область	0,82	0,79	0,63	0,56	0,53	-0,29
Республика Коми	0,46	0,44	0,45	0,44	0,43	-0,03
Республика Карелия	0,50	0,52	0,50	0,41	0,40	-0,10
Псковская область	0,15	0,14	0,25	0,30	0,30	0,15
Калининградская область	0,39	0,32	0,33	0,34	0,29	-0,10
Архангельская область	0,25	0,27	0,23	0,23	0,23	-0,02
Вологодская область	0,10	0,09	0,08	0,08	0,10	0,00
СЗФО (в целом)	1,95	2,00	1,78	1,69	1,79	91,9
РФ (в целом)	1,39	1,43	1,39	1,36	1,47	106,2

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru

Международным академическим советом для развивающихся стран рекомендовано повышение финансирования НИОКР как минимум до 1,5% ВВП. По оценкам экспертов ОЭСР, рост государственных ассигнований на НИОКР на 1% на 0,85% повышает вероятность успешности нововведений и на 0,7% увеличивает долю новых продуктов в товарообороте. При этом влияние нововведений на экономический рост выше в тех странах, где больше интенсивность НИОКР. Таким образом, достигается эффект нарастающей отдачи от ассигнований на НИОКР, который влечет наращивание конкурентных преимуществ стран-лидеров, позволяя им последовательно повышать эффективность инновационной деятельности. Исследования в 16 государствах ОЭСР доказали положительный значительный эффект от увеличения их расходов на НИОКР на рост эффективности экономики [1; 6; 7].

Такой показатель, как затраты на технологические инновации, является чрезвычайно важным, поскольку характеризует степень применения результатов научных и технологических исследований в производственной деятельности, приносящую коммерческий доход. Однако в 2017 г. почти во всех регионах СЗФО значения данного показателя не превышали 1%.

Самый низкий уровень данного показателя за анализируемый период среди регионов СЗФО наблюдался в Вологодской области. В данном регионе за период 2013–2017 гг. затраты на технологические инновации, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг снизились на 0,4 п.п. и составили 0,2%.

Недостаток финансирования и отсутствие высококвалифицированных научных кадров непосредственно влияют на итоговые показатели инновационной деятельности: уровень изобретательской активности и выпуск инновационной продукции. За период 2013 – 2017 гг. в 4 из 10 регионов СЗФО наблюдалось снижение количества выданных охранных документов на изобретения и полезные модели в расчете на 100 тыс. населения. Самое заметное значение данного показателя за анализируемый период наблюдалось в Мурманской и Калининградской областях. В целом по России

за период 2013–2017 гг. количество выданных охранных документов на изобретения и полезные модели в расчете на 100 тыс. населения снизилось на 14% [2].

Одной из основных проблем в России является низкий уровень инновационной активности. За период 2013–2017 гг. во всех регионах СЗФО, за исключением Псковской области, наблюдалась отрицательная динамика уровня инновационной активности.

Результатом низкого уровня инновационной активности является незначительная отдача от инновационной деятельности: в 2017 г. в Вологодской области количество разработанных передовых производственных технологий в расчете на 100 тыс. человек населения составило всего лишь 0,68 ед., что почти в 2 раза ниже значений данного показателя в среднем по СЗФО и почти на 30% ниже, чем в России.

Одним из важнейших результативных показателей инновационной деятельности является доля объема инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг. Этот показатель отражает объем инновационной продукции, выпускаемой предприятиями и организациями на определенной территории. Чем выше значения этого показателя, тем более крупные предприятия и организации промышленности активизируют инновационную деятельность, тем динамичнее осуществляется диффузия инноваций [1].

В 6 из 10 регионов СЗФО за период 2013–2017 гг. наблюдалось снижение доли объема инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (табл. 5). Наибольшее снижение данного показателя за анализируемый период наблюдалось в Архангельской области и Республике Коми.

Таблица 5. Доля объема инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг

Территория	Год					2017 к 2013, п.п.
	2013	2014	2015	2016	2017	
Республика Карелия	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3	0,1
Республика Коми	5,1	5,3	3,3	2,3	0,4	-4,7
Архангельская область	28,9	1,4	2,7	0,5	15,3	-13,6
Вологодская область	4,4	18,6	21,6	4,3	2,9	-1,5
Калининградская область	0,1	0,1	0,4	0,2	0,3	0,2
Ленинградская область	2,8	5,9	2	2,3	2,2	-0,6
Мурманская область	0,8	3,6	1,7	1,5	1,3	0,5
Новгородская область	4,6	3,6	3,9	3	4	-0,6
Псковская область	1	0,7	1,1	1,2	2,1	1,1
г. Санкт-Петербург	12,2	12	7,3	8,7	9,1	-3,1
СЗФО (в целом)	9,3	8,1	6,3	5,1	6,3	-3,0
РФ (в целом)	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	-2,0

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно заключить, что за анализируемый период наблюдается стагнация развития инновационной деятельности практически во всех регионах СЗФО. Среди основных причин, способствующих сохранению этой тенденции, можно выделить:

1. Сокращение численности персонала в научно-образовательной сфере, особенно высококвалифицированных кадров, имеющих ученые степени, а также крайне недостаточные объемы финансирования сферы науки и образования.

2. Существенное территориальное неравенство практически по всем показателям, характеризующим инновационную деятельность. Особенно неравномерность выражена в финансировании НИОКР и развитии кадрового потенциала исследователей и разработчиков.

3. Низкие значения показателей результативности инновационной деятельности и интереса предприятий и организаций к созданию и внедрению инноваций (уровень инновационной активности остается по-прежнему на очень низком уровне практически во всех регионах СЗФО).

Литература

1. Маковеев В.Н., Губанова Е.С. Управление инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности: региональный аспект: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 166 с.
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
3. Набережная Е.П. Эконометрическая оценка факторов инновационной активности в российских регионах // Журнал экономической теории. 2015. № 1. С. 83–89.
4. Штерцер, Т.А. Эмпирический анализ факторов инновационной активности в субъектах РФ // Вестник НГУ. 2015. Т. 5. Вып. 2.
5. Миндели Л.Э., Медведева Т.Ю., Остапюк С.Ф. Тенденции развития российской и мировой науки; Институт проблем развития науки РАН. М.: Наука, 2014. 471 с.
6. Тенденции и проблемы развития региона: научные труды: в 4 т. / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. Т. 2. Проблемы становления инновационной экономики. 656 с.
7. Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фонд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Наука, 2007. С. 151.

Информация об авторе

Маковеев Виталий Николаевич (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, ученый секретарь, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160015, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: makoveevvn@mail.ru).

Makoveev V.N.

TRENDS AND PROBLEMS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT

Abstract. *The article analyzes the development of innovative activities in the regions of the Northwestern Federal District. The main trends and problems that hinder the growth of innovative activity in the analyzed territories are identified.*

Key words: *Innovation, innovation activity, economic growth, socio-economic development of territories.*

Information about the Author

Vitaly Nikolaevich Makoveev (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Scientific Secretary of the Academic Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University” (makoveevvn@mail.ru).

References

1. Makoveev V.N. Management of innovative activities in the manufacturing industry: regional aspect: monograph / V.N. Makoveev, E.S. Gubanov. Vologda: ISERT RAN, 2015. 166 p.
2. Federal State Statistics Service. Access mode: <http://www.gks.ru>
3. Naberezhneva E.P. Econometric assessment of the factors of innovative activity in the Russian regions / E.P. Naberezhneva // Journal of Economic Theory. 2015. No. 1. S. 83–89.
4. Shterzer T.A. Empirical analysis of the factors of innovative activity in the subjects of the Russian Federation // Bulletin of NSU. 2015. T. 5. Iss. 2.
5. Trends in the development of Russian and world science / L.E. Mindeli, T.Yu. Medvedeva, S.F. Ostapyuk; Institute for Problems of Science Development RAS. M.: Nauka, 2014. 471 p.
6. Trends and problems of development of the region: scientific works: in 4 volumes / V.A. Ilyin, E.S. Gubanova, K.A. Zadumkin, I.A. Kondakov, G.V. Leonidova, S.V. Terebova. Vologda: ISERT RAN, 2011. Vol. 2. Problems of the formation of an innovative economy. 656 p.
7. Theory and practice of economics and sociology of knowledge / Scientific Council for the Fund. issled. of the Presidium of the Russian Academy of Sciences "Economics and Sociology of Knowledge". M.: Nauka, 2007. P. 151.

ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования, посвященного изменению стратегий просоциального поведения в цифровом мире. Рассматриваются особенности аффективных, когнитивных и деятельностных стратегий выстраивания коммуникации в виртуальном пространстве, выявляются основные формы и перспективы этого развития для реального и виртуального мира будущего.

Ключевые слова: просоциальное поведение, цифровая эпоха, виртуальность, личность, общество.

В современном обществе возникают новые формы кооперации и консолидации людей, позволяющие им оперативно решать поставленные задачи, находить общую сферу интересов и совместно достигать поставленных целей и задач. Виртуализация общества, существенно сократившая время контакта незнакомых людей перед непосредственным взаимодействием, которое может привести к браку, деловому проекту, совместному досугу или покупке, изменила ценность и значимость происходящих в обществе событий.

Вместе с тем, просоциальные принципы, лежащие в основе поведения и взаимодействия людей, все так же определяют мотивы и технологии взаимодействия. Цифровой мир лишь формирует новую среду для развития коммуникации, а потребности людей во внимании, заботе, соучастии и небезразличии в их судьбе остаются все теми же. В работах такого ученого, как Р. Г. Ардашев [1–3], говорится об иррациональной основе взаимодействия, определяющей потребности всех членов общества; в исследованиях Р.В. Иванова [4–6] выделяются различные пространства, позволяющие реализовать коммуникативный потенциал в том числе и в виртуальной среде.

Данные размышления стали толчком для проведения исследования в отношении изучения просоциальных основ взаимодействия людей в цифровом обществе. Для этого на платформе опросов www.google.com нами был запущен опрос жителей России, в котором приняло участие 1460 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных регионах Российской Федерации, имеющих различный социально-профессиональный и демографический статус. В исследовании приняло участие 62% женщин и 38% мужчин.

В результате исследования мы выяснили, что виртуальное пространство выступает местом для выстраивания коммуникаций прежде всего личного характера (46,7%), на втором месте – для решения рабочих вопросов (34,1%), на третьем месте – личного развития (14,6%), 4,6% не смогли точно ответить на этот вопрос.

Причем не важно, какого рода эти интеракции (личные или рабочие), важно то, как происходит это взаимодействие. Наиболее ценится аффективный уровень коммуникации (43,4%), на втором месте когнитивный (39,2%), на третьем деятельностный (17,4%).

Аффективный уровень кооперации, позволяющий испытывать чувства, видеть и ощущать (даже дистанционно) чувства другого человека. Это то, что мы можем назвать сопереживанием и соучастием в жизни другого человека. Он более значим при выстраивании личных отношений (53,2%), при личном развитии (24,6%) и при деловой коммуникации также достаточно важен (22,2%).

Также важным элементом виртуального взаимодействия выступает когнитивный уровень – когда в процессе виртуального взаимодействия акцент ставится на знаниях, профессионализме, опыте, мастерстве того, с кем выстраивается интеракция. Тут важно получить опыт или как минимум совет того, кто лучше разбирается в интересующем вопросе. Когнитивный уровень более востребован при просоциальном поведении в деловом взаимодействии (47,5%), при личностном развитии (43,4%) и при личных отношениях (9,1%).

Деятельностный уровень, когда от непосредственного общения переходят к реальным действиям в виртуальном или реальном мире. На этом уровне слова начинают подтверждаться действиями, которые, по сути, и показывают, насколько готов к переменам, развитию, новому уровню человек, участвующий во взаимодействии. Он более значим для личностного развития (45,3%), для делового общения (37,2%) и личного взаимодействия (17,5%).

Просоциальное поведение может иметь разный потенциал развития отдельных членов сообщества, но оно показывает внутреннюю готовность индивидов выстраивать коммуникации на новом уровне, наполнять свое взаимодействие эмоциями и переживаниями, когнитивными процессами, выраженными в знаниях, навыках и умениях или же в реальных действиях, которые меняют жизнь человека, его окружения или же всего общества. Благодаря просоциальному взаимодействию в цифровом мире происходят социальные трансформации не только в виртуальном пространстве, но и в реальном мире. Все больше тех, кто готов учиться, работать, развлекаться в цифровом мире, и, следовательно, модели и технологии поведения в этом пространстве будут определять психологию его участников, основные нормы и ценности, мотивы и стимулы и в конечном счете сказываться на уровне и качестве жизни всех, кто вовлечен в это пространство.

По нашему мнению, просоциальному поведению в цифровом мире принадлежит формирование будущего мира, психологии поведения в нем и моделирования социального пространства развития виртуального мира. Чем лучше мы будем понимать законы этого пространства, тем легче нам будет адаптироваться и управлять им в будущем.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: мат-лы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 165–168.
3. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства: сб. науч. тр. II международной научной конференции. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–29.
4. Иванов Р.В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 166–172.
5. Иванов Р.В. Пространства для социальной реализации современников // Социология. 2019. № 2. С. 34–37.

6. Иванов Р.В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: мат-лы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2017. С. 114–117.

Информация об авторе

Полюшкевич Оксана Александровна (Россия, г. Иркутск) – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (e-mail: okwook@mail.ru).

Polyushkevich O.A.

PROSOCIAL BEHAVIOR IN THE DIGITAL AGE

Abstract. *The article examines the results of a study on changing the strategies of prosocial behavior in the digital world. The features of affective, cognitive and activity strategies of building communication in virtual space are considered, the main forms and prospects of this development for the real and virtual world of the future are revealed.*

Key words: *pro-social behavior, digital age, virtuality, personality, society.*

Information about the Author

Oksana A. Polyushkevich (Russia, Irkutsk) – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration of the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University (e-mail: okwook@mail.ru).

References

1. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness. Humanitarian vector. 2020. Vol. 15. No. 2. Pp. 76–84.
2. Ardashev R.G. Irrational fears of the population: the impact of digitalization of public services. Transformation of state and municipal management in the paradigm of digitalization. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk: publishing house of the yoke, 2020. S. 165–168.
3. Ardashev R.G. Metamorphoses of consciousness: images of identity in virtual space. Social reality of virtual space: collection of scientific papers: based on the materials of the II International Scientific Conference. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2020. P. 25–29.
4. Ivanov R.V. Kulturnye, sotsialnye i naturalnye prostranstva sovremennogo cheloveka [Cultural, social and natural spaces of modern man]. 2017. No. 8. Pp. 166–172.
5. Ivanov R.V. Spaces for social realization of contemporaries. Sotsiologiya. 2019. No. 2. P. 34–37.
6. Ivanov R.V. Mixed reality: the essence of symbolic symbiosis. Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, challenges, and prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk. Izd-vo IGU, 2017. Pp. 114–117.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

Аннотация. Развитие цифровых технологий в агропродовольственном комплексе предоставляет новые возможности по повышению скорости обмена информацией внутри системы, мониторингу спроса и предложения, цен и параметров производственных процессов, повышению качества управленческих решений.

Ключевые слова: цифровая экономика, продовольственная безопасность, агропродовольственный комплекс, продовольственные цепочки, экономическая доступность.

Агропродовольственный комплекс стратегически важен для обеспечения продовольственной безопасности страны. Стратегия его развития нацелена на повышение эффективности, защиту экономических интересов отечественных сельхозтоваропроизводителей и обеспечение условий для устойчивого роста конечных результатов. Аграрная политика государства содержит в себе два важнейших направления, а именно: формирование стабильно функционирующей системы, а также непрерывный поиск и внедрение инновационных решений. Цифровизация аграрного сектора становится средой функционирования каждой отрасли комплекса. Уровень развития и вовлеченности цифровых технологий в агропроизводство является одним из факторов, определяющих его конкурентоспособность на мировом уровне. Цифровые технологии выступают в качестве вектора экономического роста и инновационного развития всех отраслей агропродовольственного комплекса.

Ключевые возможности сочетания реального производства и цифровых технологий в агропродовольственном комплексе состоят в следующем. Интеграция способствует консолидации всех его отраслей в рамках единой системы цепей товарно-материальных поставок и информационных потоков. Искусственный интеллект предоставляет широкий спектр возможностей для оптимизации всех звеньев производственно-сбытовых цепочек, в том числе рутинных операций, дает возможность эффективно обрабатывать большие массивы данных. Агропредприятия получают возможность коммуницировать со значительным числом поставщиков и подрядчиков, контролировать качество их работы, получать данные о состоянии производственного и складского оборудования, включенного в промышленный интернет вещей. Благодаря достижению автономности часть стандартных бизнес-процессов может выполняться без непосредственного участия человека [1, с. 199]. Синхронизация позволит обеспечить точность функционирования для всей агропродовольственной системы, включающей товарно-материальные и информационные потоки. Интеграция цифровых технологий и реальных производственно-сбытовых потоков в управлении цепочками производства добавленной стоимости еще только начинает развиваться, что является перспективным для инновационных компаний малого бизнеса, разработчиков новых программных решений. [2, с. 16]. По оценке Минсельхоза России «использование цифровых технологий в АПК позволяет повысить рентабельность сельхозпроизводства за счет точечной оптимизации затрат и более

¹ Статья подготовлена по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-010-00166).

эффективного распределения средств. Внедрение цифровой экономики позволяет снизить расходы не менее чем на 23% при внедрении комплексного подхода [3].

Внедрение цифровых технологий во всех сферах агропродовольственного комплекса имеет такие особенности, как участие в технологическом процессе живых организмов, связь режимов работы технического оборудования с растениями, животными и людьми, что приводит к случайным изменениям диктующих параметров процесса производства и неопределенностям контроля и управления в объектах сельхозназначения. [4, с. 9]. Таким образом, производственный процесс характеризуется многообразием, зависимостью от множества труднопредсказуемых факторов, распределением контролируемых объектов по большой площади.

Многие проблемы агропродовольственного комплекса могут получить решение посредством внедрения цифровых технологий. Например, высокая цена конечного продукта агропродовольственного комплекса образуется за счет низкой производительности труда, высоких издержек на этапе производства, часто необоснованно длинных сбытовых цепочек и образования торговой наценки на каждом этапе перепродажи [5, с. 282]. При этом перекупщики также несут существенные затраты на логистику. Цифровые технологии способны оптимизировать производственно-сбытовые процессы.

В процессе перехода агропродовольственного комплекса к цифровой экономике важно не допустить цифрового разрыва между секторами, отраслями и отдельными сельхозтоваропроизводителями, что может негативно отразиться на конкурентоспособности комплекса в целом, его отдельных товаропроизводителей [6, с. 27]. Главной угрозой цифровизации агропродовольственного комплекса является усиление дифференциации развития сельских территорий.

Основополагающими факторами эффективного внедрения цифровых технологий в агропродовольственном комплексе и на сельских территориях являются наличие соответствующей инфраструктуры, особенно подключения к сети Интернет, сетевого покрытия, качественной связи, электроснабжения. Не менее важны финансовая доступность цифровых технологий, уровень образования в сфере информационно-коммуникационных технологий, наличие эффективной институциональной системы управления.

Для сельских территорий агропродовольственный комплекс является главным источником социально-экономического развития. Внедрение цифровых технологий оказывает трансформирующее и усиливающееся воздействие на уклад жизни на селе, повышает требования к образованию и профессиональным компетенциям работников агропродовольственного комплекса. В его развитии велика роль молодых специалистов, соединяющих опыт предыдущих поколений, понимание необходимости инноваций, готовность их реализовывать и уровень подготовки, необходимый для решения новых задач. Поэтому очень важно обеспечить эффективную государственную поддержку молодых фермеров.

В целях получения ожидаемого эффекта от внедрения цифровых технологий необходима ориентация государственной поддержки и социально-экономической системы в целом на создание базовых и сопутствующих условий, обеспечивающих вывод отечественного агропродовольственного комплекса на новый уровень конкурентоспособного развития. Согласно «закону технологического прорыва» технологии изменяются по экспоненте, а социально-экономические трансформации носят линейный характер [7, с. 6]. Поэтому необходима активная государственная

поддержка развития сельских территорий. Представляются перспективными такие меры, как обучающие курсы по информационно-коммуникационным технологиям, создание сельских бизнес-инкубаторов, доступ к венчурным проектам, создание благоприятного делового климата для бизнеса, формирование бизнес-моделей для различных типов предприятий комплекса.

Цифровые технологии способны коренным образом изменить динамику преобразований в агропродовольственном комплексе при условии планомерного внедрения инноваций, осуществления технологической трансформации отрасли, системного вовлечения в этот процесс всех звеньев агропродовольственного комплекса, координирующего и поддерживающего действия государства.

Литература

1. Плотников А.В. Роль цифровой экономики для агропромышленного комплекса // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 196–204.
2. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 48 с.
3. Официальный сайт министерства сельского хозяйства РФ. URL: <https://mcx.gov.ru> (дата обращения 02.10.2020).
4. Трендов Н.М., Варас С., Мэн Цзэн Цифровые технологии на службе сельского хозяйства и сельских районов // **Справочный документ**. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций, Рим, 2019 год. 20 с. URL: <http://www.fao.org/3/ca4887ru/ca4887ru.pdf> (дата обращения 25.08.2020).
5. Черникова С.А. Направления развития цифровой экономики в агропромышленном комплексе // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 280–287.
6. Былина С.Г., Кадомцева М.Е., Осовин М.Н. Информатизация агропродовольственного комплекса и сельских территорий России: возможности и ограничения: монография. Саратов: Саратовский источник, 2018. 228 с.
7. Анфиногентова А.А. Управление корпорациями агропродовольственного комплекса в условиях цифровой экономики // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 1. С. 5–13.

Информация об авторе

Решетникова Наталия Владимировна (Россия, г. Саратов) – к.э.н., старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем РАН (Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: natalia.resh@mail.ru).

Reshetnikova N.V.

DIGITAL ECONOMY AND AGRICULTURAL COMPLEX: NEW OPPORTUNITIES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *The development of digital technologies in the agri-food complex provides new opportunities to increase the speed of information exchange within the system, monitor supply and demand, prices and parameters of production processes, and improve the quality of management decisions.*

Key words: *digital economy, food security, agri-food complex, food chains, economic accessibility.*

Information about the Author

Natalia V. Reshetnikova (Russia, Saratov) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences (Saratov, Moskovskaya st., 94, Natalia.Resh@mail.ru).

References

1. Plotnikov A.V. The role of the digital economy for the agro-industrial complex // Moscow Economic Journal. 2019. No. 7. S. 196–204.
2. Departmental project “Digital Agriculture”: official publication. M.: FGBNU “Rosinformagrotech”, 2019. 48 p.
3. Official website of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation <https://mcx.gov.ru> (date of treatment 10.02.2020).
4. Nikola M. Trends, Samuel Varas, Meng Zeng Digital technologies in agriculture and agriculture // Reference document. Food and Agriculture Organization, Rome, 2019. 20 s. URL: <http://www.fao.org/3/ca4887ru/ca4887ru.pdf> (date of access: 25.08.2020).
5. Chernikova S.A. Directions for the development of the digital economy in the agro-industrial complex // Moscow Economic Journal. 2019. No. 7. S. 280–287.
6. Bylina S.G., Kadomtseva M.E., Osovin M.N. Informatization of the agri-food complex and the territory of Russia: opportunities and limitations: Monograph. Saratov: Publishing house “Saratov source”, 2018. 228 p.
7. Anfinogentova A.A. Management of corporations of the agri-food complex in the digital economy // Regional agrosystems: economics and sociology. 2020. No. 1. S. 5–13.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. В работе проведен анализ состояния отрасли растениеводства в Российской Федерации и приоритетных направлений ее развития на период до 2025 года. Предложен один из методов интенсификации возделывания сельскохозяйственных культур на основе технологии лазерной стимуляции вегетирующих растений. Представлены данные о повышении урожайности культур на 15–30% в рамках апробации технологии в промышленных условиях.

Ключевые слова: растениеводство, стимуляция растений, лазерное излучение, урожайность.

Растениеводство – основная отрасль сельского хозяйства России. Во многих регионах именно развитие этой отрасли определяет их социально-экономическое благополучие, является стимулом для развития других отраслей экономики.

Размер посевных площадей в России в 2018 году составлял 79634 тыс. га. За период 2007–2018 гг. размер посевных площадей возрос на 6,6%. Увеличение посевных площадей обусловлено ростом посевных площадей технических, зерновых и зернобобовых культур при одновременном снижении посевных площадей картофеля и овощебахчевых культур, кормовых культур. За этот же период отмечается повышение урожайности картофеля, овощебахчевых и кормовых культур. Так, например, только за последние 6 лет урожайность картофеля с 1 га повысилась более чем на 22%, а овощей – более чем на 18%. При снижении посевных площадей картофеля, овощебахчевых культур повышение урожайности может быть обосновано такими факторами, как благоприятные природно-климатические условия, более активное внесение сельхозпроизводителями удобрений, использование посевного материала более высокого качества, применение инновационных технологий, а также активное применение различных химических средств с целью стимуляции роста и повышения устойчивости культур к болезням и борьбы с ними. По статистике Российского союза производителей химических средств защиты растений объемы применения пестицидов в России ежегодно увеличиваются на 6–8%. В 2018 году общее их потребление составило 156,6 тыс. т (1,96 кг на 1 га всех посевных площадей).

Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства России до 2025 года предполагает разработку и реализацию комплекса мер, позволяющих обеспечить переход к высокопродуктивному и экологически чистому агрохозяйству. В качестве основной движущей силы рассматривается переход к цифровой экономике. В сельском хозяйстве посредством использования цифровых технологий появляются возможности повысить урожайность и качество сельскохозяйственной продукции, снизить издержки сельхозпроизводства.

В Великом Новгороде группой ученых разработано устройство и технология для лазерной стимуляции вегетирующих растений. Предлагаемое инновационное оборудование и способ лазерной обработки вегетирующих растений в полной мере соответствует целям и задачам Федеральной научно-технической программы разви-

тия сельского хозяйства РФ. В основе способа лежит фотосинтез, то есть образование органического вещества под действием света. Под воздействием на хлорофилл происходит преобразование света и запуск каскадного механизма биохимических реакций, в результате увеличивается стрессоустойчивость растений, активируется рост и развитие, что и приводит к увеличению урожайности [1–3].

В Новгородской области традиционно возделываются овощные и зерновые культуры. Природно-климатические условия региона характеризуются чередующимися периодами повышенной влажности и засухливости, кроме того возможны заморозки в период созревания растений.

Полевые исследования влияния лазерного излучения на рост и развитие растений, урожайность и биохимический состав проводились на территории посевных площадей КФХ Д.П. Павлюк и Новгородского НИИСХ в 2019 и 2020 гг. В 2019 году в качестве исследуемого объекта была выбрана скороспелая капуста кольраби сорта «Укза F1» со стеблеплодом фиолетового цвета и савойская капуста сорта «Салима F1» раннего срока созревания. Обработка проводилась с применением оптико-механического блока управления лучом лазера двукратно: через сутки после высадки рассады в открытый грунт в ночное время и через 12 дней. Для облучения был использован полупроводниковый лазер со следующими параметрами: длина волны излучения 650 нм, плотность мощности излучения 44 мВт/см², вариации дозы облучения от 160 мДж/см² до 1,32 Дж/см², длительность импульсов 62,5 мкс, частота импульсов 1000 Гц, мощность излучения 150 мВт, экспозиция 30 с. В 2020 году проводилось облучение опто-механическим прибором с заявленными требованиями вегетирующих растений картофеля сорта «Гала» 4 репродукции однократно в течение 30 с.

По результатам исследования отмечено, что ни избыточная влажность при уборке кольраби и савойской капусты в 2019 году, ни засухливость 2020 года при выращивании картофеля не оказали негативного влияния на качество готовой продукции. Вместе с тем отмечалось повышение урожайности на 15–30% и увеличение сухого вещества (за счет роста количества белка на 5–8% и углеводов на 15–31%), что положительно сказывается на сохранности урожая.

Полученные данные показали, что инновационная технология стимулирует рост сельскохозяйственных культур, увеличивая массу стеблеплодов, кочанов и клубней, повышает качество урожая по биохимическому составу и токсикологии.

Литература

1. Реакция растительных организмов на воздействие квазимонохроматического света с различными длительностью, интенсивностью и длиной волны/ А.В. Будаговский [и др.] // Квантовая электроника. 2015. Т. 45. № 4. С. 345–350.
2. Даниловских М.Г., Винник Л.И. Стимуляция биосистем семян растений пространственным модулятором // Сб. ст. победителей IV международного научно-практического конкурса. 2016. С. 21–25.
3. Coogler G. The effect of red and far red light on flowering. CANNA, 2017.

Информация об авторах

Севостьянова Наталья Николаевна (Россия, г. Великий Новгород) – д.б.н., директор, ООО «НовБиотех» (173020, Российская Федерация, г. Великий Новгород, ул. Парковая, д. 14); зам. директора по научной работе, Новгородский НИИСХ (173516, Российская Федерация, Новгородская область, п. Борки, ул. Парковая, д. 2; e-mail: snn79@yandex.ru).

Трезорова Ольга Юрьевна (Россия, г. Великий Новгород) – к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого» (173003, Российская Федерация, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; e-mail: trezorova_olga@mail.ru).

Даниловских Михаил Геннадьевич (Россия, г. Великий Новгород) – к.с/х.н., доцент, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого» (173003, Российская Федерация, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41).

Жукова Мария Юрьевна (Россия, п. Борки, Новгородская область) – к.с/х.н., и.о. директора, Новгородский НИИСХ (173516, Российская Федерация, Новгородская область, п. Борки, ул. Парковая, д. 2).

**Sevostyanova N.N., Trezorova O.Yu.,
Danilovsky M.G., Zhukova M.Yu.**

MODERN TECHNOLOGIES OF THE AGRICULTURAL SECTOR AS A TOOL FOR ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. *The paper analyzes the state of the crop production industry in the Russian Federation and the priority directions of development of the industry for the period up to 2025. One of the methods of intensification of agricultural crops cultivation based on the technology of laser stimulation of vegetative plants is proposed. Data on increasing crop yields by 15-30% in the framework of testing the technology in industrial conditions are presented.*

Key words: *crop production, plant stimulation, laser radiation, crop yield.*

Information about the Authors

Natalia N. Sevostyanova (Veliky Novgorod, Russia) – d.b.s., Director, Novbiotech LLC, 173020 Veliky Novgorod, 14 Parkovaya street, building 2 of 54; Deputy Director for research, Novgorod Research Agriculture Institute (173516, Novgorod region, Borki village, 2 Parkovaya street, snn79@yandex.ru).

Olga Yu. Trezorova (Veliky Novgorod, Russia) – c.e.s., Associate Professor, Yaroslav the Wise Novgorod state University (41, Bolshaya St. Petersburg street, Veliky Novgorod, 173003, trezorova_olga@mail.ru).

Mikhail G. Danilovskikh (Veliky Novgorod, Russia) – c.a.s., Associate Professor, Yaroslav the Wise Novgorod state University (41, Bolshaya St. Petersburg street, Veliky Novgorod, 173003).

Maria Yu. Zhukova (Borki village, Novgorod region, Russia) - c.a.s., Acting Director, Novgorod Research Agriculture Institute (173516, Novgorod region, Borki village, Parkovaya str., 2).

References

1. Budagovsky A.V. Response of plant organisms to the impact of quasi-monochromatic light with different duration, intensity and wavelength / A.V. Budagovsky. N.V. Solovich, O.N. Budagovsky, I.A. Budagovsky // Quantum electronics. 2015. T. 45 No. 4. S. 345–350.
2. Danilovskij M.G., Vinnik L.I. Stimulation of plant seeds biosystems by spatial modulator // Collection of articles by the winners of IV international scientific and practical competition. 2016. Pp. 21–25.
3. Coogler G. The effect of red and far red light on flowering. CANNA, 2017.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА»

Аннотация. В статье проведен анализ результативности взаимодействия таможенных органов России и предпринимательских структур при осуществлении национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». Показаны позитивные результаты и сложности цифровизации таможни.

Ключевые слова: таможенные органы, цифровизация таможни, национальный проект.

Осуществление национального проекта «Цифровая экономика» невозможно без активного взаимодействия государственных органов и предпринимательских структур. Определенную активность и результативность в этом процессе демонстрируют Федеральная таможенная служба (ФТС) России и участники внешнеэкономической деятельности (ВЭД).

По национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» ФТС России выступает соисполнителем, ответственным за реализацию 13 мероприятий. Из них 3 мероприятия были намечены на 2019 г. и к настоящему времени успешно выполнены (табл. 1).

Таблица 1. Выполненные мероприятия

№ п/п	Наименование мероприятия	Ожидаемый результат	Вид документа	Срок
1	Внесение изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации (РФ) в части признания услуг по хранению и обработке данных (связанные непосредственно с недвижимым имуществом, находящимся на территории Российской Федерации), предоставляемых иностранным организациям и физическим лицам, не являющимся объектом налогообложения НДС	Утверждены изменения в Налоговый кодекс РФ в части признания услуг по хранению и обработке данных, предоставляемых иностранным организациям и физическим лицам, не являющимся объектом налогообложения НДС	Письмо ФТС России	30.08.2019
2	Внесение изменений в Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», определяющих, что единственным подтверждающим документом по экспортным операциям, связанным с экспортом услуг (за исключением строительных и транспортных услуг), является счет/инвойс, оформленный экспортером в одностороннем порядке, в том числе в целях обеспечения предоставления услуг по договору публичной оферты	Утверждены изменения в Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», определяющие перечень подтверждающих документов по экспортным операциям, связанным с экспортом услуг,	Письмо ФТС России	31.05.2019
3	Согласован со всеми заинтересованными участниками Комплекс мер по повышению экспортного потенциала услуг по обработке и хранению данных и облачных сервисов и утвержден в установленном порядке	Утвержден в установленном порядке Комплекс мер по повышению экспортного потенциала услуг по обработке и хранению данных и облачных сервисов	Письмо ФТС России	31.05.2019

Изменения законодательства произведены с учетом интересов экспортеров, а также иностранных организаций и физических лиц.

Одно мероприятие охватывает трехлетний период времени (2019–2021 гг.), име-

ет учебную и научную направленность и проводится с участием коллектива Российской таможенной академии (внедрение системы образования по направлению «Цифровая повестка в таможенном деле»; выполнение научно-исследовательских работ по направлению «Цифровая повестка в таможенном деле»).

Три мероприятия будут направлены на осуществление коренных изменений в технологии таможенного контроля (табл. 2).

Таблица 2. Мероприятия по осуществлению коренных изменений в технологии таможенного контроля

№ п/п	Наименование мероприятия	Ожидаемый результат	Вид документа	Срок
1	Информатизация процесса контроля правильности классификации товаров и определения страны происхождения товаров	Разработка автоматического контроля до и после выпуска товаров в части правильности классификации товаров и определения страны происхождения товаров	Функциональные требования	2022, 2023 гг.
2	Расширение возможностей получения заявителями государственной услуги по консультированию по вопросам таможенного дела, иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов, в электронной форме	Упрощение процедуры взаимодействия заявителей с таможенными органами в рамках предоставления государственной услуги по консультированию по вопросам таможенного дела, иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных органов, в электронной форме	Приказ Минфина России	Январь 2020 г.
3	Расширение возможностей подачи заявителями жалоб на решения, действия (бездействия) таможенных органов и их должностных лиц в электронной форме	Упрощение процедуры взаимодействия заявителей с таможенными органами в рамках обжалования решений, действий (бездействия) таможенных органов и их должностных лиц в электронной форме	Приказ ФТС России	Январь 2022 г.

Для реализации указанных мероприятий потребуется провести автоматизацию двух ведущих процессов таможенного регулирования и контроля (разработать автоматический контроль до и после выпуска товаров в части правильности классификации товаров и определения страны происхождения товаров), а также перевести в электронную (без непосредственного контакта) форму две процедуры взаимодействия участников внешнеэкономической деятельности или их представителей с таможенными органами. Результатом будет упрощение процедуры взаимодействия заявителей с таможенными органами.

Четыре мероприятия приведут к расширению взаимодействия ФТС России с федеральными органами исполнительной власти и с компетентными органами иностранных государств (табл. 3).

Таблица 3. Мероприятия по расширению взаимодействия ФТС России с федеральными органами исполнительной власти и с компетентными органами иностранных государств

№ п/п	Наименование мероприятия	Ожидаемый результат	Вид документа	Срок
1	Развитие межведомственного информационного взаимодействия, обеспечивающего автоматизацию контроля за соблюдением запретов и ограничений	Повышение качественного состава и объема передаваемой информации, в том числе посредством системы межведомственного электронного взаимодействия	Технологические карты межведомственного взаимодействия	До 2024 г.

№ п/п	Наименование мероприятия	Ожидаемый результат	Вид документа	Срок
2	Разработка международных договоров и иных документов, обеспечивающих защиту прав интеллектуальной собственности, соблюдение запретов и ограничений и осуществление валютного контроля	Обеспечение обмена информацией с уполномоченными государственными органами, осуществляющими деятельность по защите прав интеллектуальной собственности, соблюдению запретов и ограничений и осуществлению валютного контроля	Договоры, соглашения	До 2024 г.
3	Заключение двусторонних соглашений между ФТС России и компетентными органами зарубежных стран по предупреждению, выявлению и пресечению совершения участниками внешнеэкономической деятельности сомнительных финансовых операций	Обеспечение возможности обмена информацией и сведениями с компетентными органами иностранных государств	Соглашение	До 2024 г.
4	Организация информационного взаимодействия между ФТС России и Генеральной прокуратурой Российской Федерации в электронном виде	Передача в электронном виде в государственной автоматизированной системе правовой статистики (ГАС ПС) сведений по зарегистрированным таможенными органами сообщениям о преступлениях и возбужденным уголовным делам, а также получение из ГАС ПС сведений о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях и расследованиях уголовных дел, переданных таможенными органами по подследственности, либо в судебные органы	1.Протокол технологического взаимодействия между Генеральной прокуратурой РФ и ФТС России. 2.Протокол защиты информации в автоматизированных системах между Генеральной прокуратурой РФ и ФТС России. 3.Приказ ФТС России, регламентирующий порядок передачи данных в ГАС ПС и получение информации из нее	2024 г.

Два мероприятия будут направлены на обеспечение защищенности информации и информационно-телекоммуникационных технологий (табл. 4).

Таблица 4. Мероприятия по обеспечению защищенности информации и информационно-телекоммуникационных технологий

№ п/п	Наименование мероприятия	Ожидаемый результат	Вид документа	Срок
1	Создание Главного центра обработки данных на базе Тверской таможни, обеспечивающего стопроцентное резервирование, а также тестирование вычислительных и инженерных систем, с организованными сверхвысокоскоростными каналами передачи данных между участниками таможенных операций	Обеспечение сохранения информационных ресурсов	Письмо ФТС России	2023 г.
2	Аренда вычислительных мощностей на базе национальных центров обработки данных	Бесперебойное функционирование информационно-телекоммуникационных технологий	Доклад руководителю ФТС России	Июнь 2020 г.

Осуществление этих мероприятий приведет к улучшению обмена информацией между таможенными органами и участниками таможенных операций.

Деятельность ФТС России по осуществлению национальных проектов (программ) приводит к качественным изменениям предпринимательского климата

[1]. Предпринимательские и бизнес-структуры ощущают изменения, связанные с цифровизацией таможни. Но они также сталкиваются с рядом сложностей [2] (табл. 5).

Таблица 5. Позитивные изменения и проблемы цифровизации таможни

Позитивные изменения	Проблемы
Внедрение удаленного выпуска товаров, авторегистрации и автовыпуска товаров; развитие центров электронного декларирования (ЦЭД) и электронной таможни; запуск сервиса личного кабинета участника ВЭД; введение системы категорирования участников ВЭД и корректировка работы системы управления рисками; внедрение системы единого лицевого счета для взаимодействия с органами при оплате таможенных платежей	На практике отсутствуют должные каналы связи; в условиях отсутствия необходимости общаться с инспекторским составом у участников ВЭД нет возможности объективно защищать свою позицию, если со стороны таможни появляются дополнительные вопросы; горячая линия и hot e-mail не дают достаточную обратную реакцию; сохраняются ограничения в работе ЦЭД по региональному признаку; реально существует привязка ЦЭД к таможенным постам; для ЦЭД ограничены режимы декларирования, они работают в основном на импорт и экспорт, а сложные режимы компании вынуждены декларировать на постах контроля

Представители бизнеса выделяют ключевые пункты, выполнение которых делает взаимодействие бизнеса и таможни комфортным процессом для обеих сторон. Это, в первую очередь, необходимость обоюдной финансовой ответственности таможенных органов и участников процесса за наступление рисков несвоевременного оформления и исключение региональной привязки при декларировании в ЦЭД для всех категорий участников ВЭД.

Специалисты выделяют перспективные направления цифровой трансформации таможенной деятельности [3], отмечают, что «цифровые технологии трансформируют глобальный торговый ландшафт за счет снижения торговых издержек и обеспечения более быстрого, безопасного и надежного управления данными» [4].

Литература

1. Коварда В.В., Харланова В.Н., Реутова Ю.И. Исследование влияния деятельности таможенных органов на формирование благоприятного предпринимательского климата в России // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 2. С. 30.
2. Цифровизация таможни: последствия для бизнеса. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/comments/tsifrovizatsiya-tamozhni-posledstviya-dlya-biznesa> <https://www.rzd-partner.ru/logistics/comments/tsifrovizatsiya-tamozhni-posledstviya-dlya-biznesa/> (дата обращения 14.10.2020).
3. Антонова Е.И., Белоусова Т.И. Цифровая трансформация таможенной деятельности: основные направления // Информатизация и связь. 2019. № 5. С. 15–19.
4. Деятельность таможенных органов в условиях цифровой экономики / П.Н. Афонин [и др.] // Бюллетень инновационных технологий. 2018. Т. 2. № 4 (8). С. 17–24.

Информация об авторе

Смирнов Владимир Петрович (Россия, г. Владивосток) – кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики таможенного дела и управления, Владивостокский филиал Российской таможенной академии (690034, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Стрелковая, д. 16в; e-mail: smirnov.vladimir@vfrta.ru).

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF INTERACTION BETWEEN STATE BODIES AND BUSINESS STRUCTURES IN THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT “DIGITAL ECONOMY»

Abstract. *The article analyzes the effectiveness of interaction between Russian customs authorities and business organizations in the implementation of the national project “Digital economy of the Russian Federation”. Positive results and difficulties of customs digitalization are shown.*

Key words: *customs authorities, customs digitalization, national project.*

Information about the Author

Vladimir P. Smirnov (Vladivostok, Russian Federation) – PhD in economics, Professor of the Department of Economics of customs affairs and management, Vladivostok branch of the Russian customs Academy (690034, Vladivostok, Strelkova str., 16b; e-mail: smirnov.vladimir@vfrta.ru).

References

1. Kovarda V.V., Kharlanova V.N., Reutova Yu.I. Investigation of the influence of customs authorities on the formation of a favorable business climate in Russia. Bulletin of Eurasian science. 2019. Vol. 11. No. 2. P. 30.
2. Digitalization of customs: consequences for business. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/comments/tsifrovizatsiya-tamozhni-posledstviya-dlya-biznesa> (accessed 14.10.2020).
3. Antonova E.I., Belousova T.I. Digital transformation of customs activity: main directions. Informatization and communication. 2019. № 5. P. 15–19.
4. Afonin P.N. et al. Activities of customs authorities in the digital economy. Bulletin of innovative technologies. 2018. T. 2. № 4 (8). Pp. 17–24.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РЕГИОНЕ

Аннотация. В статье предложен и апробирован на материалах регионов СЗФО авторский подход к расчету параметров профиля цифровизации региона. Выявлены факторы, оказывающие существенное влияние на процессы цифровой трансформации регионов. Выполнена модель цифрового ландшафта, выражающая собой инструмент мониторинга и оценки цифровизации конкретных регионов.

Ключевые слова: цифровизация, методики оценки, профиль цифровизации региона.

Научными исследованиями отмечается расширение ареала цифровой трансформации отраслей и сфер хозяйственной деятельности, государственного и муниципального управления, активизировавшейся с принятием 28 июля 2017 г. Государственной программы «Цифровая экономика РФ». Международное экспертное сообщество отмечает¹ рост инвестиций в России на создание и освоение новых цифровых технологий и различных киберфизических систем, развитие широкополосного доступа. Страна вышла в лидеры в сфере информационной безопасности, формируется конкурентный телекоммуникационный рынок, построена относительно мощная и развитая цифровая инфраструктура. Такая инфраструктура позволила создать крупные отечественные и локализованные цифровые платформы и может в дальнейшем использоваться для запуска сетей подвижной связи следующего поколения (4,5G и 5G) для образования более эффективно распределенной сети центров обработки данных.

Интерес к нарождающимся технологиям в России возрастает, как и ожидание дивидендов от цифровизации, результатом которой выступает ускорение экономического роста в регионах и стране в целом. Однако ландшафт цифровизации неоднороден, как и возможности менее продвинутым регионам воспользоваться преимуществами реализации национальных программ содействия цифровой трансформации и эффективно адаптировать их на местах. Очевидным является и отставание развития цифровой инфраструктуры в удаленных и сельских районах.

Имеющиеся методики оценки цифровизации позволяют получить ее характеристики в основном на федеральном уровне и в межстрановом сопоставлении. Применяемые методики оценки уровня цифровизации не отражают в своем содержании системного подхода, позволяющего всесторонне учитывать специфику регионов и совокупность факторов, характеризующих изменения, происходящие в процессе цифровой трансформации региональной сферы жизнедеятельности. В интересах обоснования и принятия решений по управлению развитием процессов цифровой трансформации представляется, на наш взгляд, целесообразным обратиться к методике, разработанной коллективом авторов [3] под руководством профессора Л.В. Лapidус, привнося в нее некоторые дополнения, позволяющие за счет расширения числа показателей выявлять динамику изменения степени цифровизации регионов.

¹ Доклад Всемирного банка о развитии цифровой экономики в России «Конкуренция в цифровую эпоху: стратегические вызовы для Российской Федерации». URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/848071539115489168/pdf/Competing-in-the-Digital-Age-Policy-Implications-for-the-Russian-Federation-Russia-Digital-Economy-Report.pdf>

Предпринятый в исследовании расчет регионального профиля цифровизации основывается на официальных данных Росстата за ряд лет, что дает возможность построения трендов развития процессов цифровизации в конкретном регионе, а также допускает возможность сопоставимых оценок, интегрируя выделенные по избранным критериям оценки группы показателей.

Набор показателей, включаемых в расчет индекса цифрового профиля региона, составит 12 позиций. Расчет индекса профиля цифровизации региона включает последовательное выполнение трех этапов. На первом этапе происходит формирование статистической базы данных для группировки показателей и расчета относительно базового уровня, в качестве которого принимаются значения показателей по федеральному округу в целом. Для расчета используется формула:

$$K1_n = K1_i / K1_p,$$

где:

$K1_n$ – нормативное значение i -го показателя в группе;

$K1_i$ – фактическое значение i -го показателя j -го субъекта РФ;

$K1_p$ – базовое значение i -го показателя по региону в целом.

На втором этапе происходит определение профиля цифровизации региона (Ипцр) путем нахождения его интегрального показателя, используя формулу:

$$\text{Индекс} = \sqrt[n]{\prod_{i=1}^n \text{Показатель}_i}$$

На основании полученных данных осуществляется на третьем этапе дифференциация регионов на группы высокого, среднего, низкого уровней профиля цифровизации.

Апробация авторского подхода осуществлена (по данным Росстата за период 2014–2018 гг.) применительно к субъектам Северо-Западного федерального округа. Результаты представлены на рис. 1.

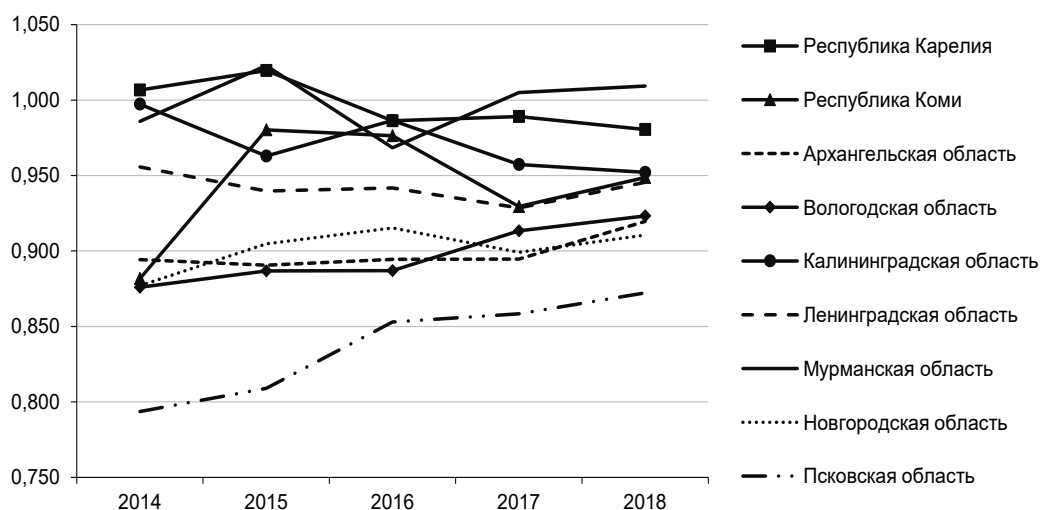

Рис. 1. Профиль цифровизации регионов СЗФО в 2014–2018 гг.

Анализ показывает, что к 2018 году возрос уровень цифровизации большинства регионов СЗФО, кроме Ленинградской и Калининградской областей, а также Республики Карелии.

Выполненный в исследовании корреляционно-регрессионный анализ показателей, используемых при расчете уровня цифровизации региона, позволил выявить 5 основных факторов, оказывающих существенное воздействие на процессы цифровой трансформации регионов, и осуществить далее их ранжирование.

Полученные результаты расчета профиля цифровизации позволяют проводить мониторинг цифровизации конкретных регионов в формате цифровых платформ. Цифровой профиль Вологодской области за 2014 и 2018 годы представлен в формате ландшафта на рис. 2.

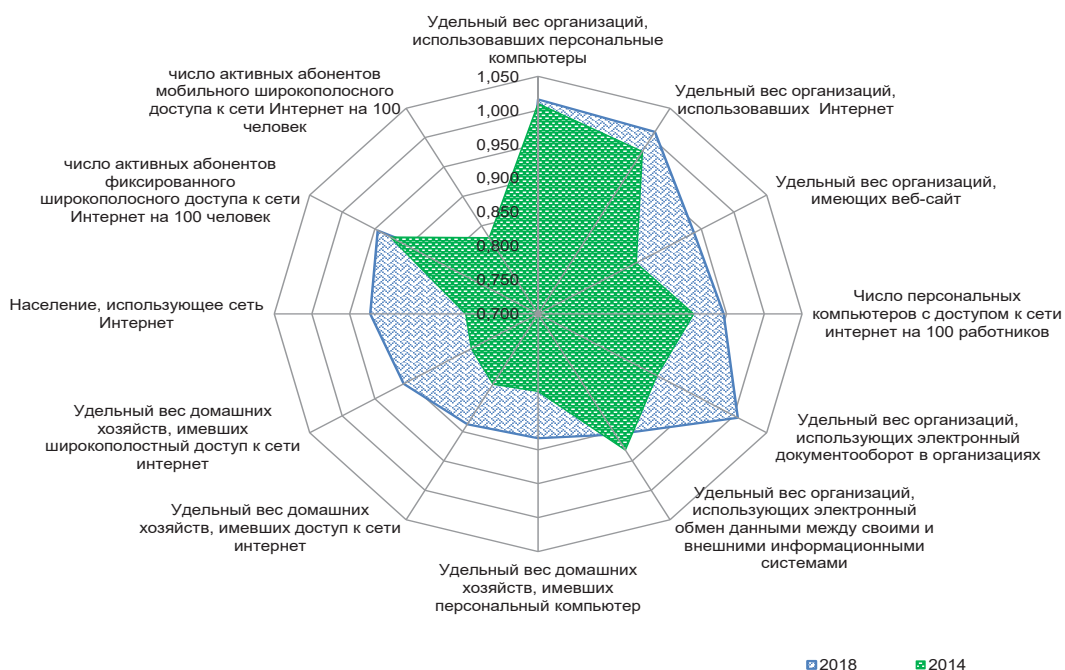

Рис. 2. Цифровой ландшафт Вологодской области в 2014 и 2018 гг.

Следующим этапом исследования выступает прогнозирование значений цифровых профилей региона на среднесрочный период.

Литература

1. Индикаторы цифровой экономики: 2020: стат. сб. / Г.И. Абдрахманова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 360 с.
2. Лapidус Л.В. Стратегии цифрового лидерства и запрос на новые компетенции цифровой экономики: основа для сотрудничества Россия – Болгария // Теория и практика проектного образования. 2019. № 3 (11). С. 51–57.
3. Лapidус Л.В., Леонтьева Л.С., Гостилович А.О. Минимальная цифровая корзина российских регионов для трансформации промышленности // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 212–228.
4. Rondinelli D.A. Applied Methods of Regional Analysis: The Spatial Dimensions of Development Policy. Abingdon: Routledge, 2019.

Информация об авторах

Советов Павел Михайлович (Россия, г. Вологда) – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления АПК, ФГБОУ ВО «Вологодская молочнотехническая академия им. Н.В. Верещагина» (160555, Российская Федерация, г. Вологда, п. Молочное, ул. Шмидта, д. 2).

Советова Надежда Павловна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационного менеджмента и управления проектами, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160015, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15).

Sovetov P. M., Sovetova N. P.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION PROCESSES IN THE REGION

Abstract. *The author's approach to calculating the parameters of the region's digitalization profile is proposed and tested on the materials of the northwestern Federal district regions. Factors that have a significant impact on the processes of digital transformation of regions are identified. A model of the digital landscape is made, which is a tool for monitoring and evaluating the digitalization of specific regions.*

Key words: *digitalization, methods of estimation, the profile of digitalization in the region.*

Information about the Author

Pavel M. Sovetov (Vologda, Russia) – doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and management of the agro-industrial complex, Vologda dairy Academy named after N. V. Vereshchagin (16000, Vologda, p. Molochnoe, Schmidt street, 2).

Nadezhda P. Sovetova (Vologda, Russia) – candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of innovation management and project management, Vologda state University (160015, Vologda, 15, Lenin street).

References

1. Indicators of the digital economy: 2020: statistical collection / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg [et al.]; NAT. research. Higher school of Economics. Moscow: HSE, 2020. 360 c.
2. Lapidus L.V. digital leadership Strategies and a request for new competencies in the digital economy: the basis for cooperation between Russia and Bulgaria // Theory and practice of project education. 2019. No. 3 (11). Pp. 51–57.
3. Lapidus L.V., Leontieva L.S., Gostilovich A.O. Minimal digital basket of Russian regions for industrial transformation // Public administration. Electronic Bulletin. 2019. No. 77. Pp. 212–228.
4. Rondinelli D.A. Applied Methods of Regional Analysis: The Spatial Dimensions of Development Policy. Abingdon: Routledge, 2019.

НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Аннотация. При переходе модели российской экономики к цифровизации актуализируются исследования формирования инфраструктуры поддержки различных сфер предпринимательской деятельности в новых условиях. Особое место здесь занимает молодежное инновационное предпринимательство, обладающее институциональной спецификой развития.

Ключевые слова: государственная поддержка, инновационная инфраструктура, инновационное предпринимательство, инфраструктура поддержки предпринимательства, молодежное предпринимательство.

Несмотря на существующую систему поддержки молодежного инновационного предпринимательства (МИП) в нашей стране, молодые предприниматели сталкиваются со множеством проблем, сдерживающих развитие данной сферы. Особое влияние здесь оказывают макроэкономические проблемы, связанные с глобальными экономическими и политическими вызовами, пандемия COVID-19, низкая инвестиционная и инновационная активность хозяйствующих субъектов, снижение ликвидности и рост кредитных неплатежей, наблюдаемые в финансовом секторе и обществе.

Важным аспектом государственного регулирования и поддержки исследуемого направления предпринимательства является не только предоставление различного рода гарантий, льгот и субсидий, но и создание эффективной инфраструктуры, стимулирующей развитие инновационных предпринимателей. С ее помощью государство формирует благоприятную среду для развития молодых предпринимателей, обеспечивает их позитивное восприятие в обществе, гарантирует защиту прав, поддерживает конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках.

В России термин «молодежное предпринимательство» начал формализовываться с 1993 г., а на современном этапе зачастую исследователями используется определение, закрепленное в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р), звучащее как «предпринимательская деятельность граждан в возрасте до 30 лет, а также юридических лиц (субъектов МСП), средний возраст штатных работников которых, а также возраст руководителя не превышает 30 лет либо в уставном (складочном) капитале которых доля вкладов лиц не старше 30 лет превышает 75%». Отметим, что по данным оргкомитета Всероссийской переписи населения 2020 г. в стране живут 24,3 млн чел. в возрасте 15–29 лет или 16,5% от всего населения страны, что представляет значительный кадровый потенциал для активизации инновационной деятельности. Если мы возьмем хотя бы 1% от данного числа, то при должном уровне поддержки государство может получить более 240 тыс. предпринимателей.

Вопросам развития молодежного инновационного предпринимательства посвящены работы многих авторов, однако юридически закрепленное определение данного

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта №20-514-00005.

понятия до сих пор не появилось [3]. Как следствие, формирование инфраструктуры поддержки данного вида предпринимательской деятельности сталкивается как с «размытием» самого объекта воздействия, так и слабым учетом специфики его развития.

Современная модель социально-экономического развития страны ориентируется не только на широкое внедрение инноваций, но и цифровизацию различных аспектов хозяйственной деятельности (рисунок). С учетом данных тенденций будут трансформироваться содержание и принципы функционирования инфраструктуры поддержки МИП.

Нормативная основа формирования моделей экономического развития Российской Федерации [2, с. 20]

Инфраструктура поддержки МСП может определяться как «совокупность государственных, негосударственных, общественных, образовательных, коммерческих организаций, непосредственно обеспечивающую нормальные условия жизнедеятельности (оперативное оказание услуг) и процесс воспроизводства малого бизнеса в целом» [1, с. 1434]. На практике элементы инфраструктуры поддержки МИП преимущественно нацелены на информационно-консультационную и методическую помощь в создании и функционировании субъектов предпринимательства, что в текущих реалиях явно недостаточно.

Учитывая, что в условиях цифровой экономики меняется содержание инновационной деятельности, а под инновацией может пониматься производительное применение научно-технической информации (НТИ) [4, с. 41], субъектам МИП целесообразно ориентироваться именно на максимизацию производства НТИ, а инфраструктура его поддержки должна создавать максимальные условия для ее производительного применения (доведение до реального сектора, выход на рынки, решение конкретных управленческих и технологических задач и др.). Это позволит создавать рынок инновационных товаров и услуг, обеспечивая непрерывную коммерциализацию результатов деятельности субъектов МИП. Таким образом, уместно говорить об ориентации на формирование инновационной инфраструктуры МИП,

целью которой является ускорение генерации и обмена НТИ между участниками инновационной деятельности (государство, бизнес, предпринимательские структуры, наука и образование) при активном применении информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Инфраструктура поддержки МИП может содержать элементы, имеющие государственную и частную основу функционирования, ориентированные на стимулирование инновационной компоненты в деятельности субъектов молодежного предпринимательства. Подобная инновационная инфраструктура будет представлять систему временных клиентальных ресурсонесущих отношений, обеспечивающих генерацию НТИ и ее производительное применение [2, с. 24]. Государственные и частные элементы будут формировать институциональную основу поддержки и включать юридически формализованные структуры, оказывающие всестороннюю помощь МИП (производственно-технологическая, консалтинговая, финансовая, кадровая, информационная, сбытовая инфраструктура). Инновационный элемент будет более гибким и базироваться на управленческой модели «Ресурсократ – Клиент», реализуемой посредством сетевого взаимодействия участников при активном использовании ИКТ. «Ресурсократом» здесь выступают отдельные представители государства, бизнеса, науки и образования, а «клиентом» – субъекты МИП, реализующие конкретные цели и задачи «Ресурсократа» в инновационной сфере [2].

Литература

1. Руденко Л.Г. Модель инфраструктурной поддержки малого предпринимательства // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 10. С. 1431–1442.
2. Соколов М.С. Трансформация понятия инновационная инфраструктура: предпосылки, реальность и перспективы // Друкеровский вестник. 2019. № 5 (31). С. 19–25.
3. Соколов М.С., Айвазов С.Ю. Развитие молодежного инновационного предпринимательства в условиях формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства // АНИ: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 298–301.
4. Нижегородцев Р.М. Экономика инноваций: учебное пособие. 2-е изд., исправл. и доп. М.: РУСАЙНС, 2016. 154 с.

Информация об авторе

Соколов Максим Сергеевич (Россия, г. Москва) – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: maxim-sokolof@mail.ru).

Sokolov M.S.

THE FORMATION OF INFRASTRUCTURE TO SUPPORT YOUTH INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *During the transition of the Russian economy model to digitalization, research on the formation of infrastructure to support various areas of entrepreneurial activity. A special place here is occupied by youth innovative entrepreneurship, which has an institutional specificity of development.*

Key words: *State support, innovative infrastructure, innovative entrepreneurship, entrepreneurship support infrastructure, youth entrepreneurship.*

Information about the Author

Maxim S. Sokolov (Russia, Moscow) – Candidate of Economic Sciences, associate Professor of the Department of State and Municipal Administration at the Plekhanov Russian University of Economics (117997, Russian Federation, Moscow, Stremyanny lane, 36, maxim-sokolof@mail.ru).

References

1. Rudenko L.G. Model' infrastrukturnoy podderzhki malogo predprinimatel'stva // Rossiyskoe predprinimatel'stvo. 2015. T. 16. № 10. S. 1431–1442.
2. Sokolov M.S. Transformatsiya ponyatiya innovatsionnaya infrastruktura: predposylki, real'nost' i perspektivy // Drukerovskiy vestnik. 2019. № 5 (31). S. 19–25.
3. Sokolov M.S., Ayvazov S.Yu. Razvitie molodezhnogo innovatsionnogo predprinimatel'stva v usloviyakh formirovaniya edinogo nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva Soyuznogo gosudarstva // ANI: ekonomika i upravlenie. 2019. № 1 (26). S. 298–301.
4. Ekonomika innovatsiy: uchebnoe posobie / R.M. Nizhegorodtsev. 2-e izd., ispravl. i dop. Moskva: RUSAYNS, 2016. 154 s.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ¹

Аннотация. *Целью настоящей работы является исследование проблем формирования промышленной политики РФ в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики и обоснование направлений государственного регулирования промышленного сектора. В докладе обобщаются теоретико-методологические основы формирования промышленной политики; проводится анализ зарубежного опыта реализации государственной промышленной политики в условиях научно-технологических изменений, определяются направления государственного регулирования промышленного сектора РФ политики в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики.*

Ключевые слова: *промышленность, промышленная политика, индустриализация, цифровая экономика.*

В последние 15 лет темпы роста экономики России были обусловлены прежде всего расширением участия страны в мировых сырьевых и энергетических рынках. В настоящее время возможности экономического роста за счет этих факторов в основном исчерпаны.

Стоящие перед Россией задачи качественного обновления всех сторон социально-экономической и общественно-политической жизни диктуются как внешними «большими вызовами» глобального характера, так и внутренними процессами.

В числе таких вызовов: а) введение в 2014 году секторальных санкций со стороны ЕС и США, обнаружившее целый ряд сфер деятельности, в которых Россия пока не в силах конкурировать; б) падение мировых цен на нефть в 2015 году усилило системный экономический кризис; в) состояние и динамика мировой экономики (замедление темпов роста мировой экономики).

Внутренние факторы: 1) зависимость национальной экономики от экспорта энергоносителей; 2) стагнация российской экономики; 3) низкий уровень производительности труда; 4) критический износ оборудования; 5) малое количество высокотехнологичных, наукоемких производств, способных генерировать добавленную стоимость. Все это делает реальной угрозой дальнейшего отставания России от передовых стран в разработке и внедрении перспективных технологий. В этих условиях трудно обеспечить рост производства и производительности труда, конкурентоспособность выпускаемой продукции и экономики в целом. Один из возможных путей решения обозначенных проблем, а также ответ на вызовы видится в новой индустриализации [1]. Она особо значима для промышленных областей СЗФО, прежде всего для Вологодской области. В результате «шоковой терапии» 1990-х гг. и свободной торговли обрабатывающая промышленность региона, как и страны в целом, была практически уничтожена. Рыночные реформы, которые сопровождались массовым закрытием предприятий ввиду их неконкурентности, преимущественным развитием добывающих отраслей, резким сокращением производства высокотехно-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-3098.2019.6).

логичной гражданской продукции, существенно подорвали основу материального производства. Масштабная приватизация привела к разрушению производственно-технологических кооперационных связей, следствием которого стало падение объемов и эффективности производства, капиталовложений. В результате объем ВВП России достиг уровня 1990 г. только в 2005 году. Либерализация цен, с одной стороны, позволила преодолеть товарный дефицит, а с другой – вызвала рост инфляции, разрушивший хозяйственные механизмы, а также обесценила оборотные средства предприятий.

Наибольший спад промышленного производства наблюдался в середине 1990-х годов и в 2009 г. Это хорошо видно по динамике индекса промышленного производства РФ и Вологодской области (таблица). В целом за исследуемый период индекс промышленного производства незначительно превысил уровень 1990 г., а в черной металлургии этот показатель оказался ниже.

**Индексы промышленного производства Вологодской области
по видам экономической деятельности (1990 – 100%)**

Отрасль	1992 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.		2016 г.	
	Вол. обл.	РФ	Вол. обл.	РФ	Вол. обл.	РФ	Вол. обл.	РФ	Вол. обл.	РФ
Черная металлургия	90,0	82,3	80,9	66,8	112,4	87,5	118,6	92,2	95,4	95
Химическая промышленность	72,0	79,0	111,5	69,7	117,1	81,9	114,8	91,2	116,7	122,8
Машиностроение и металлообработка	95,5	84,4	109,3	32,3	150,6	44,9	150,5	48,7	107,4	45,7
Электроэнергетика	–	79,8	414,8	45,2	325,4	116,1	132,0	111,5	106,4	119,2
Лесная, деревообрабатывающая	102,0	78,7	73,3	37,4	129,7	48,5	117,3	47,3	109,8	50,9
Пищевая	78,0	80,0	65,5	54,6	116,5	75,2	117,5	91,4	105,5	106,4

Вместе с тем динамика индекса промышленного производства стран СНГ и Прибалтики, т.е. стран, переживающих, как и Россия, трансформационный период, позволяет заключить, что их траектории за четверть века отчетливо разделились на два кластера. Три республики вырвались вверх. Среди них лидирует Узбекистан, достигший 495%. Затем идут Туркменистан и Беларусь. Остальные государства находятся на уровне 100% или ниже по сравнению с дореформенным уровнем. У России – 105.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что определяющую роль в промышленной динамике играет реализуемая промышленная политика. Экспортно-сырьевая модель российской экономики должна уступить место неоиндустриальной. России требуется целенаправленное развитие материального производства, увеличение части индустриальной составляющей в ее структуре, необходимо развитие высокотехнологической обрабатывающей промышленности, осуществление глубокой переработки первичного сырья, чтобы вернуть свои былые позиции высокоразвитой в научно-техническом плане страны. При этом важнейшим инструментом перехода на модель неоиндустриального развития выступает научно обоснованная промышленная политика.

Целью настоящей работы является исследование проблем формирования региональной промышленной политики в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики и обоснование направлений государственного регулирования промышленного сектора РФ. Задачи исследования – обобщение теорети-

ко-методологических основ формирования промышленной политики; анализ зарубежного опыта реализации государственной промышленной политики в условиях научно-технологических изменений, определение направлений государственного регулирования промышленного сектора РФ, политики в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики.

Содержание промышленной политики, формы и методы ее проведения определяются многими факторами, среди которых важнейшими являются стадия развития общества, уровень социально-экономического развития государства, менталитет населения, сформировавшаяся институциональная среда, структурные пропорции экономики [2].

Изучение эволюции развития промышленной политики позволяет сделать вывод о том, что субъектом проведения промышленной политики, сформировавшейся в эпоху индустриализации в XIX в., являлось государство. В этот период технико-технологические средства рассматривались в качестве основного инструмента решения важнейших социально-политических задач [3].

Промышленная политика в европейских странах (Industrial policy), сформировавшаяся еще в XIX в., трактовалась как политика по поддержке отдельных важнейших на разных этапах развития секторов экономики (например, в США естественно звучат формулировки «индустриальная политика в АПК» или «индустриальная политика в туристическом бизнесе» и др.). О. Грэм определяет промышленную политику как заявленные государством официальные действия стратегического характера в целях стимулирования развития отраслей и изменения структуры промышленности [4]. Д. Родрик рассматривает промышленную политику как государственную политику, поддерживающую отдельные специфические виды деятельности и способствующую структурным изменениям [5]. В России сложилось специфическое понимание промышленной политики. В отличие от «industrial policy», она стала трактоваться как «государственная политика в области промышленности», «государственная поддержка промышленности», «политика промышленного развития» и т. д.

В официальных документах новой России понятие «промышленная политика» впервые было введено в оборот в 1993 г. в связи с принятием концепции указанной политики в оборонно-промышленном комплексе РФ. Но в главном экономическом документе страны – «Стратегии развития РФ до 2010 года» – данное понятие уже не фигурировало. В последующих официальных документах промышленная политика трактуется как система мер по поддержке отдельных отраслей промышленности или хозяйствующих субъектов в этой области, без акцента на структурном аспекте. Подчеркнем, что в течение всего трансформационного периода в России федеральный закон о промышленной политике не принят. И после дефолта 1998 г. региональные органы государственной власти формировали собственные концепции промышленного развития с учетом особенностей конкретных территорий.

По мнению д.э.н. О.А. Романовой, данные документы не были основаны на общих принципах, не имели общей цели, не согласовывались с приоритетами федерального уровня и не содержали согласованных механизмов реализации промышленной политики [6]. В то же время тип промышленной политики и способы ее реализации оказывают серьезное влияние на результаты экономического развития регионов.

Необходимость разработки и реализации политики новой индустриализации, запуска ее процессов у большинства видных ученых современности не вызывает

серьезных вопросов. Однако научная парадигма новой индустриализации находится в стадии формирования. Современные ученые и практики признают факт накопления в мире громадного технологического потенциала, позволяющего совершить рывок в направлении повышения качества жизни людей, модернизации экономики, инфраструктуры и государственного управления.

В мире все больше усиливается глобальная конкуренция на рынках производственных технологий. Поддержание вектора четвертой промышленной революции формирует соответствующую промышленную политику, которая находит отражение в реализации различными странами программ, направленных на наращивание научно-технологического и промышленного потенциала, совершенствование инновационной системы, обновление технической базы.

Отдельные результаты четвертой промышленной революции прогнозируются уже сегодня. В первую очередь это факторы цифровой экономики, обеспечивающие индустриальные предприятия: локальными и глобальными информационными сетями; линиями высокоскоростной передачи данных в сети Интернет; веб-сайтами; персональными компьютерами и ЭВМ других типов; специальными программными средствами; CRM-, ERP-, SCM-системами; средствами цифровой защиты информации и информационной безопасности; системами электронного документооборота, автоматического обмена данными между своими и внешними информационными системами, «облачными» сервисами; специалистами по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ).

В 2017 г. в стране была разработана и принята программа «Цифровая экономика» (сейчас национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»). Ведется и разработка программ регионального уровня. Подобные концепции, как правило, содержат цели и план работ по модернизации существующих производств на основе новых цифровых технологий, создание и развитие предприятий в информационно-коммуникационной сфере, формирование в стране соответствующей инфраструктуры и правовой базы.

Развитие российского производства в условиях перехода к цифровой экономике потребует в ближайшей перспективе решения вопросов, связанных с радикальной технологической модернизацией традиционных секторов российской экономики, поддержкой поставщиков технологических решений для промышленного сектора экономики, подготовкой кадров для качественно новой индустрии и содействием переходу к новой организации бизнес-процессов на промышленных предприятиях. Реализация такого курса совпадает с общим глобальным трендом – новой индустриализацией, которая определяет основное содержание промышленной политики развитых стран мира. Учитывая сложившуюся структуру российской экономики, текущий уровень развития национальной инновационной системы, можно заключить, что переход страны к качественно новой экономической, индустриальной и технологической парадигме будет зависеть от скоординированной реализации мер по целому ряду направлений.

Продвижение в решении данного вопроса невозможно без разработки и реализации адекватной поставленным задачам государственной промышленной политики. Она должна обеспечить формирование гармоничных пропорций в экономике путем разработки и проведения комплекса мер государственного регулирования на макро-, мезо- и микроуровнях [7].

В таком контексте в рамках промышленной политики должны быть сформированы две группы структурных приоритетов. Первая группа должна быть ориентирована на опережающее развитие промышленного потенциала, обеспечивающего высокую конкурентоспособность России в принципиально новых технологических областях. Сегодня Россия имеет возможность встраиваться в глобальные цепочки добавленной стоимости в таких отраслях, как судостроение, атомная энергетика, авиакосмическая отрасль, информационные и телекоммуникационные технологии. Вторая группа приоритетов должна обеспечивать широкомасштабную технологическую модернизацию важнейших секторов экономики – их перевооружение и динамичное развитие, преодоление технологического отставания и импортной зависимости от зарубежных производителей оборудования, в том числе путем выстраивания собственных воспроизводственных цепочек.

Развитие промышленного комплекса РФ требует в ближайшей перспективе решения вопросов, связанных с продуктивным включением в четвертую промышленную революцию с целью осуществления структурного маневра в экономике, радикальной технологической модернизацией традиционных секторов российской экономики, поддержкой поставщиков технологических решений для промышленного сектора экономики и содействием переходу к новой организации бизнес-процессов на промышленных предприятиях [8]. Реализация такого курса совпадает с общим глобальным трендом – новой индустриализацией, которая определяет основное содержание промышленной политики развитых стран мира. Учитывая сложившуюся структуру российской экономики, текущий уровень развития национальной инновационной системы, можно заключить, что переход страны к качественно новой экономической, индустриальной и технологической парадигме будет зависеть от скоординированной реализации мер по целому ряду направлений промышленной политики. К ним следует отнести технологическую модернизацию традиционных для российской экономики отраслей, прежде всего промышленности. Развитие новых высокотехнологичных секторов промышленности будет способствовать выходу страны на новые рынки, перезапуску системы управления НИОКР, реорганизации институтов развития, а также сквозной «цифровизации» реальной экономики.

Литература

1. Губанов С.С. Новая индустриализация в определении профессора // Экономист. URL: <http://www.economist.com.ru/neoindustrial.htm>
2. Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2. С. 9–21.
3. Романова О.А. Конкурентоспособность и государственная промышленная политика // Вестник УГТУ-УПИ. 2008. № 1. С. 32–40.
4. Graham O.L. Losing Time: The industrial Policy Debate. Harvard University Press, 1994. 384 с. 18.
5. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century. Harvard University, 2004. URL: <http://www.hks.harvard.edu/fs/drodrik/Research%20papers/UNIDOSep.pdf>
6. Романова О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. 2011. № 2. С. 40–48.
7. Ленчук Е.Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3. С. 132–143.

8. Усков В.С. Развитие промышленного сектора РФ в условиях новой технологической революции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 128–146. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.8

Информация об авторе

Усков Владимир Сергеевич (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru).

Uskov V.S.

FORMATION OF INDUSTRIAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL CHANGES AND DIGITALIZATION OF ECONOMY

Abstract. *The aim of this work is to study the problems of formation of the industrial policy of the Russian Federation in the conditions of scientific and technological changes and digitalization of the economy and the substantiation of the directions of state regulation of the industrial sector of the Russian Federation. The report summarizes the theoretical and methodological foundations of the formation of industrial policy; The analysis of foreign experience in the implementation of state industrial policy in the context of scientific and technological changes is carried out, the directions of state regulation of the industrial sector of the Russian Federation in the conditions of scientific and technological changes and digitalization of the economy are determined.*

Key words: *industry, industrial policy, industrialization, digital economy.*

Information about the Author

Vladimir S. Uskov– PhD in Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo, 56a; e-mail: v-uskov @ yandex.ru).

References

1. Gubanov S.S. New industrialization in the definition of the professor. Internet portal of the journal “Economist”. URL: <http://www.economist.com.ru/neoindustrial.htm>
2. Tatarkin A.I., Romanova O.A. Industrial policy: genesis, regional features and legislative support. Economy of the region. 2014. No. 2. S. 9–21.
3. Romanova O.A. Competitiveness and state industrial policy. Bulletin of USTU-UI. 2008. No. 1. S. 32–40.
4. Graham O.L. Losing Time: The industrial Policy Debate. Harvard University Press, 1994. 384 p. 18.
5. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century. Harvard University, 2004. URL: <http://www.hks.harvard.edu/fs/drodrik/Research%20papers/UNIDOSep.pdf>
6. Romanova O.A. Conditions and factors of structural modernization of the regional industrial system. Economy of the region. 2011. No. 2. Pp. 40–48.
7. Lenchuk Ye.B. Course towards new industrialization – a global trend of economic development. Problems of forecasting. 2016. No. 3. S. 132–143.
8. Uskov V.S. Development of the industrial sector of the Russian Federation in the context of a new technological revolution. Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2019. Vol. 12. No. 2. P. 128–146. DOI: 10.15838 / esc.2019.2.62.8

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ: БАРЬЕРЫ И СТИМУЛЫ¹

Аннотация. Показана актуальность изучения социальных инноваций, выделены этапы эволюции исследований в этой области. Представлены результаты социологического исследования, проведенного в форме углубленных интервью с социальными инноваторами СЗФО. Обозначены стимулы и барьеры, способствующие и препятствующие созданию социальных инноваций.

Ключевые слова: социальные инновации, барьеры, стимулы, углубленные интервью.

В настоящее время все чаще речь идет о социальных инновациях и социальном предпринимательстве. В соответствии с результатами исследования «Социальный предприниматель РФ: автопортрет-2018», посвященного изучению ценностей и мотивации деятельности современного российского социального предпринимателя, было показано, что примерно 70% опрошенных разделяют точку зрения о решении бизнесом наряду с государством острых социальных проблем [4]. Однако только у каждого третьего социального предпринимателя речь шла о действиях в интересах социально незащищенных групп населения, например о создании рабочих мест для инвалидов [4]. В соответствии с результатами исследования ВЦИОМ [1] каждый четвертый выражал готовность приступить к реализации инновационных идей в случае оказания поддержки со стороны государства. Несмотря на обозначенное выше, на практике инновационная активность населения оставалась крайне невысокой, в ряде случаев население проявляло себя в инновационном плане лишь при наличии запроса. В связи с этим цель заключается в выявлении драйверов и барьеров, способствующих и препятствующих разработке и реализации социальных инноваций.

Исследования по проблематике социальных инноваций в отдельных источниках, например у Роберта ван дер Хэйв и Л. Рубалкабы [6], делят на два периода: тот, в котором наблюдался низкий исследовательский интерес к социальным инновациям (1986–2003 гг.), и тот, когда, напротив, растет (с 2003 г.) число публикаций по данному вопросу. Интерес к данной проблематике выразился не только в росте публикационной активности, но и в увеличении количества направлений, по которым проводились исследования. Обращалось внимание не только на аспекты, связанные с теоретическими моделями социальных инноваций, но и на совершенствование подходов к исследованию, на анализ конкретных кейсов социальных инноваций [2]. Содержательно затрагивая вопрос о концепциях в проводимых исследованиях, в общем виде можно говорить как минимум о двух: неолиберальной, в рамках которой на первый план выходит регулирование на основе рыночного механизма, а роль государства сводится к косвенному воздействию на создание социальных инноваций посредством формирования необходимой среды для этого (налоговых стимулов, льгот, повышения инвестиционной привлекательности социальных сфер [5]), и той, в рамках которой речь идет о провалах рынка, невозможности достижения Парето-эффективности вследствие, например, нестабильности рынка, информационной асимметрии, несовершенства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00717.

институциональной среды [3]. Тем не менее признается, что и государство не всегда в полной мере может справиться с «изъянами рынка», а экономические агенты в ряде случаев могут даже нести издержки от такого вмешательства [2].

В рамках исследования проведены углубленные интервью с социальными инноваторами в регионах Северо-Западного федерального округа в апреле – июле 2019 года, средняя продолжительность которых составила 1–1,5 часа. Респонденты отбирались методом простого случайного отбора, принимая во внимание охват всех субъектов СЗФО и максимальное разнообразие сфер деятельности (повышение качества жизни пенсионеров, дополнительное и дошкольное образование детей, в т.ч. детей-инвалидов и др.), а также учитывая информацию с сайтов центров инноваций социальной сферы и социальных сетей, итоги региональных конкурсов социальных проектов.

Обращаясь к полученным результатам, отметим, что в исследовании показано, что одни и те же факторы могут выступать как драйверами, так и барьерами к созданию инноваций. Например, в качестве одного из барьеров называлось отсутствие помощи со стороны органов власти («никакой роли, поддержки не оказывают»), невысокий уровень взаимодействия между властью, бизнесом, гражданским обществом, научно-образовательными структурами («самый низкий балл по пятибалльной шкале», уровень взаимодействия «оценен на 2 балла по пятибалльной шкале»). В то время как часть социальных инноваторов придерживалась другой позиции, отмечая важную роль «поддержки постоянных партнеров, которые имеют общие интересы...», «поддержки команды и клиентов» и др.

Еще одна группа барьеров связана с финансированием, с недостаточной обеспеченностью финансовыми ресурсами в противовес, например, «государственному субсидированию», с неиспользованием грантовых источников (знаю о существовании грантов и всего остального, до них не дошли, все делали самостоятельно...), с недоступностью отдельных проектов для социальных инноваторов (практически все конкурсы нацелены на НКО, а соцпредприниматели не всегда являются НКО и хотят быть НКО). Встречается и обратная ситуация, когда, напротив, привлекаются грантовые источники («идею хорошо оформишь, выиграешь грант, дороги нет назад... должен выполнить...», «выигрываем гранты: федеральные, областные...»), и это выступает стимулом для создания и распространения социальных инноваций. В некоторых ситуациях речь идет и об использовании собственных средств, о независимости от финансовой поддержки, об использовании членских взносов.

Барьеры, оказывающие влияние на создание и распространение социальных инноваций, связаны с уровнем знаний, умений и навыков как непосредственно социальных инноваторов («сложность была в незнании... как организовать», помимо этого имело место «незнание законов <когда создавался проект>, все, что связано с налоговой, с бухгалтерией»), так и населения в целом. Наряду с наличием / отсутствием знаний и навыков речь заходила и о проблемах с обеспеченностью кадрами («большое количество мероприятий и недостаточное количество сотрудников для их проведения и передачи опыта коллегам в регионе»). Относительно второго аспекта отмечалось, что в самом обществе отсутствуют специалисты, обладающие необходимым уровнем знаний, а также методических наработок по проблематике проектов социальных инноваций («не готово общество, нет доступной среды, нет методик, нет программ, педагоги не знают, как работать с такими детьми»). С другой стороны, следует подчеркнуть, что в ряде случаев кадры выступали стимулом для развития социальных инноваций в

силу накопленного опыта («был опыт общественной и предпринимательской деятельности», стаж работы организации насчитывал уже 16 лет, а количество поддержанных и реализованных программ и проектов было не менее 20), наличия образования (в организации работали кандидаты наук, преподаватели и студенты профильных вузов»), позволяющего разрабатывать такие проекты. Помимо этого следует отметить участие в различных программах, направленных на повышение профессионального уровня («нам пришлось учиться <приобретать предпринимательский и управленческий опыт>... нам помогали ... для нас организовывали курсы обучения... от губернатора нас выбрали на обучение в Москву... мы два месяца занимались и учились очень активно... круглосуточно... семинары, вебинары... получали управленческие и предпринимательские навыки, то, чего не хватает).

Помимо этого, среди драйверов можно выделить наличие идеи, реализацию миссии, активность руководителя, в т.ч. связанную с распространением информации о деятельности организации, наличие разных видов ресурсов (человеческих, информационных, инфраструктурных и др.), которые являются либо собственными, либо привлеченными, разработка уникальной продукции, а иногда и ее сертификация. Наряду с этим также следует отметить отдельные институциональные аспекты, связанные, например, с «созданием Ассоциации волонтерских центров, особым вниманием со стороны СМИ к волонтерским инициативам, объявление 2018 года – Годом добровольца (волонтера)».

Обобщая, отметим следующее: несмотря на понимание большей частью населения необходимости решения бизнесом социальных проблем, только треть опрошенных склонна действовать в интересах социально незащищенных групп населения, каждый четвертый выражал готовность приступить к реализации инновационных идей в случае оказания поддержки со стороны государства. Отмечено два этапа, на протяжении одного из которых (1986–2003 гг.) наблюдался низкий исследовательский интерес к социальным инновациям, и тот, когда, напротив, увеличилось (с 2003 г.) число публикаций по данному вопросу. В общем виде выделено две концепции – неолиберальная и концепция провалов рынка, в рамках которых объясняется роль рыночного механизма и государства в стимулировании разработки и распространения социальных инноваций.

Проведено социологическое исследование развития экосистемы социальных инноваций методом простого случайного отбора, согласно разработанному инструментарию, в регионах Северо-Западного федерального округа в апреле – июле 2019 года. Выявлены барьеры и стимулы, препятствующие и способствующие внедрению социальных инноваций. Показано, что среди первых выделяются отсутствие помощи со стороны органов власти, невысокий уровень взаимодействия между властью, бизнесом, гражданским обществом, научно-образовательными структурами, недостаточный уровень знаний, умений и навыков социальных инноваторов, недостаточная обеспеченность финансовыми ресурсами.

Литература

1. Инновации в России: от идей – к практике. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=343> (дата обращения 12.03.2020).
2. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Формирование и развитие теории социальных инноваций: ретроспективный анализ // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2019. Т. 29. Вып. 4.

3. Рубинштейн А.Я. Введение в общую теорию изъёмов рынка смешанной экономики // Пространственная экономика. 2016. № 4–5 (48).
4. Социальный предприниматель – 2018. Автопортрет: краткий аналитический отчет по результатам исследования. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4e7/socialnyj_predprinimatel_2018_avtoportret.pdf (дата обращения 12.03.2020).
5. Terstriep J., Totterdill P. Economic foundation of social innovation: new modes of policy production. Proceedings of 9th Regional Innovation Policies Conference University of Stavanger. October, 2014.
6. Van der Have R.P., Rubalcaba L. Social Innovation Research: “An Emerging Area of Innovation Studies” / Research Policy. 2016. № 45 (9). P. 1923–1935

Информация об авторе

Устинова Ксения Александровна (Россия, г. Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией инновационной экономики, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru).

Ustinova K.A.

SOCIAL INNOVATIONS: INCENTIVES AND BARRIERS TO THEIR CREATION

Abstract. *The relevance of studying social innovations is shown, and the stages of research evolution in this area are highlighted. The results of a sociological study conducted in the form of in-depth interviews with social innovators of the northwestern Federal district are presented. Incentives and barriers that promote and hinder the creation of social innovations are identified.*

Key words: *social innovations, barriers, incentives, in-depth interviews.*

Information about the Author

Kseniya A. Ustinova – PhD in Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo, 56a, ustinova-kseniya@yandex.ru).

References

1. Innovations in Russia: from ideas to practice. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=343> (accessed: 12.03.2020).
2. Popov E. V., Veretennikova A. Yu., Omonov Zh. K. Formation and development of the theory of social innovations: a retrospective analysis // Bulletin of Udmurt University. Ser. Economics and law. 2019. Vol. 29. Iss. 4.
3. Rubinstein A. ya. Introduction to the General theory of defects of the mixed economy market // Spatial economics. 2016. № 4–5 (48).
4. Social entrepreneur-2018. Self-portrait: a brief analytical report on the results of the study. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/4e7/socialnyj_predprinimatel_2018_avtoportret.pdf (accessed 12.03.2020).
5. Terstriep J., Totterdill P. Economic foundation of social innovation : new modes of policy production. Proceedings of 9th Regional Innovation Policies Conference University of Stavanger. October, 2014.
6. Van der Have R.P. and Rubalcaba L. Social Innovation Research: “An Emerging Area of Innovation Studies” // Research Policy. 2016. № 45 (9). P. 1923–1935

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЛАТФОРМЕННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ И МИРЕ

Аннотация. В докладе представлены результаты европейских и американских исследований социально-демографических характеристик платформенных работников, сделана попытка оценить аналогичные характеристики для российских работников; выявлены основные тенденции развития этого вида занятости и риски для работников.

Ключевые слова: цифровые платформы труда (ЦПТ), платформенная занятость, регулирование платформенной занятости, статус занятости, неустойчивая занятость, фрилансеры, самозанятые.

Цифровые платформы труда (ЦПТ) определяются как цифровые сети, которые алгоритмически координируют транзакции трудовых услуг. Доля занятых на ЦПТ в США и европейских странах в 2016–2019 гг. оценивалось в 1–5% от общей занятости [1; 2]. Пандемия внесла коррективы в эти цифры. Исследование Upwork показало, что в платформенной занятости за последние 12 месяцев участвовало 36% рабочей силы США¹. По данным британской платформы PeoplePerHour, с начала 2020 г. количество подписчиков сервиса выросло на 513% в Японии, на 329% в Испании и на 300% в Великобритании². Число официально регистрирующихся в российском сервисе YouDo в качестве самозанятых возросло в 8 раз с начала 2020 года.

В 2017 году Joint Research Centre провел пилотное исследование COLLEEM в 14 государствах – членах ЕС [3]. Они выделили 3 категории платформенных работников в зависимости от частоты работы, количества отработанных часов и доли полученного дохода от работы на ЦПТ: «незначительные» (10% взрослого населения); «значительные» (6–8%) и «основные» (2%) [3]. Оценки по платформенным работникам в США приводятся по данным портала The Gig Economy Data Hub – совместного проекта Института Аспена «Инициатива будущего труда» и Школы ILR Корнельского университета. По России нет данных о количестве и составе платформенных работников, мы можем использовать косвенные оценки и данные от компаний, находящиеся в открытом доступе, а также результаты отдельных исследований. Для сравнения мы использовали данные портала Workspace, который в декабре 2019 – феврале 2020 г. опросил 3000 фрилансеров из своей базы³.

Платформенные работники в США⁴, Европе [3] и России в среднем на 10 лет моложе традиционных работников. С ростом интенсивности работы на ЦПТ уменьшается возраст работников. Что касается распределения по полу, представительство женщин уменьшается по мере увеличения интенсивности работы на платформе. В ЕС женщины составляют 47,5% офлайн-работников, 40,2% – «незначимых» работников платформ, 31,2% – «значимых» и только 26,3% – «основных». В США распределение рабочей силы

¹ <https://www.upwork.com/press/releases/new-upwork-study-finds-36-of-the-us-workforce-freelance-amid-the-covid-19-pandemic>

² Как пандемия повлияла на работу и перспективы независимых работников. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838503-pandemiya-povliyala> (дата обращения 13.10.2020).

³ <https://workspace.ru/blog/the-challenges-and-joys-of-a-typical-freelancer-in-2020>

⁴ <https://www.gigeconomydata.org/basics/who-participates-gig-economy#age>

по полу зависит от вида обследования, потому что мужчины и женщины участвуют в различных видах платформенной работы⁵. Согласно российскому опросу, женщин и мужчин среди фрилансеров примерно поровну – 46,8 и 53,2%.

Статус занятости работников платформы является одним из наиболее актуальных вопросов с точки зрения неустойчивости занятости. В ЕС 68,1% занятых на ЦПТ назвали себя «работниками» (employee), а 7,6% – самозанятыми (self-employed). В России половина опрошенных на конец февраля 2020 года работала без оформления, самозанятыми были 16,6%, по ГПХ работали 9,8%, а ИП – 23,7%. При этом 2/3 опрошенных зарабатывают на жизнь только фрилансом, а 1/3 имеет основную работу и использует фриланс как источник дополнительного заработка.

Платформенные работники в среднем более образованы, чем традиционные работники. Среди «основных» европейских работников ЦПТ 55% имеют высокий уровень образования по сравнению с 35,3% для среднего традиционного работника в ЕС. В США фрилансеры чаще, чем традиционные работники, имеют ученую степень, а временные работники и работники по вызову часто не имеют даже диплома средней школы⁶. В российской выборке профильное высшее образование есть у 35,4%.

Для большинства европейских работников условия труда гибкие и безопасные: работники сами решают, когда и сколько часов работать, какие задачи выполнять. Общее количество рабочих часов (включая работу на платформе и не на платформе) удивительно мало: почти треть из них работает менее 10 часов в неделю, более 50% из них работают менее 30 часов в неделю, и только 15% работают 40 часов в неделю. 42% работают на платформах менее 10 часов в неделю, а три четверти – менее 30 часов в неделю. При этом 12% всех «основных» работников заняты более 60 часов в неделю. Несколько иная ситуация у российских фрилансеров: 30,5% работают менее 6 часов в день, 28,7% работают больше 8 часов в день, а 4,1% – больше 12 часов. 35,7% постоянно работают по субботам и воскресеньям, и всего лишь 6,7% в выходные только отдыхают. Таким образом, условия работы на платформе более поляризованы, чем у обычных работников.

В США более 2/3 платформенных работников сообщают, что они довольны своими условиями работы. Для американских работников ЦПТ важным мотивом является низкий барьер для доступа в ЦПТ, что актуально для иммигрантов или освободившихся из тюрьмы⁷.

Согласно [3], в выборке рабочих на ЦПТ гораздо больше людей с низким доходом, чем среди населения в целом, но чем большее количество часов работник посвящает этой работе, тем ниже вероятность низкого дохода. Что касается российских фрилансеров, 72,3% «без денег не бывают», но стабильным свой доход могут назвать только 34,5%. При этом 69,9% фрилансеров зарабатывают деньги, равные средним зарплатам в своем регионе или выше, а 71,3% фрилансеров хотят зарабатывать больше. Есть заметная разница в доходах фрилансеров без правового статуса и оформленных как ИП. Более 100000 рублей в месяц зарабатывает 41,5% ИП и лишь 10,3% неоформленных фрилансеров. Эти данные указывают на определенную степень поляризации в распределении доходов разных категорий работников платформ. В России на агрегаторов возлагаются большие надежды в области «обеления» рынка

⁵ https://www.gigeconomydata.org/basics/who-participates-gig-economy#footnote5_71k5yd3

⁶ <https://www.gigeconomydata.org/basics/who-participates-gig-economy#education-levels>

⁷ <https://www.gigeconomydata.org/basics/what-are-experiences-gig-workers>

труда. Интеграция ЦПТ с электронными сервисами фискальной службы позволит людям, ищущим работу через ЦПТ, получить легальный статус и повысить устойчивость своих социально-трудовых отношений. В августе 2020 г. все сервисы «Яндекса» для самозанятых (включая «Таксометр») были объединены в универсальное приложение «Яндекс.Про», которое компания определяет как «профессиональный инструмент для заработка в разных сферах»⁸.

Преимущества и недостатки платформенной работы распределяются неравномерно, опыт платформенных работников поляризован [2]. Исследователи должны продолжить изучение дифференциации опыта платформенных работников, чтобы лучше понять спектр потребностей этой группы населения.

Литература

1. Бобков В.Н., Черных Е.А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15
2. Черных Е.А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 3. С. 82–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.7>
3. Pesole Annarosa [et al.]. (2018). Platform Workers in Europe. Evidence from the COLLEEM Survey, JRC Science for Policy Report. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/euro-scientificand-technical-research-reports/platform-workers-europe-evidence-colleem-survey>

Информация об авторе

Черных Екатерина Алексеевна (Россия, г. Москва) – к.э.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com).

Chernykh E.A.

PLATFORM EMPLOYEES IN RUSSIA AND IN THE WORLD - SOCIAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS AND QUANTITATIVE ASSESSMENT

Abstract. *the report presents the results of European and American studies of socio-demographic characteristics of platform workers; an attempt is made to assess similar characteristics for Russian workers; we identified the main trends in the development of this type of employment and risks for workers.*

Key words: *digital labor platforms (DTCs), platform employment, regulation of platform employment, employment status, precarious employment, multi-performer work, work on demand.*

Information about the Author

Ekaterina A. Chernykh (Russia, Moscow) – PhD in economics, senior research officer, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (chernykh.ekaterina108@gmail.com).

⁸ Бой с тенью: как российские регионы вводят налог для самозанятых. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/09/07/838507-boi-tenyu> (дата обращения 13.10.2020).

References

1. Bobkov V.N., Chernykh E.A. Platform employment: extent and signs of volatility. The world of the new economy. 2020, 14 (2). pp. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15
2. Chernykh E.A. The quality of platform employment: unstable (precarious) forms, regulatory practices, challenges for Russia. The standard of living of the population of the regions of Russia. 2020. Vol. 16. No. 3. P. 82–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2020.16.3.7>
3. Pesole, Annarosa et al. (2018). Platform Workers in Europe. Evidence from the COLLEEM Survey, JRC Science for Policy Report. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eurscientificand-technical-research-reports/platform-workers-europe-evidence-colleem-survey>

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Целью статьи является исследование особенностей трансформации интеллектуальных информационных систем генерации, анализа, представления и использования данных. В статье также рассмотрены теоретические аспекты совершенствования организации и повышения эффективности используемых технологий, определены особенности современного этапа развития системы стратегического управления научно-технологическим потенциалом региона.*

Ключевые слова: *развитие, цифровизация экономики, управление бизнес-процессами, технологические инновации, регион.*

В условиях быстрых изменений в предпринимательской среде, обусловленных глобализацией и интеграцией бизнес-процессов с новыми технологиями работы в сети Интернет, непрерывно возникает класс задач, при решении которых специалисты в определенных областях знания, как правило, вынуждены прибегать к так называемым интуитивным, или эвристическим, решениям, основанным на нечетких алгоритмах. Решения, получаемые при этом, не оптимальны в математическом смысле, тем не менее учитывают сложную природу взаимосвязи реальных объектов, процессов и их элементов между собой и внешней средой организации, поэтому синтез моделей объектов или процессов, которые учитывают еще и профессиональные знания (опыт, интуицию) управленцев, позволяет повысить обоснованность принимаемых решений и добиться нового качества управления сложными экономическими системами в процессе выявления, исследования и применения знаний высококвалифицированных экспертов для решения неструктурированных и слабоструктурированных проблем, возникающих на практике [1, с. 270]. Меняется отраслевая структура экономики, исчезают рынки, в целях выживания и сохранения лидерских позиций успешные компании постоянно пересматривают бизнес-модели, занимают ниши, где могут появиться будущие конкуренты: Google выпускает смартфоны, Facebook планирует раздавать бесплатный интернет, Apple продает музыку. В 2019 году в сравнении с 2017 г. в мире значительные изменения в структуре использования интеллектуальных цифровых технологий произошли в сторону роста использования интернет-пользователями (как частными лицами, так и корпоративным сектором) технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, дополненной и виртуальной реальности, Интернета вещей, блокчейн и облачных вычислений, причем согласно оценкам групп «ТехНет» к 2035 году произойдет только усиление данных процессов [2, с. 30–32; 3; 4, с. 41–43].

В настоящее время в мире наблюдается колоссальный разрыв между странами со слабым развитием Интернет-соединений и странами с весьма высоким уровнем цифровизации. Размер цифровой экономики составляет, по оценкам, от 4,5 до 15,5% мирового ВВП. Почти 40% добавленной стоимости, создаваемой в мировом секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), приходится на США и Китай. Вместе с тем в Африке и Латинской Америке в совокупности находится менее 5% всех арендуемых центров по обработке данных в мире [5, с. 18–19].

В Республике Беларусь сформирована развитая сеть субъектов инновационной инфраструктуры, охватывающая все регионы. В стране зарегистрированы 15 техно-

парков и 9 центров трансфера технологий. В 2016 г. статус субъекта инновационной инфраструктуры получил Белорусский инновационный фонд. Особое внимание уделяется развитию научно-технологических парков как площадок для организации инновационных и высокотехнологичных производств [6].

Рост цифровой экономики может способствовать появлению множества новых экономических возможностей. Вместе с тем это не означает, что получение положительных результатов цифровизации гарантированно обеспечит справедливое распределение цифровых «благ» и услуг, добавленная стоимость создания которых обеспечивается применением последних с технологической точки зрения инновационных решений. Ведь если физические лица, компании и страны частично или вовсе не участвуют в цифровой экономике, они все равно могут косвенно ощущать на себе ее негативные последствия. Работники с недостаточным уровнем знаний в цифровых технологиях окажутся в невыгодном положении по сравнению с теми, кто лучше приспособлен к цифровой экономике; традиционные региональные компании столкнутся с жесткой конкуренцией со стороны отечественных и зарубежных компаний, использующих цифровые технологии, а различные виды деятельности просто исчезнут в результате автоматизации, итоговая результативность данных трансформаций будет зависеть от уровня развития и готовности стран и их экономических субъектов к внедрению цифровых технологий, от используемой системы мер научно-технической политики, принятой и проводимой на региональном, национальном и международном уровнях [6].

Цифровые данные могут использоваться в целях развития, а также для решения социальных проблем, в том числе связанных с достижением целей устойчивого развития (ЦУР), требующих совместных усилий всего мирового сообщества. Беларусь уже предприняла ряд важных шагов для реализации Повестки-2030 на национальном уровне. Правительством Республики Беларусь утверждена Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 года (НСУР РБ). На основе НСУР РБ и в соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» разработана Стратегия устойчивого развития (далее СУР) Гродненской области на 2016–2025 гг. [7]. Для улучшения эффективности работы по реализации на территории Гродненской области 17 Целей в области устойчивого развития, внесения достойного практического вклада в реализацию положений НСУР до 2030 года, СУР Гродненской области, СУР городов, районов и микро-регионов Гродненской области создана Гродненская региональная партнерская сеть устойчивого развития.

Литература

1. Данилин И.В., Мамедьяров З.А. Роль глобальных платформ в стимулировании цифровой трансформации: компетенционный и инновационный аспекты // Вестник МГИМО-Университета, 2020. № 13 (3). С. 267–282.
2. OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/9317011e.pdf> (дата доступа 15.04.2020).
3. OECD Economic Outlook, vol. 2019, iss. 1, no. 105, OECD Publishing, Paris. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/b2e897b0-en.pdf> (accessed 01.12.2020).
4. Цифровая трансформация промышленности. М., 2017. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssetsD0%98%2013.02.2017.pdf (дата доступа 03.12.2020).

5. Доклад о цифровой экономике – 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (дата доступа 01.12.2020).
6. Субъекты инновационной инфраструктуры Республики Беларусь / под ред. А.Г. Шумилина. Минск: ГУ «БелИСА», 2018. 98 с.
7. ЦУР Гродненской области. URL: <http://fincentr.by/rus/ustraz> (дата доступа 29.10.2020).

Информация об авторе

Шевченко Оксана Викторовна (Республика Беларусь, г. Гродно) – старший преподаватель, УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (230000, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22; e-mail: www.grsu.by, shvchenko-o@mail.ru).

Shevchenko O.V.

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL OF REGION IN THE CONDITIONS OF THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. *The purpose of this work is to investigate the features of the transformation of business process management systems in the setting and development of intelligent information systems for generating, analyzing, presenting and using data. The article also considers the theoretical aspects of improving the organization and increasing the efficiency of the technologies, identifies the features of the current stage of development of the strategic management system of the scientific and technological potential of the region.*

Key words: *development, digital economy, business process management, technological innovations, region.*

Information about the Author

Oksana V. Shevchenko (Belarus, Grodno) – Senior Lecturer Yanka Kupala State University of Grodno (230023, Republic of Belarus, Grodno, 22, Ozheshko str., e-mail: shvchenko-o@mail.ru).

References

1. Ivan V. Danilin, Zaur A. Mamedyarov. The Role of Global Platforms in Advancing Digital Transformation: Competence and Innovation Aspects. MGIMO Review of International relations, 2020, 13 (3), pp. 267–282.
2. OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/9317011e.dff> (date of access 15.04.2020).
3. OECD Economic Outlook, vol. 2019, iss. 1, no. 105, OECD Publishing, Paris. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/b2e897b0-en.pdf> (date of access 01.12.2020).
4. Digital transformation of industry. Moscow, 2017. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/2013.02.2017.pdf (date of access 03.12.2020).
5. Digital Economy Report – 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (date of access 01.12.2020).
6. Subjects of the innovation infrastructure of the Republic of Belarus / ed A.G. Shumilina. Minsk: SO «BELISA», 2018. 98 p.
7. SDGs of Grodno region. URL: <http://fincentr.by/rus/ustraz> (date of access 10.29.2020).

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ¹

Аннотация. В работе рассматриваются основные вопросы к оценке технологического предпринимательства. В заключение предложен возможный вариант подхода к оценке технологического предпринимательства в России, что в итоге сможет позволить проанализировать ситуацию, происходящую на конкретной территории.

Ключевые слова: предпринимательство, экономика, оценка, развитие, территории.

Предпринимательство является базисом для развития экономики государств. По оценкам Global Entrepreneurship Monitor, на 2018 год в мире насчитывалось порядка 580 миллионов предпринимателей. Согласно данным Всемирного банка, это 47,8% от занятого населения (2018 г.) [1; 2]. Предпринимательство, способствуя росту рабочих мест, является источником формирования доходов бюджета России, но для экономического роста и развития территорий необходим больший объем инвестиций в навыки, инновации и технологии [3–5]. Это, в свою очередь, требует принятия необходимых управленческих мер для развития предпринимательства, обеспечивающих наибольший эффект для экономики за счет использования современных технологий и применения новых знаний [6; 7]. Одной из предпосылок понимания этих управленческих процессов в предпринимательстве является важность получения ответов на вопросы, касающиеся разных типов предпринимательства.

В экономической науке возрастает значимость исследования технологического предпринимательства, его вклада в экономическое развитие территории [8–10]. Согласно статистическим данным международных индексируемых баз Scopus и WOS, публикационная активность исследователей, изучающих вопросы технологического предпринимательства по экономическому направлению, увеличилась на 111,5 и 122% соответственно. При этом дискуссионными остаются вопросы, связанные с оценкой его вклада в российскую экономику, которые требуют скорейших и объективных решений. В таком случае необходим поиск вариантов для оценки технологического предпринимательства, что в итоге отражает научную (определение и подход) и практическую (направления) значимость в исследовании.

Актуальность проводимого исследования связана с поиском вариантов оценки результатов деятельности технологических предпринимателей для понимания их вклада в российскую экономику.

В связи с этим объектом исследования является технологическое предпринимательство как обособленный сектор экономик. Цель заключается в выявлении проблем оценки технологического предпринимательства в России и обосновании подхода к его анализу.

Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи:

1. Изучен подход к оценке технологического предпринимательства в мире на основе трудов ученых, исследовавших данный вопрос.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0006 «Управление процессами структурной трансформации экономики регионов на основе развития малого и среднего предпринимательства».

2. Определены подходы, реализуемые на практике, к оценке технологического предпринимательства за рубежом и в России.

3. Предложены варианты решения проблем оценки технологического предпринимательства, учитывающие преимущества (сильные стороны) существующих подходов.

В результате проведенного исследования определено, что как в экономической науке, так и применительно к практической деятельности (российская практика) не сложился перечень показателей для комплексной оценки технологического предпринимательства.

Так, в рамках решения первой задачи установлено, что для анализа индикаторов технологического предпринимательства, а значит, и определения его вклада в экономику можно использовать два индекса: конкурентоспособность (GCI) и инновации (GII). Между тем проведенный анализ трудов как зарубежных, так отечественных ученых и предложенные ими подходы в полной мере не позволяют провести анализ технологического предпринимательства, в рамках которого учитывался бы как его вклад, так и уровень развития, технологическая сложность экономики.

В ходе решения второй задачи выявлено, что в России остается открытым вопрос оценки технологического предпринимательства. Выделены некоторые особенности в оценке, среди них то, что существующие показатели лишь косвенно касаются оценки технологического предпринимательства и на сегодня отражают только ключевые параметры инновационного развития организации, становятся при этом доступными для анализа с существенным опозданием. Кроме того, структура индикаторов статистической оценки не вполне соответствует задачам текущего дня, не позволяет дать полноценную оценку вклада технологического предпринимательства в российскую экономику.

В результате решения третьей задачи разработан подход, включающий внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты (Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 79 «О порядке проведения выборочных статистических наблюдений за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства»), с поэтапным проектом механизма реализации этого процесса и перечнем индикаторов оценки технологического предпринимательства. Кроме того, представлены направления развития технологического предпринимательства для анализа происходящей ситуации, а также оценки его вклада в экономику, в том числе в части решения задачи в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

В итоге предложенный подход к оценке технологического предпринимательства в России позволяет восполнить возникающие пробелы в решении данного вопроса. Результаты представленного исследования вносят вклад в развитие теории и практики предпринимательства в части вариантов оценки технологического типа предпринимательства. В перспективе это дает основание для разработки кейсов, использование которых позволит проанализировать ситуацию, происходящую в технологическом предпринимательстве на конкретной территории.

Литература

1. Global Entrepreneurship Monitor. URL: <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=50213>
2. Self-employed, total (% of total employment, modeled ILO estimate). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS>

3. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
4. Schumpeter J. Entrepreneurship, Style and Vision. Springer, Boston, MA, 2003. 353 p.
5. Cassiman B., Golovko E., Martínez-Ros E. Innovation, exports and productivity. International Journal of Industrial Organization. 2010. T. 28. № 4. Pp. 372–376.
6. Venkataraman S. Regional transformation through technological entrepreneurship. Journal of Business venturing. 2004. T. 19. № 1. Pp. 153–167.
7. Бочарова О.Н. Предпринимательство как фактор инновационного развития российской экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11. С. 48–51.
8. Wyrzykowska B. Przedsiębiorczość intelektualna jako kompetencja współczesnego menedżera. Zeszyty Naukowe SGGW, Ekonomia i Organizacja Gospodarki Żywnościowej. 2012. T. 100. С. 26–35.
9. Nicolescu O. Main features of SMEs organization system. Review of International Comparative Management. 2009. Vol. 10 (3). Pp. 405–413.
10. Sels L. et al. Unravelling the HRM–Performance link: Value creating and cost increasing effects of small business HRM. Journal of Management Studies, 2006, vol. 43, no. 2, pp. 319–342.

Информация об авторе

Якушев Николай Олегович (Россия, г. Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nilrus@yandex.ru).

Yakushev N.O.

FEATURES OF THE ASSESSMENT OF TECHNOLOGICAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Abstract. *The paper deals with the main issues to assess technology entrepreneurship. In conclusion, a possible version of the approach to assessing technology entrepreneurship in Russia is proposed, which will allow analyzing the situation in a specific territory.*

Key words: *entrepreneurship, economics, assessment, development, territories.*

Information about the Author

Nikolay O. Yakushev (Russia, Vologda) – research fellow, VolNC RAS, (Vologda, ul. Gorky, 56a, nilrus@yandex.ru).

References

1. Global Entrepreneurship Monitor. URL: <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=50213>
2. Self-employed, total (% of total employment, modeled ILO estimate). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS>
3. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
4. Schumpeter J. Entrepreneurship, Style and Vision. Springer, Boston, MA, 2003. 353 p.
5. Cassiman B., Golovko E., Martínez-Ros E. Innovation, exports and productivity.

- International Journal of Industrial Organization. 2010. T. 28. № 4. Pp. 372–376.
6. Venkataraman S. Regional transformation through technological entrepreneurship. *Journal of Business venturing*. 2004. T. 19. № 1. Pp. 153–167.
 7. Бочарова О.Н. Предпринимательство как фактор инновационного развития российской экономики // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11. С. 48–51.
 8. Wyrzykowska B. Przedsiębiorczość intelektualna jako kompetencja współczesnego menedżera. *Zeszyty Naukowe SGGW, Ekonomika i Organizacja Gospodarki Żywnościowej*. 2012. T. 100. Pp. 26–35.
 9. Nicolescu O. Main features of SMEs organization system. *Review of International Comparative Management*. 2009. Vol. 10 (3). Pp. 405–413.
 10. Sels L. et al. Unravelling the HRM–Performance link: Value creating and cost increasing effects of small business HRM. *Journal of Management Studies*, 2006, vol. 43, no. 2, pp. 319–342.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Пленарное заседание.....	6
Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Готова ли Россия к введению безусловного базового дохода: экспертные оценки 2020 года.....	7
Кулькова И.А. Территориальные отличия мнений женщин о предельном возрасте рождения детей	10
Лаженцев В.Н. Преобразование природно-ресурсной экономики и развитие северных регионов России	14
Секция 1. Проблемы социально-экономического развития и управления территориями.....	18
Абрамов Р.А. Механизмы стратегического управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации в условиях формирования единого экономического пространства Союзного государства.....	19
Анищенко А.Н., Усманов Д.И. Развитие и территориальная дифференциация молочного скотоводства России	26
Безнин М.А., Димони Т.М. Влияние социальной революции в советской России на стратификацию постсоветского социума	32
Богданов Д.Е. Тенденция социализации и гуманизации гражданского права как одно из направлений социально-экономических реформ.....	36
Бухвальд Е.М. Малый бизнес России после шока 2020 года	41
Васильева Т.С. Методические подходы к оценке и управлению финансовой устойчивостью страховых организаций	44
Волков А.А. Современное состояние ипотечного кредитования в регионе	49
Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Сохранение и повышение конкурентной привлекательности как характеристики устойчивости территориального развития	53
Денисенко И.А., Пономарев А.А. Внутренние проблемы устойчивого развития АПК региона	57
Ермишина А.В. Система модернизации жилищного фонда как фактор устойчивого развития региона.....	61
Иванова В.И. Современные методы анализа отраслевой концентрации.....	65
Калгина Л.Н. Направления совершенствования межбюджетных отношений в Республике Беларусь	68
Ковзунова Е.С. К вопросу о необходимости формирования методического подхода к оценке влияния кластерных агропромышленных структур на продовольственную безопасность региона.....	71
Лапина С.В., Лапина И.А. Социально-управленческие стратегии и социальная безопасность в современном обществе.....	76

Литвинчук А.А. Методические подходы к оценке влияния экологического фактора на конкурентоспособность регионов Республики Беларусь	80
Литвинчук А.А., Федоренко Е.П. «Зеленая» экономика: перспективное направление государственно-частного партнерства в повышении конкурентоспособности Республики Беларусь	83
Малкова И.А. Факторы устойчивого развития региональной экономики.....	87
Малышев М.К. Факторы, влияющие на величину налога на прибыль (на примере ПАО Северсталь)	91
Мальцева И.С. Устойчивое землепользование и проблемы деградации сельскохозяйственных земель северного региона	95
Морошкина М.В. Влияние трансформационных изменений на неравенство российских регионов.....	99
Мосин В.И. Рейтинги как пример взаимосвязи власти и бизнеса в Тульской области	103
Носков В.А. Улучшение качества лесных ресурсов – залог устойчивого и стабильного развития лесопромышленного комплекса.....	106
Орлова В.С. Стратегические направления развития сферы туризма и рекреации сельских территорий Европейского Севера.....	111
Растворцева С.Н., Колпашникова А.Д. Новые тенденции в исследовании агломерационных процессов	115
Решетникова Е.Г. Программы продовольственной помощи как фактор стимулирования внутреннего спроса на продукцию регионального агропродовольственного комплекса	119
Румянцев Н.М. Проблемы инвестиционного процесса в региональной экономике (на материалах Вологодской области)	122
Самутина М.А. К вопросу об актуализации внедрения «зеленых» закупок.....	127
Сорокина Н.Ю. Роль государственной региональной политики в обеспечении устойчивого развития старопромышленных регионов	131
Столетова А.С. Нарушение принципов советской торговли в представлениях советских граждан 1960–1980-х гг.: исторический контекст	134
Сурилов М.Н. Направления поддержки молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве России и Беларуси.....	138
Тарасов В.Т. Модернизация регионов России: сбалансированность факторов и устойчивое развитие.....	141
Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Малые и средние города – фактор устойчивого развития российского Севера.....	147
Чухина О.В., Обряева О.Д., Кулакова И.Е., Ганичева В.В. Вынос элементов питания при применении минеральных и органических систем удобрений в севообороте Вологодской области	152
Шаров В.В. Реализация проектов инициативного бюджетирования в регионе.....	156

Широкова Е.Ю. Влияние внешних факторов на региональную внешнюю торговлю.....	160
Секция 2. Социально-демографическое развитие регионов: вызовы и перспективы.....	163
Антонов А.И. Потенциал семейственности и возможности его реализации средствами социальной политики.....	164
Архангельский В.Н., Князькова Е.А. Факторы детерминации выбора между семейным благополучием и рождением детей	169
Багирова А.П., Шубат О.М. Подходы к экономико-статистическому изучению субъектов прародительского труда в России	173
Барсуков В.Н., Груздева М.А. Трансформация генеративного поведения мужчин в контексте передачи отцовских установок между поколениями	176
Басова Е.А. Немонетарное неравенство в контексте доступности социально значимых благ и ресурсов: региональный аспект.....	182
Белехова Г.В. Финансовое поведение населения России в период пандемии 2020 года.....	187
Боброва А.Г. Профилактика – флагман системы здравоохранения на пути к повышению продолжительности жизни в Беларуси	191
Богданов В.С., Мерзляков А.А., Кислицина И.Н., Смирнова А.С. Гражданская экспертиза управления реализацией национальных проектов	195
Болдырев А.С. Сравнительный анализ демографического развития Смоленской и Могилевской областей как межграницных регионов.....	200
Будилов А.П. Внутренняя миграция в России: потоки и центры притяжения	203
Валиахметов Р.М., Баймурзина Г.Р., Кабашова Е.В. Демографическое поведение населения регионов Приволжского федерального округа	207
Верецкая А.И., Квасова А.А. Практики включения учителей в цифровое пространство школы	213
Воронина Л.В., Якушева У.Е. Оценка взаимовлияния миграции и уровня заболеваемости населения в регионах России	217
Головчин М.А. Реализация дистанционного обучения в школах Вологодской области в новых эпидемиологических условиях: мнения учительского сообщества.....	221
Городецкая Е.Г. Оценка педагогами системы образования (социологический аспект).....	226
Гужавина Т.А. Конвертация человеческого и социального капиталов	230
Довейко А.Б., Стеценко А.И. Динамика показателей образа жизни школьного педагога	233
Иванов В.А. Стратегическое управление сельским развитием северного региона.....	237
Ивановская А.Л. Типологизация субъектов Северо-Западного федерального округа по качеству трудовой жизни.....	240

Кайбичева Е.И. Стратегия субъекта РФ и региональные проекты: возможности участия для социально ориентированных некоммерческих организаций	244
Каминский В.С. Отечественный опыт исследований поправок к Конституции РФ 2020 г.....	247
Каргаполова Е.В., Кузнецова Е.А., Бородина А.М. Система здравоохранения в оценке населения.....	254
Карпова В.М. Оценка близости взглядов супругов (методологический подход).....	257
Козлова О.А., Секички-Павленко О.О. Взаимосвязь социально-экономического благополучия и смертности населения от внешних факторов.....	261
Колесникова Е.Ю. Социокультурная миссия университета в полиэтничном регионе: соотношение глобальных, национальных и локальных приоритетов	266
Короленко А.В. Потребность в долголетию и самосохранительное поведение в оценках населения Вологодской области	269
Косыгина К.Е. Предпосылки формирования коллективных действий граждан в российском обществе.....	274
Крошилин С.В. Профессиональное образование в условиях пандемии и после нее	281
Логинов Д.М. Территориально-поселенческая дифференциация развития человеческого капитала российского населения	284
Медведева Е.И. Современная семья: проблемы и варианты поведения в современных условиях	288
Морозов И.В. Перспективы устойчивого развития человеческого капитала в условиях цифровизации экономики российских регионов.....	292
Нацун Л.Н. Здоровье детского населения Вологодской области в 2010–2019 гг.	296
Новоселова Е.Н. Курение родителей как фактор риска здоровью детей	300
Пасовец Ю.М. Ключевые проблемы демографического развития в оценках населения регионов Центрального Черноземья	304
Попов А.В., Соловьева Т.С. Последствия прекаризации занятости на индивидуальном, организационном и общественном уровнях.....	307
Попова И.В., Дудина И.М. Проблемы профессионального переобучения людей предпенсионного возраста и локальный рынок труда	313
Разварина И.Н. Влияние экологических условий на здоровье детей дошкольного возраста в городах Вологде и Череповце.....	317
Симонова Е.В. Социально-демографические факторы участия населения российских муниципальных образований в практиках инициативного бюджетирования.....	321
Смолева Е.О. Институционализация участия граждан в формировании комфортной городской среды.....	325

Соколова Т.Л. Международный опыт государственного регулирования производства и оборота алкогольной продукции (на примере стран Северной Европы)	328
Соловьев А.К. Сокращение бедности пенсионеров как стратегический национальный приоритет долгосрочного социально-экономического развития страны.....	336
Соловьева Т.С., Попов А.В. Развитие социальных инноваций на региональном уровне: акторный подход	339
Тихонов А.В., Гусейнова К.Э. Влияние властно-управленческой вертикали на пространственно-территориальное развитие регионов	343
Шабунин Д.М. Региональные особенности демографических процессов: тенденции и перспективы.....	347
Шматова Ю.Е. Негативное воздействие COVID-19 на психическое здоровье населения	352
Юсупов М.М. Особенности становления гражданских институтов в постконфликтном регионе	357
Секция 3. Цифровая экономика и научно-технологическое развитие регионов.....	360
Аксютин С.В. Цифровые аспекты и потенциал развития страхования в Российской Федерации.....	361
Антипанова О.А. Актуальные проблемы ресурсного потенциала возрастных людей в условиях цифровизации экономики	364
Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху	367
Артамонова А.С. К вопросу развития некоммерческого сектора в условиях цифровизации.....	370
Бедулина Г.Ф., Лосик А.А. Профессиональные онлайн-группы в условиях цифровой экономики.....	376
Воронина С.Н. Медиаграмотность как одна из важных компетенций людей третьего возраста в Республике Беларусь	381
Данилина Я.В., Рыбачук М.А. Влияние цифровизации на интегрированность участников национальной инновационной системы.....	385
Завьялова Е.А., Кобылко А.А. Экосистема факторов экономического риска.....	389
Кабакова Е.А. Инновации в рабочем пространстве как путь к успешной деятельности организации	392
Климова Ю.О. Анализ кадровой обеспеченности ИТ-отрасли на региональном уровне (Вологодская область).....	394
Кремин А.Е. К проблемам дифференциации государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в период технологической революции	398
Кузнецова Е.П. Кооперация науки и бизнеса как инструмент научно-технологического развития территории	403

Кулик А.М., Брик А.Г., Костырева Я.С. Развитие инновационных процессов в регионе под влиянием цифровой трансформации	407
Мазилов Е.А. Научно-технологическое развитие регионов России: тенденции, проблемы, задачи	411
Маковеев В.Н. Тенденции и проблемы инновационного развития регионов Северо-Западного федерального округа.....	414
Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в цифровую эпоху	420
Решетникова Н.В. Цифровая экономика и агропродовольственный комплекс: новые возможности и перспективы развития	423
Севостьянова Н.Н., Трезорова О.Ю., Даниловских М.Г., Жукова М.Ю. Современные технологии аграрного сектора как инструмент экономического развития региона	427
Смирнов В.П. Анализ результативности взаимодействия государственных органов и предпринимательских структур при реализации национального проекта «цифровая экономика»	430
Советов П.М., Советова Н.П. Методические подходы к оценке процессов цифровой трансформации в регионе	435
Соколов М.С. Направления формирования инфраструктуры поддержки молодежного инновационного предпринимательства в Российской Федерации.....	439
Усков В.С. Формирование промышленной политики РФ в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики.....	443
Устинова К.А. Разработка и реализация проектов социальных инноваций: барьеры и стимулы	449
Черных Е.А. Социально-демографические характеристики платформенных работников в России и мире.....	453
Шевченко О.В. Развитие научно-технологического потенциала региона в условиях цифровизации экономики.....	457
Якушев Н.О. Особенности оценки технологического предпринимательства в России	460

Научное издание

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПРОЕКТЫ

Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Вологда, 10–11 декабря 2020 года)

Редакционная подготовка
Оригинал-макет

Воронина Л.Н.
Ригина В.В.

Подписано в печать 22.06.2021.

Формат 70×108/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 41,1. Тираж 500 экз. Заказ № 67.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Тел. (8172) 59-78-10, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-500-6

9 785932 995006